This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

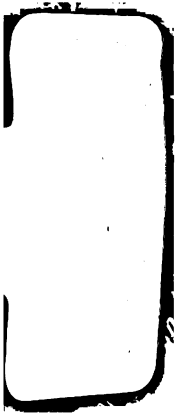
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



К. КАУТСКІЙ.

Kautsky, Karl

Vospominanija.

Воспоминанія.

(АВТОБІОГРАФІЯ).

Note: 8 more titles bound in this vol.

Переводъ съ рукописи

В. Засуличъ.

Книгоиздательство „БУРЕВѢСТНИКЪ".

ОДЕССА. 1905.

Дозволено цензурою. Одесса, 23 іюля 1905 года.

ОДЕССА 1905.
Типо-литографія и нотопечатня И. Копельмана.
Троицкая, 26, уг. Пушкинской.

HX276
B55K37
1905
MAIN

Товарищи просили меня написать для них мою автобіографію. На это я не могъ согласиться. Взятая въ отдѣльности, моя особа не представляется мнѣ настолько достопримѣчательной, чтобы стоило заниматься ея судьбою. Исторія развитія тѣхъ сторонъ жизни нашей партіи, въ которой я участвовалъ, изображеніе тѣхъ личностей, съ которыми вступалъ въ сношенія, могли бы, правда, представить много поучительнаго; но для такого рода воспоминаній у меня не хватаетъ ни времени, ни спокойствія. Наши силы до такой степени поглощены борьбой за будущее, что на изображеніе прошедшаго не остается почти ничего.

Но въ моемъ прошломъ есть воспоминанія, бросающія свѣтъ на нѣкоторыя явленія настоящаго времени, и я охотно подѣлюсь ими съ товарищами, если они удовлетворятся моими бѣглыми набросками.

Я родился въ Прагѣ 16-го октября 1854 года въ международной семьѣ: мой отецъ былъ чехъ, моя мать нѣмка, и оба, въ свою очередь, произошли отъ такихъ же смѣшанныхъ браковъ.

Мое происхожденіе предрасполагало, такимъ образомъ, къ интернаціонализму, но, въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ, я началъ, тѣмъ не менѣе, съ націонализма. Въ 1863 году мои родители переселились въ Вѣну, населеніе которой, по части чехоненавистничества, превосходило въ то время самое себя. Въ школѣ меня преслѣдовали, какъ чеха, и въ видѣ отпора я не могъ не чуждаться окружавшей меня среды, не презирать ее.

Я упоминаю здѣсь объ этомъ обстоятельствѣ потому, что оно имѣетъ, какъ мнѣ кажется, не одинъ только личный интересъ. Присмотрѣвшись поближе къ элементамъ, приходящимъ къ соціаль-демократіи изъ буржуазіи, мы увидимъ, что огромный процентъ среди нихъ составляютъ выходцы изъ буржуазныхъ слоевъ, по той или иной причинѣ неполноправныхъ въ своей собственной средѣ.

Въ Германіи и Австріи, напримѣръ, большинство соціалистовъ изъ буржуазной среды—евреи.

Но какъ разъ въ тѣ годы, когда начиналось мое политическое развитіе, не евреи, а волновавшіеся чехи были въ Австріи наиболѣе угнетеннымъ и преслѣдуемымъ элементомъ. Въ каждомъ чехѣ таились тогда зародыши государственнаго преступленія и оскорбленія величества, которыя лелѣяли традиціи гусситовъ. Не мудрено, что разрушеніе Австріи и чешская республика стали моимъ идеаломъ.

Началась война 1870 года. Мои симпатіи, какъ и симпатіи всѣхъ чеховъ, принадлежали Франціи. Но въ мартѣ, при извѣстіи о парижскомъ возстаніи, революціонный инстинктъ заставилъ меня перенести ихъ цѣликомъ на Коммуну. Ея геройское паденіе произвело на меня глубочайшее впечатлѣніе. Съ тѣхъ поръ я съ жадностью читалъ все, что могъ достать о соціализмѣ, въ особенности французскомъ, а также о французской революціи. Рядомъ съ этимъ, на меня сильно вліяли: Берне, Гейне, Милль, Бокль, Дарвинъ и нѣмецкіе дарвинисты—Геккель и Бюхнеръ.

Въ 1874 году мой выборъ былъ сдѣланъ: я рѣшился присоединиться къ австрійской соціаль-демократіи и предложилъ ей свои услуги. Во время студенчества мои статьи въ партійной прессѣ, какъ нѣмецкой, такъ и австрійской, были анонимны или подписаны псевдонимомъ (*„Symmachos“*).

Австрійская соціаль-демократія переживала въ то время критическій моментъ. Промышленный кризисъ совершенно обезсилилъ рабочія организаціи. При этомъ, въ самой партіи шла ожесточенная борьба. Та же самая противоположность двухъ направленій, проникшая теперь во всѣ соціалистическія партіи, уже тогда раскалывала на два лагеря австрійскую соціаль-демократію. На одной сторонѣ стояла фракція *Обервиндера*, придававшая первостепенное значеніе хорошимъ отношеніямъ съ либеральной буржуазіей и рекомендовавшая ограничиться лишь такими задачами, которыя обѣщаютъ мгновенный успѣхъ; въ противоположность Обервиндеру фракція *Шея* высоко держала революціонное знамя и утверждала, что распространеніе соціалистическихъ идей и пробужденіе народныхъ массъ важны никакъ не менѣе практическихъ успѣховъ.

Ни на минуту не колеблясь, я присоединился къ Шею, не по сознательному убѣжденію, а по революціонности моего настроенія.

Настало время объединеній. Въ Германіи, гдѣ лассальянцы расходились съ эйзенахцами не столько въ принципіальныхъ и тактическихъ вопросахъ, сколько во взглядахъ на форму организаціи, разрушеніе лассальянской организаціи прусскимъ правительствомъ привело къ объединенію (1875 г.). Въ Австріи къ нему привело постепенное исчезновеніе вожаковъ оппортюнизма изъ рядовъ партіи и ея собственная слабость, при которой всякая практическая

политика, всякая дѣятельность, кромѣ пропаганды, казалась немыслимой въ ближайшемъ будущемъ. Но противоположность направленій, въ сущности, не исчезла, и борьба снова разгорѣлась, какъ только явилась возможность практической дѣятельности.

Новый разрывъ стушевался передъ событіями въ Германіи, ослабившими тѣсную связь, существовавшую между австрійскими и нѣмецкими соціаль-демократами до изданія закона противъ соціалистовъ. До октября 1878 года соціаль-демократическая партія Германіи была для насъ, австрійцевъ, путеводной звѣздой, которой мы довѣряли больше, чѣмъ самимъ себѣ. И она то, казалось намъ, вдругъ погасла. У насъ въ Австріи получилось такое впечатлѣніе, будто нѣмецкая соціаль-демократія пала подъ ударами исключительнаго закона, оказалась не на высотѣ положенія. Въ нашихъ рядахъ недовольство отсутствіемъ сопротивленія мѣрамъ Бисмарка со стороны нѣмецкихъ соціалистовъ было всеобщимъ. Радостно привѣтствовали мы, какъ первый признакъ возмущенія, основанную въ Лондонѣ «Freiheit», въ которой Мостъ, безпощадно изобличая позорное хозяйничанье правительства, не щадилъ также и товарищей по партіи. Мы отъ души соглашались съ нимъ. Что я тоже началъ сотрудничать во «Freiheit», это само собою разумѣется.

Еще до исключительнаго закона, я закончилъ свое первое, сравнительно большое, произведеніе, вышедшее подъ заглавіемъ: «Вліяніе размноженія населенія на общественный прогрессъ».

Въ существенныхъ пунктахъ оно было направлено противъ Маркса. Я присоединился къ партіи, не какъ сознательный марксистъ, а какъ полусознательный революціонеръ, и чрезвычайно опасался подпасть подъ вліяніе какого-нибудь «авторитета» или «школы». Съ недовѣріемъ приступилъ я къ изученію Маркса и Энгельса и чѣмъ меньше понималъ ихъ, тѣмъ выше поднимался въ своихъ собственныхъ глазахъ надъ ихъ «односторонностью» и тѣмъ сильнѣе чувствовалъ потребность ихъ критиковать. Съ тѣхъ поръ мнѣ пришлось наблюдать то же явленіе на сотняхъ экземпляровъ; не мудрено, поэтому, что я до нѣкоторой степени закаленъ уже противъ такого рода побѣдъ надъ Марксомъ и вижу признаки дѣтской болѣзни, свойственной студентамъ соціализма, въ томъ, что въ глазахъ самихъ паціентовъ является результатомъ ихъ научной зрѣлости. «Превзойти» Маркса несравненно проще, нежели понять его, и я тоже началъ съ этой болѣе легкой задачи.

Къ услугамъ партіи имѣлось тогда два научныхъ изданія: «Neue Geseilschaft» и «Zukunft». Послѣднее считалось даже непосредственнымъ органомъ партіи. Но Маркса редакціи обоихъ органовъ, по ихъ мнѣнію, уже «превзошли».

Я не участвовалъ ни въ одномъ изъ этихъ изданій, такъ какъ при всемъ моемъ критическомъ жарѣ, партійная пропаганда казалась мнѣ важнѣе критики. При этомъ, я и тогда уже думалъ, что для дальнѣйшаго критическаго развитія нужны книги, а не журнальныя статьи, не текущія темы. Самымъ слабымъ пунктомъ нашей теоріи я считалъ ея отношеніе къ теоріи Мальтуса. Пополнить и укрѣпить ее съ этой стороны казалось мнѣ важнѣйшей теоретической задачей, которой я посвятилъ, какъ выше упомянуто, свою первую книгу.

Но, несмотря на мою антипатію къ «авторитету» Маркса, въ двухъ существенныхъ пунктахъ я и тогда уже стоялъ на его точкѣ зрѣнія.

Первымъ изъ этихъ пунктовъ было убѣжденіе, что освобожденіе пролетаріата можетъ быть достигнуто лишь имъ самимъ въ борьбѣ противъ всѣхъ имущихъ классовъ. Этотъ взглядъ вполнѣ соотвѣтствовалъ моимъ революціоннымъ инстинктамъ, а также и тому политическому опыту, который можетъ дать Австрія, гдѣ либерализмъ и буржуазная демократія менѣе способны къ борьбѣ и стоятъ ниже, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Вторымъ пунктомъ было марксистское пониманіе исторіи. Въ университетѣ я набросился на исторію и въ то же время увлекался дарвинизмомъ. Ввести дарвинизмъ въ исторію стало моимъ идеаломъ. Еще студентомъ я составилъ планъ, никогда не вышедшій, правда, изъ зачаточнаго состоянія: написать всемірную исторію, руководящей нитью которой служила бы борьба за существованіе расъ и классовъ. Мои взгляды имѣли много общаго съ «Борьбой расъ» Гумпловича, появившейся въ 1883 году. Но, какъ соціалистъ, я не могъ остановиться на борьбѣ расъ, какъ на исключительномъ двигателѣ исторіи. Я не могъ проглядѣть такого двигателя, какъ экономическое развитіе, образующее классы и обуславливающее ихъ борьбу. По мѣрѣ моего ознакомленія съ исторіей экономическаго развитія, дарвинистская, чисто зоологическая, борьба за существованіе расъ отступала въ моемъ пониманіи на задній планъ предъ соціальной марксистской борьбою классовъ.

Такимъ образомъ, я сдѣлался сперва марксистомъ въ качествѣ историка, оставаясь, какъ соціалистъ, еще тѣмъ же эклектикомъ, какими мы всѣ тогда были, съ тою лишь разницей, что къ моему лассаліанству, составлявшему въ то время въ Германіи и Австріи теоретическую основу соціализма, примѣшивались нѣсколько устарѣлые, но проникнутые духомъ великой революціи, французскіе элементы—Луи Бланъ, Бланки и даже Руссо, тогда какъ Дюрингъ, произведшій сильное впечатлѣніе на нѣмецкихъ студентовъ-соціалистовъ, былъ мнѣ всегда антипатиченъ, а у Альберта Ланге, тоже

сильно вліявшаго на нѣмецкихъ «интеллигентовъ», меня интересовали лишь его попытки ввести дарвинизмъ въ соціализмъ; философія же и этика этого писателя для меня, какъ революціонера и матеріалиста, были непривлекательны.

Между тѣмъ, время моего ученія началось, и приходилось выбирать профессію. Я подготовлялся къ академической карьерѣ, лишь повинуясь нуждѣ, въ противорѣчіи со всѣми моими стремленіями, дѣлавшими для меня ненавистнымъ всякое оффиціальное положеніе и привлекательной работу для партіи. Немудрено, что при первомъ же удобномъ случаѣ, я превратилъ эту работу въ свою единственную профессію и забросилъ съ легкимъ сердцемъ всякіе помыслы объ академической карьерѣ.

За «годами ученья» *(Lehrjahren)* наступили для меня «годы странствія» *(Wanderjahren),* которые и въ настоящее время не кажутся мнѣ законченными.

По странной винѣ случая, послѣдній толчекъ въ этотъ, рѣшительный для меня, моментъ я получилъ отъ противника марксизма, молодого, богатаго ученаго, Карла Хехберга. Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ онъ присоединился къ нѣмецкой соціаль-демократіи и, полный энтузіазма, отдавалъ ей не только себя, но и свое значительное состояніе. Имъ издавался уже упомянутый мною *„Zukunft"*.

Разстроенное здоровье заставило его незадолго до исключительнаго закона переѣхать въ итальянскую Швейцарію. Въ качествѣ частнаго секретаря его сопровождалъ молодой банковскій служащій, Эдуардъ Бернштейнъ. Въ Лугано они встрѣтили Бенуа Малона, эмигранта-коммунара, стоявшаго въ Интернаціоналѣ на сторонѣ Бакунина. Ко времени встрѣчи съ Хехбергомъ въ головѣ Малона начала образовываться та смѣсь мирнаго анархизма, марксизма и катедеръ-соціализма, изъ которой сложился впослѣдствіи его *„Sozialisme intégral"*. Не знаю, кто на кого сильнѣе повліялъ въ Лугано: Малонъ ли на Хехберга и Бернштейна, или они на него? По всему вѣроятію, вліяніе было обоюднымъ.

Удаленіе изъ Германіи не ослабило интереса Хехберга къ дѣламъ партіи и не уменьшило его готовности отдавать ей свои средства. Если разстройство партіи подъ ударами «закона противъ соціалистовъ» было не такъ точно, какъ можно было опасаться, то немалая доля заслуги въ этомъ принадлежитъ Хехбергу. Всюду, гдѣ требовалась помощь,—онъ помогалъ.

Весною 1879 года онъ, вмѣстѣ съ Бернштейномъ и Малономъ переселился изъ Лугано въ Цюрихъ, чтобы отсюда помогать стѣсненной партіи также посредствомъ печати. Лѣтомъ 1879 года онъ издалъ первый томъ своихъ «Jahrbuch für Socialwissenschaft und

Socialpolitik», подъ фирмой нѣкоего доктора Рихтера; онъ уже редактировалъ изъ Цюриха выходившія въ Лейпцигѣ «Staatswissenschaftliche Abhandlungen»,—періодическое изданіе, посвященное соціальнымъ реформамъ, при подставномъ редакторѣ, докторѣ Зейффертѣ. Такихъ уловокъ требовалъ «законъ противъ соціалистовъ». Наконецъ, онъ же далъ партіи возможность основать заграницей собственный органъ въ противовѣсъ Мостовской *„Freiheit“*, именно: «Соціаль-демократъ», начавшій выходить съ осени 1879 года.

Для этихъ предпріятій Хехбергъ нуждался въ литературныхъ силахъ, найти которыя было въ то время не такъ легко.

«Законъ противъ соціалистовъ» уничтожилъ, правда, многочисленные органы партіи и оставилъ ихъ редакторовъ безъ заработка; но тотъ же законъ отпугнулъ отъ соціаль-демократіи «интеллигенцію». Однихъ, наиболѣе безхарактерныхъ изъ соціалистическихъ писателей, онъ толкнулъ въ лагерь буржуазіи, другіе въ поискахъ заработка уѣхали въ Америку; изъ молодыхъ писателей, оставшихся вѣрными партіи и непожелавшихъ покинуть Германію, многіе считали нужнымъ хоть на время стушеваться, чтобы не компрометтировать себя партійною дѣятельностью. Поэтому, писатели, оставшіеся на службѣ партіи, были завалены работой, не успѣвая удовлетворять всѣ требованія. Этому недостатку литературныхъ силъ я приписываю мысль Хехберга обратиться въ Австрію и пригласить меня къ себѣ въ Цюрихъ, въ качествѣ постояннаго сотрудника въ его партійныхъ изданіяхъ.

Возможность расширить свой горизонтъ, ставъ въ тѣсныя сношенія съ большой нѣмецкой партіей и посвятить всѣ свои силы партійной дѣятельности, сдѣлавъ изъ нея свою единственную профессію—все это было слишкомъ привлекательно, и я тотчасъ же отвѣтилъ согласіемъ.

Правда, мои взгляды были діаметрально противоположны взглядамъ Хехберга. Революція и классовая борьба были ему ненавистны. Онъ хотѣлъ привлечь къ соціализму, если не всю буржуазію, то ея значительную часть и считалъ, поэтому, необходимымъ избѣгать всего, что могло бы испугать этихъ будущихъ соціалистовъ. Матеріалистическій взглядъ на исторію представлялся ему чѣмъ-то чудовищнымъ.

Но какъ ни противна была Хехбергу борьба съ буржуазіей, раздѣленіе въ собственныхъ рядахъ было еще противнѣе. Онъ по самой природѣ своей не былъ борцомъ, а исключительныя обстоятельства не допускали большой разборчивости въ выборѣ сотрудниковъ. Необходимо было соединить противъ общаго врага всѣ наличныя силы. Такъ и поступилъ Хехбергъ. Онъ не сдѣлалъ ни одного возраженія противъ передачи редакціи «Соціаль-демократа» Фольмару,

принадлежавшему тогда къ лѣвой сторонѣ партіи, и вызвалъ меня въ Цюрихъ, несмотря на мои откровенно выражаемыя симпатіи къ Мостовской *„Freiheit“*. Эти симпатіи, впрочемъ, ко времени переселенія въ Цюрихъ, уже начали ослабѣвать, такъ какъ Мостъ, все болѣе и болѣе взвинчивая свой радикализмъ, сталъ доходить до абсурдовъ, завершившихся, наконецъ, прославленіемъ анархистской пропаганды дѣйствіемъ, куда я, разумѣется, уже не могъ за нимъ слѣдовать. Направленіе, данное Фольмаромъ цюрихскому «Соціаль-демократу», всего ближе подходило къ моей точкѣ зрѣнія и, вообще, удовлетворяло огромное большинство тогдашнихъ членовъ партіи. Когда Мостъ сдѣлался, наконецъ, совершенно невозможнымъ, всѣ революціонные элементы партіи сгруппировались вокругъ «Соціаль-демократа», придавая ему тѣмъ самымъ такое направленіе, которое меньше всего подходило Хехбергу.

Къ Хехбергу я навсегда сохраню благодарное чувство за то, что онъ вырвалъ меня изъ узкой глуши австрійскихъ отношеній и открылъ мнѣ широкое поле дѣятельности, ничуть не стѣсняя моей свободы, не дозволяя себѣ ни малѣйшихъ попытокъ передѣлывать мои взгляды по своей мѣркѣ. Ему же обязанъ я и важнѣйшимъ событіемъ моей жизни, личнымъ знакомствомъ съ Марксомъ и Энгельсомъ.

Это случилось такимъ образомъ:

Вмѣстѣ со Шраммомъ, съ Кути и при участіи Бернштейна, Хехбергъ составилъ и помѣстилъ въ *„Jahrbuch“* статью въ высшей степени несообразную и неумѣстную въ тактическомъ отношеніи, но имѣвшую достоинство опредѣленности, не допускавшей больше сомнѣній относительно истиннаго характера направленія Хехберга и его сторонниковъ. Хехбергу показалось, что обнаружившееся вслѣдъ за изданіемъ исключительнаго закона подавленное настроеніе партіи благопріятствуетъ пропагандѣ его воззрѣній. Онъ развилъ въ статьѣ ту мысль, что въ появленіи этого закона не совсѣмъ безвинна и сама партія, что своими грубыми выходками и революціонной фразеологіей она запугала буржуазію, лучшую часть которой ей необходимо привлечь на свою сторону, такъ какъ иначе побѣда не мыслима. Отказаться отъ революціонной пропаганды и ограничиться ближайшими задачами было бы лучшимъ отвѣтомъ на исключительный законъ; буржуазія увидѣла бы тогда, какими мы стали умниками; всѣ хорошіе люди пошли бы съ нами рука объ руку, и, такимъ образомъ, законъ противъ соціалистовъ могъ бы быть устраненъ.

Таковъ былъ основной мотивъ статьи «Взглядъ на прошлое соціалистическаго движенія въ Германіи. Критическіе афоризмы ***». Она вызвала въ партіи общій взрывъ негодованія. Марксъ и Эн-

гельсъ написали выдающимся членамъ партіи окружное письмо, въ которомъ грозили выступить открыто противъ новаго направленія, если подобные взгляды будутъ проповѣдываться въ органахъ партіи.

Такого пріема своимъ взглядамъ Хехбергъ, очевидно, не ожидалъ. Вызвать въ это трудное время раздоры внутри партіи было бы для него всего больнѣе. Онъ пересталъ публично высказывать вызвавшіе бурю взгляды и пытался даже убѣдить Маркса и Энгельса въ томъ, что его точка зрѣнія не препятствуетъ совмѣстной работѣ съ ними. Онъ самъ ѣздилъ въ Лондонъ, чтобы разсѣять недовѣріе стариковъ, но потерпѣлъ неудачу. Установить *modus vivendi* между Лондономъ и Цюрихомъ взялись тогда Бебель съ Бернштейномъ и съ этой цѣлью осенью 1880 года переплыли конецъ.

Ихъ поѣздка не только увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, но имѣла также и дальнѣйшія послѣдствія. Она подготовила дружескія отношенія между Энгельсомъ и Бернштейномъ, длившіяся до самой смерти Энгельса, и положила начало правильной перепискѣ между ними по всѣмъ сколько-нибудь важнымъ очереднымъ вопросамъ. До тѣхъ поръ эклектикъ, какъ и всѣ мы въ то время, Бернштейнъ былъ, такимъ образомъ, введенъ въ область послѣдовательнаго и цѣльнаго марксистскаго мышленія, къ которому его, впрочемъ, уже значительно подготовило изученіе Энгельсовскаго «Анти-Дюринга».

Весною 1881 года Хехбергъ и меня также отправилъ въ Лондонъ, чтобы поддержать добрыя отношенія со стариками. Я пробылъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, и результатъ получился для меня тотъ же, какъ и для Бернштейна.

Такимъ образомъ мы съ разныхъ сторонъ,—Бернштейнъ отъ Дюринга и Хехберга, я отъ Шея и Моста,—пришли къ марксизму. Его изученіе и защита сдѣлались нашей общей и жизненной цѣлью. При этомъ единствѣ цѣли самое несходство нашихъ темпераментовъ и различія пройденныхъ путей лишь помогали намъ дополнить другъ друга и давать при совмѣстной работѣ больше, чѣмъ могли бы мы дать, работая порознь. Это была идеальная дружба, выросшая изъ самаго тѣснаго братства по оружію въ постоянныхъ битвахъ съ внѣшними и внутренними врагами.

Въ послѣднихъ тоже не было недостатка. Послѣдовательный марксизмъ—слишкомъ безпокойное ученіе; онъ предъявляетъ мысли слишкомъ много требованій, чтобы овладѣть умами хотя бы только всѣхъ тѣхъ членовъ партій, которые стоятъ на точкѣ зрѣнія «Коммунистическаго Манифеста». Большинство предпочитаютъ эклектизмъ, сложившійся подъ сильнымъ вліяніемъ Маркса, но сходящійся съ послѣдовательнымъ марксизмомъ скорѣе въ его результатахъ, чѣмъ въ методѣ. А рядомъ съ такими марксистами въ соціаль-демократіи всегда встрѣчались также элементы, стоявшіе на совершенно иной

теоретической почвѣ и, поэтому, неизбѣжно приходившіе къ антагонизму съ марксистскимъ мышленіемъ.

Изъ этихъ послѣднихъ лично намъ съ Бернштейномъ всего ближе были Хехбергъ и его сотрудникъ по знаменитой статьѣ въ «Jahrbuch», К. А. Шраммъ. Какъ только разсѣялось первое подавляющее впечатлѣніе противъ соціалистовъ, и партія оправилась—въ ней опять проявилось раздѣленіе на правую и лѣвую стороны; сперва, главнымъ образомъ, среди эмигрантовъ въ Лондонѣ и Цюрихѣ. Естественно, что мы съ Бернштейномъ самымъ рѣшительнымъ образомъ стали на лѣвую сторону и защищали ея точку зрѣнія въ «Соціаль-демократѣ», редакція котораго перешла отъ Фольмара къ Бернштейну. Также естественно и то, что Хехбергъ сталъ направо. При этомъ, онъ все болѣе и болѣе отодвигался въ правую сторону, пока не дошелъ до воззрѣній, очень сходныхъ съ тѣми, которыхъ придерживаются теперешніе соціаль-націоналисты. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ, если не первымъ нѣмецкимъ соціалистомъ, увлекавшимся колоніальной политикой. Та политика, которую мы проповѣдывали, всюду шла въ разрѣзъ съ его собственной. Такое положеніе становилось нестерпимымъ. Личная дружба съ политическимъ противникомъ возможна, но не тогда, когда приходится сталкиваться съ нимъ на одномъ и томъ же полѣ политической дѣятельности. Ожидать, что Хехбергъ будетъ снабжать безъ конца самыхъ ярыхъ противниковъ своей политики матеріальными средствами для борьбы съ нею, значило ожидать отъ него какой-то сверхчеловѣческой терпимости.

Онъ отнялъ, наконецъ, у «Соціаль-демократа» свою субсидію, но отъ этого «Соціаль-демократъ» только выигралъ, ставъ на собственныя ноги. Онъ уже сталъ необходимъ для партіи и могъ отлично существовать безъ поддержки Хехберга.

Само собой понятно, что я не могъ болѣе участвовать въ предпріятіяхъ Хехберга, которыя, къ тому же, въ противоположность «Соціаль-демократу», одно за другимъ приказывали долго жить, несмотря на самую щедрую матеріальную поддержку.

Весной 1882 г. я распрощался съ Хехбергомъ и въ 1883 г. основалъ «Neue Zeit», органъ, который долженъ былъ служить проводникомъ такого же послѣдовательнаго марксизма, какъ и «Соціаль-демократъ», хотя въ скрытой формѣ, такъ какъ выходилъ подъ режимомъ исключительныхъ законовъ. Кромѣ того, онъ предназначался, главнымъ образомъ, для теоретической пропаганды, тогда какъ «Соціаль-демократъ» былъ органомъ практической борьбы. Первая полемика въ защиту марксизма завязалась у меня въ 1884 году съ К. А. Шраммомъ, Бернштейнъ помогалъ мнѣ въ «Соціаль-демократѣ».

Чтобы быть ближе къ Энгельсу, я переселился въ 1885 г. въ Лондонъ, гдѣ и прожилъ съ нѣсколькими перерывами до 1890 года.

Для меня это были годы сильнаго умственнаго наслажденія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, роста. Въ постоянномъ общеніи съ такой гигантской умственной силой, какъ Энгельсъ, имѣя подъ руками сокровища британскаго музея, я могъ, подъ руководствомъ опытнаго вождя, пуститься въ свою любимую область матеріалистическаго изслѣдованія исторіи. Среди моихъ литературныхъ дѣтищъ, написанные въ Лондонѣ «Томасъ Моръ» и «Борьба классовъ во Франціи» и теперь еще остаются моими любимцами.

Въ 1888 году всѣ лица, участвовавшія въ редакціи и экспедиціи «Соціаль-демократа», были изгнаны изъ Швейцаріи. Изданіе это было перенесено въ Лондонъ. Бернштейнъ былъ теперь съ Энгельсомъ и со мною; наша дружная работа для общаго дѣла должна была, повидимому, пойти лучше, чѣмъ когда-либо.

А между тѣмъ, именно, въ это время, подготовлялся тотъ поворотъ, который, въ концѣ концовъ, долженъ былъ превратить наше тѣснѣйшее товарищество въ рѣзкую вражду. Въ 1890 году «законъ противъ соціалистовъ» былъ отмѣненъ. Однимъ изъ слѣдствій этой отмѣны было прекращеніе «Соціаль-демократа» и превращеніе «Neue Zeit» въ еженедѣльное изданіе, постояннымъ сотрудникомъ котораго сдѣлался Бернштейнъ. Но оставаться въ личномъ общеніи намъ не пришлось. Теперь редакція должна была находиться въ Германіи, и я переѣхалъ въ Штуттгардтъ, Бернштейну же пришлось остаться въ Лондонѣ, такъ какъ нѣмецкіе суды, если бы Бернштейнъ попался имъ въ руки, слишкомъ сурово выместили бы на немъ грѣхи «Соціаль-демократа».

Въ то же время совершенно измѣнился и самый характеръ нашей дѣятельности. Продолжать часто академическія историческія изслѣдованія мнѣ уже больше не приходилось. Если, въ качествѣ иностранца, я не могъ лично дѣйствовать въ Германіи, какъ пропагандистъ или политикъ, то въ «Neue Zeit», превратившемся въ еженедѣльный органъ, политика взяла верхъ надъ теоріей, и къ нему перешли нѣкоторыя изъ функцій прекращеннаго «Соціаль-демократа». Самое пребываніе въ Германіи заставляло меня заниматься текущими вопросами; такимъ образомъ, начиная съ 1890 года, моя дѣятельность все болѣе и болѣе отличалась отъ моихъ занятій предшествующаго десятилѣтія. Написанный мною первый томъ «Исторіи соціализма» былъ подготовленъ еще въ Лондонѣ; другія же мои книги этого десятилѣтія — «Эрфуртская программа», «Парламентаризмъ, народное законодательство и соціаль-демократія», «Аграрный вопросъ», а также и всѣ статьи,—посвящены пропагандѣ или полемикѣ по текущимъ вопросамъ, а не изслѣдованію прошлаго.

Той же злобѣ дня—полемикѣ противъ Бернштейна—посвящена, къ сожалѣнію, и моя послѣдняя книга.

Другой характеръ приняла въ 1890 г. также и дѣятельность Бернштейна. Вмѣсто того, чтобы непосредственно вліять на нѣмецкія отношенія, ему пришлось теперь говорить объ англійскихъ; вмѣсто того, чтобы бороться, пришлось наблюдать. Но онъ воспринялъ отъ марксизма, главнымъ образомъ, философію борьбы, а не философію изслѣдованія. Пока приходилось бороться, марксизмъ служилъ ему путеводной звѣздой, когда же пришлось изслѣдовать, онъ не нашелъ ему примѣненія. Ланге и Дюрингъ снова начали дѣйствовать на его умъ, Хехберговскія и Малоновскія впечатлѣнія снова проснулись.

Англійская среда способствовала пробужденію этихъ старыхъ склонностей. Англійскій рабочій менѣе всякаго другого доступенъ соціализму; не по враждебности къ этому ученію, а по отсутствію всякаго интереса къ чему бы то ни было, не обѣщающему немедленнаго практическаго успѣха. И наоборотъ, среди англійской буржуазіи гораздо больше элементовъ, склонныхъ къ филантропическому соціализму, чѣмъ среди буржуазіи другихъ странъ. Я приписываю это, главнымъ образомъ, тому обстоятельству, что громадная часть англійскихъ капиталовъ занята внѣ области англійской промышленности и, слѣдовательно, не заинтересована въ эксплуатаціи англійскаго пролетаріата. Тому же приписываю я и, сравнительно сильное, соціалистическое движеніе среди буржуазной интеллигенціи въ Голландіи.

Видя полный неуспѣхъ пропаганды среди рабочихъ, часть англійскихъ соціалистовъ, («Фабіанцы»), взялась за пропаганду среди радикальной буржуазіи. Тактика, выработанная этимъ направленіемъ, имѣетъ много общаго съ той, къ которой въ свое время стремился Хехбергъ въ Германіи. Именно, въ послѣднее десятилѣтіе «Фабіанцы» сильно повліяли на англійскую соціалистическую мысль, и Бернштейнъ, ставшій съ ними въ близкія сношенія, не могъ избѣжать этого вліянія.

Но пока живъ былъ Энгельсъ, и Бернштейнъ находился подъ обаяніемъ его могучей личности, пока въ самомъ Бернштейнѣ не замерло еще боевое настроеніе, которое двѣнадцатилѣтняя борьба противъ исключительнаго закона довела во всѣхъ насъ до сильнѣйшаго напряженія, вліяніе «Фабіанцевъ» не могло стать преобладающимъ.

Но боевое настроеніе постепенно замирало. Въ 1895 году умеръ Энгельсъ, и одновременно начался новѣйшій періодъ промышленнаго подъема, внесшій нѣкоторый достатокъ въ болѣе широкій кругъ рабочаго класса.

Какое вліяніе имѣло все это на Бернштейна и какъ отразилось оно на его дѣятельности—извѣстно всѣмъ. Къ тому же, я, какъ

его противникъ, принималъ слишкомъ близкое участіе въ этихъ событіяхъ, чтобы пытаться излагать ихъ въ качествѣ объективнаго историка. Какъ бы тамъ ни было, между нами образовалась пропасть, черезъ которую нѣтъ моста. Но это не новый разрывъ, а возобновленіе стараго, существовавшаго еще двадцать лѣтъ тому назадъ *). Онъ представляетъ собою лишь частное проявленіе основного антагонизма между революціоннымъ рабочимъ движеніемъ и буржуазно-филантропическимъ соціализмомъ, сказавшагося еще въ разногласіяхъ между оуэнистами и чартистами, и съ тѣхъ поръ снова и снова потрясающаго соціалистическое движеніе. Въ совершенно чистомъ видѣ противоположность этихъ двухъ направленій рѣдко проявляется въ настоящее время, перекрещиваясь обыкновенно со множествомъ другихъ теченій. Съ измѣненіемъ вещей и теорій она принимаетъ различныя формы, но, тѣмъ не менѣе, ее всегда можно прослѣдить, какъ основу нашихъ партійныхъ столкновеній.

Изъ этой же основной противоположности вытекаетъ, мнѣ кажется, и наше столкновеніе съ Бернштейномъ. Онъ смотритъ на дѣло иначе, но я считаю свой взглядъ не только вѣрнымъ, но и единственнымъ, вносящимъ примиряющій элементъ въ нашъ болѣзненный разрывъ. Я вижу въ немъ борьбу не лицъ, а міровоззрѣній. Какъ представители противоположныхъ міровоззрѣній мы боремся и должны бороться, но наши непримиримыя точки зрѣнія не нами выдуманы; онѣ существовали до насъ и, вѣроятно, переживутъ насъ.

Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что съ первыхъ же шаговъ моей партійной дѣятельности я боролся въ нашей партіи со всѣмъ тѣмъ, что обозначается въ настоящее время словомъ: бернштейновщина. И все, что я узналъ, все, что пережилъ за четверть вѣка моей партійной дѣятельности, лишь утвердило меня на моей точкѣ зрѣнія. Многое, правда, произошло иначе, чѣмъ я ожидалъ. Путь къ

---

*) Не безынтересно будетъ замѣтить, что теперешняя позиція Шиппеля тоже не совсѣмъ нова для него. Онъ пришелъ къ намъ черезъ Родбертуса, не освободившись еще отъ разныхъ реакціонныхъ воспоминаній. Въ „Staatwissenschaftlichen Abhandlungen“ Хехберга за 1881—82 гг. имѣется, напримѣръ, его статья во славу биметаллизма. Въ Берлинѣ онъ заразился постепенно воинственнымъ настроеніемъ, господствовавшимъ во времена исключительнаго закона, и дошелъ до радикализма, граничившаго съ анархизмомъ. Цюрихско-лондонскій „Соціаль-демократъ“ былъ для него недостаточно радикаленъ. Послѣ паденія исключительнаго закона этотъ радикализмъ началъ постепенно гаснуть, вспыхнувъ въ послѣдній разъ въ 1895 году въ Бреславлѣ. Няньченье со всякими реакціонными штуками снова сдѣлалось за послѣднее время его любимымъ занятіемъ.

L'on revient toujours
à ses premiers amours.

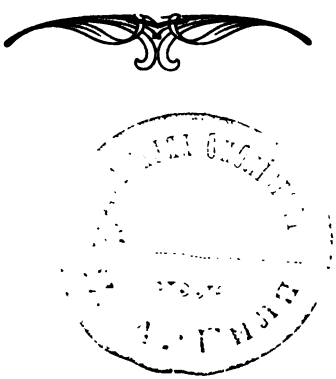
Тоже своего рода діалектика.

нашимъ идеаламъ оказался длиннѣе и тернистѣе, чѣмъ рисовался онъ мнѣ при радостномъ освѣщеніи первой юности. Но,—когда я измѣряю наши пріобрѣтенія не мѣркою своихъ желаній, своей короткой индивидуальной жизни, когда я смотрю глазами историка, а не борющагося индивидуума,—взглядъ на истекшую четверть вѣка наполняетъ меня гордой увѣренностью, что за это время мы значительно приблизились къ нашей цѣли.

Когда я вступилъ въ партію, она была еще горстью мечтателей,—теперь она повсюду является политической силой перваго разряда. Если общій политическій и соціальный прогрессъ не былъ такъ же быстръ, какъ ростъ нашей партій, если именно за послѣднюю четверть вѣка онъ находился скорѣе въ застоѣ, то причина этого застоя никакъ не въ недостаточномъ развитіи соціаль-демократіи, а въ регрессѣ буржуазной демократіи. Эта послѣдняя предоставила намъ справляться со всѣми реакціонными силами, которыхъ не могла побѣдить.

Но именно поэтому настоящее и не можетъ быть временемъ уже установившагося мирнаго развитія, а лишь подготовительнымъ періодомъ въ громадной соціальной и политической борьбѣ.

Дожить до этихъ великихъ рѣшающихъ битвъ и встрѣтить ихъ способнымъ къ борьбѣ и радостно идущимъ въ бой борцомъ—таково мое самое горячее желаніе.



II

Карлъ Каутскій.

Къ критикѣ теоріи и практики марксизма

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО,
ДОПОЛНЕННЫЙ ПО ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНІЮ.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ АВТОРА КЪ ФРАНЦУЗСК. ИЗДАНІЮ.

Книгоиздательство Е. М. Алекѣевой.
1905.

Дозволено цензурою. Одесса, 14 іюля 1905 года.

Типографія «Порядокъ», Одесса, Успенская 83.

Предисловіе къ нѣмецкому изданію.

Послѣ появленія въ апрѣлѣ этого года въ «Neue Zeit» и въ «Vorwärts'ѣ» моихъ статей противъ Бернштейна, мнѣ неоднократно предлагали издать ихъ въ видѣ отдѣльной брошюры. Это считали желательнымъ хотя бы ужъ потому, что книга Бернштейна проникла въ такіе круги, гдѣ не читаютъ ни «Vorwärts», ни «Neue Zeit», куда можетъ найти доступъ опять-таки только отдѣльная книга. Кромѣ того, она могла бы оказаться полезной тѣмъ изъ моихъ читателей, которые не собрали упомянутыхъ статей.

Я охотно послѣдовалъ этому приглашенію, но не хотѣлъ ограничиваться простой перепечаткой. Такъ какъ книга не такъ стѣсняла меня размѣрами, какъ столбцы «Vorwärts», то я имѣлъ возможность расширить свое изслѣдованіе тенденцій развитія капиталистическаго общества, а это казалось мнѣ крайне важнымъ. До сихъ поръ критика книги Бернштейна касалась именно этой стороны крайне поверхностно, и это вполнѣ понятно, такъ какъ для такихъ изслѣдованій газета не представляетъ достаточнаго простора. Однако то обстоятельство, что критика обратила на эту сторону такъ мало вниманія, было истолковано нашими противниками въ томъ смыслѣ, что намъ нечего сказать по этому поводу; а между тѣмъ въ этомъ-же и заключается наиболѣе существенная въ практическомъ отношеніи часть книги Бернштейна, заключаются вопросы, отвѣты на которые являются рѣшающими для сужденія о жизнеспособности нашего движенія.

Такимъ образомъ, сведеніе счетовъ съ Бернштейномъ на этой почвѣ сдѣлалось главнымъ содержаніемъ моей книги, и поэтому я, не желая черезчуръ увеличивать ея размѣровъ, сильно сократилъ, сравнительно съ соотвѣтствующими статьями «Neue Zeit», вступительныя главы о методѣ *).

*) Названныя главы о методѣ въ настоящемъ изданіи замѣнены полными статьями изъ «Neue Zeit».

Прим. къ русск. изд.

Также кратко составленъ и отдѣлъ о тактикѣ. Правда, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ у меня было сильное искушеніе разобрать подробнѣй всѣ тѣ отдѣльные вопросы, которые были затронуты Бернштейномъ частью въ его книгѣ, частью во время спора. Но въ интересахъ общедоступности и небольшого размѣра книги я долженъ былъ ограничиться лишь самымъ необходимымъ. Такое самоограниченіе очень тяжело для автора, да еще во время полемики, но оно неизбѣжно, если не желаешь загромоздить книгу мелочами и утомить читателя вмѣсто того, чтобы убѣдить его. Какъ разъ въ вопросахъ тактики я тѣмъ болѣе могъ быть краткимъ, что большая часть того, что здѣсь слѣдовало сказать, уже была сказана въ другихъ мѣстахъ.

Впрочемъ, я долженъ признаться, что сократить отдѣлъ о тактикѣ меня побудило также одно постороннее обстоятельство: желаніе выпустить книгу въ свѣтъ еще до ганноверскаго съѣзда партіи.

Я хотѣлъ этого не потому, что разсчитывалъ повліять ею на съѣздъ. Я увѣренъ, что, когда она появится, всѣ делегаты уже будутъ держаться опредѣленнаго мнѣнія. Если же кто-нибудь изъ нихъ такъ мало интересовался до сихъ поръ предметомъ спора, что не знаетъ, какое ему занять положеніе, то онъ, навѣрное, послѣдній возьмется за чтеніе предлагаемыхъ страницъ.

Нѣтъ, если я желалъ закончить свой трудъ еще до съѣзда, то единственно въ надеждѣ, что этотъ послѣдній положитъ конецъ пререканіямъ съ Бернштейномъ.

Я никогда не возлагалъ особенно большихъ упованій на полемическіе споры, такъ какъ они рѣдко когда служатъ средствомъ показать, на чьей сторонѣ истина. Но, въ общемъ, имъ свойственно обнаруживать существующія противорѣчія, придавать имъ болѣе рѣзкія и опредѣленныя очертанія и такимъ путемъ выяснять сущность вопроса. Вотъ этого-то я и ожидалъ отъ критики книги Бернштейна. Она еще больше разочаровала меня, чѣмъ сама книга: вся серія статей его о проблемахъ соціализма дала намъ поводъ ждать большаго. Въ настоящее время намъ нечего скрывать отъ себя, что вся эта полемика, возбужденная книгой Бернштейна, оказалась весьма безплодной. Чѣмъ дальше она подвигалась, тѣмъ сильнѣе Бернштейнъ чувствовалъ себя непонятымъ—намѣренно-непонятымъ—и тѣмъ менѣе мы знаемъ, чего онъ собственно хочетъ и съ какой цѣлью онъ своимъ

выступленіемъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе, разъ все должно остаться по старому.

Я долженъ откровенно признаться, что въ виду такого заключенія мнѣ было крайне трудно довести настоящій трудъ до конца. Быть можетъ, я бы даже отказался отъ него, если бы не торжество либераловъ по поводу того, что марксисты не могли ничего противопоставить той критикѣ, которой Бернштейнъ подвергъ ихъ программу, въ особенности—его статистическимъ даннымъ. Дѣйствительно, мой трудъ направленъ не столько противъ самого Бернштейна, сколько противъ тѣхъ соціалъ-либераловъ и ихъ приспѣшниковъ, которые воспользовались его книгой, какъ прекраснымъ собраніемъ матеріаловъ для нападокъ на нашу партію; моей главной цѣлью было отравить имъ это удовольствіе. Если бы же настоящее произведеніе появилось послѣ съѣзда, то могла бы снова разгорѣться полемика, дальнѣйшее продолженіе которой на положенныхъ Бернштейномъ основахъ было бы крайне безплоднымъ, и всѣмъ участникамъ которой желательно закончить ее въ Ганноверѣ. Я лично могу, по крайней мѣрѣ, сказать, что считаю эту книгу своимъ послѣднимъ словомъ по данному вопросу. Настоящее время ставитъ намъ столько серьезныхъ вопросовъ для изученія, литературное наслѣдіе Маркса скрываетъ въ себѣ столько необнаруженныхъ еще сокровищъ, что я навѣрное не возьмусь больше за перо по поводу Бернштейновскихъ проблемъ соціализма, если не буду къ этому вынужденъ.

Мнѣ тѣмъ легче будетъ молчать въ этомъ спорѣ, чѣмъ труднѣй и непріятнѣй было участвовать въ немъ. Полемизировать со старымъ другомъ всегда чрезвычайно тягостно и даже мучительно. Разумѣется, какъ только происходитъ конфликтъ между дружбой и научными и политическими убѣжденіями, она должна замолкнуть. Судя по отчету, помѣщенному въ «Sächsische Arbeiterzeitung», Либкнехтъ въ прочитанномъ имъ въ Дрезденѣ рефератѣ упрекалъ меня въ томъ, что я, вслѣдствіе своей дружбы съ Бернштейномъ, сдѣлалъ ему слишкомъ много уступокъ. Бернштейнъ будто бы въ научномъ и политическомъ отношеніи совершенно незначительная личность, и я помѣщалъ его статьи въ «Neue Zeit» исключительно по дружбѣ. Я ничего не возразилъ на этотъ упрекъ, во-первыхъ, потому, что онъ больше унижалъ меня, чѣмъ Бернштейна, а я неохотно занимаюсь самозащитой, а во-вторыхъ—потому, что считалъ

невозможнымъ, чтобы Либкнехтъ сказалъ нѣчто подобное, такъ какъ всякій, знакомый съ «Neue Zeit», хотя бы даже поверхностно, не можетъ не знать, какую роль игралъ въ ней Бернштейнъ. Но такъ какъ нѣкоторыя хитроумныя головы заключили изъ моего молчанія, что я признаю упрекъ, брошенный Бернштейну и мнѣ, справедливымъ, то, можетъ быть, не мѣшаетъ возразить имъ здѣсь. Когда профессоръ Диль (Diehl) говоритъ въ «Conrad'sche Jahrbücher», что въ лицѣ Бернштейна «такъ называемый научный соціализмъ потерялъ одного изъ своихъ самыхъ талантливыхъ, ясно мыслящихъ и ученыхъ сторонниковъ», то я всецѣло присоединяюсь къ этой оцѣнкѣ значенія Бернштейна для нашего дѣла.

Мы не станемъ заниматься въ этомъ предисловіи вопросомъ о томъ, является ли книга Бернштейна, которую мы здѣсь разбираемъ, шагомъ назадъ въ теоретическомъ отношеніи, и почему именно. Мнѣ теперешняя точка зрѣнія Бернштейна—или, вѣрнѣй, отсутствіе опредѣленной точки зрѣнія—кажется опасной, и я считаю своимъ долгомъ бороться съ ней самымъ рѣшительнымъ образомъ. Но наша теоретическая вражда не должна заставить насъ забыть о томъ, чѣмъ былъ для насъ Бернштейнъ. Я лично обязанъ ему не только тѣми поощреніями и указаніями, которыя онъ доставлялъ намъ всѣмъ на страницахъ «Neue Zeit» и другихъ нашихъ органовъ, но и той сильной духовной поддержкой, которая вытекаетъ изъ тѣснаго многолѣтняго сотрудничества, основаннаго на взаимномъ пониманіи. И если я могъ на прилагаемыхъ страницахъ привести достаточно вѣсскіе аргументы противъ теперешнихъ воззрѣній Бернштейна, то за это я долженъ быть благодаренъ не только Марксу и Энгельсу, но также и Эдуарду Бернштейну.

К. Каутскій.

Берлинъ—Фриденау, сентябрь 1899 г.

Предисловіе къ французскому изданію.

Такъ какъ Бернштейнъ не внесъ существенныхъ измѣненій въ французское изданіе своей книги, то и я не усматриваю повода къ измѣненію чего-либо въ предлагаемой работѣ; моя критика остается направленной противъ того же, что и прежде.

Только двѣ первыя главы перваго изданія я замѣнилъ двумя статьями изъ „Neue Zeit“, также представляющими критику нѣкоторыхъ частей книги Бернштейна. На мой взглядъ, въ нихъ яснѣй изложены мои возраженія Бернштейну. Двѣ главы перваго изданія скорѣе представляютъ резюме полемики, вызванной этими статьями. Я имѣлъ основаніе предполагать, что послѣднія уже извѣстны нѣмецкимъ читателямъ, а потому избѣгалъ повтореній. Иное дѣло—иностранная публика.

Предисловіе Бернштейна ко французскому изданію еще менѣе могло побудить меня внести измѣненія: это только перефразировка извѣстныхъ мѣстъ изъ его книги, а въ особенности, его объясненій понятія *необходимости*. Тамъ повторяются тѣ же qui pro quo. Безъ всякаго сожалѣнія я отказываюсь отъ ихъ вторичнаго опроверженія: это слишкомъ мизерное удовольствіе, особенно, если принять во вниманіе, сколько оно потребовало-бы мѣста и времени.

Но въ этомъ предисловіи Бернштейнъ утверждаетъ съ видомъ побѣдителя, будто недавно поставилъ мнѣ вопросъ, на который онъ и по сію пору не получилъ отвѣта, а потому, не внося измѣненій въ текстъ, я хочу ему отвѣтить хоть здѣсь. Онъ говорилъ:

«Каутскій не согласенъ съ моимъ утвержденіемъ, что понятіе «желѣзной необходимости исторіи» подвергается ограниченію по мѣрѣ того, какъ люди познаніемъ естественныхъ и общественныхъ законовъ своего существованія и соотвѣтствующихъ учрежденій достигаютъ господства надъ природой и получаютъ возможность руководить экономической эволюціей. Онъ считаетъ это достойной осужденія попыткой примирить „историческую необходимость съ утопической свободой“».

«Къ несчастью для моего строгаго критика, именно самъ Энгельсъ, въ согласіи съ Марксомъ, назвалъ въ «Анти-Дюрингѣ» осуществленіе коллективизма «скачкомъ изъ

царства необходимости въ царство свободы». Согласимся, что это опредѣленіе, еще болѣе безусловное по сравненію съ моимъ. И я спрашивалъ Каутскаго, какъ можетъ онъ примирять осужденіе моего положенія съ признаніемъ сказаннаго Энгельсомъ; я еще теперь жду отвѣта».

Память измѣнила Бернштейну. Онъ въ такой формѣ не ставилъ вопроса по той простой причинѣ, что я никогда и нигдѣ не высказывался по поводу этой фразы Энгельса, а слѣдовательно онъ и не могъ спрашивать меня, какъ можно «примирять осужденіе положенія Бернштейна съ признаніемъ сказаннаго Энгельсомъ».

Напротивъ, Бернштейнъ самъ воспользовался фразой Энгельса, какъ аргументомъ противъ меня. И Бернштейнъ, считающій себя не малымъ противникомъ почитанія авторитетовъ и критикомъ Маркса и поучающій насъ презрительнымъ тономъ, что «задача учениковъ не состоитъ въ постоянномъ повтореніи словъ учителя»,—онъ считаетъ меня побѣдоносно опровергнутымъ, противопоставивъ приведеннымъ мною фактамъ цитату изъ Энгельса!

Когда Бернштейнъ находитъ мнѣнія Маркса и Энгельса для себя неподходящими, то вмѣняетъ себѣ въ заслугу и усматриваетъ доказательство своей интеллектуальной независимости въ томъ, что отвергаетъ ихъ. Иное дѣло, когда ему кажется, будто слова Маркса и Энгельса могутъ быть истолкованы въ его пользу: тогда ихъ мнѣніе должно быть допущено безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій.

Что же касается до меня, фанатичнаго ортодоксальнаго марксиста, котораго упрекаютъ въ преклоненіи передъ авторитетами, то я думаю совсѣмъ иначе; и я никогда не утверждалъ, что такая-то мысль потому лишь вѣрна, что ее высказалъ Марксъ или Энгельсъ.

Однако я никакъ не стану утверждать, что цитированное мѣсто изъ «Анти-Дюринга», по ближайшемъ разсмотрѣніи, дѣйствительно согласуется съ тѣмъ, что говоритъ Бернштейнъ, и что они примиримы.

Бернштейнъ говоритъ:

«Чѣмъ большее вліяніе оказываютъ на жизнь общества, рядомъ съ экономическими, другія силы, тѣмъ болѣе измѣняется власть того, что мы называемъ исторической необходимостью. Въ современномъ обществѣ замѣчается въ этомъ отношеніи два главныхъ теченія. Съ одной стороны, обнаруживается все растущее вмѣшательство разума въ законы развитія, и именно, экономическаго развитія. Рука объ руку съ возростающимъ значеніемъ сознанія, отчасти какъ причина, отчасти какъ слѣдствіе его, растетъ способность *руководить* экономическимъ развитіемъ... При этомъ и здѣсь общій интересъ беретъ верхъ надъ частнымъ, и во всѣхъ областяхъ, гдѣ это совершается, прекращается стихійное дѣйствіе экономическихъ силъ. Ихъ развитіе предвосхи-

щено и потому совершается тѣмъ быстрѣе и легче. Индивидуумы и цѣлые народы освобождаютъ все большую долю своей жизни отъ вліянія необходимости, проявляющейся помимо ихъ воли или вопреки ей» (русск. перев. стр. 18).

«Желѣзная историческая необходимость, такимъ образомъ, ограничивается. Забѣжавъ впередъ, замѣтимъ, что для практической дѣятельности соціальдемократіи это ограниченіе означаетъ не уменьшеніе, а повышеніе или квалифицированіе соціально-политическихъ задачъ» (русск. перев. стр. 20).

А что говоритъ Энгельсъ?

«Когда общество овладѣетъ орудіями производства, тогда исчезнетъ товарное производство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и господство продукта надъ производителемъ. Анархія внутри общественнаго производства будетъ замѣнена планомѣрной, сознательной организаціей. Борьба за индивидуальное существованіе прекратится. Совокупность окружающихъ человѣка жизненныхъ условій, которыя до сихъ поръ господствовали надъ людьми, становится теперь подъ господство и контроль людей, только теперь дѣлающихся властелинами своего общественнаго бытія, а слѣдовательно настоящими и сознательными властелинами природы. Вмѣстѣ съ тѣмъ только теперь человѣкъ въ извѣстномъ смыслѣ окончательно выступаетъ изъ животнаго царства и переходитъ отъ животныхъ условій существованія къ истинно-человѣческимъ. Законы его собственной общественной дѣятельности, противостоявшіе ему до сихъ поръ, какъ чуждые, господствовавшіе надъ нимъ законы природы, будутъ сознательно примѣняться, т. е. находиться подъ его властью. Общественное бытіе людей, которое дотолѣ какъ бы извнѣ было имъ навязано, теперь становится результатомъ ихъ свободной иниціативы. Объективныя, чуждыя силы, господствовавшія до сихъ поръ надъ исторіей, теперь становятся подъ контроль людей.

Только съ этого момента люди будутъ сами, вполнѣ [сознательно дѣлать свою исторію, только съ этого момента приводимыя ими въ движеніе общественныя причины возымѣютъ преобладающее, все усиливающее и ими желаемое дѣйствіе.

Это—прыжокъ человѣчества изъ царства необходимости въ царство свободы» (Анти-Дюрингъ, русск. перев. стр. 309).

Вотъ при какихъ условіяхъ совершится тотъ знаменитый скачокъ изъ царства необходимости въ царство свободы. Читатель видитъ, что Энгельсъ объясняетъ его совсѣмъ не такъ, какъ Бернштейнъ, для котораго этотъ переходъ совершается *въ современномъ обществѣ, при нынѣшнемъ состояніи экономическаго развитія.* Съ этой точки зрѣнія онъ вполнѣ справедливо заключаетъ о «повышеніи или квалифицированіи практическихъ задачъ партіи».

Къ сожалѣнію, мы никакъ не могли разгадать смысла этой фразы, потому что Бернштейнъ забываетъ пояснить ее и больше къ ней не возвращается, хотя по существу она равносильна полнѣйшему измѣненію основныхъ принциповъ теоріи и практики партіи. Какъ бы то ни было, это прорицаніе, повидимому, должно означать, что въ настоящій моментъ движеніе переходитъ изъ царства необходимости

въ царство свободы, а также, что этотъ переходъ предшествуетъ наступленію новой организаціи общества.

Напротивъ, для Энгельса наступленіе свободы есть слѣдствіе коллективистическаго производства. Въ сочиненіи «Развитіе научнаго соціализма» онъ точно указываетъ, какъ на слѣдствіе коренного преобразованія общества, на установленіе такого общественнаго строя, при которомъ люди сдѣлаются *наконецъ* властелинами своего общественнаго бытія, а слѣдовательно будутъ властвовать надъ природой и сами надъ собой.

Однако, разногласіе Бернштейна и Энгельса не ограничивается тѣмъ, что одинъ усматриваетъ уже въ современномъ обществѣ осуществленіе новыхъ формъ, въ то время какъ другой считаетъ такой порядокъ слѣдствіемъ полнаго перерожденія старыхъ формъ. Бернштейнъ полагаетъ, что упомянутое преобразованіе—замѣтьте, это именно важнѣе всего—есть слѣдствіе *растущаго вмѣшательства разума, возрастанія коллективныхъ интересовъ, расширенія поля дѣйствія независимыхъ идеологическихъ и, въ особенности, этическихъ факторовъ*, а Энгельсъ выводитъ его изъ обобществленія средствъ производства. Но, какъ бы мы ни истолковывали и съ какой стороны бы ни разсматривали сказанное Энгельсомъ о переходѣ изъ царства необходимости въ царство свободы, оно нимало не затрагиваетъ партійной практики. Напротивъ, по справедливому замѣчанію самого Бернштейна, выдвинутое имъ новое пониманіе должно было бы оказать глубокое вліяніе на практическую дѣятельность партіи.

Мы видимъ, что положенія Энгельса и Бернштейна не имѣютъ ничего общаго, кромѣ словъ «свобода» и «необходимость». Цитированная изъ Энгельса фраза менѣе всего служитъ доказательствомъ въ пользу Бернштейна.

Ссылаясь на Энгельса, Бернштейнъ далъ лишній разъ доказательство факта, по моему, подкрѣпленнаго въ достаточной степени въ моей книгѣ и другими данными. Я хочу этимъ сказать, что теоретически Бернштейнъ порвалъ со своими прежними теоретическими и политическими соратниками не потому, что онъ превзошелъ марксизмъ, но потому, что онъ все болѣе и болѣе утрачиваетъ пониманіе сдѣланнаго до сихъ поръ Марксомъ и его послѣдователями. Чѣмъ больше онъ критикуетъ Маркса и Энгельса, тѣмъ больше онъ забываетъ, чему они дѣйствительно учили, чего они хотѣли, и тѣмъ чаще онъ приписы-

ваетъ имъ то, чего они не думали. Это повторяется не только тогда когда онъ ихъ оспариваетъ, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ ихъ призываетъ на защиту своихъ собственныхъ идей.

Въ предисловіи къ французскому изданію, точно такъ-же, какъ и въ книгѣ, онъ не можетъ удержаться отъ того, чтобы не процитировать введеніе Энгельса къ «Классовой борьбѣ во Франціи», и утверждаетъ, что сдѣлалъ лишь выводы изъ этого предисловія и какъ бы исполнилъ политическое завѣщаніе Энгельса:

«Какъ извѣстно, за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти Энгельсъ сказалъ, что въ интересахъ партіи—избѣгать, по мѣрѣ возможности, столкновеній съ государственной властью. Если согласиться съ этимъ положеніемъ, то надобно же сдѣлать вытекающіе изъ него выводы, а потому я считалъ полезнымъ высказаться противъ выраженій, подающихъ поводъ думать, что партія, наоборотъ, желаетъ возбудить такого рода конфликты. Мимоходомъ обращенныя къ нѣкоторымъ товарищамъ-литераторамъ по этому поводу замѣчанія были, однакожъ, приняты моими критиками за общую критику нашей партіи и навлекли на меня нападки, быть-можетъ, еще въ большей степени, чѣмъ всѣ мои прегрѣшенія противъ догмы».

Если эти строки прочтетъ незнакомый съ нашей партіей, то онъ возымѣетъ о ней странное представленіе.

Бернштейнъ утверждаетъ, будто онъ говоритъ то же, что и Энгельсъ. Но какъ же могло случиться, что слова Энгельса на встрѣтили ни малѣйшаго возраженія и даже всѣми одобрены, а Бернштейнъ возбудилъ противъ себя крайнее неудовольствіе? Быть можетъ, то служитъ просто доказательствомъ почитанія авторитета Энгельса? Или же эти обвиненія посыпались на Бернштейна, очевидно, только потому, что противъ него были предубѣждены? Загадка разрѣшается сама собой, если только къ ней ближе присмотрѣться. Тогда и Энгельсъ и наша партія, я полагаю, окажутся не тѣми, какъ ихъ рисуетъ Бернштейнъ.

Энгельсъ говоритъ, что въ интересахъ германской соціальдемократіи—избѣгать столкновеній съ военной силой. Онъ этимъ не сказалъ чего-либо новаго, а потвердилъ то, что всегда было одной изъ догмъ германской соціальдемократіи. Утверждать, что выдающія члены партіи въ нашей прессѣ употребляютъ выраженія, подающія поводъ думать, что партія, напротивъ, желаетъ возбудить эти столкновенія, значитъ представить германскую соціальдемократію въ превратномъ видѣ. Я думаю, что въ Германіи даже среди анархистовъ, а тѣмъ болѣе среди марксистовъ, не найдется сторонниковъ подобныхъ

теорій. Какъ обрадовались бы наши прокуроры такимъ писателямъ! Къ счастью, они—лишь плоды воображенія Бернштейна. На Бернштейна нападали не потому, что онъ оспаривалъ идеи этихъ марксистовъ, а потому, что онъ ихъ выдумалъ въ своей критикѣ.

Но Энгельсъ не ограничился однимъ замѣчаніемъ, что столкновеніе съ арміей послужитъ на благо реакціи; онъ обратилъ вниманіе на послѣдствія этого положенія. Если, дѣйствительно, легальность есть наилучшая почва для германскихъ марксистовъ и въ высшей степени неблагопріятная для ихъ противниковъ, то слѣдуетъ думать, что эти послѣдніе прежде всего покинутъ легальную почву. Развѣ самые рѣшительные изъ нихъ не желаютъ уже государственнаго переворота? Будучи далекъ отъ мысли, то Германіи угрожаетъ политилитическій переворотъ, Энгельсъ ожидалъ неопреодолимаго развитія партіи главнымъ образомъ на легальной почвѣ, а также вслѣдствіе возрастающихъ затрудненій, которыя постигнутъ нашъ полуфеодальный милитаристскій режимъ, если онъ останется въ легальныхъ рамкахъ. Поэтому обязанность марксистовъ заключается не въ ускореніи неизбѣжной катастрофы, но въ ея замедленіи, насколько это возможно, а именно въ томъ, чтобы избѣгать всего, что могло бы сойти за провокацію или нѣчто въ такомъ родѣ, потому что выигрышъ во времени повышаетъ шансы успѣха.

Все это сказано Энгельсомъ, но все оно улетучилось изъ памяти Бернштейна; и тѣмъ не менѣе онъ ссылается на Энгельса. Но Энгельсъ утверждалъ, что мирному и легальному развитію Германіи угрожаетъ насиліе реакціи, Бернштейнъ же находитъ, что опасность грозитъ со стороны извѣстной части марксистовъ, будто бы провоцирующихъ своимъ поведеніемъ, что, повторяю, чистѣйшій вымыселъ.

Пусть Бернштейнъ вспомнитъ время, когда еще дѣйствовалъ законъ противъ соціалистовъ; тогда онъ пойметъ истинное значеніе нашей партіи. Знаетъ же онъ, что людей, призывавшихъ къ вооруженному сопротивленію войскамъ, партійная пресса считала не «товарищами», а правокаторами, уловки которыхъ окончились ничѣмъ. А теперь вдругъ Бернштейнъ нашелъ необходимымъ напомнить германскимъ марксистамъ о сказанномъ Энгельсомъ и предостеречь отъ подобныхъ «товарищей».

Мы увидимъ, что Бернштейнъ обнаружилъ такое же пониманіе характера партіи, коснувшись ганноверскаго партейтага, резолюціи

котораго кажутся ему уступками въ пользу высказанныхъ имъ идей:

«Настоящее предисловіе написано сейчасъ же послѣ ганноверскаго партейтага, на которомъ не малое вниманіе было удѣлено моей книгѣ. Страстно полемизируя, мои противники предсказывали мнѣ уничтожающій приговоръ, и въ такомъ духѣ было произнесено немало рѣчей. Но здравый смыслъ и партійный опытъ взяли верхъ надъ догматическій нетерпимостью, и если въ концѣ концовъ съѣздомъ принята резолюція, самое большее, порицающая форму, въ которую авторъ облекъ свои идеи, то съ другой стороны, была принята другая резолюція, содержащая по существу не мало уступокъ этимъ же идеямъ. Таковы—допущеніе компромиссовъ при выборахъ, признаніе кооперацій въ дѣлѣ освобожденія рабочихъ, отступленіе отъ прежней точки зрѣнія, что съ выставленіемъ ближайшихъ требованій партія принуждена отказаться отъ провозглашенныхъ принциповъ и основныхъ требованій».

Прочитавъ эти строки, можно заключить, что на ганноверскомъ партейтагѣ «духъ догматической нетерпимости» боролся съ «здравымъ смысломъ» партіи, но въ концѣ концовъ побѣда оказалась на сторонѣ послѣдняго въ видѣ резолюціи, принятой съѣздомъ партіи. Въ дѣйствительности же, не было сдѣлано никакихъ другихъ предложеній, кромѣ принятаго, никто даже изъ самыхъ рѣшительныхъ противниковъ во время преній ни разу не выразилъ желанія потребовать исключенія Бернштейна, какъ члена, порвавшаго съ партіей. Поэтому, опять-таки, слѣдуетъ приписать его богатому воображенію сказанное имъ о «духѣ ортодоксальной нетерпимости». Эта «нетерпимость», а равно и «возбудающій тонъ» въ средѣ нѣмецкихъ марксистовъ—пустой призракъ.

Замѣтимъ, что резолюція, которую Бернштейнъ такъ восхваляетъ, какъ полную «здраваго смысла» и «основанную на опытѣ», была предложена Бебелемъ, такъ строго осудившимъ его книгу.

Но Бернштейнъ усматриваетъ уступки своей особенной точкѣ зрѣнія въ фактѣ признанія избирательныхъ компромиссовъ и кооперацій.

Что касается потребительныхъ обществъ, то извѣстно, что Бернштейна всего сильнѣе порицали именно тамъ, гдѣ они достигли наибольшаго процвѣтанія—въ Саксоніи, особенно въ Дрезденѣ, Лейпцигѣ.

Этого вполнѣ достаточно, чтобы доказать, что, не относясь враждебно къ кооперацiи, можно однако, не впадая въ противорѣчіе съ самимъ собой, быть несогласнымъ съ Бернштейномъ. Я позволяю себѣ замѣтить, что еще весной 1897 г., слѣдовательно, раньше Бернштейна, въ своей брошюрѣ о потребительныхъ обществахъ я сдѣлалъ такой выводъ: «Всюду рано или поздно кооперативное движеніе сыграетъ громадную роль въ освободительной борьбѣ пролетаріата, наряду

съ борьбой профессіональныхъ союзовъ за измѣненіе условій производства, съ политической—за власть въ коммунальныхъ учрежденіяхъ и государствѣ, и, наконецъ, наряду съ стремленіями муниципалитетовъ и государствъ расширить и увеличить число отраслей производствъ, находящихся въ ихъ завѣдываніи» (Consumvereine, 31).

Ни одинъ голосъ не поднялся въ партіи противъ этой точки зрѣнія, и, однако же, я пошелъ дальше резолюціи ганноверскаго партейтага. А между тѣмъ, Бернштейнъ держится такъ, какъ будто на него нападали за его мнѣнія о кооперацiяхъ; выходитъ, будто партейтагъ, объявивъ свое нейтральное отношеніе къ нимъ, дѣлалъ «уступки его особенной точкѣ зрѣнія».

Точно такъ же обстоитъ дѣло съ вопросомъ объ участіи въ выборахъ въ прусскій ландтагъ. Правда, Бернштейнъ заговорилъ объ этомъ первый (1893 г.). Тогда его осудили почти всѣ, даже и тѣ, кто слылъ сторонникомъ «здраваго смысла и практической опытности», напримѣръ Ауэръ. Къ его мнѣнію, однако, присоединился нѣкій Unus. Подъ этимъ псевдонимомъ скрывался авторъ, впослѣдствіи такъ энергично нападавшій на Бернштейна подъ именемъ Парвуса.

Этотъ призывъ къ участію въ избирательной борьбѣ при выборахъ въ ландтагъ тѣмъ болѣе не могъ имѣть особыхъ послѣдствій, что былъ сдѣланъ слишкомъ поздно. Зато въ 1897 году представился болѣе благопріятный случай. Тогда прусское правительство внесло предложеніе ввести законъ, ограничивающій свободу союзовъ и собраній, и идея объ участіи въ избирательной борьбѣ встрѣтила широкое сочувствіе. На гамбургскомъ партейтагѣ въ своемъ докладѣ по этому поводу Ауэръ говоритъ:

«Въ 1893 г. одни только Бернштейнъ и Unus держались такого мнѣнія. Иначе обстоитъ дѣло теперь, когда это самое предложеніе повторено на страницахъ «Neue Zeit» Каутскимъ. Мы могли уже увидѣть, что участіе въ выборахъ въ ландтагъ съ самаго начала *всѣми одобрялось*, и если по этому поводу бывали разногласія, то лишь въ вопросѣ, какъ дѣйствовать».

Какъ разъ въ это же самое время фракція партіи въ рейхстагѣ обнародовала слѣдующее воззваніе:

«Слѣдуетъ поддерживать всякіе протесты буржуазныхъ партій противъ посягательствъ на свободу и права народа. Всѣ должны сплотиться для общихъ дѣйствій противъ юнкеровъ».

Этотъ призывъ былъ *единодушно* одобренъ всей фракціей.

Въ 1897 г., на гамбургскомъ партейтагѣ обсуждался вопросъ объ участіи въ выборахъ въ прусскій ландтагъ. Тогда самъ Бебель внесъ предложеніе, допускающее, при извѣстныхъ условіяхъ, компромиссы съ буржуазными оппозиціонными партіями. Среди ораторовъ, поддержавшихъ Бебеля, находилась Клара Цеткина,—еще одна противница идей Бернштейна.

При голосованіи это предложеніе было такъ сформулировано, что въ этомъ видѣ оно допускало различное истолкованіе.

Поэтому въ слѣдующемъ году состоявшійся въ Штутгардѣ партейтагъ долженъ былъ вновь заняться тѣмъ же вопросомъ. Онъ предоставилъ каждому избирательному округу свободу участія въ выборахъ въ ландтагъ и, при извѣстныхъ условіяхъ, поддержку *кандидатовъ буржуазной оппозиціи.*

Вполнѣ согласуясь съ этой резолюціей, ганноверскій партейтагъ принялъ слюдующую резоллюцію Бебеля:

«Не обольщая себя иллюзіями относительно характера и программъ буржуазныхъ партій, которыя представляютъ и защищаютъ современный соціально-политическій порядокъ, партія, однако, не отвергаетъ совмѣстныхъ дѣйствій въ тѣхъ случаяхъ, когда идетъ дѣло о поддержкѣ партіи на выборахъ, о расширеніи политическихъ правъ и свободы народа, о серьезномъ улучшеніи положенія пролетаріата, о поддержкѣ обще-культурныхъ задачъ или же о борьбѣ противъ всякихъ проэктовъ, нарушающихъ интересы рабочаго класса».

Собственно говоря, эта тактика указана еще въ «Манифестѣ» Но поскольку она имѣетъ практическое значеніе въ вопросѣ о выборахъ, принятіе ея является слѣдствіемъ стараній, восходящихъ ко времени, предшествовавшему появленію книги Бернштейна. Ее поддерживали прежде всего тѣ, которые въ Ганноверѣ враждебнѣе всѣхъ относились къ Бернштейну. Въ данномъ случаѣ его книга далеко не оказала поддержки, но скорѣе всего могла скомпрометировать.

Вполнѣ справедливо Бернштейнъ вспоминаетъ, что книгѣ его были сдѣланы «компрометирующіе комплименты», и тѣмъ болѣе, скажемъ мы, компрометирующіе его самого, что имъ не было написано ни одной строки, чтобы отклонить комплименты. Они были такого сорта, что обладали способностью компрометировать все, что хотя бы отчасти миого имѣть отдаленное сходство съ идеями Бернштейна.

Если Бернштейнъ усматриваетъ значительныя уступки своимъ идеямъ во 2-мъ параграфѣ резолюціи Бебеля относительно коопера-

ціи и союзовъ съ буржуазной оппозиціей, то это еще не значитъ, что имъ одержана въ Германіи моральная побѣда, а только то, что у него составилось превратное понятіе о партіи и марксистской теоріи. Эти 2 параграфа служатъ опроверженіемъ мнѣній, будто въ разногласіи Бернштейна и его противниковъ выражается антагонизмъ между политикой реформъ и революціонной фразеологіей, иначе говоря, между развивающейся критикой и застывшимъ догматизмомъ. Выше было показано, что до появленія книги Бернштейна партія стремилась опредѣлить, какую ей слѣдуетъ занять позицію по отношенію къ кооперацiямъ и къ буржуазной оппозиціи. Изъ опасенія удлинить наше предисловіе, мы не станемъ доказывать, что даже самые крайніе противники кооперацій и участія въ выборахъ въ ландтагъ руководились въ своемъ отрицательномъ отношеніи только *практическими соображеніями*, но вовсе не тѣмъ революціоннымъ «Cant'омъ», который, по Бернштейну, столь распространенное явленіе въ партіи.

Въ Германіи нѣтъ надобности подчеркивать это, принимая во вниманіе освѣдомленность публики, но дѣло принимаетъ другой оборотъ, когда Бернштейнъ представляетъ въ ложномъ свѣтѣ партію передъ публикой, мало знакомой съ нѣмецкими дѣлами. Тогда необходимо объясниться.

Въ книгѣ Бернштейна всего хуже то, что онъ даетъ нашимъ противникамъ и иностранцамъ неправильное представленіе о теоретическомъ обоснованіи марксизма и о нашей партіи.

Хотя Бернштейнъ принужденъ признать, что вышеприведенная резолюція въ остальныхъ пунктахъ неблагопріятна для него, тѣмъ не менѣе, въ виду двухъ упомянутыхъ параграфовъ съ пресловутыми «уступками», онъ голосовалъ за резолюцію въ цѣломъ. Совершенно вѣрно, что она въ одной своей части осуждаетъ его; но только-ли формально, какъ онъ увѣряетъ? Позволимъ себѣ процитировать эту резолюцію, внесенную Бебелемъ, чтобы убѣдиться, имѣлъ ли онъ въ виду формальную сторону.

Первый абзацъ гласитъ:

«Развитіе буржуазнаго общества, какъ оно совершалось до сихъ поръ, не даетъ партіи основанія покинуть или измѣнить основные принципы».

Здѣсь идетъ рѣчь не о формальностяхъ, а между тѣмъ Бернштейнъ утверждаетъ (русск. изд. 84 стр., пер. Когана), что эволюція, нарисованная Марксомъ въ «Капиталѣ», не соотвѣтствуетъ дѣйствительности

А далѣе онъ говоритъ (стр. 91):

«Если бы общество конструировалось или развивалось согласно прежней доктринѣ, тогда экономическій переворотъ былъ бы только вопросомъ очень короткаго времени. Но этого, какъ мы видѣли, нѣтъ».

Эта фраза несовмѣстима съ первымъ абзацомъ ганноверской резолюціи. Если Бернштейнъ согласенъ съ ней, то тѣмъ самымъ онъ признаетъ, что неправильно истолковалъ ученіе Маркса, или что его критика неосновательна, или, наконецъ, что и критика, и истолкованіе оба невѣрны. Но больше, чѣмъ странно, думать, что эта часть ганноверской резолюціи служитъ, самое большое, лишь формальнымъ доводомъ противъ Бернштейна.

Далѣе, во второмъ абзацѣ ганноверской резолюціи мы встрѣчаемъ слѣдующую фразу:

«Въ настоящее время, равно какъ и прежде, партія стоитъ на почвѣ классовой борьбы, т. е. она утверждаетъ, что освобожденіе рабочаго класса можетъ быть дѣломъ только самихъ рабочихъ».

Эта фраза не направлена противъ Бернштейна, потому что въ своей книгѣ онъ разсматриваетъ вопросъ о борьбѣ классовъ. Но она имѣетъ въ виду его статью въ «Vorwärts» отъ 3 сентября 1899 г. подъ заглавіемъ: „Что я думаю о теоретической части эрфрутской программы“; статью эту онъ написалъ предъ самымъ ганноверскомъ съѣздомъ; она служитъ какъ бы комментаріемъ къ его книгѣ.

Между прочимъ, въ этой статьѣ идетъ рѣчь о шестомъ параграфѣ эрфуртской программы, въ которомъ сказано: «это общественное преобразованіе можетъ быть дѣломъ только рабочаго класса». Бернштейнъ сдѣлалъ такое заключеніе: «Сказать, что преобразованіе общества можетъ быть дѣломъ *только* рабочаго класса, значитъ *вполнѣ игнорировать факты*».

Когда Бернштейнъ писалъ эти строки, онъ еще не думалъ, что въ интересующемъ насъ мѣстѣ рѣчь идетъ о *формальномъ вопросѣ*. Тогда онъ порицалъ даже положеніе эрфрутской программы, но когда въ Ганноверѣ голосованіе должно было рѣшить, присоединится ли большинство партіи къ точкѣ зрѣнія Бернштейна, или останется на точкѣ зрѣнія эрфуртской программы, Бернштейнъ заявилъ, что будетъ голосовать за программу; а теперь онъ разсказываетъ французскимъ читателямъ, что былъ осужденъ только *формально*.

Резолюція заключается словами:

«Партія не имѣетъ никакихъ основаній измѣнить ни свои принципы, ни свог

основныя требованія, ни свою тактику, ни свое названіе, т. е. превратиться изъ соціаль-демократической партіи въ партію демократическихъ и соціалистическихъ реформъ».

А въ своей книгѣ Бернштейнъ говоритъ:

«Вліяніе ихъ сильно увеличилось бы по сравненію съ настоящимъ временемъ, если бы въ соціальдемократіи оказалось достаточно мужества, чтобы избавиться отъ устарѣлой фразеологіи и казаться тѣмъ, что она есть въ дѣйствительности, т. е. партіей демократическихъ и соціалистическихъ реформъ» (русск. перев. 272 стр.).

И присоединяясь къ ганноверской резолюціи, Бернштейнъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ смѣлость утверждать, что партія осуждаетъ его замѣчанія не по существу, а формально тогда, когда она отвѣчаетъ: «я не партія соціалистическихъ и демократическихъ реформъ и не хочу казаться ею!».

Если онъ такъ смотритъ на дѣло, если осужденіе его собственныхъ словъ для него только формальный вопросъ, то онъ тѣмъ самымъ самъ умаляетъ ихъ значеніе. Это слова, лишенныя опредѣленнаго смысла и, право, очень жаль, что мы потратили столько времени на ихъ разборъ. Во всякомъ случаѣ, читатель хорошо сдѣлаетъ, если при чтеніи книги Бернштейна будетъ имѣть въ виду ганноверскую резолюцію, въ которой присоединился самъ Бернштейнъ.

Если кто-нибудь воображаетъ, что книга Бернштейна возвѣщаетъ кризисъ марксизма, возникновеніе новыхъ принциповъ и отмираніе прежнихъ, то ганноверская резолюція ему покажетъ, что книга Бернштейна, по его собственному мнѣнію, содержитъ критику только второстепенныхъ подробностей.

Въ этой же книгѣ Бернштейнъ пишетъ по поводу предисловія Энгельса къ «Klassenkämpfe»:

«Нельзя достаточно высоко оцѣнить заслугу, оказанную движенію этимъ сочиненіемъ, которое по справедливости можно назвать политическимъ завѣщаніемъ Энгельса..... Но поправка, которую должна извлечь наша новая исторіографія изъ предисловія Энгельса, не такъ важна, какъ поправка, вытекающая изъ него для всего пониманія борьбы и задачъ партіи» (русск. перев. 46—47).

А въ Ганноверѣ, когда должно было голосовать по вопросу объ этомъ самомъ общемъ пониманіи, Бернштейнъ одобрилъ резолюцію, гласящую, что прежнее пониманіе не нуждается въ поправкахъ.

Но мы были бы несправедливы по отношенію къ Бернштейну, если бы думали, что, присоединяясь къ резолюціи, предложенной Бебелемъ, онъ желалъ лишь избѣгнуть голосованія, которое только яснѣе показало бы, какое слабое меньшинство образуютъ въ нашей пар-

тіи товарищи, требующіе внесенія «поправокъ къ общему пониманію борьбы и задачъ партіи». Быть можетъ, это пожеланіе и облегчило ему и его друзьямъ принятіе резолюціи Бебеля, но Бернштейнъ никоимъ образомъ не присоединился бы къ ней, если бы онъ видѣлъ въ ней противорѣчіе своимъ убѣжденіямъ.

Легко объяснить себѣ настроеніе Бернштейна, если вспомнить о его эклектикѣ, для него самого вытекающей изъ столь симпатичныхъ ему въ настоящее время политическихъ тенденцій.

Я не стану настаивать на этомъ пунктѣ, такъ какъ иначе насъ отвлекли бы въ сторону соображенія, мало интересныя постороннему читателю. Я ограничусь замѣчаніемъ, что Бернштейнъ стремится примирить либерализмъ съ марксизмомъ, стереть между ними пограничную черту. Эти стремленія находятъ себѣ поддержку въ идеяхъ Прудона. Неудивительно, что Бернштейнъ находитъ, будто марксизмъ и прудонизмъ не исключаютъ другъ друга и пополняютъ одинъ другой.

Марксъ говорилъ о Прудонѣ:

«По натурѣ Прудонъ былъ склоненъ къ діалектикѣ, но, не понявъ совсѣмъ научной діалектики, онъ дошелъ только до софистики. Въ дѣйствительности это вытекло изъ его мелкобуржузной точки зрѣнія. Мелкій буржуа, подобно нашему историку Раумеру, всегда бываетъ составленъ изъ «съ одной стороны» и «съ другой стороны». Два противоположныхъ теченія господствуютъ надъ его матеріальными интересами, а слѣдовательно, и надъ религіозными, научными и эстетическими взглядами, моралью и, наконецъ, всѣмъ его бытіемъ. Онъ самъ—живое противорѣчіе».

Но Бернштейнъ не является чистымъ прудонистомъ, а это еще болѣе усложняетъ дѣло. Съ одной стороны, онъ—марксистъ, а съ другой—прудонистъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, съ одной стороны, онъ пользуется аргументами либерализма противъ марксизма, а съ другой—онъ остается на прежней точкѣ зрѣнія марксиста; что, съ одной стороны, онъ требуетъ поправокъ къ пониманію задачъ и борьбы партіи и ея превращенія въ реформаторскую демократическую партію, а съ другой—безъ колебаній присоединяется къ резолюціи, отвергающей это требованіе.

Безъ сомнѣнія, благодаря своему эклектизму, подобная наука, лишенная единства и послѣдовательности, присущихъ марксизму, весьма удобна. Она удобна для либераловъ, которыхъ въ настоящее время стѣсняетъ самостоятельность рабочей партіи, и, прежде всего, для тѣхъ людей, которые желали-бы жить въ ладахъ съ ней, не объявляя войны буржуазному обществу. Наконецъ, подобная наука очен

удобна для всѣхъ тѣхъ, кто враждебно относится ко всякой послѣдовательной, глубокой теоріи и довольствуется поверхностными разсужденіями на всякую тему въ духѣ формулы: «съ одной стороны, съ другой стороны».

Вотъ чьимъ потребностямъ она удовлетворяетъ, вотъ въ чемъ коренится сила бернштейніанства, охватившаго политическіе и литературные круги Такимъ образомъ, это движеніе пріобрѣтаетъ симпатіи людей, взгляды которыхъ отличаются въ существенныхъ пунктахъ отъ воззрѣній Бернштейна.

Но для великой исторической миссіи пролетаріата, требующей напряженія всѣхъ его силъ, подъема духа самопожертвованія, энтузіазма, эта наука, заключающаяся въ формулѣ: «съ одной стороны, съ другой стороны», гибельна.

Она должна остаться мертвой буквой для теоріи, для дѣйствительной науки, которую эклектизмъ никогда не двигалъ. Этотъ эклектизмъ означаетъ только возвратъ къ устарѣвшимъ формамъ мышленія.

Конечно, марксизмъ не есть наивысшая точка, которой можетъ достигнуть человѣческая мысль. Каковы бы ни были научные успѣхи марксизма, человѣческая мысль ихъ превзойдетъ и создастъ новыя, высшія формы, но для этого нѣтъ надобности воскрешать мертвецовъ.

Бернштейнъ полагаетъ, что развиваетъ марксизмъ, приглашая его: «Назадъ къ Канту, назадъ къ Ланге, назадъ къ Прудону». Быть можетъ, еще услышимъ призывъ: «назадъ къ Бастіа».

Но мы говоримъ только «впередъ!». И пока нашей мысли не откроются новые пути, мы кричимъ: «Впередъ по пути, указанному Марксомъ и Энгельсомъ». Предстоящіе здѣсь успѣхи только тогда, по моему мнѣнію, осуществятся, когда мы введемъ спеціализацію изслѣдованій, для того чтобы заполнить пробѣлы теоріи или усовершенствовать унаслѣдованный нами методъ.

Пусть тотъ, кому извѣстны лучшіе пути развитія теоріи, кто чувствуетъ себя въ силахъ вступить на эти пути, пусть тотъ намъ покажетъ ихъ; но, по крайней мѣрѣ пусть насъ не направляютъ одновременно вправо и влѣво, въ духѣ традиціонной формулы: съ одной стороны... съ другой стороны...

К. Каутскій.

Берлинъ январь 1900 г.

Введеніе.

Въ нѣмецкой марксистской литературѣ книга Бернштейна является первымъ сенсаціоннымъ произведеніемъ. Правда, въ смыслѣ литературнаго успѣха, первое мѣсто занимаетъ „Женщина“ Бебеля, но сенсаціи она собственно не произвела; вѣдь нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что марксистъ написалъ марксистскую книгу.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло, когда видный марксистъ, одинъ изъ „наиболѣе ярыхъ ортодоксовъ“ пишетъ книгу, въ которой торжественно сжигаетъ все, чему до сихъ поръ поклонялся, и поклоняется всему, что сжигалъ. Превращеніе изъ буржуазнаго демократа въ марксиста—весьма обыденный случай, и буржуазной прессѣ нѣтъ нужды разглашать объ этомъ повсюду; другое дѣло, когда, наконецъ, хоть разъ происходитъ, повидимому, обратное превращеніе. Здѣсь еще не мѣсто рѣшать вопросъ о томъ, представляетъ ли дѣйствительно эволюція Бернштейна такой случай, означаетъ ли его книга отпаденіе отъ коллективистическихъ теорій нашей партіи. Но очевидно, что буржуазная пресса истолковала ее именно въ такомъ смыслѣ, и поэтому радости ея нѣтъ предѣла. Наконецъ-то, послѣ столькихъ пораженій, хоть одна побѣда! Наконецъ-то признакъ того, что хоть одинъ изъ теоретиковъ гордаго, непобѣдимаго марксизма начинаетъ охладѣвать къ своей партіи и, вмѣсто твердой увѣренности въ побѣдѣ, обнаруживать колебанія и сомнѣнія. Такую радостную новость необходимо было возвѣстить, какъ можно громче.

Уже одно это поведеніе противниковъ должно было привлечь вниманіе всѣхъ членовъ партіи къ книгѣ Бернштейна, тѣмъ болѣе, что и внутри самой партіи она не встрѣтила единогласнаго осужденія. Правда, защитники Бернштейна во многомъ противорѣчили другъ другу. Въ то время, какъ одни заявляли, что онъ только подтверждаетъ то, что и до сихъ поръ признавалось партіей, другіе восхваляли его, какъ реформатора нашей практической политики, которая — говорили они — важнѣй сухой теоріи; третьи, наконецъ, отвергали его практическую политику, находя, что новое въ ней не цѣнно, а цѣнное не ново, но

признавали его заслуги, какъ самостоятельнаго мыслителя, оживившаго отодвинутое на задній планъ теоретическое мышленіе. Преобладающее же большинство партіи, раздѣляя это послѣднее мнѣніе о практической политикѣ Бернштейна, видѣло въ его теоріяхъ лишь отраженіе устарѣвшихъ идей катедеръ-соціалистовъ.

Это различіе въ пониманіи объясняется отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ мы увидимъ позже, Бернштейнъ изложилъ свою точку зрѣнія не вполнѣ ясно и послѣдовательно, отчасти же, и даже главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ самой нашей партіи по весьма существеннымъ вопросамъ имѣются почти противоположныя теченія.

Само по себѣ это еще не несчастье. Въ нашей партіи всегда существовали разногласія,—разногласія личнаго, мѣстнаго, профессіональнаго и теоретическаго характера. Молодой и горячій думаетъ иначе, чѣмъ старый и разсудительный; баварецъ—иначе, чѣмъ саксонецъ, а тотъ иначе, чѣмъ гамбуржецъ; горнорабочій—иначе, чѣмъ работница въ конфексіонной мастерской; поглощенный профессіональнымъ или кооперативнымъ движеніемъ—иначе, чѣмъ всецѣло отдавшійся парламентской дѣятельности и выборной агитаціи; воспринявшій марксизмъ непосредственно, какъ послѣдователь Маркса и Энгельса,—иначе, чѣмъ тотъ, кто до того находился подъ вліяніемъ Родбертуса, и такъ далѣе.

Такія различія не только неизбѣжны, но даже необходимы для того, чтобы не замерла внутренняя духовная жизнь партіи. Но эта послѣдняя—армія борцовъ, а не клубъ для обмѣна мыслей; обнаруживающіяся въ ней противорѣчія не должны идти настолько далеко, чтобы исчезла самая возможность плодотворной совмѣстной работы, даже не настолько далеко, чтобы порождать тренія, устраненіе которыхъ поглощаетъ много времени и силъ и уменьшаетъ боевую готовность. Расширеніе партіи никогда не должно совершаться на счетъ ея сплоченности и единства. Нѣтъ ничего хуже несогласованности тактики.

Сущность тактики и состоитъ именно въ *единствѣ дѣйствія*, въ согласованности различныхъ силъ для общаго планомѣрнаго дѣйствія. На единствѣ дѣйствія покоится превосходство регулярнаго войска надъ толпой, если даже послѣдняя гораздо многочисленнѣй и одинаково хорошо вооружена. Въ единствѣ дѣйствія заключается превосходство сплоченной партіи надъ индифферентной массой.

Не слѣдуетъ смѣшивать тактику со способомъ агитаціи. Этотъ

послѣдній долженъ приспособляться къ индивидуальнымъ и мѣстнымъ условіямъ, и въ этой области каждому должно быть предоставлено дѣйствовать тѣми средствами, которыя находятся въ его распоряженіи: одинъ воздѣйствуетъ сильнѣй всего своимъ энтузіазмомъ, другой остроуміемъ, третій—обиліемъ фактовъ и т. д. Агитація должна приспособляться также и къ публикѣ: надо говорить такъ, чтобы быть понятымъ, и исходить изъ того, что уже извѣстно слушателямъ. Это само собой разумѣется. Здѣсь надо *индивидуализировать*, но наша *тактика*, наше политическое *поведеніе* должно быть *единообразно*. Во время дѣйствій, распространяющихся на всю страну, напр. при выборахъ въ рейхстагъ, мы не должны имѣть одну тактику для Юга, другую—для Сѣвера, особую для города и особую для деревни. На единообразіи тактики основано единство партіи, и если первое отсутствуетъ, то вскорѣ исчезаетъ и второе.

Единообразіе тактики есть единообразіе *поведенія* и совершенно не исключаетъ разногласій во *мнѣніяхъ* и теоретическихъ воззрѣніяхъ. Полное единообразіе во мнѣніяхъ можетъ быть достигнуто развѣ только въ какой-нибудь религіозной сектѣ и совершенно несовмѣстимо съ самостоятельнымъ мышленіемъ. Но это нисколько не значитъ, что теоретическія воззрѣнія отдѣльныхъ членовъ партіи — вещь совершенно безразличная, такъ сказать, частное дѣло.

Какъ всякая общественная дѣятельность, дѣятельность партійная требуетъ отъ личности пожертвованія частью своей индивидуальности. Пусть анархисты и теоретики индивидуализма презираютъ вслѣдствіе этой жертвы людей партійныхъ; они не могутъ отрицать того факта, что безъ совмѣстной общественной дѣятельности ничто великое не было бы осуществлено на дѣлѣ. Ясно, однако, что отказъ отъ своей индивидуальности, который требуется отъ отдѣльныхъ членовъ партіи, не долженъ заходить черезчуръ далеко, не то партія превратилась бы въ толпу безвольныхъ рабовъ или безсмысленное стадо овецъ. Изъ этого слѣдуетъ, что чѣмъ больше теоретическія разногласія внутри партіи, тѣмъ больше отдѣльныя личности должны жертвовать своей самостоятельностью въ интересахъ единства дѣйствій, тѣмъ слабѣе воодушевленіе дѣятельностью партіи, тѣмъ сильнѣй опасность, угрожающая ея единству. Но, съ другой стороны, надо остерегаться слишкомъ узко обозначить предѣлы возможности оставаться дѣятельнымъ членомъ партіи при теоретическимъ несогласіи

съ большинствомъ ея,—предѣлы совмѣстности партійнаго единства съ самостоятельностью членовъ партіи.

Опредѣленіе этихъ предѣловъ является одной изъ важнѣйшихъ задачъ партіи; для рѣшенія ея она формулируетъ и обосновываетъ свои цѣли въ своей программѣ. Въ ней излагаются не только наши ближайшія требованія, но и тѣ принципы, признаніемъ которыхъ обусловливается однородность и единство партіи и ея боевая готовность. Общая часть программы—не простое украшеніе партійнаго зданія, не невинное удовольствіе, которое «практики» предоставляютъ «теоретикамъ», но которое само по себѣ безцѣльно; на ней лежитъ глубоко-практическая задача служить пограничной чертой, отдѣляющей насъ не только отъ нашихъ непосредственныхъ противниковъ, но и отъ тѣхъ мягкотѣлыхъ и неопредѣлившихся диллетантовъ, которые не прочь изрѣдка идти съ нами, но которые нисколько не намѣрены сражаться въ нашихъ рядахъ всегда и всюду и до самаго конца.

Но именно вслѣдствіе того, что на программѣ лежитъ такая важная задача, ее нельзя объявить неприкосновенной, неподлежащей критикѣ. Нѣтъ ничего хуже программы, противорѣчащей дѣйствительности. Тогда она или теряетъ для партіи всякое практическое значеніе,—но тогда и эта послѣдняя теряетъ свою сплоченность, стушевывается граница между нею и сосѣдними элементами, въ нее проникаютъ посторонніе; мѣсто твердыхъ принциповъ занимаютъ колеблющіяся подъ вліяніемъ минуты мнѣнія искусныхъ демагоговъ; мѣсто сознательнаго, цѣлесообразнаго, неуклоннаго движенія впередъ—зигзагообразный курсъ; мѣсто сплоченности—растерянность, мѣсто увѣренности въ себѣ и энтузіазма — скептицизмъ и мнительность; или же программа сохраняетъ свое значеніе внутри партіи, но, находясь въ противорѣчіи съ дѣйствительностью, она внѣ партіи теряетъ всю свою силу, все свое обаяніе, низводитъ партію до уровня секты, увлекаетъ ее на путь безцѣльной декламаціи и рискованныхъ авантюръ.

Итакъ, не только позволено, но даже должно производить отъ времени до времени критическій пересмотръ программы. Но въ виду ея значенія для всей жизни партіи, необходимо, чтобы этотъ пересмотръ производился съ наивеличайшей добросовѣстностью. Не должно ставить знакъ вопроса надъ своей партійной программой послѣ перваго попавшагося критическаго замѣчанія, безъ серьезныхъ основаній

возбуждать сомнѣнія въ крѣпости партійнаго зданія и колебать старую точку зрѣнія, пока не найдена и не установлена новая.

«Чтобы совершать великія дѣла, надо преисполниться энтузіазма»,—сказалъ Сенъ-Симонъ. Но лишь великія цѣли возбуждаютъ энтузіазмъ. Если цѣль нашего движенія насъ больше не удовлетворяетъ, то нужно направить наше водушевленіе на другую, болѣе обоснованную, но столь же высокую цѣль, а не убивать его безплоднымъ сомнѣніемъ. Вотъ тѣ принципы, которыми мы должны руководиться при пересмотрѣ нашей программы.

Подобной критики нашей программы мы были вправѣ ожидать отъ Бернштейна,—критики, которая, устраняя нашу настоящую цѣль, ставитъ на ея мѣсто другую, лучшую; которая, отвергая настоящее обоснованіе цѣли и средства ея достиженія, даетъ намъ лучшее обоснованіе и указываетъ болѣе вѣрный путь. Отъ такой критики и вызываемой его полемики наше дѣло, въ виду обнаружившихся въ рядахъ нашихъ разногласій, могло бы только выиграть. Наши противники остались бы, конечно, равнодушны къ такой критикѣ; она бы тѣмъ болѣе раздражала ихъ, чѣмъ дѣйствительнѣй бы оказалась, такъ какъ она не подрывала бы основъ партіи, а укрѣпляла бы ихъ.

Дальше видно будетъ, какимъ образомъ и насколько предпринятая Бернштейномъ критика нашей программы выполнила эту задачу. Во всякомъ случаѣ, Бернштейнъ нисколько не способствовалъ рѣшенію ея тѣмъ, что подвергъ разрушительной критикѣ не только *программу*, но и *методъ*, результатомъ котораго она является. Даже люди, обладающіе геніемъ и энциклопедическими познаніями Маркса и Энгельса, не рѣшились бы произвести въ нѣсколько недѣль, на нѣсколькихъ страницахъ критическій разборъ философскихъ основъ нашей программы и самой программы, а затѣмъ изложить вытекающія отсюда практическія послѣдствія. «Анти-Дюрингъ» Энгельса беретъ на себя въ сущности лишь первую часть задачи, а „Отвѣтъ Прудону“ Маркса касается лишь важнѣйшихъ положеній политической экономіи.

Если бы книга Бернштейна взяла на себя меньшее, она бы только выиграла. Критика программы была бы цѣнна лишь постольку, поскольку Бернштейнъ призналъ бы правильность метода, положеннаго въ ея основу. Если онъ невѣренъ, то программа лишается своей основы, и тогда необходимо прежде всего установить новый методъ, которымъ

слѣдуетъ руководствоваться, а затѣмъ уже приступить къ выработкѣ новой программы.

Антоніо Лабріола справедливо замѣтилъ, что даже съ чисто формальной точки зрѣнія книга Бернштейна страдаетъ крупнымъ недостаткомъ,—слишкомъ большой *энциклопедичностью;* для основательной критики его необходимо написать объемистый томъ.

Я же скажу, что для исчерпывающей критики Бернштейна необходимо было бы написать цѣлую библіотеку, такъ какъ онъ занимается, главнымъ образомъ, постановкой вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ предоставляетъ другимъ. Но притомъ книга Бернштейна написана, такъ сказать, по случаю и является сенсаціоннымъ произведеніемъ, которое въ минуту своего появленія подымаетъ кругомъ себя много пыли, но вліяніе котораго непродолжительно. Критикъ не можетъ потратить годы на то, чтобы написать въ отвѣтъ цѣлую энциклопедію; его отвѣтъ долженъ появиться, какъ можно скорѣй, или же онъ не достигнетъ своей цѣли.

Ко всему этому присоединяется еще одно затрудненіе. Вслѣдствіе обилія поставленныхъ на ограниченномъ пространствѣ вопросовъ, книга Бернштейна отличается не только отсутствіемъ положительныхъ результатовъ, но и неясностью изложенія. Мысли тѣснятъ другъ друга, и ни одна изъ нихъ не развита вполнѣ. Притомъ Бернштейнъ, какъ онъ самъ признается въ своемъ предисловіи, не всегда пользовался возможностью выбрать именно ту форму и тѣ аргументы, которые яснѣй всего выражали его мысль; онъ налагалъ на себя ограниченія изъ уваженія къ своимъ покойнымъ друзьямъ и учителямъ. Мы увидимъ дальше, много ли онъ воздалъ тѣмъ самымъ ихъ памяти. Но, во всякомъ случаѣ, это сильно затруднило объясненія съ нимъ.

Вслѣдствіе всего этого, критику книги Бернштейна почти невозможно достигнуть какихъ-нибудь цѣнныхъ, положительныхъ результатовъ. Передъ нимъ стоитъ громадная, прямо подавляющая задача; обиліе вопросовъ въ критикуемой книгѣ и отсутствіе содержанія почти совершенно исключаютъ возможность углубить и рѣшить путемъ критики отдѣльные вопросы, и такъ какъ важнѣйшія мысли не продуманы до конца и не выражены достаточно ясно, то читателю черезчуръ часто предоставляется выводить самому заключенія и угадывать точку зрѣнія автора.

Вотъ почему главное возраженіе, которое Бернштейнъ дѣлаетъ своимъ критикамъ, заключается въ томъ, что они его не поняли и невѣрно изложили его воззрѣнія. Но тутъ любопытно то, что кто ни выступалъ противъ Бернштейна, всѣ толковали его книгу одинаково; наоборотъ, его защитники истолковывали ее самымъ различнымъ образомъ. Одни видятъ въ ней полнѣйшій разрывъ со всѣмъ принципами и всей дѣятельностью рабочей демократіи, другіе—подтвержденіе истиннаго характера нашего движенія и устраненіе нѣсколькихъ устарѣлыхъ внѣшнихъ признаковъ.

Все это дѣлаетъ обстоятельную критику книги Бернштейна трудомъ, далеко не легкимъ, пріятнымъ и обѣщающимъ успѣхъ. Но задача поставлена, и ее нужно рѣшить. Мы постараемся, чтобы это рѣшеніе было, какъ можно, богаче положительнымъ содержаніемъ.

I.

Методъ.

а) Матеріалистическое пониманіе исторіи.

Въ книгѣ Бернштейна обнаруживаются нѣсколько различныхъ стадій развитія. Вступленіемъ служатъ статьи изъ «Neue Zeit», вызвавшія всѣ наши дебаты. Затѣмъ послѣдовали статьи о «борьбѣ и задачахъ нашей партіи» съ извѣстнымъ положеніемъ о «*конечной цѣли и движеніи*». Эти статьи являются простой полемикой противъ Бельфорта Бакса. Когда Бернштейнъ по этому поводу подвергся нападкамъ, онъ придалъ своимъ возраженіямъ Б. Баксу форму полемики со всѣми «представителями крайняго теченія въ нашей партіи, подобно Парвусу, Р. Люксембургъ и П—ву».

Въ началѣ своей книги Бернштейнъ еще болѣе расширяетъ кругъ своихъ противниковъ, но пока все еще стоитъ на марксистской точкѣ зрѣнія. Онъ говоритъ: матеріалистическое пониманіе исторіи подверглось измѣненіямъ; большинство марксистовъ этого не замѣчаетъ, но онъ, Бернштейнъ, даже въ состояніи точно прослѣдить его эволюцію; поэтому необходимо признать матеріалистическое пониманіе исторіи не въ первоначальной формѣ, а въ самой развитой.

Здѣсь Бернштейнъ защищаетъ ученіе Маркса отъ неразумныхъ марксистовъ. Пока онъ еще воображаетъ себя пророкомъ, пришедшимъ не разрушить законъ, а утвердить его. Но по мѣрѣ того, какъ Бернштейнъ приближается къ этой цѣли, онъ все воодушевляется. И вотъ мы очутились во второй стадіи. Теперь Бернштейнъ уже думаетъ, что Марксъ и Энгельсъ измѣнили свои взгляды, сами того не сознавая, не говоря ужъ о марксистахъ. Однако, Бернштейнъ это открылъ.

Поэтому ученіе Маркса слѣдуетъ переработать въ духѣ этого превращенія, иначе говоря, призвать на помощь прозрѣвшаго Маркса противъ Маркса заблуждающагося. Не такъ давно у нашихъ катедеръ-соціалистовъ было въ модѣ противопоставлять злому Марксу добраго Лассаля. Но Бернштейнъ перепуталъ роли и злому Марксу противопоставляетъ добраго Маркса. На этомъ Бернштейнъ не останавливается, онъ идетъ дальше и, преисполняясь еще большаго жару, переходитъ въ наступленіе. И вотъ мы, наконецъ, въ третьей стадіи: отъ добраго Маркса ничего уже не осталось; мало того, его ученіе отвергается даже въ своемъ наиболѣе зрѣломъ видѣ. Дѣйствительное развитіе, вѣщаетъ Бернштейнъ, совершается въ направленіи, діаметрально противоположномъ тому, которое указывалъ Марксъ.

Этотъ моментъ имѣетъ для насъ наиболѣе рѣшительное и важное значеніе. По крайней мѣрѣ, мы хоть знаемъ, что намъ слѣдуетъ думать. Но, къ несчастью, Бернштейнъ не можетъ здѣсь остановиться, и потокъ, грозившій снести все зданіе марксизма сразу перестаетъ бушевать, изсякаетъ и превращается въ небольшую экскурсію въ область практическихъ соціальныхъ реформъ, необходимость которыхъ вообще признается всѣми, не только буржуазными экономистами, но и «Парвусомъ, Р. Люксембургъ, П. и прочими». Отъ всего бурно текущаго потока остается тоненькая струйка, а единственнымъ практическимъ результатомъ столь длиннаго разсужденія является увѣщеваніе избѣгать выраженій, могущихъ испугать буржуазію.

Прежде всего, присмотримся къ первой стадіи книги. Рѣчь идетъ объ основѣ марксистской теоріи, т. е. о матеріалистическомъ пониманіи исторіи. Въ «Анти-Дюрингѣ» Энгельсъ говоритъ: «Благодаря двумъ открытіямъ, а именно — матеріалистическому пониманію исторіи и прибавочной стоимости, этой тайнѣ капиталистическаго производства, соціализмъ сдѣлался наукой». Эти открытія не создали новѣйшаго соціализма, но позволили обосновать и построить соціалистическое ученіе съ соблюденіемъ научныхъ и методологическихъ требованій.

Изъ этихъ двухъ открытій именно матеріалистическое пониманіе исторіи послужило базисомъ, краеугольнымъ камнемъ марк-

сизма, въ которомъ соціалистическія теорія достигла своей высшей ступени развитія.

Итакъ, въ своемъ полемическомъ сочиненіи Бернштейнъ исходитъ изъ вопроса: имѣетъ ли для насъ цѣнность историческій матеріализмъ, а если да, то какую?

«Вопросъ о вѣрности матеріалистическаго пониманія исторіи—заявляетъ онъ—есть вопросъ о значеніи исторической необходимости. Быть матеріалистомъ значитъ почти утверждать, что все совершающееся необходимо:.. Матеріалистъ есть кальвинистъ безъ Бога» *).

Марксистское пониманіе имѣло само по себѣ детерминистическій характеръ даже въ томъ первоначальномъ видѣ, въ какомъ оно заключается въ предисловіи къ «Критикѣ политической экономіи», т. е. оно исходило изъ принципа господства необходимости, какъ надъ дѣятельностью людей, такъ и надъ міромъ прочихъ явленій. Но Бернштейнъ утверждаетъ, что позже такое пониманіе было сужено оговорками въ «Капиталѣ», «Анти-Дюрингѣ» и, наконецъ, въ нѣкоторыхъ письмахъ Энгельса.

«Итакъ, матеріалистическое пониманіе исторіи является теперь передъ нами не въ томъ видѣ, въ какомъ оно первоначально вышло изъ рукъ своихъ творцовъ. Уже у нихъ оно прошло извѣстное развитіе, уже они ограничили его абсолютное значеніе. Основная мысль теоріи нисколько вслѣдствіе этого не утратитъ своего единства, а сама теорія выиграетъ въ научности. Только при этихъ дополненіяхъ она въ самомъ дѣлѣ станетъ теоріей научнаго объясненія исторіи... Научной основой соціалистической теоріи въ настоящее время можетъ считаться матеріалистическое пониманіе исторіи только въ томъ распространенномъ толкованіи, которое дано выше; если же не принято или мало принято въ расчетъ указанное измѣнчивое дѣйствіе матеріальныхъ и идеологическихъ силъ, то всякое примѣненіе теоріи, исходитъ ли оно отъ самыхъ творцовъ ея, или отъ кого-нибудь другого, должно быть исправлено соотвѣтствующимъ образомъ» (русск. пер., стр. 20).

«Философскій или физіологическій матеріализмъ детерминистиченъ, а этого характера не имѣетъ марксистское пониманіе

*) *Бернштейнъ*: Соціальныя проблемы, пер. Когана, стр. 9.

исторіи; Марксъ не приписываетъ экономическимъ основамъ народной жизни безусловнаго опредѣляющаго вліянія на ея формы» (русск. пер., стр. 24).

Таковъ въ общихъ чертахъ взглядъ Бернштейна на матеріалистическое пониманіе исторіи.

Но когда мы присмотримся поближе, то прежде всего насъ поразитъ слѣдующая вещь. Бернштейнъ перепуталъ два вопроса, которые слѣдуетъ строго раздѣлять: вопросъ о томъ пониманіи историческаго процесса, котораго придерживались Марксъ и Энгельсъ, и вопросъ о точности этого пониманія. Онъ утверждаетъ, что Марксъ и Энгельсъ только вначалѣ признавали детерминизмъ въ исторіи, что впослѣдствіи они отъ него отказались, что, слѣдовательно, детерминистическое пониманіе невѣрно и не имѣетъ научной цѣнности. Но если бы даже посылки были правильны, заключеніе Бернштейна я безусловно оспаривалъ бы.

Большая или меньшая степень справедливости матеріалистическаго пониманія исторіи не зависитъ отъ тѣхъ или иныхъ писемъ или статей Маркса и Энгельса и можетъ быть доказана только изученіемъ исторіи. Напрасно Бернштейнъ презрительно отзывается о «*модномъ словечкѣ схоластика*». Я вполнѣ раздѣляю мнѣніе Лафарга, называющаго схоластикой всякаго рода обсужденіе вѣрности матеріалистическаго пониманія исторіи безъ провѣрки этого пониманія изученіемъ самой исторіи. Насколько мнѣ извѣстно изъ частныхъ бесѣдъ съ Энгельсомъ, такого же мнѣнія придерживались Марксъ и Энгельсъ; на мой взглядъ, доказательствомъ тому служитъ странное для многихъ обстоятельство, что рѣдко когда они говорили, да и то кратко, объ основахъ своей теоріи, и большую часть своей дѣятельности они посвящали приложенію этой теоріи къ изученію фактовъ.

Не менѣе важно отмѣтить, что марксисты, занявшіеся по ихъ примѣру историческими изслѣдованіями, никогда не впадали ни между собой, ни со своими учителями въ противорѣчіе по вопросу о томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи.

Не то, чтобы каждый изъ насъ соглашался съ заключеніями, выводимыми другими; немало выводовъ Маркса и Энгельса въ настоящее время неприемлемы. Но всѣ историки

марксистской школы единогласно признаютъ, что ихъ изслѣдованія вполнѣ подтверждаютъ марксово пониманіе историческаго процесса, изложенное имъ въ цитированномъ предисловіи. Оспаривающіе же научность этого пониманія исторіи — не историки.

Но Марксъ и Энгельсъ будто бы перешли впослѣдствіи къ другой точкѣ зрѣнія, будто бы придали теоріи болѣе ограниченный смыслъ и тѣмъ самымъ повысили ея научность.

Здѣсь Бернштейнъ снова смѣшалъ два, правда, соприкасающіеся въ нѣкоторыхъ пунктахъ вопроса, которые слѣдуетъ, однако, разсмотрѣть совершенно отдѣльно одинъ отъ другого, если желательно добиться ихъ разъясненія и избѣгнуть неточности и неопредѣленности. Бернштейнъ отождествляетъ детерминизмъ съ гипотезой, обусловливающей развитіе общественныхъ отношеній развитіемъ производительныхъ силъ. Но это невѣрно. Прежде всего, онъ заблуждается, утверждая, что быть матеріалистомъ значитъ признавать небходимость *всего совершающагося*. Безъ сомнѣнія, матеріалисты признаютъ необходимость *всего совершающагося*, т. е. значеніе закона причинности для явленій опыта; но существуютъ философы-идеалисты, придерживающіеся того же взгляда. Слѣдовательно, если бы даже Марксъ и Энгельсъ ограничили значеніе отношеній производства, какъ опредѣляющаго фактора, и признали бы за идеями самостоятельное и независимое движеніе, то это еще не значило бы, что ихъ пониманіе исторіи утратило свой детерминистическій характеръ.

Возьмемъ, напримѣръ, историческую теорію Бокля. Она сильно отличается отъ ученія Маркса. Боклю еще не было извѣстно, что различнымъ соціальнымъ формамъ соотвѣтствуютъ различные экономическіе законы. Онъ не шелъ дальше либеральной политической экономіи, для которой законы развитого товарнаго производства были естественными законами всякаго способа производства. Поэтому, въ исторіи онъ усматривалъ только два движущихъ фактора—природу и разумъ, и обусловливалъ историческій процессъ развитіемъ разума и прогрессомъ науки. Если научный прогрессъ разсматривать, какъ прогрессъ открытій и изобрѣтеній, тогда пониманіе Бокля приведетъ насъ къ Марксу. Но Боклю, какъ было отмѣчено, помѣшала точка зрѣнія либеральной политической экономіи, считающей суще-

ствующіе законы производства естественными. Съ такой точки зрѣнія, общество прогрессировало только по мѣрѣ болѣе глубокаго познаванія управляющихъ имъ естественныхъ законовъ и по мѣрѣ переустройства его согласно этимъ вѣчнымъ истинамъ.

Теорія Бокля совершенно расходится съ марксовой, но тѣмъ не менѣе Бокль твердо придерживается принципа необходимости *всего происходящаго*.

Итакъ, сужденіе Бернштейна о детерминизмѣ, отъ котораго будто бы въ концѣ концовъ отказались Марксъ и Энгельсъ, слѣдуетъ разсматривать совершенно отдѣльно отъ его утвержденія, что впослѣдствіи они приписывали экономическому фактору меньшее значеніе въ процессѣ историческаго развитія.

Но будемъ снисходительны и не станемъ требовать, чтобы Бернштейнъ привелъ намъ убѣдительные доводы въ пользу своего перваго утвержденія. Будемъ помнить, что онъ самъ заявляетъ, что всякій матеріалистъ является детерминистомъ.

Вначалѣ матеріалистическое пониманіе исторіи имѣло детерминистическій характеръ, но позже детерминизмъ будто бы былъ отброшенъ. Но Марксъ и Энгельсъ оставались до конца своихъ дней матеріалистами. Не равносильно ли это тому утвержденію, что, будучи вначалѣ вполнѣ послѣдовательными, они впослѣдствіи измѣнили себѣ и впали въ противорѣчіе?

Правда, въ глазахъ Бернштейна такая перемѣна является, съ научной точки зрѣнія, шагомъ впередъ, и онъ выступаетъ съ требованіемъ признанія марксистской теоріи въ ея противорѣчивой формѣ.

Но что такое наука? Познаніе необходимыхъ и естественныхъ отношеній явленій. Тамъ же, гдѣ сложность явленій не допускаетъ открытія необходимыхъ отношеній и не позволяетъ усматривать въ нихъ ничего другого, кромѣ игры случая или произвола, тамъ кончается область науки. Научный прогрессъ состоитъ въ суженіи царства произвольнаго и случайнаго путемъ расширенія предѣловъ познанной необходимости.

Великая заслуга Маркса и Энгельса и состоитъ именно въ томъ, что они сумѣли, какъ ни одинъ изъ ихъ предшественниковъ, ввести историческіе факты въ область необходимыхъ явленій и возвысить исторію на степень науки. Но вотъ Бернштейнъ спѣшитъ вмѣшаться и докладываетъ намъ, что,

по его мнѣнію, Марксъ и Энгельсъ подвинули науку, изгнавъ детерминизмъ изъ исторіи.

Но всего страннѣе то, что какъ одинъ, такъ и другой менѣе всего сознавали столь радикальное видоизмѣненіе своихъ взглядовъ. Матеріалистическое пониманіе исторіи, по признанію самого же Бернштейна, есть основной законъ всей теоріи. Онъ находитъ, что по мѣрѣ развитія ихъ взглядовъ, этотъ основной законъ все больше очищался отъ детерминизма, и тѣмъ не менѣе Марксъ и Энгельсъ сохранили до самой смерти увѣренность, что не измѣнили первоначальному пониманію исторіи. Въ письмѣ къ Конраду Шмидту отъ 27 октября 1890 г., о которомъ также упоминаетъ Бернштейнъ, Энгельсъ указываетъ на «18-ое Брюмера», написанное въ 1852 г., какъ на образецъ историческаго изслѣдованія съ матеріалистической точки зрѣнія.

Какъ убѣдительны должны быть тѣ доказательства, которыя могли бы заставить насъ признать, что марксистское пониманіе исторіи не обладаетъ детерминистическимъ характеромъ! Но что же даетъ намъ въ качествѣ доказательствъ Бернштейнъ? *Ничего, рѣшительно ничего.*

Мы не можемъ принять за такого рода доказательство ссылку на предисловіе къ «Капиталу». Марксъ говоритъ тамъ о «естественномъ законѣ капиталистическаго производства»; Бернштейнъ же указываетъ, что онъ сейчасъ же прибавляетъ: «Рѣчь идетъ о тенденціяхъ, которыя дѣйствуютъ и проявляются съ желѣзной необходимостью». Бернштейнъ хватается за слово «*тенденція*». «Так. обр.,—говоритъ онъ,—туда, гдѣ только что шла рѣчь о *законѣ*, въ концѣ концовъ, вмѣсто этого неподатливаго понятія, проникаетъ другое, гибкое: тенденція. А на слѣдующей страницѣ встрѣчается часто приводимая фраза о томъ, что *общество можетъ сокращать и смягчать родовыя муки естественныхъ фазъ развитія.*»

Итакъ, «тенденція» кажется Бернштейну болѣе гибкимъ понятіемъ, чѣмъ законъ, даже если она дѣйствуетъ и проявляется съ желѣзной необходимостью. Но въ такомъ случаѣ не окажется ли эта тенденція тѣмъ же закономъ, дѣйствіе котораго лишь видоизмѣняется и парализуется другими законами? Въ силу закона тяготѣнія, планетамъ свойственно стремленіе упасть на солнце, но

дѣйствіе закона уничтожается закономъ центробѣжной силы, сообщающей планетамъ тенденцію удаляться отъ солнца. Падаетъ ли значеніе этихъ естественныхъ и абсолютныхъ законовъ по той причинѣ, что они проявляются только какъ тенденціи?

Но не въ состояніи ли общество смягчать родовыя муки естественныхъ фазъ развитія? Конечно! Но какъ же? Сознавъ необходимость этихъ фазъ. Этотъ актъ не есть нѣчто произвольное, онъ находится въ зависимости отъ свойствъ нашего разума, отъ средствъ изслѣдованія, которыми располагаетъ наука, и отъ среды, обусловливающей точку зрѣнія изслѣдователя.

Я нигдѣ не могу открыть ни малѣйшаго умаленія или ограниченія детерминизма. Не смѣшалъ ли его Бернштейнъ съ механизмомъ? Не подлежитъ сомнѣнію, что общественное развитіе отнюдь не совершается механически. Оно есть равнодѣйствующая дѣятельности и стремленій сознательныхъ существъ, оно не совершается машинально и всюду одинаково. Но развѣ это доказываетъ, что общественное развитіе не подчиняется необходимости?

Пока Бернштейнъ не приведетъ лучшихъ доказательствъ, до тѣхъ поръ я не перестану думать, что онъ глубоко заблуждается, утверждая, будто марксистское пониманіе исторіи не имѣетъ детерминистическаго характера.

Затронутый вопросъ обнаруживаетъ внутреннее сходство съ вопросомъ о роли идей въ исторіи, вслѣдствіе чего обѣ проблемы были смѣшаны Бернштейномъ. По его мнѣнію, эволюція матеріалистическаго пониманія исторіи состояла прежде всего въ томъ, что Марксъ и Энгельсъ ограничили значеніе экономическаго фактора въ исторіи. И въ этомъ случаѣ я не подпишусь подъ мнѣніемъ Бернштейна; мы уже видѣли, что самъ Энгельсъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ этой эволюціи, иначе въ 1890 г. онъ не сослался бы безъ оговорокъ на «18-ое Брюмера», какъ на образецъ изслѣдованія съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма. Бернштейну остается только истолковать этотъ ходъ развитія выхваченными цитатами.

Точкой отправленія служитъ ему предисловіе къ „Критикѣ политической экономіи“. Тамъ сказано: «Способъ производства матеріальной жизни обусловливаетъ вообще соціальный, политическій, духовный процессъ жизни. Не сознаніе людей опре-

дѣляетъ ихъ бытіе, а, напротивъ, ихъ общественнымъ бытіемъ опредѣляется ихъ сознаніе». Бернштейнъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что во второй фразѣ «сознаніе» и «бытіе» такъ противополагаются другъ другу, что естественно напрашивается заключеніе, будто людей считаютъ живыми орудіями историческихъ законовъ, дѣло которыхъ они осуществляютъ независимо отъ своей воли и сознанія. И далѣе: «Энгельсъ говоритъ, что послѣднія причины всѣхъ общественныхъ перемѣнъ и политическихъ переворотовъ коренятся не въ умахъ людей, а въ измѣненіяхъ способовъ производства и обмѣна. Однако, «послѣднія причины» замыкаютъ собой вспомогательныя причины другого рода».

Но что же сказалъ Энгельсъ въ упомянутомъ мѣстѣ? Онъ сказалъ, что «экономическій строй общества образуетъ реальный базисъ», которымъ «въ послѣднемъ счетѣ» объясняется вся надстройка юридическихъ и политическихъ учрежденій, равно какъ и религіозныя, философскія и прочаго рода идеи извѣстной эпохи. Этимъ сразу идеализмъ былъ изгнанъ изъ своего послѣдняго убѣжища, т. е. изъ философіи исторіи. Съ возникновеніемъ матеріалистическаго пониманія исторіи, былъ открытъ путь къ объясненію сознанія человѣка его общественнымъ бытіемъ, а не обратно, какъ это дѣлалось до тѣхъ поръ.

Сравнивъ это мѣсто изъ «Анти-Дюринга» съ процитированнымъ выше предисловіемъ, мы увидимъ, что въ обоихъ случаяхъ сказано почти дословно одно и то же. У Энгельса даже имѣется фраза, гдѣ говорится объ «общественномъ бытіи», обусловливающемъ «сознаніе людей». Но Бернштейнъ находитъ, что въ формулировкѣ Энгельса люди, какъ будто, гораздо менѣе зависятъ отъ условій производства, потому что, по Марксу, соціальныя явленія опредѣляются способомъ производства, тогда какъ, по Энгельсу, они объясняются тѣмъ-же—«въ послѣднемъ счетѣ». Я долженъ откровенно сознаться, что никакъ не могу найти разницы между обѣими формулировками.

«Въ слѣдующихъ сочиненіяхъ—продолжаетъ Бернштейнъ—Энгельсъ еще болѣе ограничилъ опредѣляющую силу производственныхъ отношеній. Это особенно сказалось въ его двухъ письмахъ: оба были напечатаны въ «Sozialistischer Akademiker» въ октябрѣ 1895 г.; одно было написано въ 1890 г., другое—

въ 1894 г. Авторъ называетъ здѣсь «правовыя формы, политическія, юридическія, философскія теоріи, религіозныя воззрѣнія и догмы—факторами, вліяющими на ходъ исторической борьбы, и эти факторы нерѣдко «имѣютъ превалирующее значеніе при опредѣленіи формы этой борьбы». Существуетъ, такимъ образомъ,—говоритъ Энгельсъ,—безсчетное число перекрещивающихся силъ, безконечная группа параллелограмовъ силъ; отсюда вытекаетъ составная сила—историческое событіе, которое, въ свою очередь, можно считать продуктомъ силы, дѣйствующей въ цѣломъ безъ сознанія и воли» (стр. 13 русск. перев.).

Чѣмъ этотъ взглядъ отличается отъ воззрѣній, изложенныхъ въ предисловіи къ «Критикѣ политической экономіи», и на основаніи которыхъ Бернштейнъ заключилъ, что люди разсматриваются, какъ живыя орудія историческихъ законовъ, дѣло которыхъ они выполняютъ независимо отъ своей воли и сознанія? Что касается опредѣленія теоріями и догмами формъ исторической борьбы, то еще въ томъ же предисловіи Марксъ отмѣтилъ, что «при изученіи переворотовъ слѣдуетъ всегда различать матеріальный переворотъ въ экономическихъ условіяхъ производства, который можно опредѣлить съ научной точностью, отъ правовыхъ, политическихъ, религіозныхъ, эстетическихъ или философскихъ, однимъ словомъ—идеологическихъ формъ, въ которыхъ люди сознаютъ конфликты и регулируютъ ихъ».

Въ чемъ же заключается различіе между взглядами 1852 и 1890 г.? Пристрастіе, съ которымъ Бернштейнъ копается надъ каждой мелочью, тѣмъ болѣе странно, что нельзя сказать, чтобы онъ отличался подобной же точностью, когда переходитъ къ пресловутой эволюціи экономическаго матеріализма. Онъ говоритъ: «Всякій, примѣняющій въ настоящее время матеріалистическую теорію, обязанъ примѣнять эту теорію въ самой развитой, а не въ первоначальной формѣ, т. е. онъ обязанъ принять въ расчетъ, наряду съ развитіемъ и вліяніемъ производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній, правовыя и моральныя понятія, историческія и религіозныя традиціи каждой эпохи, географическія и всякія другія естественныя вліянія, къ которымъ относится также и природа человѣка и его духовныхъ способностей» (русск. пер., стр. 14).

Что можетъ быть неопредѣленнѣе выраженія «*принять въ расчетъ*»? Примѣняющій матеріалистическое пониманіе къ изученію исторіи, а слѣдовательно изучающій ее съ матеріалистической точки зрѣнія, вполнѣ естественно долженъ «учесть» всѣ эти факторы. Взаимоотношеніе факторовъ, ихъ взаимодѣйствіе, активное или пассивное вліяніе—все это именно то, что подлежитъ изученію и объясненію. Но такъ долженъ поступать всякій историкъ, каковы бы ни были его философскіе взгляды. Оспаривается отнюдь на необходимость «учесть» эти факторы, а результаты учитыванія. Разсмотримъ поближе каждый изъ факторовъ, къ которымъ насъ отсылаетъ Бернштейнъ. Итакъ, рядомъ съ производительными силами и отношеніями производства, мы имѣемъ: право, мораль, историческія и религіозныя традиціи. Чѣмъ же являются, по опредѣленію матеріалистическаго пониманія исторіи, въ послѣднемъ счетѣ, традиціи, какъ не продуктомъ предшествовавшихъ соціальныхъ формъ, а слѣдовательно предшествовавшихъ способовъ производства? Это относится и къ унаслѣдованнымъ нами понятіямъ морали и права, если только они не обязаны своимъ происхожденіемъ современной соціальной формѣ. А естественныя вліянія? Они также являются матеріальнымъ факторомъ: самъ Бернштейнъ утверждаетъ, что «у доисторическихъ народовъ окружающая природа была рѣшающей экономической силой» (русск. пер. стр. 19). Итакъ, природа есть первичный экономическій факторъ. Слѣдовательно, разсмотрѣвъ внимательно всѣ дѣйствующіе на поверхности исторіи факторы, указанные намъ Бернштейномъ, мы можемъ ихъ свести къ экономическимъ факторамъ. Бернштейнъ приходитъ къ заключенію, что нельзя объяснять исторію какой-нибудь эпохи единственно ея экономической исторіей, что слѣдуетъ «*принять въ расчетъ*» совокупность всей предшествовавшей эволюціи со всеми ея слѣдствіями. Это вѣрно; но такъ именно всегда поступали Марксъ и историки-марксисты. Мы можемъ даже сказать, что въ области изученія исторіи одинъ марксизмъ вполнѣ учитывалъ вліяніе всей предшествовавшей исторіи. То обстоятельство, что историкъ-матеріалистъ долженъ начинать всѣ свои изслѣдованія ab ovo, и является одной изъ причинъ, дѣлающихъ его задачу гораздо труднѣй задачи всякаго другого изслѣдователя.

Если бы Бернштейнъ сказалъ, что марксистское пониманіе исторіи измѣнилось въ томъ направленіи, что вначалѣ оно преувеличивало непосредственное дѣйствіе существующаго и умаляло посредственное вліяніе прежняго способа производства, — съ нимъ можно было бы потолковать. Дѣйствительно, успѣхи едва зародившейся ко времени возникновенія экономическаго матеріализма науки о первобытной исторіи оказали значительное вліяніе на первыя начинанія экономическаго матеріализма. Можно было бы прослѣдить эволюцію теоріи съ этой точки зрѣнія; ее даже признавали творцы матеріалистическаго пониманія исторіи, напр. Энгельсъ въ первомъ примѣчаніи къ послѣднему изданію „Манифеста“.

Напротивъ, нигдѣ ими не признается эволюція, приписанная ихъ теоріи Бернштейномъ. Это просто заключеніе самого Бернштейна, выведенное имъ изъ сопоставленія отдѣльныхъ фразъ, выхваченныхъ изъ сочиненій Маркса и Энгельса; фразы эти тождественны по смыслу, и даже въ томъ случаѣ, если онѣ допускаютъ разныя толкованія, все же ихъ можно безъ натяжекъ понять въ одинаковомъ смыслѣ.

Аргументацію Бернштейна легко охарактеризовать аналогичнымъ примѣромъ изъ области естествознанія. Предположимъ, естествоиспытатель первоначально доказывалъ въ своихъ сочиненіяхъ, что солнечный свѣтъ и теплота являются къ конечномъ счетѣ основнымъ активнымъ началомъ всей органической жизни на землѣ. Допустимъ, его спросили, правда-ли, что онъ доказывалъ, будто ростъ дерева зависитъ только отъ количества свѣта и тепла, непосредственно получаемаго имъ отъ солнца. Конечно, онъ отвѣтитъ, что это нелѣпость, что его теорію не слѣдуетъ понимать въ такомъ смыслѣ; что онъ не игнорируетъ свойствъ сѣмени, почвы, смѣны влажности и сухости, направленія и силы вѣтра и проч., также оказывающихъ вліяніе на ростъ дерева.

Но вотъ является истолкователь, не отличающій непосредственнаго вліянія солнца на ростъ растеній отъ дѣйствія его, какъ единственнаго начала всей жизни на землѣ. Онъ объявляетъ что теорію нашего естествоиспытателя не слѣдуетъ разсматривать въ ея первоначальной, общей формѣ, а въ послѣдней, болѣе узкой и, слѣдовательно, болѣе научной. Онъ вовсе не замѣчаетъ,

что въ этомъ случаѣ теорія перестаетъ быть научной: это вѣдь общее мѣсто,—нѣчто, споконъ вѣковъ извѣстное крестьянамъ.

Точно такъ же обстоитъ съ мнимой эволюціей теоріи Маркса и Энгельса. Имъ не было надобности открывать идею, что исторія опредѣляется не только одними моральными и правовыми понятіями, традиціями и естественными факторами, но также и способомъ производства. Эта идея была хорошо извѣстна уже въ 18 в. О томъ свидѣтельствуютъ первые попавшіеся намъ примѣры, число которыхъ можно было бы легко увеличить.

Еще Монтескье разсматривалъ въ „Духѣ законовъ“ вліяніе способа производства на идеологическія формы. Въ VIII главѣ XVIII книги онъ говоритъ: «Законы имѣютъ очень тѣсное отношеніе къ способамъ, какими различные народы добываютъ себѣ средства къ существованію.» Въ слѣдующихъ главахъ онъ очень тонко поясняетъ это положеніе по отношенію къ охотничьимъ и кочевымъ племенамъ, земледѣльческимъ и даже промышленнымъ народамъ.

Недавно Кампфмейеръ указалъ въ «Neue Zeit» на J. Möser'a, усиленно подчеркивавшаго вліяніе способа производства на духовную жизнь. Онъ говоритъ: «Религіи рудокопа отличается отъ вѣрованій пастуха.»

Иногда Гегелю случалось очень ясно уловить значеніе экономической основы для политическихъ и идеологическихъ надстроекъ. Въ „Философіи исторіи“ онъ объяснялъ слабость федералистическаго союза С.-А. Штатовъ экономическими условіями: «Что касается политической организаціи С. Америки, то мы не замѣчаемъ въ ней ясно намѣченной цѣли; здѣсь не ощущается потребность въ прочномъ союзѣ, потому что государство и настоящее правительство организуются только тогда, когда уже существуютъ классовыя различія, когда богатство и бѣдность возрасли, и когда создались такія общественныя условія, что обычными средствами нельзя удовлетворить значительной части потребностей. Но Америка не достигла этой стадіи потому, что она все еще располагаетъ отводнымъ каналомъ для колонизаціоннаго потока, и массы населенія продолжаютъ разливаться по равнинамъ Миссисипи. Если бы еще существовали лѣса Германіи, то не было бы французской революціи.»

То, что Бернштейнъ изобразилъ законченнымъ продуктомъ мысли Маркса и Энгельса, является пониманіемъ, существовавшимъ задолго до нихъ.

Въ виду всего этого, мы должны всѣми силами протестовать противъ приписанной Марксу и Энгельсу эволюціи экономическаго матеріализма. Не пониманіе Маркса, а воззрѣнія Бернштейна измѣнились въ указанномъ смыслѣ и, слѣдовательно, уклонились отъ марксистскаго пониманія исторіи.

Правда, этого еще не достаточно, чтобы доказать, что это послѣднее ошибочно.

Если я только хорошо понялъ Бернштейна, онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія, близкой къ Б. Баксу, съ которымъ я уже объяснялся на страницахъ «Neue Zeit» *). Бернштейнъ расходится съ Баксомъ только въ вопросѣ о времени; оба сходятся въ признаніи, что въ исторіи человѣчества чередуется вліяніе идей и экономическихъ условій. Только Б. Баксъ относитъ перевѣсъ психологической иниціативы къ началу исторіи, а Бернштейнъ отвергаетъ эту мысль: именно въ настоящую эпоху экономическій факторъ, по его мнѣнію, отодвигается на задній планъ.

«Чѣмъ большее вліяніе оказываютъ на жизнь общества, рядомъ съ экономическими, и другія силы, тѣмъ болѣе уменьшается власть того, что мы называемъ исторической необходимостью. Въ современномъ обществѣ замѣчается въ этомъ отношеніи два главныхъ теченія. Съ одной стороны, обнаруживается все растущее вмѣшательство разума въ законы развитія, и именно экономическаго развитія. Рука объ руку съ возрастающимъ значеніемъ сознанія, отчасти какъ причина, отчасти какъ слѣдствіе его, растетъ способность руководить экономическимъ развитіемъ. Подобно физическимъ, и экономическія силы, по мѣрѣ познанія ихъ сущности, изъ властителей человѣка становятся его слугами. Общество, такимъ образомъ, по отношенію къ движущей экономической силѣ въ теоретическомъ смыслѣ свободнѣй, чѣмъ когда нибудь, и только противоположность интересовъ среди его элементовъ—власть личныхъ и групповыхъ интересовъ—не позволяетъ превратить эту теоретическую свободу въ практическую. При этомъ и здѣсь общій интересъ беретъ верхъ надъ частнымъ, и во всѣхъ

*) Переводъ этой статьи помѣщенъ въ журн. „ЖИЗНЬ“ за 1899 г.

областяхъ, гдѣ это совершается, по мѣрѣ того какъ оно совершается, прекращается стихійное дѣйствіе экономическихъ силъ. Ихъ развитіе предвосхищено и потому совершается тѣмъ быстрѣе и легче. Индивидуумы и цѣлые народы освобождаютъ все большую долю своей жизни отъ вліянія необходимости, проявляющейся помимо ихъ воли или вопреки ей.

«Съ другой стороны, благодаря тому, что люди удѣляютъ все больше и больше вниманія экономическимъ факторамъ, легко можетъ показаться, что эти послѣдніе играютъ въ настоящее время большую роль, чѣмъ раньше. Но это невѣрно. Заблужденіе это объясняется тѣмъ, что въ настоящее время экономическій мотивъ выступаетъ свободно тамъ, гдѣ раньше его облекали отношенія господства и всякого рода идеологіи.

«Что касается идеологіи, которая опредѣляется не экономикой и не природой, дѣйствующей на подобіе экономической силы, то этой идеологіей современное общество гораздо богаче прежнихъ обществъ. Науки, искусства, значительнѣйшая часть соціальныхъ отношеній, все это въ настоящее время гораздо менѣе, чѣмъ когда бы то ни было, зависитъ отъ экономическаго элемента или, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, выражаясь яснѣе: достигнутое въ наше время состояніе экономическаго развитія оставляетъ идеологическимъ и особенно этическимъ факторамъ гораздо больше, чѣмъ раньше, простора для самостоятельной дѣятельности. Благодаря этому, причинная связь между технико-экономическимъ развитіемъ и развитіемъ другихъ соціальныхъ элементовъ становится все менѣе непосредственной, а вмѣстѣ съ тѣмъ первое все болѣе теряетъ свое вліяніе на второе.

«Желѣзная историческая необходимость, такимъ образомъ, ограничивается; забѣжавъ впередъ, замѣтимъ, что для практической дѣятельности партіи это ограниченіе означаетъ не уменьшеніе, а повышеніе или квалифицированіе соціально-политическихъ задачъ» (русск. пер., стр. 18—20).

Здѣсь мы покончили съ общими разсужденіями и переходимъ къ конкретнымъ фактамъ,—пробному камню всякаго пониманія исторіи.

Но эти факты, намъ кажется, мало говорятъ въ пользу Бернштейна, если даже допустить, что они вѣрно изложены. Онъ

утверждаетъ, что современное общество обнаруживаетъ все возрастающую способность руководить экономической эволюціей, что люди все въ большей мѣрѣ подчиняютъ себѣ экономическія силы, что теоретически общество все больше освобождается отъ господства экономическихъ силъ. Если бы даже все это было вѣрно, то что же оно доказываетъ противъ историческаго матеріализма (въ той формѣ, которую Бернштейнъ считаетъ первоначальной)? Онъ, кажется, смѣшалъ здѣсь психическую зависимость отъ экономическихъ условій съ экономической зависимостью. Вопросъ заключается въ томъ, опредѣляются ли задачи, которыя себѣ ставитъ человѣчество, и рѣшеніе ихъ матеріальными условіями среды, или же человѣчество выдвигаетъ и разрѣшаетъ эти проблемы, движимое какимъ-то мистическимъ инстинктомъ?

Рѣшеніе вопроса не зависитъ отъ того, будетъ ли общество господствовать надъ условіями производства, или нѣтъ. А если бы оно и было такъ, то въ результатѣ получается противоположное тому, что утверждаетъ Бернштейнъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что при первобытномъ экономическомъ строѣ условія производства были въ большей степени подчинены людямъ, чѣмъ въ современномъ капиталистическомъ строѣ. Они были проще, яснѣе и, слѣдовательно, гораздо понятнѣе капиталистическихъ условій производства. Крестьянская семья, все производящая для своихъ нуждъ, вполнѣ руководитъ способомъ производства, поскольку онъ зависитъ не отъ естественныхъ факторовъ, а отъ общественныхъ условій. Точно такъ же обстоитъ дѣло въ началѣ товарнаго производства. Ремесленникъ средневѣковаго провинціальнаго города былъ еще на половину крестьянинъ; завися отъ заказчиковъ, онъ зналъ довольно точно, какъ урегулировать свое производство. Посредничество купца, развитіе внутренней и международной торговли измѣнило все. Экономическія силы превратились въ независящія отъ человѣка и господствующія надъ нимъ силы общественныя, дѣйствіе которыхъ имѣетъ силу стихій природы. Если же зависимость человѣка отъ экономическихъ силъ была бы тождественна съ его психологической зависимостью отъ среды, тождественна съ опредѣленіемъ его сознанія общественнымъ бытіемъ, то въ дѣйствительности эта

зависимость должна была бы превзойти прежнюю. Слѣдовательно, научное значеніе экономическаго матеріализма не пало бы, а наоборотъ—возросло бы.

Эти факты Бернштейну небезызвѣстны. На чемъ же онъ основывается, утверждая, что въ современномъ обществѣ человѣкъ все въ большей степени подчиняетъ себѣ экономическія силы? Въ современномъ обществѣ мы наблюдаемъ періоды, когда экономическія силы несомнѣнно властвуютъ надъ людьми, и періоды, когда, обратно, люди думаютъ, что управляютъ ими. Въ первомъ случаѣ это—періоды кризисовъ, во второмъ—періоды экономическаго благополучія. Мы переживали въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ періодъ благополучія. Но достаточно ли этого, чтобъ Бернштейнъ имѣлъ право вывести отсюда «законъ современнаго общества» и заключить о несостоятельности экономическаго матеріализма? Въ такомъ случаѣ, его пониманіе современной исторіи весьма мало обосновано.

Но кто же это «общество», кто эти «люди», прогрессивно подчиняющіе себѣ экономическія силы? Быть можетъ, крестьяне, ремесленники, мелкіе торговцы? Или, по всей вѣроятности, мелкіе капиталисты и дворяне-помѣщики? Всѣ они, какъ въ хорошіе, такъ и въ дурные періоды, находятся въ возрастающей зависимости отъ небольшой группы крупныхъ капиталистовъ. Послѣдніе и образуютъ то *общество*, то *человѣчество*, которое «прогрессивно освобождается отъ экономическихъ силъ».

Безъ сомнѣнія, Бернштейнъ здѣсь имѣетъ въ виду свободу въ теоретическомъ смыслѣ. На практикѣ эта свобода подавляется антагонизмомъ существующихъ интересовъ, надъ которыми въ свою очередь господствуетъ—обратите вниманіе, это въ современномъ обществѣ—*общій интересъ, прогрессивно берущій верхъ надъ частными интересами.*

Я не вѣрилъ своимъ глазамъ, читая эти строки; тщетно старался я найти факты, на которые могло бы опираться это, болѣе чѣмъ смѣлое, утвержденіе. Гдѣ, въ какомъ классѣ наблюдается перевѣсъ коллективнаго интереса надъ классовымъ? Быть можетъ, у германскихъ аграріевъ, во всеуслышаніе требующихъ привилегій? Или у нашихъ ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ, жаждущихъ наложить запретъ на всякую сколько-нибудь

раціональную экономическую мѣру? Или у крупныхъ промышленниковъ, старающихся искусственнымъ образомъ, посредствомъ трэстовъ и покровительственныхъ тарифовъ, поднять цѣны своихъ товаровъ? Всѣ они требуютъ привиллегій на счетъ общества и стараются обобрать государство и потребителей: вотъ отношеніе ихъ интереса къ общественному. Пролетаріатъ поступаетъ иначе не потому, что онъ добрѣе, а потому что его интересы совпадаютъ съ интересами общественной эволюціи. Не то думаетъ Бернштейнъ; онъ убѣжденъ, что мы достигнемъ уменьшенія общественнаго неравенства, благодаря высшей нравственности и болѣе яснымъ взглядамъ на вещи.

Онъ полагаетъ, что, при современномъ состояніи экономическаго развитія, идеологическимъ и, въ особенности, моральнымъ факторамъ предоставлено гораздо больше простора для самостоятельнаго дѣйствія. Бернштейнъ это говоритъ во избѣжаніе недоразумѣній относительно смысла фразы, что «науки, искусства, значительнѣйшая часть соціальныхъ отношеній,—все это гораздо менѣе, чѣмъ когда-либо, зависитъ отъ экономическаго элемента». Но отъ этого фраза не становится менѣе двусмысленной. О какомъ родѣ зависимости идетъ здѣсь рѣчь? Думаетъ ли Бернштейнъ, что въ настоящее время сознаніе людей менѣе зависитъ отъ ихъ соціальнаго бытія, что среда оказываетъ меньшее вліяніе на психику; что въ настоящее время существуютъ проблемы, которыя люди себѣ произвольно создаютъ; что рѣшеніе этихъ проблемъ они опредѣляютъ по своему желанію и произвольно изобрѣтаютъ свой методъ для ихъ разрѣшенія. Въ такомъ случаѣ его фраза является бездоказательнымъ утвержденіемъ. Или Бернштейнъ этимъ хочетъ сказать, что теперь науки, искусства, мораль гораздо менѣе, чѣмъ когда-либо, подвержены непосредственному вліянію господствующихъ въ настоящее время экономическихъ силъ?

Но развѣ это не равносильно утвержденію, что могущество прочихъ силъ,—каковы природныя способности, унаслѣдованныя идеи, традиціи,—возросло болѣе, чѣмъ когда-либо, возросло въ эпоху, когда люди достигли наибольшей власти надъ природой, когда расовыя различія падаютъ, благодаря интернаціональнымъ ·шеніямъ, когда господствующій способъ производства безоста-

новочно революціонируетъ соціальныя отношенія, разрушаетъ всѣ прежнія традиціи и препятствуетъ нарожденію новыхъ.

Или, быть можетъ, Бернштейнъ хочетъ сказать, что въ настоящее время уменьшилась экономическая зависимость интеллигенціи отъ господствующихъ силъ, что она можетъ проявить большую, чѣмъ когда-либо, независимость дѣйствій? Но, начиная съ того момента, когда возникли классовыя различія, вплоть до капиталистической эпохи, интеллигенція всегда принадлежала къ классу правящихъ и собственниковъ. Интеллигентные слои составляли единственный правящій классъ, какъ всегда это бываетъ въ началѣ раздѣленія общества на классы, напримѣръ, въ древней Греціи; или наряду съ кастой воиновъ образовывали особый классъ, религіозную касту. Извѣстно, какого могущества сумѣли добиться эти идеологи. Кто не знаетъ всемірнаго господства церкви въ средніе вѣка? Только капиталистическій способъ производства лишилъ интеллигентовъ власти и превратилъ ихъ въ наемныхъ служащихъ капиталистовъ. Никогда идеологи не находились въ большей зависимости отъ экономическихъ силъ, чѣмъ теперь.

Хотя этотъ фактъ находится въ полномъ противорѣчіи съ положеніемъ Бернштейна, мы даже думаемъ, что въ немъ мы нашли мотивъ, позволяющій дать послѣднему истолкованіе, вполнѣ согласующееся съ фактической дѣйствительностью.

Интеллигенція перестала быть правящимъ классомъ. Но она также перестала представлять собой однородный классъ, имѣющій особые классовые интересы. Интеллигенты образуютъ группу, внутри которой существуютъ различные слои съ самыми разнообразными интересами. Какъ часто нами отмѣчалось, эти интересы отчасти сливаются съ интересами буржуазіи, отчасти съ интересами пролетаріата. И кромѣ того, интеллигентность дѣлаетъ ихъ болѣе способными къ широкому взгляду на экономическую эволюцію. Не будучи движимы вполнѣ опредѣленными классовыми интересами и часто сообразуясь въ своихъ дѣйствіяхъ съ сравнительно глубокимъ знаніемъ соціальныхъ явленій, интеллигенты часто чувствуютъ себя представителями общихъ интересовъ по отношенію ко всѣмъ классовымъ интересамъ, представителями идей, независящихъ отъ экономическихъ факторовъ. Число интеллигентовъ все возрастаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и иллюзія,

будто возрастаетъ перевѣсъ коллективныхъ интересовъ надъ классовыми, освобожденіе искусствъ, наукъ, моральныхъ понятій отъ экономическихъ силъ. Только въ такомъ истолкованіи фразы Бернштейна становятся понятными и теряютъ свой мистическій смыслъ. Но онѣ также перестаютъ доказывать что-либо противъ экономическаго матеріализма. Только теперь становится понятнымъ данное Бернштейномъ истолкованіе экономическаго матеріализма.

Вышеописанная эволюція порождаетъ въ *интеллигентныхъ слояхъ* сильную симпатію къ пролетаріату, тѣмъ болѣе, что пролетарское движеніе растетъ, что экономическое положеніе интеллигенціи приближается къ положенію пролетаріата, что она попадаетъ въ большую зависимость отъ тщеславной и грубой денежной аристократіи. Но лишь небольшая часть переходитъ вполнѣ на сторону пролетаріата. Имъ не только ихъ промежуточное междуклассовое положеніе мѣшаетъ занять опредѣленную позицію; даже ихъ настроеніе дѣлаетъ ихъ неспособными къ борьбѣ.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что ихъ охватываетъ боязливый трепетъ ожиданія великаго, рѣшительнаго момента. Какъ похищенныя сабинянки, они бросаются между борющимися, заклиная ихъ помириться или, по крайней мѣрѣ, замѣнить опасно разящее оружіе менѣе болѣзненнымъ.

Но гдѣ найдется сила, способная смягчить столкнувшіеся контрасты? Потеряна надежда найти ее въ экономической жизни, ее ищутъ въ прогрессѣ морали. Мораль, независящая отъ экономическихъ силъ и стоящая выше ихъ,—вотъ сила, которая въ состояніи побѣдить сопротивленіе, смягчить контрасты ко всеобщему довольству и замѣнить борьбу мирной эволюціей.

Но подобная мораль не можетъ уживаться съ экономическимъ матеріализмомъ. Поэтому онъ—врагъ, котораго прежде всего слѣдуетъ одолѣть, если намъ желательно, чтобъ мораль могла воспользоваться своими правами! Не историки, а моралисты-философы и моралисты-экономисты твердятъ, что экономическій матеріализмъ устарѣлъ. Но онъ настолько устарѣлъ, что имъ все чаще и чаще приходится бороться съ нимъ.

Очевидно, что Бернштейнъ не устоялъ въ этой борьбѣ. Но онъ находитъ концепцію экономическаго матеріализма доста-

точно широкой, чтобы имѣть право признать законность критики моралистовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняя вѣрность марксистскому пониманію исторіи. Онъ даже полагаетъ, что можетъ констатировать подобную же эволюцію у Маркса и Энгельса. Бернштейнъ не замѣчаетъ, какъ эта эволюція мысли сводится къ тому, что изъ послѣдовательной, глубокой, точной—мысль вреврашается въ непослѣдовательную, поверхностную, неопредѣленную; что съ научной точки зрѣнія она является шагомъ назадъ именно въ основномъ пунктѣ. Здѣсь рѣчь идетъ не о какомъ-нибудь простомъ кабинетномъ вопросѣ. Способъ, которымъ Бернштейнъ думаетъ примирить въ своей философіи исторіи историческую необходимость съ моральной необходимостью, означаетъ, что на практикѣ должно допустить компромиссъ между необходимостью экономической эволюціи и свободой утопизма, между классовой борьбой и примиреніемъ классовъ на почвѣ общихъ интересовъ.

Чтобы убѣдить насъ въ правильности этой точки зрѣнія, Бернштейнъ долженъ былъ бы привести совсѣмъ другіе факты.

---

b) Діалектика.

Хотя, въ дѣйствительности, Бернштейнъ даетъ не критику, а разъясненіе экономическаго матеріализма, однако въ своей книгѣ онъ придерживается противоположнаго мнѣнія.

Но не всѣ измѣненія, которыя надлежало констатировать, какъ въ отдѣльныхъ частяхъ теоріи, такъ и въ основныхъ ея посылкахъ,—не всѣ эти измѣненія нашли полное освѣщеніе при окончательной формулировкѣ доктрины.... Марксъ и Энгельсъ либо намѣчаютъ, либо точно устанавливаютъ, но лишь по отношенію къ отдѣльнымъ пунктамъ, то обратное вліяніе, которое должны оказать на выработку и примѣненіе теоріи признанныя ими измѣненія въ *фактахъ* и лучшее знакомство съ фактами. Впрочемъ, даже въ этихъ послѣднихъ случаяхъ противорѣчій не мало. Ихъ преемникамъ осталась задача снова внести единство въ теорію и согласовать теорію съ практикой... При настоящемъ положеніи, при помощи Маркса и Энгельса можно доказать *все*. Для

апологетовъ и литературныхъ зоиловъ это чрезвычайно удобно. Но кто хоть отчасти сохранилъ въ себѣ теоретическую мысль, тотъ, созна въ разъ эти противорѣчія, почувствуетъ потребность устранить ихъ. Въ этомъ, а не въ постоянномъ повтореніи словъ учителя, состоитъ задача учениковъ» (русск. пер. 31—32).

Я не стану оспаривать справедливость какъ первой, такъ и заключительной фразы: но остальную часть цитаты я могу принять только со многими оговорками, рискуя прослыть апологетомъ и литературнымъ зоиломъ.

Понятно, маркситская теорія не вышла въ законченномъ видѣ изъ головы ея творцовъ, а совершила эволюцію. Поэтому замѣчаніе, что задача учениковъ не состоитъ въ вѣчномъ повтореніи словъ учителя, является очень банальной истиной. Результаты, которыхъ достигли Марксъ и Энгельсъ, не послѣднее слово науки. Общество переживаетъ безконечныя измѣненія; возникаютъ не только новые факты, но также и новые методы наблюденія и изслѣдованія.

Въ настоящее время нѣкоторыя положенія Маркса и Энгельса непріемлемы, другія нуждаются въ ограниченіяхъ. Нужно заполнить нѣкоторые пробѣлы теоріи.

Но не о такого рода эволюціи теоріи говоритъ Бернштейнъ; онъ говоритъ о противорѣчіяхъ, въ которыя впали Марксъ и Энгельсъ благодаря тому, что не сдѣлали изъ развивавшагося ученія всѣхъ выводовъ и остались вѣрными прежнимъ взглядамъ, стоящимъ въ противорѣчіи къ новымъ.

Вотъ это уже не само собой очевидно, это надлежитъ еще доказать, обязательно доказать. По общему правилу, эволюція теоріи совершается не такъ, какъ здѣсь указываетъ Бернштейнъ. Первоначально она примыкаетъ къ сдѣланному предшественниками, а потому вначалѣ въ ней неустранимы противорѣчія; но чѣмъ дальше она совершенствуется, тѣмъ она становится независимѣй, тѣмъ болѣе она освобождается отъ унаслѣдованныхъ формъ мышленія, тѣмъ болѣе она пріобрѣтаетъ единства и связности. Почему это непримѣнимо къ Марксу и Энгельсу, къ мыслителямъ, всегда стремившимся къ единству, ясности мышленія и точности выраженія, что признаютъ даже ихъ противники?

И, сами того не подозрѣвая, эти люди впали въ столь грубыя противорѣчія, а мысли ихъ въ этомъ отношеніи такъ неопредѣленны, что можно все доказать при помощи ихъ сочиненій? Правда, многія фразы кажутся поддающимися различному толкованію; но долженъ ли прослыть литературнымъ зоиломъ и апологетомъ всякій, кто старается понять эти фразы такъ, чтобы не усматривать въ нихъ противорѣчій? Такова участь всякой глубокой философіи—быть непонятой съ самаго начала и подвергаться различнымъ истолкованіямъ. Только тотъ пойметъ глубокаго мыслителя, кто способенъ усвоить себѣ ходъ его мысли. Противнику это дается съ трудомъ, и гдѣ освоившійся съ мышленіемъ автора находитъ только полное единство и связность, тамъ первый усмотритъ противорѣчія, которыя въ состояніи примирять одни апологеты и зоилы.

Но какъ это случилось, что Бернштейнъ открылъ у Маркса и Энгельса эти противорѣчія только тогда, когда онъ отдѣлился отъ группы апологетовъ и литературныхъ зоиловъ. Что вдругъ открыло ему глаза? Мы вправѣ ожидать, что важныя слова Бернштейна соотвѣтствуютъ важнымъ и убѣдительнымъ фактамъ.

Въ потвержденіе своихъ словъ онъ, прежде всего, приводитъ одинъ примѣръ, одинъ единственный! Какой же это будетъ поразительный примѣръ!

Въ предисловіи къ новому изданію „Манифеста“ (1872 г.) Марксъ и Энгельсъ сказали объ изложенной въ немъ программѣ, что «она мѣстами устарѣла». Но въ 1885 г. Энгельсъ переиздалъ программу 48 г. и циркуляръ исполнительнаго комитета „Союза коммунистовъ“, сдѣлавъ замѣчанія, что «многимъ и въ настоящее время еще можно кое-чему поучиться въ ней», и что «кое-что изъ сказаннаго въ немъ годится и для нашего времени». Я долженъ сознаться, что я настолько апологетъ и литературный зоилъ, что не нахожу въ замѣчаніи Энгельса ничего такого, что противорѣчило бы процитированнымъ словамъ, что программа «мѣстами устарѣла». Правда, въ предисловіи къ „Манифесту“ (1872 г.) онъ присовокупилъ: «Коммуна доказала, что рабочій классъ не въ состояніи просто овладѣть государственной машиной и направить ее въ собственныхъ цѣляхъ»... «А черезъ 5 лѣтъ,—продолжаетъ Бернштейнъ,—въ сочиненіи, направленномъ противъ Дюринга, ска-

зано: „Пролетаріатъ захватитъ власть и сдѣлаетъ орудія производства государственной собственностью“. (русск. пер. 33 стр.)

Повидимому, Бернштейнъ считаетъ противорѣчіе этихъ двухъ мѣстъ столь очевиднымъ, что находитъ излишнимъ разъяснить его намъ. Но, при наилучшемъ желаніи, я все-таки не могу открыть здѣсь никакого противорѣчія. Когда Энгельсъ говоритъ, что недостаточно рабочему классу *просто* овладѣть *готовой* государственной машиной, то это еще не означаетъ коренного измѣненія одной изъ основъ марксистской политики. Марксъ и Энгельсъ не ограничились бы мимоходомъ оброненными двумя строками, безъ всякихъ поясненій. У кого остались еще какія нибудь сомнѣнія относительно смысла упомянутой фразы, пусть прочтетъ предисловіе Энгельса къ 3-ему изданію „Bürgerkrieg in Frankreich“. Онъ, между прочимъ, прочтетъ: «Коммуна должна была съ самаго начала признать, что рабочій классъ, разъ достигнувъ власти, не можетъ управлять старой государственной машиной; что рабочій классъ долженъ освободиться отъ прежняго органа репрессіи, обезпечить себя отъ своихъ-же представителей и чиновниковъ, чтобы не лишиться едва пріобрѣтенной власти». Въ чемъ это объясненіе противорѣчитъ, хотя бы въ малѣйшей степени, выше цитированной фразѣ изъ „Анти-Дюринга“? Нужно вполнѣ покинуть марксистскую точку зрѣнія, чтобы здѣсь усмотрѣть противорѣчіе.

Правда, позже Бернштейнъ находитъ возможнымъ указать и другія противорѣчія. Но отчего они происходятъ? Чѣмъ объяснить, что мыслители, отличающіеся столь строгой логичностью мысли, могли такъ ошибаться? Въ этомъ повинна гегелевская діалектика: она—первородный грѣхъ марксизма.

Если бы Энгельсъ подвергъ свою теорію необходимому пересмотру, «ему пришлось бы безусловно порвать съ діалектикой, если не публично, то по существу. Она — предательница въ доктринѣ Маркса. Она — засада, лежащая на пути къ правильному сужденію о вещахъ» (русск. пер., стр. 47).

«Гегельянство блещетъ перлами радикализма и остроумія. Словно блуждающій огонекъ, въ неясныхъ очертаніяхъ раскрываетъ оно намъ отдаленныя перспективы. Но лишь только мы довѣрчиво отправляемся за нимъ, мы всякій разъ аккуратно заходимъ въ болото. Все великое, что создано Марксомъ и Энгельсомъ, создано ими

не съ помощью гегелевской діалектики, а помимо нея» (русск. пер., стр. 63).

Но что же останется отъ марксизма, если откинуть діалектику, которая была его „лучшимъ орудіемъ работы“? Развѣ Марксъ и Энгельсъ не были діалектиками въ полномъ смыслѣ этого слова?

Еще въ 1872 г. Дюрингъ писалъ въ своей „Критической исторіи“ о первомъ томѣ „Капитала“:

«Отсутствіе естественной и понятной логики, которымъ отличаются діалектически-кудреватыя хитросплетенія и арабески мысли, не даетъ возможности предвидѣть содержаніе 2-хъ слѣдующихъ томовъ. Къ появившейся уже части слѣдуетъ примѣнить принципъ, что въ извѣстномъ отношеніи и, даже вообще, согласно общеизвѣстному философскому предразсудку, можно отыскивать все въ любой вещи и любую вещь во всемъ, и что въ концѣ концовъ, согласно этому путанному превратному представленію, все едино есть» („Анти-Дюрингъ“, стр. 157 русск. пер.).

Это почти совпадаетъ съ утвержденіемъ Бернштейна, что при помощи Маркса и Энгельса можно все доказать. Только между Бернштейномъ и Дюрингомъ существуетъ нѣкоторая разница: послѣдній ничуть не воображаетъ, что подвинетъ «развитіе и усовершенствованіе марксистскаго ученія», что достигнетъ того, что «скорѣе всего передъ Марксомъ останется правымъ самъ Марксъ».

Но оставимъ на нѣкоторое время Маркса въ покоѣ и займемся „сведеніемъ счетовъ“ съ злокозненной діалектикой.

Что это за безнравственное созданіе, подставляющее намъ ловушки и угрожающее нашей добродѣтели? Это ничто иное, какъ пониманіе, обязывающее насъ разсматривать міръ «не какъ комплексъ законченныхъ вещей, но въ видѣ комплекса процессовъ, въ которыхъ мнимо-неподвижныя вещи, а равно ихъ мыслительныя отраженія въ нашей головѣ, т. е. понятія, претерпѣваютъ непрерывныя измѣненія, возникаютъ и исчезаютъ: въ результатѣ этого измѣненія, при всѣхъ этихъ случайностяхъ и несмотря на всѣ временныя отступленія, оказывается непрерывный прогрессъ». (Engels Ludwig, Feuerbach S. 46) Движущей силой развитія является борьба противоположностей.

Находитъ ли Бернштейнъ это пониманіе и особенныя формы, въ которыя оно вылилось у Гегеля, Маркса и Энгельса, ложнымъ?

Онъ желаетъ подвергнуть теорію пересмотру, которымъ пренебрегъ Энгельсъ; онъ заявляетъ, что прежде всего необходимо свести счеты съ діалектикой, возмущается ею, но не говоритъ ни одного слова, которое разъяснило бы намъ, въ чемъ, по его мнѣнію, состоятъ заблужденія діалектики.

Онъ призналъ ее очень опасной только на томъ основаніи, что легко сдѣлать изъ нея неразумное примѣненіе.

«При извѣстныхъ условіяхъ, ея положенія могутъ сослужить хорошую службу, наглядно представивъ отношенія и развитіе реальныхъ предметовъ. Они могутъ также принести большую пользу при формулировкѣ научныхъ задачъ и могутъ дать толчекъ къ важнымъ открытіямъ. Но когда на основаніи этихъ положеній, дедуктивнымъ путемъ предначертывается впередъ тотъ или другой процессъ развитія, тогда уже начинается опасность произвольныхъ построеній. Эта опасность тѣмъ сильнѣй, чѣмъ сложнѣй предметъ, о развитіи котораго идетъ рѣчь» (русск. пер., стр. 39—40).

Охотно признаемъ ее. Но что же это доказываетъ противъ діалектики? Если даже предположить, что Марксъ и Энгельсъ не умѣли настоящимъ образомъ пользоваться ею, то это было бы доводомъ противъ нихъ, а не противъ метода. Очевидно, что діалектика должна быть не средствомъ, избавляющимъ насъ отъ изученія дѣйствительности, а средствомъ изученія и уразумѣнія ея; что она не является магической формулой, окончательно разрѣшающей всѣ вопросы; что она имѣетъ значеніе постольку, поскольку ея выводы потверждаются фактами. Это относится къ діалектикѣ, какъ ко всякому другому методу наблюденія.

Кто покидаетъ въ своихъ построеніяхъ реальность, непремѣнно впадетъ въ заблужденіе, независимо отъ того, пользуется ли онъ діалектикой, или возвращается къ кантіанской философіи. Но занимался-ли Марксъ произвольными построеніями? Такъ утверждалъ Дюрингъ по поводу параграфа объ исторической тенденціи накопленія капиталовъ. «За неимѣніемъ другихъ средствъ, гегелевское отрицаніе отрицанія должно послужить выведенію будущаго изъ прошедшаго». На это Энгельсъ отвѣчалъ въ „Анти-Дюрингѣ“: «Назвавъ этотъ процессъ отрицаніемъ отрицанія, Марксъ вовсе не думаетъ доказать этимъ его историческую необходимость. Напротивъ того, исторически доказавъ, что фактъ

отчасти уже совершился и частью еще долженъ завершиться, онъ характеризуетъ его послѣ этого, какъ процессъ, совершающійся согласно извѣстному діалектическому закону. Вотъ и все». (русск. пер., стр. 174).

Въ прибавленіи ко второму изданію «Капитала» самъ Марксъ писалъ: «Изслѣдованіе должно усвоить себѣ предметъ въ деталяхъ, проанализировать различныя формы развитія, найти ихъ внутреннюю связь. Только тогда, когда этотъ трудъ законченъ, можетъ быть соотвѣтствующимъ образомъ изображено дѣйствительное движеніе. Если это удастся, и если въ построеніи идеально отразится жизнь предмета, то можетъ показаться, что передъ нами апріорная конструкція» (Предисл. къ 2 изд. „Капитала“).

Если Бернштейнъ придерживается того мнѣнія, что, примѣняя діалектику, мы подвергаемся опасности увлечься произвольными построеніями, то, какъ мы видѣли, судя о Марксѣ по видимости, мы подвергаемся опасности принять за апріорныя гипотезы то, что является результатомъ глубокаго наблюденія дѣйствительности.

Посмотримъ, не поступилъ-ли точно такимъ образомъ и Бернштейнъ. Разберемъ приводимыя имъ доказательства опасности гегелевской діалектики. Пусть читатель не безпокоится: Бернштейнъ не заведетъ насъ въ дебри философскихъ спекуляцій; нѣтъ, онъ ограничивается констатированіемъ факта, что у гегелевской діалектики имѣются свои заслуги и свои опасныя стороны. Но то же самое можно сказать, на первый взглядъ, о логикѣ всякой философіи, начиная съ Ѳалеса и кончая Ницше. Приводимыя имъ подробности взяты изъ исторіи германской партіи и должны доказать опасность діалектики:

«Коммунистическій манифестъ провозгласилъ въ 1847 г., что буржуазная революція, наканунѣ которой находилась Германія, въ виду развитія, достигнутаго пролетаріатомъ, и въ виду успѣховъ европейской цивилизаціи, можетъ быть только непосредственнымъ прологомъ пролетарской революціи. Эта иллюзія, которую не могъ бы превзойти любой политическій фантазеръ, можетъ показаться непонятной въ устахъ Маркса, уже тогда серьезно занимавшагося экономическими науками, если не усматривать въ этой иллюзіи остатковъ гегелевской діалектики противоположностей». (рус. пер., стр. 41).

Что Маркъ и Энгельсъ ошиблись въ своихъ предсказаніяхъ, —въ настоящее время, когда прошло болѣе полувѣка со времени революціи, легко докажетъ любой профанъ въ политикѣ, но сомнительно, нужно ли было быть «любымъ фантазеромъ», чтобъ написать эту фразу за годъ до революціи. Непогрѣшимыми пророками бываютъ только государи изъ дома Гогенцоллерновъ въ драмахъ Вильденбруха.

Но если оставить это въ сторонѣ, что же окажется общаго у гегелевской діалектики съ предсказаніемъ революціи? Упоминается ли въ этомъ послѣднемъ хоть однимъ словомъ о ходѣ развитія, совершающемся «отрицаніемъ отрицанія»? Ссылаются ли гдѣ нибудь Маркъ и Энгельсъ въ своемъ предсказаніи на гегелевскую діалектику? Какъ они сами выражаются?

«Вниманіе коммунистовъ направлено особенно на Германію, такъ какъ Германія находится наканунѣ буржуазной революціи; послѣдняя совершится при условіяхъ болѣе высокаго уровня европейской цивилизаціи и несравненно болѣе высокой ступени развитія пролетаріата, чѣмъ то было въ Англіи и Франціи XVII и XVIII вв.; поэтому нѣмецкая буржуазная революція послужитъ лишь непосредственнымъ прологомъ пролетарской».

Мы видимъ, что здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго слѣда діалектики. Они ссылаются на примѣръ буржуазной революціи XVII вѣка въ Англіи и XVIII в. во Франціи. Эти революціи обнаруживали сходныя явленія. Ихъ исходнымъ пунктомъ было возстаніе буржуазіи противъ феодальнаго абсолютизма, но онѣ на этомъ не остановились, онѣ были «непосредственнымъ прологомъ» террористическаго режима мелкой буржуазіи и начала революціонныхъ народныхъ движеній: въ Англіи — нивелеровъ, во Франціи — бабувистовъ. Успѣху движеній помѣшали отсталость пролетаріата и неразвитость общественныхъ отношеній вообще. Ожидавшаяся въ Германіи въ 1847 г. буржуазная революція должна была произойти при лучшихъ условіяхъ. И если она, подобно предшествовавшимъ революціямъ, была «непосредственнымъ прологомъ» революціоннаго движенія пролетаріата, то въ 1848 г. она должна была достигнуть, по сравненію съ 1648 и 1793 г., совершенно иныхъ результатовъ.

Все это было вполнѣ логически продумано и менѣе всего достойно «любого фантазера». Развѣ вскорѣ послѣ появленія «Манифеста»,—правда, не только у насъ, но и во всей центральной Европѣ,—не произошла буржуазная революція, развѣ она не явилась во время іюньскихъ дней прелюдіей столь сильнаго возстанія пролетаріата, какое дотолѣ еще ни разу не наблюдалось? Не потому ли Марксъ и Энгельсъ превратились въ безразсудныхъ фантазеровъ, что предсказанная ими для Германіи революція распространилась на всю Европу?

Но развѣ они не изучали политической экономіи? Развѣ они могли игнорировать, что германскій пролетаріатъ еще слишкомъ мало развитъ для того, чтобы немедленно совершить революцію въ свою пользу? Не діалектика ли помѣшала имъ это замѣтить?

Чтобы понять причины этой ошибки, необходимо разсмотрѣть поближе не діалектику, а тѣ доводы, на которыхъ Марксъ и Энгельсъ въ данномъ случаѣ основывались, а именно—французскую и англійскую революцію. Первая длилась 20 лѣтъ, вторая—10, а если угодно включить еще наполеоновскую эпоху, болѣе 20 лѣтъ; въ теченіе этого періода экономическій и соціальный строй страны совершенно измѣнились.

Попытки пролетарскихъ, или, если предпочитаете, народныхъ движеній возникли только *во время* революціи. По аналогіи Марксъ и Энгельсъ разсчитывали на революціонное движеніе въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, а не нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Они говорили рабочимъ: «Вамъ предстоитъ выдержать 15, 20, 50 лѣтъ соціальной борьбы, не только для измѣненія общественныхъ условій, но и для полнѣйшаго вашего превращенія, для того, чтобы вы стали достойными власти (Протоколы Лонд. Центр. Комитета Союза Коммунистовъ 15 сент. 1850 г.).

Они обольщали себя иллюзіями не относительно степени зрѣлости пролетаріата, а относительно продолжительности и интенсивности ожидаемой буржуазной революціи.

Но почему революція 1848 г. такъ жалко рухнула по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, тогда какъ англійская революція XVII в. и французская XVIII в. остались побѣдоносными десятки лѣтъ? Именно потому, что въ 1848 г. развитіе пролетаріата пошло гораздо дальше. Марксъ и Энгельсъ не предвидѣли, что

ростъ революціонныхъ силъ пролетаріата совершится не иначе, какъ насчетъ значительно падающихъ силъ буржуазныхъ классовъ,—на счетъ капиталистовъ, мелкихъ буржуа, крестьянъ, интеллигентовъ; что каждое проявленіе силы пролетаріата толкаетъ буржуазію въ лагерь реакціи; что буржуазія лишь до тѣхъ поръ была революціонно настроена, пока она не заглядывала дальше «любыхъ фантазеровъ», пока она ошибалась относительно могущества пролетаріата.

Ошибка Маркса и Энгельса заключалась не въ преувеличеніи значенія пролетаріата, а въ переоцѣнкѣ силъ буржуазіи; въ настоящее время мы легко можемъ дать себѣ въ этомъ отчетъ, но до 48 года, пока сами событія не сказали своего, самые проницательные и прозорливые могли не замѣчать всего. Если мы желаемъ отыскать причину, которой должно приписать ошибку, то найдемъ ее не въ гегельянствѣ, а въ изученіи исторіи французской и англійской революціи.

Однимъ изъ принциповъ Гегеля было положеніе, что исторія не повторяется, что каждая эпоха имѣетъ свои особенныя формы развитія, не выводимыя изъ изученія прошлаго. Въ введеніи къ своей «Философіи исторіи» Гегель говоритъ:

«Опытъ и исторія учатъ насъ, что народы и правительства никогда не пользовались уроками исторіи, и что они никогда не дѣйствовали на основаніи полученныхъ уроковъ. Каждая эпоха отличается столь своеобразными чертами, создаетъ столь индивидуальное положеніе вещей, что не можетъ и не должна быть объяснена иначе, какъ сама собой. Для сужденія о бурномъ ходѣ міровыхъ событій совершенно не годятся ни общіе принципы, ни аналогія фактовъ, потому что блѣдная аналогія не имѣетъ никакой силы рядомъ съ живыми и свободными фактами настоящаго. Въ этомъ отношеніи нѣтъ ничего болѣе безсмысленнаго, чѣмъ сравненія съ примѣрами изъ греческой и римской исторіи, что неоднократно дѣлали во Франціи въ эпоху революціи».

Марксъ и Энгельсъ воздерживались отъ подобныхъ ссылокъ. Но тотъ, кого прежде всего занимаетъ будущее, слишкомъ легко поддается искушенію отгадать не только направленіе, но также и формы будущаго развитія; а такъ какъ хорошо представить себѣ можно только то, что извѣстно, то всѣ гипотетически

построенныя формы будущаго являются только измѣненіемъ и заимствованіемъ прошлаго.

О будущей революціи мы можемъ сказать только одно: она будетъ отличаться, какъ отъ всѣхъ предшествовавшихъ революцій, такъ и отъ всѣхъ воображаемыхъ,—безразлично, Бернштейномъ или Энгельсомъ. Важнѣе всего ясно разобраться въ дѣйствительности. Такъ поступали Марксъ и Энгельсъ. Несмотря на всѣ опасности гегелевской діалектики, они были въ изгнаніи первыми изъ политическихъ эмигрантовъ, признавшими то, въ чемъ была необходимость.

«То же противорѣчіе между дѣйствительной и теоретически построенной зрѣлостью развитія, — замѣчаетъ Бернштейнъ, — не разъ должно было повториться въ другихъ формахъ». Нѣкоторыя наблюденія изъ недавняго прошлаго докажутъ это.

Въ введеніи ко 2-му изданію «Zur Wohnungsfrage» Энгельсъ говоритъ о существованіи «извѣстнаго мелко-буржуазнаго соціализма» среди германской соціальдемократіи и о томъ, что этотъ соціализмъ «имѣетъ своихъ представителей вплоть до партійной фракціи въ рейхстагѣ. Мелко-буржуазный характеръ этого направленія заключается въ томъ, что оно, хотя и признаетъ правильность основныхъ воззрѣній современнаго соціализма, откладываетъ осуществленіе ихъ на отдаленное время, а для настоящаго предлагаетъ только соціальныя заплаты».

На это Бернштейнъ отвѣчаетъ:

«Опредѣлять точку зрѣнія политика или теоретика исключительно по его воззрѣніямъ на быстроту хода общественнаго развитія—есть въ высшей степени ненаучный пріемъ, не говоря ужъ о другихъ недостаткахъ такого метода. Отождествленіе пролетарской идеи съ представленіемъ о немедленномъ и непосредственномъ устраненіи противоположностей есть, въ сущности, слишкомъ низменное толкованіе понятія. «Пролетарскимъ» при такомъ пониманіи было бы все противное, грубое, пошлое. Если вѣра въ революціонную катастрофу, которой постоянно ждутъ въ ближайшемъ будущемъ, порождаетъ пролетарско-революціонныхъ соціалистовъ, то право на это названіе принадлежитъ прежде всего революціонерамъ-*мятежникамъ*» (русск. перев. 45—46).

Я позволю себѣ спросить, гдѣ находятся у Энгельса выраженія о «немедленномъ и непосредственномъ устраненіи соціальныхъ противоположностей» и о «неминуемой революціонной катастрофѣ». На мой взглядъ, смыслъ протицированныхъ фразъ весьма простъ и понятенъ. Для сознательно борющагося пролетарія борьба противъ системы наемнаго труда и частной собственности на средства производства является безусловно практическимъ дѣломъ. Онъ можетъ ожидать устраненія наемнаго капиталистическаго труда въ болѣе близкомъ или болѣе отдаленномъ будущемъ; это устраненіе можетъ совершиться болѣе или менѣе быстро, но все-таки цѣль пролетарія во всѣхъ случаяхъ остается опредѣленной и обусловливаетъ всю его практическую дѣятельность. Для мелкаго буржуа, извлекающаго прибыль изъ частной собственности на средства производства, сохраняющаго еще надежду превратиться въ буржуа, отмѣна капиталистической собственности является только вопросомъ платоническихъ благопожеланій. Господство капитала ему непріятно, онъ привѣтствуетъ борьбу пролетаріата, но побѣда пролетаріата не есть для него настоятельная необходимость. Онъ не испытываетъ нужды дожить до этого момента. Для него не имѣетъ особаго значенія, если коллективистическій строй наступитъ даже черезъ 500 лѣтъ.

Я не усматриваю ничего нелѣпаго въ объясненіи различія во взглядахъ пролетарія и мелкаго буржуа ихъ классовыми различіями. Это въ духѣ матеріализма Энгельса. Если Бернштейнъ не далъ себѣ труда понять слова Энгельса въ такомъ смыслѣ и предпочелъ «низменное толкованіе», то объяснить это можно только, предположивъ что онъ чувствовалъ себя задѣтымъ замѣчаніемъ Энгельса о мелкихъ буржуа, и что съ того времени онъ не могъ читать эти фразы безпристрастно, безъ предубѣжденія.

Въ этомъ случаѣ Энгельсъ былъ недурнымъ прорицателемъ, когда писалъ: «Если эта тенденція обнаружится въ болѣе чистой и опредѣленной формѣ,—а это необходимо и даже желательно, — она должна будетъ, формулируя свою программу, вернуться къ своимъ предшественникамъ, и ей придется считаться съ Прудономъ».

И Бернштейнъ поетъ диѳирамбы Прудону (русск. пер. 56, 227). Несмотря на свою прозорливость, Энгельсъ не предви-

дѣлъ въ 1887 году, что редакторъ «Соціальдемократа» возьметъ на себя трудъ воскресить Прудона.

Но Энгельсъ ошибся и въ другомъ своемъ предсказаніи. Онъ утверждалъ въ 1885 г., что «слѣдующее потрясеніе произойдетъ въ скоромъ времени (революціи въ Европѣ въ этомъ столѣтіи происходятъ каждыя 15 или 18 лѣтъ: въ 1815, 1830, 1848—1852, 1870 гг.)». (Enthüllungen über den Kommunistenprozess zu Köln, S. 14).

Нельзя отрицать, фраза на первый взглядъ нѣсколько странная. Пожалуй, можно сказать, что Энгельсъ въ своихъ предсказаніяхъ основывался исключительно на чисто-ребяческихъ хронологическихъ расчетахъ. Напрасно мы станемъ искать въ упомянутой фразѣ малѣйшаго слѣда діалектики; но все-таки аргументація, очевидно, въ методологическомъ отношеніи далеко не научна.

Я полагаю, что не слѣдуетъ дать ввести себя въ заблужденіе на основаніи одной видимости. Вспомнимъ процитированное выше мѣсто изъ «Капитала». Марксъ насъ предостерегалъ, что при идеальномъ по точности изображеніи жизни предмета, со стороны можетъ показаться, что мы имѣемъ дѣло съ апріорнымъ построеніемъ. Онъ самъ ясно изображаетъ развитіе собственности путемъ «отрицанія отрицанія». Но не зная, какимъ образомъ Марксъ пришелъ къ познанію этого развитія, непосвященный легко можетъ подумать, что онъ его вывелъ изъ гегелевской формулы.

Точно такъ же обстоитъ дѣло и въ данномъ случаѣ. Съ виду кажется, что Энгельсъ провозгласилъ въ 1885 г. неизбѣжность революціонныхъ движеній въ Европѣ только потому, что онъ путемъ вычисленія получилъ промежутки въ 15 или 18 лѣтъ. Но это не такъ; вѣрно будетъ лишь обратное заключеніе: такъ какъ Энгельсъ ожидалъ политическаго потрясенія въ Европѣ, онъ въ этомъ усматривалъ новое доказательство, что въ XIX вѣкѣ въ Европѣ революціи возобновляются въ правильные промежутки.

Но какъ же Энгельсъ надѣялся въ 1885 г. на политическое потрясеніе?

Такъ какъ я въ то время находился въ близкихъ отношеніяхъ къ Энгельсу, то знаю его мнѣніе и считаю себя обя-

заннымъ ознакомить съ нимъ всѣхъ, чтобы избавить своего покойнаго учителя отъ смѣшныхъ подозрѣній, будто онъ гадалъ, если не на кофейной гущѣ, то по простымъ цыфрамъ.

Каково было положеніе дѣлъ въ 1885 г.? Центръ тяжести европейской политики лежалъ въ Германіи, а политическая жизнь Германіи была въ застоѣ. Во внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлахъ Бисмаркъ попалъ въ непроходимый переулокъ; онъ оставался у дѣлъ только благодаря заключенному съ буржуазіей перемирію, чтобы не смущать послѣднихъ минутъ престарѣлаго императора. Но дни Вильгельма были сочтены, и со смертью его долженъ былъ приблизиться моментъ европейскаго потрясенія. Столь долго отсрочивавшаяся классовая борьба буржуазіи съ аристократіей должна была вспыхнуть съ небывалой дотолѣ силой, а антагонизмъ между Бисмаркомъ и императоромъ Фридрихомъ еще болѣе долженъ былъ ее обострить. Ихъ ссора, возникшая на почвѣ придворныхъ интригъ, грозила превратиться въ историческую борьбу, которая должна была окончиться только паденіемъ Бисмарка и его системы и торжествомъ либерализма. Но въ настоящее время жизнь и соціально-политическое движеніе означаютъ жизнь и движеніе пролетаріата. Торжество либерализма должно было имѣть неизбѣжнымъ послѣдствіемъ освобожденіе пролетаріата отъ сковывающихъ его путъ, его быстрый подъемъ; оно должно было вызвать столкновеніе пролетаріата съ либеральнымъ режимомъ.

Таковъ былъ взглядъ Энгельса на политическое положеніе въ 1885 году. Что было въ немъ нелѣпаго? Не оправдался ли онъ въ значительной степени наступившими событіями? Не произошло ли въ 1890 г. потрясеніе, которое, какъ и іюльская революція, ограничилось, повидимому, одной страной, но оказало сильное вліяніе на всю Европу? Не было ли отрадно, когда на выборахъ число нашихъ голосовъ удвоилось, когда палъ законъ противъ соціалистовъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Бисмаркъ? Тѣмъ не менѣе, Энгельсъ и не думалъ о диктатурѣ пролетаріата въ 1888—90 годахъ.

Правда, онъ рисовалъ себѣ это потрясеніе болѣе глубокимъ. Великая борьба между либералами и консервативной партіей, между юнкерами и буржуазіей, которая должна была поднять всю націю, не вспыхнула. Отчасти это произошло по причинамъ

частнаго характера, которыхъ никто не могъ предвидѣть. Правленіе Фридриха не было продолжительнымъ. Настоящимъ преемникомъ Вильгельма I былъ его внукъ. Но эти частныя причины не могли бы такъ глубоко измѣнить положеніе, если бы факторъ, принятый въ расчетъ Энгелосомъ, т. е. либерализмъ, былъ въ наличности. Вотъ въ чемъ заключается слабая сторона предсказаній 1885, такъ же какъ и 1847 г. Въ обоихъ случаяхъ была преувеличена сила революціоннаго сопротивленія буржуазіи.

Несомнѣнно, намъ слѣдовало бы принять во вниманіе это обстоятельство, если бы мы предприняли пересмотръ марксистскихъ идей. Марксъ и Энгельсъ всегда имѣли въ виду въ своихъ расчетахъ политическое развитіе, въ которомъ буржуазный демократическій режимъ расчищаетъ дорогу пролетарской демократіи. Въ настоящее время слѣдуетъ отказаться отъ такихъ надеждъ. Тамъ, гдѣ демократія еще не существуетъ, она явится, какъ пролетарская демократія. Однако подлежитъ сомнѣнію, должно ли это соображеніе повлечь за собой пересмотръ марксизма въ духѣ Бернштейна.

Сомнительно также, хорошо ли понялъ Бернштейнъ общеизвѣстное предисловіе Энгельса къ «Классовой борьбѣ во Франціи». Онъ говоритъ:

«Въ концѣ своей жизни, въ предисловіи къ «Klassenkämpfe», Энгельсъ открыто сознался въ ошибкѣ, которую совершили Марксъ и онъ въ оцѣнкѣ продолжительности соціальной и политической эволюціи. Нельзя достаточно высоко оцѣнить услугу, оказанную движенію этимъ сочиненіемъ, которое, по справедливости, можно назвать политическимъ завѣщаніемъ Энгельса; оно имѣло огромное вліяніе. Но могло ли предисловіе вмѣстить всѣ заключенія, вытекавшія изъ этого столь чистосердечнаго признанія, да и вообще можно ли было ожидать, чтобъ самъ Энгельсъ произвелъ пересмотръ теоріи, необходимость котораго вызывалась этимъ признаніемъ?.. Но поправка, которая должна быть внесена въ новую соціалистическую исторіографію, согласно предисловію Энгельса, не такъ важна, какъ поправка, вытекающая изъ него для всего пониманія борьбы и задачъ соціальдемократіи». (Русск. пер. стр. 46—47).

Прочитавъ эти строки, можно подумать, что Энгельсъ незадолго до своей смерти сознался въ заблужденіи, которое онъ дотолѣ скрывалъ, и которое переворачивало вверхъ дномъ всѣ наши понятія о «борьбѣ и задачахъ соціальдемократической партіи». Но для Энгельса было поздно самому предпринять необходимый пересмотръ. Въ этомъ заключается задача его послѣдователей. Но что, въ дѣйствительности, доказываетъ Энгельсъ въ упомянутомъ предисловіи? Правильность нашихъ воззрѣній на борьбу и задачи партіи въ томъ ихъ видѣ, какъ они господствовали въ моментъ составленія предисловія и еще раньше. Политическое завѣщаніе Энгельса являлось не поправкой, внесенной въ партійную тактику, а подтвержденіемъ этой тактики. Въ предисловіи нѣтъ ни одного слова, которое могло бы дать Бернштейну право утверждать, что его попятное движеніе съ 1895 г. есть только выполненіе политическаго завѣщанія Энгельса.

Энгельсъ критикуетъ въ немъ пріемы борьбы партіи не 1895, а *1848 года*. Онъ пишетъ о нихъ, что «въ настоящее время они устарѣли во всѣхъ отношеніяхъ»; это именно тотъ вопросъ, который онъ въ данномъ случаѣ разсматриваетъ. Этимъ пріемамъ борьбы онъ противопоставляетъ примѣръ нѣмецкихъ соціалистовъ, впервые перешедшихъ на практикѣ къ другой системѣ, выразившейся въ томъ, что они «послали Августа Бебеля въ первый учредительный рейхстагъ. Съ тѣхъ поръ они пользовались избирательнымъ правомъ такъ, что оно принесло плоды сторицей, и дѣятельность ихъ послужила образцомъ для рабочихъ всѣхъ странъ». Ни одно слово не обнаруживаетъ желанія внести поправку въ пріемы борьбы за осуществленіе задачъ партіи. Энгельсъ остается тѣмъ же, что и прежде, въ 1848 г. Въ 1891 г. онъ еще разъ повторилъ слова о «диктатурѣ пролетаріата» (предисловіе къ «Гражданской войнѣ во Франціи», стр. 14).

Въ концѣ того же года онъ писалъ: «Сколько разъ буржуа убѣждали насъ отказаться, во что бы то ни стало, отъ употребленія радикальныхъ методовъ и не нарушать закона, потому что въ настоящее время отмѣнены исключительные законы, и общее право возстановлено для всѣхъ, даже для насъ! Къ сожалѣнію, мы не можемъ доставить господамъ буржуа этого удовольствія. Несмотря на это, не мы нарушаемъ законъ. Напротивъ, онъ

настолько намъ благопріятствуетъ, что съ нашей стороны было бы безразсудствомъ нарушать его, пока онъ пролагаетъ намъ такимъ образомъ дорогу. Интересно знать, кто, какъ не сами, буржуа, нарушаютъ (по отношенію къ намъ) законъ?» (Neue Zeit, X., I, стр. 583).

Это точно та же мысль, которую Энгельсъ выразилъ въ предисловіи къ «Klassenkämpfe in Frankreich». Если она здѣсь не кажется столь-же ясной, то тому виной не Энгельсъ, а его германскіе друзья, настоявшіе на опущеніи заключенія, которое они считали слишкомъ радикальнымъ. Они полагали, что предисловіе было достаточно ясно. Очевидно это не такъ.

Во всякомъ случаѣ, взгляды, высказанные Энгельсомъ въ 1890 г., въ цѣломъ доказываютъ, что «знаменитое признаніе» относилось къ заблужденію 1848 г., но не къ другому, и что Энгельсъ рекомендовалъ тактику 1867 г.

А если это такъ, то политическое завѣщаніе вовсе не дѣлаетъ необходимымъ пересмотръ теоріи. Марксъ и Энгельсъ были въ состояніи сами взять его на себя, ихъ фундаментальныя сочиненія «Капиталъ» и «Анти-Дюрингъ» были закончены подъ вліяніемъ идей и опыта, вдохновлявшихъ новую тактику. Вотъ почему марксисткая теорія не содержитъ противорѣчій въ наиболѣе зрѣлыхъ трудахъ ея творцовъ. Тотъ, кто захотѣлъ бы усомниться въ этомъ, имѣетъ наглядное доказательство въ лицѣ Бернштейна, который въ поискахъ за противорѣчіями возвѣстилъ намъ, что нашелъ множество превосходныхъ примѣровъ, и ничего рѣшительно не сказалъ, кромѣ громкихъ фразъ, когда пришлось ихъ указать.

Зато въ этихъ громкихъ фразахъ нѣтъ недостатка. Напримѣръ, Бернштейнъ даетъ поразительную оцѣнку научности творенія Маркса и Энгельса: «Чтобы построенная первоначально по гегеліански схема развитія сохранила свое значеніе, необходимо было или ложно объяснить дѣйствительность, или при измѣреніи пути къ намѣченной цѣли не обращать вниманія на всѣ дѣйствительные размѣры. Вотъ откуда это противорѣчіе, что кропотливая, свойственная неутомимому трудолюбію генія, точность въ изслѣдованіи экономической структуры идетъ рука объ руку съ почти невѣроятнымъ пренебреженіемъ къ очивиднымъ фактамъ; далѣе, что

то самое ученіе, которое исходитъ изъ мысли, что экономика оказываетъ рѣшающее вліяніе на власть, это ученіе становится настоящей вѣрой въ чудесную созидательную силу власти, и что, наконецъ, теоретическое вознесеніе соціализма на степень науки очень часто «перескакиваетъ» въ подчиненіе всѣхъ научныхъ требованій той или другой тенденціи» (русск. перев. 45).

Но одной гегелевской діалектики недостаточно, чтобы объяснить подобную методологическую небрежность. Бернштейнъ открылъ еще другую причину: «Поразительное противорѣчіе между дѣйствительностью и программой было продуктомъ интеллектуальной ошибки, дуализма въ ихъ теоріи». Онъ объясняетъ ее такимъ образомъ:

«Въ современномъ соціалистическомъ движеніи можно замѣтить два главныхъ теченія; въ разныя времена они появляются въ разныхъ оболочкахъ и часто совершенно противоположны другъ другу. Одно находится въ связи съ проэктами реформъ, которые выработаны соціалистическими мыслителями и направлены на *созиданіе*. Для другого даютъ пищу революціонныя народныя волненія; оно стремится, главнымъ образомъ, къ *разрушенію*. Смотря по обстоятельствамъ, первое принимаетъ то *утопическій* характеръ, то *сектантскій*, то *мирно-эволюціонный*; второе — *конспиративный*, *демагогическій* или *террористическій*. Чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ болѣе яснѣй слышимъ съ первой стороны лозунгъ: эмансипація посредствомъ *экономической организаціи*, а съ другой: эмансипація посредствомъ *политической экспропріаціи*..... Теорія Маркса стремилась соединить оба направленія въ ихъ основѣ. У революціонеровъ она заимствовала представленіе объ освободительной борьбѣ рабочихъ, какъ политической классовой борьбѣ, у соціалистовъ—вмѣшательство въ предварительныя экономическія и соціальныя условія эмансипаціи рабочихъ. Но это соединеніе не было устраненіемъ противорѣчій, а скорѣе компромиссомъ въ томъ видѣ, какъ его предлагалъ англійскимъ соціалистамъ Энгельсъ въ «Lage der arbeitenden Klasse»; онъ предлагалъ отодвинуть на задній планъ специфически соціалистическій элементъ, выдвинувъ впередъ политически-радикальный, соціально-революціонный. И какія измѣненія въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи ни переживала теорія Маркса, она въ

основѣ сохранила характеръ компромисса или дуализма» (русскій пер. 54, 55).

Вотъ оно, наконецъ, объясненіе,—правда, не «*интелектуальной ошибки*» Маркса и Энгельса, а интелектуальнаго пониманія Бернштейна; оно побудило его вдругъ видѣть всюду неясности и противорѣчія тамъ, гдѣ онъ въ теченіе двадцати лѣтъ находилъ полнѣйшее единство. Дуализмъ элементовъ «мирно-эволюціоннаго» и «демагогическаго» является основной ошибкой марксизма. Но не мирно-эволюціонный элементъ хочется Бернштейну изгнать; иначе говоря, злымъ геніемъ марксизма является именно революціонный духъ. Изъ-за него также діалектика становится коварной, гибельной. Онъ ослѣплялъ Энгельса и Маркса, заставилъ самымъ невѣроятнымъ образомъ пренебрегать очевидными фактами и подчинить науку тенденціозности и самымъ грубымъ внутреннимъ противорѣчіямъ. Чтобы утвердить соціализмъ, необходимо изгнать этого злого духа.

Но что же останется отъ марксизма послѣ такого изгнанія злого духа? Лишить марксизмъ его революціонности равносильно лишенію его жизни.

То, что въ глазахъ Бернштейна оказывается «интелектуальной ошибкой», «дуализмомъ», на нашъ взглядъ является именно великой исторической особенностью марксизма: примиреніемъ утопическаго соціализма со стихійнымъ рабочимъ движеніемъ въ единствѣ высшаго порядка. Марксъ пришелъ къ этому благодаря историческому матеріализму, признавъ, съ одной стороны, классовую борьбу пролетаріата движущей силой развитія современнаго общества,—борьбу, которая, какъ всякая классовая борьба, необходимо является борьбой за политическую власть, а съ другой стороны,—познавъ тенденціи экономической эволюціи капиталистическаго способа производства, создающія условія новаго способа производства.

Гдѣ же въ этой теоріи дуализмъ и компромиссъ?

По моему, она является важнѣйшимъ открытіемъ XIX в. Къ этому присоединяется еще тѣсно связанный фактъ, что Марксъ и Энгельсъ вовсе не имѣли намѣренія схоронить новые научные выводы исключительно для ученыхъ, что они приняли участіе

въ борьбѣ пролетаріата и направили всѣ свои усилія на то, чтобы повысить уровень развитія интернаціональнаго пролетаріата.

Другими словами, если ихъ историческое величіе обусловливается тѣмъ, что они сумѣли примирить утопическое движеніе съ движеніемъ революціоннымъ, то оно вытекаетъ также изъ того, что они совмѣщали въ себѣ ученыхъ, и политиковъ, людей кабинетной науки и борцовъ. Безъ сомнѣнія, между этими двумя родами дѣятельности существуетъ антагонизмъ, соотвѣтствующій антагонизму прошлаго и будущаго, необходимости и свободы, матеріализма и идеализма.

Въ то время какъ ученый безпристрастно и спокойно изучаетъ необходимыя отношенія фактовъ, борецъ сражается за все то, что еще неизвѣстно и что кажется свободно наступающимъ, хотя оно и подчиняется неизбѣжнымъ законамъ: онъ добивается этого, какъ цѣли, скрытой во мракѣ неизвѣстности отдаленнаго идеала, дающаго стимулъ его волѣ, его дѣятельности, сильно возбуждающаго его страсти. Въ то время какъ ученый можетъ спокойно взвѣшивать доводы за и противъ, прежде чѣмъ прійти къ какому-нибудь рѣшенію, въ борьбѣ приходится, не теряя времени на долгія размышленія, выбирать благопріятный моментъ.

Очевидно, что этой противоположности должна быть подвержена дѣятельность людей, одновременно совмѣщающихъ въ себѣ ученыхъ и борцовъ. Но выводить изъ двоякаго характера ихъ дѣятельности противорѣчія въ ихъ теоріи и даже ошибки интеллектуальнаго свойства — это не значитъ охарактеризовать этихъ людей съ безпристрастіемъ историка.

Если кто сумѣлъ когда-либо освободиться отъ упомянутаго антагонизма, то это прежде всего основатели марксизма. Доводы, приводимые Бернштейномъ для доказательства малой научности и ошибочности теоріи Маркса и Энгельса, не выдерживаютъ серьезной критики. Мы это доказали нѣсколькими примѣрами. Но тотъ, кто не ограничивается однимъ истолкованіемъ отдѣльныхъ фразъ, кто постигъ политическое твореніе Маркса и Энгельса въ его историческомъ единствѣ, тотъ,—будь онъ послѣдователь или противникъ,—останавливается въ изумленіи передъ силой, съ которой они согласовали боевой пылъ революціонности съ науч-

ной глубиной, — разсматриваетъ ли онъ ихъ дѣятельность въ „Neue-Rheinische Zeitung“, или въ Международномъ обществѣ, или плодотворность ихъ вліянія на международное движеніе.

Этотъ «дуализмъ», т. е. сочетаніе научности съ революціонностью, экономическаго матеріализма съ практическимъ идеализмомъ, служилъ не только для нихъ, но и для ихъ послѣдователей источникомъ всего лучшаго, созданнаго ими въ области интеллектуальнаго; и если бернштейновская критика «интеллектуальной ошибки» марксистовъ была встрѣчена съ такимъ вниманіемъ, то она обязана этимъ тому обстоятельству, что онъ самъ впродолженіе 20 лѣтъ совершалъ эту ошибку.

---

c) Стоимость.

За философіей слѣдуетъ экономія, ключемъ къ которой служитъ теорія стоимости. Бернштейнъ на ней и останавливается. Здѣсь ужъ совсѣмъ неумѣстна «неуклюжая и нерѣшительная форма первыхъ главъ», въ которой самъ себя обвиняетъ Бернштейнъ. Въ этомъ столь трудномъ и важномъ вопросѣ необходимо прежде всего быть яснымъ и понятнымъ и не оставлять мѣста ни малѣйшему сомнѣнію.

Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи Бернштейнъ далеко не достигъ требуемаго. Его сочиненіе должно было выразить ясно и недвусмысленно *его* новыя воззрѣнія, которыя были, по его утвержденію, столько разъ плохо поняты. А онъ излагаетъ теорію трудовой стоимости *Маркса*, мѣстами выражая свои сомнѣнія и нигдѣ не указывая, какова его собственная точка зрѣнія по этому вопросу. Неясность еще болѣе усиливается тѣмъ, что онъ приравниваетъ къ теоріи Маркса теорію предѣльной полезности, не высказывая вполнѣ опредѣленнаго сужденія о послѣдней. Для него марксова стоимость—«не больше, какъ мысленный образъ, точно такъ-же, какъ предѣльная полезность школы Госсенъ-Джевонсъ-Бема». Онъ говоритъ:

«Марксу вольно было игнорировать свойства товаровъ настолько, что въ концѣ концовъ эти товары стали простымъ вопло-

щеніемъ извѣстныхъ количествъ человѣческаго труда, точно такъ же какъ школа Бемъ-Джевонса была вправѣ игнорировать всѣ прочія свойства товаровъ, кромѣ ихъ полезности». Затѣмъ Бернштейнъ цитируетъ фразу изъ «Капитала», которая «не позволяетъ отдѣлаться отъ Госсенъ-Бемовской теоріи нѣсколькими пренебрежительными фразами». А въ примѣчаніи онъ указываетъ на третью теорію стоимости—Лео Буха, съ которой онъ насъ не знакомитъ, и утверждаетъ, что она является «продуктомъ чрезвычайно тонкаго анализа, замѣчательнымъ вкладомъ въ *область мало разъясненнаго вопроса*».

Но изъ всего этого слѣдуетъ, что совершенно неразъяснимой проблемой оказывается теорія стоимости самого Бернштейна. Мы находимся въ невѣдѣніи, является-ли она теоріей Маркса, Джевонса, Буха, или какой-то собственной теоріей, представляющей синтезъ всѣхъ трехъ. Проблема такъ и остается здѣсь неразрѣшенной.

Онъ отвѣтилъ на мою критику статьей въ „Neue Zeit“: «Трудовая стоимость или потребительная стоимость», упрекая меня ни больше, ни меньше, какъ въ томъ, что я не понимаю его или не хочу его понять. Подобныя обвиненія принадлежатъ къ числу полемическихъ красотъ Бернштейна. Онъ не допускаетъ, что самъ виноватъ, если его не понимаютъ. А между тѣмъ все, будто-бы, очень ясно и просто:

«Павелъ и Петръ разсматриваютъ ящикъ съ минералами.

„Это гиміэдрическіе кристаллы съ параллельными плоскостями“,—говоритъ Петръ.

„Это сѣрный колчеданъ“,—говоритъ Павелъ.

Кто изъ нихъ правъ?

„Оба правы, — скажетъ минералогъ: — сказанное Петромъ относится къ формѣ, замѣчаніе Павла къ субстанціи“.

«Правильность этого заключенія намъ сейчасъ же очевидна, потому что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ конкретнымъ предметомъ, въ которомъ легко отличаемъ форму отъ субстанціи. Между нормально-мыслящими людьми не можетъ быть спора о томъ, сдѣлано ли покрывало изъ шерсти *или* плюша; споръ можетъ идти только о томъ, служитъ ли *матеріаломъ* покрывала шерсть или нѣтъ, есть ли это плюшевая *ткань* или нѣтъ. Но здравомыслящіе

люди могутъ еще спорить о томъ, чѣмъ *характеризуется* данный кусокъ матеріи: матеріаломъ ли, изъ котораго она сдѣлана, или выдѣлкой. Если они будутъ доказывать свои положенія, то придутъ къ заключенію, что особенности матеріала сводятся къ свойствамъ шерстяныхъ волоконъ, особенности плюша—къ свойствамъ ткани, и въ концѣ концовъ споръ будетъ принципіально вестись въ рамкахъ вопроса, опредѣляется ли характеръ матеріи свойствомъ волоконъ или способомъ тканья.

«*Таковъ, въ сущности, происходящій въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній споръ о стоимости.* Противоположности, которыми тамъ являются матеріалъ и способъ обработки, здѣсь называются трудовой стоимостью и полезностью. И подобно тому, какъ въ приведенномъ случаѣ обоимъ теоретизирующимъ пріятелямъ прекрасно извѣстно, что безъ волокнистаго вещества нельзя соткать матерію, и что необработанный матеріалъ не превратится въ настоящее покрывало, точно такъ же и экономисты двухъ противоположныхъ лагерей хорошо знаютъ, что *экономическая стоимость* предмета, полученіе котораго не требуетъ затраты труда, равна нулю, какъ бы ни была велика его полезность, и что, съ другой стороны, никакой вложенный въ предметъ трудъ не придастъ ему стоимости, если онъ не удовлетворяетъ никакой человѣческой потребности.

«*Экономическая стоимость* обладаетъ... двойственнымъ характеромъ: она содержитъ въ себѣ моментъ *полезности* (*потребительная стоимость, спросъ*) и моментъ *издержекъ производства (трудовая стоимость)*».

Эти два момента,—продолжаетъ Бернштейнъ,—опредѣляютъ величину стоимости. Но чтобы придти къ категоріи прибавочной стоимости, Марксъ допустилъ, что продукты продаются по трудовой стоимости, и не принималъ въ расчетъ полезности, второго опредѣляющаго стоимость фактора. Теоретики «предѣльной полезности» поступаютъ наоборотъ—для другой цѣли.

Смотря по тому, какова цѣль изслѣдованія, окажется справедливой та или иная точка зрѣнія.

Другими словами, вѣрна теорія Маркса, но вѣрна и теорія предѣльной полезности. Онѣ—двѣ стороны одного и того же предмета. Удивительно только, что такіе проницательные люди, какъ

сторонники теоріи предѣльной полезности до сихъ поръ не замѣчаютъ этого. Менѣе удивительно то, что Марксъ и его послѣдователи не видѣли, какъ легко разрѣшается давнишнее разногласіе по вопросу о стоимости. Односторонность этихъ упрямцевъ весьма понятна. Но какъ бы то ни было, Бернштейнъ сдѣлалъ это удивительное открытіе, и для теоріи полезности должна начаться новая эра. Однако, слѣдуетъ указать еще одну мелочь. Бернштейнъ замѣчаетъ, что „*для извѣстныхъ цѣлей* оказывается справедливой теорія предѣльной полезности", *для другихъ-же* слѣдуетъ предпочитать теорію Маркса. Къ сожалѣнію, онъ упустилъ изъ виду указать, *въ какихъ именно случаяхъ*. Это нѣсколько умаляетъ значеніе его открытія по той причинѣ, что теоретики какъ одного, такъ и другого направленія, примѣняютъ свою теорію безразлично, во всѣхъ случаяхъ, когда нужна теорія стоимости. Намъ неизвѣстенъ ни одинъ примѣръ во всей экономической литературѣ, когда бы изслѣдователь исходилъ въ однихъ случаяхъ изъ ученія Маркса, а въ другихъ, для другой цѣли,—изъ теоріи предѣльной полезности, или даже только бы считалъ возможнымъ примѣнять подобный методъ. Бернштейну слѣдовало бы намъ указать, гдѣ и какимъ образомъ это возможно.

Онъ долженъ былъ бы также вывести мораль изъ своего примѣра съ сѣрнымъ колчеданомъ. Кристалы—форма, колчеданъ—субстанція тѣла. А полезность, составляетъ-ли она форму стоимости, а трудъ субстанцію, или наоборотъ?

Каково назначеніе всякой теоріи стоимости? Оно заключается только въ томъ, чтобы служить ключомъ къ пониманію нашего способа производства.

Современный способъ производства—это товарное производство. Его продукты предназначены не для непосредственнаго *потребленія*, а для *продажи*. Продажа и покупка—вотъ основные процессы современной экономической системы. Желающій ее понять долженъ прежде всего познать законы, управляющіе куплей-продажей.

Кто наблюдаетъ рынокъ, тотъ легко замѣтитъ, что цѣны всякаго рода товаровъ, несмотря на всѣ колебанія, вызываемыя предложеніемъ и спросомъ, не произвольны, что онѣ имѣютъ тенденцію достигать извѣстной высоты. Эта опредѣленная тенденція и есть

стоимость продукта; она проявляется только при обмѣнѣ или продажѣ въ видѣ *мѣновой стоимости.* Слѣдовательно, стоимость не есть „мысленный образъ“, а дѣйствительный фактъ. Не существуетъ стоимость по Марксу или по Джевонсу, а есть только товарная стоимость, которую наблюдали и изучали задолго до Маркса и Джевонса.

„Мысленнымъ образомъ“ и чѣмъ-то, свойственнымъ Марксу или Джевонсу, является не сама стоимость, а теорія стоимости, т. е. попытки открыть и, слѣдовательно, объяснить, какое существуетъ отношеніе между этимъ, повидимому, мистическимъ фактомъ и другими, хорошо извѣстными фактами изъ экономической жизни.

Марксу, разумѣется, «вольно было» пренебречь всѣми свойствами продукта и принять въ разсчетъ только тотъ фактъ, что этотъ продуктъ представляетъ воплощеніе извѣстнаго количества человѣческаго труда; позволительно было также Джевонсу принять во вниманіе только полезность продукта; но въ данномъ случаѣ намъ надлежитъ знать не то, что «вольно было», а о томъ, что допустимо для *опредѣленной цѣли,*—изслѣдованія товарной стоимости, какъ мѣновой стоимости.

Эта опредѣленная цѣль должна быть совершенно независимой отъ другихъ цѣлей, которыя изучающій связываетъ съ изслѣдованіемъ теоріи стоимости. Каковы бы ни были эти дальнѣйшія цѣли, цѣль, намѣченная теоріей стоимости, остается той-же: открыть основной законъ, регулирующій процессъ обмѣна, или купли-продажи.

Но, если всякая теорія стоимости задается одной и той-же цѣлью, то нелѣпо допускать, что, смотря по цѣли изслѣдованія, могутъ считаться одинаково вѣрными различныя теоріи стоимости.

Для поясненія своей точки зрѣнія Бернштейнъ отсылаетъ насъ къ своей статьѣ въ „Neue Zeit“ въ которой онъ далъ болѣе подробное разъясненіе теоріи предѣльной полезности. Но то, что говорится въ этой статьѣ, нѣсколько расходится съ его настоящей точкой зрѣнія. Тамъ онъ утверждаетъ, что по теоріи предѣльной полезности „стоимость и цѣна—одно и то же“, и что, слѣдовательно, это *«не теорія стоимости, а теорія цѣны»*. Для детальныхъ изслѣдованій законовъ обмѣна, понятіе предѣль-

ной стоимости является «цѣннымъ обогащеніемъ экономическихъ понятій».

Это значитъ, что Бернштейнъ признаетъ теорію предѣльной стоимости непригодной въ качествѣ теоріи стоимости. Но даже въ качествѣ теоріи цѣнъ она можетъ оказаться полезной только для детальныхъ изслѣдованій. Ибо какъ можно представить себѣ широкую теорію цѣнъ безъ теоріи стоимости, служащей ея основаніемъ? Напримѣръ, природа денегъ не можетъ быть ни въ коемъ случаѣ объяснена теоріей цѣнъ, а только теоріей стоимости. Въ этомъ, въ дѣйствительности, заключается одна изъ самыхъ слабыхъ сторонъ теоріи предѣльной стоимости: она не въ состояніи объяснить функцію денегъ въ качествѣ мѣрила стоимости.

Теперь-же Бернштейнъ говоритъ о ней, какъ о теоріи, равной по рангу теоріи Маркса. Чтобы ему это удалось, онъ вдругъ незамѣтно ввелъ новую экономическую категорію—„*экономическую стоимость*“. „Экономическая стоимость,—говоритъ онъ,—обладаетъ двойственнымъ характеромъ: она содержитъ въ себѣ моментъ *полезности (потребительная стоимость, спросъ)* и моментъ *издержекъ производства (трудовая стоимость)*“.

Экономическая стоимость! Какого это рода стоимость?

Марксъ отмѣтилъ въ „Капиталѣ“ двойственный характеръ *товара*, который одновременно является *потребительной стоимостью и стоимостью (мѣновой стоимостью)*, и двойственный характеръ труда, производящаго товаръ. Здѣсь не можетъ быть мѣста двойственному характеру какой-то „экономической стоимости“. Если Бернштейнъ не придумалъ своей собственной, намъ еще неповѣданной теоріи экономической стоимости, то намъ трудно будетъ подыскать въ теоріи стоимости мѣсто для этой категоріи.

Въ своей книгѣ Бернштейнъ упоминаетъ еще о двойственномъ характерѣ *товара*. Въ приведенномъ нами въ началѣ этой главы мѣстѣ онъ говоритъ, что Марксу позволительно было пренебречь всѣми свойствами *товара* и принять въ разсчетъ только то, что онъ представляетъ собой извѣстное количество труда, точно такъ же, какъ позволительно школѣ предѣльной полезности принять въ расчетъ только одну полезность. Теперь же

онъ повторяетъ объ «экономической стоимости» то, что онъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ говорилъ о самомъ товарѣ. Его точка зрѣнія въ теоріи стоимости оказалась весьма плодотворной.

Не смѣшиваетъ ли Бернштейнъ экономическую стоимость съ мѣновою стоимостью? Есть люди, полагающіе, что мѣновая стоимость товара зависитъ отъ количества заключающагося въ немъ труда и отъ степени его полезности. Не это ли хочетъ сказать Бернштейнъ своей фразой о двойственномъ характерѣ экономической стоимости? Но къ чему въ такомъ случаѣ слова «трудовая стоимость»? Это выраженіе можетъ означать только одно, а именно: что стоимость товара опредѣляется исключительно количествомъ содержащагося въ немъ труда. Кто полагаетъ, что стоимость не опредѣляется исключительно трудомъ, а еще какимъ-нибудь другимъ факторомъ, напримѣръ полезностью, не можетъ говорить о «трудовой стоимости». Но, можетъ быть, Бернштейнъ хочетъ сказать, что экономическая стоимость, какъ мѣновая стоимость, одновременно является потребительной стоимостью и опредѣляемой исключительно трудомъ мѣновой стоимостью?

Насколько двойственный характеръ *товара* является ясной и недвусмысленной вещью, настолько двойственный характеръ *«экономической стоимости»* неясенъ, сбивчивъ. Я не стану оспаривать, что съ такимъ понятіемъ стоимости одинаково примиримы и теорія предѣльной стоимости, и теорія Маркса, и съ полдюжины другихъ теорій. Понятіе это—потемки, а ночью, вѣдь, всѣ кошки сѣры.

Такимъ то образомъ Бернштейну удается примирить теорію Лео Буха съ теоріями стоимости Маркса и Бемъ-Баверка.

Бернштейнъ усмотрѣлъ пробѣлъ въ теоріи стоимости Маркса. Согласно этой теоріи, величина стоимости товара опредѣляется продолжительностью общественно-необходимаго для его производства рабочаго времени. Но существуютъ разные виды труда; каждый изъ нихъ долженъ быть сведенъ къ одному и тому же виду труда, къ простому труду, если мы желаемъ имѣть возможность сравнивать количества разныхъ родовъ труда. «Сложный трудъ есть только *потенцированный* (возведенный въ степень) или, вѣрнѣе, *помноженный* простой трудъ, такъ что

меньшее количество сложнаго труда равняется большему количеству простого труда. Опытъ показываетъ, что такое приведеніе постоянно происходитъ... Различныя отношенія, въ которыхъ различные виды труда приводятся къ простому труду, какъ къ общей единицѣ измѣренія, устанавливаются посредствомъ общественнаго процесса за спиной производителей, а потому кажутся имъ установленными обычаями» („Капиталъ“, русс. пер. стр. 10).

Каковъ этотъ общественный процессъ, Марксъ дальше не поясняетъ. Въ «Критикѣ политической экономіи» онъ замѣчаетъ: «Здѣсь не мѣсто говорить о законахъ, регулирующихъ этотъ процессъ приведенія». Къ сожалѣнію, онъ не возвращался болѣе къ вопросу объ этихъ законахъ, чтобъ объяснить ихъ развитіе; но они ему были уже извѣстны, иначе онъ не указывалъ бы на нихъ. Теорія Маркса, стало быть, въ этомъ пунктѣ неполна. По этому вопросу мы согласны съ Бернштейномъ, но мы относимся отрицательно къ способу, которымъ онъ намѣренъ восполнить пробѣлы. Онъ говоритъ:

«Бухъ пытается разрубить гордіевъ узелъ тѣмъ, что строго различаетъ два рода стоимости, которые у Маркса сливаются: просто стоимость и относительную стоимость. Подъ первой онъ подразумѣваетъ трудовую стоимость, которую непосредственно опредѣляетъ заработной платой и рабочимъ временемъ, образуя на физіологическомъ основаніи новое понятіе «предѣльной плотности труда» (чѣмъ короче день и чѣмъ выше доля рабочаго, тѣмъ выше предѣльная плотность труда). Отъ трудовой стоимости совершенно отличается оцѣночная стоимость продукта, которую онъ имѣетъ или получаетъ на рынкѣ. Слѣдуетъ строго различать оба эти рода стоимости. Норма эксплуатаціи должна опредѣляться не трудовой стоимостью, а отношеніемъ этой послѣдней къ оцѣночной стоимости.

«Я не считаю теорію Буха безукоризненной, но усматриваю въ ней свидѣтельствующій объ остромъ анализѣ шагъ впередъ по правильному пути для пополненія вышеупомянутаго пробѣла. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, цѣлесообразнѣе оперировать двумя понятіями стоимости, чѣмъ давать одному и тому же понятію опредѣленіе, содержащее два взаимно нейтрализующіеся принципа, каковымъ недостаткомъ страдаетъ теорія «общественно-необходимаго

рабочаго времени». Такъ какъ въ моемъ распоряженіи пока имѣется только первая часть труда Буха, то я не могу еще окончательно высказать свое мнѣніе о ней.»

Я не читалъ даже первой части сочиненія Буха, но то, что о ней говоритъ Бернштейнъ, не можетъ побудить меня усматривать въ ней образецъ «остраго анализа».

Насколько мнѣ извѣстно, нельзя сказать, чтобы у Маркса сливались понятія «просто стоимости» и «относительной стоимости». Марксъ различаетъ и строго отдѣляетъ «просто стоимость», «трудовую стоимость» и «индивидуальную стоимость»—отъ рыночной стоимости и рыночной цѣны. Напротивъ, Бухъ, повидимому, довольно странно смѣшиваетъ понятія, опредѣляя стоимость *заработной платой*.

Стоимость есть экономическая категорія, которая существовала до появленія наемнаго труда. Надо не замѣчать разницы между простымъ товарнымъ производствомъ и капиталистическимъ производствомъ, надо разсматривать послѣднее, какъ единственную форму товарнаго производства, чтобы опредѣлять стоимость заработной платой. Что тогда будетъ со стоимостью продуктовъ, произведенныхъ не наемными рабочими, а самостоятельными ремесленниками? Что такое заработная плата, какъ не опредѣленная сумма стоимостей, обмѣниваемыхъ на равную по стоимости рабочую силу? Слѣдовательно, стоимость опредѣляется заработной платой, а сама заработная плата стоимостью!

А стоимость рабочей силы? Не опредѣляется-ли она также заработной платой?

Изслѣдованіе пробѣловъ теоріи весьма похвально, но эта заслуга теряетъ свое значеніе, если мы станемъ восполнять пробѣлы въ разрѣзъ съ настоящимъ смысломъ теоріи.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ примѣнять «экономическую стоимость», которая одновременно является и потребительной стоимостью, и мѣновой стоимостью, и трудовой стоимостью, опредѣляемой затратой труда и въ то же время заработной платой? Теорія стоимости, подобно пониманію исторіи, должна провѣряться на практикѣ посредствомъ ея примѣненія. Теорія стоимости Бернштейна, какъ бы то ни было, претендуетъ быть видоизмѣненіемъ и углубленіемъ теоріи Маркса. Но послѣдняя тѣсно связана съ

цѣльнымъ марксовымъ пониманіемъ современнаго способа производства. Если подвергается измѣненію марксистская теорія стоимости, то все это пониманіе оказывается заключеннымъ въ устарѣлыя формы и нуждается въ поправкахъ. Ученіе о прибавочной стоимости, пониманіе капитала и его отношенія къ пролетаріату,—все это должно быть радикальнымъ образомъ измѣнено, если измѣняется сама теорія стоимости, служащая имъ основаніемъ. Но Бернштейнъ всего этого не затрагиваетъ. Онъ дѣлаетъ еще нѣсколько замѣчаній о прибавочной стоимости и прибавочномъ продуктѣ, но не измѣняетъ ничего и продолжаетъ оперировать прежнимъ марксистскимъ пониманіемъ капитала, какъ если бы онъ и не думалъ выражать своихъ сомнѣній насчетъ теоріи стоимости. Онъ допускаетъ, что теорія стоимости Бемъ-Баверка справедлива въ извѣстныхъ предѣлахъ. Значитъ ли это, что и его теорія капитала и процента на капиталъ вѣрна, или что она примирима съ теоріей Маркса?

Бернштейнъ объ этомъ ничего не говоритъ. Его дальнѣйшія экономическія разсужденія не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ его критикѣ теоріи стоимости, которую мы преспокойно могли бы оставить безъ вниманія, если бы вся банда антимарксистовъ не стала испускать радостные клики, услышавъ, что марксистъ провозгласилъ несостоятельность теоріи стоимости Маркса.

Но Бернштейнъ такъ далеко не зашелъ. Онъ только обнаружилъ, что онъ съ нѣкотораго времени не знаетъ, какъ ему быть съ ней. Онъ находитъ ее неполной, незаконченной, но не стремится развить ее въ духѣ ея творцовъ, а желаетъ пополнить ея пробѣлы, внося чуждые и противорѣчащіе общему духу теоріи принципы, которые были придуманы для борьбы съ нею, и которые не могутъ съ ней слиться въ органическое цѣлое. Эти попытки Бернштейна не найдутъ сочувствія ни у школы предѣльной полезности, ни у марксистовъ. Обѣ стороны привѣтствуютъ въ немъ не теоретика, а скептика.

Положительными результатами критика теоріи стоимости не богаче критики экономическаго матеріализма. Сдѣланный Бернштейномъ „шагъ впередъ“ состоитъ въ томъ, что единство пониманія онъ подмѣнилъ эклектикой, которую онъ прославляетъ, какъ

«возмущеніе здраваго смысла противъ присущей всякой доктринѣ тенденціи—во что бы то ни стало, зашнуровать мысль».

Пусть Бернштейнъ припомнитъ исторію умственнаго развитія; тогда онъ увидитъ, что всѣ великіе мятежники противъ «шнурованія мысли» менѣе всего были эклектиками, что они въ равной степени стремились къ самостоятельности какъ къ единству. Эклектикъ слишкомъ умѣренъ, чтобы быть мятежникомъ. Онъ возмущается, а иногда способенъ совершенно разъяриться при видѣ неудобствъ, сопряженныхъ съ стремленіемъ къ единству пониманія. Пусть намъ покажутъ въ республикѣ умовъ хоть одного эклектика, заслужившаго имя мятежника. Отвѣшивать въ одну сторону учтивый поклонъ Марксу и сейчасъ же въ другую Бемъ-Баверку—далеко еще не значитъ быть мятежникомъ.

Но вѣдь при этомъ Бернштейнъ еще настаиваетъ, что задача преемниковъ Маркса и Энгельса заключается въ томъ, чтобы *«вернуть теоріи единство»*.

Да здравствуетъ эклектическое единство!

Охотно соглашаюсь, что это значитъ не шнуровать туго мысль.

II.

Программа.

а) Теорія крушенія (Zusammenbruchstheorie).

Мы подошли къ основному пункту разсужденій Бернштейна. Съ этого момента они направляются прямо противъ партійной программы и, слѣдовательно, получаютъ практическое значеніе. Притомъ, критика теоріи крушенія составляетъ ту часть его работы, которую наши противники отмѣтили съ чувствомъ особаго удовлетворенія. Поэтому здѣсь особенно необходимы точность и ясность.

Марксъ и Энгельсъ не дали намъ особой «теоріи крушенія». Это выраженіе обязано своимъ происхожденіемъ Бернштейну, подобно тому какъ выраженіе «теорія обнищанія» придумано противниками марксизма.

Выраженіе «теорія крушенія» было впервые употреблено Бернштейномъ въ полемикѣ противъ Бакса. Онъ исходилъ тогда изъ § III резолюціи объ экономическихъ задачахъ рабочаго класса, предложенной Лондонскому интернаціональному конгрессу 1896 г. Этотъ параграфъ въ нѣмецкой редакціи гласилъ: «Экономическое развитіе въ настоящее время такъ далеко пошло впередъ, что вскорѣ можетъ наступить *кризисъ*. Поэтому, конгрессъ приглашаетъ рабочихъ всѣхъ странъ учиться веденію производства, чтобы въ качествѣ сознательныхъ членовъ рабочаго класса, быть въ состояніи взять въ свои руки руководительство производствомъ ко благу всего общества». Англійская и французская редакція значительно отличаются отъ нѣмецкой и составлены удачнѣе. Вмѣсто словъ: «экономическое развитіе такъ далеко *пошло впередъ* что *вскорѣ* можетъ наступить

кризисъ», тамъ сказано: «...настолько быстро *подвигается впередъ*, что *въ сравнительно короткое время* можно ожидать кризиса». «Поэтому,—говорится тамъ далѣе, — передъ рабочими стоитъ задача — учиться *управленію страной*» (а не *руководительству производствомъ*). А въ отчетѣ о конгрессѣ, появившемся въ изданіи Vorwärts, это мѣсто *совершенно* отсутствуетъ. Въ видѣ § Ш мы находимъ здѣсь пунктъ о празднованіи 1 мая.

Надо признать, что требовалась нѣкоторая смѣлость для того, чтобы основывать критику марксистской теоріи общественнаго развитія на этомъ совершенно невинномъ параграфѣ, къ тому же не вполнѣ опредѣленномъ и туманномъ по своему смыслу,—ибо какое значеніе имѣетъ здѣсь слово „кризисъ“? Но Бернштейнъ поступаетъ именно такъ. «Цитированный параграфъ,—говоритъ онъ,—по крайней мѣрѣ, по своему общему смыслу вполнѣ согласуется съ господствующимъ въ настоящее время въ партіи представленіемъ о ходѣ развитія современнаго общества».

«Согласно этому представленію, рано или поздно долженъ разразиться чрезвычайно рѣзкій промышленный кризисъ, который получитъ весьма широкое распространеніе. Кризисъ этотъ породитъ великую нищету, которая вызоветъ столь страстную вражду къ капиталистической системѣ хозяйства; онъ столь глубоко убѣдитъ народныя массы въ невозможности при господствѣ этой системы управлять производительными силами ко благу всего общества, что движеніе, направленное противъ капиталистической системы, пріобрѣтетъ непреодолимую силу, и подъ его натискомъ эта система неминуемо должна будетъ рухнуть. Другими словами, неизбѣжный и острый экономическій кризисъ разрастется въ генеральный кризисъ всего общественнаго строя, результатомъ котораго будетъ политическое господство пролетаріата, какъ единственнаго въ этотъ моментъ революціоннаго класса, сознающаго свои цѣли; а при господствѣ этого класса произойдетъ полное преобразованіе общественнаго строя въ коллективистическомъ духѣ». (Бернштейнъ, «Истор. мат.», рус. пер. стр. 132).

«Такъ,—не разъ повторяетъ Бернштейнъ,—представляетъ себѣ дѣло соціалдемократія».

И еще:

«Среди соціалдемократіи укоренилось убѣжденіе, что такой путь развитія есть *неизбѣжный законъ природы*, и что острый и всеобщій экономическій кризисъ есть обязательный этапъ развитія по пути къ коллективистическому обществу».

Должно быть, Бернштейну было довольно трудно доказать, что таково, въ дѣйствительности, убѣжденіе соціалдемократіи. И дѣйствительно, онъ удовлетворяется одной ссылкой на двусмысленный параграфъ изъ представленной Интернаціональному конгрессу резолюціи, который совсѣмъ не обсуждался и, если вѣрить отчету Vorwärts'a, не былъ даже принятъ.

Въ оффиціальныхъ заявленіяхъ германской партіи Бернштейнъ напрасно будетъ искать фразъ, которыя, какимъ бы то ни было образомъ, можно было бы истолковать въ смыслѣ теоріи крушенія въ той формѣ, какъ онъ ее излагаетъ. Въ тѣхъ пунктахъ эрфуртской программы, гдѣ говорится о кризисахъ, нѣтъ ни слова о крушеніи. Но едва ли также найдутся такія рѣчи или журнальныя статьи германскихъ товарищей, въ которыхъ опредѣленнымъ образомъ утверждалось бы, что промышленный кризисъ поведетъ къ соціальной революціи, или что пролетаріатъ можетъ завоевать политическую власть только въ періодъ такого кризиса. Если не ошибаюсь, подобныя мнѣнія иногда высказывалъ Бельфортъ Баксъ, и потому казалось вполнѣ естественнымъ, что Бернштейнъ полемизировалъ противъ нихъ въ упомянутой нами статьѣ. И если онъ говорилъ въ ней о теоріи крушенія, какъ о преобладающемъ въ партіи воззрѣніи, то это казалось преувеличеніемъ, въ которое легко впасть въ пылу полемики.

Но Бернштейнъ и не думаетъ исправить это преувеличеніе въ своей книгѣ, которая направлена уже не противъ Бакса. Напротивъ, здѣсь онъ въ еще большей степени впадаетъ въ преувеличеніе, такъ какъ не только не суживаетъ, но даже расширяетъ сферу признанія теоріи крушенія. То, что было въ 1898 г. *преобладающей* въ партіи теоріей, въ 1899 г. стало *партійной* теоріей. Полемика противъ Бакса превратилась въ полемику противъ Маркса и Энгельса, критика второстепеннаго пункта резолюціи—въ критику «Коммунистическаго манифеста» и «Капитала».

Эта критика была съ тѣхъ поръ превознесена до небесъ анти-марксистами внутри и внѣ партіи, какъ самое толковое

опроверженіе марксистской теоріи крушенія. Если бы мы спросили этихъ господъ, каковъ собственно смыслъ этой теоріи, мы получили бы курьезные отвѣты. Вѣдь во время полемики выяснилось, что самъ Бернштейнъ въ весьма существенномъ пунктѣ перевралъ марксистскую теорію. По представленію Бернштейна, Марксъ и Энгельсъ ожидали, что соціалистическій способъ производства будетъ результатомъ крушенія капиталистическаго способа производства, вызваннаго концентраціей капитала и все болѣе и болѣе разрушительными кризисами. Это пониманіе совершенно упускаетъ изъ виду классовую борьбу пролетаріата. Въ этомъ я не видѣлъ умысла, а считалъ это простою случайностью. Мнѣ думалось, что Бернштейнъ не упоминаетъ о томъ моментѣ, который всего важнѣе, но именно потому, что онъ самъ собою подразумѣвается. Но я ошибался.

Бернштейнъ объявилъ въ „Vorwärts'ѣ" мое пониманіе теоріи Маркса ложнымъ. Это мѣсто настолько характерно, что мы приведемъ его полностью:

«Теорія Маркса-Энгельса,—говоритъ Каутскій,—выводитъ необходимость предстоящаго крушенія капитализма изъ увеличенія численности пролетаріевъ и изъ роста ихъ зрѣлости и силы, изъ прогрессивнаго вытѣсненія и порабощенія мелкихъ предпріятій крупными капиталистическими предпріятіями, которыя все въ большей и большой степени становятся монопольными, и изъ усиливающейся тенденціи къ перепроизводству. Эта послѣдняя приводитъ либо къ все болѣе и болѣе рѣзкимъ кризисамъ, либо къ общему застою, либо, наконецъ,—что теоретически мыслимо,—къ организаціи всего народнаго хозяйства въ картели; но послѣдніе не только для пролетаріевъ, но и для всей массы населенія должны быть еще болѣе невыносимы, чѣмъ промышленный застой, и должны возбуждать противъ себя еще большую вражду, и потому неизбѣжно должны повести къ экспропріаціи картелей, т. е., въ данномъ случаѣ,—къ экспропріаціи капиталистической промышленности.

«Однако, это ужъ не теорія Маркса-Энгельса, но *истолкованіе и развитіе* ея, данное Каутскимъ. Насколько же оно согласуется съ главою у Маркса, гдѣ говорится *не* о растущей зрѣлости и силѣ, но о растущемъ вырожденіи и порабощеніи

пролетаріевъ? отъ отвѣта на этотъ вопросъ я съ тѣмъ большимъ правомъ могу здѣсь уклониться, что я самъ всегда и весьма энергично настаивалъ на томъ, что эту главу надо понимать лишь въ смыслѣ указанія на тенденцію развитія. Все-же я утверждаю что вмѣстѣ съ мантіей падаетъ и герцогъ». („Vorwärts“, 26 марта 1899 г.).

На это я отвѣчалъ:

«Эта цитата написана не какимъ-нибудь вульгарнымъ экономистомъ, а человѣкомъ, слывущимъ за одного изъ лучшихъ и толковѣйшихъ знатоковъ марксистской литературы. Насколько справедлива эта тирада, покажетъ буквальное воспроизведеніе того мѣста, на которое ссылается Бернштейнъ. Оно гласитъ: «Вмѣстѣ съ постояннымъ уменьшеніемъ числа магнатовъ капитала, которые узурпируютъ и монополизируютъ всѣ выгоды этого процесса, увеличивается сумма нищеты, угнетенія, рабства, вырожденія, эксплоатаціи, но, съ другой стороны, увеличивается также и сопротивленіе постоянно возрастающаго рабочаго класса, вышколеннаго, объединеннаго и организованнаго механизмомъ самого капиталистическаго способа производства». («Капиталъ», рус. пер., изд. Поповой, стр. 646).

«Означаетъ ли постоянный ростъ численности, вышколенности (Schulung) и организаціи—ростъ зрѣлости и силы, или нѣтъ?

«Какимъ же образомъ можетъ Бернштейнъ утверждать, что въ главѣ, излагающей теорію крушенія, Марксъ говоритъ не о растущей зрѣлости и силѣ, а только о растущемъ вырожденіи и рабствѣ пролетаріата? И какимъ образомъ можетъ онъ утверждать, что я даю только свое истолкованіе, но не изложеніе теоріи Маркса - Энгельса? Не подчеркиваетъ ли уже „Коммунистическій манифестъ“ значенія растущей зрѣлости и силы пролетаріата, какъ одной изъ предпосылокъ крушенія капиталистическаго общества? „Буржуазія,—говоритъ онъ,—не только выковала оружіе, которое должно нанести ей смертельный ударъ, она создала также и людей, которые возьмутъ въ свои руки это оружіе: это современные рабочіе, пролетаріи... Съ развитіемъ промышленности не только растетъ численность пролетаріата, но онъ еще и концентрируется въ болѣе значительныхъ массахъ; его сила растетъ, и онъ яснѣе сознаетъ ее...

Рабочіе начинаютъ устраивать для борьбы съ буржуа коалиціи... Дѣйствительнымъ результатомъ ихъ борьбы является не столько непосредственный успѣхъ, сколько ростъ солидарности рабочихъ... Организація пролетаріата въ классъ, а слѣдовательно и въ политическую партію, непрерывно разрушается конкурренціей между самими рабочими. Но она постоянно возрождается снова, каждый разъ въ болѣе сильной, болѣе прочной и болѣе грозной формѣ. Эта организація пользуется внутренними раздорами въ средѣ буржуазіи, чтобы вынудить ее къ признанію извѣстныхъ интересовъ рабочаго класса со стороны закона,—напр. въ Англіи законъ о десяти-часовомъ рабочемъ днѣ... Сама буржуазія снабжаетъ пролетаріатъ элементами своего собственнаго образованія, т. е. даетъ ему оружіе противъ самой себя. Далѣе, промышленный прогрессъ выбрасываетъ цѣлые слои господствующаго класса въ ряды пролетаріата или, по крайней мѣрѣ, угрожаетъ устойчивости ихъ условій существованія. И эти слои вносятъ въ среду пролетаріата многочисленные элементы образованія“... и пр. и пр.

«Итакъ, мы видимъ, что уже въ «Коммунистическомъ манифестѣ» выясняется значеніе растущей зрѣлости и силы пролетаріата для крушенія капиталистическаго строя. Со времени первой формулировки марксъ-энгельсовой теоріи крушенія, ссылка на ростъ зрѣлости и силы пролетаріата сдѣлалась ея существеннымъ элементомъ; безъ него она совершенно непонятна; и вотъ, послѣ всего этого, является Бернштейнъ, утверждающій, что это—только мое истолкованіе!

«Но положеніе о ростѣ зрѣлости и силы пролетаріата есть не только существенный, но и характерный элементъ марксовой теоріи крушенія. Что капиталистическій способъ производства приводитъ къ растущей нищетѣ, постоянному паденію мелкихъ предпріятій и прогрессирующему перепроизводству, на это указывали и другіе соціалисты раньше Маркса и одновременно съ Марксомъ, но независимо отъ него. Но только Марксъ и Энгельсъ открыли, помимо принижающихъ пролетаріатъ тенденцій, еще и такія, которыя его возвышаютъ. Именно тѣмъ и отличаются они отъ другихъ соціалистовъ, что не только замѣчали растущее порабощеніе пролетаріата, но и его растущее возмущеніе, не только ростъ его нищеты и деградаціи, но и подъемъ

его вышколенности и организаціи, его зрѣлости и силы; конечно, объ этомъ слишкомъ легко забываютъ вульгарные критики такъ называемой теоріи обнищанія, критикующіе сплошь да рядомъ не что иное, какъ существовавшія до Маркса теоріи обнищанія».

«Но я никакъ не ожидалъ, что и Бернштейнъ забудетъ объ этомъ. Какъ будто-бы въ силу какого-то психологическаго закона, всѣ критики Маркса направляются по одному и тому же пути, какова бы ни была ихъ исходная точка».—

Здѣсь мы получаемъ, между прочимъ, еще недурной образецъ того, что понимаетъ Бернштейнъ подъ исторической необходимостью. Вѣрный своему отождествленію необходимости съ фатализмомъ, онъ признаетъ необходимость только тамъ, гдѣ существуетъ принудительное положеніе. Такимъ образомъ, марксистская теорія представляется ему, какъ ученіе, по которому экономическое развитіе создаетъ въ концѣ концовъ такое *принудительное положеніе*, при которомъ для общества не останется никакого иного выхода, какъ ввести соціализмъ. Именно такъ понимаетъ онъ марксистскую «теорію крушенія». А при такомъ пониманіи не нужно много умѣнья, чтобы опровергнуть ее.

«Присмотримся поближе,—говоритъ онъ,—къ толкованію Каутскаго. Является ли оно чисто-матеріалистическимъ обоснованіемъ тріумфа соціализма? Отнюдь нѣтъ. Зрѣлость пролетаріевъ—не экономическій, но этическій факторъ, ихъ сила—факторъ политическій или соціально-политическій. Но Каутскій апеллируетъ также и къ всеобщему возмущенію, вызванному предусмотрѣнной имъ организаціей народнаго хозяйства въ картели. Но это опять-таки не экономическій или, по крайней мѣрѣ, не чисто-экономическій факторъ; не говоря уже о томъ, что это возмущеніе не должно «необходимо» привести къ экспропріаціи промышленныхъ картелей.

«Чтобы считаться «имманентной экономической необходимостью», тріумфъ соціализма долженъ быть обоснованъ доказательствомъ неизбѣжности экономическаго крушенія существующаго общественнаго строя. Но такая неизбѣжность еще не была и не могла быть доказана. Общественное развитіе въ нѣкоторыхъ пунктахъ сошло съ пути, по которому оно должно было бы направиться, что бы крушеніе стало неизбѣжно по

чисто-экономическимъ причинамъ. Но къ чему выводить соціализмъ изъ *принудительной силы экономики?* Къ чему принижать разумъ и волю человѣка, его правовосознаніе? Къ чему переносить столь часто превратно понимаемую теорему объ отсутствіи свободы воли у личности на людей, живущихъ обществами въ цивилизованныхъ странахъ? Все это я считаю невыдерживающимъ критики и излишнимъ. Уже и теперь общество дѣлаетъ многое не потому, что оно *безусловно необходимо*, но потому, что оно лучше. И въ соціалистическомъ движеніи правовое сознаніе, стремленіе къ болѣе справедливому общественному строю является, по меньшей мѣрѣ, столь же важнымъ и сильнымъ факторомъ, какъ и матеріальная необходимость».

Что можетъ быть грустнѣе, чѣмъ подобныя вылазки со стороны человѣка, который самъ въ теченіе двухъ десятилѣтій отстаивалъ теорію матеріалистическаго пониманія исторіи? Еще въ 1890 г. онъ полемизировалъ съ Шульце-Геверницемъ, утверждавшимъ, будто соціалдемократія объявляетъ экономическій факторъ единственной причиной общественныхъ преобразованій. «Г. Шульце,—говорилъ Бернштейнъ,—не только признательный, но и способный ученикъ г. Брентано. Повторивъ то, что онъ вычиталъ у теоретиковъ марксизма, онъ подмѣниваетъ,—правда, весьма осторожно,—марксистскую теорію ея нелѣпой карикатурой, чтобы доказать свое превосходство» («N. Z.», IX, 1, стр. 660). А теперь Брентано и Шульце-Геверницъ растроганно прижимаютъ Бернштейна къ сердцу, такъ какъ ихъ попытки подмѣнить марксистскую теорію нелѣпой карикатурой блѣднѣютъ въ сравненіи съ подвигомъ Бернштейна, отождествившаго историческую необходимость съ экономическимъ принужденіемъ, отрицающаго тотъ фактъ, что Марксъ и Энгельсъ выводили необходимость коллективизма изъ растущей зрѣлости и силы пролетаріата.

У Бернштейна оказался помощникъ въ лицѣ *д-ра Вольтмана*. Но его теорія не вполнѣ тожественна съ теоріей Бернштейна. То, что послѣдній называетъ теоріей Маркса-Энгельса, есть теорія Энгельса, по словамъ открывшаго это Вольтмана. По Вольтману, Марксъ всегда обосновывалъ коллективизмъ на ростѣ возмущенія, зрѣлости и силы пролетаріата, а напротивъ

того, Энгельсъ, а также Куновъ и моя скромная персона утверждали, что капитализмъ самъ себя уничтожитъ. «Именно Энгельсъ особенно отстаивалъ то воззрѣніе, что развитіе *производительныхъ силъ* приметъ столь колоссальные размѣры, что вслѣдствіе присущей имъ *механической* силы онѣ разобьютъ оковы даннаго способа производства и этимъ вызовутъ всеобщій кризисъ. Но подъ производительными силами Энгельсъ понималъ только *технически*-экономическія силы, главнымъ образомъ механическую силу машинъ въ промышленности. Когда эти, неудержимо и безгранично развивающія свою мощь экономическія силы возстанутъ противъ существующаго способа производства, т. е. противъ отношеній собственности, то во время кризиса пролетаріатъ захватитъ государственную власть и направитъ производительныя силы къ благу общества. Таково популярное воззрѣніе».

Въ какой странѣ это воззрѣніе пользуется популярностью— я не знаю. Конечно, такого воззрѣнія никогда не придерживались ни Энгельсъ, ни Куновъ, ни я. Уже a priori довольно невѣроятно, чтобы Энгельсъ и Марксъ, всю жизнь работавшіе совмѣстно, не замѣчали разницы въ своихъ воззрѣніяхъ, и чтобы для открытія этой разницы долженъ былъ появиться д-ръ Вольтманъ. Съ другой стороны, Энгельсъ былъ слишкомъ мало мистикомъ, чтобы видѣть въ возстаніи *техническихъ* производительныхъ силъ противъ существующаго способа производства что-нибудь иное, чѣмъ образное выраженіе. Возстаніе механическихъ производительныхъ силъ, очевидно, не можетъ состоять ни въ чемъ иномъ, какъ въ вызванномъ ими возстаніи *людей*. И если Энгельсъ не всегда считалъ необходимымъ подчеркивать этотъ пунктъ, то это обстоятельство не даетъ еще права утверждать, что онъ придерживался противоположнаго воззрѣнія.

Воззрѣніе, приписываемое Вольтманомъ Энгельсу, очевидно, схоже, если и не вполнѣ тождественно, съ бернштейновскимъ пониманіемъ исторической необходимости. Здѣсь мы наталкиваемся на странное явленіе: Бернштейнъ открываетъ въ словахъ *Маркса* мнимый фатализмъ матеріалистическаго пониманія исторіи, въ его первоначальной формѣ,—взглядъ на людей, какъ на простыхъ автоматовъ, управляемыхъ экономическими силами; въ заявле-

ніяхъ-же *Энгельса* онъ находитъ признаніе роли этическаго фактора въ исторіи; а д-ръ Вольтманъ устанавливаетъ какъ разъ обратное соотношеніе между Марксомъ и Энгельсомъ.

Пока намъ не приведутъ болѣе основательныхъ доказательствъ, чѣмъ подобнаго рода проблематичныя мудрствованія, которыя легко можно повернуть въ обратную сторону, до тѣхъ поръ мы будемъ всего лучше придерживаться того мнѣнія, что оба автора «Коммунистическаго манифеста» ясно сознавали, чего хотѣли, и были согласны по всѣмъ существеннымъ пунктамъ. Безспорно, каждый изъ нихъ отличался своею особою индивидуальностью и понималъ и развивалъ общую теорію на свой ладъ. Конечно, историкъ марксистской теоріи долженъ принимать во вниманіе эти индивидуальныя различія, равно какъ и эволюцію, которой съ теченіемъ времени подвергалось міровоззрѣніе каждаго изъ нихъ; но эти различія слишкомъ ничтожны, чтобы имѣть для насъ какое-либо практическое значеніе.

То, что Бернштейнъ считаетъ моимъ истолкованіемъ теоріи Маркса-Энгельса, а Вольтманъ — теоріей Маркса, отличной отъ теоріи Энгельса, есть теорія, которая была сначала систематически изложена въ «Коммунистическомъ манифестѣ», а потомъ развивалась дальше, обосновывалась и исправлялась въ отдѣльныхъ пунктахъ въ различныхъ произведеніяхъ нашихъ учителей.

Эта теорія видитъ въ капиталистическомъ способѣ производства факторъ, который толкаетъ пролетаріатъ на классовую борьбу противъ капиталистовъ; который все больше и больше увеличиваетъ его численность, сплоченность, интеллигентность, самосознаніе и политическую зрѣлость; который все больше и больше повышаетъ его экономическое значеніе, дѣлаетъ одинаково неизбѣжной, какъ его организацію въ политическую партію, такъ и его побѣду; но столь-же неизбѣжно онъ обусловливаетъ и возникновеніе коллективистическаго производства въ результатѣ этой побѣды.

Такова та теорія, которую необходимо подкрѣплять или критиковать при разсмотрѣніи нашихъ плановъ; такова теорія, лежащая въ основаніи программы партіи; ее то мы и будемъ имѣть

въ виду въ дальнѣйшемъ изложеніи, а не смѣхотворную теорію крушенія, навязываемую намъ Бернштейномъ.

Бернштейнъ выставилъ противъ марксовой теоріи капиталистическаго способа производства троякаго рода возраженія: во-первыхъ, число собственниковъ не уменьшается, а возрастаетъ; во-вторыхъ, мелкое предпріятіе не падаетъ; и въ третьихъ, вѣроятность всеобщихъ и опустошительныхъ кризисовъ все болѣе и болѣе уменьшается.

Изъ этихъ трехъ возраженій то, которому Бернштейнъ отвелъ второе мѣсто, должно, очевидно, занимать первое. Если марксова теорія концентраціи капитала невѣрна, то мы безусловно должны признать увеличеніе числа собственниковъ. Если-же она правильна, то Бернштейнъ обязанъ намъ разъяснить, какимъ это образомъ число собственниковъ все-таки растетъ. Развитіе способа производства есть основное явленіе, формировка-же имущественныхъ отношеній — фактъ, лежащій на поверхности и проистекающій изъ того перваго. Это характерно для метода Бернштейна: не приступивъ къ изслѣдованію основного явленія, онъ разсматриваетъ лежащее на поверхности.

Мы займемся прежде всего первымъ.

b) Крупное и мелкое предпріятіе (Grossbetrieb und Kleinbetrieb).

По ученію Маркса, въ современномъ обществѣ экономическое развитіе приводитъ къ исчезанію самостоятельно-производящаго рабочаго и къ превращенію его въ наемнаго рабочаго, эксплуатируемаго собственникомъ средствъ производства, т. е. капиталистомъ.

«Частная собственность, пріобрѣтенная собственнымъ трудомъ, основанная, такъ сказать, на сростаніи *независимыхъ* работниковъ съ внѣшними условіями труда, была вытѣснена частной капиталистической собственностью, основанною на эксплуатаціи чужого, но по формѣ свободнаго труда. Какъ скоро этотъ процессъ превращенія достаточно разложилъ старое общество и въ глубину и въ ширину; какъ скоро рабочіе превращены въ пролетаріевъ, а ихъ условія труда въ капиталъ; какъ скоро капи-

талистическій способъ производства поддерживается лишь силой хозяйственнаго порядка вещей,—дальнѣйшее обобществленіе (Vergesellschaftung, socialisation) труда и дальнѣйшее превращеніе земли и другихъ средствъ производства въ общественно-эксплуатируемыя, т. е., въ общинныя средства производства, другими словами, дальнѣйшая экспропріація частной собственности пріобрѣтаетъ новую форму. Теперь остается экспропріировать уже не независимаго работника, имѣющаго собственное хозяйство, а капиталиста, эксплуатирующаго многихъ работниковъ. Эта экспропріація совершается дѣйствіемъ законовъ, присущихъ самому капиталистическому производству, посредствомъ сосредоточенія капиталовъ. Одинъ капиталистъ постоянно побиваетъ многихъ другихъ. Рука объ руку съ этимъ сосредоточеніемъ или экспропріацей многихъ капиталистовъ немногими, развивается все въ большихъ и большихъ размѣрахъ кооперативная форма рабочаго процесса, сознательное техническое приложеніе науки, цѣлесообразная эксплуатація земли, превращеніе орудій труда въ такія, которыя могутъ прилагаться только сообща, и экономизированіе всѣхъ средствъ производства посредствомъ совмѣстнаго употребленія ихъ, какъ общихъ средствъ производства комбинированнаго труда. Вмѣстѣ съ постоянно уменьшающимся числомъ магнатовъ капитала, которые похищаютъ и монополизируютъ всѣ выгоды этого процесса превращенія, возрастаетъ бѣдность, гнетъ, порабощеніе, униженіе, эксплуатація, но увеличивается также возмущеніе рабочаго класса, который постоянно возрастаетъ и обучается, объединяется и организуется самимъ механизмомъ капиталистическаго процесса производства. Монополія капитала становится помѣхой того способа производства, который развился вмѣстѣ съ ней и подъ ея вліяніемъ. Сосредоточеніе средствъ производства и обобществленіе труда достигаетъ такой степени, что они не могутъ долѣе выносить своей капиталистической оболочки. Она разрывается. Бьетъ часъ капиталистической частной собственности. Экспропріирующихъ экспропріируютъ». („Капиталъ“ т. I, 673 стр., изд. 1898 г.).

Это классическая форма той «легенды пожиранія» («Fresslegende»), которую Бернштейнъ взялся опровергнуть. Само собой разумѣется, что это лапидарное описаніе процесса, длящагося цѣлыя столѣтія, надо понимать cum grano salis, въ особенности

тогда, когда Марксъ выражается образно. Разрывъ капиталистической оболочки, послѣдній часъ капиталистической собственности, экспропріація экспропріаторовъ, — все это слѣдуетъ понимать, какъ историческіе процессы, наступленіе которыхъ неминуемо, но форму и степень близости которыхъ нельзя предвидѣть.

Мы прежде всего утверждаемъ, что правильность теоріи Маркса не зависитъ ни отъ большей или меньшей вѣроятности катастрофъ, ни отъ большей или меньшей быстроты развитія, а только отъ *направленія* этого послѣдняго. Если марксисты ожидали тутъ или тамъ соціальныхъ и политическихъ катастрофъ, то это ожиданіе не являлось необходимымъ выводомъ изъ ихъ теоріи, а только слѣдствіемъ даннаго соціально-политическаго положенія. Если бы «легенда пожиранія» была равносильна утвержденію, что неизбѣжна внезапная, всесторонняя и всеобщая экспропріація, я охотно пожертвовалъ бы ею. Но, съ другой стороны, при всемъ желаніи, я не могу дать гарантіи въ томъ, что наша задача непремѣнно разрѣшится лишь постепенно, посредствомъ организаціи.

Гораздо важнѣе вопросъ, совершается ли дѣйствительно концентрація капитала, или нѣтъ.

Трудно опредѣлить, каково мнѣніе Бернштейна объ этомъ. На вопросъ: вѣрно ли то, что концентрація со всѣми сопутствующими ей явленіями происходитъ въ указанныхъ Марксомъ формахъ?—Бернштейнъ отвѣчаетъ: «И да, и нѣтъ. Оно вѣрно прежде всего въ тенденціи. Изображенныя силы живутъ и дѣйствуютъ въ указанномъ направленіи..... Если же картина не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то это происходитъ не отъ ложности, а отъ неполноты высказаннаго. Факторы, оказывающіе ограничивающее дѣйствіе на изображенныя противорѣчія, Марксъ или совершено обходитъ, или, если обсуждаетъ при случаѣ, то позднѣе, при сводкѣ или противопоставленіи установленныхъ фактовъ, онъ упускаетъ ихъ, такъ что соціальное дѣйствіе антагонизмовъ кажется гораздо болѣе сильнымъ и непосредственнымъ, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности».

Это можетъ имѣть двоякій смыслъ. Само собой разумѣется, что, изучая основные законы явленій, теоретикъ долженъ абстрагировать отъ всѣхъ тѣхъ явленій, которыя могутъ осложнить вопросъ.

Кто забываетъ это правило и требуетъ, чтобы теорія при всѣхъ условіяхъ согласовалась съ лежащими на поверхности явленіями, тотъ всегда будетъ находить, что она носитъ черезчуръ аподиктическій характеръ и изображаетъ вещи съ такой рѣзкостью, какой онѣ не имѣютъ въ дѣйствительности. Но тотъ, кто пытается поправить это, создавъ теорію, охватывающую всѣ лежащіе на поверхности дѣйствительности факты, тотъ почувствуетъ себя подавленнымъ обиліемъ фактовъ, потеряетъ нить и, путаясь въ противорѣчіяхъ, никогда не усвоитъ себѣ яснаго взгляда на вещи.

Выше я сказалъ, что данное Марксомъ изображеніе историческаго процесса слѣдуетъ понимать cum grano salis. Если бы выше-цитированныя замѣчанія Бернштейна имѣли только такой смыслъ, мнѣ оставалось бы лишь прибавить, что они сами собой очевидны и примѣнимы ко всякой теоріи.

Но, по всей вѣроятности, Бернштейнъ думаетъ иначе. Онъ предполагаетъ, что теорія Маркса упускаетъ не только лежащія на поверхности, противорѣчащіе ей факты, но также основныя тенденціи, болѣе или менѣе парализующія дѣйствіе указанныхъ Марксомъ тенденцій. Такимъ образомъ, въ общественномъ развитіи тенденціи, описанныя Марксомъ, не всегда прокладываютъ себѣ путь черезъ противодѣйствующія вліянія. Но мысль Бернштейна намъ неясна еще въ одномъ отношеніи: приписываетъ ли Бернштейнъ этимъ противодѣйствующимъ вліяніямъ только замедляющее дѣйствіе, или же онъ находитъ, что они измѣняютъ направленіе общественнаго развитія?

Бернштейнъ утверждаетъ, что общественные антагонизмы изображены Марксомъ гораздо рѣзче, чѣмъ въ дѣйствительности. Но въ теоріи Маркса идетъ рѣчь не о томъ, какъ велика *въ настоящее время* сила соціальныхъ антагонизмовъ: для этого нѣтъ надобности въ теоріи. Теорія должна намъ указать, какой *эволюціи* антагонизмовъ мы должны ожидать, будутъ ли они обостряться или смягчаться. Если такъ поставить вопросъ, то недостаточно ограничиться указаніемъ преувеличеній и и рѣзкостей Маркса. Когда я спрашиваю, направляется - ли какое нибудь судно на востокъ, или на западъ, я далеко не удовлетворюсь отвѣтомъ, что было-бы преувеличеніемъ утверждать

что оно направляется на востокъ; что, судя по нѣкоторымъ признакамъ, возможно, что оно направляется на западъ.

Однако, именно такіе отвѣты мы получаемъ отъ Бернштейна. Въ одномъ мѣстѣ онъ признаетъ, что при капиталистическомъ способѣ производства предпріятія концентрируются, какъ указывалъ Марксъ, но утверждаетъ, что состоянія не концентрируются. «Въ партіи господствуетъ или прорывается убѣжденіе, что *параллельно* концентраціи промышленныхъ предпріятій *идетъ* концентрація состояній (Vermögen). *Но ничего подобнаго нѣтъ съ дѣйствительности*» (русск. пер., стр. 85).

Здѣсь Бернштейнъ признаетъ концентрацію предпріятій дѣйствительно существующимъ процессомъ капиталистическаго способа производства. Такъ говоритъ Бернштейнъ въ началѣ своего изслѣдованія о концентраціи. Но въ концѣ его онъ говоритъ:

«Хотя, такимъ образомъ, таблицы статистики доходовъ въ передовыхъ промышленныхъ странахъ удостовѣряютъ подвижность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и улетучиваемость и непрочность капитала въ современномъ обществѣ; хотя отмѣченные этой статистикой доходы или капиталы все въ большей пропорціи становятся бумажными величинами, которыя въ дѣйствительности легко могутъ разсѣяться при первомъ дуновеніи сильнаго вѣтра, но тѣмъ не менѣе *нѣтъ существеннаго противорѣчія между этими рядами доходовъ и таблицей хозяйственныхъ единицъ* въ промышленности, торговлѣ и сельскомъ хозяйствѣ. *Въ лѣстницѣ доходовъ и лѣстницѣ предпріятій, при расчлененіи, обнаруживается ясно выраженный параллелизмъ*, особено *при разсмотрѣніи среднихъ звеньевъ*». (Русск. пер. 114—115).

Бернштейнъ началъ съ того, что отрицалъ *параллелизмъ* въ лѣстницѣ доходовъ (которую онъ приравниваетъ къ лѣстницѣ состояній) и лѣстницѣ предпріятій, а кончаетъ тѣмъ, что признаетъ этотъ параллелизмъ. Какое же изъ этихъ двухъ утвержденій—его настоящее мнѣніе? На стр. 85 или 115? Происходитъ ли концентрація предпріятій, или нѣтъ? Очевидно, требовать другого отвѣта, вмѣсто «и да, и нѣтъ», значитъ впадать въ свойственныя марксизму крайности.

Не легко разбирать столь неопредѣленные взгляды. Но у насъ нѣтъ выбора. Что бы тамъ ни думалъ самъ Бернштейнъ, положенія его истолковываются нашими противниками въ смыслѣ банкротства не только одного марксизма, но также и вообще соціализма, и въ этомъ смыслѣ они ихъ эксплуатируютъ. А онъ самъ ни единымъ словомъ не протестуетъ противъ этого. Поэтому безусловно необходимо провѣрить факты, на которые Бернштейнъ ссылается.

Онъ заимствуетъ свои главныя доказательства изъ германской профессіональной переписи. Правда, онъ, кромѣ того, приводитъ много статистическихъ данныхъ объ Англіи, Франціи, Австріи, Швейцаріи, Соедин. Штатахъ; но приведенныя цыфры не содержатъ ни малѣйшаго указанія относительно *направленія* общественнаго развитія, потому что это—цыфры не нѣсколькихъ послѣдовательныхъ переписей, а только *одной*; онѣ только тогда могли бы что нибудь доказать, если бы матеріалистическое пониманіе исторіи дѣйствительно имѣло тотъ механическій характеръ, который такъ охотно приписываютъ ему его противники.

Если бы это пониманіе дѣйствительно предполагало постепенное «вростаніе» (Hineinwachsen) въ соціализмъ въ томъ смыслѣ, что всякое мелкое предпріятіе будетъ поглощено самимъ капиталистическимъ развитіемъ, посредствомъ концентраціи капитала, и что этимъ вся организація коллективистическаго производства уже конституируется такъ, что пролетаріату останется только завоевать политическую власть и, такъ сказать, улечься въ ложе, приготовленное капитализмомъ,—если бы таково было марксистское пониманіе развитія общества отъ капитализма къ соціализму, тогда и изолированныя абсолютныя цыфры, приведенныя Бернштейномъ, могли бы имѣть значеніе, потому что эти цыфры доказываютъ, что мелкое предпріятіе далеко еще не окончательно исчезло, и что, слѣдовательно, царство соціализма еще неизмѣримо далеко.

Неоднократно мы разъясняли, что не въ этомъ состоитъ ученіе марксизма. Но лучше лишній разъ категорически подтвердить сказанное, потому что одно изъ сомнительныхъ достоинствъ книги Бернштейна заключается въ томъ, что она содѣйствовала распространенію этого превратнаго пониманія марксизма.

Гибель индивидуальнаго производства, преобладавшей прежде формы, порождаетъ пролетаріевъ, наемныхъ рабочихъ. Чѣмъ болѣе развивается капиталистическое производство на развалинахъ мелкаго ремесла, тѣмъ у наемнаго рабочаго менѣе шансовъ, въ качествѣ изолированнаго производителя, освободиться на основѣ частной собственности отъ эксплуатаціи и капиталистическаго порабощенія, и тѣмъ сильнѣй онъ стремится къ отмѣнѣ частной собственности. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ пролетаріатомъ рождаются соціалистическія тенденціи, въ силу естественной необходимости, у самихъ пролетаріевъ и у тѣхъ, которые становятся на точку зрѣнія пролетаріата и, слѣдовательно, желаютъ содѣйствовать его независимости, т. е. равенству и свободѣ.

Но это объясняетъ только возникновеніе упомянутыхъ стремленій, но еще не говоритъ ничего объ ихъ осуществимости. Концентрація капитала усиливаетъ ихъ шансы на успѣхъ. Чѣмъ дальше она прогрессируетъ, тѣмъ болѣе она умножаетъ и организуетъ пролетаріатъ; но тѣмъ меньше, слабѣе и неувѣреннѣе становится масса заинтересованныхъ въ частной собственности на средства производства, т. е. самостоятельныхъ предпринимателей, тѣмъ слабѣе ихъ интересъ въ сохраненіи этой собственности, и тѣмъ болѣе, стало быть, концентрація создаетъ условія новаго способа производства.

Процвѣтаніе самостоятельнаго крестьянскаго и ремесленнаго производства предполагаетъ частную собственность на средства производства. Опытъ доказалъ, что гдѣ соціалисты основывали коммунистическія общества на основѣ ремесленнаго и мелкаго крестьянскаго производства, тамъ рано или поздно необходимость перехода къ частной собственности на средства производства брала верхъ надъ соціалистическимъ энтузіазмомъ, создавшимъ общину, если внѣшнія условія не содѣйствовали укрѣпленію связей внутри коммунистическаго общества; напримѣръ, жизнь среди враждебнаго населенія, чуждаго по языку и религіи.

Совершенно другой оборотъ дѣло принимаетъ тамъ, гдѣ индивидуальное производство не является общимъ правиломъ, а исключеніемъ, гдѣ экономическія условія благопріятствуютъ росту общественнаго производства и содѣйствуютъ переработкѣ чувствъ и мышленія рабочихъ въ духѣ общественнаго сотрудни-

чества. Тамъ соціалистическая организація должна стать возможной безъ энтузіазма, бывшаго всегда удѣломъ исключительныхъ натуръ и не выдерживающаго столкновенія съ пошлостью обыденной жизни.

Вотъ изъ какихъ элементовъ, по идеѣ марксизма, долженъ возникнуть соціализмъ. Концентрація капитала выдвигаетъ историческую задачу введенія новаго общественнаго строя. Для рѣшенія этой задачи она создаетъ необходимыя силы въ лицѣ пролетаріевъ; она даетъ средство для разрѣшенія ея, а именно—общественное производство; но она этимъ сама по себѣ еще *не рѣшаетъ проблемы*. Рѣшеніе ея вытекаетъ только изъ *борьбы* пролетаріата, его *желанія* и *сознанія*.

А если такъ, то отдѣльныя цыфры, свидѣтельствующія о существованіи громаднаго числа мелкихъ предпріятій, не имѣютъ ни малѣйшаго значенія для нашего изслѣдованія. Онѣ намъ ничего не говорятъ о *направленіи* развитія, а установить по нимъ *моментъ*, когда общество созрѣетъ для соціализма, мы не можемъ. Этотъ моментъ зависитъ отъ безчисленнаго множества мельчайшихъ условій, которыхъ никто не въ состояніи учесть; a posteriori можно установить экономическія причины этихъ условій, но a priori, посредствомъ статистики, нельзя опредѣлить ихъ силу. Пока мы еще весьма далеки отъ того, чтобы могли замѣнить классовую борьбу статистическими вычисленіями. Мы должны бороться. Никакая статистика намъ не скажетъ, близки ли мы къ побѣдѣ и къ возможности успѣшно использовать ее. Конечно, шансы на побѣду зависятъ отъ концентраціи капитала. Но съ нашей стороны было бы ребяческой затѣей, если бы мы пытались опредѣлить, какова должна быть степень концентраціи капитала для того, чтобы побѣда была возможна.

Бернштейнъ полагаетъ, что «если централизованная форма производства является предварительнымъ условіемъ для обобществленія производства и транспорта, то въ самыхъ передовыхъ странахъ Европы эта форма представляетъ собой лишь *частичный* фактъ; такъ, если бы въ Германіи государство вздумало въ близкомъ будущемъ экспропріировать всѣ предпріятія, въ которыхъ занято по 20 человѣкъ и болѣе,—все равно, съ цѣлью ли приступить къ вполнѣ самоличному производству, или же

съ цѣлью отдачи въ частную аренду,—то въ промышленности и торговлѣ остались бы еще въ рукахъ частныхъ лицъ сотни тысячъ предпріятій съ болѣе чѣмъ 4.000.000 рабочихъ» (русск. пер., стр. 150—151).—О сельскомъ хозяйствѣ нечего и говорить!—И дальше: «О колоссальности задачи, которая предстояла бы государству или государствамъ при передачѣ вышеупомянутыхъ предпріятій въ ихъ руки, даетъ нѣкоторое представленіе тотъ фактъ, что *такихъ предпріятій въ торговлѣ и промышленности не менѣе нѣсколькихъ сотъ тысячъ съ пятью или шестью милліонами рабочихъ*». И Бернштейнъ дѣлаетъ отсюда такой выводъ: «Мы должны признать тотъ фактъ, что необходимое для соціализаціи производства и распредѣленія предварительное матеріальное условіе,—высоко развитая централизація предпріятій, лишь—отчасти осуществилось». (Русск. перев., стр. 150, 151).

Въ первой главѣ Бернштейнъ оспаривалъ, что общественное развитіе *въ послѣднемъ счетѣ* сводится къ развитію производства; потомъ онъ утверждалъ, что безполезно и невозможно доказывать «имманентную экономическую необходимость соціализма», а теперь онъ приводитъ его въ самую рабскую и непосредственную зависимость отъ экономическихъ условій. Тутъ онъ самъ вдругъ утверждаетъ, что только когда пользованіе средствами производства будетъ обобществлено *во всѣхъ областяхъ* производства, тогда можно будетъ направить развитіе собственности къ соціализму. А вѣдь рѣчь идетъ именно объ этомъ, объ измѣненіи направленія развитія собственности, а вовсе не о томъ, чтобы «во время продолжительнаго ночного засѣданія», — какъ справедливо иронизируетъ Викторъ Адлеръ,—сразу декретировать обобществленіе всѣхъ предпріятій, въ которыхъ занято болѣе 20 человѣкъ,—какъ можно было-бы подумать на основаніи предостереженія Бернштейна. Мимоходомъ замѣтимъ, что эти *сотни тысячъ* предпріятій въ промышленности и торговлѣ, въ которыхъ занято по 20 человѣкъ и болѣе, и которыми Бернштейнъ насъ запугиваетъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи сводятся всего-на-всего къ 48.956. Очевидно, нашему пессимистически настроенному статистику почудился лишній нуль.

Мы должны отказаться отъ надежды открыть путемъ статистическихъ изслѣдованій моментъ наступленія царства будущаго. Изъ всѣхъ приводимыхъ Бернштейномъ цыфръ остаются въ такомъ случаѣ только данныя германской статистики профессій и предпріятій. Дѣйствительно, онѣ по своему краснорѣчивы. Хотя онѣ не говорятъ, какъ далеки мы отъ царства будущаго, но онѣ показываютъ, подвигаемся-ли мы въ направленіи, которое было предсказано Марксомъ.

Если-бы мы желали ограничиться опроверженіемъ Бернштейна, мы могли-бы облегчить свою работу. Намъ слѣдовало бы только предоставить слово самому Бернштейну. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ (въ ноябрѣ 1896 г.) онъ написалъ статью о «современномъ состояніи промышленнаго развитія въ Германіи», входящую въ серію статей «о проблемахъ соціализма», въ концѣ концовъ имѣвшихъ для него роковыя послѣдствія, такъ какъ въ результатѣ получилась проблематичность его собственнаго соціализма (N. Z. XV, 1,303). Тогда онъ писалъ:

«Ни одинъ компетентный человѣкъ не станетъ отрицать того, что характерной особенностью развитія современной германской промышленности является переходъ отъ мелкаго производства къ крупному, отъ ремеслепнаго къ фабричному, отъ крупныхъ фабрикъ къ гигантскимъ производствамъ. Недавно опубликованная имперская статистика профессій и производствъ ставитъ этотъ фактъ внѣ всякаго сомнѣнія. По сравненію съ предыдущей переписью 1882 г., группа В профессіональной переписи (промышленность, рудники, горнодѣліе, строительная часть) обнаруживаетъ въ 1895 г., при 14,48% прироста населенія, слѣдующія измѣненія, въ числахъ участвующихъ въ промысловой дѣятельности:

	1882 г.	1895 г.	Увелич. (+)	Умен. (—)
			Абсолют. число	%
Самостоят. предприниматели	1.861.502	1.774.481	— 87.021	— 4.68
» кустари . . .	339.644	287.389	— 52.255	— 15.39
Технический надзоръ, конторскій персоналъ . .	99.076	263.747	+164.671	+166.21
Подмастерья и ученики .	4.096.243	5.955.613	+1.895.370	+ 45.39
Всего .	6.396.465	8.281.230	+1.884.765	+ 29.47

«Цыфры сами за себя говорятъ: если на *одного* самостоятельнаго приходилось *двое* служащихъ, то въ 1895 г. отношеніе уже равнялось 1:3. *При первомъ-же взглядѣ бросается въ глаза важность происшедшей перемѣны.*

«*Но значеніе этихъ цыфръ не вполнѣ еще понятно для незнакомыхъ съ трактуемымъ вопросомъ.* Это отношеніе, показывающее, что во всемъ государствѣ, въ среднемъ, на одного самостоятельнаго хозяина приходится трое служащихъ по найму, позволяетъ еще думать, что даже въ настоящее время крупная промышленность значительно еще уступаетъ мелкой (ремесло и небольшія фабрики); что она, безъ сомнѣнія, достигла чрезвычайнаго распространенія, но не настолько, чтобы ее можно было признать господствующей. Если за 13 лѣтъ, несмотря на колоссальные успѣхи техники, число самостоятельныхъ хозяевъ уменьшилось всего-на-всего на 140.276, что даже не составитъ полныхъ 6 процентовъ, то можетъ показаться, что полное вытѣсненіе ремесла и мелкой промышленности совершится въ весьма отдаленномъ будущемъ, что ремесло сохраняетъ за собой, кромѣ художественныхъ профессій, довольно важныя области».

То, что Бернштейнъ здѣсь называетъ обманчивой видимостью, могущей ввести въ заблужденіе людей, не вполнѣ знакомыхъ съ дѣломъ, черезъ два года для него стало дѣйствительностью, относительно которой могутъ ошибаться только глупцы, слѣпо вѣрующіе въ слова учителя.

Въ 1896 г. Бернштейнъ былъ еще въ числѣ этихъ глупцовъ; его проницательный взоръ сумѣлъ угадать дѣйствительность, скрывавшуюся за этими цифрами. Онъ писалъ далѣе:

«Однако эти грубыя цифры далеко не выражаютъ дѣйствительныя отношенія между крупной и мелкой промышленностью. Онѣ показываютъ только внѣшнюю группировку части населенія, участвующей въ промышленности, въ узкомъ смыслѣ этого слова; но онѣ умалчиваютъ относительно всѣхъ фактовъ, необходимыхъ для ознакомленія съ внутренними отношеніями производства (размѣръ, характеръ и т. д). Для этого намъ необходимы не только имѣющія выйти данныя статистики профессій о распредѣленіи группъ предпріятій въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства, но

также и свѣдѣнія о положеніи отдѣльныхъ предпріятій въ ихъ группѣ, объ относительной производительности труда и тому подобныхъ деталяхъ, о которыхъ статистика профессій вообще не дастъ никакихъ свѣдѣній».

Потомъ онъ дѣлаетъ попытку „приблизительно опредѣлить настоящее положеніе дѣла", основываясь на книгѣ Зинцгеймера: „О предѣлахъ расширенія крупныхъ фабрикъ въ Германіи", и приходитъ къ такому результату:

«Если мы примемъ во вниманіе происшедшія, согласно новѣйшей промышленной статистикѣ, перемѣщенія въ распредѣленіи трудящихся во всѣхъ группахъ производствъ, и кромѣ того еще тотъ неоспоримый и неоспариваемый фактъ, что и производительная сила труда сильнѣе всего возрасла въ крупныхъ производствахъ, то намъ не покажется черезчуръ смѣлымъ утвержденіе, что въ настоящее время на крупную фабричную промышленность приходится не меньше 60—70% всего производства, тогда какъ въ 1882 г. эта часть равнялась 47—54%. *Двѣ трети, если не три четверти промышленнаго производства принадлежатъ крупному фабричному производству, коллективистическому крупному производству.* Этотъ фактъ скрываютъ отъ насъ тысячи обстоятельствъ; прежде всего то, что очень значительная часть этихъ продуктовъ крупной промышленности состоитъ изъ полу-фабрикатовъ, а остальную часть намъ доставляютъ люди, которые только съ виду участвуютъ въ производствѣ продуктовъ, въ дѣйствительности же являются посредниками. Но неоспоримость этого факта внѣ всякаго сомнѣнія. Иное дѣло вопросъ, созрѣли-ли уже коллективистическія предпріятія, производящія такую колоссальную часть національнаго продукта, настолько, чтобы они могли быть изъяты изъ рукъ частныхъ предпринимателей».

Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ не статистическими изслѣдованіями, а только успѣхами движенія. Слѣд., мы можемъ оставить его въ сторонѣ; но замѣтимъ себѣ, что не такъ давно самъ Бернштейнъ пришелъ къ выводу, что крупная фабричная промышленность, въ 1882 создававшая только *половину* національнаго продукта, черезъ *13 лѣтъ* производила *двѣ трети*, если не *три четверти* этого продукта. Не называть этого бы-

строй концентраціей капитала,—развитіемъ, подвигающимся гигантскими шагами къ коллективистическому производству, значитъ прилагать къ быстротѣ историческаго процесса довольно странный масштабъ.

Сопоставленіе количествъ продуктовъ ясно обнаруживаетъ успѣхи крупнаго предпріятія. Но и при сравненіи числа предпріятій разныхъ категорій и занятыхъ въ нихъ рабочихъ невозможно отрицать успѣхи крупнаго предпріятія. Въ промышленности, торговлѣ, транспортѣ, рыболовствѣ, садоводствѣ было:

Предпріятій:		1882 г.	1895 г.	Увеличеніе въ %.
Съ 1— 5	человѣкъ	2.882.768	2.934.723	1,8
» 6— 10	»	68.763	113.547	65,1
» 11— 50	»	43.952	77.752	76,9
» 51— 200	»	8.095	15.624	93,0
» 201—1000	»	1.752	3.076	75,6
» свыше 1000	»	127	225	100,8
	Всего . .	3.005.457	3.144.947	4,6

Въ то время, какъ общее число предпріятій возросло на 4,6%, приростъ мелкихъ предпріятій равняется только 1,8%, а гигантскихъ предпріятій (Riesenbetriebe)—100%. Правда, число первыхъ абсолютно немного возросло, но относительно оно уменьшилось. Изъ каждыхъ 100 предпріятій приходилось на:

Предпріятія.		1882 г.	1895 г.
Съ 1— 5	челов.	95,9	93,3
» 6— 10	»	2,3	3,6
» 11— 50	»	1,5	2,5
» 51— 200	»	0,3	0,5
» 201—1000	»	0,0	0,1
» свыше 1000	»	0,0	0,0

Такимъ образомъ, процентъ, приходившійся на долю мелкихъ предпріятій въ общемъ числѣ предпріятій, упалъ съ 96 безъ малаго до 93 съ небольшимъ.

Конечно, процентъ мелкихъ предпріятій можетъ показаться еще необыкновенно высокимъ, но картина измѣняется, если мы станемъ разсматривать число занятыхъ лицъ:

Предпріятія	1882 г.	1895 г.	Увеличеніе въ %
Съ 1— 5 челов.	4.335.822	4.770.669	10,0
» 6— 10 »	500.097	833.409	66,6
» 11— 50 »	891.623	1.620.848	81,8
» 51— 200 »	742.688	1.439.776	93,9
» 201—1000 »	657.399	1.155.836	75,8
» свыше 1000 »	213.160	448.731	110,5
Всего . .	7.340.789	10.269.269	39,9

Число всѣхъ занятыхъ въ промышленности лицъ возросло на 40%, въ мелкой—только на 10%, въ самой крупной на 110%. Стало быть, и здѣсь обнаруживается относительное уменьшеніе мелкихъ предпріятій и притомъ очень значительное.

Изъ каждыхъ 100 занятыхъ человѣкъ приходилось въ:

Предпріятіяхъ:	1882 г.	1895 г.
Съ 1— 5 челов.	59,0	46,5
» 6— 10 »	6,8	8,1
» 11— 50 »	12,2	15,8
» 51— 200 »	10,1	14,0
» 201—1000 »	9,0	11,2
» свыше 1000 »	2,9	4,4

Мелкія предпріятія, занимавшія въ 1882 г. *около двухъ третей* промышленнаго населенія, въ 1895 г. содержали *менѣе половины.*

Но эти цыфры не даютъ еще полной картины соціальныхъ измѣненій, обусловливаемыхъ относительнымъ паденіемъ мелкаго предпріятія. Женскій и дѣтскій трудъ—изобрѣтеніе крупнаго капитала; но въ настоящее время этотъ трудъ въ гораздо большей степени эксплуатируется падающими мелкими предпріятіями, пытающимися спастись отъ гибели выжиманіемъ труда малолѣтнихъ и неспособныхъ къ сопротивленію элементовъ.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ установить, возросло ли, и въ какой степени, примѣненіе женскаго труда внутри каждой категоріи предпріятій, потому что перепись 1895 г. въ этомъ отношеніи основывалась не на тѣхъ же принципахъ, какъ въ 1882 г. Но и абсолютныя цифры говорятъ довольно ясно. Въ 1895 г

число наемныхъ промышленныхъ рабочихъ равнялось 6.871.504; изъ нихъ женщинъ было 1.623.607, мужчинъ 5.247.897; въ 1882 г. всѣхъ числилось 4.226.052 чел.; изъ нихъ мужчинъ 3.433.689, женщинъ 792.363. Общее число рабочихъ возросло на 62,6%, число мужчинъ на 52,8% женщинъ на 104,9%!

Въ 1895 г. рабочіе распредѣлялись по различнымъ категоріямъ предпріятій слѣдующимъ образомъ:

ПРЕДПРІЯТІЯ	Мужчинъ		Женщинъ		Всего
Одиночныя	1.125.125	66%	589.226	34%	1.714.351
Съ 1—5 рабоч.	1.354.598	68%	636.646	32%	1.991.244
» 6—20 »	967.578	79%	256.428	21%	1.224.006
Свыше 20 рабоч.	2.925.721	80%	730.533	20%	3.656.254

Мы видимъ, насколько женскій трудъ преобладаетъ въ мелкихъ предпріятіяхъ; мы видимъ также, что въ то время, какъ лица, занятыя въ мелкихъ предпріятіяхъ, составляютъ 46,5% числа всѣхъ занятыхъ въ промышленности, число *мужчинъ*, занятыхъ въ этой же категоріи предпріятій, не превышаетъ 43,4% всего мужского рабочаго населенія и, слѣдовательно, значительно меньше.

Число малолѣтнихъ также выше въ мелкихъ предпріятіяхъ, чѣмъ въ крупныхъ. Къ сожалѣнію, здѣсь также невозможно сравнивать данныя 1882 г. и 1895 г.

Среди 6.871.504 рабочихъ, занятыхъ въ 1895 году въ промышленности, малолѣтнихъ было 603.150, т. е. 8,8%. Если изъ общаго числа рабочихъ вычесть число женъ хозяевъ, какъ это дѣлаетъ имперское статистическое бюро, тогда останется 6.474.727 рабоч., и, слѣдовательно, малолѣтнихъ будетъ 9,1%.

На каждыя 100 рабоч. приходилось малолѣтнихъ въ:

Предпріятіяхъ съ 1—5 чел.	15,2
» » 6—20 »	10,2
» » свыше 20	5,9

Такимъ образомъ, въ мелкой промышленности взрослые мужчины составляютъ значительно меньшую часть рабочихъ, чѣмъ въ крупной. Среди элементовъ пролетаріата, играющихъ рѣшающую соціально-политическую роль, отношеніе становится еще болѣе благопріятнымъ для рабочихъ крупной промышленности, чѣмъ можно было бы заключить на основаніи «грубыхъ цифръ» общаго числа рабочихъ въ каждой категоріи предпріятій.

Если же мы разсмотримъ каждую отрасль промышленности въ отдѣльности, мы увидимъ, что и концентрація капитала прогрессируетъ еще быстрѣе, чѣмъ можно бы предположить при первомъ вглядѣ на «грубыя цифры» статистики предпріятій.

Прежде всего замѣтимъ, что концентрація капитала не происходитъ съ одинаковой быстротой во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Крупное предпріятіе постепенно овладѣваетъ различными областями и вытѣсняетъ мелкое предпріятіе изъ какой-нибудь отрасли, не выбрасывая этимъ однако всѣхъ мелкихъ предпринимателей въ ряды пролетаріата. Гонимые отъ одной дѣятельности, они подыскиваютъ себѣ другую: продаютъ продукты, которые они сами прежде производили, и превращаются изъ промышленниковъ въ торговцевъ-посредниковъ и т. п. Такимъ образомъ, *область* мелкаго предпріятія все болѣе стѣсняется, но абсолютное *число* мелкихъ предпріятій не обязательно уменьшается. Успѣхи крупнаго предпріятія въ одной отрасли проявляются въ умноженіи мелкихъ предпріятій въ другой, въ переполненіи какой нибудь отрасли. Если, съ одной стороны, мелкія предпріятія гибнутъ отъ конкурренціи крупныхъ, то съ другой стороны, они гибнутъ также отъ конкурренціи, обусловливаемой переполненіемъ отрасли. Они впадаютъ въ все возрастающую зависимость отъ капитала, вынуждены все болѣе и болѣе специализироваться и, такимъ образомъ, расчищаютъ дорогу крупному предпріятію, которое рано или поздно утвердится также въ этой области.

Прежде всего, мы можемъ установить тотъ важный фактъ, что концентрація производствъ въ промышленности значительно опередила торговлю и транспортъ, если за масштабъ примемъ число занятыхъ рабочихъ. Правда, это не вполнѣ безупречный

масштабъ: въ торговлѣ предпріятіе, занимающее 10—20 чел., можетъ быть крупной фирмой, тогда какъ въ промышленности подобныя предпріятія вообще близки къ ремеслу. Но въ нашемъ распоряженіи нѣтъ другихъ данныхъ. Въ 1895 г. изъ каждыхъ 100 человѣкъ приходилось на:

	ПРЕДПРІЯТІЯ СЪ		
	1—5 чел.	6—50 чел.	свыше 50
Промышлен., горное и строит. дѣло . .	39,9	23,8	36,3
Торговля, трансп., рестор. и гостиницы	69,7	24,3	6,0

Только для промышленности можно помѣстить въ рубрики «мелкихъ» и «среднихъ» предпріятія, занимающія 1—5 челов. и 6—50. Въ торговлѣ же фирма, занимающая 5 служащихъ, можетъ уже составлять среднее предпріятіе, а съ 50—всегда будетъ крупнымъ.

Но въ промышленности на долю мелкихъ предпріятій приходится уже не болѣе 40% занятыхъ лицъ. Въ 1882 г. они еще занимали 55%. Въ промышленности паденіе мелкаго предпріятія происходитъ быстрѣе, чѣмъ въ торговлѣ. Вотъ какъ возросло или уменьшилось число занятыхъ лицъ отъ 1882 г. до 1895 г.

	ПРЕДПРІЯТІЯ СЪ		
	1—5 чел.	6—50 чел.	свыше 50 ч.
Промышленность и т. д. . .	— 2,4%	+71,5%	+ 87,2%
Торговля и т. д.	+48,9%	+94,1%	+137,8%

Итакъ, въ промышленности мы наблюдаемъ абсолютное уменьшеніе числа занятыхъ въ мелкихъ предпріятіяхъ. Уменьшеніе числа самихъ мелкихъ предпріятій еще значительнѣй; оно не меньше 8,6%. Въ то время, какъ число мелкихъ предпріятій во всѣхъ промыслахъ въ совокупности увеличилось на 51.955, въ промышленности число ихъ уменьшилось на 185.297.

Перейдемъ къ детальному разсмотрѣнію данныхъ. Мелкое предпріятіе болѣе всего оттѣснено, а крупное болѣе всего развилось въ слѣдующихъ отрасляхъ, въ которыхъ на каждыхъ 100 занятыхъ человѣкъ приходилось:

ОТРАСЛИ	ВЪ ПРЕДПРІЯТІЯХЪ СЪ		
	1—5 чел.	6—50 чел.	свыше 50
Горная промышленность	0,7	4,0	95,3
Химическое производство . . .	15,7	22,6	61,7
Текстильная промышленность . .	26,0	14,8	59,2
Произв. машинъ и инструм. . .	22,1	18,9	59,0
Писчебумажное производство . .	17,7	31,5	50,8
Керамическое производство . .	12,8	42,5	44,7
Производство свѣтильн. матеріаловъ.	15,2	45,1	39,7

Зато мелкое предпріятіе еще господствуетъ въ слѣдующихъ отрасляхъ, въ которыхъ на каждыхъ 100 занятыхъ приходилось:

ОТРАСЛИ	ВЪ ПРЕДПРІЯТІЯХЪ СЪ		
	1—5 чел.	6—50 чел.	свыше 50
Животноводство и рыболовство . .	88,8	7,9	3,3
Конфексіонъ, чистка	80,4	13,2	6,4
Гостиницы и рестораны	74,6	24,1	1,3
Торговля	70,8	25,2	4,0
Садоводство коммерческое . . .	60,2	31,5	8,3
Художественныя производства . .	58,4	33,8	7,8
Обработка древесн. матеріал., рѣзьба	57,8	29,6	12,6

Но и здѣсь мы можемъ констатировать начало концентраціи капитала. Уменьшеніе и увеличеніе числа лицъ, занятыхъ въ 1882 г. и 1895 г., составляло:

ОТРАСЛИ	ВЪ ПРЕДПРІЯТІЯХЪ СЪ		
	1—5 чел.	6—50 чел.	свыше 50
Животноводство и рыболовство . .	+ 3,7%	+ 35,1%	+700,9%
Конфексіонъ и т. д.	— 0,6%	+ 81,5%	+162,0%
Гостиницы и т. д.	+70,2%	+138,7%	+429,7%
Торговля	+47,4%	+ 89,5%	+177,6%
Садоводство коммерческое . . .	+65,0%	+141,6%	+ 40,8%
Художественныя производства . .	+ 4,2%	+ 66,9%	+576,1%
Обработка древесн. матеріал. и т. д.	— 3,1%	+118,6%	+138,7%
Промыслы вообще	+10,0%	+ 76,3%	+ 86,2%

Итакъ, за исключеніемъ садоводства, повсюду крупное предпріятіе развивается быстрѣе мелкаго. Если не считать садоводства съ незначительнымъ числомъ занятыхъ лицъ, то остаются лишь двѣ отрасли, гдѣ мелкое предпріятіе широко распространено, и число занятыхъ возрастаетъ быстрѣе населенія. Это—пивныя и мелочныя лавки. „Въ рубрику «торговля»—поясняетъ имперское статистическое бюро въ отчетѣ о результатахъ промысловой переписи за 1895 г.,—занесены многочисленные мелкіе лавочники, торговцы, колоніальными товарами, съѣстными припасами, напитками и т. п., благодаря которымъ мелкое предпріятіе играетъ такую важную роль. Во всѣхъ упомянутыхъ видахъ торговли участвовало:

Въ предпріятіяхъ одиночныхъ	317.460
» » съ 2 лицами	215.730
» » » 3—5 »	276.085
Всего мелкихъ	809.275
Всего мелкихъ и крупныхъ	1.105.423

„Весьма значительная доля мелкихъ предпріятій въ рубрикѣ «гостиницы и рестораны» происходитъ отъ очень большого числа содержателей мелкихъ гостиницъ, ресторановъ, меблированныхъ комнатъ и т. п. Въ этой группѣ промысловъ участвовало лицъ:

Хозяевъ-одиночекъ	99.407
Въ заведеніяхъ съ 2 лицами. .	122.194
» » 3—5 » . .	211.175
Итого мелкихъ заведеній . .	432.776
Всего крупныхъ и мелкихъ . .	579.958“.

Если, кромѣ того, мы замѣтимъ, что въ отрасли по производству платья и чисткѣ перевѣсъ мелкихъ предпріятій обусловливается швейнымъ и портняжескимъ дѣломъ, парикмахерскими и прачечными, то мы получимъ всѣ элементы тѣхъ цыфръ, которыми Бернштейнъ оспариваетъ теорію Маркса.

Марксъ въ «Капиталѣ» замѣтилъ въ одномъ мѣстѣ: «По увѣренію г. профессора Рошера, имъ сдѣлано слѣдующее открытіе: одна швея, работающая у госпожи профессорши въ теченіе двухъ дней, исполняетъ большее количество работы, чѣмъ двѣ швеи въ теченіе одного дня. Мы можемъ только посовѣтовать ученому

профессору производить свои наблюденія надъ капиталистическимъ производствомъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, а не въ дѣтской, и притомъ не при такихъ условіяхъ, гдѣ нѣтъ самаго главнаго лица, капиталиста». («Капиталъ», изд. 1898 г. т. I, 276).

Чтобы развить марксизмъ и придать ему больше научности, Бернштейнъ прибавилъ къ дѣтской—цырюльни и пивныя. Здѣсь вѣдь концентрація капитала оставляетъ еще желать многаго. Припомнимъ указаніе Бернштейна, что предварительныя условія осуществленія соціализма еще не осуществлены въ Германіи, потому что въ торговлѣ и промышленности остаются еще сотни тысячъ «*предпріятій*», которыя занимаютъ болѣе 4.000.000 рабочихъ, и которыя «пришлось-бы оставить въ частныхъ рукахъ». Теперь мы знаемъ, что изъ себя представляетъ большинство этихъ «предпріятій». Соціализмъ оказывается неосуществимымъ вслѣдствіе невозможности обобществить отрасли, которыя представлены въ лицѣ торговокъ овощами, содержательницъ меблированныхъ комнатъ, прачекъ, швей и т. п.! Эти элементы, по мнѣнію Бернштейна, составляютъ самый надежный оплотъ капиталистической собственности. Изученіе законовъ развитія капитализма слѣдуетъ производить не на копяхъ, заводахъ, прядильняхъ, мануфактурахъ, машиностроительныхъ заводахъ и т. п., а на этихъ «предпріятіяхъ»!

Общее число мелкихъ предпріятій возросло съ 1882—95 г. на 51.955. Но ихъ было въ группахъ:

	1882 г.	1895 г.	Увеличеніе
Торговля	434.785	603.209	168.424
Гостиницы и рестораны .	163.991	220.655	56.664
Всего . .	598.776	823.864	225.088

Если откинемъ отъ промысловъ вообще эти двѣ группы, то вмѣсто *увеличенія* числа мелкихъ предпріятій на 51.955, мы получимъ *уменьшеніе* на 175.133. Персоналъ мелкихъ предпріятій въ двухъ упомянутыхъ группахъ составлялъ:

	1882 г.	1895 г.	Увеличеніе
Торговля	641.696	943.545	301.849
Гостиницы и рестораны .	244.297	432.776	188.479
Всего . .	885.993	1.376.321	490.328

Но въ то же время персоналъ *всѣхъ* мелкихъ предпріятій увеличился на 434.847; и если мы вычтемъ персоналъ этихъ двухъ группъ, то получимъ для мелкихъ предпріятій, вмѣсто увеличенія, уменьшеніе на 55.481, при одновременномъ приростѣ всего населенія и еще болѣе значительномъ увеличеніи всего промыслового персонала.

Но умноженіе мелкихъ предпріятій въ торговлѣ и въ отрасли гостинницъ и ресторановъ не есть признакъ ихъ жизнеспособности, а продуктъ ихъ разложенія. Въ большинствѣ случаевъ. мелкія лавочки, меблированныя комнаты — это исходъ для потерпѣвшихъ крушеніе, или же средство дополнить трудомъ жены заработокъ мужа, продающаго свой трудъ. Во обоихъ случаяхъ эти занятія имѣютъ пролетарскій характеръ. Кромѣ того, они все болѣе и болѣе начинаютъ зависѣть отъ кліентовъ-пролетаріевъ, потому что состоятельная буржуазія обращается для удовлетворенія своихъ потребностей къ услугамъ лучшихъ предпріятій. Такимъ образомъ, содержатели мелкихъ заведеній и мелкіе торговцы все болѣе и болѣе проникаются взглядами и чувствами пролетаріевъ. Если прежде въ средѣ пролетаріата имѣлъ вліяніе мелко-буржуазный образъ мыслей, то въ настоящее время устанавливается обратное отношеніе.

Къ этому присоединяется еще одно обстоятельство, имѣющее мѣсто именно въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ преобладаетъ мелкое предпріятіе, — обстоятельство, о которомъ, конечно, статистика умалчиваетъ. Она показываетъ не *экономическую*, а *техническую* концентрацію предпріятій. Но даже техническую концентрацію она изображаетъ только отчасти, потому что въ промысловой переписи въ качествѣ особыхъ предпріятій, фигурируютъ промыслы, въ дѣйствительности соединенные по нѣсколько въ одно предпріятіе. Точно такъ же и отдѣленія разсматривались, какъ самостоятельныя предпріятія. Слѣдовательно, въ дѣйствительности, общее число предпріятій ниже, а число крупныхъ — выше, чѣмъ число, показанное переписью.

Но техническая концентрація есть только *одна* изъ формъ экономической концентраціи; безспорно, — самая важная и совершенная форма. Но мы находимъ концентрацію капитала также и тамъ, гдѣ капиталистъ экономически подчиняетъ себѣ техни-

чески-самостоятельныя предпріятія. Припомните домашнюю форму промышленности. Теперь просмотрите вышеприведенный перечень промысловъ, въ которыхъ еще преобладаетъ мелкое предпріятіе; вы увидите, что это именно тѣ отрасли, въ которыхъ мелкія предпріятія обладаютъ очень незначительною экономической самостоятельностью. Такъ напримѣръ, домашняя промышленность очень распространена въ производствахъ по обработкѣ древесныхъ матеріаловъ (столярное, токарное ремесло, плетеніе корзинъ, соломенныхъ шляпъ, игрушечный промыселъ) и, въ особенности, въ отрасли изготовленія одежды и чистки (конфексіонъ платья и бѣлья, перчаточныя, сапожныя и модныя мастерскія, прачечныя, гладильни). Статистику такія мелкія предпріятія кажутся самостоятельными предпріятіями, для экономиста же ихъ хозяева являются не собственниками средствъ производства, а болѣе всѣхъ утѣсненными, хуже всѣхъ оплачиваемыми наемными рабочими.

Аналогичный процессъ происходитъ и въ мелкой торговлѣ и всякаго рода ресторанахъ, номинальные владѣльцы которыхъ все болѣе и болѣе превращаются въ фактическихъ агентовъ и наемныхъ служащихъ нѣсколькихъ крупныхъ капиталистовъ. Рестораторы становятся все болѣе и болѣе зависимыми отъ крупныхъ заводчиковъ-пивоваровъ, часто отпускающихъ имъ въ кредитъ не только пиво, но и средства для обзаведенія нужнымъ инвентаремъ. Кромѣ того, большая часть пивныхъ и ресторановъ мало по малу превращается въ прямую собственность пивоваренныхъ заводовъ. Хозяева этихъ заведеній являются только арендаторами, сидѣльцами, назначенными пивоварами. То же самое происходитъ и въ торговлѣ. Сейчасъ въ нашемъ распоряженіи нѣтъ цыфръ, относящихся къ Германіи, для подтвержденія этого общеизвѣстнаго факта. Въ англійскомъ «Contemprorary Review» Макрости пишетъ, что «лондонскіе дешевые рестораны находятся въ рукахъ четырехъ или пяти фирмъ. Точно въ такомъ же положеніи находится торговля молокомъ, сигарами, аптекарскими товарами: одна компанія владѣетъ 100 табачными магазинами». Объ этомъ Бернштейнъ намъ ничего не сообщаетъ. Онъ ограничивается замѣчаніемъ, что въ Лондонѣ съ 1875 до 1886 года число торговыхъ предпріятій возросло съ 295.000 до 366.000.

Бернштейнъ намъ напоминаетъ о сотняхъ тысячъ мелкихъ предпріятій, которыя пришлось бы оставить въ частныхъ рукахъ и по экспропріаціи крупныхъ предпріятій. Но какое множество изъ 200.000 мелкихъ предпріятій разсмотрѣнной нами категоріи (рестораны, гостиницы) дѣйствительно зависѣли бы отъ государственнаго хозяйства, если бы въ Германіи мы обобществили только 300 крупнѣйшихъ пивоваренныхъ заводовъ, занимающихъ по переписи 1895 г. болѣе, чѣмъ по 50 человѣкъ. Во всѣхъ странахъ, гдѣ введена табачная монополія, любой ребенокъ знаетъ, что обращеніе производства и продажи табаку въ государственное предпріятіе совмѣстимо съ существованіемъ многихъ тысячъ табачныхъ магазиновъ. Обобществленіе производства вовсе не предполагаетъ преобладанія крупныхъ промысловыхъ единицъ во всѣхъ областяхъ.

Намъ остается еще разсмотрѣть обработку металловъ, кожи, питательныхъ веществъ, строительную и транспортную промышленность, какъ отрасли, въ которыхъ мелкое предпріятіе держится еще нѣсколько прочно. Страховыя общества, занимающія 22.000 человѣкъ, мы можемъ отбросить. Цыфры говорятъ:

ОТРАСЛИ		Изъ каждыхъ 100 человѣкъ приходилось на предпріятія съ			Абсолютное увелич. или уменьшеніе числа лицъ въ % съ 1882 по 1895 г. въ предпріятіяхъ съ		
		1—5	6—50	свыше 50	1—5	6—50	свыше 50
Обработка металловъ	1882	62,8	18,7	18,5			
	1895	44,6	24,6	30,8	—1,2	+83,4	+131,3
Относ. увелич. или уменьш.		—18,2	+5,9	+1,23			
Кожевен. производство	1882	62,9	21,3	15,8			
	1895	50,6	24,9	24,5	+6,2	+54,2	+104,5
Относ. увелич. или уменьш.		—12,3	+3,6	+8,7			
Обработка пищевыхъ продуктовъ и т. п.	1882	60,3	19,6	20,1			
	1895	51,9	23,9	24,2	+18,0	+67,6	+66,0
Относ. увелич. или уменьш.		—8,4	+4,3	+4,1			
Строительн. дѣло	1882	46,0	36,1	17,9			
	1895	27,0	39,6	33,4	+15,3	+114,6	+264,9
Относ. увелич. или уменьш.		—19,0	+3,5	+15,5			
Транспортн. дѣло	1882	64,1	17,3	18,6			
	1895	54,0	18,0	28,0	+10,8	+37,6	+97,0
Относ. увелич. или уменьш.		—10,1	+0,7	+9,4			

Во всѣхъ этихъ промысловыхъ отрасляхъ мы наблюдаемъ сильное относительное уменьшеніе числа лицъ въ мелкихъ пред-

пріятіяхъ, а въ отрасли по обработкѣ металловъ даже абсолютное уменьшеніе. Этому соотвѣтствуетъ здѣсь еще болѣе значительное уменьшеніе числа предпріятій. Въ то время, какъ численность лицъ, занятыхъ въ мелкихъ производствахъ, понизилась на 1,2% (3.401 челов.), число самихъ мелкихъ производствъ уменьшилось на 7,6% (11.889). Въ другихъ изъ вышеперечисленныхъ отраслей мелкія предпріятія абсолютно возрасли, но далеко не въ такой степени, какъ среднія и крупныя. Но особенно поразительно относительное уменьшеніе числа мелкихъ предпріятій въ строительномъ дѣлѣ,—этой твердынѣ ремесла.

Въ транспортномъ дѣлѣ численность персонала мелкихъ предпріятій относительно высока потому, что въ промысловую перепись не вошли самыя крупныя предпріятія,—желѣзныя дороги, телеграфы, почты. Вообще, всѣ общественныя предпріятія были исключены, какъ неотносящіяся къ промысламъ; напримѣръ, муниципальныя учрежденія (водопроводы, свалка сора, скотобойни); слѣдовательно, именно тѣ предпріятія, которыя принадлежатъ къ самымъ крупнымъ.

Но транспортное дѣло состоитъ не только изъ колоссальныхъ предпріятій, но и изъ многочисленныхъ крошечныхъ предпріятій, въ экономическомъ отношеніи незначительныхъ и едва заслуживающихъ названія предпріятія. Изъ 3.945 погребальныхъ конторъ, 3.674 были одиночными предпріятіями; изъ 10.514 коммиссіонныхъ «предпріятій» (слуги, посыльные)—10.200; изъ 18.737 промышляющихъ извозомъ и содержащихъ почту, 9.532 не держали служащихъ. Итакъ, слѣдуетъ-ли намъ, кромѣ торговокъ овощами, содержательницъ меблированныхъ комнатъ и цырюльниковъ, отнести также погребальщиковъ, посыльныхъ, извозчиковъ къ многотысячной арміи мелкихъ предпріятій, могущихъ угрожать переходу къ соціализму?

Изъ всѣхъ вышеразсмотрѣнныхъ отраслей, повидимому, только производство пищевыхъ продуктовъ и т. п. благопріятствуетъ мелкому предпріятію. Здѣсь наблюдается наибольшее абсолютное увеличеніе мелкихъ предпріятій, и къ тому-же (исключительное явленіе, которое имѣетъ мѣсто еще только въ садоводствѣ) крупныя предпріятія въ этой отрасли возрастаютъ медленнѣе, чѣмъ среднія.

Но изъ милліона лицъ, приходящихся на эту группу, 153.080 принадлежатъ къ *табачному производству*; здѣсь мелкое предпріятіе принимаетъ форму капиталистически-эксплуатируемой домашней промышленности. Съ другой стороны, сюда же вошли 97.682 чел., занятыхъ на *пивоваренныхъ* заводахъ и почти такое-же число рабочихъ на *свекло-сахарныхъ* (95.162). Это уже область крупнаго предпріятія. Оно быстро прогрессируетъ также въ мукомольномъ производствѣ (110.267). Такимъ образомъ, изъ всѣхъ значительныхъ отраслей этой группы, самостоятельныя мелкія предпріятія господствуютъ только въ хлѣбопекарномъ дѣлѣ (съ кондитерскимъ 261.916 чел.) и мясной промышленности (178.873). Но причина, благопріятствующая въ этихъ промыслахъ мелкому предпріятію,—монополизированіе ими ограниченнаго мѣстнаго рынка,—въ то-же время влечетъ за собой такія злоупотребленія, что для устраненія ихъ все болѣе назрѣваетъ необходимость въ обобществленіи, которое можетъ поглотить эти двѣ неотъемлемыя области мелкаго предпріятія скорѣе, чѣмъ всякую другую отрасль, гдѣ уже сильнѣе преобладаютъ крупныя предпріятія. Развитіе потребительныхъ обществъ и соціальная политика муниципалитетовъ могли-бы живо произвести переворотъ въ этой области.

Въ мясной промышленности коммунальныя бойни уже подготовили почву и обобществили важнѣйшія функціи мясопромышленниковъ. Но если-бы даже этотъ процессъ не прогрессировалъ, то все-же развитіе крупнаго производства не остановилось бы передъ пекарнымъ дѣломъ и мясной промышленностью. Здѣсь также начинаетъ замѣчаться концентрація капитала. Перепись обнаружила въ отрасляхъ:

		Самостоятельные хозяева	Наемные рабочіе	На 100 занятыхъ приходилось самостоят. хоз.
Пекарное дѣло	1882	74.283	109.047	40,5
	1895	84.605	163.982	34,1
Мясная промышленность . . .	1882	60.634	69.997	46,4
	1895	69.277	107.394	39,2

Примите во вниманіе всѣ приведенныя цыфры и задайте себѣ теперь вопросъ, имѣетъ ли Бернштейнъ право утверждать,

что нарисованная Марксомъ картина капиталистической концентраціи не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, что она имѣетъ односторонній характеръ, что распространеніе и расширеніе крупнаго предпріятія составляетъ только одну сторону экономическаго развитія. Рѣдко теорія такъ блестяще потверждалась, какъ ученіе Маркса, германской статистикой производствъ и профессій. Защищая съ глубокимъ убѣжденіемъ эту теорію до тѣхъ поръ, пока ее не потверждали цыфровыя данныя, Бернштейнъ усомнился въ ней именно тогда, когда не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что эта теорія —точное отраженіе дѣйствительности.

А *земледѣліе?* Развѣ оно не доказываетъ несостоятельность теоріи Маркса?

Безспорно, здѣсь дѣло не такъ ясно, какъ въ промышленности. Еще въ 1864 г. Марксъ писалъ въ «Inauguraladresse» конгрессу Международнаго общества рабочихъ: «Раскройте оффиціальные регистры Англіи 1861 г., и вы найдете, что число землевладѣльцевъ въ Англіи и Валлисѣ понизилось за десятилѣтіе 1851—1861 съ 16.934 до 15.066, такъ что концентрація земельной собственности за 10 лѣтъ возрасла на одиннадцать процентовъ. *Если сосредоточеніе земельной собственности въ немногихъ рукахъ будетъ подвигаться такъ же быстро, то рѣшеніе аграрнаго вопроса очень упростится.*»

Но этого упрощенія не произошло. Съ того времени, когда были написаны вышеприведенныя слова, рядъ новыхъ обстоятельствъ,—главнымъ образомъ, заатлантическая конкурренція въ производствѣ средствъ существованія и повсемѣстное бѣгство сельскихъ рабочихъ изъ деревни,—тормозитъ концентрацію земельной собственности и сельскохозяйственныхъ промысловъ. Вмѣсто того, чтобы упроститься, аграрный вопросъ все болѣе и болѣе осложняется и дѣлается самой запутанной изъ проблемъ, разрѣшеніе которыхъ составляетъ призваніе соціальной демократіи.

Но мы полагаемъ, что можемъ считать вполнѣ установленнымъ слѣдующее. Какъ бы ни развивались дальше аграрныя отношенія, сельское населеніе будетъ оказывать все меньшее

вліяніе на общественное развитіе уже только потому, что оно относительно, а мѣстами даже абсолютно, уменьшается. Этотъ процессъ совершается неизбѣжно не только въ однѣхъ промышленныхъ странахъ, производящяхъ фабрикаты для вывоза и обмѣнивающихъ ихъ на средства существованія и сырье. Все экономическое развитіе обнаруживаетъ тенденцію постепенно отнимать у сельскаго хозяина одну функцію за другой, передавая ее промышленности, производящей товары, а именно крупной. Оно сначала губитъ домашнюю промышленность, предназначенную для собственнаго потребленія крестьянина: онъ самъ ужъ не ткетъ свой ленъ или свою шерсть, не приготовляетъ изъ собственныхъ плодовъ домашнихъ напитковъ и т. д. За производствомъ для личнаго потребленія слѣдуетъ его производство на сбытъ, которымъ также овладѣваютъ спеціальныя отрасли промышленности. Крестьянинъ самъ у себя не бьетъ масла, онъ продаетъ молоко въ молочныя. Не винодѣлъ, а виноторговецъ выдерживаетъ вино въ своихъ погребахъ. Наконецъ, промышленность дошла до того, что производитъ или замѣняетъ сырье, которымъ прежде насъ снабжало сельское хозяйство. Продукты каменноугольной смолы вытѣсняютъ красильныя растенія. Промышленность даетъ винодѣламъ и пивоварамъ возможность сберегать виноградъ и хмѣль; она замѣняетъ лошадей, потребляющихъ овесъ, велосипедами, автомобилями, электрическими дорогами и электрическими плугами и т. д. Кромѣ того, само сельское хозяйство начинаетъ употреблять машины, искуственныя удобренія, дренажъ и другія вспомогательныя средства, созданныя индустріей. Промышленность производитъ часть, притомъ постоянно возростающую часть, движущихъ силъ сельскаго хозяйства и продуктовъ, до сихъ поръ добывавшихся въ сельскомъ хозяйствѣ. Все это необходимо приводитъ къ тому, что въ современномъ государствѣ сельское населеніе постоянно уменьшается.

Въ Германіи этотъ процессъ происходитъ съ такой силой, что, съ совокупной общественной точки зрѣнія, всѣ противодѣйствующія концентраціи условія вполнѣ парализуются имъ.

Въ Германіи изъ каждыхъ 100 участвующихъ въ промысловой дѣятельности приходилось:

	Самостоятельные		Нанимающіеся	
	1882 г.	1895 г.	1882 г.	1895 г.
Въ сельскомъ-хозяйствѣ	27,78	30,98	72,22	69,02
» промышленности	34,41	24,90	65,59	75,10
» торговлѣ	44,67	36,07	55,33	63,93
Всего . .	32,03	28,94	67,97	71,06

Такимъ образомъ, если число самостоятельныхъ значительно возросло въ сельскомъ хозяйствѣ, то въ совокупной промысловой дѣятельности оно значительно уменьшилось, прежде всего, вслѣдствіе прогрессирующей концентраціи въ торговлѣ и промышленности, а затѣмъ вслѣдствіе абсолютнаго уменьшенія сельского населенія. Въ 1882 г. это послѣднее равнялось 19.225.455, а въ 1895—18.501.307; изъ нихъ участвующихъ въ промысловой дѣятельности было въ 1882 году 8.236.496, въ 1895—8.292.692. За этотъ же промежутокъ времени *все* населеніе возросло съ 45.200.000 до 51.800.000, а число всѣхъ участвующихъ въ промысловой дѣятельности — съ 19.000.000 до 23.000.000. Въ 1882 г. сельское населеніе составляло 42,5%, въ 1895 г.—только 35,7% всего населенія; въ 1882 г. занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ было 43,4%, а въ 1895—только 36,2%.

Но кромѣ того, при ближайшемъ разсмотрѣніи эти цыфры, показывающія увеличеніе числа самостоятельныхъ хозяевъ въ сельскомъ хозяйствѣ, оказываются небезупречными:

Сельскимъ хозяйствомъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, какъ главнымъ промысломъ, было занято:	1882 г.	1895 г.	Увелич. или Уменш.
Самостоятельныхъ	2.252.531	2.522.539	+270.008
Административнаго персонала . . .	47.465	76.978	+ 29.513
Рабочихъ всѣхъ родовъ	5.763.970	5.445.924	—318.046
ВЪ ТОМЪ ЧИСЛѢ:			
Членовъ семействъ, участв. въ хозяйствѣ	1.934.615	1.898.867	— 35.748
Батраковъ и батрачекъ	1.589.088	1.718.885	+129.797
Поденщиковъ съ землей	866.493	382.872	—483.621
» безземельныхъ . . .	1.373.774	1.445.300	+ 71.534
Всего .	8.063.966	8.045.441	— 18.525

Въ этихъ цыфрахъ болѣе всего поражаетъ чрезвычайное уменьшеніе числа поденщиковъ съ землей. Можно подумать, что за 13 лѣтъ число ихъ уменьшилось болѣе, чѣмъ въ два раза. На самомъ же дѣлѣ, это уменьшеніе, по признанію имперской статистики,—по крайней мѣрѣ, отчасти,—кажущееся и объясняется тѣмъ, что между методами переписи 1895 года и 1882 г. существуетъ нѣкоторая разница.

Въ 1882 г. въ рубрику a T. вошли поденщики, занимавшіеся въ то же время самостоятельно сельскимъ хозяйствомъ. При этомъ «не было указано, было ли у нихъ, какъ напр., у такъ наз. Heuerleute, главнымъ промысломъ самостоятельное хозяйство, а поденная работа побочнымъ занятіемъ, или же обратно». При переписи 1895 г. эти двѣ группы строго различались; такимъ образомъ, къ группѣ самостоятельныхъ хозяевъ была отнесена группа сельскихъ хозяевъ, вошедшихъ въ 1882 г. въ графу поденщиковъ. Поэтому «число самостоятельныхъ хозяевъ, представляется въ 1882 г. слишкомъ низкимъ», а число наемныхъ рабочихъ соотвѣтственно высокимъ. Этотъ фактъ характеренъ въ томъ отношеніи, что доказываетъ отсутствіе рѣзкихъ границъ между наемнымъ рабочимъ и самостоятельнымъ хозяиномъ.

Въ настоящее время нельзя установить, насколько въ 1882 году число самостоятельныхъ хозяевъ было уменьшено, а число рабочихъ увеличено, но несоотвѣтствіе между цыфрами и дѣйствительностью должно быть немалымъ, если принять во вниманіе, что за періодъ 1882—1895 г. число батраковъ и безземельныхъ поденщиковъ *возрасло*, въ то время какъ именно число поденщиковъ, владѣющихъ землей, показываетъ невѣроятное уменьшеніе. Соединивъ, какъ въ 1895 г., эту группу съ самостоятельными хозяевами, мы имѣемъ для 1882 г.—3.119.024, а для 1895 г.—2.905.411; слѣдовательно, вмѣсто *увеличенія* на 270.008, получилось *уменьшеніе* на 213.613. Напротивъ того, число батраковъ и батрачекъ (не принадлежащихъ къ членамъ семействъ) и безземельныхъ поденщиковъ равнялось въ 1882 г.—2.962.862, въ 1895 г.—3.164.185, слѣдовательно увеличилось на 201.323.

Итакъ, число *настоящихъ* пролетаріевъ *возрасло*. Напротивъ того, число самостоятельныхъ хозяевъ и промежуточныхъ элементовъ *уменьшилось*, причемъ вполнѣ точно нельзя установить, на чей счетъ преимущественно происходитъ это уменьшеніе. Какъ бы то ни было, эти цыфры свидѣтельствуютъ объ *обостреніи соціальныхъ антагонизмовъ* и въ сельскомъ хозяйствѣ.

Но этотъ процессъ совершается очень медленно; здѣсь измѣненія не такъ значительны, какъ въ торговлѣ и промышленности.

Также и въ томъ случаѣ, если мы перейдемъ къ статистикѣ хозяйственныхъ единицъ, мы найдемъ въ отдѣльныхъ категоріяхъ только едва замѣтныя измѣненія, притомъ неодинаковыя въ различныхъ государствахъ или даже мѣстностяхъ страны. Площадь земли подъ сельскимъ хозяйствомъ измѣнялась:

Во Франціи за 1882—1895 гг.

Категоріи.			
Ниже	1 гект.	+ 243.420	гект.
Отъ 1—	5 »	— 108.434	»
» 5—	10 »	— 13.140	»
» 10—	40 »	— 532.243	»
Свыше	40 »	+ 197.288	»

Въ Германіи за 1882—1895 гг.

Категоріи.			
Ниже	2 гект.	— 17.494	гект.
Отъ 2—	5 »	— 95.781	»
» 5—	20 »	+ 563.477	»
» 20—	100 »	— 38.333	»
Свыше	100 »	+ 45.533	»

Въ Англіи за 1882—1895 гг.

Категоріи.			
1— 5	акровъ (0,4— 2	гект.) — 22.885	акровъ
5— 20	» 2— 8	» + 10.880	»
20— 50	» 8— 20	» + 40.449	»
50—100	» 20— 40	» + 138.683	»
100—300	» 40—120	» + 217.429	»
300—500	» 120—200	» — 127.223	»
Свыше 500	» свыше 200	» — 226.807	»

Итакъ, во Франціи развитіе происходитъ не въ томъ направленіи, какъ въ Англіи и Германіи. Въ этихъ странахъ возрастаетъ площадь подъ средними хозяйствами, а во Франціи — подъ самыми мелкими—пролетарскими и крупными—капиталистическими.

Въ Германіи обнаруживается тенденція сокращенія крупнаго хозяйства тамъ, гдѣ оно преобладаетъ (Остъ-Эльбія), и обратная тенденція тамъ, гдѣ оно не имѣетъ большого значенія (южная и западная Германія).

Изъ каждыхъ 100 гектаровъ площади подъ сельскимъ хозяйствомъ приходилось на хозяйства свыше 100 гектаровъ:

	1882 г.	1895 г.	
Въ Восточной Пруссіи	38,60	39,47	+ 0,87
» Западной Пруссіи	47,11	43,66	— 3,45
» Бранденбургѣ	36,32	35,24	— 1,08
» Помераніи	57,42	55,13	— 2,29
» Познани	55,37	52,19	— 3,18
» Силезіи	34,41	33,86	— 0,55
» Мекленбургъ-Шверинѣ	59,89	59,95	+ 0,06
» Мекленбургъ-Стрелицѣ	60,89	60,68	— 0,21

Слѣдовательно, за исключеніемъ В. Пруссіи и Мекленбургъ-Шверина, всюду уменьшеніе. Противоположное наблюдается въ слѣдующихъ мѣстахъ:

	1882 г.	1895 г.	
Ганноверъ	6,92	7,14	+ 0,22
Вестфалія	4,77	5,30	+ 0,53
Гессенъ-Нассау	6,69	7,34	+ 0,65
Прирейнская провинція	2,67	3,51	+ 0,84
Баварія	2,26	2,57	+ 0,31
Вюртембергъ	2,00	2,14	+ 0,14
Баденъ	1,80	3,06	+ 1,26
Эльзасъ-Лотарингія	7,31	7,38	+ 0,07

Въ другихъ государствахъ либо не произошло никакихъ измѣненій (Гессенъ, Саксонія), либо они (государства) слишкомъ малы,

для того чтобы дать пригодный матеріалъ для выводовъ. Замѣчательно, что на югѣ и западѣ вездѣ наблюдается приростъ. Во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ преобладаетъ крестьянское хозяйство, мы находимъ тенденцію (правда, слабую) къ развитію крупнаго производства. Въ мѣстностяхъ преимущественно съ крупнымъ землевладѣніемъ беретъ верхъ тенденція сокращенія *площади хозяйствъ*, но это не равносильно уменьшенію размѣровъ производства. Въ Остъ-Эльбіи дѣйствуютъ двѣ тенденціи. Первая — къ интенсификаціи производства и, слѣдовательно, усиленію его капиталистическаго характера. Но многія остъ-эльбскія имѣнія слишкомъ велики для интенсивнаго хозяйства. Кромѣ того, у ихъ собственниковъ не хватаетъ капитала. Они пріобрѣтаютъ необходимыя деньги продажей мелкимъ сельскимъ хозяевамъ участковъ, слишкомъ отдаленныхъ отъ экономіи, сокращая тѣмъ самымъ, соотвѣтствующимъ образомъ, площадь своихъ имѣній.

Но развитіе средствъ сообщенія, подвергнувъ сельское хозяйство Остъ-Эльбіи конкурренціи болѣе развитого сельско-хозяйственнаго производства и принудивъ его перейти къ интенсификаціи производства, въ то же время лишаетъ сельское хозяйство самаго необходимаго условія этого перехода—рабочихъ. Этимъ обусловливаются попытки прикрѣпить рабочихъ къ землѣ посредствомъ надѣленія мелкими участками (Rentengüter) и предоставленіемъ тому подобныхъ льготъ. Но тѣмъ же обстоятельствомъ обусловливается банкротство крупнаго хозяйства тамъ, гдѣ такія мѣры не удаются. Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ получается парцеллированіе крупной земельной собственности. Такимъ образомъ, само развитіе современнаго капиталистическаго производства благопріятствуетъ въ Остъ-Эльбіи увеличенію числа мелкихъ хозяйствъ сокращеніемъ площади подъ крупными хозяйствами.

Ничто не предвѣщаетъ приближенія гибели крупнаго производства, но также и поглощенія мелкаго производства. Ни одна категорія хозяйствъ вообще не утверждается окончательно. Паденіе въ одной мѣстности парализуется подъемомъ въ другой.

Если мы ограничимся разсмотрѣніемъ статистики площадей, то намъ покажется, будто сельское хозяйство не развивается.

переживаетъ застой. Но и оно находится въ процессѣ развитія; этотъ процессъ направленъ къ все большему усиленію зависимости отъ промышленности.

Идеалъ самостоятельнаго мелкаго производства, — крестьянское хозяйство, производящее безъ наемаго труда все необходимое для крестьянской семьи, — отошелъ въ вѣчность. Еще въ началѣ XIX вѣка эта форма хозяйства была господствующей, теперь она почти совершенно исчезла.

Крестьянина, совмѣщавшаго въ одномъ лицѣ сельскаго хозяина и ремесленника, замѣнилъ крестьянинъ-только-земледѣлецъ. Въ самомъ сельскомъ хозяйствѣ наблюдается прогрессирующая спеціализація товаровъ, производимыхъ для рынка отдѣльными хозяевами. Крестьянинъ начинаетъ все болѣе и болѣе зависѣть отъ рынка, т. е. отъ общества. Его трудъ все болѣе и болѣе становится частью огромнаго общественнаго трудового процесса, которымъ является товарное производство, — процесса, въ которомъ господство принадлежитъ промышленности.

Вмѣсто крестьянина, производящаго только силами семьи и для удовлетворенія ея потребностей, появился, съ одной стороны, крестьянинъ, работающій наемными рабочими, а съ другой стороны — «карликовый» хозяинъ, производство котораго служитъ только придаткомъ къ домохозяйству. Онъ извлекаетъ свой денежный доходъ продажей рабочей силы, превращаясь въ наемнаго рабочаго, занятаго въ сельскомъ хозяйствѣ и лѣсной промышленности, въ отхожаго рабочаго, въ кустаря или, наконецъ, въ рабочаго одного изъ крупныхъ промышленныхъ производствъ, все болѣе и болѣе переходящихъ въ деревню. Такъ «карликовые» хозяева и крупные крестьяне попадаютъ во все усиливающуюся зависимость отъ промышленности. Объ этомъ ярче всего свидѣтельствуютъ среднія цыфры для всей Германской имперіи для самыхъ крупныхъ союзныхъ государствъ и для нѣкоторыхъ административныхъ округовъ. Изъ каждыхъ 100 собственниковъ сельскохозяйственныхъ предпріятій имѣли главное занятіе:

	Самост. сельск. хоз.	Наемный трудъ			
		Сельск. хозяйст.	Промышлен.	Прочее	ВСЕГО
Германск. имперія	44,96	12,90	14,23	3,96	31,09
Пруссія	40,62	16,39	15,82	4,19	36,40
Баварія	64,79	5,19	6,02	2,20	13,41
Саксонія	38,54	4,63	19,34	4,56	28,53
Вюртембергъ	59,53	3,53	7,80	2,32	13,65
Баденъ	59,80	3,69	10,38	3,21	17,28
Гессенъ	44,89	8,79	13,34	4,21	26,34
Эльзасъ-Лотарингія	52,35	6,51	14,49	3,46	24,86
ВЪ ОКРУГАХЪ:					
Магдебургъ	25,85	22,88	20,73	5,30	48,91
Мерзебургъ	29,13	17,73	24,79	4,07	46,59
Эрфуртъ	32.87	11,59	17,32	4,30	32,21
Гильдесгеймъ	26,08	14,38	22,41	7,65	44,49
Мюнстеръ	44,40	5,67	20,51	3,70	29,88
Арнсбергъ	16,19	3,89	45,43	6,15	55,47
Дюссельдорфъ	21,11	5,74	31,95	5,14	42,83

Кромѣ Пруссіи, максимумъ промышленныхъ рабочихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ собственниковъ сельскохозяйственныхъ производствъ, мы наблюдаемъ въ Баваріи—въ *Пфальцѣ* (имъ принадлежитъ 14,11% всѣхъ предпріятій при 47,57% самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ и 6,06% сельскихъ рабочихъ); въ *Саксоніи*—въ Дрезденскомъ уѣздѣ (въ рукахъ промышленныхъ рабочихъ 22,15% всѣхъ сельскохозяйственныхъ предпріятій, самостоятельныхъ хозяевъ — 34,51%, сельскихъ рабочихъ — 9,16%); въ *Вюртембергѣ*—въ округѣ Неккара (8,75%—58,73% — 3,14%); въ *Баденѣ* — въ округѣ Карлсруэ (14,28%—60,43%—2,16%); въ *Гессенѣ*—въ провинціи Штаркенбургъ (19,20%—37,69%—8,41%). Преобладаніемъ промышленныхъ рабочихъ—собственниковъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій, надъ самостоятельными сельскими хозяевами замѣчательны среди мелкихъ государствъ:

	Самост. сельск. хозяева.	Промышл. рабочіе.
Брауншвейгъ	21.77 %	25.82 %
Ангальтъ	20.07 »	28.06 »
Рейссъ старшей линіи	29.34 »	31.18 »
Шаумбургъ-Липпе	23.54 »	30.08 »
Липпе	31.96 »	36.36 »

Отсюда очевидно, какъ заблуждаются тѣ, которые причисляютъ всякаго владѣльца сельскохозяйственнаго предпріятія къ крестьянству. Крестьяне не только составляютъ меньшинство земледѣльческаго населенія (состоявшаго изъ 31% самостоятельныхъ хозяевъ и 69% наемныхъ рабочихъ), они не составляютъ даже большинства собственниковъ сельскохозяйственныхъ предпріятій во всей Германіи (самостоятельныхъ хозяевъ только 45%). Въ промышленныхъ районахъ своей численностью они даже уступаютъ промышленнымъ наемнымъ рабочимъ — собственникамъ сельскохозяйственныхъ производствъ.

Въ 1895 году изъ 5.558.317 хозяйствъ къ самостоятельнымъ сельскимъ хозяевамъ принадлежали только 2.499.130. Число самостоятельныхъ хозяевъ съ побочными занятіями равнялось 504.164. Слѣдовательно, Бернштейнъ впалъ въ колоссальное преувеличеніе, говоря о «*5 милліонахъ съ лишнимъ* частно-хозяйственныхъ предпріятій» въ сельскомъ хозяйствѣ, которыя остались-бы, если-бы мы обобществили всѣ хозяйства свыше 20 гектаровъ. Около *3.000.000 хозяйствъ* — не болѣе, какъ придатки къ домохозяйству; они либо совсѣмъ непричастны къ товарному и, слѣдовательно, «частно-хозяйственному» производству, либо имѣютъ къ нему ничтожное отношеніе. Соціализмъ означаетъ организацію *общественнаго* труда, стало быть — товарнаго производства. Организація работъ частнаго домохозяйства не можетъ быть одной изъ его ближайшихъ проблемъ. Успѣху соціализма такъ же мало могутъ помѣшать принадлежащіе промышленнымъ и сельскимъ рабочимъ огороды подъ капустой или картофелемъ, какъ и «предпріятія» торговокъ овощами, цырюльниковъ и продавцевъ жареныхъ каштановъ.

Но все-таки, развѣ не остаются еще свыше 2.000.000 предпріятій, которыя мы можемъ назвать крестьянскими хозяйствами? Несомнѣнно. Но и они также находятся во все усиливающейся зависимости отъ крупнаго предпріятія, хотя эта зависимость возникаетъ не тѣмъ путемъ, какъ у «карликовыхъ» крестьянъ.

Одно изъ поразительнѣйшихъ явленій современнаго экономическаго развитія есть паденіе земельной ренты и часто даже нормы прибыли въ сельскомъ хозяйствѣ, доходности его. Тѣмъ настоятельнѣй для сельскаго хозяина необходимость покрыть свой дефицитъ доходомъ отъ какого-нибудь болѣе выгоднаго занятія. Такой источникъ онъ

находитъ въ *промышленности*, а именно—въ сельскохозяйственной промышленности, обрабатывающей его сырье.

Въ этомъ направленіи дѣйствуетъ еще другое обстоятельство,—возрастающій недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. Земледѣліе не можетъ привязать рабочихъ къ землѣ, а промышленность манитъ ихъ болѣе культурной жизнью. Только возникновеніе промышленности въ деревнѣ можетъ удержать въ ней рабочихъ. Соединеніе сельскаго хозяйства и промышленности все болѣе и болѣе становится поэтому жизненнымъ вопросомъ для перваго; по примѣру крупнаго землевладѣнія, теперь мелкія хозяйства стремятся воспользоваться выгодами отъ этой новой формы предпріятія и организуются въ товарищества.

Но въ этомъ соединеніи промышленность, какъ болѣе современный и выгодный способъ производства, является болѣе сильнымъ факторомъ. Сельское хозяйство начинаетъ все болѣе и болѣе зависѣть отъ промышленности, а такъ какъ въ сельско-хозяйственной промышленности господствуетъ та-же тенденція къ концентраціи, какъ и во всякой другой отрасли, то и сельское хозяйство вовлекается этимъ путемъ въ общее движеніе.

Конечно, статистика культивируемой земли намъ этого не покажетъ. Подобно тому, какъ статистика не дѣлаетъ различія между капиталистически-эксплуатируемыми кустарями и самостоятельными ремесленниками, точно такъ-же она не дастъ возможности установить, вполнѣ-ли независимо крестьянское хозяйство, или-же оно—только часть большого общественнаго производства. Но тѣмъ не менѣе, тенденція къ усиленію зависимости земледѣльческихъ хозяйствъ отъ промышленныхъ производствъ такъ сильна и такъ очевидна, что она не нуждается въ доказательствахъ.

Если, по исключеніи несамостоятельныхъ хозяевъ, число производствъ, за которыми пришлось-бы сохранить при обобществленіи «частно-хозяйственный характеръ», понизится съ 5.000.000 до 2.000.000, то оно еще замѣтнѣе уменьшится, если мы отсюда исключимъ еще всѣ тѣ хозяйства, которыя зависятъ отъ промышленныхъ предпріятій. Обративъ въ государственную собственность 400 сахарныхъ заводовъ, мы тѣмъ самымъ приведемъ въ полную экономическую зависимость отъ государственнаго хозяй-

ства 113.244 предпріятій, производящихъ свекловицу. Въ молочныхъ товариществахъ участвуютъ 148.082 хозяйства. Какое множество производителей молока, овощей, плодовъ въ настоящее время являются только рабочими крупныхъ консервныхъ фабрикъ и т. п.! Сюда слѣдуетъ еще отнести сельско-хозяйственныя производства, не находящіяся, правда, въ прямой экономической связи съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ *промышленнымъ предпріятіемъ*, но существованіе которыхъ зависитъ отъ какой-нибудь опредѣленной *отрасли промышленности*. Какъ только эта послѣдняя созрѣваетъ для обобществленія, первыя, если не юридически, то фактически, должны слѣдовать за ней. Въ странахъ, гдѣ введена табачная монополія, правда, однѣ только фабрики являются крупными предпріятіями; но все-же мелкіе табаководы— не «хозяева въ своемъ домѣ»: культура, и продажа продукта вполнѣ подчинены надзору государственныхъ властей. Въ Германіи табачная монополія сократила-бы число «частно-хозяйственныхъ» предпріятій на 150.000 единицъ (число табаководовъ.)

Кромѣ того, сюда присоединяется еще одно обстоятельство. Капиталистическій способъ производства имѣетъ тенденцію отдѣлять землевладѣніе отъ сельско-хозяйственнаго производства, и, такимъ образомъ, землевладѣлецъ и сельскій хозяинъ становятся двумя различными лицами. Это вполнѣ очевидно при арендной системѣ, но въ дѣйствительности то-же самое получается и при ипотечной системѣ. Функція ипотечнаго кредитора соотвѣтствуютъ функціи землевладѣльца при арендной системѣ; въ обоихъ случаяхъ она очень проста и состоитъ въ присвоеніи ренты безъ всякаго участія въ производительномъ процессѣ. Чѣмъ болѣе развивается арендная система, чѣмъ болѣе растетъ ипотечная задолженность, тѣмъ болѣе увеличивается число сельскихъ хозяевъ, заинтересованныхъ уже не въ существованіи частной собственности, а наоборотъ—въ установленіи, по меньшей мѣрѣ, такого государственнаго строя, въ которомъ ихъ желанія удовлетворялись-бы; заинтересованныхъ здѣсь въ націонализаціи земельной собственности, тамъ въ переходѣ къ государству ипотечныхъ долговъ. Это, конечно, еще не означаетъ соціализма въ сельскомъ хозяйствѣ, но въ демократическомъ государствѣ означаетъ большой шагъ впередъ въ этомъ направленіи.

Тутъ особенно замѣчателенъ тотъ фактъ, что арендная система все распространяется. Въ 1895 году въ Германской имперіи было хозяйствъ:

	Исключит. на аренд. землѣ	Цѣлик. или отчасти на арен. землѣ	Исключ. на собств. землѣ
1882	829.137	2.322.899	2.953.445
1895	912.959	2.607.210	2.951.107
Увеличеніе или уменьшеніе . .	+83.822	+ 284.311	— 2.338
Изъ 100 хозяйствъ приходилось по категоріямъ:			
1882	15,7	44,02	55,98
1895	16,4	46,91	53,09
Увеличеніе или уменьшеніе . .	+ 0,7	+ 2,89	— 2,89

Что ипотечная задолженность возрастаетъ. извѣстно. Во избѣжаніе недоразумѣній, замѣтимъ, что возрастаніе задолженности не указываетъ непремѣнно на упадокъ земледѣлія. Подобно повышенію арендной платы, она можетъ также быть слѣдствіемъ повышенія ренты, прогресса сельскаго хозяйства. Во всякомъ случаѣ, быстрый ростъ ипотечныхъ долговъ показываетъ, что процессъ отдѣленія сельского хозяйства отъ землевладѣнія, ренты отъ прибыли подвигается впередъ, и что умепьшается заинтересованность сельскихъ хозяевъ въ существованіи частной собственности на землю. Если въ Пруссіи за 10 лѣтъ (1886 — 1895) ипотечная задолженность возрасла *на 1½ милліарда,* то это означаетъ, что за указанный промежутокъ времени на такую же сумму земельная собственность перешла въ руки ипотечныхъ кредиторовъ.

Но въ то же время происходитъ концентрація ипотечныхъ долговъ въ немногихъ банкахъ и сберегательныхъ кассахъ, съ быстротой, превосходящей скорость концентраціи земель отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ.

Этотъ процессъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Правда, указывали, что ипотечные банки — не настоящіе кредиторы сельскихъ хозяевъ, а только посредники между ними и отдѣльными капиталистами, покупающими закладныя облигаціи. Дѣй

ствительно, въ этомъ заключается громадная разница для капиталистовъ, но не для сельскихъ хозяевъ. Послѣдніе имѣютъ дѣло не съ владѣльцами облигацій, а съ банкомъ. Банкъ забираетъ у нихъ прибавочную стоимость, онъ же продаетъ ихъ имѣнія съ молотка, когда они не могутъ уплатить процентовъ. Вмѣсто сложныхъ и до безконечности разнообразныхъ личныхъ отношеній между сотнями тысячъ ростовщиковъ и крестьянъ, устанавливаются однообразныя отношенія между послѣдними и незначительнымъ числомъ бюрократическихъ, централизованныхъ учрежденій, которыя уже въ настоящее время находятся подъ вліяніемъ и контролемъ государства, и національзація которыхъ, съ технической точки зрѣнія, является чрезвычайно простымъ дѣломъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что процессъ концентраціи капитала не бездѣйствуетъ и въ деревнѣ. Безъ сомнѣнія, выраженная Марксомъ при открытіи «Интернаціонала» надежда не осуществилась: упрощеніе аграрнаго вопроса посредствомъ концентраціи всей земельной собственности въ немногихъ рукахъ не произошло. Тѣмъ не менѣе, концентрація капитала пріобщаетъ сельское хозяйство къ общественному производительному процессу путемъ превращенія мелкихъ крестьянъ въ наемныхъ рабочихъ, постепеннаго сліянія земледѣлія съ промышленностью, распространенія арендной системы и возрастанія ипотечныхъ долговъ, централизуемыхъ въ большихъ общественныхъ учрежденіяхъ.

Правда, въ земледѣліи отсутствуетъ та *простота*, та ясность отношеній, которая существуетъ въ промышленности. Мы наблюдаемъ здѣсь многочисленныя переплетающіяся и прямо противоположныя тенденціи, неустойчиво-двойственный характеръ классовыхъ отношеній, въ особенности тамъ, гдѣ мало развита арендная система, гдѣ большинство предпринимателей и очень часто также наемные рабочіе владѣютъ землей. Часто со смѣной временъ года также измѣняются классовыя отношенія. Смотря по времени, поселянинъ превращается то въ хозяина, то въ наемнаго рабочаго. Если мы къ этому прибавимъ еще мѣстную изолированность и обусловленную ею разнородность мѣстныхъ условій, то поймемъ, какъ трудно сельскому пролетаріату дорасти до отчетливаго классоваго сознанія.

Мы не должны обольщать себя иллюзіями при взвѣшиваніи трудностей агитаціи въ деревнѣ и ея теоретическаго обоснованія. Но тѣмъ не менѣе, неоспоримъ тотъ фактъ, что концентрація капитала захватываетъ также деревню и проявляетъ,—правда, окольнымъ путемъ,—свое дѣйствіе въ сельскомъ хозяйствѣ точно въ такомъ же направленіи, какъ и въ промышленности.

Если ожиданія Маркса относительно концентраціи земельной собственности не вполнѣ оправдались, то зато въ общемъ, относительно всего современнаго производительнаго процесса они оправдались блестящимъ образомъ. «Магнаты капитала» узурпирующіе и монополизирующіе всѣ выгоды этого процесса превращенія, стали дѣйствительностью по истеченіи небольшого промежутка времени, прошедшаго съ того момента, когда Марксомъ была написана эта фраза, и все болѣе и болѣе становятся дѣйствительностью, по мѣрѣ того какъ концентрація капитала завершается въ формѣ *картелей* и *трестовъ*.

Эти формаціи безусловно новѣйшаго происхожденія. Попытки монополизировать *торговлю* и исключить возможность конкурренціи, побивая конкуррентовъ и скупая товары, ведутъ свое начало чуть ли не со времени возникновенія торговли. Въ эпоху реформаціи жалобы на подобные пріемы были общимъ явленіемъ. Но подавленіе конкурренціи въ *производствѣ*, монополизація цѣлыхъ отраслей промышленности путемъ соединенія всѣхъ предпріятій въ одну организацію; монополизація отдѣльныхъ отраслей не въ небольшихъ городахъ, а въ цѣломъ государствѣ, во всемъ мірѣ; монополизація не только отраслей, производящихъ предметы роскоши, но и производящихъ предметы первой необходимости, ежедневно потребляемые широкими массами,—такая монополизація есть явленіе, получившее экономическое значеніе только послѣ смерти Маркса (1883 г.). Но съ того времени оно такъ прогрессируетъ, что все болѣе и болѣе оказываетъ рѣшающее вліяніе не только на экономическую, но также и на политическую жизнь капиталистическихъ странъ.

При разборѣ теоріи кризисовъ у насъ будетъ случай поговорить еще разъ о трестахъ и картеляхъ. Поэтому, здѣсь мы можемъ ограничиться пока однимъ указаніемъ на нихъ.

Съ самаго момента возникновенія крупной финансовой буржуазіи, правительства зависѣли отъ нея, благодаря государственнымъ долгамъ. Но современные финансовые короли непосредственно господствуютъ надъ націями посредствомъ картелей и трестовъ и являются хозяевами всего производства. Таковы, въ особенности, синдикаты производителей продуктовъ, составляющихъ основное условіе всякой крупной индустріи, т. е. желѣза, угля; эти союзы оказываютъ все большее и больше вліяніе на всю внѣшнюю и внутреннюю политику и всю экономическую жизнь.

Борьба противъ нѣкоторыхъ картелей порождаетъ новые картели въ зависящихъ отъ нихъ отрасляхъ индустріи и иногда невольно приводитъ къ сліянію разнородныхъ производствъ въ одно объединенное колоссальное предпріятіе. Въ настоящее время въ Германіи происходитъ борьба между угольнымъ синдикатомъ, повышающимъ цѣны угля, и металлургистами, не желающими согласиться на это вздуваніе цѣнъ. Въ тотъ моментъ, когда я пишу эти строки, крупные желѣзнодѣлательные и сталелитейные заводы пытаются сбросить съ себя иго угольныхъ картелей, сами пріобрѣтая копи. Но картели металлургистовъ подражаютъ угольному синдикату и также, насколько возможно, повышаютъ цѣны своихъ продуктовъ. Въ Австріи желѣзодѣлательный синдикатъ поставилъ въ затруднительное положеніе всѣ отрасли промышленности, потребляющія въ большихъ количествахъ желѣзо. Быть можетъ, въ концѣ-концовъ это поведетъ къ объединенію въ синдикатъ потребителей желѣза, которые станутъ сообща пріобрѣтать желѣзодѣлательные заводы и приступятъ къ производству желѣза. Извѣстно, что гигантскія предпріятія, напр. желѣзныя дороги, уже давно имѣютъ свои собственныя угольныя копи и паровозостроительныя мастерскія.

Объединеніе однородныхъ предпріятій въ картели и тресты, съ одной стороны, сосредоточеніе многихъ разнородныхъ предпріятій въ однѣхъ рукахъ, съ другой стороны, — таковы явленія, полнѣе всего характеризующія современную экономическую жизнь. Быстрота этого сосредоточиванія производствъ все болѣе и болѣе возрастаетъ. Въ теченіе переживаемаго нами періода расцвѣта промышленности не проходитъ и дня, чтобы не возникъ новый картель. Сельскохозяйственныя индустріи присоединяются къ этому

движенію. Къ «рингу» алкоголей присоединился сахарный картель, и уже носятся слухи о картелѣ маслобоенъ, основанномъ крупными молочными.

Это развитіе, начавшееся едва 20 лѣтъ тому назадъ, стало возможнымъ только благодаря концентраціи и, съ своей стороны, въ высшей степени благопріятствуетъ ей. Картели и тресты лучше всего доказываютъ, что теорія Маркса не носитъ односторонняго характера, что она даетъ полное и вѣрное изображеніе капиталистической дѣйствительности. Бернштейнъ же, не упуская изъ виду ничтожнѣйшій клочекъ земли подъ капустой или самую незначительную швею, умалчиваетъ о синдикатахъ предпринимателей, т. е. о самомъ важномъ, послѣ аграрнаго кризиса, фактѣ, который со времени смерти Маркса выдвинутъ современной экономической жизнью, и изученіе котораго необходимо для всякаго, кто поставитъ своей задачей развитіе экономической теоріи Маркса.

Бернштейнъ игнорируетъ картели, когда они говорятъ *въ пользу* теоріи Маркса. Онъ вспоминаетъ о нихъ только тогда, когда полагаетъ, что они *опровергаютъ* Маркса, напр. въ главѣ о теоріи кризисовъ.

c) Увеличеніе числа собственниковъ.

Бернштейнъ не привелъ намъ ничего такого, что могло-бы побудить насъ отступить отъ марксовой теоріи прогрессирующей концентраціи капитала. Какъ промысловая перепись, такъ и образованіе картелей и трестовъ служатъ блестящимъ ея подтвержденіемъ, а направленіе развитія сельскаго хозяйства не противорѣчитъ ей.

Но прогрессивная концентрація капитала означаетъ прогрессивное уменьшеніе (по крайней мѣрѣ, относительное) числа мелкихъ предпріятій, увеличеніе числа крупныхъ, а слѣдовательно ростъ числа пролетаріевъ и, до извѣстной стадіи развитія,—капиталистовъ, но еще большее уменьшеніе числа мелкихъ предпринимателей, слѣдовательно увеличеніе числа неимущихъ, уменьшеніе числа собственниковъ.

Это положеніе Бернштейнъ считаетъ невѣрнымъ. Въ своемъ заявленіи штуттгартскому съѣзду онъ писалъ:

«Обостреніе общественныхъ отношеній совершилось не въ такой степени, въ какой это было предсказано въ «Манифестѣ». *Скрывать отъ себя этотъ фактъ не только безполезно, но и крайне глупо.* Число собственниковъ не уменьшилось, а увеличилось. Колоссальный ростъ общественнаго богатства сопровождается не образованіемъ небольшой и все уменьшающейся кучки магнатовъ капитала, а увеличеніемъ числа капиталистовъ всѣхъ степеней. Средніе слои измѣняютъ свой характеръ, но не исчезаютъ со ступеней общественной лѣстницы».

Въ своей книгѣ онъ повторяетъ эти утвержденія и даже формулируетъ ихъ болѣе рѣзко:

«Было-бы глубокимъ заблужденіемъ думать, что въ современномъ развитіи замѣчается относительное или даже абсолютное уменьшеніе числа собственниковъ. Не «болѣе или менѣе», а прямо таки *болѣе*, т. е. и *абсолютно*, *и относительно* растетъ число собственниковъ. Если-бы дѣятельность и планы соціальдемократіи находились въ зависимости отъ убыли числа собственниковъ, то соціальдемократія могла-бы, дѣйствительно, «спокойно почить». Но на самомъ дѣлѣ происходитъ прямо противоположное. *Не отъ уменьшенія, а отъ роста общественнаго богатства зависятъ надежды соціализма.* Соціализмъ или соціалистическое движеніе пережило уже много предразсудковъ; оно переживетъ и то предубѣжденіе, будто будущность его зависитъ отъ концентраціи собственности, или, если угодно, отъ поглощенія прибавочной стоимости все болѣе и болѣе уменьшающейся группой капиталистическихъ мамонтовъ» (стр. 90 русск. перев.).

А на стр. 295 (русск. перев.) говорится:

«То обстоятельство, что число собственниковъ не убываетъ, а растетъ, не есть измышленіе буржуазныхъ экономистовъ гармоніи; это — фактъ, который часто замѣчали податныя власти къ досадѣ заинтересованныхъ лицъ; *въ настоящее время на этотъ счетъ не можетъ быть больше сомнѣній.* Но какое значеніе имѣетъ это обстоятельство для побѣды соціализма?

Почему осуществленіе соціализма возможно только въ случаѣ несуществованія этого факта? По очень простой причинѣ: такъ предписываетъ діалектическая схема».

Въ смыслѣ ясности, эти утвержденія какъ будто не оставляютъ желать лучшаго. Но какъ только захочешь подвергнуть ихъ анализу, сейчасъ же наталкиваешься на неясность. Бернштейнъ говоритъ о собственникахъ. Но кто-же эти собственники? Марксъ не далъ въ «Капиталѣ» теоріи роста или убыли числа «собственниковъ». Вообще, эти послѣдніе не составляютъ особаго класса. Если считать «собственникомъ» каждаго, кто имѣетъ какую-нибудь собственность, то тогда и наемные рабочіе — собственники. Вѣдь и у нихъ есть собственность — платье, бѣлье, мебель, а иногда и домикъ съ огородомъ.

Ни въ «Капиталѣ», ни въ «Манифестѣ» мы не находимъ положенія объ уменьшеніи числа собственниковъ. Но зато тамъ подчеркивается увеличеніе числа пролетаріевъ, «класса современныхъ работниковъ, которые только тогда и могутъ существовать, когда находятъ работу, а находятъ ее только до тѣхъ поръ, пока трудъ ихъ приноситъ прибыль капиталу.» Если ихъ классовая борьба закончится побѣдой, то она неизбѣжно должна закончиться осуществленіемъ соціализма. Но какъ же можетъ она закончиться побѣдой, если число пролетаріевъ не растетъ абсолютно и относительно? Когда Бернштейнъ утверждалъ, что число собственниковъ увеличивается, а не уменьшается, то естественнѣе всего было истолковать это нѣсколько неопредѣленное выраженіе въ смыслѣ относительнаго уменьшенія числа пролетаріевъ. Откуда же въ немъ тогда такая увѣренность въ торжествѣ соціализма? Надо припомнить, что въ главѣ о матеріалистическомъ пониманіи исторіи Бернштейнъ подчеркиваетъ, что въ современномъ обществѣ этическимъ факторамъ предоставлено «гораздо больше, чѣмъ раньше, простора для самостоятельной дѣятельности» (русск. перев. стр. 20). Слѣдовательно, можно было предположить, что Бернштейнъ ожидаетъ побѣды соціализма не отъ классовой борьбы пролетаріата, а отъ этой самостоятельной, не зависящей ни отъ какихъ экономическихъ условій этики. Такъ я и думалъ, особенно послѣ его (приведенныхъ выше) разсужденій въ «Vorwärts», въ которыхъ онъ заявлялъ, что считаетъ невозможнымъ

и ненужнымъ дать соціализму матеріалистическое обоснованіе и видитъ гарантію его побѣды въ правовомъ сознаніи «людей».

«Именно потому, что я признаю силу правового сознанія людей движущимъ факторомъ общественнаго развитія, — говоритъ онъ, — я не придаю такимъ вопросамъ, какъ напр. уменьшенію или увеличенію числа собственниковъ, той важности, какую придаютъ имъ (и вынуждены придавать) тѣ, которые придерживаются положенія объ „имманентной экономической необходимости“».

Но мое предположеніе, что Бернштейнъ, предсказывая побѣду соціализма, ожидаетъ ее отъ правового сознанія не только неимущихъ, но и собственниковъ, встрѣтило неожиданный отпоръ. «Грубое непониманіе» — вотъ самый мягкій изъ упрековъ, которыми осыпалъ меня Бернштейнъ въ своемъ возраженіи (Vorwärts, 18 апр.).

«Какого бы дурного мнѣнія ни былъ Каутскій о моихъ умственныхъ способностяхъ, онъ не станетъ приписывать мнѣ такой нелѣпости, будто я ожидаю торжества соціализма отъ правового сознанія нынѣшнихъ собственниковъ: вѣдь правовое сознаніе — это сознаніе того, что право на моей сторонѣ.... Я считаю только невозможнымъ и излишнимъ выводить соціализмъ исключительно изъ экономики. Концентрація средствъ производства сама по себѣ не должна еще повести къ соціализму; не доказано, что она несовмѣстима еще съ какими либо другими общественными формами. Соціализмъ становится необходимымъ лишь тогда, когда и поскольку къ этой концентраціи, въ числѣ другихъ элементовъ, прибавится сознательное стремленіе *неимущихъ классовъ* къ тому, чтобы изъять изъ частныхъ рукъ руководство сконцентрированными средствами производства и принять самимъ участіе въ руководствѣ производствомъ на правахъ полноправныхъ членовъ.»

Итакъ, нельзя приписывать Бернштейну такую «нелѣпость», какъ ожиданіе торжества соціализма отъ правового сознанія *имущихъ*; оно будетъ слѣдствіемъ концентраціи средствъ производства и (въ числѣ прочаго) сознательнаго стремленія класса *неимущихъ*. Но, согласно утвержденію того же Бернштейна, одна лишь «діалектическая схема» обусловливаетъ торжество соціализма ростомъ «класса неимущихъ» и убылью числа собствен-

никовъ. Въ настоящее время неимущіе еще слишкомъ слабы для осуществленія соціализма. Могущество же собственниковъ, по Бернштейну, растетъ съ каждымъ днемъ. Отъ ихъ правового сознанія намъ нечего ожидать, и все-таки торжество коллективизма несомнѣнно. Почему? Какимъ образомъ? Объ этомъ мы узнаемъ столько же, сколько и раньше.

Такъ же мало разъяснила намъ поломика съ Бернштейномъ, что именно онъ понимаетъ подъ словомъ «собственники». Я указалъ ему на данныя профессіональной переписи. По этимъ даннымъ число самостоятельныхъ хозяевъ въ сельскомъ хозяйствѣ, промышленности и торговлѣ сократилось въ Германской имперіи съ 32% до 29% всѣхъ участвующихъ въ промысловой дѣятельности лицъ, а число наемныхъ рабочихъ и служащихъ увеличилось съ 68% до 71%. Вѣдь это, очевидно, означаетъ ростъ пролетаріата. На это Бернштейнъ возразилъ въ «Vorwärts» отъ 26 марта:

«Вполнѣ вѣрно, что въ передовыхъ странахъ число наемныхъ рабочихъ растетъ быстрѣй, чѣмъ все населеніе. Но мнѣ и на умъ не приходило оспаривать это. Каутскій вычитываетъ изъ моихъ словъ вещи, которыхъ тамъ совершенно нѣтъ».

Это, дѣйствительно, очень скверная привычка, но я боюсь, что не такъ-то легко отъ нея отдѣлаюсь, пока Бернштейнъ будетъ оставлять насъ въ недоумѣніи относительно смысла употребляемыхъ имъ выраженій.

Въ своемъ штуттгартскомъ заявленіи онъ говоритъ то о „собственникахъ“, то о „капиталистахъ“. Въ «Vorwärts» (21 апр.) онъ заявляетъ, что слово „собственники“ употребляется имъ обыкновенно въ смыслѣ людей, „которые благодаря своей собственности получаютъ болѣе высокій доходъ“. Значитъ, это — капиталисты и крупные землевладѣльцы. Что число послѣднихъ растетъ, не утверждаетъ и самъ Бернштейнъ; а роста числа *капиталистовъ* не отрицали Марксъ и Энгельсъ. Это увеличеніе является, наоборотъ, естественнымъ слѣдствіемъ распространенія капиталистическаго способа производства. Число крупныхъ промысловыхъ предпріятій (въ которыхъ занято больше 50 лицъ) въ Германской имперіи въ промежутокъ 1882—95 гг. возросло съ 9.974 до 18.995, т. е. на 90%. Если капиталистическіе слои насе-

ленія расли съ такой же быстротой,—чего, правда, нельзя установить положительно,—то за 13 лѣтъ они почти *удвоились*.

Слѣдовательно, если-бы Бернштейнъ утверждалъ только, что число капиталистовъ,—«тѣхъ, которые, благодаря своему состоянію, получаютъ болѣе высокій доходъ»,—растетъ, то онъ былъ бы совершенно правъ. Но въ то же время увеличилось и пролетарское населеніе; оно увеличилось сильнѣй, чѣмъ все населеніе въ совокупности. Уже изъ этого одного можно заключить, что число капиталистовъ увеличивается не насчетъ пролетаріата, а насчетъ другихъ словъ населенія, стало быть—мелкой буржуазіи и крестьянства.

Ничего другого и не говорится „въ Манифестѣ“. Но это и есть то обостреніе общественныхъ отношеній, которое отрицаетъ Бернштейнъ. Значитъ, онъ не отожествляетъ попросту собственниковъ съ капиталистами.

На стр. 89 своей книги онъ замѣчаетъ:

«Конечно, не всѣ лица съ болѣе высокими доходами являются „собственниками“; но что въ громадномъ большинствѣ случаевъ такъ оно и происходитъ, показываетъ тотъ фактъ, что за 1895-96 г. въ Пруссіи привлекались къ уплатѣ дополнительнаго налога 1.152.332 плательщика, владѣющихъ чистымъ *состояніемъ* свыше 6.000 марокъ. Болѣе $^1/_2$ этихъ плательщиковъ, именно 598.063 человѣка, уплачивали налогъ съ чистаго состоянія свыше 20,000 марокъ, а чистое состояніе 385.000 плательщиковъ превышало 32.000 мар.»

Въ «Vorwärts» Бернштейнъ указываетъ, какъ выше было сказано, на то, что подъ «собственниками» онъ обыкновенно понимаетъ людей, «которые, благодаря своей собственности, получаютъ *болѣе высокій* доходъ». Но никто не согласится съ тѣмъ, что «благодаря» собственности въ 6.000 и даже въ 32.000 мар., получается «болѣе высокій доходъ». Здѣсь Бернштейнъ подразумѣваетъ подъ «собственниками» не людей, получающихъ, благодаря своей собственности, болѣе высокій доходъ, а наряду съ капиталистами также средніе слои, мелкую буржуазію. Согласно этому, онъ говоритъ на стр. 92 (русск. пер.):

«Если бы рабочій классъ сталъ дожидаться до того момента, пока капиталъ уничтожитъ *средніе классы*, то онъ могъ

бы дѣйствительно надолго погрузиться въ сонъ. Капиталъ экспропріировалъ бы эти классы въ одной формѣ, но затѣмъ онъ снова вызывалъ бы ихъ къ жизни въ другой формѣ».

А на стр. 115 говорится:

«Въ лѣстницѣ доходовъ и лѣстницѣ предпріятій при расчлененіи обнаруживается довольно ясный параллелизмъ, особенно при разсмотрѣніи *среднихъ звеньевъ*. Мы нигдѣ не видимъ убыли этихъ послѣднихъ; напротивъ, они почти повсюду сильно распространяются. Что отнимается у нихъ сверху, то они пополняютъ, подкрѣпляя себя снизу; а взамѣнъ того, что выпадаетъ изъ ихъ рядовъ внизъ, они берутъ новыя силы сверху. Если крушеніе современнаго общества находится въ зависимости отъ исчезновенія *среднихъ рядовъ* между вершиной и основаніемъ соціальной пирамиды, если это крушеніе можетъ осуществиться только при поглощеніи среднихъ звеньевъ крайними, стоящими надъ и подъ ними, то въ настоящее время Англія, Германія и Франція не ближе къ такому перевороту, чѣмъ въ любой изъ прежнихъ моментовъ XIX в.».

Это положеніе, конечно, противорѣчитъ «Коммунистическому манифесту», въ которомъ говорится: «Общество все болѣе и болѣе раскалывается на два большіе враждебные лагеря, на два большіе, прямо противостоящіе другъ другу класса: буржуазію и пролетаріатъ». Но такъ же несовмѣстима высказанная Бернштейномъ мысль съ отождествленіемъ собственниковъ и капиталистовъ, если число послѣднихъ, т. е. капиталистовъ, и число пролетаріевъ относительно возрастаетъ: вѣдь такой ростъ возможенъ только на счетъ среднихъ звеньевъ т. е. тѣмъ путемъ, который указанъ въ «Манифестѣ».

Г. Оппенгеймеръ пытается помочь Бернштейну и заявляетъ, что надо строго отличать область производства отъ области распредѣленія. Число несамостоятельныхъ наемныхъ рабочихъ увеличивается, но они все болѣе перестаютъ быть угнетенными неимущими; въ такомъ-де смыслѣ надо понимать слова Бернштейна объ увеличеніи числа собственниковъ. «Послѣдовательный параллелизмъ въ ходѣ развитія этихъ двухъ областей (производства и распредѣленія) въ партіи сталъ *догмой*; и когда Бернштейнъ отрицаетъ этотъ параллелизмъ на основаніи громаднаго цыфрового

матеріала,—а это краеугольный камень его теоретическихъ разсужденій,—то въ качествѣ доказательства ему предъявляютъ ту же оспариваемую догму».

Итакъ, мы имѣемъ уже третье толкованіе «увеличенія числа собственниковъ». Самъ Бернштейнъ мѣстами отождествляетъ собственниковъ съ капиталистами; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей книги онъ указываетъ, что подразумѣваетъ подъ ними средніе слои; наконецъ, Оппенгеймеръ находитъ, что тутъ имѣется въ виду ростъ *благосостоянія наемныхъ рабочихъ*. Разсматривать повышеніе заработной платы, какъ увеличеніе числа собственниковъ—это, дѣйствительно, довольно оригинально. Правда, въ одномъ мѣстѣ Бернштейнъ достаточно опредѣленно говоритъ, что даже не всѣ, получающіе болѣе высокій доходъ, могутъ считаться собственниками; но нельзя отрицать, что нѣкоторыя мѣста его книги могутъ быть истолкованы въ смыслѣ Оппенгеймера.

Мы же не можемъ опредѣленно высказаться за то или иное толкованіе, такъ какъ увѣрены, что за какое бы изъ нихъ мы ни высказались, Бернштейнъ все равно броситъ намъ упрекъ въ грубомъ непониманіи и искаженіи его взглядовъ. По нашему мнѣнію, въ разныхъ мѣстахъ книги Бернштейнъ подъ увеличеніемъ числа собственниковъ понимаетъ совершенно различныя вещи. Вслѣдствіе этого, критика занимающаго насъ положенія—дѣло, далеко не легкое и не пріятное; но тѣмъ не менѣе мы должны за нее приняться. Оппенгеймеръ справедливо подчеркиваетъ, что это положеніе, что бы оно ни означало, «является краеугольнымъ камнемъ его теоретическихъ разсужденій»; имъ именно и пользуются чаще всего, несмотря на его неясность, наши противники; поэтому мы должны выяснить, какъ намъ слѣдуетъ отнестись къ нему.

Вѣдь по Оппенгеймеру это положеніе получено «на основаніи громаднаго цыфрового матеріала». Эти цыфровыя данныя и должны, значитъ, послужить исходной точкой нашей критики.

Къ счастью, Бернштейнъ догадался помѣстить этотъ «громадный матеріалъ» менѣе, чѣмъ на двухъ печатныхъ страницахъ. Прежде всего мы находимъ здѣсь приведенныя уже выше данныя прусскаго дополнительнаго налога $18^{95}/_{96}$ г. Это—*един-*

ственная, какъ признаетъ и самъ Бернштейнъ, перепись собственниковъ. Но эти данныя ужъ потому не могутъ свидѣтельствовать о ростѣ или убыли собственниковъ, что относятся только къ одному году. Дополнительный налогъ введенъ слишкомъ недавно, чтобы можно было, на основаніи сравненія нѣсколькихъ годовъ, прійти къ опредѣленному заключенію.

Но для Бернштейна и абсолютныя цыфры имѣютъ большую цѣнность. Результаты подготовительныхъ работъ для введенія дополнительнаго налога 1895 г. вполнѣ удовлетворяютъ его, такъ какъ указываютъ на большое количество собственниковъ. Другія, вполнѣ буржуазно настроенныя лица гораздо менѣе восхищены этими цыфрами.

«Результаты подготовительныхъ работъ для введенія прусскаго дополнительнаго налога (1895 г.)»—пишетъ Геркнеръ въ своей работѣ: «Рабочій вопросъ»,—«даютъ *далеко не утѣшительную картину распредѣленія состояній*, какъ показываетъ слѣдующая таблица:

Состоянія въ маркахъ, исключая движимое имущество	Плательщики		Общая сумма предложенныхъ къ обложенію состояній	
	Абсолют. число	%	Абсолют. въ тыс. м.	%
Отъ 6.000 до 20.000	563.370	48,89	2.978.304	9,50
» 20.000 » 32.000	203.834	17,69	2.214.248	7,13
» 32.000 » 52.000	162.262	14,08	3.286.804	10,59
» 52.000 » 100.000	122.683	10,65	4.279.289	13,78
» 100.000 » 200.000	57.179	4,96	3.993.809	12,86
» 200.000 » 500.000	29.373	2,55	4.500.373	14,50
» 500.000 » 1.000.000	8.375	0,73	2.279.304	9,60
» 1.000.000 » 2.000.000	3.429	0,30	2.453.064	7,90
Свыше 2.000.000	1.827	0,16	4.360.638	14,05

«Нельзя считать хорошимъ такое распредѣленіе имуществъ, при которомъ въ 2 высшихъ группахъ, состоящихъ изъ милліонеровъ, насчитывается 5.256 лицъ, владѣющихъ собственностью, на 1.621 мил. марокъ большей, чѣмъ 2 низшія группы, хотя въ послѣднія входятъ 767.204 плательщика. *И все таки эти цыфры выражаютъ только противорѣчія въ распредѣленіи собственности внутри имущихъ клас-*

совъ. Такое распредѣленіе наводитъ на *грустныя размышленія* не только съ соціальной точки зрѣнія, но и съ точки зрѣнія экономическаго прогресса», — но только не Бернштейна. На то онъ и не буржуазный экономистъ, а называетъ себя соціалдемократомъ и марксистомъ.

Остальной «громадный цыфровой матеріалъ», который долженъ былъ доказать увеличеніе числа собственниковъ, заключаетъ въ себѣ не статистику собственности, а *по-просту статистику подоходнаго налога*.

Доходъ и доходъ отъ собственности—не всегда одно и то же. Если въ настоящее время $^3/_4$ доходовъ свыше 3.000 мар. являются доходомъ отъ собственности, а черезъ 30 лѣтъ $^3/_4$ этихъ доходовъ будутъ трудовыми доходами, то при прежней высотѣ доходовъ статистика подоходнаго налога не дастъ намъ ни малѣйшаго понятія о происшедшемъ коренномъ измѣненіи общественныхъ отношеній. Какъ разъ о ростѣ или убыли числа собственниковъ она оставляетъ насъ въ неизвѣстности.

Она можетъ даже указывать на увеличеніе доходовъ, въ то время какъ таковое не произошло. Возьмемъ тотъ же примѣръ и допустимъ, что въ тридцатилѣтній промежутокъ общая сумма дохода не измѣнилась, но измѣнился его характеръ. 30 лѣтъ тому назадъ $^3/_4$ его имѣли источникомъ собственность, а $^1/_4$ — заработную плату и жалованье. Теперь дѣло обстоитъ наоборотъ. Между тѣмъ доходы второй категоріи гораздо легче установить, чѣмъ доходы первой категоріи. Если тридцать лѣтъ тому назадъ $^1/_4$ доходовъ указывалась точно, а изъ $^3/_4$ скрывалось, среднимъ числомъ, 30%, то теперь и въ этомъ отношеніи, caeteris paribus, обѣ категоріи помѣнялись бы мѣстами. Подоходный налогъ указывалъ бы на такое *возрастаніе* доходовъ, которое не соотвѣтствовало бы дѣйствительности, а являлось бы результатомъ *уменьшенія* капиталистическихъ доходовъ.

Дѣло въ томъ, что у насъ имѣется не научная статистика доходовъ, а лишь статистика *въ цѣляхъ обложенія*. Она преслѣдуетъ не научныя цѣли, а интересы фиска, и ея результаты, благодаря матеріальнымъ интересамъ, извращаются. Поэтому данными этой статистики можно пользоваться даже при изслѣдованіи *движенія доходовъ* лишь съ очень большой осторожностью, и

имъ можно придавать, самое большее, симптоматическое значеніе. Но на нихъ нельзя строить никакихъ выводовъ относительно *распредѣленія собственности*. Мы не можемъ припомнить такого случая, чтобы еще кто-нибудь, кромѣ Бернштейна, съ этой цѣлью пользовался статистикой подоходнаго налога. Она служила для доказательства роста благосостоянія, но не матеріаломъ для установленія измѣненій числа собственниковъ.

Вслѣдствіе этого во всемъ громадномъ цифровомъ матеріалѣ нѣтъ *ни одной* цифры, которая могла бы быть использована для обоснованія положенія Бернштейна объ увеличеніи числа собственниковъ. Но разсмотримъ все-таки эту груду цифръ.

Прежде всего мы можемъ исключить отсюда данныя о доходахъ во *Франціи*. Это только абсолютныя, а не относительныя цифры, которыя ничего не говорятъ объ уменьшеніи или увеличеніи. Не указанъ годъ, къ которому онѣ относятся, и источники, изъ которыхъ онѣ заимствованы. Надо вѣдь принять во вниманіе, что во Франціи нѣтъ подоходнаго налога. Поэтому Леруа-Больe и отказался отъ вычисленія доходовъ во Франціи; онъ пытался изслѣдовать распредѣленіе національнаго дохода на основаніи данныхъ о землевладѣніи и о квартирномъ налогѣ и статистики погребальныхъ кассъ (Essai sur la répartition des richesses, p. 499). Итакъ, когда Бернштейнъ точно сообщаетъ намъ, что во Франціи 1.400.000 семействъ имѣютъ въ среднемъ 5.200 фр. дохода, то мы должны потребовать болѣе вѣскихъ доказательствъ, чѣмъ простое указаніе: «по Мюльгаллю». Рѣчь, очевидно, идетъ о приблизительной оцѣнкѣ *).

Очередь за *Саксоніей*. Тутъ громадный цифровой матеріалъ использованъ весьма скудно. Бернштейнъ заявляетъ: «Здѣсь съ 1879 по 1890 г. число лицъ съ доходомъ въ 1.600—3.300 марокъ увеличилось съ 62.140 до 91.124, а число лицъ съ доходомъ въ 3.300—9.600 марокъ возросло съ 24.414 до 38.841». Кромѣ того, въ выноскѣ онъ прибавляетъ, что «между 1879 и 1892 г. число лицъ съ доходомъ въ 800—3.300 марокъ—высоко оплачиваемые рабочіе и мелкая буржуазія—под-

*) По даннымъ 1902 г., обработаннымъ Жоресомъ, концентрація состояній по своимъ размѣрамъ превзошла ожиданія самыхъ «ортодоксальныхъ» марксистовъ. Это признаетъ самъ Жоресъ.
Прим. пер.

нялось, въ Саксоніи съ 227.839 до 439.948, т. е. съ 20,94% до 30.48% плательщиковъ». Это все; о движеніи *другихъ* доходовъ Бернштейнъ намъ не сообщаетъ. Значитъ, и по саксонскимъ даннымъ нельзя произвести сравненія.

Сдѣлаемъ сами то, что было упущено Бернштейномъ. Вмѣсто цыфръ за 1890 г., мы воспользуемся цыфрами за 1894 г., которыя мы имѣемъ подъ рукой въ таблицахъ вышеупомянутой книги Геркнера, что, разумѣется, безразлично.

По этой таблицѣ въ королевствѣ Саксоніи число обложенныхъ физическихъ лицъ равнялось:

ВЕЛИЧИНА ДОХОДА	1879 г.	1894 г.	Увеличеніе	
			Абсол.	%
До 800	828.686	972.257	143.571	17,3
800— 1.600	165.362	357.974	192.612	116,4
1.600— 3.300	61.810	106.136	44.326	71,6
3.300— 9.600	24.072	41.890	17.818	74,0
9.600—54.000	4.683	10.518	5.835	154,4
Свыше 54.000	238	886	648	272,0

Если мы возьмемъ абсолютное увеличеніе, то найдемъ, что доходы ниже 800 мар. возрасли на 143.571, а доходы выше 3.300 мар. на 24.291. Но такъ какъ доходы ниже 800 мар. имѣютъ сомнительное преимущество составлять *три четверти* всѣхъ доходовъ, а доходы выше 3,300 мар.—всего *одну двадцатую*, то первое увеличеніе, будучи выражено въ %, оказывается гораздо меньше второго. Если же мы будемъ исходить изъ относительныхъ цыфръ, то окажется, что всего медленнѣй растутъ доходы ниже 800 мар.; но къ нимъ примыкаютъ тѣ именно доходы, ростъ которыхъ только и отмѣчаетъ Бернштейнъ; наряду съ самыми низкими доходами, они растутъ медленнѣй всего: доходы въ 1.600—3.300 мар. возрасли только на 71,6%, а въ 3.300—9.600 мар. на 74%. Всего быстрѣй возрастаютъ средніе *пролетарскіе* доходы въ 800—1.600 м., а именно на 116,4%, но опять-таки изъ нихъ быстрѣй болѣе мелкіе, въ 800—950 мар.,—на 133,5%, но зато доходы въ 1.400—1.600 м. всего на 79,5%. Еще быстрѣй растутъ громадные

доходы, свыше 54.000,—на 272%. «Можно, слѣдовательно, сказать, что при настоящемъ распредѣленіи доходовъ происходитъ наибольшее относительное усиленіе среднихъ слоевъ *рабочаго класса* и группы *милліонеровъ*» (Геркнеръ).

Если Бернштейнъ хотѣлъ сказать только то, что увеличеніе числа наемныхъ рабочихъ не равносильно умноженію бѣдныхъ, что пролетаризація народныхъ массъ не означаетъ непремѣнно и ея пауперизаціи, то онъ могъ ссылаться на эти данныя; но этимъ онъ не доказалъ-бы ничего противъ теоріи Маркса. Мы еще вернемся къ этому при разсмотрѣніи теоріи обнищанія.

Теорія Маркса утверждаетъ только, что быстрѣй всего растетъ классъ наемныхъ рабочихъ и крупная буржуазія, а промежуточные средніе слои относительно уменьшаются. Поскольку изъ статистики подоходнаго налога можно сдѣлать такой выводъ, саксонская статистика подтверждаетъ его.

Если положеніе Бернштейна объ увеличеніи числа собственниковъ не есть выраженное въ странной формѣ утвержденіе, что денежная заработная плата непрерывно повышается; если смыслъ его тотъ, что число среднихъ собственниковъ растетъ быстрѣй, чѣмъ число наемныхъ рабочихъ и самыхъ крупныхъ капиталистовъ, и что, слѣдовательно, соціальныя противорѣчія не обостряются, а смягчаются,—то Бернштейнъ никоимъ образомъ не можетъ опереться на данныя саксонской статистики.

Бернштейнъ другого мнѣнія объ этомъ*). Онъ находитъ, что цыфры, относящіяся къ налогу, доказываютъ именно то, что онъ хочетъ доказать, потому что онѣ указываютъ на относительное уменьшеніе менѣе высокихъ доходовъ. Надо замѣтить, что во французскомъ изданіи своей книги Бернштейнъ совсѣмъ не упоминаетъ о своей критикѣ, основывающейся на «громадномъ цыфровомъ матеріалѣ», и разсматриваетъ только данныя о Саксоніи, которыя я привожу. На зато онъ *два раза* (на стр. 85 и 291 фр. изд.) воспроизводитъ таблицу доходовъ Саксоніи и съ тѣми же замѣчаніями; только одинъ разъ доходы указаны во франкахъ, а другой — въ маркахъ. Эти статистическія данныя о Саксоніи доставляютъ ему такое удовольствіе, что онъ увлекается и доказываетъ то, чего ему совсѣмъ не нужно было доказать. Разсма-

*) Дополнено по франц. изд. *Прим. пер.*

тривая эти цыфры, онъ приходитъ къ выводу, что въ Саксоніи пролетаріатъ возросъ всего на 33,8%, мелкая-же буржуазія на 71,6%, средняя на 74%, а общее число зарегистрированныхъ лицъ на 37,4%. *По Бернштейну, саксонскій пролетаріатъ убываетъ.* Онъ прибавляетъ: «Саксонія — самое промышленное государство Германіи. Наша партія имѣетъ тамъ огромный и все возрастающій успѣхъ».

Итакъ, развитіе крупной промышленности влечетъ за собой уменьшеніе числа наемныхъ рабочихъ и ростъ мелкой буржуазіи, а успѣхи партіи пропорціональны этимъ двумъ процессамъ. Вотъ выводы, которые слѣдовало-бы сдѣлать изъ статистическихъ данныхъ о Саксоніи, если-бы толкованіе Бернштейна было правильно.

Но дѣло принимаетъ совершенно другой оборотъ, если отъ статистики доходовъ, допускающей столь различныя толкованія, мы обратимся къ статистикѣ профессій.

Въ королевствѣ Саксоніи было занято въ земледѣліи, промышленности и торговлѣ:

Въ 1882 г.	381.872 предпринимат.	766.423 наем. раб.
» 1895 »	384.141 »	1.075.964 » »
Увеличеніе	2.269 (0,6%)	309.541 (40,4%).

Число предпринимателей — мелкихъ и крупныхъ буржуа — увеличилось, слѣдовательно, всего на 0,6%, а не на 70%, какъ это утверждаетъ Бернштейнъ на основаніи статистики доходовъ; пролетаріатъ-же возросъ на 40,4%; слѣдовательно, пролетаріатъ растетъ быстрѣе, чѣмъ число самыхъ низкихъ доходовъ; приростъ этихъ послѣднихъ составляетъ 70%, и его почти цѣликомъ слѣдуетъ отнести на счетъ увеличенія числа наемныхъ рабочихъ.

Въ Германской Имперіи въ 1895 г. на 100 занимающихся какой-либо профессіей лицъ было 71,06 живущихъ продажей своей рабочей силы и 28,94 предпринимателей. Въ Саксоніи же лицъ первой категоріи было 73,69%, а второй — 25,31%. Значитъ, въ Саксоніи наемный трудъ гораздо больше распространенъ, чѣмъ въ остальной имперіи; отсюда и «огромные успѣхи нашей партіи».

Если-бы толкованіе, данное Бернштейномъ статистикѣ подоходнаго налога, было правильнымъ, если-бы эта статистика показывала не ростъ заработной платы, а усиленіе мелкой буржуазіи, то этимъ доказывалось-бы только, какъ мало можно на нее опираться при дѣленіи общества на имущихъ и неимущихъ. Поэтому я не считаю возможнымъ ссылаться на цыфры доходовъ Саксоніи, и ограничиваюсь указаніемъ, что Бернштейнъ невѣрно толкуетъ ихъ. Для меня убѣдительна только статистика профессій.*)

Но у Бернштейна остаются еще два доказательства: прусская и англійская статистика. Имъ онъ придаетъ главное значеніе. Надо думать, убѣдительность ихъ неотразима.

«Въ Пруссіи, какъ знаютъ всѣ, читавшіе Лассаля, въ 1854 г., при населеніи въ 16,3 милліона, только 44.407 человѣкъ получали доходъ свыше 1000 талеровъ. Въ 189⁴/₅ году, при общемъ населеніи въ 33 мил., 321.296 лицъ получали доходъ свыше 3000 мар. Въ 189⁷/₈ г. число это возросло до 347.328. Въ то время какъ населеніе удвоилось, группа классовъ, живущихъ въ лучшихъ матеріальныхъ условіяхъ, увеличилась въ 7 разъ. Если даже принять въ соображеніе, что части государства, соединенныя въ 1866 г., дали въ большинствѣ случаевъ цыфры благостоянія болѣе значительныя, чѣмъ старая Пруссія, и что цѣны на многіе жизненные припасы въ этотъ промежутокъ времени значительно возросли, то и тогда отношеніе роста группъ населенія, живущихъ въ лучшихъ условіяхъ, къ росту всего населенія будетъ значительно выше отношенія 2:1. Если мы возьмемъ для примѣра болѣе поздній періодъ, то окажется, что въ 14-лѣтній промежутокъ времени, съ 1876 по 1890 годъ, при общемъ увеличеніи числа плательщиковъ на 20,56%, число лицъ, получающихъ доходъ въ 2.000—20.000 мар. (зажиточная и болѣе мелкая буржуазія) возросло съ 442.534 до 582.024, на 31,52°/₀. Классъ собственниковъ, въ узкомъ смыслѣ этого слова (съ доходомъ въ 6.000 мар. и болѣе) въ этотъ же промежутокъ дошелъ съ 66.139 до 109.095, т. е. увеличился на 58,47°/₀. Пять шестыхъ этого прироста, именно 32.226

*) Отсюда опять по нѣмецкому оригиналу. *Прим. пер.*

изъ 38.776, приходится на среднюю группу доходовъ въ 6.000—20.000 мар.» (стр. 88-89).

Эти цыфры, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ, дѣйствуютъ неотразимо, но только на первый взглядъ. Уже сравненіе старой Пруссіи 1854 г. съ новой 1894 г. должно показаться страннымъ. Съ того времени не только размѣры Пруссіи увеличились, какъ замѣчаетъ самъ Бернштейнъ; она стала также главнымъ государствомъ Германской имперіи. Столица маленькой Пруссіи, имѣвшей въ 1854 г. 17 милл. населенія, сдѣлалась столицей большого государства, населеніе котораго равнялось въ 1894 г. 51 милл., т. е. было въ 3 раза больше, чѣмъ въ 1854 г. Населеніе Берлина, состоявшее въ 1854 г. немногимъ болѣе, чѣмъ изъ 400.000 жителей, увеличилось въ 4 раза; онъ обладаетъ притягательной силой для всѣхъ болѣе крупныхъ доходовъ не только Пруссіи, но и всей имперіи. Такимъ образомъ, успѣху подоходнаго налога въ Пруссіи благопріятствовалъ рядъ факторовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ вызваннымъ капиталистическимъ развитіемъ относительнымъ увеличеніемъ числа собственниковъ. Уже одно это обстоятельство не позволяетъ приписать какое-либо значеніе сравненію данныхъ за 1854 и 1894 годы.

Сюда присоединяется и другая, рѣшающая причина. Статистика подоходнаго налога въ 1854 г. была проведена на основаніи *совершенно другого закона*, чѣмъ въ 1894 г. Отмѣтимъ только два различія. По закону 1851 г. налогъ падалъ только на *физическія лица*; законъ 1891 года распространилъ обложеніе и на *промышленныя общества* (акціонерныя общества, потребительныя товарищества). По первому закону опредѣленіе дохода производится коммиссіями, чины которыхъ избираются окружными или городскими представительными учрежденіями, и которыя не позволяютъ себѣ „стѣсняющаго плательщиковъ вмѣшательства“ въ имущественныя дѣла. Новый законъ вводитъ обязательность показаній самихъ плательщиковъ, устанавливаетъ строгія взысканія за ложныя показанія и облегчаетъ контроль. Въ виду этихъ и другихъ измѣненій, І. Пирсторфъ говоритъ (въ «Handwörterbuch der Staatswissenchaften», 1-ый дополнительный томъ, стр. 280): «Только введенный въ 1891 г.

законъ о подоходномъ налогѣ далъ возможность основательно изслѣдовать существующее въ Пруссіи распредѣленіе доходовъ. Цѣнность данныхъ прежняго подоходнаго и класснаго налога —*довольно сомнительная*, такъ какъ они основываются на *оцѣнкахъ, произведенныхъ третьими лицами*».

Такимъ образомъ, сравненіе данныхъ 1854 г. и 1894 г. лишено всякаго научнаго значенія. Но Бернштейнъ приводитъ и другія, относящіяся къ Пруссіи цыфры — за 1876 г. и 1890 г. Противъ нихъ можно возразить не только то же, что противъ цифръ 1854 г.,—что онѣ не вполнѣ достовѣрны,—но кромѣ того еще то, что Бернштейнъ не приводитъ ихъ полностю. Онъ заимствовалъ ихъ изъ таблицы, составленной Сётбеeромъ (Soetbeer) и помѣщенной въ «Handwörterbuch der Staatswissenschaften». Вотъ эта таблица:

Въ 1876 году было:

Классъ доходовъ	Число плательщиковъ				Доходъ	
	Безъ членовъ семьи		Съ членами семьи		Суммавъ милл. мар.	%
	Лицъ	%	Лицъ	%		
До 525 мар. .	3.311.752	39,11	6.369.856	25,65	1.324,7	16,86
525— 2.000 » .	4.704.757	55,57	16.840.444	67,82	4.354,4	55,42
2.000—20 000 » .	442.534	5,22	1.593.244	6,41	1.879,1	22,64
Свыше 20.000 » .	8.033	0,10	29.240	0,12	398,8	5,08
Въ 1890 г. было:						
До 525 мар. .	4.094.428	40,11	8.383.359	28,62	1.647,4	16,58
525— 2.000 » .	5.517.828	54,05	18.526.145	63,81	5.119,7	51,53
2.000—20.000 » .	582.053	5,71	2.095 348	7,21	2.475,2	24,96
Свыше 20.000 » .	13.583	0,13	47.081	0,16	693,8	6,98

Воспроизведенныя здѣсь полностью, прусскія данныя даютъ нѣсколько иную картину, чѣмъ сдѣланныя изъ нихъ Бернштейномъ выдержки. Если мы даже будемъ считать собственниками

всѣхъ плательщиковъ съ доходомъ свыше 2.000 мар., то все же получимъ, что число собственниковъ увеличилось всего на 145.000, а въ то же время доходы ниже 2.000 мар. возрасли болѣе, чѣмъ въ 10 разъ, — на 1.600.000. Правда, доходы въ 2.000—20.000 мар. возрасли на 31.52%, а общее число плательщиковъ на 20,56%; но въ то же время бѣднѣйшіе изъ бѣдныхъ, —лица, получающія доходъ ниже 525 мар., тоже умножились сильнѣй, чѣмъ общее число, а именно на 23,6%. Это увеличеніе станетъ еще *рѣзче*, если принять во вниманіе не однихъ только плательщиковъ, но также ихъ семьи. Въ то время какъ населеніе Пруссіи за время 1876—94 гг. возросло съ 24.832.784 жителей до 29.087.933, т. е. *на 17,1%*, число плательщиковъ, получающихъ доходъ ниже 525 м., увеличилось (включая семьи) съ 6.369.933 до 8.383.359, т. е. *на 31,6%*. Въ то же время средній размѣръ дохода этого класса *упалъ* съ 208 марокъ до 197 мар. Вотъ что Бернштейнъ называетъ увеличеніемъ числа собственниковъ, смягченіемъ (Ausgleichung) соціальныхъ противорѣчій, столь очевиднымъ, что было бы безумiемъ обходить его молчаніемъ.

Источникъ, изъ котораго Бернштейнъ заимствовалъ эти цыфры, совсѣмъ не считаетъ ихъ столь благопріятными. «Самъ Сётбееръ долженъ признать,—говорится въ «Handwörterbuch»,— что отмѣченные имъ результаты даютъ основаніе утверждать, что *распредѣленіе доходовъ все болѣе становится неравномѣрнымъ*, такъ какъ численность высшихъ и низшихъ классовъ увеличивается, средній доходъ низшихъ классовъ понижается, а высшихъ—растетъ». Правда, дальше говорится: «Онъ самъ считаетъ это заключеніе неосновательнымъ, такъ-какъ для низшихъ классовъ, освобожденныхъ отъ налога, оцѣнка производится снисходительнѣй, чѣмъ для высшихъ, а также потому, что прогрессъ народнаго хозяйства и не можетъ проявиться иначе, какъ въ передвиженіи все большаго числа плательщиковъ въ высшую группу». Другими словами, Сётбееръ говоритъ, что данныя прусской статистики подоходнаго налога доказываютъ *обратное* тому, что утверждаетъ Бернштейнъ; но *не смотря на это*, онъ полагаетъ, что либеральныя воззрѣнія о совершающемся примиреніи соціальныхъ противорѣчій

справедливы, — отчасти изъ теоретическихъ соображеній, которыхъ мы теперь касаться не станемъ, а отчасти и потому, что *оцѣнки недостовѣрны*. Но это показываетъ въ лучшемъ случаѣ только то, что цыфры Сётбеера не говорятъ ничего *противъ* Бернштейна. Бернштейну оставалось произвольно выцѣдить нѣсколько цыфръ изъ этой таблицы, чтобы добыть блестящее доказательство своего положенія.

Мы тоже думаемъ, что таблица Сётбеера ничего не доказываетъ. Она обнимаетъ приблизительно такой же промежутокъ времени, какъ и вышеприведенная саксонская, но обнаруживаетъ совершенно иную тенденцію развитія. Въ Саксоніи мы находимъ уменьшеніе пауперизма и увеличеніе числа лучше оплачиваемыхъ наемныхъ рабочихъ насчетъ пауперовъ, съ одной стороны, и мелкихъ собственниковъ — съ другой. Въ Пруссіи же мы видимъ за то же время относительное уменьшеніе числа лучше оплачиваемыхъ наемныхъ рабочихъ (абсолютное число ихъ возросло на 1.722.000 человѣкъ), возрастаніе имущихъ слоевъ населенія и *въ такой же степени умноженіе низшихъ слоевъ пролетаріата*.

Невозможно допустить, чтобы развитіе Саксоніи и Пруссіи въ одно и то же время шло въ прямо противоположномъ направленіи. Гораздо проще заключить, что, по меньшей мѣрѣ, прусскія цыфры ничего не доказываютъ; такой выводъ весьма правдоподобенъ, въ виду характера производства оцѣнокъ до 1891 г.

Такимъ образомъ, Бернштейну остается только тотъ «громадный цыфровой матеріалъ», который даетъ англійская статистика.

Если даже допустимъ, что цыфры, относящіяся къ Англіи, свидѣтельствуютъ объ увеличеніи числа собственниковъ, то этимъ еще не доказано, что таковъ общій законъ капиталистическаго способа производства, такъ какъ Англія, повидимому, перестаетъ представлять собой типичную страну капиталистическаго индустріализма.

Ясно лишь, что было бы смѣшно возводить увеличеніе числа собственниковъ въ общій законъ капиталистическаго способа производства единственно на основаніи движенія собственности или доходовъ *въ мѣстѣ жительства* собственниковъ. Если бы,

напр., въ Монте-Карло или берлинскомъ кварталѣ „Тиргартенъ“ число собственниковъ увеличилось быстрѣй остального населенія, то это доказывало бы очень мало. Для изслѣдованія законовъ какого-нибудь способа производства, мы должны имѣть въ виду *всю его область*, а не одну часть ея.

Между тѣмъ Англія все больше и больше становится чѣмъ то вродѣ всесвѣтнаго «Тиргартена». Съ одной стороны, ея колоніальныя владѣнія все возрастаютъ, а съ ними растетъ и число чиновниковъ и авантюристовъ, обогащающихся на ихъ счетъ и тратящихъ свою добычу въ Англіи. Но еще сильнѣй растетъ число предпріятій, основанныхъ заграницей на англійскіе капиталы: банковъ, торговыхъ домовъ, фабрикъ, желѣзныхъ дорогъ, руководители и акціонеры которыхъ живутъ въ Англіи и тамъ получаютъ и тратятъ прибавочную стоимость, произведенную внѣ Англіи. Такъ же быстро растутъ размѣры капиталовъ, вложенныхъ англійскими капиталистами во внѣшніе займы, заключенные другими государствами.

«Одна Индія—замѣтилъ Марксъ 25 лѣтъ тому назадъ—платитъ дань почти въ 5 милл. ф. за «хорошее управленіе», въ видѣ процентовъ и дивидендовъ на англійскій капиталъ и т. п., не считая тѣхъ суммъ, которыя отсылаются ежегодно чиновниками, въ качествѣ сбереженій изъ жалованья, и купцами, какъ часть ихъ прибыли. Каждая британская колонія, по тѣмъ же причинамъ, постоянно дѣлаетъ крупные взносы въ пользу метрополіи. Большая часть австралійскихъ, вестъ-индскихъ, канадскихъ банковъ основаны на англійскіе капиталы, и дивиденды выплачиваются въ Англіи. Точно такъ же Англія владѣетъ большимъ количествомъ иностранныхъ бумагъ,—европейскихъ, сѣверо- и южно-американскихъ государствъ, и получаетъ по нимъ проценты; кромѣ того, она участвуетъ въ заграничныхъ желѣзныхъ дорогахъ, каналахъ, рудникахъ и получаетъ дивиденды... Доля, уходящая изъ Англіи къ владѣльцамъ англійскихъ цѣнныхъ бумагъ, находящихся заграницей, и траты англичанъ заграницей, ничтожны». («Кап.» III, 2, стр. 130).

Съ тѣхъ поръ, какъ это было написано, развитіе Англіи въ указанномъ направленіи пошло впередъ гигантскими шагами. Въ то время какъ населеніе Англіи и Ирландіи состав-

ляло въ 1871 г. 31.800.000 чел., а въ 1891 г. 37.700.000, т. е. увеличилась менѣе, чѣмъ на 20%, населеніе Британской колоніальной имперіи возросло съ 200 мил. до свыше 300 мил., т. е. болѣе, чѣмъ на 50%. Но еще быстрѣй выросла область эксплоатаціи англійскаго капитала. Мюльгалль опредѣлялъ въ 1882 г. размѣры помѣщенныхъ заграницей англійскихъ капиталовъ въ 222 милліарда мар.; Бернштейнъ говоритъ, что въ настоящее время они составляютъ 43 милліарда. Напротивъ, общая сумма вложенныхъ въ англійскія акціонерныя общества капиталовъ равняется, по его словамъ, 22 милліардамъ. Если эти данныя вѣрны, то онѣ означаютъ *удвоеніе* въ теченіе 15 лѣтъ помѣщеннаго заграницей капитала. Во всякомъ случаѣ, область эксплоатаціи англійскаго капитала расширяется быстрѣе, чѣмъ населеніе Британіи. Но если Бернштейнъ желалъ вывести законъ увеличенія числа собственниковъ при капиталистическомъ способѣ производства изъ англійскихъ статистическихъ данныхъ, то онъ долженъ былъ сравнить это увеличеніе съ увеличеніемъ числа пролетаріевъ не только въ Англіи, но и во всѣхъ областяхъ, гдѣ эксплоататоромъ является англійскій капиталъ.

Безъ сомнѣнія, нельзя разрѣшить эту задачу на основаніи имѣющагося статистическаго матеріала.

Однако, даже сравненіе роста числа собственниковъ съ ростомъ всего населенія Англіи не лишено нѣкотораго значенія. Если бы обнаружилось болѣе быстрое увеличеніе числа собственниковъ, то это не означало бы, что установленные Марксомъ законы капиталистическаго способа производства невѣрны, но свидѣтельствовало бы, пожалуй, о томъ, что въ Англіи растутъ препятствія къ осуществленію соціализма.

Съ марксистской точки зрѣнія, революціонной силой въ современномъ обществѣ является не капиталъ вообще, а только *промышленный капиталъ*; онъ и есть та сила, которая создаетъ предварительныя условія соціалистическаго способа производства, въ томъ числѣ и пролетаріевъ, для которыхъ исторической миссіей является осуществленіе этого способа производства.

Торговый и ссудный капиталъ, напротивъ, не являются сами собой такими силами. Если въ Англіи торговый и не вложенный въ отечественную промышленность ссудный капиталъ растутъ

быстрѣй, чѣмъ промышленный, то нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что число собственниковъ возрастаетъ тамъ быстрѣй, чѣмъ населеніе. Тогда возможно также, что въ Англіи смягчаются соціальныя противорѣчія, потому что соціальная эволюція тамъ, въ сравненіи съ преимущественно промышленными странами, какъ Германія и Америка, замедлилась.

Сами англичане не разъ высказывали опасеніе, что Англію ожидаетъ судьба Голландіи, которая въ XVII ст. была во всѣхъ отношеніяхъ наиболѣе развитой капиталистической страной, но въ которой развитіе торговаго и ссуднаго капитала настолько обогнало развитіе промышленнаго, что въ концѣ концовъ Голландія превратилась въ страну, наиболѣе богатую капиталами, превосходящую числомъ собственниковъ всѣ остальныя страны, но экономически отсталую и лишенную всякаго значенія для соціальной эволюціи.

Еще нельзя опредѣлить, такая-ли судьба ожидаетъ Англію, превратится-ли она изъ всемірной мастерской во всемірную денежную кассу. Но достовѣрно то, что соціализмъ возникаетъ не въ кассѣ, а въ мастерской.

Но для Бернштейна не существуетъ всѣхъ этихъ различій. Марксъ различалъ промышленный капиталъ отъ торговаго и ссуднаго и изучалъ законы развитія каждаго изъ этихъ видовъ капитала. Бернштейнъ-же, который поставилъ себѣ задачей углубить и усовершенствовать марксизмъ, сваливаетъ всѣ виды капитала въ одну кучу, замѣняетъ точное понятіе „капиталистъ“ неопредѣленнымъ „собственникъ“ и употребляетъ это послѣднее понятіе въ такомъ разнообразномъ смыслѣ, что въ концѣ концовъ ни онъ, ни его читатели не знаютъ, что слѣдуетъ подъ нимъ подразумѣвать. Такимъ путемъ онъ устраняетъ въ марксизмѣ противорѣчія и возвышаетъ его.

Если-бы даже Бернштейну удалось доказать для Англіи относительное увеличеніе числа собственниковъ, то само по себѣ это бросило бы весьма мало свѣта на общіе законы капиталистическаго способа производства.

Но онъ даетъ намъ и здѣсь, какъ и всюду, не статистику собственности, а статистику доходовъ. Прежде всего мы имѣемъ нѣсколько абсолютныхъ цифръ за $189^3/_4$ г., которыя сами по себѣ, разумѣется, ничего не доказываютъ. Затѣмъ

идетъ его главный козырь, который онъ печатаетъ курсивомъ, чтобы читатель не проглядѣлъ его:

«Въ «British Review» отъ 22 мая 1897 г. мы находимъ нѣкоторыя цыфры о ростѣ доходовъ въ Англіи съ 1851 г. по 1881 г. Въ Англіи, если судить по этимъ цыфрамъ, семействъ съ доходомъ отъ 150 до 1.000 ф. ст. (средняя и мелкая буржуазія и высшая рабочая аристократія) было: въ 1851 г. около 300.000, въ 1881 г.—круглымъ числомъ 900.000. Въ то время какъ населеніе въ эти 30 лѣтъ возросло въ отношеніи 27:35, т. е. почти на $30^0/_0$, классы, получающіе такой доходъ, увеличились въ отношеніи 27:90, т. е. на $233^1/_3{}^0/_0$. Въ настоящее время, *по приблизительному исчисленію* Джиффена, число плательщиковъ налога этой категоріи достигаетъ **$1^1/_2$ милліоновъ»**. (Русс. пер. стр. 87—88.)

Да, *по приблизительному исчисленію!* Главный козырь, напечатанный курсивомъ, основывается на приблизительномъ исчисленіи, а не на точныхъ данныхъ. А потомъ, разумѣется, Бернштейнъ эту, построенную на приблизительномъ исчисленіи *гипотезу* выдаетъ за *установленный податными властями фактъ*, насчетъ котораго «*въ настоящее время не можетъ быть никакихъ сомнѣній*».

Но почему же число плательщиковъ было *приблизительно исчислено*, а не *сосчитано?* По той простой причинѣ, что это послѣднее *невозможно*.

Англійскій законъ о подоходномъ налогѣ дѣлитъ доходы, по ихъ источникамъ, на 5 большихъ классовъ: 1) земельная собственность, 2) эксплуатація земли, 3) государственныя ренты 4) жалованье чиновниковъ и, наконецъ, 5) всѣ прочіе доходы, получаемые отъ промышленности, торговли и т. д. Каждый классъ, въ свою очередь, подраздѣляется на группы, и съ каждой изъ нихъ взимается особый налогъ. Намъ дается только число плательщиковъ и ихъ распредѣленіе по группамъ *внутри каждаго класса*, а общее количество плательщиковъ и общая сумма дохода каждаго плательщика могутъ быть только «приблизительно исчислены».

Это благопріятная почва для статистическихъ фокусовъ.

Вотъ примѣръ того, какъ мало доказываетъ англійская подоходная статистика. Въ статистикѣ Кольба, въ сводкѣ D (Schedula D—промышленность и торговля) сравниваются доходы за 1812 и 1847 г. Вотъ что получается:

Доходы въ	150—	500 ф. с.	Увеличеніе	—196%
»	» 500—	1.000 »	»	—148%
»	» 1.000—	2.000 »	»	—148%
»	» 2.000—	3.000 »	»	—118%
»	» 5.000 и выше	»	»	—189%.

При этомъ Кольбъ замѣчаетъ: «Населеніе увеличилось въ общемъ на 60%; *значитъ, благосостояніе возросло въ 3 раза больше*, чѣмъ населеніе» (Статистика, 1875 г., стр. 431). Это почти тотъ же результатъ, который былъ полученъ Бернштейномъ за періодъ 1851—1891 г. Время 1812—47 г.г. было для рабочаго населенія Англіи самымъ худшимъ. Къ этому времени относятся описанія, данныя Энгельсомъ въ его «Положеніи рабочаго класса»; это было время, когда среди пролетаріата все больше распространялся пауперизмъ и преступность, когда физическое и нравственное вырожденіе рабочаго класса не задерживалось ни фабричнымъ законодательствомъ, ни мощнымъ профессіональнымъ движеніемъ; движеніе же подоходнаго налога представляло ту же картину, что и теперь.

Прекрасную критику англійской подоходной статистики даетъ М. Шиппель въ своей книгѣ: «Современная бѣдность и переселеніе».*) Эпиграфомъ къ ней служатъ слова: «Изъ двухъ міровъ ты долженъ выбрать одинъ. Разъ ты ужъ выбралъ, возврата нѣтъ.»

Даже г. Леруа-Больё, буржуазный оптимистъ in optima forma, предшественникъ Бернштейна въ занимающей насъ области, долженъ былъ сознаться, что «къ несчастью, мы не обладаемъ такими же положительными данными о доходахъ въ Англіи, какія мы имѣемъ для Германіи. Поэтому мы вынуждены ограничиться приблизительными исчисленіями (indications approximatives)». (Essai sur la repartition des richesses, стр. 526). Но гдѣ этотъ буржуазный апологетъ подвигается впередъ осторожно и ощупью, тамъ марксистъ Бернштейнъ принимаетъ съ легкимъ сердцемъ

*) Имѣется русскій переводъ.

всякую цыфру, каковъ бы ни былъ ея источникъ, лишь бы она говорила противъ марксистской доктрины. «British Review» не была (она прекратила свое существованіе) спеціальнымъ статистическимъ или экономическимъ изданіемъ, а наполовину политической, наполовину литературной, консервативной еженедѣльной газетой, которая, судя по номеру, который мнѣ удалось отыскать, старалась уничтожить не только соціализмъ, но и демократію. *Анонимная статья,* на которую ссылается Бернштейнъ, *написанная, какъ говорится, на случай, къ юбилею королевы,* полемизируетъ съ утопистами и радикалами и даетъ до смѣшного прикрашенное описаніе соціальнаго прогресса въ Англіи, заканчивающееся слѣдующимъ выводомъ: «насъ поражаетъ *быстрота,* съ которой рабочій классъ *богатѣетъ*, а мелкая буржуазія (the middle classes) увеличивается». Въ доказательство авторъ приводитъ цитированныя выше цыфры, безъ всякаго указанія на источникъ, изъ котораго онѣ заимствованы, или на методъ, посредствомъ котораго онѣ получены. Бернштейнъ же принимаетъ ихъ безъ всякой осмотрительности и съ большимъ паѳосомъ предъявляетъ ихъ намъ. Въ этой же статьѣ, наравнѣ съ этими цыфрами, приводится еще указаніе на многочисленныя виллы, строющіяся вокругъ Лондона, — на «виллы, окруженныя прелестными садами, гдѣ прогуливаются изящныя молодыя дамы, и молодые люди элегантно играютъ въ лаунъ-теннисъ» и т. д. Приведемъ одинъ примѣръ того, какъ вольно этотъ юбилейный фельетонъ обращается со статистикой. Въ Англіи до настоящаго времени нѣтъ переписи наемныхъ рабочихъ, а есть только перепись лицъ, участвующихъ въ промысловой дѣятельности, безъ различія положеній. Члены семействъ сосчитываются отдѣльно. Между тѣмъ авторъ юбилейнаго фельетона чрезвычайно увѣренно утверждаетъ, что въ 1851 г. рабочее населеніе Соединеннаго королевства равнялось 26 милл., а въ 1881 г.—30 милл. Все же населеніе составляло въ 1851 г. 27.746.000, а въ 1881 г. — 34.885.000. Такимъ образомъ, не-пролетарское населеніе (фермеры, ремесленники, мелкіе торговцы, интеллигенція, капиталисты, землевладѣльцы и т. д.) будто бы равнялось въ 1851 г. всего $1^1/_2$ милл., т. е. лишь 6% всего населенія. Это явная нелѣпость. Бакстеръ въ 1867 г. опредѣлялъ рабочее

населеніе Соединеннаго королевства въ 80% всѣхъ лицъ, имѣющихъ доходъ. Такъ какъ, благодаря женскому и дѣтскому труду, у рабочихъ оказывалось сравнительно меньше членовъ семействъ, чѣмъ у высшихъ классовъ, то эти послѣдніе составляли немногимъ больше 20% всего населенія.

Эта вульгарная и поверхностная «гармоническая» болтовня и есть тотъ научный источникъ, изъ котораго Бернштейнъ позаимствовалъ свое лучшее оружіе противъ марксизма! Скоро онъ станетъ опровергать «Капиталъ» анонимнымъ фельетономъ изъ «Woche» господина Шерля!

Чѣмъ ближе мы разсматриваемъ статистическій матеріалъ Бернштейна, тѣмъ болѣе загадочной становится для насъ его эволюція. Напрасно мы ищемъ фактовъ, которые могли побудить его выступить противъ ученія, въ истинности котораго онъ былъ глубокъ убѣжденъ, которое онъ всегда проповѣдывалъ и побѣдоносно защищалъ.

d) Акціонерныя общества.

Въ полемикѣ Бернштейнъ указалъ на увеличеніе числа *биржевыхъ газетъ*, какъ на аргументъ въ пользу возрастанія числа собственниковъ.

Но это доказываетъ только то, что никѣмъ не оспаривалось, и что подтверждается, какъ мы уже видѣли, многочисленными статистическими данными: что число капиталистическихъ предпріятій растетъ, что капитализмъ распространяется все дальше и дальше, захватываетъ все новыя отрасли хозяйственной жизни, новые болѣе отдаленные уголки земного шара; что міровой рынокъ быстро развивается, и что отдѣльные дѣловые люди все менѣе въ состояніи слѣдить за нимъ путемъ личныхъ связей; что только большія спеціальныя газеты имѣютъ возможность, благодаря своимъ средствамъ, дѣлать это; наконецъ это быстрое умноженіе биржевыхъ газетъ указываетъ также на быстрые успѣхи акціонерныхъ обществъ, усиливающійся ростъ такихъ капиталистическихъ предпріятій, которыя подлежатъ извѣстному общественному контролю и нуждаются въ гласности, той «publicité»,

которая, какъ показало панамское дѣло, стала очень ходкимъ и дорогимъ товаромъ.

Но число биржевыхъ газетъ не даетъ намъ никакихъ указаній относительно числа собственниковъ. Всякій, кто занятъ въ торговлѣ или транспортѣ, долженъ въ настоящее время читать ихъ,—безразлично, капиталистъ ли онъ, или только служащій какого либо капиталиста.

Если увеличеніе числа собственниковъ, дѣйствительно, такой очевидный фактъ, то для него должны были бы найтись болѣе вѣсскія доказательства. Бернштейнъ и думаетъ, что нашелъ таковыя въ существованіи акціонерныхъ обществъ.

По его словамъ, акціонерныя общества въ значительной степени противодѣйствуютъ централизаціи состояній путемъ централизаціи предпріятій. Онъ говоритъ:

«Къ сожалѣнію, у насъ еще нѣтъ статистическихъ свѣдѣній о дѣйствительномъ распредѣленіи основныхъ, привилегированныхъ и всякаго рода другихъ акцій, принадлежащихъ столь распространеннымъ въ настоящее время акціонернымъ компаніямъ. Дѣло въ томъ, что въ большинствѣ странъ эти акціи анонимны (т. е., подобно другимъ денежнымъ бумагамъ, онѣ могутъ совершенно свободно переходить изъ рукъ руки), тогда какъ въ Англіи, гдѣ акціи большей частью именныя, гдѣ каждый можетъ видѣть списки зарегистрированныхъ такимъ образомъ въ государственномъ регистратурномъ вѣдомствѣ акціонеровъ, тамъ для установленія болѣе точной статистики владѣльцевъ акцій потребовался бы колоссальный трудъ, на который до сихъ поръ никто еще не отваживался. Можно только приблизительно опредѣлить ихъ число на основаніи нѣкоторыхъ свѣдѣній относительно отдѣльныхъ обществъ. Тѣмъ не менѣе, для того чтобы доказать ложный характеръ существующихъ на этотъ счетъ представленій, для того чтобы показать, насколько вліяніе «трёста», этой самой рѣзкой современной формы капиталистической централизаціи, на распредѣленіе капиталовъ дѣйствительно отличается отъ того, что можетъ показаться людямъ, не стоящимъ близко къ этому дѣлу, мы приведемъ нѣкоторыя цыфры, легко поддающіяся провѣркѣ.

«Англійскій ниточный трестъ, существующій не больше года, насчитываетъ не менѣе 12.300 акціонеровъ. Изъ нихъ:

6000 влад. основн. акцій въ среднемъ съ кап. въ 1200 мар.
4500 » привилег. » » » » » » 3000 мар.
1800 » облигацій » » » » » » 6300 мар.

«Бумагопрядильный трёстъ также обладаетъ внушительнымъ числомъ акціонеровъ, именно 5.454:

2904 влад. основн. акцій въ среднемъ съ кап. въ 6000 мар.
1870 » привилег. » » » » » » 10000 мар.
680 » облигацій » » » » » » 26000 мар.

«Въ такомъ же родѣ обстоитъ дѣло и въ хлопчатобумажномъ трестѣ P. T. Coats. Таковы примѣры раздробленія состояній въ централизованныхъ предпріятіяхъ. Само собою разумѣется, не всѣ акціонеры достойны названія капиталиста; но съ другой стороны, очень часто одинъ и тотъ же крупный капиталистъ оказывается мелкимъ акціонеромъ во всевозможныхъ обществахъ. Однако, при всемъ томъ, число акціонеровъ и средняя цифра принадлежащаго имъ акціонернаго капитала быстро увеличиваются. Въ общемъ, въ Англіи насчитываютъ гораздо болѣе милліона владѣльцевъ акцій» (русск. пер. стр. 85—87).

Итакъ, у насъ не имѣется статистики владѣльцевъ акцій; не всякій владѣлецъ акціи, въ силу этого самого,—капиталистъ; и опять-таки, одинъ и тотъ же *крупный* капиталистъ участвуетъ во всевозможныхъ обществахъ въ качествѣ мелкаго капиталиста. Самъ Бернштейнъ признаетъ все это. Но, иначе говоря, все это означаетъ, что приводимыя имъ данныя, какъ доказательства увеличенія числа собственности, *лишены всякаго значенія*. Они доказываютъ еще меньше, чѣмъ статистика подоходнаго налога; а то, что Бернштейнъ ихъ приводитъ, доказываетъ лишь одно: что онъ въ своей безпомощности положительно не знаетъ, гдѣ взять хоть одно мало-мальски правдоподобное доказательство для обоснованія своего утвержденія.

Теоретическія разсужденія, предпосланныя цифровымъ даннымъ, такъ же мало убѣдительны, какъ эти послѣднія. «Форма акціонернаго общества, — говоритъ онъ, — *въ значительной степени* противодѣйствуетъ централизаціи состояній посредствомъ централизаціи производствъ». Почему? «Она *допускаетъ широкую возможность* дробленія уже сконцентрированныхъ ка-

питаловъ, но дѣлаетъ *излишнимъ* присвоеніе капиталовъ отдѣльными магнатами съ цѣлью концентраціи промышленныхъ предпріятій. Если экономисты, не принадлежащіе къ соціалистамъ, воспользовались *этимъ фактомъ* для того, чтобы прикрасить современное соціальное состояніе, то это не поводъ для соціалистовъ скрывать или замалчивать этотъ фактъ» (русск. пер. стр. 85).

Вотъ, значитъ, еще одинъ *фактъ*, который намъ, марксистамъ неудобенъ, и который мы хотимъ скрыть или замолчать. Но что же это за «*фактъ*»? Дѣйствительно ли *фактъ*, что форма акціонернаго общества противодѣйствуетъ централизаціи капиталовъ? Нисколько, — это еще нужно доказать. *Фактъ* лишь то, что форма акціонернаго общества *допускаетъ* дробленіе уже существующихъ капиталовъ, дѣлаетъ *излишнимъ* присвоеніе капиталовъ отдѣльными магнатами. Но довольно легкомысленно уже выдавать за «фактъ», что этой возможностью *дѣйствительно* широко пользуются, и что капиталисты-магнаты не присваиваютъ себѣ больше капиталовъ, такъ какъ это сдѣлалось излишнимъ.

Въ нашемъ низменномъ мірѣ акціи не дарятся, а продаются; онѣ сами по себѣ не приносятъ денежной собственности, а предполагаютъ ея существованіе. Основаніе акціонернаго общества ничего не измѣняетъ въ существующемъ распредѣленіи собственности. Форма акціонернаго общества облегчаетъ только, подобно банкамъ и сберегательнымъ кассамъ, превращеніе въ капиталъ такихъ мелкихъ денежныхъ суммъ, которыхъ недостаточно для веденія капиталистическаго предпріятія. Слѣдовательно, она увеличиваетъ количество капитала, находящагося въ распоряженіи капиталистическаго способа производства; она допускаетъ превращеніе въ капиталъ такой собственности, которая иначе не стала бы капиталомъ, а оставалась бы неприносящимъ дохода сокровищемъ; но она не ведетъ къ измѣненіямъ въ существующемъ распредѣленіи наличной собственности.

Увеличеніе числа акціонеровъ совсѣмъ не доказываетъ увеличенія числа собственниковъ; оно только доказываетъ, что въ капиталистическомъ обществѣ акція все больше становится преобладающей формой собственности.

Слѣдовательно, указаніе на форму акціонернаго общества нисколько не разрѣшаетъ проблемы о причинѣ предполагаемаго роста числа собственниковъ. Она можетъ только выражать этотъ ростъ, если онъ происходитъ, но не можетъ порождать его.

Что же, однако, порождаетъ его, принимая во вниманіе ростъ пролетаріата? Бернштейнъ не даетъ намъ объ этомъ подробныхъ указаній. Можетъ быть, пролетаріи сберегаютъ все большую часть своего заработка и такимъ путемъ переходятъ въ ряды капиталистовъ? Но хотя Бернштейнъ, повидимому, питаетъ къ Шульце-Деличу такое же уваженіе, какъ къ г. Юлію Вольфу, я все-таки не допускаю, пока онъ не выскажется прямо въ этомъ смыслѣ, что онъ полагаетъ, будто увеличеніе числа собственниковъ обусловливается сбереженіями рабочихъ. Остается только та причина, на которую онъ самъ указываетъ: *дробленіе уже сконцентрированныхъ капиталовъ*.

Эти дробленія происходятъ постоянно и непрерывно; причина ихъ—*право наслѣдованія*. Въ то время какъ феодальное право наслѣдованія лишаетъ наслѣдства всѣхъ дѣтей супружеской четы въ пользу одного наслѣдника, буржуазное право требуетъ дѣленія наслѣдства поровну между всѣми дѣтьми. Такой институтъ, разумѣется, довольно сильно препятствуетъ централизаціи капиталовъ; безъ него послѣдняя совершалась бы быстрѣй. Но если бы дробленіе наслѣдуемыхъ капиталовъ способствовало увеличенію числа капиталистовъ, болѣе быстрому, чѣмъ ростъ населенія, то и естественный приростъ ихъ долженъ былъ бы происходить быстрѣе. Но, насколько извѣстно, въ дѣйствительности происходитъ какъ разъ обратное. Пролетаріи не даромъ получили свое имя; они производятъ многочисленную proles (потомство). Наоборотъ, вся семейная политика капиталистовъ приспособляется къ тому, чтобы противодѣйствовать децентрализующему вліянію дѣлежа наслѣдства. Браки заключаются по возможности съ такимъ расчетомъ, чтобы они соединяли два страстно-жаждущихъ сліянія капитала, а знаменитое Zweikindersystem становится все болѣе и болѣе обычнымъ явленіемъ въ имущихъ слояхъ. Поэтому уже напередъ слѣдуетъ отбросить предположеніе, что собственники могутъ размножаться относительно быстрѣй, чѣмъ пролетаріи. Откуда же тогда «широкое дробленіе уже сконцентрированныхъ

капиталовъ»? Вѣдь не раздариваютъ же капиталисты своихъ капиталовъ. Въ такомъ случаѣ, гдѣ же тотъ фактъ, который намъ, марксистамъ настолько неудобенъ, что мы стараемся скрыть или замолчать его? Мы не можемъ принудить Бернштейна вѣрить въ честность своихъ бывшихъ товарищей по оружію, но мы желали бы знать, по крайней мѣрѣ, въ чемъ состоитъ наша нечестность.

Быть можетъ, Бернштейнъ полагаетъ, что хотя «форма акціонернаго общества» и не измѣняетъ непосредственно распредѣленія собственности, но развиваетъ сама изъ себя такія тенденціи, которыя ведутъ къ децентрализаціи капиталовъ? Онъ не говоритъ этого, и нѣтъ ни малѣйшихъ основаній допустить что нибудь подобное. Все свидѣтельствуетъ о противномъ.

Надежными, приносящими высокій процентъ акціями овладѣваютъ крупные капиталисты. Маленькимъ людямъ изъ приносящихъ большой доходъ бумагъ остаются лишь *ненадежныя* бумаги, которыя являются не средствомъ превращенія неимущихъ въ собственниковъ, а средствомъ вытянуть у мелкихъ буржуа и аристократіи пролетаріата путемъ обмана грошевыя сбереженія и перевести ихъ въ карманы спекулянтовъ.

Даже не очень пессимистически настроенный Леруа-Болье долженъ признаться въ своей многократно уже цитированной книгѣ, что «хотя акціонерныя общества дали могучій толчекъ духу предпріимчивости и способствовали развитію производства, но они, несомнѣнно, оказали также сильное вліяніе на усиленіе *имущественнаго неравенства*. Они дали столичнымъ финансистамъ возможность завладѣть значительной частью сбереженій публики; они въ гораздо большей степени, чѣмъ промышленность и торговля, послужили источникомъ возникновенія громадныхъ состояній... Безъ сомнѣнія, они привели къ безпредѣльному обогащенію немногихъ ловкихъ авантюристовъ и обѣдненію многихъ наивныхъ и легковѣрныхъ людей.» (Стр. 335, 338). Возможность «широкаго дробленія уже сконцентрированныхъ капиталовъ» имѣетъ здѣсь немного иную форму, чѣмъ у нашего марксиста.

Правда, Леруа Болье въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, утѣшаетъ себя упованіями, что отрицательныя стороны акціонерныхъ обществъ, по всей вѣроятности, только временное явленіе

Это онъ писалъ какъ разъ въ то время, когда основывалась панамская компанія.

Если форма акціонернаго общества—лучшее средство для обиранія простаковъ, то съ другой стороны, она служитъ средствомъ усиленія могущества крупныхъ капиталистовъ, такъ какъ, въ сущности, она не что иное, какъ особая форма кредита. Кредитъ „становится не только самъ новымъ и могучимъ орудіемъ въ борьбѣ конкурренціи. Невидимыми нитями стягиваетъ онъ денежныя средства, разсѣянныя на поверхности общества большими или меньшими массами, въ руки или единичныхъ капиталистовъ, или капиталистовъ, соединяющихся въ общества. Это, такъ сказать, механизмъ, спеціально предназначенный для сосредоточенія капитала.“ (Марксъ).

Бернштейнъ полагаетъ, что форма акціонернаго общества „дѣлаетъ *излишнимъ* присвоеніе капиталовъ отдѣльными магнатами съ цѣлью концентраціи промышленныхъ предпріятій“. Но какая намъ отъ того польза, если „магнаты“ не обращаютъ на это ни малѣйшаго вниманія и даже пользуются этой формой для того, чтобы подчинять чужіе капиталы своимъ собственнымъ, создавать и эксплуатировать такимъ образомъ предпріятія такихъ размѣровъ, для которыхъ не были бы достаточны только ихъ собственныя средства?

Лишь недавно мы прочли въ американской газетѣ, что номинальная стоимость акцій „Standard Oil Trust“ равняется 97.250.000 долларовъ. Джону Рокфеллеру принадлежатъ акціи на 49.000.000 дол. Значитъ, онъ располагаетъ большинствомъ голосовъ, и форма акціи является для него только средствомъ свободно распоряжаться суммой, почти вдвое большей его вклада. Съ точки зрѣнія распредѣленія прибыли это можетъ казаться безразличнымъ. Но рѣшающимъ соціальнымъ моментомъ является не распредѣленіе, а производство, и въ этой области вклады компаньоновъ Рокфеллера въ огромной степени усиливаютъ его могущество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его доходъ.

Акціонерныя общества, будучи далеки отъ того, чтобы устранять послѣдствія концентраціи капиталовъ, являются скорѣй всего средствомъ доводить ее до крайности. Лишь форма акціонернаго общества дастъ возможность создавать гигантскія предпріятія,

которыя не подъ силу единичнымъ капиталамъ. Это—форма, въ рамкахъ которой происходитъ монополизація отдѣльныхъ отраслей производства. Развѣ трёсты, желѣзныя дороги, крупные банки перестаютъ быть монопольными предпріятіями оттого только, что они являются акціонерными предпріятіями? И развѣ они, благодаря этому, не являются больше орудіемъ магнатовъ-финансистовъ, которые „узурпируютъ и монополизируютъ всѣ выгоды этого процесса превращеніи“?

У насъ нѣтъ статистики распредѣленія акціонерной собственности, но все указываетъ на то, что въ этой области происходитъ тотъ же процессъ накопленія и централизаціи капитала, который наблюдается въ капиталистическихъ предпріятіяхъ.

Очевидно, благодаря акціонернымъ обществамъ, увеличивается не число собственниковъ, а число праздныхъ собственниковъ внутри этого класса. Они освобождаютъ капиталиста отъ выполненія его экономическихъ функцій и дѣлаютъ его излишнимъ уже въ капиталистическомъ обществѣ. Дѣйствительно яркой иллюстраціей этого факта служитъ быстрый ростъ числа акціонерныхъ обществъ.

«Непрерывное увеличеніе числа коммандитныхъ обществъ, избавляющихъ капиталистовъ отъ необходимости заботиться о помѣщеніи своего состоянія», на которое Бернштейнъ ссылается, какъ на признакъ увеличенія числа собственниковъ, также свидѣтельствуетъ только объ увеличеніи числа бездѣльничающихъ собственниковъ, о томъ, какъ быстро классъ капиталистовъ становится излишнимъ для экономической жизни общества.

Быстрое увеличеніе числа акціонерныхъ компаній доказываетъ не увеличеніе числа собственниковъ, а все усиливающуюся ненадобность капиталистическаго способа производства, возможность и даже необходимость коллективистическаго.

Но у Бернштейна имѣется еще одно доказательство увеличенія числа собственниковъ.

«Если бы даже не удалось — говоритъ онъ — доказать этотъ фактъ эмпирически, статистикой доходовъ и профессій, то его можно было бы вывести чисто-дедуктивнымъ путемъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе современнаго хозяйства.

«Что особенно отличаетъ современный способъ производства, это — повышеніе продуктивности труда. Результатомъ этого является столь же сильное повышеніе производства — массоваго производства потребительныхъ благъ. Куда же дѣвается это богатство, или — чтобы схватить самую сущность дѣла — куда дѣвается прибавочный продуктъ, который производятъ промышленные наемные рабочіе, сверхъ своего собственнаго потребленія, ограниченнаго ихъ заработной платой? «Магнаты капиталы» могли бы обладать въ 10 разъ большими желудками, чѣмъ приписываетъ имъ народная остроуміе, у нихъ могло бы быть въ 10 разъ больше прислуги, чѣмъ есть въ дѣйствительности, и все-таки, сравнительно съ массой ежегодно производимаго національнаго продукта (слѣдуетъ помнить, что крупное капиталистическое производство есть прежде всего массовое производство) ихъ потребленіе есть капля въ морѣ.... Итакъ, куда же дѣвается та масса товаровъ, которая не поглощается магнатами и ихъ слугами? Если она не попадаетъ въ томъ или другомъ видѣ къ пролетаріямъ, то ее несомнѣнно захватываютъ другіе классы. Либо относительно усиливающаяся убыль числа капиталистовъ и увеличеніе благосостоянія пролетаріата, либо многочисленный средній классъ — такова единственная альтернатива, которую допускаетъ непрерывный ростъ производства.» (Русск. перев. стр. 91—92).

Вотъ то теоретическое доказательство, которымъ Бернштейнъ думаетъ защитить свое положеніе, какъ мы видѣли, совершенно не «доказанное эмпирически», посредствомъ статистики доходовъ и занятій. Однако, довольно своеобразное доказательство! Оно всецѣло заключается въ вопросѣ: куда дѣвается богатство? Бернштейнъ не показываетъ намъ, какимъ образомъ и почему ростъ общественнаго богатства увеличиваетъ число собственниковъ; съ него достаточно того, что онъ не знаетъ, куда въ противномъ случаѣ могло бы дѣваться богатство.

Попробуемъ же мы отвѣтить на вопросъ, который оставилъ безъ отвѣта Бернштейнъ.

е) Потребленіе прибавочной стоимости.

Остановимся сперва на крупныхъ капиталистахъ. Достаточно бросить бѣглый взглядъ на тотъ образъ жизни, который ведутъ «сливки общества» въ Нью-Іоркѣ, Парижѣ, Лондонѣ, на Ривьерѣ и въ другихъ изящныхъ курортахъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что роскошь и расточительность высшихъ классовъ растетъ въ колоссальныхъ размѣрахъ и часто выливается въ форму сумасбродства. Виллы, замки, яхты, охотничьи парки этихъ людей, ихъ фестивали, прихоти, женщины, проигрыши — все это стоитъ каждому изъ капиталистическихъ «магнатовъ» все больше и больше денегъ, такъ какъ уровень ихъ существованія повышается съ головокружительной быстротой. Вѣрно и то, что эти магнаты постоянно окружены все болѣе и болѣе возрастающей свитой всякаго рода паразитовъ, которые весьма способствуютъ «дробленію уже сконцентрированныхъ капиталовъ». Но когда Бернштейнъ говорилъ объ увеличеніи числа «собственниковъ», онъ, разумѣется, не думалъ объ этихъ паразитахъ—профессіональныхъ игрокахъ, жокеяхъ, кокоткахъ и т. п.

Но одновременно съ ростомъ роскоши и расточительности отдѣльныхъ крупныхъ капиталистовъ растетъ чрезвычайно быстро и число послѣднихъ, гораздо быстрѣй, чѣмъ населеніе или рабочій классъ. Этотъ ростъ легче поддается количественному опредѣленію, чѣмъ ихъ расточительность. Признакомъ быстраго расширенія круга капиталистовъ-магнатовъ, можетъ служить тотъ фактъ, что съ 1892 г. по 1895 г. число промышленныхъ предпріятій въ Германской имперіи возрасло всего на 4,6%, населеніе—на 14,5%, а число колоссальныхъ предпріятій, занимающихъ болѣе 1.000 рабочихъ,—на 100%. На такой же ходъ развитія указываетъ, какъ мы видѣли, довольно достовѣрная саксонская статистика доходовъ. Общее количество обложенныхъ физическихъ лицъ возрасло съ 1879 по 1894 г. съ 1.084.751 до 1.490.558, т. е. на **37,4**%, а число лицъ, имѣющихъ огромный, превышающій 54.000 мар. доходъ,—съ 238 до 886, т. е. на **272**%. Конечно, число *этихъ* собственниковъ увеличивается крайне быстро.

Но возрастаетъ не только число расточителей и размѣры ихъ расточительности (въ степени, не влекущей за собой разоренія народа только благодаря изумительному росту производительности труда при капиталистическомъ режимѣ): усиливается также расточительность безличная, неразрывно связанная съ этимъ строемъ.

Бернштейнъ самъ указываетъ на два источника такой расточительности. «Кризисы и непроизводительные расходы на войско поглощаютъ очень много, но въ послѣднее время,—замѣчаетъ онъ,—они поглощаютъ только нѣкоторую долю общаго количества прибавочнаго продукта». Понятно, такъ оно происходило не только въ послѣднее время; возникаетъ лишь вопросъ, какъ велика эта доля. Потери, причиненныя кризисами, не поддаются опредѣленію, но издержки на войско можно установить.

Въ Германской имперіи расходы на войско, флотъ и уплату процентовъ по государственнымъ долгамъ, вызваннымъ исключительно военными нуждами, составляли въ 1874 г. 368 милліоновъ марокъ, а въ 1899 г. они возросли до 809 милл. Слѣдовательно, они *болѣе, чѣмъ удвоились*, между тѣмъ какъ населеніе съ 41 милліона (1871 г.) возросло до 52 милл. (1895 г.).

Но этимъ не ограничивается расточеніе. Надо принять во вниманіе, что постоянное войско превращаетъ сотни тысячъ трудоспособныхъ мужчинъ въ непроизводительные элементы. Въ 1874 г. пропадала такимъ образомъ понапрасну рабочая сила 400.000 человѣкъ, а въ 1899 г.—600.000 чел. Допустимъ, что каждый изъ нихъ могъ бы производить ежегодно продуктовъ на 1.000 мар.,—включая въ эту сумму, какъ заработную плату, такъ и прибавочную стоимость,—и тогда потери вслѣдствіе вынужденной праздности рабочихъ силъ постояннаго войска достигаютъ суммы въ 600.000.000 марокъ. Прибавивъ къ этому издержки на военныя нужды, мы получимъ сумму почти въ полтора милліарда,—противъ 800.000.000, марокъ 25 лѣтъ тому назадъ,—которую ежегодно теряетъ народное хозяйство. Въ теченіе 25 лѣтъ Германія, благодаря своей арміи, обѣднѣла на 25 милліардовъ — въ 6 разъ больше французской контрибуціи 1871 г. Это составитъ уже

довольно значительную «долю общаго количества прибавочнаго продукта». Если же, несмотря на все это, милитаризмъ не влечетъ за собой абсолютнаго обѣднѣнія народовъ, если его развитіе можетъ даже, какъ доказываетъ примѣръ самой Германіи, идти рука объ руку съ значительнымъ увеличеніемъ общественнаго богатства, то этимъ мы обязаны исключительно громадной производительности труда при капиталистическомъ строѣ. Для тѣхъ же народовъ, которые не обладаютъ развитою крупной капиталистической промышленностью, милитаризмъ еще болѣе пагубенъ; поглощаемая имъ «доля общаго количества прибавочнаго продукта» такъ велика, что экономическая жизнь страны не выдерживаетъ его тяжести, какъ намъ ясно видно на примѣрѣ Италіи и Испаніи.

Но причины расточенія въ капиталистическомъ обществѣ не исчерпываются кризисами и милитаризмомъ. Рядъ другихъ причинъ былъ указанъ авторомъ этихъ строкъ въ статьѣ: «Расточительность при капиталистическомъ способѣ производства» («Neue Zeit» 1889 г.). Я позволю себѣ повторить нѣкоторыя изъ высказанныхъ тамъ мыслей.

Немаловажной причиной является *мода*. Измѣнчивость моды — вовсе не естественный законъ, а особенность извѣстныхъ общественныхъ отношеній.

«Въ наше время любятъ объяснять общественныя явленія при помощи заимствованныхъ изъ естествознанія словечекъ. Исторически столь молодую «свободную конкуренцію» сводили къ «вѣчному естественному закону борьбы за существованіе», а измѣнчивую моду на костюмы превратили въ необходимый законъ природы, объяснивъ ее половымъ подборомъ. При этомъ упустили изъ виду ту мелочь, что сущность моды—измѣнчивость, между тѣмъ какъ особенности, обязанныя своимъ происхожденіемъ половому подбору, въ предѣлахъ историческаго періода неизмѣнны. Даже у человѣческаго рода мы находимъ, что народы, не уклонившіеся отъ природы, цѣпко держатся за свою одежду и архитектуру и передаютъ ихъ неизмѣнными изъ поколѣнія въ поколѣніе.

«Быструю измѣнчивость моды мы находимъ только при извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ: въ революціонныя эпохи, когда характеръ общества быстро измѣняется, и въ эпохи безум-

ной роскоши, когда, съ одной стороны, господствующіе классы получаютъ такъ много прибавочной стоимости или прибавочнаго продукта, что они должны бросать, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую часть его на вѣтеръ, чтобы избавиться отъ него, а съ другой стороны, проституція становится общественной силой.

«Въ мірѣ животныхъ, благодаря половому подбору, *самцы* пріобрѣтаютъ яркіе признаки — гривы, пестрое оперенiе, рога и т. д. Напротивъ, тотъ «половой подборъ», которымъ занимаются продажныя женщины высшаго и низшаго разбора, обусловливаетъ появленіе крикливыхъ *женскихъ* нарядовъ... Но сильнѣй всего бросается въ глаза новое. Отсюда постоянныя измѣненія моды... Однако они вызываются не однимъ этимъ обстоятельствомъ. Быть всегда одѣтымъ по новѣйшей модѣ — признакъ благосостоянія, особенно, чѣмъ чаще мода мѣняется. Является желаніе не только быть одѣтымъ по-новому, но и сдѣлать это такъ, чтобы это было замѣтно; новое не только должно быть новымъ, оно не должно походить на старое. Въ настоящемъ сезонѣ не должно носиться то, что набиралось въ предыдущемъ... Но въ наше время не только свѣтскія дамы мѣняютъ часто свои наряды. Мы знаемъ, что рабочіе вынуждены покупать дешевые и скверные товары. Платья дѣвушекъ и женщинъ низшихъ классовъ такъ быстро изнашиваются, что имъ приходится очень часто пріобрѣтать новыя. Но если ужъ нужно купить новое платье, то отчего же не модное? Это вполнѣ соотвѣтствуетъ духу нашего времени, когда внѣшнія классовыя отличія все больше стираются, когда все захвачено непрерывнымъ движеніемъ, все стремится къ новшествамъ. Прежде измѣненія моды были привилегіей «избранниковъ». Теперь наши «дамы» съ глубокимъ нравственнымъ негодованіемъ замѣчаютъ, что среди прислуги и фабричныхъ работницъ все больше и больше распространяется стремленіе одѣваться по модѣ. Въ настоящее время перемѣна моды не происходитъ, какъ прежде, въ узкомъ кругу, а распространяется во всемъ обществѣ, оказываетъ замѣтное вліяніе на производство! Она сразу обезцѣниваетъ громадное количество почти или совершенно не бывшихъ въ употребленіи фабрикатовъ, которые гніютъ въ складахъ или просто выбрасываются вонъ, какъ негодное тряпье, — если матеріалъ, изъ котораго они сдѣланы,

не допускаетъ вторичной переработки. Такимъ образомъ, каждое измѣненіе моды означаетъ колоссальное расточеніе самыхъ разнообразныхъ продуктовъ. Но тѣмъ самымъ оно отчасти устраняетъ перепроизводство и порождаетъ спросъ на новые продукты. Поэтому сами торговцы соотвѣтствующихъ товаровъ и фабриканты не мало поощряютъ измѣненія моды и порой даже сами вызываютъ ихъ.

«Среди низшихъ классовъ населенія измѣненія моды ограничиваются одной одеждой, а у состоятельныхъ слоевъ отъ моды зависитъ и вся обстановка дома. Такъ какъ наша эпоха не обладаетъ своимъ особымъ стилемъ, своимъ опредѣленнымъ отпечаткомъ, у нихъ имѣется возможность мѣнять обстановку по желанію: сегодня въ модѣ ренессансъ, завтра рококо, послѣзавтра безвкусный стиль ампіге и т. д., пока, наконецъ, комнаты не превращаются въ настоящій восточный базаръ. Ясно, что эта постоянная перемѣна мебели, обоевъ, ковровъ и т. п. ведетъ къ значительному расточенію труда и матеріала.

«Упомянемъ еще объ одномъ видѣ расточенія, свойственномъ капиталистическому способу производства и вызванномъ ростомъ крупныхъ городовъ.

Скопленіе большихъ массъ людей на незначительномъ пространствѣ порождаетъ все большія неудобства и ставитъ передъ санитаріей все болѣе сложныя техническія задачи. Такія задачи какъ водоснабженіе, удаленіе и утилизація отбросовъ, подвозъ съѣстныхъ припасовъ, устройство мѣстъ для отдыха въ сельскихъ мѣстностяхъ не представляютъ почти никакихъ трудностей; между тѣмъ въ большихъ городахъ для разрѣшенія этихъ задачъ дѣлается необходимымъ устройство дорогихъ парковъ и скверовъ, возведеніе гигантскихъ сооруженій, боенъ, водопроводовъ, канализаціонной системы и т. п. Апологеты нашего современнаго общества отзываются объ этихъ чудесахъ современнаго міра, несомнѣнно стоящихъ выше античныхъ, не иначе, какъ съ восхищеніемъ и гордостью; и все-таки, всѣ эти свидѣтельства торжества человѣческаго разума являются только паллiативами, смягчающими невыносимо-тягостныя условія жизни, которыхъ сынъ природы совершенно еще не знаетъ. Достаточно немногихъ десятилѣтій, иногда даже нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы

дальнѣйшій ростъ городского населенія совершенно парализовалъ ихъ дѣйствіе, и чтобы дальнѣйшая жизнь въ городѣ стала удобной лишь при условіи возведенія новыхъ, еще болѣе грандіозныхъ и болѣе дорогихъ сооруженій. Въ Парижѣ уже проектируется проведеніе воды изъ Женевскаго озера и устройство морскаго канала для отвода нечистотъ въ Ламаншъ. Въ обществѣ, гдѣ не существовала бы противоположность между городомъ и деревней, всѣ эти сооруженія были бы совершенно излишни. Возведеніе ихъ является расточеніемъ, неизбѣжнымъ при современномъ способѣ производства. Извѣстно, какое громадное количество удобренія пропадаетъ безъ всякой пользы, благодаря этому.

«Разумѣется, эта все растущая потребность въ такихъ сооруженіяхъ весьма благопріятствуетъ развитію строительнаго дѣла. Но ростъ крупныхъ городовъ способствуетъ этому развитію еще инымъ образомъ. Деревня все болѣе и болѣе пустѣетъ, деревенское населеніе перебирается въ города. Крестьянскіе дома пустѣютъ, а прежніе ихъ обитатели нуждаются въ городѣ въ новыхъ жилищахъ. Необходимо усиленіе строительной дѣятельности, но не вслѣдствіе роста народонаселенія, а вслѣдствіе его перемѣщенія; и это перемѣщеніе опять-таки вызвано не привлекательностью болѣе здоровой или плодородной мѣстности, не желаніемъ усилить производительность своего труда, а исключительно потребностью быть ближе къ крупному рынку, на которомъ всякій товаръ, даже товаръ-рабочая сила, имѣетъ больше шансовъ найти покупателя, чѣмъ въ мѣстностяхъ уединенныхъ и далекихъ отъ мірового рынка.

Но ростъ большихъ городовъ заодно также обусловливаетъ особый родъ строительной дѣятельности въ сельскихъ мѣстностяхъ. Несмотря на всѣ гигіеническія предосторожности и учрежденія, большіе города становятся все болѣе опасными для здоровья, и для смягченія дѣйствія неблагопріятныхъ условій все настоятельнѣй становится для горожанъ необходимымъ проводить часть года внѣ города, на чистомъ деревенскомъ воздухѣ, въ горахъ, на берегу моря. Прежде считалось особой роскошью имѣть мѣстожительство и въ столицѣ, и въ деревнѣ: это могла позволять себѣ придворная знать. Теперь же это—необходимая потребность самой скромной буржуазной семьи. Рядомъ съ опустѣвшими кре-

стьянскими домами возникаютъ дачи и отели, которыя нѣсколько недѣль въ году переполнены, а остальное время пустуютъ.

«Такимъ образомъ, ростъ большихъ городовъ ведетъ къ постоянному увеличенію числа такихъ домовъ, которыми пользуются временно, и постройка которыхъ является поэтому расточеніемъ.

«По мѣрѣ того какъ растетъ большой городъ, внутри его также происходятъ постоянныя перемѣны. Вся дѣловая жизнь сосредоточивается въ одной какой-нибудь, сравнительно небольшой части города, расположенной въ центрѣ. Сюда приливаетъ ежедневно все то населеніе, которое вовлечено въ дѣловую жизнь; сюда направляется вся масса товаровъ, которые потребляетъ большой городъ, или складомъ которыхъ онъ служитъ; отсюда же люди и товары опять отливаютъ къ периферіи или въ каналы международной торговли. Этотъ постоянный правильный приливъ и отливъ людей и товаровъ изъ года въ годъ усиливается, требуетъ постояннаго расширенія сѣти сообщеній внутри города, прокладки новыхъ путей, постройки новыхъ вокзаловъ и т. д. И въ то время какъ пространство, предоставляемое для домовъ, все суживается, растетъ спросъ на конторы, склады и магазины во внутренней части города. Для удовлетворенія этого спроса приходится сносить старые, низкіе дома и строить вмѣсто нихъ новые, высокіе. Вслѣдствіе этого центральная часть города постоянно перестраивается; но потребность въ постоянномъ разрушеніи и постройкѣ домовъ вызвана не ростомъ населенія, не техническими соображеніями, напр. негодностью старыхъ построекъ, а только нѣкоторыми особенностями современнаго способа производства.

«Здѣсь также, какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ своего господства, капиталистическій способъ производства является революціонизирующимъ способомъ производства comme il faut, не признающимъ ничего постояннаго. Сегодня онъ обезцѣниваетъ то, что создано имъ вчера, отбрасываетъ, какъ ненужное, то, что еще могло бы быть использовано, и съ легкимъ сердцемъ объявляетъ, что вчерашній трудъ пропалъ даромъ, чтобы завтра снова потратить попусту трудъ».

Отъ дальнѣйшей иллюстраціи и обоснованія нашей мысли мы воздержимся, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко. Укажемъ только еще на одинъ видъ расточенія.

Какъ доказано Марксомъ, капиталистическое развитіе ведетъ къ увеличенію численности промышленной резервной арміи. Бернштейнъ не высказывалъ своего мнѣнія по этому вопросу; но, во во всякомъ случаѣ, онъ не станетъ отрицать вывода Маркса. Одна часть этой резервной арміи существуетъ въ видѣ безработныхъ, другая—въ видѣ лицъ, ведущихъ паразитическое существованіе, самый распространенный видъ котораго—мелочная торговля.

У насъ нѣтъ такихъ статистическихъ данныхъ о числѣ безработныхъ въ разное время, которыя можно было бы сопоставить одни съ другими. Число безработныхъ подвергается колебаніямъ, соотвѣтственно состоянію промышленности. Все указываетъ на то, что во время кризиса 80-ыхъ г.г.число безработныхъ возросло до угрожающихъ размѣровъ. То же было въ теченіе періода угнетеннаго состоянія хозяйственной жизни съ 1892 г. по 1894 г.; но даже и во времена подъема безработные продолжаютъ существовать. Въ 1895 г. въ Германіи была произведена перепись безработныхъ. Время переписи совпало съ началомъ хозяйственнаго подъема. И вотъ 14 іюня было насчитано 299.352 безработныхъ, а 2 декабря—771.005, что составляетъ 1,9% и 4,8% всего числа сосчитанныхъ наемныхъ рабочихъ.

Изъ зарегистрированныхъ не имѣли работы:

По болѣзни:		*По другимъ причинамъ:*	
14 іюня.	2 декабря.	14 іюня.	2 декабря.
120.348 чел.	217.365 чел.	179.004 чел.	553.640 чел.

По этимъ даннымъ, не имѣли работы *не по болѣзни* 1,11% всѣхъ наемныхъ рабочихъ лѣтомъ, и 3,43% зимой.

Въ нѣкоторыхъ профессіяхъ число безработныхъ было огромное.

Такъ, напримѣръ, было найдено:

	Безработныхъ (не больныхъ)		% безработныхъ ко всему числу наем. раб.		На 100 безработныхъ въ іюнѣ приходилось въ декабрѣ
	14 іюня	2 декабря	14 іюня	2 декабря	
Въ сельск. хоз. . . .	18.442	158.340	0,33	2,82	858,06
» горнодѣлін	3.058	20.615	0,65	4,40	674,01
» строит. дѣлѣ . . .	19.408	145.121	1,68	12,60	747,74

Особенно сильна была безработица въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ. Безработныхъ (не считая больныхъ) оказалось:

14 іюня 1895 г.	% рабоч.	2 декабря 1895 г.	% рабоч.
Въ Гамбургѣ	6,24	Въ Альтонѣ	9,51
» Альтонѣ	5,79	» Данцигѣ	9,09
» Берлинѣ	4,70	» Кенигсбергѣ	7,57
» Лейпцигѣ	4,05	» Штеттинѣ	7,19
		» Гамбургѣ	6,94
		» Берлинѣ	6,36
		» Магдебургѣ	6,11

Эти цыфры достаточно краснорѣчивы. Но, понятно, онѣ были бы еще выше, если бы, вмѣсто двухъ «минутныхъ снимковъ», была произведена перепись всѣхъ рабочихъ, которые хоть разъ въ году были безъ работы, и если бы безработнымъ считали всякаго, кто не имѣлъ работы въ своей *главной профессіи*.

Въ Англіи среди организованныхъ рабочихъ, которые имѣютъ болѣе постоянную работу, чѣмъ неорганизованная масса, число безработныхъ составляло въ 1893 г. 7,5%, въ 1894 г.—6,9%, а въ 1895 г.—5,8% всего числа членовъ профессіональныхъ союзовъ.

Лучшей регистраціей числа безработныхъ можно считать ту, которая была произведена въ Соединенныхъ Штатахъ при послѣдней всеобщей переписи. Она не основана на «минутномъ снимкѣ», а обнимаетъ всѣхъ тѣхъ, кто въ теченіе года (съ 1 іюня 1889 г. по 31 мая 1890 г.) хоть разъ не имѣлъ работы въ своей профессіи. Было зарегистрировано 3.013.117 безработныхъ мужчинъ и 510.613 женщинъ, т. е. мужчинъ 16% и женщинъ 13% всего числа *занятыхъ промысловой дѣятельностью* (а не только наемныхъ рабочихъ). И это происходило въ періодъ экономическаго подъема!

По отраслямъ производства эти безработные распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

ЗАНЯТІЕ	Мужчинъ занят. старше 10 лѣтъ			Женщинъ занят. старше 10 лѣтъ		
	ВСЕГО	Изъ нихъ безраб.		ВСЕГО	Изъ нихъ безраб.	
		Число	%		Число	%
Въ сельскомъ хозяйствѣ, рыболовствѣ, горномъ дѣлѣ.	8.333.813	1120.827	13,45	679.523	108.973	16,04
» свободныхъ профессіяхъ.	632.646	54.654	8,64	311.657	87.920	28,21
» личномъ услуженіи .	2.692 879	689.307	25,60	1.667.698	130.774	7,84
» торговлѣ и транспортѣ.	3.097.701	247.757	8,00	228.421	15.114	6,62
» промышленности . .	4.064.051	900.572	22,16	1.027.242	167.832	16,34
Итого . .	18.821.090	3013.117	16,01	3 914.541	510.613	13,00

Итакъ, больше всего безработныхъ оказалось въ промышленности и личномъ услуженіи — почти *четверть* всего числа занятыхъ въ этихъ профессіяхъ лицъ. По продолжительности безработицы это число распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

БЕЗРАБОТНЫЕ	1—3 мѣс.		4—6 мѣс.		7—12 мѣс.	
	Число	%	Число	%	Число	%
Мужчины	1553.750	51,57	1179.426	39,14	279.932	9,29
Женщины	265.106	51,92	188.992	37,01	56.515	11,07

Слѣдовательно, почти половина была безъ работы болѣе 4-хъ мѣсяцевъ въ году! Судя по сводньмъ таблицамъ переписи, въ каждомъ мѣсяцѣ года имѣется въ странѣ среднимъ числомъ *свыше милліона* безработныхъ, т. е. круглымъ счетомъ 5% всего занятаго населенія.

Каковы были бы цыфры во время кризиса? Нигдѣ не произведено переписи, которая давала бы отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Но безработные составляютъ только часть того относительно избыточнаго населенія, которое создается развитіемъ капитализма. Тотъ, кто остается безъ работы по своей спеціальности, не состоитъ членомъ какой-нибудь организаціи, которая бы его поддерживала, и не можетъ надѣяться на скорое полученіе занятія въ своей же профессіи, старается, хотя бы временно, примоститься къ какой нибудь другой промысловой отрасли. Удобнѣй всего въ этомъ отношеніи паразитная мелочная торговля; существующіе въ ней виды самостоятельныхъ «предпріятій»,—разносчики, офени, лавочники,—по большей части, не что иное, какъ способъ существованія безработныхъ, лишь немного поднимающій ихъ выше нищей сумы.

Въ Германіи за періодъ 1882—1895 г. число занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ почти совершенно не измѣнилось, въ промышленности оно возросло на 29,5%, а въ торговлѣ и транспортѣ — на 49%.

Кстати, замѣтимъ для иллюстраціи къ тому, что было приведено нами выше о строительномъ дѣлѣ, что въ то время какъ число занятыхъ во всей промышленности увеличилось на 29,5%, въ строительномъ промыслѣ, носящемъ чисто мѣстный характеръ, не принадлежащемъ къ экспортной промышленности, увеличеніе составляло 42,9%; все же населеніе увеличилось только на 14,5%.

Эти примѣры указываютъ намъ на рядъ явленій, которыя одни, помимо увеличенія числа собственниковъ могутъ, поглотить продукты усиленной производительности труда. Съ одной стороны, мы имѣемъ все усиливающееся расточеніе рабочихъ силъ, ростъ непроизводительныхъ элементовъ общества, съ другой—все усиливающееся расточеніе продуктовъ труда.

Но вѣдь мы еще и не упоминали о процессѣ, который служитъ непрерывно возрастающему избытку продуктовъ главнѣйшимъ отводнымъ каналомъ,—о *накопленіи капитала*.

Бернштейнъ разсуждаетъ такъ, какъ будто мы живемъ еще въ эпоху натуральнаго хозяйства, когда эксплуататоры не нахо-

дили иного употребленія выжатому изъ своихъ подданныхъ въ натуральномъ видѣ прибавочному продукту, кромѣ ихъ личнаго потребленія (считая также приживальщиковъ и слугъ). „«Магнаты капитала»,—говоритъ онъ,—могли бы обладать въ десять разъ большими желудками, чѣмъ имъ приписываетъ народное остроуміе; у нихъ могло бы быть въ десять разъ больше прислуги, чѣмъ есть въ дѣйствительности, и все-таки, сравнительно съ массой производимаго ежегодно національнаго продукта, ихъ потребленіе есть капля въ морѣ".

Такимъ образомъ, по Бернштейну, магнаты капитала не могутъ найти другого употребленія своего годового дохода, какъ откармливаніе своей собственной особы и своей прислуги. Не удивительно, что онъ спрашиваетъ, куда дѣвается прибавочный продуктъ!

Если бы онъ пользовался теперь «Капиталомъ» Маркса не только для разыскиванія противорѣчій и для тенденціозныхъ искаженій, то онъ вспомнилъ бы, что 22-я глава, трактующая о превращеніи прибавочной стоимости въ капиталъ, является одной изъ важнѣйшихъ и лучшихъ главъ книги. Годовой доходъ капиталистовъ распадается на двѣ части: фондъ личнаго потребленія и фондъ накопленія. Чѣмъ больше одна изъ нихъ, тѣмъ меньше другая. Между тѣмъ общественная задача капиталиста состоитъ преимущественно въ накопленіи капитала. Во зачаточномъ періодѣ капиталистическаго способа производства, когда производительность труда и норма прибавочной стоимости, а слѣдовательно и доходъ средняго капиталиста, были еще незначительны, расточительный образъ жизни капиталиста препятствовалъ накопленію капитала. Расточительность считалась тогда порокомъ знати, которому противопоставлялась, какъ мѣщанская добродѣтель, бережливость и даже скупость. Но чѣмъ больше повышается производительность труда, тѣмъ больше ускоряется накопленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и роскошь капиталистовъ. «Магнатъ» можетъ дать волю всѣмъ своимъ низменнымъ и утонченнымъ наклонностямъ, и все же превращать каждый годъ все большую часть присваиваемой имъ прибавочной стоимости въ средства производства.

Бернштейнъ спрашиваетъ, куда дѣвается прибавочный продуктъ. Пусть же онъ посмотритъ на новыя машины, устанавливаемыя рядомъ со старыми, на новыя фабрики, заводы, рудники, желѣзныя дороги, возникающія наряду съ уже существующими; пусть посмотритъ, какъ въ странахъ, которыя нѣсколько десятилѣтій, часто даже нѣсколько лѣтъ тому назадъ представляли изъ себя пустыню или были населены первобытными племенами,— какъ въ этихъ странахъ привилось вполнѣ развитое капиталистическое сельское хозяйство, капиталистическая система путей сообщенія и транспорта, капиталистическая промышленность: вся эта безконечная масса новыхъ средствъ производства—продуктъ прибавочнаго труда, доставляемаго капиталу пролетаріями. Они точно такой же присваиваемый капиталистомъ «прибавочный продуктъ», какъ его трюфели и устрицы, его скаковыя лошади и замки, брилліанты его жены и его любовницъ.

Классъ капиталистовъ предается такой роскоши, какая не наблюдалась еще со временъ римской имперіи; но въ то же время въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ производительность труда повысилась и область господства капиталистическаго производства расширилась съ такой быстротой, подобной которой не сыщешь въ исторіи. И вотъ, имѣя на-лицо такое поразительное, прямо сказочное развитіе, Бернштейнъ спрашиваетъ: что дѣлается съ прибавочнымъ продуктомъ? Онъ полагаетъ, что весь прибавочный продуктъ, не находящій себѣ мѣста въ объемистыхъ желудкахъ магнатовъ, долженъ попасть въ желудки другихъ собственниковъ, и такъ какъ вмѣстимость каждаго желудка, даже желудка милліонера, имѣетъ свои предѣлы, то увеличеніе количества прибавочной стоимости неизбѣжно связано въ его представленіи съ увеличеніемъ числа желудковъ, поглощающихъ ее, и превращеніемъ владѣльцевъ этихъ желудковъ въ собственниковъ.

Вотъ какимъ путемъ Бернштейнъ придаетъ «Капиталу» Маркса болѣе научный характеръ: онъ растворяетъ его противорѣчія и софизмы въ желудочномъ соку собственниковъ.

Вотъ все, что можно сказать объ увеличеніи массы прибавочной стоимости и числа собственниковъ. Мы видимъ, что первое явленіе совершенно не находится въ причинной связи со

вторымъ. Какъ данныя статистики подоходнаго налога или успѣхи акціонерной формы предпріятій, такъ и ростъ числа наемныхъ рабочихъ, усиленіе производительности ихъ труда и эксплуатаціи, (а вѣдь слѣдствіемъ этого и является увеличеніе массы прибавочной стоимости) ни въ малѣйшей степени не доказываютъ, что распредѣленіе имуществъ происходитъ въ направленіи, противоположномъ концентраціи капиталовъ.

Итакъ, вопросъ этотъ исчерпанъ. Но, во избѣжаніе недоразумѣній, мы прибавимъ еще кой-какія соображенія.

Мы видѣли, что Бернштейнъ не даетъ намъ яснаго понятія о томъ, что собственно онъ подразумѣваетъ подъ увеличеніемъ числа «собственниковъ»: увеличеніе числа капиталистовъ, или общее повышеніе минимальнаго уровня жизни населенія или же возникновеніе новаго средняго класса на смѣну исчезающему старому. Это три совершенно различныхъ явленія, которыя надо строго отличать другъ отъ друга.

Мы уже видѣли, какъ обстоитъ дѣло съ увеличеніемъ числа капиталистовъ. Мы констатировали до сихъ поръ быстрое увеличеніе числа крупныхъ капиталистовъ и, наоборотъ, относительное уменьшеніе числа мелкихъ предпринимателей; и ничто не говоритъ намъ о томъ, чтобы, благодаря акціонернымъ обществамъ, это уменьшеніе превратилось въ увеличеніе числа небольшихъ капиталистическихъ состояній.

Совершенно другой вопросъ — «обнищаніе» народныхъ массъ. Ясно, что повышеніе благосостоянія наемныхъ рабочихъ можетъ идти рука объ руку съ уменьшеніемъ числа мелкихъ капиталистовъ.

Бернштейнъ считаетъ этотъ вопросъ исчерпаннымъ и не находитъ нужнымъ остановиться на немъ. «Теорія обнищанія почти всѣми оставлена; если не всѣ ея выводы отвергнуты, то, по крайней мѣрѣ, ее пытаются, по возможности, перетолковать на другой ладъ» (русск. пер., стр. 248).

Нѣтъ, дѣло это не такое ужъ простое и удобное, и такъ какъ эта «теорія» въ послѣднее время оспаривалась въ партіи и помимо Бернштейна, то мы считаемъ нужнымъ посвятить ей нѣсколько страницъ.

f) Теорія обнищанія (Verelendungstheorie).

Точно такъ же, какъ и термины „теорія крушенія“ или „теорія катастрофы“ (Zusammenbruchstheorie), терминъ „теорія обнищанія“ придуманъ и пущенъ въ ходъ не Марксомъ или Энгельсомъ, а ихъ критиками.

Правда, въ главѣ объ исторической тенденціи капиталистическаго накопленія Марксъ утверждаетъ, что происходитъ возрастаніе „нищеты, гнета, порабощенія, деградаціи и эксплуатаціи“; но онъ говоритъ также объ увеличеніи „возмущенія рабочаго класса, который постоянно возрастаетъ и постоянно обучается, объединяется и организуется самимъ механизмомъ капиталистическаго процесса производства“.

Бернштейнъ не согласенъ съ нашимъ выводомъ, что Марксъ говоритъ здѣсь о возрастаніи зрѣлости и силы пролетаріата:

„Возможность понять то мѣсто въ марксовомъ изложеніи теоріи крушенія, гдѣ онъ говоритъ о возрастаніи вышколенности, единенія и организаціи пролетаріата, въ смыслѣ роста его зрѣлости и силы, зависитъ отъ того, насколько эти послѣднія совмѣстимы съ усиленіемъ вырожденія и порабощенія того же пролетаріата. Я совсѣмъ не намѣренъ заниматься буквоѣдствомъ, но долженъ сказать, что при такомъ условіи я нахожу крупное различіе между возрастаніемъ числа, единенія и вышколенности (подъ которой, вѣдь, слѣдуетъ подразумѣвать преимущественно политическую вышколенность) пролетаріата и ростомъ его зрѣлости и силы—такое же различіе, какъ между временными побѣдами и упроченнымъ на долго господствомъ“. (Vorwärts, 21 апр.)

Было бы, понятно, очень скверно, если бы намъ нужно было прибѣгать къ „буквоѣдству“, чтобы уяснить себѣ смыслъ цитированнаго мѣста. Но если бы даже оно само по себѣ могло быть истолковано самымъ различнымъ образомъ, оно находится въ концѣ объемистаго труда въ 800 страницъ,—труда, составляющаго заключеніе къ болѣе чѣмъ 20-лѣтней научной и политической дѣятельности. Для пониманія сжато-изложеннаго вывода необходимо не буквоѣдство, а вдумчивое отношеніе къ смыслу всей дѣятельности Маркса и всѣхъ его сочиненій. Но прежде всего необходимо изучить факты.

Если мы такъ поступимъ, то будемъ имѣть три возможныхъ толкованія „теорія обнищанія“, не исключающія, а дополняющія другъ друга и находящіяся въ тѣсной связи.

Прежде всего, это положеніе можно понять въ томъ смыслѣ, что оно отмѣчаетъ существованіе двухъ противоположныхъ *тенденцій*: съ одной стороны, тенденціи къ возвышенію пролетаріата, а съ другой—къ пониженію его. Антагонизмъ же между этими двумя тенденціями есть не что иное, какъ антагонизмъ между капиталистами и наемными рабочими. Капиталисты, понуждаемые къ тому конкурренціей, постоянно стремятся все сильнѣй угнетать своихъ рабочихъ, усиливать ихъ зависимость, удлинять рабочее время, уменьшить заработную плату и т. п. Но въ силу такой же необходимости рабочій классъ, порабощенный и угнетенный, но объединенный и организованный самимъ процессомъ производства, рано или поздно возстаетъ противъ угнетенія и порабощенія.

Это—общеизвѣстное явленіе. Но вотъ выступаютъ на сцену либеральные экономисты и заявляютъ: «Да, все это вѣрно, но тенденція къ обнищанію пролетаріата—только преходящее явленіе, присущее зачаточному состоянію капиталистическаго способа производства, но преодолѣваемое съ теченіемъ времени.

Но это невѣрно. Преодолѣваются только нѣкоторыя *послѣдствія* тенденціи къ обнищанію, но не она сама. Она неразрывно связана съ капиталистической системой эксплуатаціи и исчезнетъ лишь съ устраненіемъ этой послѣдней.

Стремленіе предпринимателей ухудшить положеніе рабочихъ или, по крайней мѣрѣ, противодѣйствовать ихъ попыткамъ улучшить его—является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ капиталистическаго способа производства, конкурренціи и погони за прибылью, понуждающихъ къ сбереженію издержекъ производства, стало быть, въ томъ числѣ и издержекъ труда. Иногда нѣкоторые фабриканты — разумѣется, бѣлыя вороныя среди фабрикантовъ — доходятъ даже до того, что признаютъ, что хорошая заработная плата и сокращенный рабочій день повышаютъ производительность труда; но этимъ не уничтожается ихъ стремленіе къ «обнищанію». Какъ разъ эти интеллигентные фабриканты обыкновенно и стремятся къ замѣнѣ рабочихъ сберегающими трудъ ма-

шинами и методами производства, и квалифицированнаго труда простымъ. И на нашихъ глазахъ повсюду образуются союзы предпринимателей, цѣль которыхъ—окончательно превратить порабощенныхъ и деградированныхъ рабочихъ въ безвольныхъ рабовъ.

Тамъ, гдѣ рабочимъ удается, какъ напримѣръ въ Англіи, хоть немного воспитать предпринимателей, формы борьбы между капиталистической тенденціей къ обнищанію и пролетарской къ подъему смягчаются, сама же борьба продолжаетъ существовать и принимаетъ все болѣе колоссальные размѣры, такъ какъ непрерывно возрастаетъ масса, сплоченность и боевая готовность обѣихъ сторонъ.

Итакъ, въ смыслѣ *тенденціи, неискоренимой* на почвѣ существующаго капиталистическаго строя и постоянно распространяющейся на все болѣе широкія массы, слова объ увеличеніи нищеты и порабощенія, равно какъ и возмущенія, — совершенно правильны.

Но допустимо и другое истолкованіе фактовъ. Слово „*нищета*“ можетъ означать либо *нищету въ физическомъ смыслѣ*, либо *нищету въ соціальномъ смыслѣ*. Въ первомъ случаѣ она измѣряется *физіологическими потребностями* человѣка, которыя, конечно, не всюду и не всегда одинаковы, но все-таки совсѣмъ не обнаруживаютъ такихъ огромныхъ различій, какъ *соціальныя потребности*, неудовлетвореніе которыхъ влечетъ за собой соціальную нищету.

Если мы будемъ понимать это слова въ физіологическомъ смыслѣ, то утвержденіе Маркса, дѣйствительно, окажется несостоятельнымъ. Какъ разъ въ самыхъ передовыхъ капиталистическихъ странахъ нельзя констатировать всеобщаго увеличенія физической нищеты; всѣ факты указываютъ скорѣй на регрессъ ея, хотя и крайне медленный и не повсемѣстный. Въ настоящее время жизненный уровень рабочихъ классовъ гораздо выше, чѣмъ 50 лѣтъ тому назадъ. Разумѣется, было бы ошибкой измѣрять повышеніе жизненнаго уровня ростомъ денежной заработной платы; не надо забывать, что съ того времени и средства существованія сильно вздорожали. Цѣна хлѣба, а иногда и мяса, падала за послѣдніе нѣсколько лѣтъ, но зато поднялись квартирныя цѣны и налоги, да и вообще къ рабочимъ предъ-

являются теперь повышенныя требованія. Указываютъ на уменьшеніе числа бѣдныхъ, наблюдающееся, напр., въ Англіи и забываютъ, что теперь рабочіе союзы и другія общества взаимопомощи поддерживаютъ на взносы рабочихъ большое число безработныхъ, больныхъ и увѣчныхъ, которые иначе попали бы въ пріюты и рабочіе дома. Эти расходы, которые раньше покрывались общественной благотворительностью и поэтому падали бы всей своей тяжестью въ видѣ налоговъ на состоятельные классы, должны быть вычтены изъ повысившейся заработной платы, когда мы сравниваемъ ее съ прежней.

Прогрессъ вовсе не такъ ужъ великъ, какъ кажется при сравненіи денежныхъ заработныхъ платъ, и даже переводъ ихъ на хлѣбъ даетъ черезчуръ благопріятные результаты, такъ какъ при этомъ упускаются изъ виду какъ разъ тѣ потребности, удовлетвореніе которыхъ вздорожало.

Нигдѣ рабочій классъ не развивался въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ, какъ въ Англіи. Сидней Веббъ, весьма трезвый и не склонный къ увлеченіямъ изслѣдователь, прослѣдилъ измѣненія въ положеніи рабочаго класса съ 1837 г. и пришелъ къ слѣдующему заключенію:

«Можно показать во всѣхъ отношеніяхъ, что съ 1837 г. значительная группа наемныхъ рабочихъ сдѣлала большіе успѣхи, но зато другихъ слоевъ всеобщій ростъ богатства и прогрессъ цивилизаціи почти или даже совсѣмъ не коснулись. Если мы примемъ въ расчетъ различныя условія жизни и труда и установимъ уровень, ниже котораго рабочій не можетъ жить прилично, то найдемъ, что *процентъ* тѣхъ, кто въ отношеніи платы, рабочаго времени, жилищныхъ условій и общаго культурнаго развитія стоитъ ниже этого уровня, въ настоящее время меньше, чѣмъ 1837 г. Но мы найдемъ также, что *наиболѣе низкій изъ существующихъ нынѣ уровней такъ же низокъ, какъ и тогда*, и что общее число лицъ, стоящихъ ниже принятаго нами уровня существованія, *абсолютно больше*, чѣмъ въ 1837 г. *Въ настоящее время царитъ такая же глубокая нищета, какъ и въ прежнія времена, и распространена она такъ же широко или еще шире;*

положеніе дѣлъ теперь такое же грустное, какъ и въ 1837 г.» (Labour in the longest reign стр. 18).

Еще лѣтъ 10 тому назадъ Энгельсъ пришелъ къ тому же заключенію. Въ 1885 г. онъ писалъ въ «Neue Zeit» относительно рабочаго класса:

«Прочное улучшеніе (считая съ 1848 г.) замѣчается только среди двухъ привилегированныхъ группъ рабочихъ. Первую составляетъ фабричные рабочіе. Установленіе законодательнымъ порядкомъ раціональнаго (по крайней мѣрѣ, сравнительно) рабочаго дня относительно улучшило ихъ физическое состояніе и дало имъ моральное превосходство, еще усиленное ихъ концентраціей на небольшомъ пространствѣ. Ихъ положеніе несомнѣнно улучшилось съ 1848 г. Вторую группу составляютъ трэдъ-юніоны. Это организаціи такихъ отраслей труда, въ которыхъ исключительно примѣняется или господствуетъ трудъ взрослыхъ мужчинъ. Здѣсь ни конкурренція женскаго и дѣтскаго труда, ни машины не въ состояніи сломить силу ихъ организованности. Машиностроительные рабочіе, плотники и столяра, строительные рабочіе являются сами по себѣ силой, такъ что могутъ даже, какъ это сдѣлали строительные рабочіе, успѣшно противодѣйствовать введенію машинъ. Ихъ положеніе безспорно улучшилось съ 1848 г.; доказательствомъ тому служитъ то, что вотъ уже 15 лѣтъ, какъ между ними и хозяевами царитъ обоюдное удовольствіе. Они образуютъ аристократію рабочаго класса; они добились довольно комфортабельняго положенія и считаютъ его окончательнымъ. Это—образцовые рабочіе г.г. Леона Леви, Джифена и правдолюбца Луйо Брентано. И дѣйствительно, это—славные, легко доступные люди, для разумнаго капиталиста въ особенности и всего класса капиталистовъ вообще.

«Что же касается всей массы рабочихъ, то среди нихъ уровень нищеты и необезпеченности существованія все тотъ же и, быть можетъ, даже болѣе высокій, чѣмъ когда либо. Лондонскій Истъ-Эндъ представляетъ изъ себя все расширяющееся болото нищеты, отчаянія, голода во время безработицы, физическаго и нравственнаго униженія, когда есть работа».

Все это вполнѣ совпадаетъ съ картиной, нарисованной Веббомъ.

Но если оба эти описанія вѣрны, если въ Эльдорадо трэдъ-юніонизма, кооперації, муниципальнаго соціализма рабочіе не достигли большаго, то нечего придавать особенное значеніе ихъ успѣхамъ въ другихъ странахъ.

Если же процессъ освобожденія рабочаго класса отъ физической нищеты подвигается такъ медленно, то ужъ одно это обусловливаетъ непрерывный ростъ *соціальной нищеты*, потому что производительность труда повышается чрезвычайно быстро. Это надо понимать въ томъ смыслѣ, что рабочій классъ все больше и больше лишается возможности пользоваться успѣхами культуры, созданной имъ самимъ, что жизненный уровень буржуазіи повышается быстрѣй, чѣмъ жизненный уровень пролетаріата, что возрастаетъ соціальный контрастъ между ними.

Кажется, ясно, что въ *общественной* теоріи понятіе нищеты прежде всего должно браться въ смыслѣ *соціальномъ*. Бернштейнъ думаетъ иначе. Пониманіе нищеты, какъ соціальнаго явленія, онъ считаетъ отказомъ отъ «теоріи нищеты»,—разумѣется, не «открытымъ» (на то мы, «апологеты и литературные зоилы», неспособны), а замаскированнымъ: ее, «по возможности, перетолковываютъ на другой ладъ». Бернштейнъ продолжаетъ:

«Попытку такого перетолкованія сдѣлалъ Куновъ въ своей статьѣ о «крушеніи». У Маркса въ концѣ перваго тома «Капитала» говорится о «возрастающей массѣ нищеты», идущей рука объ руку съ развитіемъ капиталистическаго производства; подъ этимъ, говоритъ Куновъ, слѣдуетъ понимать не попросту «абсолютный регрессъ экономическаго положенія рабочаго», въ смыслѣ уровня его существованія, а «только регрессъ его общественнаго положенія въ цѣломъ, сравнительно съ прогрессирующимъ культурнымъ развитіемъ, т. е. сравнительно съ ростомъ продуктивности и съ повышеніемъ общихъ культурныхъ потребностей». Нищета не есть, по мнѣнію Кунова, незыблемое понятіе. „То, что можетъ показаться соблазнительнымъ положеніемъ рабочему извѣстной категоріи, отдѣленному отъ своего работодателя огромной разницей въ образованіи, то въ глазахъ квалифицированнаго рабочаго другой категоріи, который, быть можетъ, по своему умственному развитію стоитъ выше своего хозяина, покажется такой

«нищетой и гнетомъ», что онъ возмутится противъ этого". (Neue Zeit, XVII, I, стр. 402—403).

«Къ сожалѣнію, Марксъ говоритъ въ относящейся сюда фразѣ не только о ростѣ нищеты и гнета, но также о «рабствѣ, вырожденіи и эксплуатаціи». Слѣдуетъ ли понимать всѣ эти выраженія также въ указанномъ смыслѣ, въ духѣ пиквикскаго клуба? Слѣдуетъ ли понимать вырожденіе рабочаго только, какъ относительное вырожденіе, сравнительно съ общимъ ростомъ цивилизаціи? Я этого не думаю; вѣроятно, и Куновъ также. Нѣтъ, Марксъ очень опредѣленно говоритъ въ этомъ мѣстѣ: *«постоянно убывающее число* магнатовъ капитала, узурпирующихъ *всѣ выгоды»* капиталистическаго процесса превращенія, ростъ «массы нищеты и гнета» и т. д. и т. д. (Капиталъ т. I, гл. 24, 7). На этомъ противопоставленіи можно обосновать теорію крушенія, но нельзя — на нравственномъ униженіи (Elend), обусловленномъ тѣмъ, что начальники по своему умственному уровню ниже своихъ подчиненныхъ, что случается въ всякой канцеляріи, во всякой іерархической организаціи». (Русск. пер. стр. 248, примѣчаніе).

Вотъ это значитъ попасть пальцемъ въ небо! Соціальная нищета, все усиливающаяся противоположность между жизненнымъ уровнемъ буржуа и пролетарія превращается вдругъ у Бернштейна въ нравственное униженіе, вызванное умственнымъ ничтожествомъ начальника, въ нравственное униженіе непризнаннаго генія. Разсматривать нищету, какъ явленіе соціальное, а не физическое, значитъ, по Бернштейну, поступать въ духѣ пиквикскаго клуба. Если это такъ, то къ этому клубу надо относиться съ полнымъ уваженіемъ.

Напомню извѣстное мѣсто изъ «Гласнаго отвѣта» Лассаля:

«Всѣ страданія и лишенія человѣчества зависятъ отъ соотношенія между *привычнымъ образомъ жизни*, существующими *въ настоящій моментъ потребностями*, и имѣющимися на лицо средствами къ удовлетворенію ихъ. Всякія *страданія и лишенія* человѣчества и всякое *удовлетвореніе*, стало быть *всякое положеніе*, въ которомъ можетъ очутиться *человѣкъ*, *измѣряется только путемъ сравненія* съ положеніемъ, въ которомъ находятся *въ то же время другіе люди*, опять таки имѣя въ виду привычный для

нихъ образъ жизни. Поэтому положеніе каждаго класса опредѣляется всегда только *соотношеніемъ между его положеніемъ и положеніемъ другихъ классовъ въ ту же эпоху*». (Изд. Бернштейна, II, стр. 426).

Въ такомъ же духѣ высказывался еще въ 1850 г. *Родбертусъ* въ своемъ первомъ «соціальномъ письмѣ» къ Кирхману:

«Бѣдность—понятіе общественное, т. е. относительное. Я утверждаю, что съ тѣхъ поръ, какъ трудящіеся классы добились болѣе высокаго соціальнаго положенія, число вполнѣ законныхъ потребностей значительно увеличилось, и что, принимая это во вниманіе, нельзя, не погрѣшая противъ истины, *не* говорить объ ухудшеніи ихъ матеріальнаго положенія, если даже заработная плата не измѣнилась... Если прибавить, что возрастаніе національнаго богатства даетъ возможность увеличить ихъ доходъ, а между тѣмъ фактически выгоды этого роста достаются другимъ классамъ, то дѣлается яснымъ, что этотъ антагонизмъ между претензіей и удовлетвореніемъ, желаніемъ и вынужденнымъ отказомъ не можетъ не расшатать экономическаго положенія рабочихъ классовъ.»

Что то же думалъ и Марксъ, видно изъ того, что онъ говоритъ о возрастающей нищетѣ въ «Капиталѣ»,—томъ самомъ «Капиталѣ», гдѣ такъ подчеркивается физическое возрожденіе рабочаго класса въ Англіи, какъ слѣдствіе фабричнаго законотельства. А Энгельсъ замѣтилъ въ 1891 г. (когда была выработана «Эрфуртская программа») что все возрастающій антагонизмъ между капиталомъ и трудомъ зависитъ отъ того, что классъ капиталистовъ оставляетъ себѣ самую большую часть все увеличивающейся массы продуктовъ, «въ то время какъ доля рабочаго класса (считаясь съ числомъ душъ) увеличивается крайне медленно и незначительно или даже совсѣмъ не увеличивается, а при извѣстныхъ обстоятельствахъ *можетъ* даже — не *должна*, а *можетъ*—упасть». («Наемный трудъ и капиталъ», предисловіе стр. 9. Ср. также предисловіе ко 2-ому изданію «Положенія рабочаго класса въ Англіи, стр. 10).

Значитъ, нашъ пикквикскій клубъ — не такая уже плохая компанія. И эти пикквикки начали «перетолковывать свою теорію на другой ладъ» еще тогда, когда формулировали ее.

Но какъ же насчетъ «вырожденія»? Ну, если ужъ заниматься буквоѣдствомъ, то надо замѣтить, что Марксъ говорилъ не о «вырожденіи» (Entartung), а о «деградаціи» (Degradation). Редактируя впослѣдствіи позднѣйшія изданія «Капитала», Энгельсъ во многихъ мѣстахъ замѣнилъ иностранныя слова нѣмецкими, и такъ вмѣсто «деградаціи» получилось «вырожденіе». Я бы предпочелъ слово «униженіе» (Erniedrigung), которое возбуждаетъ представленіе о соціальномъ регрессѣ, а не о физіологическомъ. Въ 1891 г. въ моемъ проэктѣ программы я и говорилъ о возрастающемъ «униженіи», но не «вырожденіи».

Однако, можно было бы настаивать и на «вырожденіи». Мы видимъ, что случаи самоубійствъ и психическихъ заболѣваній учащаются; данныя объ освобожденіи, за негодностью, отъ военной службы показываютъ, что вырожденіе изъ городовъ уже переходитъ въ села, откуда получался притокъ свѣжей крови; слѣдовательно, можно смѣло говорить о вырожденіи,—правда, не только рабочаго класса, но и всего населенія капиталистическихъ странъ. Но я полагаю, что въ разбираемомъ положеніи Марксъ хотѣлъ отмѣтить именно усиленіе соціальной противоположности между буржуазіей и пролетаріатомъ, на которую ростъ физическаго вырожденія всѣхъ классовъ не оказываетъ обостряющаго вліянія, развѣ въ формѣ усиленія нервности обѣихъ сторонъ.

Какъ бы то ни было, остроты Бернштейна насчетъ «относительнаго вырожденія» не должны возбуждать въ насъ сомнѣній относительно соціальнаго толкованія понятія нищеты.

А между тѣмъ, даже сами буржуа констатируютъ фактъ возрастанія соціальной нищеты, но называютъ ее другимъ именемъ—*требовательностью*. Объ имени мы спорить не станемъ. Важенъ тотъ фактъ, что противорѣчіе между потребностями наемныхъ рабочихъ и возможностью удовлетворенія ихъ заработкомъ, а слѣдовательно и противоположность между наемнымъ трудомъ и капиталомъ все болѣе возрастаетъ. Въ усиленіи этой нищеты сильныхъ тѣломъ и духомъ пролетаріевъ, а не въ растущемъ отчаяніи потерявшей въ значительной степени образъ человѣческій, золотушной орды усматривалъ авторъ «Капитала» самый могучій рычагъ соціализма. Повышеніе жизненнаго уровня рабочихъ не ослабитъ его дѣйствія.

Увеличеніе соціальной нищеты трудно доказать цыфрами. До того чтобы точно опредѣлить степень усиленія эксплуатаціи и ухудшенія соціальнаго положенія наемныхъ рабочихъ, мы должны были бы имѣть точныя данныя относительно количества произведенныхъ въ разныя десятилѣтія стоимостей и ихъ распредѣленія между пролетаріями и капиталистами.

Но существуютъ симптомы, по которымъ мы можемъ установить направленіе развитія.

Марксъ указалъ намъ въ «Капиталѣ» на то могучее средство, съ помощью котораго предприниматели увеличиваютъ нищету рабочаго класса тамъ, гдѣ рабочая сила покупается по своей полной стоимости, гдѣ заработная плата не ниже издержекъ воспроизведенія рабочей силы. Это средство—стремленіе къ увеличенію количества *абсолютной* и *относительной* прибавочной стоимости.

Простѣйшей формой увеличенія первой является *удлиненіе рабочаго дня*. Истощеніе рабочаго служитъ ему предѣломъ. Удлиненіе не можетъ превышать извѣстныхъ размѣровъ; достигнувъ опредѣленной точки, рабочій день можетъ измѣняться только въ сторону сокращенія. При развитомъ капиталистическомъ производствѣ въ пользу сокращенія дѣйствуетъ рядъ факторовъ, которые здѣсь невозможно перечислить; и въ результатѣ во всѣхъ капиталистическихъ странахъ борьба за рабочій день приводитъ въ послѣднее время къ побѣдѣ тенденціи сокращенія рабочаго времени. Въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, нельзя говорить объ усиленіи нищеты. Но обыкновенно сокращеніе рабочаго времени сводится на нѣтъ выжиманіемъ бо́льшаго количества труда въ болѣе короткій промежутокъ, интенсификаціей труда, причемъ пускаются въ ходъ самыя хитроумныя системы поштучной работы, премій, участія въ прибыляхъ и т. п. Все же можно сказать, что въ странахъ съ развитымъ капиталистическимъ производствомъ положенъ предѣлъ эксплуатаціи рабочихъ посредствомъ увеличенія абсолютной прибавочной стоимости.

Но разъ капиталу закрыта эта дорога къ увеличенію прибавочной стоимости, онъ съ тѣмъ большимъ усердіемъ принимается за увеличеніе относительной прибавочной стоимости: вводя

усиленное раздѣленіе труда и усовершенствованныя машины, онъ замѣняетъ обученныхъ рабочихъ необученными, мужчинъ женщинами, взрослыхъ дѣтьми. И это стремленіе умѣряется законами, направленными къ охранѣ труда, но довольно несовершеннымъ образомъ. Даже въ наилучшихъ рабочихъ законодательствахъ дѣти старше 14 лѣтъ недостаточно охраняются, и самыя тяжелыя формы эксплуатаціи дѣтскаго труда, напримѣръ въ домашней промышленности, не подлежатъ никакому ограниченію.

Во всякомъ случаѣ, распространеніе машиннаго и женскаго труда развивается безпрепятственно и должно такъ развиваться, такъ какъ пріостановка въ ихъ развитіи задержала бы экономическую эволюцію. Пользованіе этими двумя наилучшими способами ухудшенія положенія рабочихъ никакимъ образомъ не можетъ быть воспрещено капиталистамъ, и они пускаютъ ихъ въ ходъ тѣмъ чаще, чѣмъ труднѣе имъ прибѣгать къ другимъ средствамъ.

Все усиливающаяся распространенность дѣтскаго и женскаго труда уже сама по себѣ—несомнѣнный симптомъ возрастанія нищеты рабочаго класса,—опять таки не въ смыслѣ обязательно усиливающейся физической нищеты; это означаетъ, что все менѣе становится возможнымъ удовлетворить потребности семьи рабочаго однимъ заработкомъ мужа. Совсѣмъ не безразлично, происходитъ ли это отъ паденія заработной платы или отъ роста потребностей; въ послѣднемъ случаѣ нищета скорѣй вызываетъ возмущеніе, и это возмущеніе даетъ болѣе прочные результаты: но въ обоихъ случаяхъ можно говорить объ увеличеніи нищеты. Если заработокъ мужа недостаточенъ для содержанія жены и дѣтей, то это ведетъ, съ одной стороны, къ тому, что жены и дѣти наемныхъ рабочихъ идутъ на фабрику для подсобнаго заработка, а съ другой стороны, къ тому, что мужчины воздерживаются отъ брака и ищутъ утѣшенія въ проституціи. Благодаря этому, увеличивается число незамужнихъ дѣвушекъ, которыя въ свою очередь вынуждены взяться за наемный трудъ. Такъ капиталистическій способъ производства разрушаетъ унаслѣдованную нами буржуазную форму семьи, не замѣняя ее другой формой, и такимъ образомъ создаетъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ обнищанія и вырожденія.

Число браковъ колеблется соотвѣтственно смѣнѣ благопріятнаго и неблагопріятнаго положенія дѣла, но въ общемъ оно уменьшается. На каждыхъ 1000 жителей приходится браковъ:

	Германія	Австрія	Франція	Англія
1872 г. . . .	10,3	9,3	9,7	8,5
1873 г. . . .	10,0	8,9	8,8	8,6
1874 г.	9,5	9,0	8,3	8,3
1880 г.	7,5	7,6	7,4	7,3
1881 г.	7,5	8,0	7,5	7,5
1882 г.	7,1	8,2	7,4	7,6
1890 г.	8,0	7,6	7,07	7,6
1891 г.	8,0	7,8	7, 5	7,7
1895 г.	7,9	7,9	7, 5	7,4

Въ то же время число взрослыхъ въ населеніи увеличивается. По переписи 1885 г. дѣти моложе 15 лѣтъ составляли въ Германіи 35,4% населенія, а въ 1890 г.—35,15. Число женатыхъ, вдовыхъ и разведенныхъ увеличилось за тотъ же срокъ съ 18.100.000 до 19.800.000, т. е. на 9,3%, а холостыхъ старше 15 лѣтъ съ 11.100.000 до 12.300.000, т. е. на 10,2%.

Въ то же время женскій трудъ получилъ колоссальное распространеніе. Въ Германіи за промежутокъ 1882—1895 г. число занятыхъ женщинъ увеличилось съ 5.541.517 до 6.578.350, т. е. *больше, чѣмъ на милліонъ*. За этотъ же промежутокъ въ промышленности и торговлѣ увеличилось число:

	Мужчинъ	Женщинъ	Въ среднемъ
Служащихъ	115,6%	254,7%	118,9%
Наемн. рабоч.	52,8%	104,9%	62,6

Слѣдовательно, число женщинъ—наемныхъ работницъ *увеличилось вдвое быстрѣй,* чѣмъ число мужчинъ*).

*) Русскій марксистъ П. фонъ-Струве (писано въ 1899 году. Прим. пер.) и другіе возражали мнѣ, что въ Америкѣ сокращается примѣненіе женскаго труда. Но это невѣрно. Въ С.-А. Соед. Штатахъ насчитывалось рабочихъ:

	1880	1890	Увел. въ %
Мужчинъ	14.744.942	18.821.090	27,64
Женщинъ	2.647.157	3.914.571	47,88

А между тѣмъ женское населеніе увеличивалось медленнѣе, чѣмъ мужское. Приростъ составляетъ: Мужчинъ старше 10 лѣтъ 29,98%, рабочихъ—27,64%
Женщинъ „ „ 27,93, работницъ—27,93%.

Дополнено по фр изд.

Приведемъ здѣсь списокъ тѣхъ отраслей, гдѣ *женщинъ-работницъ* по отношенію ко *всему количеству рабочихъ* особенно много или особенно мало:

ОСОБЕННО МНОГО:	% отношеніе ко всему числу рабочихъ
Гостиницы, рестораны и проч	66,9
Текстильная промышленность	50,8
Конфексіонъ, чистка	37,6
Бумажн. издѣлія	35,9
Торговля	29,2
Садоводство	24,6
Произв. пищевыхъ продуктовъ	22,1

ОСОБЕННО МАЛО:	% отношеніе ко всему числу рабочихъ
Транспортъ	0,9
Строительное дѣло	1,1
Машиностр. промышл	2,6
Горное дѣло	3,1
Животноводство и рыболовство	4,0
Обработка дерев., рѣзьба	6,1
Страхованіе	6,4

Распространеніе женскаго труда—вѣрный признакъ увеличенія нищеты. Порожденное ею, оно ее усиливаетъ, потому что капиталистическое общество не создало новыхъ, высшихъ формъ домоустройства, которыя могли бы замѣнить индивидуальное домоустройство. Наемный трудъ женщины истощаетъ ея силы, такъ какъ не избавляетъ ее отъ домашнихъ работъ; домашняя обстановка пролетаріевъ становится все болѣе запущенной, дѣти лишены присмотра, кабачекъ получаетъ бо́льшую притягательную силу, чѣмъ собственный домъ; работница, не пріученная къ веденію домашняго хозяйства, заваленная работой, не умѣющая ни

шить, ни готовить, не умѣетъ, стало быть, ни въ чемъ сберечь, отчего увеличиваются расходы. Какая польза рабочему отъ повышенія заработной платы, отъ паденія цѣны на хлѣбъ, если жена его не умѣетъ приготовить изъ муки экономныя, питательныя и вкусныя блюда? Что ему отъ паденія цѣнъ на одежду, если жена его не умѣетъ чинить изношенное платье, такъ что онъ вынужденъ покупать его вдвое больше, чѣмъ раньше? Какъ легко ведетъ женскій наемный трудъ не только къ соціальной, но и къ физической нищетѣ!

Но, разумѣется, эта причина возрастающей деградаціи становится также причиной усиливающагося возмущенія, такъ какъ она гонитъ продающую свою рабочую силу женщину въ ряды борющагося пролетаріата, тогда какъ, будучи только хозяйкой, она относится этой борьбѣ скорѣе безучастно.

Но наряду съ эксплуатаціей женскаго труда усиливается и эксплуатація малолѣтнихъ. Къ сожалѣнію, регистрація участвующихъ въ промысловой дѣятельности лицъ моложе 20 лѣтъ производилась въ професіональной переписи 1895 г. на другихъ основаніяхъ, чѣмъ въ 1882 г., такъ что невозможно прослѣдить развитіе наемнаго труда въ различныхъ возрастныхъ группахъ ниже 20 лѣтъ. Мы можемъ лишь сравнить данныя 1882 и 1895 г.г. объ участіи въ промысловомъ или наемномъ трудѣ всѣхъ, вмѣстѣ взятыхъ возрастныхъ группъ до 20 лѣтъ.

Оказывается, что на каждыхъ 100 наемныхъ рабочихъ приходилось лицъ моложе 20 лѣтъ:

Въ сельскомъ хоз.		Въ промышлен.		Въ торговлѣ		ВСЕГО	
1882	1895	1882	1895	1882	1895	1882	1895
30,51	32,61	28,41	28,80	23,09	25,03	29,20	30,11

За недостаткомъ мѣста, мы не останавливаемся подробно на вліяніи машинъ и другихъ факторовъ, ухудшающихъ положеніе рабочаго класса. О безработицѣ мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ; здѣсь же мы ограничимся тѣмъ, что процитируемъ резюмирующую выдержку изъ «Капитала»:

«Въ 4-омъ отдѣлѣ, при анализѣ производства относительной прибавочной стоимости, мы видѣли, что всѣ способы увеличенія общественной производительной силы труда, при капиталистическомъ строѣ, проводятся на счетъ индивидуальнаго работника; что всѣ средства развитія производства обращаются въ средства эксплуатаціи производителя и власти надъ нимъ; что они уродуютъ рабочаго, дѣлая изъ него полу-человѣка; унижаютъ его, обращая въ придатокъ машины; привлекательный трудъ замѣняютъ трудомъ принудительнымъ; отчуждаютъ отъ работника духовную сторону трудового процесса, по мѣрѣ того какъ послѣдній овладѣваетъ наукой, какъ самостоятельной силой; дѣлаютъ все болѣе ненормальными условія, въ которыхъ онъ работаетъ; подчиняютъ его во время рабочаго процесса самому мелочному деспотизму; время его жизни обращаютъ въ рабочее время; жену и дѣтей его отдаютъ подъ ярмо капитала. Но всѣ способы производства прибавочной стоимости суть въ то же время способы накопленія, а каждое расширеніе накопленія становится, наоборотъ, средствомъ развитія этихъ способовъ. Отсюда слѣдуетъ, что, по мѣрѣ накопленія капитала, положеніе рабочаго, *какова бы ни была* его *рабочая плата,* ухудшается. Наконецъ законъ, по которому относительный избытокъ населенія или запасная промышленная армія постоянно находится въ равновѣсіи съ размѣромъ и силой накопленія,—этотъ законъ приковываетъ рабочаго къ капиталу крѣпче, чѣмъ молотъ Гефеста приковалъ къ скалѣ Прометея. Этотъ законъ обусловливаетъ накопленіе нищеты соотвѣтственно накопленію капитала. Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ производитъ въ то же время на другомъ,—т. е. на сторонѣ класса, производящаго свой собственный продуктъ въ видѣ капитала,—накопленіе нищеты, страданій, рабства, невѣжества, огрубѣнія и нравственнаго униженія» (Кап., т. I стр. 571).

О паденіи заработной платы Марксъ здѣсь не говоритъ. Нѣкоторыя изъ описываемыхъ имъ тенденцій, напр. обращеніе времени жизни рабочаго въ рабочее время, ослабѣли съ тѣхъ поръ и подверглись нѣкоторому ограниченію; но громадное большинство ихъ дѣйствуетъ въ полномъ объемѣ и по настоящее время и даетъ намъ право говорить о ростѣ нищеты, рабства,

деградаціи, эксплуатаціи. Но это положеніе можно понимать еще и въ третьемъ смыслѣ.

Мы говорили до сихъ поръ только о рабочемъ классѣ; Марксъ же въ главѣ о тенденціи капиталистическаго накопленія говоритъ и о другихъ классахъ населенія.

Если пролетаріатъ страдаетъ отъ нищеты и порабощенія, то нищета и порабощеніе всего народа должны увеличиваться въ такой же степени, въ какой увеличивается численность пролетаріата по отношенію къ остальнымъ классамъ народа; а его повсемѣстный численный ростъ—неоспоримый фактъ.

Но ростъ численности пролетаріата самъ по себѣ является лишь симптомомъ и, конечно, въ то же время причиной возрастающей нищеты другихъ классовъ населенія.

Тенденція капитализма къ обнищанію массъ проявляется съ особенной силой и особенно экстензивно въ тѣхъ областяхъ (мы употребляемъ здѣсь слово «область», какъ въ его экономическомъ, такъ и географическомъ смыслѣ), куда недавно лишь проникла капиталистическая промышленность, или въ ея порубежныхъ областяхъ. Она проявляется тамъ, повторяемъ, съ такой силой, что порождаетъ самую глубокую нищету въ физическомъ, а не соціальномъ смыслѣ, — голодъ, отсутствіе самого необходимаго, вымираніе населенія.

Это—явленіе общеизвѣстное и общепризнанное. Но буржуазный экономистъ и здѣсь утѣшаетъ себя соображеніемъ, что это—временное зло, переходная стадія, за которой слѣдуетъ подъемъ благосостоянія обнищавшаго населенія.

Это вѣрно относительно отдѣльныхъ мѣстностей и отраслей промышленности, но не относительно всего капиталистическаго общества. Правда, многія группы наемныхъ рабочихъ рано или поздно освобождаются отъ гнета физической нищеты. Но капиталистическій способъ производства развивается все дальше и дальше, захватываетъ новыя области и новыя отрасли производства, разоряетъ и превращаетъ въ пролетаріевъ мелкихъ предпринимателей, повергаетъ ихъ въ нищету, и этотъ процессъ прекратится только съ исчезновеніемъ капиталистическаго способа производства, такъ какъ этотъ послѣдній можетъ существовать только при постоянномъ расширеніи области своего господства.

Бернштейнъ съ чувствомъ глубокой удовлетворенности указываетъ, какъ многочисленны еще повсюду мелкія предпріятія. Мы видѣли, что этотъ фактъ не доказываетъ ничего противъ концентраціи капиталовъ; но зато онъ, несомнѣнно, говоритъ въ пользу «теоріи обнищанія». Мелкіе ремесленники и торговцы, крестьяне-владѣльцы карликовыхъ хозяйствъ, — всѣ они, чѣмъ дальше, тѣмъ больше бѣднѣютъ. Если уровень существованія буржуазіи выше, чѣмъ уровень наемныхъ рабочихъ, то отдѣльнымъ группамъ послѣднихъ живется лучше, чѣмъ владѣльцамъ мелкихъ предпріятій. Эти, на видъ самостоятельные карликовые предприниматели все болѣе и болѣе перестаютъ быть звеномъ, соединяющимъ буржуазію и пролетаріевъ, а становятся посредствующимъ звеномъ между наемными рабочими и люмпенпролетаріатомъ (пролетаріатъ босяковъ). Ихъ ряды, а не ряды наемныхъ рабочихъ постоянно пополняются избыточнымъ населеніемъ. Поэтому мелкое производство постоянно возрождается, и, какія бы бреши ни пробивали въ немъ банкротства, къ нему все время притекаютъ свѣжія силы. Мелкое производство не изчезаетъ, но чахнетъ.

Но еще быстрѣй, поразительнѣй и неоспоримѣе растетъ нищета въ странахъ, куда капиталистическая система производства проникла лишь недавно. Можно было бы думать, что нѣмецкимъ, англійскимъ, французскимъ, американскимъ рабочимъ не должно быть дѣла до того, что происходитъ заграницей. Они должны быть образцовыми людьми въ духѣ этической школы политической экономіи, т. е. проникнутыми здоровымъ и близорукимъ эгоизмомъ. Какое имъ дѣло до того, что въ венгерскихъ и въ славянскихъ земляхъ Австріи, въ Италіи, на Балканскомъ полуостровѣ, въ Китаѣ, въ Остъ-Индіи голодъ и нищета все увеличиваются? Только бы ихъ собственное положеніе улучшалось; тогда они могутъ примириться съ капиталистическимъ обществомъ.

Эти «практики» и «этики» забываютъ, что чуть ли не во всѣхъ странахъ есть мѣстности, которыя, будучи еще мало затронуты крупной капиталистической промышленностью, представляютъ собой обширныя области обнищанія. Сомнительно, перестала ли уже Ирландія играть такую роль для Англіи; непрерывное уменьшеніе ея народонаселенія говоритъ о противномъ.

Въ Германіи имѣется своя Силезія, въ Сѣв.-американской федераціи—южные штаты.

Но и международная солидарность пролетаріата—не пустое слово. Чѣмъ сильнѣй нищета въ однихъ мѣстностяхъ, и чѣмъ выше уровень существованія пролетаріата въ другихъ, чѣмъ болѣе развиты средства сообщенія, съ тѣмъ большей силой обнищавшія массы стремятся въ мѣстности съ болѣе высокимъ жизненнымъ уровнемъ. Обнищавшіе итальянцы, поляки, словаки, кули экспортируютъ свою нищету въ болѣе культурныя страны, гдѣ деградирующія тенденціи капитала встрѣчаютъ сильное противодѣйствіе; эмигранты понижаютъ культурный уровень и парализуютъ это противодѣйствіе.

Итакъ, вопросъ объ «обнищаніи» оказался не простымъ, а очень сложнымъ вопросомъ. Нищета принимаетъ всевозможныя формы, изъ которыхъ каждая развивается своимъ путемъ; но всѣ онѣ приводятъ къ одному результату: къ обостренію классовыхъ противорѣчій, къ обостренія пролетарской борьбы противъ капиталистическаго ига.

Мы видѣли, какъ капиталистическій способъ производства создаетъ въ захватываемыхъ имъ новыхъ странахъ или новыхъ отрасляхъ промышленности массу физической нищеты; тамъ же, гдѣ онъ уже высоко развитъ, окрѣпшій пролетаріатъ мало по малу создаетъ противодѣйствія его пагубнымъ тенденціямъ. Но процессъ соціальнаго обнищанія совершается и тамъ, благодаря прогрессу раздѣленія труда и машинной техники, дѣлающихъ трудъ монотоннымъ и противнымъ, благодаря распространенію женскаго и въ значительной степени также дѣтскаго труда, вытѣсненію квалифицированнаго труда, возрастающей необезпеченности существованія, менѣе быстрому улучшенію образа жизни пролетарія сравнительно съ уровнемъ существованія буржуа. Возможно, что нѣкоторымъ группамъ рабочихъ, которымъ особенно везетъ, посчастливится пройти и эту стадію нищеты и достигнуть такого положенія, котораго даже по буржуазной мѣркѣ нельзя будетъ назвать нищетой. Но и по отношенію къ нимъ *тенденція* къ обнищанію, господствующая во всей области капиталистическаго производства, сохраняетъ свою силу; имъ постоянно грозитъ опасность липпиться,—благодаря кризису, коалиціи фабрикантовъ, какому-ни-

будь изобрѣтенію, конкурренціи ниже стоящихъ рабочихъ,—своего привилегированнаго положенія и раздѣлить общую участь. Итакъ, гдѣ капиталистическое производство, тамъ нищета, и ея тѣмъ больше, чѣмъ больше пролетаріевъ, чѣмъ больше мелкихъ предпріятій разорено капиталомъ или подпало подъ его власть; но тѣмъ сильнѣй и борьба противъ нищеты, тѣмъ сильнѣй возмущеніе рабочаго класса противъ господства капитализма.

Вотъ какъ я понимаю ту теорію Маркса, которую критики марксизма называютъ «теоріей обнищанія». Бернштейнъ объявляетъ ее отпѣтой, но не указываетъ, чѣмъ именно она опровергается, не объясняетъ даже, что слѣдуетъ понимать подъ ней.

Указанный нами здѣсь ходъ развитія различныхъ формъ нищеты во всемъ согласуется съ марксовыми «догмами», изложенными въ «Капиталѣ»: тамъ именно дано классическое изслѣдованіе самыхъ существенныхъ моментовъ этого развитія. Слѣдовательно, намъ остается только убѣдиться, дѣйствительно ли самымъ точнымъ образомъ формулированы изображенныя здѣсь тенденціи въ извѣстномъ мѣстѣ «Капитала». Но это было бы совершенно лишнимъ буквоѣдствомъ. Мнѣ кажется, что для всякаго, кто знакомъ съ «Капиталомъ», формулировка этого положенія представляется вполнѣ ясной, недвусмысленной, неоспоримой; я самъ всегда понималъ его не иначе, какъ въ истолкованномъ здѣсь смыслѣ. Но это вопросъ совсѣмъ второстепенный. То, что даетъ намъ «Капиталъ» по вопросу объ эволюціи положенія пролетаріата, не опровергается тѣмъ, что Бернштейнъ придаетъ терминамъ «нищета» и «деградація» смыслъ, не соотвѣтствующій дѣйствительности.

Если же мы оставимъ теорію обнищанія и снова вернемся къ вопросу, куда дѣвается все увеличивающееся богатство капиталистическаго общества, то теперь мы можемъ отвѣтить: эта теорія совершенно не исключаетъ возможности того, что часть возрастающаго богатства достается трудящимся классамъ. Капиталистическому способу производства, несомнѣнно, свойственна тенденція ухудшать положеніе, какъ пролетаріата, такъ и всей массы населенія, и такимъ образомъ онъ порождаетъ все больше и больше нищеты; но онъ также порождаетъ тенденціи, стремящіяся ограничить эту нищету. Неудержимо растетъ не физическая, а соціальная

нищета, а именно—противоположность между культурными потребностями и возможностью для отдѣльнаго рабочаго удовлетворить ихъ. Другими словами, *количество* продуктовъ, достающихся каждому отдѣльному рабочему, можетъ увеличиваться, но *доля* рабочаго въ создаваемомъ имъ количествѣ продукта уменьшается.

g) Новый средній классъ.

Прежде чѣмъ перейти отъ вопроса объ увеличеніи числа собственникомъ къ другой темѣ, мы еще разсмотримъ его съ другой точки зрѣнія. Предположимъ, что Бернштейнъ имѣлъ въ виду не капиталистовъ, а тѣ слои населенія, которые по своему доходу составляютъ средніе классы. Это допущеніе объяснило бы намъ, почему онъ придаетъ такое большое значеніе статистикѣ подоходнаго налога, которая не даетъ ничего по вопросу о распредѣленіи собственности. На такое пониманіе указываютъ его выраженія, хотя въ другихъ мѣстахъ онъ недвусмысленно говоритъ объ увеличеніи числа капиталистовъ.

Если бы Бернштейнъ хотѣлъ только оказать, что средній классъ не вымираетъ, что на мѣсто стараго становится новый, на мѣсто самостоятельныхъ ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ — «интеллигенція», мы безусловно согласились бы съ нимъ. Я позволю себѣ указать на то, что уже въ 1895 г. въ рядѣ статей, напечатанныхъ въ «Neue Zeit», я отмѣтилъ возникновеніе этого средняго класса и призналъ одной изъ важнѣйшихъ задачъ нашей партіи изученіе условій привлеченія этого общественнаго слоя на нашу сторону: «Образуется новый средній классъ, многочисленный и непрерывно возрастающій въ числѣ, ростъ котораго можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, возмѣстить ту убыль средняго класса, которая вызывается гибелью мелкаго предпріятія» (Neue Zeit, XIII, 2, стр. 16).

Главной причиной возрастанія этого слоя является то, что господствующіе и живущіе эксплоатаціей классы все больше передаютъ свои функціи наемнымъ интеллигентнымъ работникамъ, которые продаютъ свои услуги либо поштучно, напр. врачи, ад-

вокаты, художники, либо за опредѣленное жалованье, какъ всякаго рода чиновники и служащіе. Въ средніе вѣка врачи, художники и часть чиновниковъ выходили изъ рядовъ духовенства; дворянство брало на себя управленіе, судъ, полицію и, прежде всего, военную службу. Современное государство и современная наука лишили оба эти класса ихъ функцій, сами же классы остались, но вмѣстѣ съ потерей своего соціальнаго значенія потеряли большей частью и свою независимость.

Но съ тѣхъ поръ отнятыя у нихъ функціи еще больше расширились, и число исполняющихъ ихъ работниковъ растетъ изъ года въ годъ, растетъ тѣмъ быстрѣй, чѣмъ больше становятся задачи, разрѣшеніе которыхъ общественное развитіе возлагаетъ на государство, мѣстное самоуправленіе и науку.

Вдобавокъ классъ капиталистовъ рано началъ освобождать себя отъ своихъ функцій въ промышленности и торговлѣ и передавать ихъ оплачиваемымъ работникамъ—торговымъ служащимъ и техникамъ. Сначала это были только помощники капиталиста, которымъ онъ передавалъ тѣ изъ своихъ функцій по надзору и организаціи труда, покупкѣ средствъ производства, продажѣ продукта, которыхъ онъ не могъ брать на себя, такъ какъ онѣ требовали спеціальныхъ знаній въ все большихъ размѣрахъ. Но въ концѣ концовъ система акціонерныхъ обществъ сдѣлала капиталиста совершенно лишнимъ лицомъ, передавъ даже общее руководство предпріятіемъ нанятому лицу. Что акціонерныя общества благопріятствуютъ увеличенію числа хорошо оплачиваемыхъ служащихъ и содѣйствуютъ такимъ путемъ образованію средняго класса, въ этомъ нечего и сомнѣваться. Если Бернштейнъ получающихъ средній доходъ отождествляетъ съ собственниками, то онъ, разумѣется, вправѣ сказать, что акціонерныя общества увеличиваютъ число послѣднихъ,—но не путемъ дробленія капиталовъ.

Интеллигенція—наиболѣе быстро растущій слой населенія. По даннымъ германской промысловой переписи, съ 1882 г. по 1895 г. число наемныхъ рабочихъ увеличилось на 62, 6% а служащихъ—на 118, 9%. Но и это быстрое увеличеніе не могло парализировать относительную убыль числа предпринима-

телей, число которыхъ возрасло абсолютно всего на 1,3%. Вотъ какъ распредѣлялись по группамъ занятыя во всякаго рода предпріятіяхъ лица:

Предприниматели	39,6%	28,7%
Служащіе	2,8 »	4,4 »
Наемные рабочіе	57,6 »	66,9 »

Такимъ образомъ, если бы даже мы считали собственниками и служащихъ, и предпринимателей, то ихъ процентное отношеніе оказалось бы сократившимся съ 42,4 въ 1882 г. до 33,1 въ 1895 г. И при такомъ счетѣ мы не пришли бы къ выводамъ Берштейна.

То же самое получится, если мы, на основаніи профессіональной статистики, пріймемъ въ расчетъ также сельское хозяйство. Въ Германіи приходилось на каждыхъ 100 участвующихъ въ промысловой дѣятельности лицъ:

		Самостоятельн.	Служащихъ	Рабочихъ
Въ сельскомъ хозяйствѣ . . .	1882 г.	27,78	0,81	71,41
	1895 г.	30,98	1,16	67,86
» промышленности	1882 г.	34,41	1,55	64,04
	1895 г.	24,90	3,18	71,92
» торговлѣ	1882 г.	44,67	9,02	46,31
	1895 г.	36,07	11,20	52,73
Всего	1882 г.	32,03	1,90	66,07
	1895 г.	28,94	3,29	67,77

Медленнѣе, чѣмъ приростъ числа служащихъ въ промыслахъ, но все же быстрѣй, чѣмъ увеличеніе народонаселенія (14,5%), возрасло число лицъ, состоящихъ на службѣ государственной, общественной или церковной, и лицъ свободныхъ профессій. Число ихъ возрасло съ 579.932 до 794.983, т. е. на 37,2%.

Итакъ, численность этихъ элементовъ быстро увеличивается. Но было бы громадной ошибкой причислить ихъ поголовно къ собственникамъ. Новый средній классъ образуется на совершенно иныхъ основахъ, чѣмъ старый, бывшій надежнымъ оплотомъ частной собственности на средства производства, на которой было основано его существованіе.

Новый средній классъ опирается на совершенно другія основанія. Для него частная собственность на средства производства, въ большинствѣ случаевъ, не имѣетъ никакого значенія. Тамъ, гдѣ представителями его являются самостоятельные работники, средства производства представляютъ минимальную стоимость; такъ у врачей, художниковъ, писателей. Тамъ же, гдѣ средства производства являются капиталомъ, интеллигентные работники въ большинствѣ выступаютъ не какъ капиталисты, а какъ наемные рабочіе.

Но съ другой стороны было бы также неправильно причислить новый средній классъ, безъ дальнѣйшихъ околичностей, къ пролетаріату.

Онъ вышелъ изъ рядовъ буржуазіи, связанъ съ ней самыми разнообразными родственными и общественными узами, ведетъ одинаковый съ ней образъ жизни. И цѣлый рядъ представителей „интеллигентскихъ“ профессій связанъ съ ней еще тѣснѣй: это именно тѣ, которые въ качествѣ директоровъ и служащихъ капиталическихъ предпріятій дѣлаютъ капиталиста излишнимъ, выполняя за него соотвѣтствующія функціи. Но, принимая на себя функціи капиталиста, они проникаются его воззрѣніями, остановятся въ такой же антагонизмъ къ пролетаріату. Въ цѣломъ ряду другихъ „интеллигентскихъ“ профессій дѣятельность находится въ зависимости отъ исповѣданія опредѣленныхъ религіозныхъ и политическихъ убѣжденій: такъ обстоитъ дѣло съ публицистами, нѣкоторыми служащими по судебному вѣдомству, напримѣръ съ прокурорами, съ служащими въ полиціи, священниками и т. д. Государство, церковь, капиталистическіе издатели предоставляютъ эти занятія только такимъ лицамъ, которыя раздѣляютъ убѣжденія „работодателей“ или готовы за деньги защищать чужія убѣжденія. Это обстоятельство также служитъ источникомъ антагонизма между многими „интеллигентами“ и пролетаріатомъ.

Но самый глубокій антагонизмъ между интеллигенціей и пролетаріатомъ возникаетъ по той причинѣ, что первая образуетъ привилегированный классъ. Ея привилегированное положеніе основано на привилегіи образованія. Правда, она всецѣло заинтересована въ томъ, чтобы народныя массы были достаточно образованы, для того чтобы понимать значеніе науки и прекло-

няться передъ ней и ея представителями; но въ то же время, въ ея интересахъ ограничивать кругъ распространенія высшаго спеціальнаго образованія.

Капиталистическій способъ производства несомнѣнно нуждается въ большомъ количествѣ интеллигентныхъ силъ. Просвѣтительныя учрежденія феодальнаго государства не въ состояніи были удовлетворить этой потребности. Поэтому буржуазный режимъ повсюду стремился къ улучшенію и распространенію какъ низшаго, такъ и высшаго образованія. Этимъ думали способствовать не только развитію производства, но и смягченію классовыхъ противорѣчій: разъ высшее образованіе давало возможность достигнуть положенія буржуа, то казалось несомнѣннымъ, что широкое распространеніе образованія создастъ почву для общаго подъема пролетаріата до буржуазныхъ условій жизни.

Но буржуазный standard of life лишь тамъ является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ высшаго образованія, гдѣ послѣднее составляетъ привилегію. Тамъ, гдѣ оно предоставлено всѣмъ, оно не подымаетъ пролетарія до уровня буржуа, а наоборотъ превращаетъ умственнаго работника въ пролетарія. Это—также частное проявленіе процесса народнаго обнищанія.

Поэтому въ странахъ, гдѣ народное просвѣщеніе стоитъ достаточно высоко, чтобы лишить образованіе его привилегированнаго положенія, въ интеллигенціи начинаетъ зарождаться враждебность къ широкому распространенію образованія. Эта враждебность находится въ противорѣчіи съ потребностями современнаго способа производства, и такимъ образомъ интеллигенція оказывается бо́льшимъ врагомъ прогресса, чѣмъ сами капиталисты, оказывается въ одномъ лагерѣ съ реакціоннѣйшими изъ реакціонеровъ,—съ защитниками цеховъ и аграріями. Цвѣтъ современной науки, профессора и студенты нашихъ университетовъ—вотъ кто усерднѣй всѣхъ ратуетъ противъ женскаго образованія, желалъ бы преградить еврейской интеллигенціи доступъ ко всѣмъ должностямъ и профессіямъ, стремится удорожить высшее образованіе и сдѣлать его недоступнымъ для несостоятельныхъ.

Но въ этихъ стремленіяхъ они наталкиваются на энергичное сопротивленіе со стороны пролетаріата, самымъ рѣши-

тельнымъ образомъ борющагося противъ привилегіи образованія, какъ и противъ всякихъ другихъ привилегій.

Несмотря на всѣ препятствія, образованіе все шире распространяется въ народѣ; но именно благодаря этому совершается пролетаризація одного слоя интеллигенціи за другимъ. Представимъ себѣ только то громадное количество коммерсантовъ, которые выходятъ ежегодно изъ нашихъ торговыхъ школъ, музыкантовъ—изъ музыкальныхъ, скульпторовъ и живописцевъ—изъ художественныхъ, механиковъ и химиковъ—изъ техническихъ. А между тѣмъ и въ области торговли, искусства, прикладной науки начинается капиталистическій процессъ концентраціи, увеличиваются размѣры капитала, необходимаго для основанія въ этой области самостоятельнаго жизнеспособнаго предпріятія. Слѣдовательно, по мѣрѣ того какъ растетъ число образованныхъ работниковъ на этихъ поприщахъ, уменьшаются ихъ шансы стать самостоятельными предпринимателями: они обречены на пожизненный наемный трудъ. Но въ то же время, вслѣдствіе быстраго увеличенія числа образованныхъ работниковъ, для одного слоя интеллигенціи за другимъ наступаетъ моментъ, когда даже цеховая обособленность и искусственное суженіе круга конкуррентовъ не въ состояніи обезпечить ему выгодное матеріальное положеніе. И здѣсь начинается процессъ соціальнаго обнищанія, который тѣмъ болѣзненнѣй отзывается на интеллигенціи, что собственная нужда непосредственно сравнивается съ все улучшающимся образомъ жизни буржуазіи. Удержаться, хотя бы съ виду, на этомъ уровнѣ жизни является для умственнаго работника вопросомъ жизни. Если у рабочаго, занимающагося физическимъ трудомъ, ухудшеніе положенія отражается прежде всего на жилищѣ, потомъ на одеждѣ и наконецъ на пищѣ, то у умственнаго работника происходитъ обратное: прежде всего дѣлаются сбереженія на пищѣ.

Но при всѣхъ усиліяхъ сохранить хоть тѣнь буржуазнаго существованія, для каждаго изъ этихъ пролетаризированныхъ слоевъ интеллигенціи наступаетъ время, когда онъ сознаетъ свое пролетарское положеніе, заинтересовывается въ пролетарской классовой борьбѣ и, въ концѣ концовъ, принимаетъ въ ней посильное участіе. Такую эволюцію уже продѣлали въ Германіи приказчики, скульпторы, музыканты; за ними послѣдуютъ и другіе.

Когда либеральные экономисты указываютъ на быстрый ростъ «интеллигенціи», какъ на признакъ того, что капиталистическій способъ производства создаетъ собственный средній классъ, то они забываютъ, что чѣмъ быстрѣй происходитъ этотъ ростъ, тѣмъ быстрѣй совершается внутри самого новаго средняго класса процессъ пролетаризаціи.

Но между рѣшительно враждебными пролетаріату, капиталистически настроенными группами интеллигенціи, и интеллигенціей, вполнѣ проникнувшейся пролетарскимъ сознаніемъ, находится еще слой, не настроенный ни на пролетарскій, ни на капиталистическій ладъ, и стоящій, по своему мнѣнію, выше классовыхъ противорѣчій.

Этотъ средній слой новаго средняго класса имѣетъ то общее съ прежней мелкой буржуазіей, что занимаетъ двойственное соціальное положеніе. Этотъ слой интеллигенціи такъ же ненадеженъ и непостояненъ по отношенію къ пролетаріату, какъ и мелкая буржуазія. Сегодня его возмущаетъ алчность капитала, а завтра — дурныя манеры пролетаріата. Если сегодня онъ призываетъ пролетаріатъ къ защитѣ своего человѣческаго достоинства, то завтра онъ, во имя соціальнаго мира, нападаетъ на него съ тылу.

Но двѣ черты отличаютъ его отъ мелкой буржуазіи: одна—въ хорошую, другая—въ дурную сторону. Прежде всего, онъ отличается отъ нея широкимъ умственнымъ кругозоромъ и способностью къ абстрактному мышленію. Онъ является слоемъ населенія, который легче всего можетъ возвыситься надъ классовой и сословной ограниченностью, возвыситься во имя идеала надъ временными и частными интересами, постигнуть и защищать истинные интересы всего общества.

Но, съ другой стороны, его отличаетъ отъ мелкой буржуазіи то, что онъ не представляетъ изъ себя боевой силы. Если мелкая буржуазія, прежде чѣмъ ее сломилъ капиталъ, обладала въ полной мѣрѣ боевой силой и боевой готовностью, то слои интеллигенціи, находящіеся между пролетаріатомъ и капиталистами, лишены всѣхъ средствъ, необходимыхъ для упорной борьбы съ господствующими классами. Малочисленные, не имѣющіе общихъ классовыхъ интересовъ и не образующіе поэтому сплоченной органи-

заціи, не обладающіе большимъ состояніемъ, но имѣющіе всѣ потребности капиталистовъ, они могутъ бороться, только примкнувъ къ другимъ классамъ, которые достаточно сильны, чтобы дать имъ возможность сражаться и существовать.

Поэтому средній слой интеллигенціи, «аристократія мысли», могъ быть цѣликомъ оппозиціоннымъ только до тѣхъ поръ, пока буржуазія находилась въ оппозиціи; когда же эта послѣдняя покидаетъ поле битвы, интеллигенція теряетъ и охоту, и способность бороться, она начинаетъ робѣть и стѣсняться, объявляетъ безнравственными всѣ средства борьбы за прогрессъ, кромѣ завоеванія благосклонности сильныхъ міра сего словами убѣжденія; она становится трусливой и византійски раболѣпной.

Классовая борьба ей ненавистна, она постоянно проповѣдуетъ ея устраненіе или ослабленіе. Для нея классовая борьба— это возстаніе, мятежъ, революція; соціальныя реформы должны сдѣлать классовую борьбу излишней.

Я совершенно не имѣлъ въ виду полемизировать съ Бернштейномъ (его эволюція тогда еще только подготовлялась), когда я писалъ: «Среди тѣхъ, кто не заинтересованъ непосредственно въ капиталистической эксплуатаціи, врядъ ли найдется хоть одинъ честный, образованный человѣкъ съ независимымъ мышленіемъ, который не стоялъ бы на «соціально-политической» точкѣ зрѣнія, т. е. не полагалъ бы, что для рабочихъ должно *что-нибудь* сдѣлать; причемъ это «что-нибудь» можетъ означать самыя разнообразныя вещи. Штуммъ и Евгеній Рихтеръ, патріархально-деспотическій предприниматель и сторонникъ манчестерской доктрины не имѣютъ болѣе послѣдователей среди интеллигенціи, съ которыми стоило бы считаться. Нападки на капиталъ и симпатіи къ пролетаріату — хотя не къ борющемуся, но по крайней мѣрѣ, къ эксплуатируемому пролетаріату—теперь въ модѣ, и слова Гаркура: «Въ настоящее время мы всѣ соціалисты»—начинаютъ оправдываться для этихъ круговъ. Разумѣется, тотъ соціализмъ, который проповѣдуютъ въ своихъ салонахъ и кафе, своихъ мастерскихъ и аудиторіяхъ наши поэты и художники, ученые и журналисты, очень похожъ на тотъ «истинный соціализмъ» сороковыхъ годовъ, который охарактеризованъ въ «Манифестѣ»: онъ не имѣетъ ничего общаго съ пролетарскимъ, революціоннымъ». И дальше:

«Эти элементы неоднократно заявляютъ, что отъ партіи ихъ отдѣляетъ только пролетарская грубость; но на самомъ дѣлѣ ихъ отталкиваетъ не внѣшность, а ихъ собственная безхарактерность или отсутствіе яснаго взгляда на вещи. Хотя они развитіемъ значительно превосходятъ ограниченнаго капиталиста, но они все же не понимаютъ еще своего безсилія по отношенію къ ходу общественаго развитія; не понимаютъ, что не могутъ ни спасти капитализмъ, ни отсрочить побѣду пролетаріата; или же у нихъ не хватаетъ безкорыстія, мужества и силы, чтобы признаться въ этомъ самимъ себѣ и открыто порвать съ буржуазнымъ обществомъ» (Neue Zeit, XIII, 2, стр. 76, 77).

Лишь немногіе могутъ рѣшиться и рѣшаются на такой разрывъ. Несомнѣнно, у пролетаріата есть среди «рыцарей духа» вѣрные друзья, но это, по большей части, пассивные его сторонники, которые желаютъ ему побѣды, но сами открыто примкнутъ къ нему лишь послѣ этой побѣды. Онъ не долженъ разсчитывать на притокъ *бойцовъ* изъ лагеря «рыцарей духа», но, съ другой стороны, онъ найдетъ въ ихъ рядахъ мало ожесточенныхъ противниковъ.

Этихъ немногихъ замѣчаній достаточно, чтобы показать, что возрастающая интеллигенціи есть классъ, который ставитъ передъ борющимся пролетаріатомъ важные и интересные вопросы. Было бы преувеличеніемъ причислять ихъ всецѣло къ пролетаріату, но еще ошибочнѣй было бы считать ихъ всѣхъ «собственниками». Въ этомъ слоѣ соединены, въ узкой рамкѣ, всѣ тѣ соціальныя противорѣчія, которыя характерны для капиталистическаго общества; но и въ этомъ микрокосмѣ, какъ во всемъ общественномъ организмѣ, мы видимъ прогрессъ пролетарскаго элемента.

Итакъ, мы считаемъ, что устранили и послѣднее возраженіе Бернштейна противъ того, что онъ называетъ «теоріей крушенія» Маркса.

Численный ростъ новаго средняго класса—интеллигенціи—такъ же невозможно отрицать, какъ и ростъ матеріальнаго благосостоянія нѣкоторыхъ группъ рабочихъ. Но ни то, ни другое явленіе не противорѣчитъ марксовой теоріи концентраціи капитала, усиленія эксплуатаціи пролетаріата и обостренія соціальныхъ

антагонизмовъ. Безъ сомнѣнія, увеличеніе числа собственниковъ противорѣчило бы теоріи крушенія. Но Бернштейнъ не доказалъ этого увеличенія. Какъ статистическія данныя, такъ и теоретическія соображенія доказываютъ обратное.

---

h) Теорія кризисовъ.

Сравнительно съ теоріей концентраціи капиталовъ и обостренія соціальныхъ антагонизмовъ, теорія періодическихъ хозяйственныхъ кризисовъ имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Кризисы усиливаютъ послѣдствія вышеуказанной эволюціи, ускоряютъ процессъ концентраціи капиталовъ, увеличиваютъ массу пролетаріевъ и необезпеченность ихъ положенія. Но окончательный результатъ этой эволюціи не измѣнился бы, если бы періодическіе кризисы и не находились въ необходимой связи съ самой сущностью капиталистическаго способа производства.

Однако, Бернштейнъ не идетъ такъ далеко, чтобы утверждать это съ опредѣленностью. Мы уже указывали, что въ одной изъ своихъ статей о «Проблемахъ соціализма» онъ критиковалъ теорію кризисовъ какого-то неизвѣстнаго выдающагося автора,—теорію, по которой соціализмъ долженъ быть результатомъ приближающагося всемірнаго кризиса. Марксъ и Энгельсъ никогда и не утверждали ничего подобнаго; равнымъ образомъ, этой теоріи нельзя найти ни въ одномъ изъ болѣе извѣстныхъ марксистскихъ произведеній. Несмотря на это, Бернштейнъ повторяетъ въ своей книгѣ о «Предпосылкахъ соціализма» тѣ же разсужденія, которыя заключаются въ его статьяхъ въ «Neue Zeit» но не указываетъ на этотъ разъ на то воззрѣніе, противъ котораго онъ ихъ первоначально направлялъ. Поэтому невозможно понять связь этихъ разсужденій съ изслѣдованіемъ предпосылокъ соціализма, и мы напрасно спрашиваемъ себя, что хотѣлъ доказать Бернштейнъ, доказывая, что міровой кризисъ не съ безусловной необходимостью долженъ наступить въ ближайшемъ будущемъ, и что будущіе кризисы могутъ принять форму кризисовъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности и въ отдѣльныхъ странахъ. Ихъ обо-

стряющее вліяніе на общественное развитіе, на которое указано выше, остается прежнимъ.

Итакъ, мы можемъ спокойно вычеркнуть кризисы изъ ряда изслѣдованныхъ Бернштейномъ предпосылокъ соціализма и тѣмъ скорѣе перейти къ очередному порядку, что мы сознаемъ заключающіяся въ этомъ вопросѣ трудности, для успѣшнаго преодолѣнія которыхъ требуется больше времени и мѣста, чѣмъ имѣется въ нашемъ распоряженіи въ настоящій моментъ.

Если же мы, несмотря на это, сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній по этому вопросу, то только ради того, чтобы устранить нѣкоторыя недоразумѣнія, вызванныя главою о кризисахъ.

Нѣкоторые мудрецы рѣшились утверждать, что Бернштейнъ совершенно разрушилъ марксову теорію кризисовъ, доказавъ, что десятилѣтній циклъ кризисовъ не существуетъ.

На этотъ счетъ можно, прежде всего, замѣтить, что десятилѣтній циклъ кризисовъ—не *теорія* Маркса, а *эмпирически* установленный фактъ. Мы видѣли крупные промышленные кризисы въ 1815, 1825, 1836, 1847 и 1857 г.г. Затѣмъ послѣдовали большія войны: итальянская, федеральная въ С.-Америкѣ, датская война, прусско-австрійская и нѣмецко-французская; съ этого времени приблизительно десятилѣтній циклъ нарушился. Ближайшій общій кризисъ повторился въ 1873 г., а за нимъ послѣдовалъ періодъ угнетенія неслыханной продолжительности: онъ продолжался почти полтора десятка лѣтъ; наконецъ, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ снова начался подъемъ, а затѣмъ, нѣсколько лѣтъ спустя, новый періодъ общаго неблагопріятнаго хода дѣлъ, сопровождаемый острыми кризисами въ нѣкоторыхъ странахъ, въ 1890 г.—въ Аргентинѣ и въ 1893 г.—въ Соединенныхъ Штатахъ; теперь уже въ теченіе трехъ лѣтъ мы переживаемъ періодъ общаго промышленнаго благополучія. Предвѣстникъ-ли это новаго кризиса или начало долголѣтней эры безмятежнаго капиталистическаго счастья?

Биржа уже готовится къ грядущему краху. Она кажется болѣе предусмотрительной, чѣмъ нѣкоторые изъ нашихъ молодыхъ соціалистовъ, для которыхъ достаточно нѣсколькихъ лѣтъ, благопріятныхъ для промышленности и торговли, чтобы выбросить за бортъ опытъ цѣлаго столѣтія и формулирующія его теоріи.

Итакъ, нѣкоторые болѣе или менѣе соціалистическіе теоретики считаютъ марксову теорію кризисовъ несостоятельной, а въ это время вполнѣ буржуазные практики уже считаются съ кризисомъ, наступленія котораго они ждутъ черезъ нѣсколько лѣтъ.

Марксъ не *сочинилъ* цикла кризисовъ, а *наблюдалъ* его и объяснилъ его. О томъ, что циклъ этотъ пересталъ быть десятилѣтнимъ, было извѣстно гораздо раньше Бернштейна. Да и этотъ послѣдній не утверждаетъ, что сказалъ марксистамъ нѣчто новое. Вопросъ состоитъ не въ томъ, повторяются ли кризисы каждые 10 лѣтъ, а въ томъ, должны ли они вообще время отъ времени повторяться.

Въ самомъ дѣлѣ, элементъ кризисовъ данъ уже самимъ товарнымъ способомъ производства. Товарное производство есть производство, сосредоточенное въ рукахъ независимыхъ другъ отъ друга производителей, и притомъ—производство для рынка, т. е. для измѣнчивыхъ потребностей неопредѣленнаго числа потребителей. Роль регулятора въ этой анархической системѣ производства играютъ колебанія цѣнъ. Если произведено больше того, сколько нужно по потребностямъ даннаго момента, то цѣны падаютъ; если же произведено меньше, то онѣ подымаются выше своего средняго уровня. Поэтому невозможность продажи продуктовъ по цѣнамъ производства, при товарномъ производствѣ, есть явленіе, неизбѣжно повторяющееся отъ времени до времени; но это явленіе и есть основа кризисовъ. Однако, для того, чтобы кризисъ дѣйствительно наступилъ, необходимы извѣстныя условія, которыя отсутствуютъ въ начальную стадію товарнаго производства и которыя создаются только капиталистическимъ способомъ производствомъ. Лишь онъ все въ большей и большей степени превращаетъ все производство въ производство товарное, между тѣмъ какъ до того значительная часть продуктовъ производилась для личнаго потребленія производителя. Слѣдовательно, только благодаря ему экономическое существованіе массы членовъ общества стало зависѣть отъ того, удастся ли имъ продать свои товары. При этомъ, благодаря прогрессу общественнаго раздѣленія труда и развитію кредитной системы, капиталистическое общество до того усиливаетъ взаимную зависимость отдѣльныхъ товаропроизводителей, что всякая остановка

въ сбытѣ товаровъ въ одномъ пунктѣ приводитъ къ такимъ же остановкамъ въ другихъ пунктахъ; что кризисъ въ одной какой нибудь важной индустріи съ производствомъ массовыхъ товаровъ останавливаетъ ходъ всѣхъ промышленныхъ предпріятій и становится бѣдствіемъ для цѣлой націи и даже для цѣлаго ряда націй.

Въ то же время капиталистическій способъ производства превращаетъ ограниченный мѣстный рынокъ, потребности котораго легко поддаются учету и почти не измѣняются,—рынокъ простого товарнаго производства,—въ огромный, необозримый, безпрерывно измѣняющійся міровой рынокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и число посредниковъ, отдѣляющихъ производителя отъ потребителя, и такимъ образомъ первый все болѣе и болѣе теряетъ возможность наблюдать за колебаніями рынка.

При этомъ въ огромной степени возрастаетъ эластичность производительныхъ силъ, благодаря современной научной техникѣ и системѣ кредита, но еще болѣе благодаря промышленной резервной арміи, которая всегда существуетъ при капиталистическомъ способѣ производства и которая создаетъ возможность для скачкообразнаго развитія промышленности.

Такимъ образомъ, значительное увеличеніе спроса всякій разъ приводитъ къ стремительному расширенію производства, далеко опережающему существующую потребность,—къ перепроизводству, сопровождаемому остановкой въ сбытѣ, паденіемъ цѣнъ, сокращеніемъ производства, многочисленными банкротствами и охватывающей широкіе слои безработицей, т. е. кризисомъ.

Съ этимъ движеніемъ переплетается движеніе другого порядка, которое не слѣдуетъ смѣшивать съ первымъ.

Въ отличіе отъ всѣхъ предшествовавшихъ, капиталистическій способъ производства предполагаетъ неизбѣжно постоянное расширеніе производства, какъ вопросъ жизни, такъ какъ капиталъ и рабочая сила непрерывно и быстро возрастаютъ.

Уже естественное размноженіе пролетаріата встрѣчаетъ для себя въ капиталистическомъ способѣ производства весьма благопріятныя условія. Въ средѣ цеховыхъ ремесленниковъ, равно какъ и въ средѣ крестьянъ (по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ площадь крестьянской земли ограничена), ростъ населенія сильно задерживается тѣмъ обстоятельствомъ, что только собственникъ-хозя-

инъ предпріятія оказывается въ состояніи обзавестись семьей и содержать ее. На этой ступени хозяйственнаго развитія несамостоятельный рабочій всего чаще принадлежитъ къ семьѣ своего мастера или хозяина; собственнаго очага онъ не имѣетъ. Капиталистическій способъ производства повсюду отдѣляетъ экономическое предпріятіе отъ домохозяйства; онъ позволяетъ обзаводиться послѣднимъ и пролетарію. Съ другой стороны, онъ отнимаетъ у него всякую надежду стать хозяиномъ собственнаго предпріятія; поэтому для него излишне откладывать обзаведеніе собственной семьею. Этотъ способъ производства разлагаетъ семью, гонитъ жену и дѣтей на фабрику и въ мастерскую, рано дѣлаетъ молодого рабочаго самостоятельнымъ; но, съ другой стороны, съ такой энергіей выжимаетъ его рабочую силу, что онъ рано становится инвалидомъ. Подмастерье или крѣпостной долженъ былъ откладывать бракъ до довольно поздняго возраста; онъ долженъ былъ выжидать до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ достаточныхъ сбереженій, чтобы обзавестись собственнымъ дѣломъ. Для наемнаго же рабочаго капиталистическаго строя, напротивъ, откладывать бракъ не только безцѣльно, но и нераціонально, такъ какъ, чѣмъ онъ старѣе, тѣмъ меньше у него шансовъ прокормить семью на свой заработокъ. И женщины изъ пролетарской среды тѣмъ легче рѣшаются на бракъ, что онѣ сами имѣютъ заработокъ; а такъ какъ дѣвушки и молодые люди рано становятся экономически самостоятельными, то вмѣшательство родителей въ дѣло заключенія брака сводится почти къ нулю, тогда какъ прежде ихъ согласіе имѣло гораздо большее значеніе чѣмъ воля самихъ брачующихся.

Правда, при капиталистическомъ способѣ производства другіе факторы противодѣйствуютъ быстрому росту населенія; напр., проституція. Однако же, въ странахъ съ высоко-развитою промышленностью, — напр., въ Германіи, Англіи и Соединенныхъ Штатахъ, — мы все же наблюдаемъ быстрый ростъ населенія. Въ послѣднемъ государствѣ этому, правда, способствуетъ иммиграція, но все въ болѣе и болѣе слабой степени. Численность населенія равнялась:

Въ Германской имперіи	(1871 г.)	41.100.000	(1895 г.)	52.200.000
» Англіи и Уэльсѣ. . .	(1871 г.)	22.700.000	(1896 г.)	30.700.000
» Соединенныхъ Штат.	(1870 г.)	38.500.000	(1897 г.)	72.200.000.

Намъ говорятъ, что это быстрое умноженіе населенія дѣлаетъ необходимымъ столь же быстрое расширеніе промышленности. Это правильно; но, съ другой стороны, именно это быстрое умноженіе населенія является результатомъ непрерывнаго роста капиталистическаго индустріализма.

Однако, еще быстрѣе, чѣмъ все вообще населеніе, возрастаетъ число рабочихъ силъ. Въ Германской имперіи процентъ занятаго промысловой дѣятельностью населенія равнялся въ 1882 г. 38,99, а въ 1895 г.—40,12. Въ то же время процентъ неимѣющихъ опредѣленнаго занятія членовъ семействъ сократился отъ 55,08 до 53,15, Это слѣдуетъ приписать, главнымъ образомъ, возрастанію женскаго труда*).

То же экономическое развитіе, которое вызываетъ этотъ ростъ рабочей силы, сокращаетъ въ то же время число рабочихъ силъ, которыя можетъ занять опредѣленная сумма капитала, увеличиваетъ количество и стоимость машинъ, сырья и вспомогательныхъ матеріаловъ, приходящихся на опредѣленное число рабочихъ. Итакъ, чтобы прежнее, или даже и возрастающее число рабочихъ могло находить себѣ занятіе, вложенный въ производство капиталъ долженъ постоянно и быстро возрастать.

Дѣйствительно, за капиталомъ остановки нѣтъ. Чѣмъ выше производительность труда, чѣмъ сильнѣе распространено примѣненіе необученныхъ, незрѣлыхъ и женскихъ рабочихъ силъ, тѣмъ выше норма прибавочной стоимости, тѣмъ быстрѣе можетъ происходить накопленіе новаго капитала. Необходимость заставляетъ капиталистовъ стремиться къ накопленію, такъ какъ съ ходомъ экономическаго развитія возрастаетъ минимальная сумма капитала, необходимая для того, чтобы предпріятіе могло выдерживать конкурренцію, и чѣмъ необузданнѣе конкурренція, тѣмъ больше шансовъ у крупнаго капитала, и тѣмъ меньше ихъ у мелкаго. Итакъ, постоянное увеличеніе размѣровъ предпріятія, постоянное расширеніе производства являются при капиталистическомъ способѣ производства вопросомъ жизни не только для наемнаго пролетаріата, но и для капиталистовъ.

*) Въ С. Штатахъ число лицъ, живущихъ своимъ трудомъ, въ 1880 г. составляло 36,68% всего населенія, а 1890 г.—36,31%.—Дополн. по франц изд.

Но предварительнымъ условіемъ расширенія производства является соотвѣтствующее расширеніе рынка, ростъ не только физическихъ потребностей (за этимъ бы дѣло не стало), но и экономическаго спроса, платежеспособнаго спроса на массовые продукты капиталистическаго производства; послѣдній, однако, всегда имѣетъ тенденцію понизить стоимость того, что могутъ обмѣнивать рабочія массы,—стоимость ихъ рабочей силы, такъ что они оказываются въ состояніи покупать все меньшее и меньшее количество производимыхъ ими продуктовъ.

Поэтому постоянное расширеніе рынка является одной изъ самыхъ важныхъ задачъ капиталиста-промышленника.

Рынокъ бываетъ двухъ родовъ: внутренній и внѣшній. Въ послѣднее время, когда говорятъ о расширеніи рынка, то почти всегда имѣютъ въ виду внѣшній рынокъ. Но Зомбартъ былъ вполнѣ правъ, указывая на то значеніе, которое сохранило за собой расширеніе внутренняго рынка. Во всякомъ случаѣ, его злостныя нападки на соціаль-демократію, которыми сопровождались его разсужденія на эту тему въ „Social-Praxis“, были совершенно излишни.

Мы здѣсь обходимъ вытѣсненіе иностранной промышленности съ внутренняго рынка съ помощью покровительственныхъ пошлинъ. Въ этомъ случаѣ происходитъ расширеніе рынка только для національной капиталистической промышленности, а не для всей совокупности индустрій, входящихъ въ міровой рынокъ.

Но расширеніе внутренняго рынка для капиталистической промышленности возможно еще путемъ вытѣсненія примитивной домашней промышленности. Этотъ процессъ, правда, сдѣлалъ большіе успѣхи уже въ XVIII столѣтіи, но и до сихъ поръ онъ еще не закончился вполнѣ ни въ одной странѣ, даже въ Англіи. Онъ ускоряется улучшеніемъ путей сообщенія, особенно желѣзныхъ дорогъ, сооруженіе которыхъ имѣетъ само по себѣ большое значеніе для капиталистической индустріи. Чѣмъ больше желѣзныхъ дорогъ, тѣмъ быстрѣе совершается приливъ изъ деревни въ городъ, тѣмъ больше возводится въ городахъ новыхъ построекъ; а строительная дѣятельность порождаетъ новый спросъ на трудъ и на матеріалы. Съ другой стороны, отливъ рабочихъ силъ изъ деревни способствуетъ введенію сберегающихъ трудъ машинъ въ

сельскомъ хозяйствѣ, и, слѣдовательно, расширяетъ рынокъ для машиностроительной промышленности.

Крупныя техническія нововведенія вообще являются важнымъ факторомъ образованія внутренняго рынка. Современному промышленному подъему въ немалой степени способствовало развитіе электротехники въ послѣднее десятилѣтіе, многочисленныя примѣненія электричества, открытыя за послѣднее время, — для цѣлей освѣщенія, транспорта, промышленности и даже сельскаго хозяйства.

Но внутренній рынокъ можетъ также внезапно расшириться вслѣдствіе быстраго увеличенія количества денежнаго металла, хотя бы послѣдній добывался не внутри данной страны. Достаточно, чтобы только владѣльцы золотыхъ и серебряныхъ пріисковъ жили внутри данной страны. Какъ открытіе золотыхъ пріисковъ въ Калифорніи и въ Австраліи помогло преодолѣть также и въ Европѣ кризисъ 1847—49 г., точно такъ же золотые пріиски въ Ю. Африкѣ содѣйствовали преодолѣнію кризиса 1873—1887 г. и современному процвѣтанію промышленности.

Годовая стоимость добытаго золота составляла въ милліонахъ марокъ:

Съ	1831	по	1840 г.	56,6
»	1841	»	1850 »	152,8
»	1851	»	1855 »	556,3
»	1856	»	1860 »	562,9

Затѣмъ добываніе золота опять сократилось. Съ 1881 по 1885 г. оно въ среднемъ составляло 432 милліона марокъ въ годъ.

Съ 1889 г. начался вновь быстрый подъемъ:

Въ	1889 г.	503,8	милл. мар.
»	1890 »	487,5	» »
»	1891 »	532,4	» »
»	1892 »	594,7	» »
»	1893 »	672,7	» »
»	1894 »	736,5	» »
»	1895 »	813,9	» »
»	1896 »	828,2	» »
»	1897 »	961,0	» »
»	1898 »	1224,0	» »

Тѣ же пріемы, которые способствуютъ расширенію внутренняго рынка, способствуютъ также расширенію и рынка внѣшняго: это — увеличеніе производства денежнаго металла, расширеніе и улучшеніе путей сообщенія (постройка пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ), уничтоженіе примитивной домашней промышленности и, наконецъ, введеніе новаго способа производства, насажденіе крупной промышленности въ экономически отсталыхъ странахъ, которыя ввозятъ необходимыя для нихъ машины изъ странъ съ развитою крупной промышленностью.

Въ промежутокъ времени съ 1891 по 1895 г. общее протяженіе желѣзныхъ дорогъ увеличилось:

Въ Германіи	на	6,8 %	2989	килом.
» Франціи	»	6,5 »	2476	»
» Бельгіи	»	4,5 »	238	»
» Великобританіи и Ирландіи .	»	3,5 »	1161	»

Но зато:

Въ Россіи	на	21,4 %	6675	килом.
» Азіи	»	22,1 »	7838	»
» Африкѣ	»	25,2 »	2647	»

Грандіозные желѣзно-дорожные пути въ Сибири и въ Китаѣ только начинали пролагаться въ 1895 г.

На разрушеніи примитивной домашней промышленности основано, прежде всего, расширеніе рынка для *текстильной промышленности*. А на расширеніи и улучшеніи путей сообщенія и развитіи иностранной крупной промышленности основаны значеніе и размѣры *желѣзодѣлательной* промышленности.

Оба очерченныя здѣсь движенія: съ одной стороны — промышленный циклъ, т. е. смѣна процвѣтанія, кризиса, застоя и новаго торгово-промышленнаго оживленія, а съ другой — постоянное стремленіе къ расширенію производства и рынковъ сбыта, — переплетаются одно съ другимъ и кажутся однимъ общимъ движеніемъ. Всякое усиленное расширеніе рынка толкаетъ впередъ производство и приводитъ его къ перепроизводства и кризису. И наоборотъ, всякій кризисъ вызываетъ настоятельную потребность въ расширеніи рынковъ.

Но для соціальной эволюціи эти два процесса не равнозначущи. Кризисы благопріятствуютъ соціалистическому движенію, ускоряя концентрацію капиталовъ и усиливая необезпеченность положенія пролетаріевъ, слѣдовательно, обостряя тѣ причины, которыя толкаютъ ихъ къ соціализму. А необходимость постояннаго расширенія рынка, съ другой стороны, содержитъ въ себѣ еще одинъ дальнѣйшій моментъ: очевидно, что капиталистическій способъ производства станетъ невозможнымъ съ того историческаго момента, когда окажется, что рынокъ не можетъ дальше расширяться въ той же мѣрѣ, какъ и производство, т. е. какъ только перепроизводство станетъ хроническимъ.

Подъ исторической необходимостью Бернштейнъ понимаетъ только принудительное положеніе. Здѣсь мы имѣемъ именно такое положеніе: въ случаѣ своего наступленія, оно неизбѣжно должно привести къ соціализму.

Но къ такому положенію мы неизбѣжно должны прійти, въ томъ случаѣ, *если экономическое развитіе будетъ продолжать идти тѣмъ путемъ, какимъ оно шло до сихъ поръ*, такъ какъ внѣшній рынокъ, подобно внутреннему, имѣетъ свои границы, между тѣмъ какъ расширеніе производства практически безгранично. При этомъ рѣчь идетъ не о постоянной, незыблемой границѣ (экономическое развитіе не можетъ достигнуть такой границы), а объ эластичной границѣ, которая, однако, все болѣе и болѣе смыкается. Мы никогда не дойдемъ до такого пункта, дальше котораго рынокъ абсолютно не могъ бы болѣе расширяться; но капиталистическій способъ производства долженъ стать невыносимымъ не только для пролетаріевъ, но и для всей массы населенія, какъ только способность рынка къ расширенію станетъ отставать отъ потребностей въ расширеніи производства, порождаемыхъ увеличеніемъ численности промышленнаго населенія, ростомъ капитала и развитіемъ технологіи.

Но чѣмъ выше процентъ, живущаго заработной платой, тѣмъ быстрѣе совершается и ростъ рабочаго населенія.

Чѣмъ больше общая масса капитала и норма эксплоатаціи, тѣмъ больше масса ежегодно накопляющейся прибыли, и чѣмъ дальше распространяется капиталистическій способъ производства, тѣмъ обширнѣе становится область современной науки, тѣмъ

многочисленнѣе интеллигенція, тѣмъ богаче средства, которыми можетъ располагать духъ изобрѣтательности, а, стало быть, тѣмъ быстрѣе слѣдуютъ техническіе перевороты, и тѣмъ выше производительность труда.

Темпъ развитія всемірной промышленности становится все быстрѣе и быстрѣе. Но окажется ли міровой рынокъ способнымъ столь же быстро и постоянно расширяться?

Для той отрасли крупной капиталистической промышленности, которая прежде всего стала играть роль на міровомъ рынкѣ, именно для *текстильной промышленности*, въ настоящее время наступила эпоха хроническаго перепроизводства въ тѣхъ странахъ, которыя можно считать ея родиной. Правда, рынокъ не перестаетъ расширяться, но гораздо быстрѣе растетъ численность иностранныхъ конкуррентовъ.

Такъ, въ Англіи мощно развившаяся текстильная промышленность уже вступила въ періодъ застоя. Даже періодъ промышленнаго процвѣтанія не сопровождается для нея замѣтнымъ подъемомъ. Стоимость экспорта изъ Соединеннаго королевства равнялась въ милліонахъ фунтовъ стерлинговъ:

	1880	1885	1890	1895	1897
Хлопчатобумажная пряжа	11,9	11,9	12,3	9,3	9,9
Хлопчатобумажныя матеріи	63,7	55,1	62,1	54,5	54,0
Вмѣстѣ	75,6	67,0	74,4	63,8	63,9

Не многимъ лучше обстоятъ дѣла съ хлопчатобумажной промышленностью и въ остальныхъ странахъ Западной Европы: она съ большимъ трудомъ расширяетъ свои рынки сбыта*).

Совсѣмъ иначе обстоятъ дѣла въ желѣзодѣлательной промышленности. Если сооруженіе желѣзныхъ дорогъ въ Европѣ и Соединенныхъ Штатахъ, сравнительно, все болѣе и болѣе замедляется, зато на обширныхъ пространствахъ варварскихъ или полуцивилизованныхъ странъ еще открыта полная возможность сооруженія желѣзныхъ дорогъ. Для машиностроенія имѣются еще въ перспективѣ обширныя области, которыя тѣмъ быстрѣе созрѣ-

*) Въ Германіи число рабочихъ, занятыхъ въ промышленности и въ торговлѣ, увеличилось въ періодъ времени съ 1882 по 1895 г. на 40%, между тѣмъ какъ число лицъ, занятыхъ въ текстильной промышленности, увеличилось только на 9%. (Дополн. по франц. изданію.).

ваютъ для введенія крупной капиталистической промышленности и капиталистическаго горнодѣлія, чѣмъ больше оказывается въ Европѣ и Америкѣ лишняго капитала, который необходимо экспортировать, и чѣмъ тѣснѣе онѣ связываются, при помощи желѣзныхъ дорогъ и паровозовъ, съ міровымъ рынкомъ*).

Но, какихъ бы размѣровъ ни достигъ экспортъ ссуднаго капитала, отсталыя страны не могутъ только имъ однимъ оплачивать тѣ продукты, которыя ввозятся въ нихъ изъ странъ съ развитою крупною промышленностью. Напротивъ, эти капиталы еще обременяетъ ихъ все растущимъ платежемъ процентовъ. Для оплаты же продуктовъ промышленности и процентовъ на капиталъ, страны эти не могутъ отдать ничего иного, кромѣ сырыхъ матеріаловъ, значительная часть которыхъ притомъ производится и европейскимъ сельскимъ хозяйствомъ, или которые вытѣсняютъ продукты этого послѣдняго. И чѣмъ совершеннѣе пути сообщенія, тѣмъ легче эти сырые матеріалы могутъ попасть въ Европу, и тѣмъ легче имъ вытѣснить съ нашихъ рынковъ европейскіе продукты.

Такимъ образомъ, хроническій кризисъ или, по меньшей мѣрѣ, застой, прерываемый лишь кратковременными періодами слабаго подъема, охватываетъ не только текстильную промышленность, но и сельское хозяйство и связанныя съ нимъ индустріи: производство спирта, сахара. Если же, несмотря на это, напр., производство сахара не перестаетъ искуственно расширяться, то тѣмъ ужаснѣе долженъ быть въ концѣ концовъ крахъ.

Но и подъемъ желѣзодѣлательной промышленности (включая сюда и машиностроительное производство), которая стала теперь главнѣйшей отраслью промышленности, и которой мы, главнымъ образомъ, обязаны переживаемымъ нынѣ періодомъ промышленнаго расцвѣта, долженъ рано или поздно прійти къ концу; и концомъ этимъ будетъ не кратковременный, преходящій кризисъ, но хроническое перепроизводство и застой,—предполагая по прежнему, что капиталистическій способъ производства продолжаетъ безпрепятственно развиваться. Въ самомъ дѣлѣ,

*) Тогда какъ число лицъ, занятыхъ въ текстильной промышленности, увеличилось въ Германіи только на 9%, въ металлургической промышленности оно увеличилось на 39%, а въ машиностроительной—на 64%. (Дополн. по франц. изд.).

желѣзодѣлательная промышленность сама себѣ роетъ могилу, вывозя заграницу готовыя машины. Правда, вначалѣ она создаетъ, главнымъ образомъ, конкуррентовъ для отечественной текстильной и сельско-хозяйственной промышленности, но рано или поздно она создаетъ конкуррентовъ и для самой себя, которые не только удовлетворяютъ потребности своей собственной страны, но и производятъ все возрастающій излишекъ для мірового рынка.

Англійская желѣзодѣлательная промышленность какъ-будто бы уже подошла къ тому предѣлу, за которымъ дальнѣйшее расширеніе невозможно, — если сравнить ее съ тою же отраслью промышленности въ Германіи и въ Соединенныхъ Штатахъ. Производство сырого желѣза въ Англіи лишь немного возросло въ переживаемый нами періодъ промышленнаго процвѣтанія. По словамъ лондонскаго «Economist» (№ отъ 1 іюля 1899 г.) производство это равнялось въ тоннахъ:

	1896	1897	1898
Въ Великобританіи .	8.659.681	8.681.151	8.877.109
» Германіи	6.372.575	6.864.405	7.215.927
» Соедин. Штатахъ	8.623.127	9.652.680	11.733.934

По даннымъ, приведеннымъ въ статьѣ W. R. Lawson'a въ «Bankers magazine» за августъ 1899 г., производство стальныхъ рельсовъ равнялось въ тоннахъ:

	Въ Англіи	Въ Соед. Штатахъ
Въ 1897 г.	921.131	1.644.520
« 1898 г.	751.591	1.976.720

Общее производство бессемеровской стали равнялось въ тоннахъ:

	Въ Англіи	Въ Соед. Штатахъ
Въ 1897 г.	1.884.155	5.475.315
» 1898 г.	1.759.368	6.609.017

Несмотря на противоположныя завѣренія владѣльцевъ англійскихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ, Lawson усматриваетъ въ этихъ цыфрахъ весьма тревожные симптомы для металлургической промышленности своей страны.

А когда желѣзодѣлательное производство въ странахъ съ развитою крупной промышленностью достигнетъ такого же положенія, въ которомъ находится англійская текстильная промышленность и сельское хозяйство въ Англіи, тогда придетъ къ концу и способность капиталистическаго способа производства къ расширенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его жизнеспособность.

И такого момента не придется ожидать слишкомъ долго. Вспомнимъ, какъ быстро развилась въ Соед. Штатахъ, Японіи и Россіи крупная промышленность въ довольно почтенныхъ размѣрахъ. Въ первой изъ этихъ странъ въ теченіе одного поколѣнія развилась такая промышленность, которая уже и теперь успѣшно конкурируетъ съ англійской и германской промышленностью.

Однако, допущеніе такого рода хроническаго, ничѣмъ неизлѣчимаго перепроизводства отнюдь не означаетъ предсказанія огромного мірового кризиса въ ближайшемъ будущемъ,—всемірнаго пожара, изъ котораго должно выпорхнуть, подобно птицѣ фениксу, соціалистическое общество во всей своей красѣ.

Процесъ наступленія хроническаго перепроизводства можетъ оказаться весьма затяжнымъ. Мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго относительно того, когда или какъ онъ совершится. Я охотно допускаю даже возможность сомнѣнія въ томъ, наступитъ ли онъ вообще когда либо; въ этомъ можно тѣмъ болѣе сомнѣваться, чѣмъ быстрѣе мы представляемъ себѣ успѣхи соціалистическаго движенія.

Ничѣмъ не устранимое хроническое перепроизводство является послѣднимъ предѣломъ, до котораго вообще можетъ утвердиться капиталистическое производство, но оно не должно неизбѣжно быть причиной его гибели. Мы видѣли, что матеріалистическое пониманіе исторіи знаетъ, помимо экономическаго *принужденія*, еще и другіе факторы соціальнаго развитія, которые, хотя и обусловливаются экономикой, тѣмъ не менѣе носятъ во многихъ отношеніяхъ идеальный, этическій характеръ, и которые мы обобщаемъ въ формулѣ классовой борьбы. Классовая борьба пролетаріата можетъ привести къ ниспроверженію капиталистическаго способа производства еще раньше, чѣмъ послѣдній вступитъ въ періодъ разложенія. Если указаніе на хроническое перепроизводство не равнозначуще съ предсказаніемъ

грандіознаго всемірнаго кризиса, то оно не равнозначуще и вообще съ предсказаніемъ того или иного опредѣленнаго способа крушенія капиталистическаго производства. Значеніе этого указанія состоитъ въ томъ, что оно опредѣляетъ крайній предѣлъ жизнеспособности современнаго общества и тѣмъ самымъ приближаетъ соціализмъ изъ туманной дали, въ которую его отодвигаютъ въ наши дни многіе соціалисты, пододвигаетъ его ближе къ намъ и превращаетъ изъ цѣли, которую, *быть можетъ*, возможно будетъ осуществить лѣтъ этакъ черезъ пятьсотъ (а можетъ быть, и тогда нельзя будетъ), въ близкую и необходимую цѣль практической политики.

Таковы, по моему мнѣнію, важнѣйшіе пункты, которые слѣдуетъ имѣть въ виду при обсужденіи связи между экономическими кризисами и соціализмомъ.

Однако же, Бернштейнъ о нихъ какъ-разъ и не высказывается, такъ какъ его усилія направлены почти исключительно къ опроверженію лишенной всякаго значенія фантазіи о колоссальномъ всемірномъ кризисѣ.

Онъ возбуждаетъ вопросъ: „Сильное пространственное расширеніе мірового рынка, въ связи съ необычайнымъ сокращеніемъ времени, необходимаго для сношеній и для перевозки, не увеличило-ли оно въ значительной степени возможность *устраненія* случаевъ застоя въ дѣлахъ? А колоссально возросшее богатство европейскихъ индустріальныхъ государствъ, въ связи съ эластичностью современнаго кредита и появленіемъ промышленныхъ картелей,—не сузило ли оно силу *обратнаго воздѣйствія* частныхъ и мѣстныхъ разстройствъ въ дѣлахъ на общее состояніе торговли ип ромышленности? И не сталъ ли, вслѣдствіе этого, общій промышленный кризисъ, подобный предыдущимъ, невѣроятнымъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени?

Какой характеръ примутъ ближайшіе кризисы,—этого, разумѣется, въ настоящее время сказать нельзя. Весьма вѣроятно, что во многихъ отношеніяхъ они будутъ отличаться отъ предшествовавшихъ. Однако, не объ этомъ идетъ рѣчь. Вопросъ состоитъ въ томъ, будетъ ли дѣйствіе будущихъ кризисовъ на

пролетаріатъ и средніе свои таково же, какъ и дѣйствіе прежнихъ. Ничто не говоритъ за отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Впрочемъ, мнѣ не совсѣмъ понятно, почему расширеніе мірового рынка и кредита, равно какъ и ростъ богатства, должны задержать всеобщее распространеніе кризисовъ. Вѣдь здѣсь дѣло идетъ не о „*мѣстныхъ* или *частныхъ разстройствахъ* въ общемъ положеніи торговли и промышленности“, а объ общемъ перепроизводствѣ. Чѣмъ лучше способы сношеній и средства перевозки, тѣмъ въ большей степени міровой рынокъ долженъ представлять изъ себя нѣчто цѣлое, тѣмъ скорѣе состояніе одной части этого цѣлаго должно отражаться на всѣхъ другихъ частяхъ. Въ томъ же направленіи должно дѣйствовать и развитіе кредита. Но его развитіе облегчаетъ также и возможность внезапнаго расширенія производства. Къ тому же ведетъ и ростъ богатства, который вѣдь означаетъ не что иное, какъ увеличеніе капитала, который можно употребить на расширеніе производства. Конечно, *мѣстныя* или *частныя* разстройства, благодаря этимъ массамъ капитала, благодаря кредиту и быстротѣ сношеній, можно легче устранить. Какъ замѣтилъ еще Энгельсъ, цѣлый рядъ причинъ и очаговъ кризисовъ уже устраненъ, благодаря всему этому; но какимъ образомъ развитіе этихъ факторовъ можетъ препятствовать общему перепроизводству? А если перепроизводство окажется всеобщимъ, то таковымъ же долженъ оказаться и крахъ. Промышленное процвѣтаніе и кризисъ при капиталистическомъ способѣ производства неразрывно связаны другъ съ другомъ.

Конечно, это отнюдь не значитъ, что ближайшій кризисъ будетъ послѣднимъ, что онъ положитъ конецъ существующему соціальному строю.

А картели? Не являются ли они средствомъ ограниченія и регулированія производства, а слѣдовательно, и средствомъ предупрежденія перепроизводства и кризисовъ.

Это, конечно, не ихъ *цѣль*. Ихъ задачей является увеличеніе капиталистической прибыли. Однимъ изъ путей къ этому является повышеніе цѣнъ, а слѣдовательно и нормы прибыли, путемъ сокращенія предложенія на рынкѣ. Но такимъ путемъ невозможно произвольно повышать цѣны, даже въ слу-

чаѣ монопольнаго господства на рынкѣ, къ которому стремятся картели. По мѣрѣ повышенія цѣнъ, съ одной стороны, понижается спросъ, а съ другой — для стоящихъ внѣ картеля капиталистовъ усиливается искушеніе принять участіе въ исключительныхъ прибыляхъ путемъ основанія конкуррентныхъ предпріятій и такимъ образомъ уничтожить монополію и расширить производство.

Поэтому, ограниченіе предложенія на рынкѣ картелями или трестами имѣетъ свои границы.

Съ другой стороны, при прочихъ равныхъ условіяхъ, прибыль бываетъ тѣмъ выше, чѣмъ дешевле обходится производство, т. е., между прочимъ, чѣмъ крупнѣе размѣры производства. Чѣмъ они крупнѣе, тѣмъ совершеннѣе оно можетъ быть обставлено въ техническомъ отношеніи, тѣмъ легче для него задушить въ зародышѣ всякую возникающую конкурренцію, которая иначе угрожаетъ установленной картелемъ монополіи. И чѣмъ крупнѣе и быстрѣе оборотъ, тѣмъ больше, при прочихъ равныхъ условіяхъ, и масса прибыли.

Поэтому о руководителѣ картеля можно сказать съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ о Марксѣ, что двѣ души живутъ въ его груди: одна стремится, насколько только возможно, ограничить производство, а другая — расширить его. Но руководитель картеля — не Фаустъ, предающійся рефлексіи, а дѣлецъ, и потому онъ не позволяетъ двумъ своимъ душамъ вести борьбу въ своей груди, а попросту стремится на двухъ различныхъ рынкахъ найти исходъ различнымъ тенденціямъ къ повышенію своей прибыли.

На внутреннемъ рынкѣ предложеніе возможно болѣе ограничивается, и цѣны вздуваются до такой высоты, на которой онѣ давали бы наивысшую прибыль. Однако, ограничивается только *предложеніе*, но не *производство*. Послѣднее расширяется, елико возможно, и излишекъ сбывается заграницу. Чѣмъ выше цѣны и прибыль на внутреннемъ рынкѣ, тѣмъ возможнѣе конкурренція продаваемыхъ за безцѣнокъ товаровъ на рынкѣ внѣшнемъ, и если на этомъ послѣднемъ можно покрыть хотя бы издержки производства, то и въ этомъ случаѣ сбытъ выгоденъ уже потому, что онъ позволяетъ непрерывно вести производство въ самыхъ крупныхъ размѣрахъ.

Итакъ, поскольку дѣло касается тѣхъ отраслей промышленности, въ которыхъ производство носитъ массовый характеръ, разсчитано на экспортъ,—именно эти отрасли и имѣютъ сильную тенденцію къ перепроизводству,—невозможно ожидать ограниченія и регулированія производства картелями.

Соединенные Штаты—страна картелей. Однако, мы не видимъ, чтобы производство тамъ ограничивалось. Производство желѣза-сырья въ Штатахъ за послѣднія пять лѣтъ *болѣе, чѣмъ удвоилось*. Въ 1894 г. оно равнялось $6^1/_2$ милл. тоннъ слишкомъ, въ 1898 г.—почти 12 милл., а въ 1899 г., по даннымъ послѣдняго полугодового отчета, оно достигаетъ 14 милл. (См. ст. Lawson'а въ «Bankers magazine»).

Бернштейнъ не можетъ отрицать, что при извѣстныхъ условіяхъ картели прямо толкаютъ къ перепроизводству.

«Однако,—возражаетъ онъ,—обыкновенно этотъ маневръ удается только тамъ, гдѣ картелямъ обезпечена защита покровительственныхъ пошлинъ, благодаря которымъ другія страны не могутъ отплатить имъ тою же монетою». Конечно, онъ убѣжденъ, что «тамъ, гдѣ въ современныхъ промышленныхъ государствахъ картели и тресты поддерживаются и поощряются покровительственными пошлинами, они, въ дѣйствительности, должны стать *факторами кризисовъ* въ соотвѣтствующей отрасли промышленности самой же «охраняемой» пошлинами страны,—если не въ началѣ, то, во всякомъ случаѣ, въ концѣ концовъ. Такимъ образомъ, все сводится только къ вопросу, до какихъ поръ данный народъ будетъ выносить подобное хозяйничаніе».

Итакъ, далеко не регулируя производства, картели, напротивъ, должны стать факторами кризисовъ: «все сводится только къ вопросу, до какихъ поръ данный народъ будетъ выносить подобное хозяйничаніе».

Въ этомъ, дѣйствительно, вопросъ. Но на него Бернштейнъ точно такъ же не далъ отвѣта, какъ и на многіе другіе, имъ поставленные вопросы.

Бернштейнъ исходилъ изъ того соображенія, что расширеніе мірового рынка, ростъ богатства, эластичность современной системы кредита, въ связи съ появленіемъ промышленныхъ картелей, сдѣлали невѣроятными,—«*по крайней мѣрѣ, на болѣе*

или менѣе продолжительное время», — всеобщіе торгово-промышленные кризисы. И вдругъ тѣ же картели оказываются новыми факторами кризисовъ, — по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока народы будутъ выносить существующую систему хозяйства подъ охраной покровительственныхъ пошлинъ, т. е., навѣрное, «*по крайней мѣрѣ, на болѣе или менѣе продолжительное время*».

Нечего и думать о томъ, чтобы возвратиться когда либо къ режиму свободы торговли. Пока народы будутъ выносить капитализмъ, до тѣхъ поръ они будутъ выносить и покровительственныя пошлины, и именно — вслѣдствіе все усиливающагося перепроизводства. Капитализмъ не знаетъ лѣкарствъ противъ этого послѣдняго; покровительственныя пошлины представляютъ собою попытку ослабить дурныя послѣдствія перепроизводства, т. е. попытку перенести эти послѣдствія со своей страны на другія. Конечно, такое дѣйствіе покровительственныхъ пошлинъ продолжается лишь до тѣхъ поръ, пока другія страны не прибѣгнутъ къ той же попыткѣ. Но покровительственныя пошлины легче ввести, чѣмъ отмѣнить, особенно въ періодъ столь ожесточенной конкурренціи на міровомъ рынкѣ, а безуспѣшность попытки приводитъ скорѣе къ повышенію пошлинъ, чѣмъ къ ихъ отмѣнѣ.

Гдѣ мы видимъ въ настоящее время среди буржуазныхъ партій движеніе въ пользу свободы торговли? Для этихъ партій существуетъ лишь вопросъ: усилить ли, или ослабить покровительственныя пошлины, заключить ли торговые договоры или вести таможенныя войны? Но свобода торговли! Это для капиталиста идеалъ прошлаго. Онъ утверждаетъ, что свобода торговли есть одна изъ многихъ особенностей, которыми Англія доказываетъ, что она исключительная страна. Но и въ Англіи усиливается движеніе въ пользу протекціонизма.

Итакъ, если устраненіе способствующаго кризисамъ вліянія картелей поставить въ зависимость отъ свободы торговли, то устраненіе невозможно въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ. Наступленію ближайшаго кризиса, котораго, быть можетъ, мы должны ждать черезъ два-три года, такимъ путемъ нельзя помѣшать.

Но многіе картели — притомъ самые сильные — способствуютъ возникновенію кризисовъ не только тѣмъ, что они стимули-

руютъ производство и усиливаютъ на міровомъ рынкѣ конкурренцію обезцѣниваемыхъ товаровъ, но и тѣмъ, что они даютъ толчекъ спекуляціи.

Бернштейнъ думаетъ, что спекуляція является, главнымъ образомъ, болѣзнью дѣтскаго возраста капиталистическаго способа производства,—болѣзнью, которая исчезаетъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ.

«Спекуляція обусловливается соотношеніемъ такихъ обстоятельствъ, которыя можно предвидѣть, и такихъ, которыхъ предвидѣть невозможно. Чѣмъ сильнѣе преобладаніе послѣднихъ, тѣмъ сильнѣе она должна процвѣтать, а чѣмъ больше они вытѣсняются первыми, тѣмъ больше спекуляція лишается почвы. Поэтому самыя безумныя вспышки коммерческой спекуляціи совпадаютъ съ *началомъ капиталистической эры,* и самыя необузданныя оргіи спекуляція справляетъ обыкновенно въ странахъ, стоящихъ на болѣе ранней ступени капиталистическаго развитія».

Но что является факторомъ развитія капитализма въ этихъ, послѣднихъ странахъ? Это, главнымъ образомъ, капиталы, притекающіе изъ экономически болѣе развитыхъ странъ. Болѣе юныя страны представляютъ рядъ условій, которыхъ нельзя знать, послѣднія въ тѣмъ большой степени являются причиной къ оргіямъ въ развитыхъ странахъ, чѣмъ больше своихъ капиталовъ онѣ помѣщаютъ заграницей. Аргентинская и трансваальская спекуляція справляли свои «самыя необузданныя оргіи» не только въ Буэносъ-Айресѣ и Іоганнесбургѣ, но и въ старомъ, досточтимомъ Сити.

При открытіи новыхъ странъ возникаетъ цѣлый рядъ «условій, которыя невозможно предвидѣть». То же повторяется еще въ большей степени, когда прилагаются новыя открытія или создаются новыя отрасли промышленности. Всѣ эти измѣненія даютъ поводъ къ спекуляціи. Нѣтъ основанія утверждать, что тотъ или другой факторъ исчезнетъ по мѣрѣ развитія капиталистическаго общества. Въ дѣйствительно происходитъ совершенно противоположное.

Точно такъ же нѣтъ никакого основанія утверждать, что спекуляція сравнительно не такъ сильна, какъ прежде.

Капиталисты были осторожны до тѣхъ поръ, пока ощущались послѣдствія періода ужаснаго угнетенія, съ 1874 г. по 1888 г. Въ настоящее время они отдаются спекуляціи съ боль-

шимъ, чѣмъ когда-либо, увлеченіемъ. Для большей точности приведемъ цыфры, заимствованныя изъ «Deutscher Oekonomist» отъ 22 іюня 1899 г.

Въ Германской имперіи величина дѣйствительно вложеннаго капитала составляла въ милліонахъ марокъ:

Всѣхъ выпущенныхъ бумажныхъ цѣнностей:		Выпущенныхъ акціонерными и промышленными обществами:	
1887 г.	1008	1887 г.	?
1888 »	1985	1888 »	194,5
1889 »	1745	1889 »	337,4
1890 »	1520	1890 »	200,5
1891 »	1217	1891 »	29,7
1892 »	1016	1892 »	14,8
1893 »	1266	1893 »	25,3
1894 »	1420	1894 »	79,0
1895 »	1375	1895 »	223,2
1896 »	1896	1896 »	333,9
1897 »	1944	1897 »	318,2
1898 «	2407	1898 »	520,6
1899 » (за 6 мѣсяц.)	1595	1899 » (за 6 мѣсяц.)	518,0

Рядъ цифръ, относящихся къ акціонернымъ компаніямъ, позволяетъ прослѣдить циклъ промышленнаго развитія съ его высшей точкой въ 1889 году, съ наибольшимъ пониженіемъ въ 1892, возрожденіемъ въ 1895 и расцвѣтомъ послѣднихъ годовъ. За первые 6 мѣсяцевъ 1899 года было выпущено столько же акцій промышленныхъ обществъ, сколько за весь 1898 г., который также былъ годомъ благополучія.

Приводимъ рядъ цыфръ, показывающихъ среднее эмиссіонное ажіо на нѣмецкія промышленныя общества въ процентахъ:

1888 г.	38,06	1894 г.	31,0
1889 »	45,87	1895 »	38,6
1890 »	30,05	1896 »	36,1
1891 »	20,0	1897 »	66,7
1892 »	14,7	1898 »	67,7
1893 »	29,1	1899 » (за 6 мѣсяц.)	69,9

Редакція цитируемой газеты замѣчаетъ по этому поводу слѣдующее: „Эмиссіонный курсъ *никогда еще не поднимался* такъ высоко; кромѣ того, бумаги постоянно поднимаются въ цѣнѣ гораздо выше эмиссіоннаго курса. Мы неоднократно указывали *на ненормальность этихъ повышеній*... Дѣйствительно, повышеніе курса основывается не на повышеніи оцѣнки стоимости вклада, а исключительно на всеобщемъ ожиданіи, что курсъ поднимется еще выше, т. е. это повышеніе является спе-

куляціей на разницу. Величина эмиссіоннаго ажіо, достигающаго въ среднемъ 70%, доказываетъ, что эта спекуляція достигла неслыханныхъ размѣровъ».

О томъ же говоритъ Лаусонъ (Lawson) въ вышеупомянутой статьѣ о спекуляціи въ Уолсъ-стритъ (Wallsstreet). Онъ утверждаетъ, что если бы не разумная политика нью-іорскихъ банковъ, то повторилась бы новая серія скандалезныхъ южно-африканскихъ спекуляцій. Тресты служатъ, главнымъ образомъ, объектомъ этой безсовѣстной спекуляціи.

Соединенные Штаты—страна картелей; это—страна съ самой эластичной организаціей кредита, съ колоссальными богатствами, самыми усовершенствованными путями сообщенія и средствами сношенія, съ самымъ обширнымъ во всемъ мірѣ внутреннимъ рынкомъ; и однако здѣсь недавно лишь (1893—1896) разразился самый ужасный кризисъ изъ всѣхъ, бывшихъ за послѣднія 10 лѣтъ.

Но допустимъ, что картели дѣйствительно могутъ предупредить кризисы путемъ ограниченія производства. Что выигралъ бы пролетаріатъ и средніе слои? Картели—одно изъ самыхъ могучихъ средствъ экспропріаціи мелкихъ капиталистовъ. Если кризисы, дѣйствующіе въ томъ же направленіи, устранимы только при помощи картелей, то господство крупнаго капитала оттого не становится болѣе выносимымъ. А пролетаріи? Какъ извѣстно, соединеніе предпринимателей въ союзы не благопріятствуетъ ни повышенію заработной платы, ни развитію профессіональныхъ союзовъ, ни независимости рабочихъ. Или, быть можетъ, рабочіе зато пользуются болѣе постояннымъ заработкомъ? Но тамъ именно, гдѣ картелямъ дѣйствительно удается сократить производство, заработокъ менѣе всего постояненъ. Развить наивысшую производительность труда трестъ можетъ легче, чѣмъ изолированное предпріятіе. Трестъ прекращаетъ самыя мелкія, нераціональныя предпріятія, упрощаетъ административную часть, усиливаетъ раздѣленіе труда, даетъ возможность, благодаря своимъ колоссальнымъ капиталамъ, производить опыты съ новыми изобрѣтеніями и примѣненіемъ сдѣланныхъ изобрѣтеній. Но чѣмъ дальше идетъ, наряду съ этими успѣхами, ограниченіе производства, тѣмъ больше оно обусловливаетъ собой сокращеніе числа рабочихъ.

Нѣкоторымъ, наиболѣе уступчивымъ и искуснымъ рабочимъ картель, можетъ быть, обезпечиваетъ болѣе постоянное занятіе; но для всѣхъ прочихъ рабочихъ картелированіе промышленности означаетъ лишь болѣе постоянную безработицу.

Но какимъ образомъ картель можетъ предупредить кризисъ? Только посредствомъ ограниченія производства. Но мы видѣли, что постоянное расширеніе производства есть необходимое жизненное условіе для капиталистическаго способа производства, и прежде всего,—для пролетарізта. Мы здѣсь не касаемся вопроса о томъ, что сдѣлали бы картели съ вновь накопленнымъ капиталомъ, если бы они сумѣли урегулировать производство: повлекло-ли бы за собой это накопленіе капиталовъ все возрастающее расширеніе производства картелей или распаденіе ихъ. Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что при современномъ способѣ производства всякое препятствіе къ расширенію производства должно создать невыносимое положеніе, и нелѣпо думать, что эти послѣдствія менѣе тяжелы для рабочихъ, если они обусловлены не кризисами и банкротствами, а искусственными союзами промышленниковъ. Наоборотъ, если предприниматели стремятся къ предупрежденію кризисовъ такими мѣрами, благодаря которымъ рабочіе находятся въ періоды благополучія въ такомъ же бѣдственномъ положеніи, какъ и въ періоды кризисовъ; если для спасенія своей прибыли они заставляютъ однихъ рабочихъ переносить всѣ послѣдствія перепроизводства, прежде чѣмъ перепроизводство наступило, то все это можетъ только крайне усилить антагонизмъ труда и капитала.

Далеко не способствуя устраненію послѣдствій, ускоряющихъ наступленіе соціализма, картели, наоборотъ, неизбѣжно дѣйствуютъ въ томъ же направленіи, и притомъ, по всей вѣроятности, ничуть не прекращая кризисы. Болѣе чѣмъ какое-нибудь другое явленіе капиталистической общественной жизни, они пробуждаютъ въ трудящихся классахъ сознаніе необходимости экспропріаціи экспропріаторовъ и убѣждаютъ ихъ въ томъ, что завоеваніе пролетаріатомъ политической власти есть единственный способъ достиженія этой экспропріаціи.

Бернштейнъ самъ говоритъ, что картели могутъ имѣть серьезныя послѣдствія для пролетаріата; но его неотвязно преслѣдуетъ идея, что нѣкоторые вліятельные члены партіи ожидаютъ

освобожденія пролетаріата не отъ упорной борьбы съ врагами, а отъ воображаемаго ими всеобщаго кризиса. Онъ говоритъ:

«Капиталистическое оружіе противъ кризисовъ скрываетъ въ себѣ зерно новаго, усиленнаго *подчиненія* рабочаго класса, а также новыхъ промышленныхъ привилегій, которыя являются тѣми же старыми цеховыми привилегіями, только въ болѣе обостренной формѣ. Вмѣсто того, чтобы предвѣщать «безсиліе» картелей и трестовъ, мнѣ кажется, съ точки зрѣнія рабочихъ, гораздо важнѣе нынѣ же признать ихъ значеніе. Долгое ли время они будутъ въ состояніи выполнять свою первую цѣль — отраженіе кризисовъ, — это, само по себѣ, вопросъ второстепенный для рабочаго класса. Но разъ освободительное движеніе рабочаго класса связываетъ съ общимъ кризисомъ какія бы то ни было надежды, то этотъ вопросъ приводитъ къ другому, крайне важному вопросу. Убѣжденіе, что картели совершенно безсильны противъ кризисовъ, можетъ стать въ такомъ случаѣ причиной роковыхъ упущеній» (русск. пер, стр. 141).

Какія странныя представленія должны быть у Бернштейна о своихъ политическихъ товарищахъ! Что же онъ думаетъ о нашемъ движеніи, если, по его мнѣнію, у насъ связываютъ съ общимъ кризисомъ столь твердыя упованія, что это «можетъ стать въ такомъ случаѣ причиной роковыхъ упущеній».

Къ несчастію, онъ принадлежитъ къ людямъ, которые судятъ о партіи по этимъ кликамъ Кассандры.

---

i) Формулировка программы.

Разсужденіями о кризисахъ и картеляхъ Бернштейнъ заканчиваетъ свое изслѣдованіе экономическаго развитія современнаго общества. Даютъ ли они намъ поводъ измѣнить нашу программу? Доказываютъ ли они, что экономическое развитіе идетъ не въ томъ направленіи, которое указалъ Марксъ?

Я думаю, что мы можемъ спокойно дать отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Я говорю здѣсь не только объ эрфуртской программѣ, но объ основныхъ чертахъ, содержащихся почти во всѣхъ современныхъ соціаль-демократическихъ программахъ, которыя принципіально обосновываютъ свои требованія.

Такъ, гайнфельдская программа австрійской партіи заявляетъ: «Партія стремится къ освобожденію всего народа, безъ различія національности, расы и пола, отъ оковъ экономической зависимости, къ устраненію политическаго безправія и къ уничтоженію интеллектуальной нищеты. Причину этого недостойнаго положенія нужно искать не только въ тѣхъ или иныхъ политическихъ учрежденіяхъ, но и въ томъ фактѣ, который лежитъ въ основаніи всего общественнаго строя, именно въ томъ, что орудія труда монополизированы въ рукахъ частныхъ собственниковъ. Поэтому владѣлецъ рабочей силы, рабочій классъ становится рабомъ владѣльца орудій труда, класса капиталистовъ, политическое и экономическое господство которыхъ находитъ себѣ выраженіе въ современномъ государствѣ. Такимъ образомъ, частная собственность на орудія производства имѣетъ своимъ политическимъ послѣдствіемъ классовое государство, а экономическимъ— растущую нищету массъ и растущее обнищаніе все болѣе и болѣе широкихъ слоевъ народа.

«Благодаря промышленному развитію, колоссальному росту производительныхъ силъ, частная собственность не только оказывается излишней, но *она и перестаетъ существовать для огромнаго большинства народа, между тѣмъ какъ въ то же время создаются необходимыя предварительныя условія коллективной собственности, духовныя и матеріальныя.* Поэтому, переходъ орудій труда въ общую собственость всего рабочаго народа означаетъ не только освобожденіе рабочаго класса, но и завершеніе исторически необходимой эволюціи. Носителемъ этой эволюціи можетъ быть только проникнутый классовымъ сознаніемъ и организованный въ классовую политическую партію пролетаріатъ. Поэтому политическая организація пролетаріата, внушеніе ему сознанія своего положенія и своей задачи, развитіе и поддержаніе въ немъ физической и интеллектуальной способности къ борьбѣ,—вотъ что составляетъ настоящую програм-

му австрійской соціаль-демократической партіи, для осуществленія которой она будетъ пользоваться всѣми цѣлесообразными и соотвѣтствующими природному правосознанію народа средствами».

Программа французской рабочей партіи начинается заявленіемъ, что:

«Освобожденіе производительнаго класса есть освобожденіе всѣхъ человѣческихъ существъ, безъ различія пола и расы;

производители не могутъ быть свободны, если они не владѣютъ средствами производства;

существуютъ двѣ формы, въ которыхъ средства производства могутъ имъ принадлежать:

1) форма индивидуальной собственности, которая никогда не была всеобщимъ фактомъ и *все болѣе и болѣе исчезаетъ вслѣдствіе промышленнаго развитія*;

2) форма коллективной собственности, матеріальные и интелектуальные элементы которой *создаются развитіемъ самого капиталистическаго общества*».

Повсюду мы встрѣчаемъ по существу тотъ же ходъ мыслей, что въ эрфуртской программѣ. Слѣдовательно, надо останавливаться прежде всего не на особенностяхъ ея формы, а на заключающихся въ ней общихъ воззрѣніяхъ, лежащихъ въ основаніи международнаго соціалистическаго движенія.

Какъ разъ въ то время, какъ эти страницы должны пойти въ печать, Бернштейнъ публикуетъ въ «Vorwärts» (отъ 3-го сентября) статью: «Мое отношеніе къ теоретической части эрфуртской программы». Въ ней онъ споритъ только противъ «теперешней, слишкомъ безусловной (аподиктической) формулировки нѣкоторыхъ положеній этой части. «Я говорю о теперешней ихъ формулировкѣ, такъ какъ,—за исключеніемъ аграрнаго вопроса,—я все же признаю ихъ *условную* правильность. Что же касается до аграрнаго вопроса, то здѣсь послѣднее слово еще не сказано».

Все это не обнаруживаетъ настоятельной потребности въ пересмотрѣ программы. Дѣйствительно, въ концѣ своей статьи онъ говоритъ:

«Послѣ всего сказаннаго не можетъ быть сомнѣній насчетъ моего отношенія къ теоретической части партійной программы. Если бы пересмотръ программы стоялъ на очереди, то

я былъ бы готовъ, по предложенію, безъ промедленія приступить къ выработкѣ такой ея редакціи, которая соотвѣтствовала бы моимъ взглядамъ. Но лично я не нахожу повода заняться этимъ. Не я сдѣлалъ вопросъ о программѣ предметомъ полемики. Я считалъ бы своевременнымъ окончательно высказаться по этому вопросу лишь въ томъ случаѣ, если бы въ самой партіи распространилось убѣжденіе въ томъ, что программа въ своей нынѣшней формулировкѣ не соотвѣтствуетъ нынѣшнему состоянію соціальныхъ познаній и потребностямъ партійной пропаганды. А до тѣхъ поръ задача писателя, занимающагося теоретическими вопросами, заключается только въ томъ, чтобы, по мѣрѣ силъ, способствовать распространенію теоретическихъ знаній».

И я пока не нахожу въ томъ, что было высказано во время этой полемики, никакого повода къ тому, чтобы подвергнуть пересмотру редакцію эрфуртской программы. Не если бы дѣло дошло до такого пересмотра, то прежде всего слѣдовало бы изслѣдовать, дѣйствительно ли нынѣшняя редакція имѣетъ такой смыслъ, какой придаетъ ей Бернштейнъ.

Я думаю, мнѣ удалось доказать, что бернштейновская критика такъ называемой «теоріи крушенія» грѣшитъ не только тѣмъ, что неправильно освѣщаетъ явленія дѣйствительности, но и тѣмъ, что понимаетъ соціалдемократическую теорію не такъ, какъ она вообще понимается въ партіи. То же надо сказать и о его критикѣ формулировки эрфуртской программы.

Между прочимъ, онъ говоритъ:

«Резюмирую вкратцѣ. Я не могу подписаться подъ этими положеніями постольку, поскольку они изображаютъ соціализмъ въ видѣ *необходимаго* результата чисто экономическихъ процессовъ, въ видѣ исхода изъ *экономическаго крушенія* и альтернативы или результата *огромнаго столкновенія*».

Я спрашиваю: гдѣ въ эрфуртской программѣ идетъ рѣчь объ *экономическомъ крушеніи* и объ *огромномъ столкновеніи*? То мѣсто въ ней, гдѣ говорится о соціализмѣ, гласитъ: «Только превращеніе капиталистической частной собственности на средства производства въ общественную собственность и превращеніе товарнаго производства въ соціалистическое можетъ повести къ тому, что крупное производство и непрерывно растущая

производительность общественнаго труда станутъ для эксплуатируемыхъ нынѣ классовъ изъ источника нищеты и угнетенія источникомъ наивысшаго благосостоянія и всесторонняго гармоническаго усовершенствованія».

Гдѣ же здѣсь идетъ рѣчь о крушеніи или о столкновеніи? О томъ, какія формы приметъ развитіе общества къ соціализму, эрфуртская программа ровно ничего не говоритъ,—по той простой причинѣ, что объ этомъ нельзя ничего сказать.

Эрфуртская программа была въ 1891 г. *единогласно* принята коммиссіей, которой была поручена выработка ея. Въ этой же коммиссіи участвовалъ и Фольмаръ, который на томъ же конгрессѣ защищалъ свои «Elderadoreden». Быть можетъ, Бернштейнъ полагаетъ, что Фольмаръ согласился бы съ аподиктической формулировкой программы, если бы она подчеркивала необходимость огромнаго столкновенія?

Нѣтъ, о томъ, какимъ путемъ будетъ осуществленъ соціализмъ: путемъ ли мелкой мирной работы, или путемъ насильственнаго столкновенія, или же, какъ полагаетъ большинство, и тѣмъ, и другимъ путемъ, объ этомъ программа ровно ничего не говоритъ.

Другое возраженіе Бернштейна противъ формулировки эрфуртской программы тѣсно связано съ его пониманіемъ «экономической необходимости», которую онъ въ упомянутой статьѣ отождествляетъ съ *технической* необходимостью и противопоставляетъ *общественной* потребности. Онъ возражаетъ, что «необходимость обобществленія производства не можетъ быть выведена изъ *техники производства*»,—какъ будто въ эрфуртской программѣ объ этомъ сказано хоть одно слово! «*Техническое* развитіе производства не можетъ быть реальнымъ факторомъ соціалистическаго развитія въ томъ смыслѣ, чтобы оно само по себѣ, *непосредственно* вынуждало къ обобществленію. Это дѣлается *не прямо*, подъ вліяніемъ требованій техническаго развитія, а всегда подъ воздѣйствіемъ другихъ, *соціальныхъ* и даже *политическихъ* потребностей; это мы видимъ на примѣрѣ почты, желѣзныхъ дорогъ и т. д.».

Сравните съ этимъ цитированную выше тираду изъ эрфуртской программы, которая выводитъ необходимость соціализма изъ

потребностей *рабочаго класса,* а не изъ потребностей *техники производства,* и вы увидите, какую цѣну надо придавать бернштейновскому осужденію экономической необходимости.

Въ другомъ мѣстѣ занимающей насъ статьи Бернштейнъ выступаетъ противъ того положенія, что соціалистическое преобразованіе «можетъ быть только дѣломъ рабочаго класса», и находитъ необходимымъ подробно просвѣтить насъ насчетъ того, что въ партіи, наряду съ пролетаріями, участвуютъ еще и другіе элементы, которые часто очень полезны для нея.

Но если бы этотъ фактъ противорѣчилъ вышеприведенному положенію, то какимъ образомъ случилось, что всѣ члены, коммиссіи, въ числѣ 21 человѣка, среди которыхъ было немало «академиковъ» и «мелкихъ буржуа», согласились съ нимъ, и что самъ Бернштейнъ не находилъ въ немъ ничего такого, что слѣдовало бы осудить? Стоялъ ли онъ тогда на той точкѣ зрѣнія, что только мускулистыя руки рабочихъ могутъ быть полезны для дѣла соціальдемократіи? Если онъ не можетъ теперь подписаться подъ тѣмъ положеніемъ, подъ которымъ подписывался 8 лѣтъ тому назадъ, то это могло произойти только потому, что теперь онъ иначе понимаетъ это мѣсто, чѣмъ тогда. Прежде онъ зналъ хорошо, что это положеніе относится только къ *классамъ,* а не къ *отдѣльнымъ личностямъ*; что оно означаетъ, что изъ всѣхъ *классовъ* только *рабочій классъ* настойчиво стремится къ соціализму. Мы возвратимся еще къ этому предмету въ дальнѣйшемъ.

Итакъ, если мы желаемъ оцѣнить придирки Бернштейна къ формулировкѣ программы, мы должны прежде всего выяснить себѣ, дѣйствительно ли программа говоритъ то, что вычитываетъ изъ нея Бернштейнъ.

Въ частности, Бернштейну не нравится аподиктическая формулировка положеній о гибели мелкаго предпріятія, равно какъ указаніе на ростъ нищеты, на обостреніе классовыхъ противорѣчій и на кризисы.

Надо ли, послѣ всего сказаннаго, еще доказывать, что мы можемъ съ спокойной совѣстью удержать эти положенія, если мы не будемъ вычитывать изъ нихъ того, чего въ нихъ нѣтъ?

То мѣсто, гдѣ говорится о гибели мелкаго производства, вполнѣ правильно, если мы будемъ принимать во вниманіе развитіе всего общества, а не отдѣльныхъ отраслей труда. Но вѣдь эта точка зрѣнія и имѣетъ для насъ рѣшающее значеніе. Какъ понимать «теорію обнищанія», мы уже видѣли. Растущее обостреніе соціальныхъ антагонизмовъ мы, кажется, также достаточно доказали. Мы возвратимся еще къ этому пункту. Наконецъ, если бы мы вычеркнули то мѣсто, въ которомъ говорится о кризисахъ, то мы подверглись бы той же опасности, какъ выскочки священной прусско-нѣмецкой имперіи, которымъ Марксъ предсказывалъ въ 1872 г. крахъ, и риску что для насъ окажутся необходимыми такіе же жестокіе уроки, чтобы вколотить въ наши головы необходимую дозу діалектики.

Но возвратимся къ брошюрѣ Бернштейна. Въ ней дѣло идетъ не о формулировкѣ отдѣльныхъ положеній программы, а о принципахъ, лежащихъ въ основаніи всякой соціальдемократической программы. Такъ на нее посмотрѣли и наши противники, принявъ ее за разрывъ съ нашими принципами, за симптомъ шатанія въ нашей партіи. И въ самомъ дѣлѣ, изъ его соображеній вытекаетъ не тотъ выводъ, что только формулировка нѣкоторыхъ положеній программы черезчуръ аподиктична. Вѣдь онъ утверждаетъ,—и иногда, какъ мы видѣли, очень аподиктично,—что экономическое развитіе современнаго общества совсѣмъ не слѣдуетъ направленію, указанному Марксомъ и принятому, вслѣдъ за Марксомъ, въ соціалдемократическихъ программахъ. Если Бернштейнъ правъ, то должна оказаться несостоятельной не только *редакція* вступительной части программы, но и ея *содержаніе*.

Что же тогда станется съ соціалистическими требованіями, которыя наша программа выводитъ изъ принциповъ, изложенныхъ во вступительной части?

Конечно, эти требованія не должны быть обязательно отброшены вслѣдствіе несостоятельности ихъ обоснованія. Не разъ случалось, что правильныя воззрѣнія обосновывались ложно. Но ни одинъ взглядъ не можетъ претендовать на правильность, пока онъ не обоснованъ.

Я охотно допускаю, что соціализмъ можетъ получить иное обоснованіе, чѣмъ то, какое даетъ ему марксизмъ.

До Маркса и одновременно съ Марксомъ было немало соціалистовъ, которые давали очень блестящія и глубокія обоснованія своимъ требованіямъ,—но всѣ они давали имъ то или иное обоснованіе.

Конечно, Бернштейнъ правъ, утверждая (Vorwärts, 6 мая 1899 г.), что „соціалиста создаетъ не то или иное представленіе *о формахъ* дѣйствительнаго развитія, а представленіе о томъ, что въ обществѣ *должно* быть,—соціалистическое *настроеніе* (Gesinnung) «*воля*». Но если эта воля выступаетъ просто въ видѣ „sic volo, sic jubeo", безъ всякаго обоснованія, то отъ подобнаго рода соціализма нельзя ожидать большой пропагаторской силы. Такая воля можетъ быть основой соціализма, какъ частнаго убѣжденія, но не какъ такого ученія, вокругъ котораго должна окристаллизоваться большая партія.

Какъ мы видѣли въ первой главѣ, Бернштейнъ даже не даетъ намъ возможности угадать, является ли для него соціализмъ необходимостью, или попросту благимъ пожеланіемъ. Но онъ не показываетъ намъ также, почему соціализмъ является хотя бы только желательнымъ. Онъ отвергаетъ его чисто экономическое обоснованіе; но какимъ же обоснованіемъ онъ замѣняетъ его?

Правда, онъ замѣчаетъ какъ-то мимоходомъ (Vorwärts, 26 марта), что «въ соціалистическомъ движеніи *правосознаніе*, стремленіе къ *еще болѣе справедливому* положенію есть факторъ, по меньшей мѣрѣ, столь же дѣйствительный и важный, какъ и матеріальная нужда». Однако, мы напрасно искали бы у него доказательства того, что соціалистическое общество «еще болѣе справедливо», чѣмъ нынѣшнее. Вѣдь онъ только и дѣлаетъ, что доказываетъ, что это послѣднее совсѣмъ ужъ не такъ несправедливо, какъ о томъ принято думать. А почему «правосознаніе» (рабочихъ, какъ онъ замѣчаетъ ниже) направляетъ именно къ соціализму? Я понимаю слово «правосознаніе», какъ чувство права, какъ стремленіе къ справедливости, какъ синонимъ «стремленія къ болѣе справедливому положенію». Но Бернштейнъ поучаетъ меня, что правосознаніе есть «сознаніе того, что право на *моей* сторонѣ». Конечно, это ужъ нѣчто другое. Но почему это сознаніе ведетъ не только къ убѣжденію въ собственной правотѣ,

но и къ соціалистическому мышленію, для меня неясно. Конечно, благодаря такому правосознанію, члены нашей партіи будутъ тѣмъ крѣпче къ ней привязаны; но надо полагать, что ея противники, даже изъ рабочей среды, будутъ, по той же причинѣ, тѣмъ дальше удаляться отъ нея.

Въ другомъ мѣстѣ Бернштейнъ намъ указываетъ на то, что «борьба продолжаетъ оставаться классовой борьбой и хотя движущую силу рабочаго движенія образуетъ не крайняя матеріальная нужда, но растущія культурныя требованія рабочихъ, ихъ повышающійся культурный уровень и прогрессирующее сознаніе своего равноправія».

Да, но эти факторы, равно какъ и вышеупомянутое «правосознаніе», обусловливаютъ лишь фактъ существованія рабочаго движенія, стремленія рабочихъ къ болѣе высокой культурѣ и къ равноправію; но они не могутъ породить въ рабочихъ убѣжденіе въ томъ, что они могутъ достичь высшей культуры и равноправія лишь путемъ побѣды надъ капиталистическимъ способомъ производства, путемъ уничтоженія капиталистическихъ имущественныхъ отношеній. Тѣ факторы рабочаго движенія, на которые здѣсь указываетъ Бернштейнъ, признаетъ также и Максъ Гиршъ*).

Мы напрасно искали бы въ книгѣ Бернштейна другихъ факторовъ рабочаго движенія. Необходимость, или хотя бы только желательность соціализма не только не уясняется изъ его книги, но становится въ сильнѣйшей степени сомнительной.

Возраженія, приводимыя имъ противъ марксовой теоріи капитала, — тѣ самыя возраженія, которыя уже давно выдвигаются либеральной экономіей противъ соціализма вообще. И пока меня не переубѣдятъ, я не вижу никакихъ основаній выводить изъ этихъ возраженій другія заключенія, а не тѣ, какія сдѣлали либералы.

Если самые крупные недостатки капиталистическаго способа производства свойственны только его зачаточнымъ стадіямъ и съ его дальнѣйшимъ прогрессомъ уменьшаются; если

*) Либералъ-прогрессистъ, основавшій въ семидесятыхъ годахъ, вмѣстѣ съ Дункеромъ, въ противовѣсъ германской соціаль-демократіи, независимые профессіональные союзы, преслѣдующіе исключительно экономическія цѣли.

Прим. перев.

число имущихъ растетъ, соціальныя противоположности постоянно смягчаются, пролетаріи получаютъ все болѣе и болѣе прочную надежду стать самостоятельными или достичь удовлетворительнаго положенія, то къ чему же тогда соціализмъ? Если онъ — не безсмысленный спортъ, то его должно лелѣять не только опредѣленное *настроеніе*, опредѣленная *воля*, но и опредѣленное убѣжденіе относительно *хода развитія*. Если бы я придерживался тѣхъ взглядовъ на капиталистическое развитіе, которые развиваетъ въ своей книгѣ Бернштейнъ, то я, — долженъ открыто сознаться въ этомъ, — считалъ бы соціализмъ *глубокимъ* заблужденіемъ. Если бы Бернштейну удалось убѣдить меня въ справедливости его возраженій противъ соціалистическихъ воззрѣній на нынѣшній способъ прозводства, то я согласился бы съ профессоромъ Дилемъ и сказалъ бы: «Наше мѣсто — не въ рядахъ соціалдемократіи, а скорѣе въ рядахъ южно-германской народной партіи». Или, такъ какъ я не пожелалъи бы разстаться со своей партіей, то я предложилъ бы ей замѣн ть эрфуртскую программу программой «народной партіи», которая вѣдь отстаиваетъ рабочее законодательство, свободу коалицій и поддержку кооперацій и объявляетъ, что демократія и освобожденіе рабочаго класса взаимно обусловливаютъ другъ друга. Чего же еще хочетъ Бернштейнъ?

И дѣйствительно, вѣдь разные оттѣнки соціалъ-реформаторскаго либерализма объявили Бернштейна своимъ. Конечно, они не могутъ объявить его своимъ, какъ человѣка партіи. Его позиція опредѣляется его *волей*, его *настроеніемъ*, а попослѣднее, какъ онъ заявляетъ,—по-прежнему, соціалдемократическое. Но, по моему, либеральныя фракціи вправѣ объявить своими его *теоретическія разсужденія*, такъ какъ ихъ значеніе не опредѣляется волей или настроеніемъ.

Къ счастью, реальные фактъ таковы, что это право либераловъ не можетъ ничуть поколебать наше «правосознаніе».

III.

Тактика.

а) Политика и экономика.

Мы подошли къ послѣдней части бернштейновской критики, которая занимаетъ самое обширное мѣсто въ его книгѣ, на которой мы, однако, будемъ меньше всего останавливаться. Теорія «двухъ душъ», которая раньше прилагалась Бернштейномъ только къ Марксу и Энгельсу, здѣсь переносится на всю соціальдемократію. Двѣ души, увы! живутъ въ ея груди,—революціонная и реформаторская. Однако, первая сохраняется лишь въ силу традиціи, тогда какъ вторая черпаетъ свою жизненную силу изъ реальной дѣйствительности. Революціонный духъ господствуетъ только въ области партійной *фразеологіи*, а реформаторскій — въ области партійной *практической дѣятельности*. Партіи стоитъ лишь рѣшиться казаться тѣмъ, что она есть, а именно—*демократически-соціалистической партіей реформъ*, и она освободится отъ всѣхъ своихъ внутреннихъ противорѣчій и сумѣетъ отразить самыя опасныя аттаки своихъ враговъ.

Итакъ, можно думать, что критика Бернштейна направлена въ этомъ пунктѣ противъ голой *фразеологіи*. Открываемое имъ противорѣчіе порождается не разногласіями по существу дѣла, а частью неразумною любовью къ одурманивающимъ фразамъ, частью тупою вѣрою въ букву, неспособностью возвыситься до самостоятельнаго пониманія вещей и привычкой механически повторять затверженныя фразы.

Такое представленіе, конечно, весьма лестно для Бернштейна и его единомышленниковъ, которые оказываются смѣлыми, самостоятельными и умными мыслителями, въ противоположность ту-

поумной массѣ вѣрующихъ и фантастическимъ толпамъ мечтателей. Однако, мы сдѣлаемъ лучше, если будемъ искать причины партійныхъ разногласій не въ томъ, что одни недостаточно умны, а другіе умнѣе ихъ, а пойдемъ дальше и поищемъ противорѣчія не только въ *аргументахъ* и *фразеологіи*, но и въ *вещахъ*.

Бернштейнъ указываетъ намъ на значеніе кооперації, профессіональныхъ союзовъ, такъ называемаго «муниципальнаго соціализма». Безъ сомнѣнія, во всѣхъ этихъ областяхъ можно и должно сдѣлать многое для дѣла эмансипаціи пролетаріата. Но этого вѣдь не оспариваютъ даже самые рѣшительные противники Бернштейна. Парвусъ даже не разъ ставилъ въ упрекъ правленію нашей партіи то обстоятельство, что оно удѣляетъ слишкомъ мало вниманія профессіональнымъ союзамъ; а потребительныя товарищества нигдѣ не находятся въ столь цвѣтущемъ состояніи, какъ въ Саксоніи,—въ странѣ, гдѣ Бернштейнъ подвергся самымъ рѣзкимъ нападкамъ.

Итакъ, по этимъ вопросамъ нѣтъ никакихъ разногласій. Послѣднія начинаются лишь тогда, когда поднимается вопросъ о точномъ опредѣленіи того, что именно можно сдѣлать въ каждой изъ этихъ областей въ интересахъ борьбы за эмансипацію пролетаріата. Здѣсь выступаютъ разногласія; но Бернштейнъ только чувствовалъ ихъ, но не сумѣлъ изобразить ихъ съ достаточной выразительностью. Иногда онъ касается этой соціалистической проблемы, но затѣмъ снова оставляетъ ее. А между тѣмъ вопросъ о томъ, что могутъ дать профессіональные союзы, кооперації и коммунальная политика, тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ вопросомъ объ ихъ отношеніи къ общей государственной политикѣ.

Бернштейнъ не поднималъ этого вопроса, а поднялъ его одинъ изъ его сторонниковъ—упомянутый уже нами д-ръ Вольтманъ: разъ —въ рядѣ статей о книгѣ Бернштейна въ «Elberfelder Freie Presse», подъ заглавіемъ: «Къ дискуссіи о конечной цѣли и движеніи» (апрѣль 1899 г.), а другой разъ—нѣсколько раньше, въ рефератѣ о «Политической и экономической силѣ», прочитанномъ въ Барменѣ 22 февраля 1899 года.

И тамъ, и здѣсь онъ защищаетъ ту точку зрѣнія, что только экономическая сила даетъ ея обладателямъ и силу политическую. Поэтому, стремленія пролетаріата къ политической власти останутся безуспѣшными, пока онъ не пріобрѣтетъ предварительно экономической силы путемъ профессіональныхъ и кооперативныхъ организацій. Эрфуртская программа говоритъ: «Борьба рабочаго класса противъ капиталистической эксплуатаціи неизбѣжно является борьбой политической. Рабочій классъ не можетъ вести свою экономическую борьбу и развивать свои экономическія организаціи безъ политическихъ правъ». Вольтманъ дѣлаетъ по этому поводу слѣдующее замѣчаніе:

«Это вполнѣ справедливо, но спрашивается: *какимъ образомъ* получитъ рабочій классъ политическія права? Объ этомъ въ программѣ не говорится ни слова. Во второй ея части эти права *наивно* требуются отъ *государства*. На основаніи какой силы?

«Правильно было бы сказать какъ-разъ наоборотъ: „Борьба рабочаго класса противъ капиталистической эксплуатаціи необходимо является экономически-политической борьбой. Рабочій классъ не можетъ добиться политическихъ правъ и политическаго вліянія безъ экономическихъ организацій“.»

Разумѣется, требовать политическихъ правъ отъ государства весьма наивно; но, къ сожалѣнію, Вольтманъ забываетъ намъ сообщить, отъ кого же еще можно требовать политическихъ правъ, кромѣ государства и его органовъ, правительства и парламента. Какъ разъ въ настоящій моментъ наши бельгійскіе друзья тоже оказываются настолько наивными, что требуютъ всеобщаго избирательнаго права отъ правительства и парламента, а не, хотя-бы, напримѣръ, отъ потребительнаго общества.

Но на основаніи какой силы требуемъ мы политическихъ правъ? Развѣ экономика не доминируетъ надъ политикой? Развѣ, мы не должны предварительно обладать экономической силой, чтобы сумѣть добиться политической силы? Рабочій классъ,—говоритъ Вольтманъ,—не можетъ завоевать политическихъ правъ и политическаго вліянія безъ экономическихъ организацій.

Но для свободнаго развитія этихъ послѣднихъ не нужны ли, опять-таки, „политическія права и политическое вліяніе“?

Чѣмъ стали бы профессіональные союзы и кооперативныя товарищества безъ права коалицій и союзовъ? Не приходилось-ли рабочему классу повсюду въ Западной Европѣ предварительно завоевывать эти политическія права, прежде чѣмъ онъ могъ приступить къ основанію своихъ экономическихъ организацій? И не совершаются ли еще и теперь въ Германіи и въ Австріи самыя яростныя покушенія на эти политическія права? Законъ противъ соціалистовъ не щадилъ и кооперативныхъ товариществъ, а „каторжный законопроектъ“ и понынѣ не можетъ считаться похороненнымъ.

Но, съ другой стороны, твердо установлено, что политическая сила является, въ послѣднемъ счетѣ, лишь результатомъ экономической силы. Настоящій заколдованный кругъ: безъ экономической силы мы не добьемся политическихъ правъ, а безъ экономическихъ правъ не получимъ экономической силы!

Къ счастью, есть очень простое средство, съ помощью котораго можно выйти изъ этого заколдованнаго круга: надо только перестать смѣшивать экономическую *силу* съ экономической *организаціей*. На этомъ смѣшеніи основано все разсужденіе Вольтмана.

Если бы пролетаріатъ не обладалъ экономической силой, то онъ, разумѣется, не могъ бы добиться политическихъ правъ. Но основаніемъ его экономической силы является его роль въ *процессѣ производства*, а роль эта не зависитъ отъ усмотрѣнія органовъ политической власти. Правительства, какъ и капиталисты, повсюду самымъ энергичнымъ образомъ стремятся къ быстрому распространенію капиталистическаго способа производства, а это означаетъ быстрое увеличеніе массы пролетаріата, концентрацію его въ опредѣленныхъ мѣстахъ, вышколиваніе и организацію; послѣдняя—сначала только для цѣлей производства, но организація, созданная фабрикой, продолжаетъ затѣмъ свое дѣйствіе въ классовой борьбѣ. Органы политической власти и капиталисты единодушно содѣйствуютъ тому, чтобы экономическая жизнь націи все въ большей и большей степени оказывалась въ зависимости отъ класса наемныхъ рабочихъ и подпадала подъ его господство, по мѣрѣ того какъ этотъ классъ приходитъ къ сознанію своей силы.

Такой ростъ экономической силы пролетаріата совершается повсемѣстно, какъ въ абсолютистскихъ странахъ, такъ и въ демократическихъ, какъ въ Россіи, такъ и въ Швейцаріи, и именно изъ этого источника черпаетъ рабочій классъ силы для непрерывнаго ряда своихъ побѣдъ, которыя составляютъ важнѣйшее содержаніе исторіи XIX в. Если бы возраженія Бернштейна были справедливы, если бы концентрація капитала, а слѣдовательно и пролетаріата, не происходила бы такъ, какъ это предполагалось уже въ «Манифестѣ», то стремленія пролетаріата къ экономическимъ организаціямъ были бы напрасны, какія бы онъ ни дѣлалъ усилія: органы политической власти и капиталисты были бы достаточно сильны, чтобы положить имъ конецъ. Въ дѣйствительности же они, напротивъ, истощаютъ свои силы въ безнадежной борьбѣ, такъ какъ врагъ, съ которымъ они сражаются, послѣ каждаго своего пораженія, снова возрождается, еще болѣе многочисленный и сплоченный, и становится все болѣе и болѣе необходимымъ для нихъ самихъ.

Такова та сила, на основаніи которой рабочій классъ требуетъ отъ государства политическихъ правъ, и на основаніи которой онъ уже добился этихъ правъ и добьется въ будущемъ.

Вполнѣ естественно, что онъ пользуется этими политическими правами для образованія организацій, съ помощью которыхъ онъ еще болѣе увеличиваетъ свои силы. И никто до сихъ поръ не оспаривалъ того, что пролетаріатъ, организованный въ сильные профессіональные союзы, располагающій богатыми потребительными обществами, многочисленными типографіями, широко распространенными періодическими изданіями, добьется у избирательной урны и въ парламентѣ совсѣмъ иныхъ результатовъ, чѣмъ такой пролетаріатъ, у котораго всѣ эти орудія борьбы отсутствуютъ. *Но основная экономическая сила пролетаріата, это— та сила, которая создается сама собой, процессомъ экономическаго развитія.* А наивысшая форма классовой борьбы, которая налагаетъ свою печать на всѣ остальныя ея формы, есть не борьба отдѣльныхъ экономическихъ организацій, а борьба всего пролетаріата, какъ цѣлаго, направленная къ завоеванію самой могущественной изъ соціальныхъ организацій,—

государства; это, стало быть,—*борьба политическая*. Она-то и рѣшаетъ все.

Разумѣется, мы никоимъ образомъ не хотимъ этимъ сказать, что соотношеніе между экономической и политической борьбой должно быть одинаково во всѣ времена и при всѣхъ условіяхъ; что послѣдняя всегда будетъ приводить къ наиболѣе крупнымъ и наиболѣе быстрымъ успѣхамъ рабочаго класса, и что борьба за экономическія организаціи и борьба съ помощью ихъ всегда должна стоять на второмъ планѣ.

Въ относительномъ значеніи экономической и политической борьбы можно прослѣдить извѣстное волнообразное движеніе, подобное такому же движенію капиталистической промышленности. Подобно тому какъ эта послѣдняя переходитъ отъ процвѣтанія къ кризису и обратно, такъ и въ области политики мы находимъ чередованіе періодовъ обостренія борьбы, быстрыхъ политическихъ успѣховъ,—періоды политическихъ «революцій»,—и періодовъ политическаго застоя, когда на первый планъ выступаетъ развитіе экономическихъ организацій, соціальныхъ „реформъ“. При этомъ, между обоими волнообразными движеніями,—движеніемъ промышленной и движеніемъ политической жизни,—существуетъ не только извѣстная аналогія, но и прямая связь.

Въ періоды процвѣтанія, само собой понятно, общее соціальное недовольство всего слабѣе, попытки достичь собственными силами болѣе высокаго жизненнаго уровня имѣютъ всего больше шансовъ на успѣхъ, а потребность въ помощи со стороны государства ослабѣваетъ. Въ такое время не только капиталисты, но и рабочіе меньше цѣнятъ политику, а больше—экономическія предпріятія и организаціи, обѣщающія непосредственныя и ощутительныя выгоды.

Во время же кризиса исчезаетъ надежда добиться успѣховъ, оставаясь на чисто экономической почвѣ; отъ самой мощной изъ экономическихъ силъ, государства, ожидаютъ помощи; чтобы снова почувствовать подъ ногами твердую почву, стремятся завладѣть государствомъ; общественное недовольство растетъ, всякіе контрасты обостряются, все толкаетъ къ политической борьбѣ. Разумѣется, интенсивность политической борьбы или же ея отступленіе на второй планъ, сравнительно съ чисто экономической

дѣятельностью, зависятъ не только отъ наступленія періода промышленнаго процвѣтанія или кризиса. Имѣются еще и другіе факторы, задерживающіе или ускоряющіе это движеніе. Но, во всякомъ случаѣ, циклъ хозяйственной жизни оказываетъ огромное вліяніе на соотношеніе между политикой и экономикой.

Революція 1848 г. вспыхнула во время экономическаго кризиса. Къ числу причинъ, которыя послѣ ея пораженія сдѣлали невозможнымъ повтореніе попытки, надлежитъ отнести не только страхъ, который испытывала буржуазія передъ пролетаріатомъ, обнаружившимъ въ іюньскіе дни свою боевую мощь. Одною изъ этихъ причинъ, и весьма сильною, было промышленное процвѣтаніе, начавшееся въ 1850 г. «Промышленный кризисъ 1847 г.—писалъ Энгельсъ въ 1885 г. въ своемъ введеніи къ «Enthüllungen über den Kommunistenprozess zu Köln» (стр. 15), —подготовшій революцію 1848 г., миновалъ. Начался новый періодъ безпримѣрнаго промышленнаго процвѣтанія; для всякаго, кто имѣлъ глаза, чтобы видѣть, было ясно, что революціонное движеніе, 1848 г. мало по малу шло на убыль».

Уже въ 1850 г. Марксъ и Энгельсъ писали въ газетѣ «Neue Kölnische Zeitung»: «Въ этотъ періодъ всеобщаго процвѣтанія промышленности, когда производительныя силы буржуазнаго общества достигаютъ такого пышнаго расцвѣта, какой только вообще возможенъ для нихъ при буржуазныхъ отношеніяхъ, *не можетъ быть и рѣчи о дѣйствительной революціи.* Послѣдняя бываетъ возможна лишь тогда, когда оба эти фактора, современныя производительныя силы и буржуазныя формы производства становятся въ противорѣчіе другъ къ другу».

Слѣдующій періодъ безпримѣрнаго экономическаго подъема начался въ 1871 г. Но онъ не замыкаетъ собою неудачной революціи, подобно промышленному подъему 1850 г. Напротивъ, онъ начинается послѣ одной изъ самыхъ удачныхъ европейскихъ революцій, которая, однако, была произведена не народными возстаніями, а династическими войнами. Событія, имѣвшія мѣсто въ промежуткѣ между 1866 и 1870/71 г.,—паденіе абсолютизма въ Австріи, паденіе имперіи во Франціи, объединеніе Германіи и дарованіе ей всеобщаго избирательнаго права, наконецъ героическая борьба французской коммуны, — все

это были событія такого рода, которыя не могли усыпить въ рабочихъ интересъ къ политикѣ, убить въ нихъ вѣру въ быстрые успѣхи политической борьбы и выдвинуть на первый планъ стремленіе къ улучшенію своего положенія путемъ чисто экономической борьбы. Тѣмъ болѣе, что продолжительность этого подъема была весьма незначительна, а профессіональное и кооперативное движеніе, въ виду царившей послѣ 1849 г. реакціи, только что начиналось.

Такимъ образомъ, политическая борьба оказалась на первомъ планѣ у всего западно-европейскаго пролетаріата, за исключеніемъ англійскаго. Пролетаріатъ оставался «революціоннымъ».

Въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ мы снова переживаемъ періодъ промышленнаго процвѣтанія; этотъ періодъ продолжительнѣе, чѣмъ періодъ 1871 г.; онъ застаетъ уже существованіе болѣе сильныхъ экономическихъ организацій и совпадаетъ съ періодомъ политическаго застоя, который тянется уже долго, и который, благодаря промышленному процвѣтанію, еще болѣе затягивается.

Итакъ, нынѣшняя ситуація похожа на ситуацію 1850 г.: политическая реакція и промышленный подъемъ. Но между обоими этими моментами лежитъ полувѣковое развитіе капитализма и и пролетарской классовой борьбы, свободы коалицій въ теченіе цѣлаго поколѣнія. Если ситуація 1850 г. привела къ полной пріостановкѣ рабочаго движенія на континентѣ Европы, то ситуація 1899 г. означаетъ только, что экономическая борьба выдвигается на первый планъ, и рабочія массы приходятъ къ тому взгляду, что при помощи профессіональныхъ и кооперативныхъ организацій они въ настоящій моментъ могутъ добится большихъ успѣховъ, чѣмъ путемъ политической дѣятельности.

Въ этой ситуаціи кроется сила книги Бернштейна. Его настойчивыя указанія на необходимость заниматься «малыми дѣлами» экономической практики соотвѣтствуютъ дѣйствительной потребности настоящаго момента. Его сомнѣніе въ вѣроятности крупныхъ и внезапныхъ политическихъ перемѣнъ — катастрофъ — соотвѣтствуетъ опыту послѣднихъ лѣтъ. Но «практикамъ», читающимъ книгу Бернштейна, его теоріи совершенно безраз-

личны; ихъ интересуютъ только его разсужденія о задачахъ и условіяхъ настоящаго момента.

Однако, какъ разъ въ томъ обстоятельствѣ, что книга Бернштейна соотвѣтствуетъ специфической ситуаціи, кроется и ея слабость. Въ самомъ дѣлѣ, онъ думаетъ, что говоритъ не о предварительныхъ условіяхъ нашихъ ближайшихъ успѣховъ, а о «предпосылкахъ соціализма», не о задачахъ сегодняшняго дня, а о «задачахъ соцальдемократіи» вообще.

Когда въ 1850 г. наступилъ періодъ промышленнаго подъема, то Марксъ и Энгельсъ сдѣлали изъ этого факта свои заключенія относительно тактики въ ближайшіе годы; но они и не думали выбрасывать вонъ, какъ негодную рухлядь, тѣ выводы, къ которымъ привело ихъ изученіе капиталистическаго развитія въ цѣломъ. Если бы Бернштейнъ выступилъ съ заявленіемъ, что въ переживаемый нами періодъ промышленнаго процвѣтанія и реакціи нельзя на политической почвѣ добиться крупныхъ результатовъ, а потому, *пока условія не измѣнятся*, отдадимъ всѣ силы мелкой реформистской дѣятельности въ профессіональныхъ союзахъ, общинахъ, кооперативныхъ организаціяхъ и пр.,— то онъ встрѣтилъ бы со стороны партіи достаточно вниманія, а со стороны многихъ членовъ партіи—и прямое согласіе.

Но Бернштейнъ объявляетъ экономическое и политическое состояніе общества въ данный моментъ нормальнымъ, объявляетъ политическій застой медленнымъ, но вѣрнымъ прогрессивнымъ движеніемъ по пути демократизма и соціальныхъ реформъ; онъ воображаетъ, что безпримѣрное промышленное процвѣтаніе, переживаемое нами въ настоящую минуту, будетъ продолжаться до безконечности; такимъ путемъ онъ приходитъ къ оптимистическому предетавленію о ходѣ развитія государства и общества,— представленію, которое совершенно не выдерживаетъ критики, и которое должно рухнуть, какъ только придетъ къ концу политическій застой и экономическое процвѣтаніе.

Бернштейнъ указываетъ намъ на противоположность между традиціонной «революціонной фразеологіей» (рус. пер., стр. 130) и дѣйствительно реформаторскимъ образомъ мыслей; въ дѣйствительности же противоположность эта есть, частью, не что иное, какъ противоположность между такимъ представленіемъ, которое

основано на изученіи всего историческаго развитія капиталистическаго способа производства, и такимъ, которое считается только съ одною изъ его фазъ.

Бернштейнъ говоритъ о тактикѣ, „основанной всецѣло на ожиданіи катастрофъ“. Онъ не указываетъ намъ, въ чемъ именно онъ видитъ подобную тактику со стороны германской партіи. Въ дѣйствительности же никакая тактика не обладаетъ такого способностью приспособляться къ обстоятельствамъ, какъ тактика нашей партіи, именно благодаря ея теоретическому базису. Она приготовлена ко всякой случайности и не связана ни съ какимъ опредѣленнымъ темпомъ развитія. Она считается съ возможностью какъ промышленнаго кризиса, такъ и процвѣтанія, какъ съ реакціей, такъ и съ революціей, какъ съ катастрофами, такъ и съ постепеннымъ мирнымъ развитіемъ. Въ этой то способности нашей партіи приспособляться къ условіямъ дѣйствительности и кроется источникъ ея жизненной силы. Она не имѣетъ никакого основанія ослаблять свои силы, подгоняя всю свою тактику къ одной опредѣленной ситуаціи, напр., къ ожиданію катастрофъ или же къ ожиданію возможности ограничиться на всѣ будущія времена мелкими дѣлами мирнаго характера. Тактика, которая принципіально устраняетъ возможность кризисовъ, катастрофъ и революцій, для партіи столь же вредна, какъ и тактика, спекулирующая на эти явленія. Партія должна пользоваться всякой ситуаціей и никогда не связывать себѣ напередъ руки.

b) Самостоятельная или несамостоятельная политика?

Противоположность между устарѣлой революціонной фразеологіей и реальнымъ движеніемъ въ направленіи демократическисоціалистическихъ реформъ, какъ уже было упомянуто, скрываетъ въ себѣ, по моему мнѣнію, противоположность между широкимъ и обобщеннымъ взглядомъ на капиталистическій способъ производства и воззрѣніемъ, основаннымъ на преходящихъ явленіяхъ и служащимъ потребностямъ дня.

Но эта же противоположность скрываетъ въ себѣ еще и другую, практически гораздо болѣе важную противоположность. Если первая, главнымъ образомъ, имѣетъ значеніе только для той или иной постановки *пропаганды*, то вторая должна оказать вліяніе также на нашу *практическую дѣятельность*. Мы говоримъ о противоположности между *самостоятельной* и *несамостоятельной* классовой политикой.

Долженъ ли пролетаріатъ организоваться въ самостоятельную классовую партію, или же въ союзѣ съ другими классами образовать одну большую демократическую партію?

Можно было бы думать, что этотъ вопросъ разрѣшенъ уже теоретически въ «Манифестѣ», а со времени выступленія Лассаля разрѣшенъ для Германіи и практически. Но онъ всплываетъ снова, въ новой формѣ. Теперь уже дѣло идетъ о соціалдемократической партіи, не какъ о *группѣ, ведущей пропаганду*, но какъ о политическомъ факторѣ, какъ о *силѣ* перваго ранга. И потому вопросъ почти нигдѣ уже не можетъ ставиться такъ: должны ли пролетаріи покинуть соціальдемократическую партію, чтобы примкнуть къ буржуазной демократіи? Онъ можетъ быть поставленъ только такъ: должны ли мы придать нашей программѣ и тактикѣ такую форму, чтобы двери партіи были открыты для всѣхъ демократическихъ классовъ или слоевъ.

Дѣло идетъ о классахъ и слояхъ, а не объ отдѣльныхъ лицахъ. Само собою разумѣется, что для соціалдемократіи въ высшей степени желателенъ каждый, кто готовъ примкнуть къ классовой борьбѣ пролетаріата, къ какому бы классу онъ ни принадлежалъ по своему происхожденію. Вопросъ состоитъ въ томъ, должна ли соціалдемократія служить также *классовымъ интересамъ* непролетарскихъ классовъ.

Утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ въ высшей степени желателенъ для болѣе дальновидныхъ членовъ буржуазной демократіи, которая быстро приближается къ упадку и можетъ надѣяться возродиться въ прежномъ блескѣ, только благодаря такому «линянію» нашей партіи,—перемѣнѣ самой сущности ея, хотя бы и безъ измѣненія названія. Но такого же отвѣта на этотъ вопросъ желаютъ и нѣкоторые элементы нашей партіи, которые видятъ въ такомъ отвѣтѣ вѣрное средство къ ея быстрому рас-

ширенію и полагаютъ, что при такой политикѣ она скорѣе, чѣмъ при всякой другой политикѣ, можетъ вырасти и оказаться способной къ управленію государствомъ. Всѣ эти элементы группируются около Бернштейна. И дѣйствительно, его книга даетъ имъ въ руки цѣлый рядъ аргументовъ. Такъ, Бернштейнъ старается умалить значеніе классовой солидарности пролетаріата и классовой противоположности между рабочими и буржуа; онъ указываетъ на демократію, которая означаетъ въ принципѣ уничтоженіе классоваго господства; онъ рекомендуетъ намъ быть осторожными въ объявленіи войны либерализму; онъ доказываетъ превосходство нынѣшней тактики англійскихъ рабочихъ сравнительно съ тактикой чартистовъ.

Уже въ моей критикѣ книги Бернштейна, въ «Neue Zeit» и «Vorwärts», я доказывалъ, что его позиція въ вопросѣ о классовой борьбѣ неясна. «Лишь одно съ ясностью выступаетъ въ его разсужденій, именно — стремленіе умалить значеніе классовой солидарности пролетаріевъ и классоваго антагонизма между ними и капиталистами» (N. Z., XIII, 2, стр. 70).

Бернштейнъ говоритъ, что видитъ въ этой фразѣ «тяжкое обвиненіе». Я же вижу въ ней только констатированіе факта. Вѣдь я не утверждалъ, что онъ защищаетъ взгляды, противные его убѣжденіямъ; а вѣдь можно быть убѣжденнымъ, что классовая солидарность пролетаріата весьма незначительна, и все же оставаться вполнѣ достойнымъ уваженія человѣкомъ. Равнымъ образомъ, здѣсь дѣло идетъ не о «моральномъ негодованіи и догматическихъ проповѣдяхъ», а лишь объ отвѣтѣ на вопросъ: соотвѣтствуютъ ли факты представленіямъ Бернштейна, или нѣтъ.

Такъ напр., въ своей книгѣ, на стр. 89, онъ говоритъ: «Еще раньше я имѣлъ случай указать на то, что современные наемные рабочіе не представляютъ собою однородной, одинаково свободной въ вопросахъ собственности, семьи и проч. массы, образованіе которой предвидитъ «Манифестъ»; я указывалъ, что какъ разъ въ наиболѣе развитыхъ отрасляхъ фабричной промышленности мы встрѣчаемъ цѣлую іерархію дифференцированныхъ рабочихъ, и что между этими категоріями существуетъ лишь незначительное чувство солидарности».

Правда, онъ признаетъ, что между рабочей аристократіей и низшими слоями пролетаріата существуетъ извѣстная симпатія,

которая обнаруживается даже у англійскихъ рабочихъ. «Но между такого рода политическими или соціально-политическими симпатіями и экономическою солидарностью есть большая разница; политическій и экономическій гнетъ, правда, затушевываетъ эту разницу; но съ ослабленіемъ этого гнета, она снова обнаружится такъ или иначе. Было бы большой ошибкой думать, что Англія является въ этомъ отношеніи (принципіально) исключеніемъ. То же явленіе обнаруживается въ наши дни и во Франціи, хотя въ иной формѣ. То же можно сказать и о Швейцаріи, Соединенныхъ Штатахъ и, какъ я уже сказалъ, до извѣстной степени и о Германіи».

На это я возражалъ, что Англія во всякомъ случаѣ является исключеніемъ; взаимную борьбу между соперничающими тредъ-юніонами за опредѣленныя области труда можно наблюдать только въ Англіи. На это Бернштейнъ отвѣтилъ, что теперь такая борьба въ Англіи почти прекратилась, и... что въ Германіи также можно найти примѣры «борьбы рабочихъ противъ рабочихъ, вызванной экономической дифференціаціей или столкновеніями экономическихъ интересовъ». «Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще конкуррируютъ другъ съ другомъ центральные профессіональные союзы и мѣстныя организаціи, а въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности — союзы по отраслямъ промышленности и кружки по спеціальностямъ».

На это я хочу только замѣтить, что прекращеніе взаимной борьбы между тредъ-юніонами въ Англіи ничего не доказывало бы противъ меня, такъ какъ такую борьбу я признавалъ *исключеніемъ*. Впрочемъ, недавнее исключеніе изъ конгресса тредъ-юніоновъ большого тредъ-юніона объединенныхъ машиностроительныхъ рабочихъ за несоблюденіе забастовки никакъ не свидѣтельствуетъ о прекращеніи взаимнаго соперничества профессіональныхъ союзовъ въ Англіи. Что же касается до конфликтовъ между централизованными и мѣстными профессіональными союзами, равно какъ и между кружками по спеціальностямъ и союзами по отраслямъ промышленности, то они вытекаютъ совсѣмъ изъ иной причины, а не изъ недостатка чувства солидарности или столкновенія интересовъ рабочихъ различныхъ отраслей промышленности. Борьба, о которой говоритъ здѣсь Бернштейнъ, порождается отчасти разногласіями по вопросу о наи-

лучшей формѣ организаціи, отчасти же столкновеніями на почвѣ компетенціи, но никоимъ образомъ не противоположностью интересовъ. Только при полномъ недостаткѣ аргументовъ, можно пользоваться подобными фактами, чтобъ доказать «слабость чувства солидарности, связывающаго различныя группы рабочихъ».

Но, спрашиваетъ Бернштейнъ, что же станется съ историческимъ матеріализмомъ и діалектикой при допущеніи такого чувства солидарности? Мы видимъ рабочихъ самыхъ различныхъ отраслей промышленности и съ самыми разнообразными размѣрами заработка. «Не ближайшій ли это выводъ историческаго матеріализма, что различія въ положеніи и образѣ жизни данныхъ слоевъ рабочихъ приводятъ также къ различіямъ въ ихъ образѣ мыслей и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ? И не соотвѣтствуетъ ли подобное предположеніе именно діалектическому пониманію?»

Вотъ какимъ матеріалистомъ-діалектикомъ сталъ вдругъ Бернштейнъ! Но вѣдь я никогда не отрицалъ существованія *различій* въ образѣ мыслей разныхъ слоевъ рабочихъ; вопросъ въ томъ, таковы ли эти различія, что они должны уменьшать общій всѣмъ рабочимъ антагонизмъ по отношенію къ капиталу и, такимъ образомъ, подрывать или хобя-бы ослаблять пролетарскую солидарность.

Я утверждаю, что нѣчто подобное происходитъ только тамъ, гдѣ пролетаріи находятся въ привилегированномъ положеніи. Но это встрѣчается всегда лишь въ видѣ исключенія, притомъ такого, которое никогда не продолжается долго. Самъ капиталъ стремится побѣдить и уничтожить всякую привилегію, созданную образованіемъ, сноровкой или организованностью рабочихъ, и рано или поздно ему это удается. Эти слои рабочихъ, считавшіе себя чѣмъ-то высшимъ, сравнительно съ пролетаріями, низвергаются одинъ за другимъ на одинаковую ступень съ другими рабочими и приходятъ къ сознанію своей солидарности съ массой. Этотъ процессъ совершается на нашихъ глазахъ, и раздоры между мѣстными и центральными организаціями ничего не говорятъ противъ этого.

Бернштейнъ полагаетъ, что между политическими и соціально-политическими «симпатіями, и экономической солидарностью есть большая разница; ее можетъ нейтрализовать сильный поли-

тическій и экономическій гнетъ, но съ ослабленіемъ этого гнета она снова обнаруживается, такъ или иначе. Было бы большой ошибкой думать, что Англія является въ этомъ отношеніи (принципіально) исключеніемъ.»

Да, что пролетарская солидарность прекратится съ уничтоженіемъ политическаго и экономическаго гнета, этого я не оспариваю; вѣдь она является прямымъ результатомъ этого гнета. Я охотно допускаю также, что тамъ, гдѣ сильный политическій гнетъ соединяется съ экономическимъ, чувство солидарности обыкновенно еще болѣе усиливается. Но не является ли сильный экономическій гнетъ класса капиталистовъ надъ пролетаріатомъ условіемъ существованія капиталистической эксплуатаціи? Не этимъ ли создается классовой антагонизмъ между обоими классами? Утверждаю ли я, что Бернштейну классовой антагонизмъ между пролетаріатомъ и капиталомъ кажется менѣе рѣзкимъ, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности, или я говорю, что гнетъ класса капиталистовъ кажется ему не столь значительнымъ, — это, пожалуй, одно и то же.

Съ этимъ взглядомъ тѣсно связанъ другой, а именно: что демократія есть «въ принципѣ уничтоженіе классоваго господства, хотя и не означаетъ фактическаго уничтоженія классовъ». «Можно считать демократію синонимомъ отсутствія классоваго господства, обозначеніемъ такого соціальнаго строя, при которомъ ни одинъ классъ не пользуется политическими привилегіями по отношенію ко всему обществу».

Мы не будемъ говорить о томъ, насколько подходитъ къ демократіи названіе „соціальнаго строя“ (Gesellschaftszustand); но мы должны указать на то, что опредѣлять демократію, какъ такую форму организаціи, въ которой ни одинъ классъ не пользуется политическими привиллегіями, весьма односторонне. Равноправіе — *одна* изъ характеристическихъ черта демократіи, но не *вся* совокупность ея характеристическихъ чертъ. Бернштейну не нравится, чтобы слово „демократія“ переводилось „господство народа“; такъ какъ этимъ мы даетъ «только внѣшнее, чисто формальное опредѣленіе, между тѣмъ какъ почти всѣ тѣ, кто употребляетъ нынѣ слово „демократія“, понимаютъ подъ нимъ больше, чѣмъ простую форму господства.»

Больше, чѣмъ простую форму господства, но все же форму господства! И понятіе господства народа включаетъ въ себѣ понятіе равноправія, тогда какъ обратное бываетъ не всегда. Даже во времена римской имперіи всѣ классы были равноправны: никто не пользовался политическими привилегіями, всѣ граждане были политически одинаково безправными римскими гражданами. Съ другой стороны, и анархистскій общественный строй также предполагаетъ отсутствіе политическихъ привилегій, однкао же анархисты и слышать не хотятъ о демократіи (и съ своей точки зрѣнія они вполнѣ правы) именно потому, что послѣдняя есть одна изъ *формъ господства. Это — форма господства большинства.*

Но демократія совсѣмъ не означаетъ фактическаго уничтоженія классовъ, чего не можетъ отрицать и Бернштейнъ. Если соціальный строй остается тѣмъ же, то классы, ихъ антагонизмъ и ихъ экономическіе источники силы остаются и при демократіи тѣми же, какъ и при политической системѣ господства меньшинства. А если такъ, то почему же демократія должна принципіально означать уничтоженіе классоваго господства? Она означаетъ господство тѣхъ классовъ, которые составляютъ большинство или же держатъ большинство въ экономической или интеллектуальной зависимости отъ себя.

Конечно, демократія—необходимое предварительное условіе уничтоженія классоваго госиодства, но это потому, что она представляетъ единственную политическую форму, при которой пролетаріатъ можетъ достичь классоваго господства, которымъ онъ, будучи самымъ низшимъ классомъ, естественно, воспользуется для того, чтобы уничтожить всѣ различія между классами. Безъ классоваго господства пролетаріата уничтоженіе классовъ немыслимо.

Но Бернштейнъ ужасается передъ мыслью о такомъ классовомъ господствѣ и потому ищетъ въ демократіи такого средства, которое «принципіально» уничтожаетъ классовое господство и тѣмъ самымъ дѣлаетъ излишнимъ классовое господство пролетаріата.

Онъ находитъ, что «мысль о подавленіи личности обществомъ безусловно противна современному сознанію. Въ настоящее время мы считаемъ недемократичнымъ подавленіе меньшинства большинствомъ. Опытъ показалъ, что чѣмъ дальше существовали въ современномъ

государствѣ демократическія учрежденія, тѣмъ больше признавались и уважались права меньшинства, а партійная борьба становилась все менѣе ожесточенной.»

Однако, Бернштейнъ не говоритъ намъ, гдѣ мы должны искать этого «опыта». И въ этомъ случаѣ, какъ и въ вопросѣ о промышленномъ процвѣтаніи, мы видимъ, что Бернштейнъ принимаетъ за общій законъ современнаго развитія то, что въ дѣйствительности представляетъ собою лишь эфемерное явленіе, наблюдаемое въ нашемъ случаѣ лишь въ одной странѣ, а именно въ Англіи.

Тамъ въ настоящій моментъ политическое затишье. Различія между двумя большими правящими партіями все болѣе и болѣе сглаживаются, а борьба между Англіей и Ирандіей въ послѣдніе годы потеряла свою остроту. Правда, еще недавно «современное сознаніе» англичанъ «безусловно» привѣтствовало самыя жестокія мѣры, направленныя противъ ихъ враговъ, ирландцевъ, а эти послѣдніе отвѣчали на нихъ кинжалами и динамитомъ. Но съ тѣхъ поръ какъ Гладстонъ капитулировалъ передъ ирландцами, борьба въ этой формѣ прекратилась.

Однако, своей колоніальной политикой въ Южной Африкѣ, Суданѣ, Индіи англичане доказываютъ, что они совсѣмъ не безусловно настроены противъ подавленія меньшинства или болѣе слабыхъ. А демократическая Америка? Никогда она не линчевала своихъ негровъ съ большимъ сладострастіемъ, чѣмъ теперь; никогда стачечники не разстрѣливались въ ней съ болѣе легкимъ сердцемъ, никогда американцы не проявляли большую кровожадность, большую тираннію по отношенію къ меньшинству. Война съ филиппинцами, надо думать, не улучшила ихъ нравовъ.

Или демократическая Франція показываетъ намъ, что партійная борьба становися менѣе обостренной, что личность больше уважается, и политическая эволюція принимаетъ болѣе мягкія формы? Мы не говоримъ уже объ Австріи и Италіи, хотя ихъ тоже можно отнести до извѣстной степени къ демократическимъ странамъ, такъ какъ ихъ граждане пользуются избирательными правами.

Но къ чему такъ далеко ходить за примѣрами? Что мы видимъ въ Германіи, которая уже въ теченіе 30 лѣтъ пользуется избирательнымъ правомъ? «Каторжный» законопроектъ и

судебную практику, блестяще иллюстрируемую, съ одной стороны, драконовскими приговорами надъ стачечниками и редакторами, разрѣшающими себѣ невинныя остроты надъ императоромъ и принцами императорской крови, а съ другой стороны—безнаказанностью офицеровъ и полицейскихъ чиновъ, безчинствующихъ надъ мирными гражданами.

Бернштейнъ съ негодованіемъ отвергаетъ мысль о диктатурѣ пролетаріата. Но мнѣ кажется весьма сомнительнымъ, чтобы можно было освободиться отъ элементовъ, вродѣ прусскихъ юнкеровъ, разныхъ Штуммовъ и Кюнемановъ, Рокфеллеровъ и Джей-Гульдовъ, бандитовъ высшаго и низшаго ранга, группирующихся вокругъ французскаго генеральнаго штаба и другихъ молодцовъ, жаждущихъ «политики пресѣченія», оставаясь на точкѣ зрѣнія полнѣйшаго уваженія къ ихъ личности. И при этомъ вѣдь ничто не даетъ основанія заключить, что соціальные контрасты смягчаются и сглаживаются. Наоборотъ! Я не буду утверждать съ увѣренностью, что классовое господство пролетаріата неизбѣжно должно принять форму классовой диктатуры. Но чтобы однѣ лишь демократическія формы сдѣлали излишнимъ классовое господство пролетаріата въ цѣляхъ его освобожденія, этого никоимъ образомъ не доказываетъ ни опытъ прошлаго, ни основанныя на немъ заключенія насчетъ возможнаго будущаго.

Я не желаю, чтобы меня превратно поняли. Я не хочу отрицать того, что, *при прочихъ равныхъ условіяхъ*, демократія съ ея вольностями и явственно видимымъ соотношеніемъ силъ различныхъ партій и классовъ способна больше всякой другой формы политическаго устройства устранить излишнее обостреніе политической борьбы: это всегда признавалось нашей партіей. Но здѣсь дѣло не въ этомъ; здѣсь мы должны разрѣшить вопросъ: можетъ ли демократія въ такой степени противодѣйствовать обостренію классовыхъ противоположностей, необходимо вытекающему изъ экономическаго развитія, чтобы сдѣлать излишнимъ классовое господство пролетаріата? Какъ теорія, такъ и практика отвѣчаютъ на этотъ вопросъ отрицательно.

Рѣшеніе проблемы диктатуры пролетаріата мы можемъ спокойно предоставить будущему. И въ этомъ вопросѣ намъ неза-

чѣмъ связывать себѣ руки. Однако, онъ имѣетъ значеніе и для настоящаго,—поскольку сохраненіе нами самостоятельной классовой организаціи пролетаріата зависитъ отъ того, ожидаемъ ли мы отъ демократіи прекращенія классового господства, или нѣтъ.

Еще больше вліянія на это должна оказать наша позиція по отношенію къ либерализму.

Бернштейнъ рекомендуетъ намъ „соблюдать до извѣстной степени умѣренность при объявленіи войны либерализму". «Правда, — говоритъ онъ, — великое либеральное движеніе новаго времени прежде всего принесло выгоду капиталистической буржуазіи, и партіи, присваивавшія себѣ имя либеральныхъ, были или стали съ теченіемъ времени простыми защитниками капитализма. Конечно, между этими партіями и нашей могутъ существовать только враждебныя отношенія. Но что касается до либерализма, какъ всемірно-историческаго движенія, то соціализмъ является не только съ хронологической точки зрѣнія, но и по своему духовному содержанію его законнымъ преемникомъ, какъ это и обнаруживается на практикѣ всякій разъ, когда всплываетъ принципіальный вопросъ, къ которому соціалдемократіи приходится стать въ опредѣленное положеніе. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда осуществленіе какого либо требованія соціалистической программы могло быть достигнуто лишь такимъ путемъ или при такихъ условіяхъ, которыя угрожали бы серьезно развитію гарантій свободы, соціалдемократія никогда не колебалась выступить противъ такого акта. Обезпеченіе политической и гражданской свободы всегда было для нея гораздо дороже, чѣмъ осуществленіе того или иного экономическаго требованія. Развитіе и обезпеченіе свободы личности составляетъ цѣль всѣхъ соціалистическихъ мѣропріятій, даже тѣхъ, которыя имѣютъ видъ мѣропріятій насильственныхъ... Французская конституція 1793 г. была послѣдовательнымъ выраженіемъ либеральныхъ идей той эпохи; насколько она была мало враждебна соціализму, объ этомъ можно судить на основаніи бѣглаго обзора ея содержанія. Бабефъ и «равные» и видѣли въ ней прекрасный исходный пунктъ для осуществленія своихъ коммунистическихъ стремленій и потому выставили въ главѣ своихъ требованій возстановленіе конституціи 1793 г. То, что выдавалось позднѣе за политическій либерализмъ, есть

либерализмъ, ослабленный и приспособленный къ потребностямъ капиталистической буржуазіи послѣ паденія стараго порядка, подобно тому какъ такъ называемое манчестерство есть лишь ослабленное и одностороннее выраженіе принциповъ, выставленныхъ классиками экономическаго либерализма. *Въ дѣйствительности нѣтъ такихъ либеральныхъ идей, которыя бы не входили въ то же время и въ идейное содержаніе соціализма.* Даже принципъ личной экономической отвѣтственности, который кажется съ виду, какъ нельзя болѣе, манчестерскимъ, по моему мнѣнію, не можетъ ни теоретически отрицаться соціализмомъ, ни практически игнорироваться, при какихъ бы то ни было условіяхъ».

Мы отдаемъ полную дань уваженія «принципу личной экономической отвѣтственности», равно какъ и «политической и гражданской свободѣ» или «развитію и обезпеченію личной свободы.» Но этими принципами и свободами, какъ мнѣ кажется, не вполнѣ исчерпывается сущность либерализма. Мы должны его, подобно соціализму, разсматривать, какъ опредѣленное историческое явленіе, а не какъ стоящую внѣ времени и мѣста формулу свободы. По крайней мѣрѣ, тотъ либерализмъ, которому соціалдемократія объявляетъ войну, есть весьма конкретное явленіе. Это—либеральныя партіи, которыя самъ Бернштейнъ называетъ „простыми тѣлохранителями капитализма“. Но и либерализмъ въ его чистѣйшемъ видѣ, именно идеалъ большинства мыслителей просвѣтительной философіи, по своему *соціальному* содержанію, всего менѣе соціалистиченъ, какъ прямо, такъ и косвенно, по своимъ выводамъ. Конечно, иное дѣло—политическое содержаніе либерализма, демократія. Разумѣется, его соціалдемократія должна воспринять. Но когда же она объявляла войну демократическимъ идеямъ? Вся аргументація Бернштейна покоится на смѣшеніи демократіи и экономическаго либерализма, какъ показываетъ его ссылка на конституцію 1793 и на Бабефа.

Экономическое содержаніе либерализма соотвѣтствуетъ потребностямъ развитого товарнаго производства. Основное право, котораго онъ требуетъ, есть полное и неограниченное право *частной собственности* не только на предметы потребленія, но и на средства производства; основная форма свободы, которой онъ требуетъ, есть свобода производства и обмѣна, — принципъ

„laissez faire, laissez passer“. Этотъ принципъ—не „ослабленное и одностороннее выраженіе принциповъ, выставленныхъ классиками экономическаго либерализма“: онъ былъ формулированъ первыми изъ этихъ классиковъ—физіократами.

Хотя конституція 1793 г. была порожденіемъ террористическаго господства самыхъ нисшихъ слоевъ народныхъ массъ, однако и она признала оба эти принципа либерализма. Она объявляла: «Право собственности есть принадлежащее каждому гражданину право пользоваться и распоряжаться *по собственному усмотрѣнію* своимъ имуществомъ, своими доходами и продуктами своего труда и своей дѣятельности. Гражданамъ не можетъ быть воспрещенъ ни одинъ изъ видовъ труда, воздѣлыванія земли или торговли». Иначе говорилось въ проектѣ конституціи, представленномъ Робеспьеромъ якобинцамъ. «Собственность,—сказано здѣсь, есть принадлежащее каждому гражданину право пользоваться и распоряжаться долей благъ, *предоставленной ему закономъ*. Подобно всѣмъ прочимъ правамъ, право собственности ограничено обязанностью уважать права другихъ. Оно не должно угрожать ни безопасности, ни свободѣ, ни существованію, ни собственности нашихъ ближнихъ. Всякое владѣніе, всякій источникъ доходовъ, нарушающій этимъ принципъ, недозволителенъ и безнравственъ.»

Таково мнѣніе Робеспьера, отнюдь не бывшаго соціалистомъ.

А Бабефъ развѣ думалъ найти въ экономическихъ принципахъ конституціи 1793 г. превосходную опору для введенія общности имуществъ?

Ничуть не бывало.

Но конституція 1793 г. заключала въ себѣ не только признаніе частной собственности и принципа laissez faire, но и демократическую организацію государства, которая была уничтожена конституціей 1795 г. Она заключала въ себѣ прежде всего всеобщее, равное и прямое избирательное право, которое послѣдующая конституція замѣнила цензовыми выборами и непрямою подачей голосовъ. Именно *поэтому* Бабефъ требовалъ замѣны конституціи 1795 г. конституціей 1793 г. Онъ требовалъ ея возстановленія потому, что, какъ объяснялось въ одномъ изъ его памфлетовъ, она «обезпечивала *всѣмъ* гражданамъ неотъемлемое право вотировать законы, пользоваться поли-

тическими правами, собираться, требовать того, что они считали необходимымъ, получать образованіе и не умирать съ голода, — права, которыя были вполнѣ и откровенно нарушены контръ-революціоннымъ актомъ 1795 г.» Въ той же работѣ, откуда приведены эти слова (у Девиля, въ его «Гракхъ Бабефъ») дальше говорится: «Конституція 1793 г. далеко не приводила неизбѣжнымъ образомъ къ коммунизму, какъ то утверждаетъ обладающій большою фантазіей историкъ Г. ф. Зибель; напротивъ, она объявляла собственность абсолютнымъ правомъ и провозглашала полнѣйшее невмѣшательство въ область торговли и промышленности. Если коммунисты, вродѣ Бабефа, ставили ея возстановленіе во главѣ своихъ требованій, то это потому, что они, хотя не упускали изъ виду коммунистическаго строя, о которомъ мечтали, но при этомъ придерживались того убѣжденія, что революція шла вѣрнымъ путемъ только до 9 термидора (1794 г.); поэтому, для того чтобы она дѣйствительно закончилась такъ, какъ она должна была, по ихъ мнѣнію, закончиться, необходимо было возвратиться къ положенію вещей, существовавшему въ этотъ день».

Слѣдовательно, Бабефъ и «равные» требовали конституціи 1793 г. изъ-за ея демократическаго содержанія и — *несмотря* на отличавшій ее экономическій либерализмъ, а не *ради* этого послѣдняго. Ссылаться на Бабефа и конституцію 1793 г. для доказательства того, что либерализмъ не противорѣчитъ соціализму, что либерализмъ, какъ говоритъ гдѣ то Бернштейнъ, «выражаетъ собою соціальный принципъ, завершеніемъ котораго будетъ соціализмъ», — значитъ слишкомъ уже тенденціозно истолковывать историческіе факты.

Чартисты нравятся Бернштейну гораздо меньше, чѣмъ Бабефъ и „равные“, хотя въ сравненіи съ послѣдними они были просто безобидными ребятами: тамъ — попытка съ помощью заговора достичь комунизма, здѣсь — требованіе всеобщаго избирательнаго нрава и 10-часоваго рабочаго дня. Однако Бернштейнъ не одобряетъ чартистовъ, такъ какъ они старались добиться своихъ цѣлей независимо отъ „радикальной буржуазіи“ и даже вопреки ей.

Онъ замѣчаетъ, что чѣмъ болѣе соціаль-демократія рѣшится казаться тѣмъ, что она есть, именно партіей демократически-соціа-

листическихъ реформъ, тѣмъ сильнѣе увеличатся ея шансы на проведеніе демократическихъ реформъ. „Конечно, страхъ — крупный политическій факторъ, но было бы ошибочно полагать, что устрашеніемъ можно добиться всего. Англійскіе рабочіе добились избирательныхъ правъ не тогда, когда чартистское движеніе принимало самую страшную революціонную внѣшность, а тогда, когда революціонныя фразы были оставлены, и рабочіе соединились съ радикальной буржуазіей для завоеванія реформъ. И если кто нибудь возразитъ мнѣ, что подобный образъ дѣйствій невозможенъ въ Германіи, тому я порекомендую перечитать, что писалось еще 15-20 лѣтъ тому назадъ въ либеральной прессѣ о профессіональной борьбѣ и рабочемъ закононательствѣ, и какъ говорили и голосовали представители этихъ партій въ рейхстагѣ при обсужденіи этихъ вопросовъ. Быть можетъ, возражающій согласится тогда, что политическая реакція отнюдь не составляетъ наиболѣе характернаго явленія въ буржуазной Германіи".

Правда, чартисты не добились избирательнаго права, но они добились кое-чего другого, а именно 10-часоваго рабочаго дня. А это вовсе не такое незначительное пріобрѣтеніе. Быть можетъ, Бернштейнъ будетъ утверждать, что они не добились избирательныхъ правъ потому, что отличались «революціонной внѣшностью». Но вѣдь въ то же самое время, когда избирательныхъ правъ добились преемники чартистовъ, ихъ добились также нѣмецкіе и французскіе рабочіе, притомъ добились гораздо болѣе широкихъ правъ, хотя они принимали весьма «революціонную внѣшность» и отнюдь не шли навстрѣчу либеральной буржуазіи.

Именно англичане всего меньше отличаются способностью поддаваться вліянію «внѣшности». Во всякомъ случаѣ, англійская буржуазія временъ агитаціи въ пользу свободы торговли не могла смущаться языкомъ и агитаціей чартистовъ, ибо, что касается «революціонной внѣшности», то ея собственный языкъ и агитація смѣло могли соперничать съ языкомъ и агитаціей чартистовъ. Буржуа возстановляло противъ чартистовъ только то, что они агитировали и организовывались независимо отъ фритредеровъ и даже въ антагонизмѣ съ ними: этого они не прощали, какъ не простили прусскіе прогрессисты подобнаго же преступленія Лас-

салю, хотя послѣдній отнюдь не усвоивалъ себѣ «революціонной внѣшности».

Уже изъ своеобразнаго противопоставленія двухъ моментовъ, отнюдь не неизбѣжно противоположныхъ другъ другу, — именно, революціонной внѣшности и союза съ радикальной буржуазіей,— явствуетъ, что борьбою съ первою Бернштейнъ желаетъ помочь заключеніе послѣдняго. Но этотъ союзъ возможенъ въ двухъ формахъ: во 1-хъ, въ видѣ временнаго объединенія дѣятельности пролетаріата, организованнаго въ особую, самостоятельную партію, и буржуазныхъ партій, для достиженія опредѣленныхъ цѣлей,—тактика, которую уже «Манифестъ» объявляетъ при извѣстныхъ условіяхъ условіяхъ необходимой; и во 2-хъ, въ видѣ расширенія пролетарской демократіи въ большую, обнимающую всѣ демократическіе элементы народную партію, подобную той, которая образовалась въ Англіи послѣ паденія чартизма; эта вторая форма, защищаемая съ недавняго времени реформистскимъ направленіемъ въ нашей партіи, совершенно противоположна эволюціи пролетарскаго движенія на континентѣ.

Что же можно сказать въ пользу такого расширенія партіи? Что де подобная большая демократическая партія гораздо скорѣе можетъ получить большинство, чѣмъ изолированный пролетаріатъ; что, отказавшись отъ «легенды о пожираніи» и прочихъ революціонныхъ аксессуаровъ, пролетаріатъ скорѣе получитъ возможность принять участіе въ управленіи и, такимъ образомъ, окажется въ состояніи гораздо скорѣе пріобрѣсти, если не ту власть, который онъ добивается, то хоть просто силу. Правда, на этомъ пути пролетаріатъ не можетъ добиться осуществленія всѣхъ своихъ требованій, онъ долженъ быть скроменъ, считаясь съ остальнымъ народомъ; но, какъ извѣстно, синица въ рукахъ лучше журавля въ небѣ, и нѣтъ ничего хуже, чѣмъ правило: все, или ничего. Если мы не превратимся изъ партіи наемныхъ рабочихъ въ партію народныхъ массъ, мы обречемъ себя на неопредѣленное время на безсиліе, на положеніе совершенно безплодной оппозиціи.

Такова аргументація соціальныхъ реформаторовъ. Они забываютъ, что наша партія развиваетъ обширную положительную дѣятельность, хотя она и не располагаетъ министерскими портфелями. Конечно, устрашеніемъ нельзя всего достичь, и я пола-

гаю, что прямой физическій страхъ передъ соціаль-демократіей до сихъ поръ приноситъ весьма немного плодовъ. И однако мы все же видимъ, что центромъ тяжести всей внутренней политики Германіи уже въ теченіе долгихъ лѣтъ является соціалдемократія. И это происходитъ совсѣмъ не изъ опасенія, какъ бы наша партія не разрушила въ одинъ прекрасный день все и вся, если въ ней перестанутъ поддерживать хорошее расположеніе духа, а потому, что боятся, какъ бы она не сплотила въ одинъ прекрасный день вокругъ себя всю рабочую массу.

Ростъ численности и силы пролетаріата, ростъ вліянія нашей партіи на этотъ пролетаріатъ, необходимость для другихъ партій конкуррировать съ нашей партіей, для того чтобы не потерять окончательно всякого вліянія на этотъ могущественный факторъ, значеніе котораго все болѣе и болѣе возрастаетъ,—вотъ тѣ факторы которые толкаютъ буржуазно-демократическія партіи на путь соціальныхъ реформъ; эти-то факторы и произвели въ либеральной прессѣ переворотъ, показавшійся Бернштейну столь убѣдительнымъ доказательствомъ доброжелательности нѣмецкой буржуазіи.

Таковъ путь воздѣйствія соціаль-демократіи: задолго до того момента, когда она сама достигнетъ власти, она приводитъ къ преобразованію буржуазно-демократическихъ партій, которыя должны усвоить себѣ, по крайней мѣрѣ, часть требованій нашей партіи, для того чтобы сильнѣйшій классъ, пролетаріатъ, не ускользнулъ окончательно изъ ихъ рукъ.

Итакъ, если наша партія останется чистой классовой партіей борющагося пролетаріата, то тѣмъ самымъ она отнюдь не отказывается отъ всякой положительной дѣятельности. А если бы она, напротивъ, внесла въ свою программу и тактику измѣненія, которыя дали бы ей возможность включить въ себя и другіе классы и принять участіе въ ихъ классовой борьбѣ, то этимъ она сама парализовала бы свою боевую силу и утратила бы, вмѣстѣ со своей однородностью, и свое единство.

Эта жертва едва ли принесла бы нашей партіи пользу: даже превратившись въ сборную демократическую партію, она все же оставалась бы партіей, въ которой пролетаріатъ игралъ бы рѣшающую роль; но другіе классы не захотятъ подчиниться

руководству пролетаріата. Сборная демократическая партія возможна лишь при условіи буржуазнаго руководства. И если общедемократическая партія подъ руководствомъ буржуазіи уже невозможна,—такія партіи теперь повсюду разлагаются,—то тѣмъ болѣе она невозможна подъ руководствомъ пролетаріата.

Каковы, однако, тѣ классы, съ которыми должна считаться демократія, кромѣ пролетаріата? Мелкая буржуазія, крестьяне, интеллигенція. Но и теперь ни одному изъ членовъ этихъ классовъ не закрытъ доступъ въ ряды нашей партіи, если онъ чувствуетъ себя пролетаріемъ и желаетъ принять участіе въ классовой пролетарской борьбѣ. Но какимъ путемъ желаютъ улучшить свое положеніе мелкіе буржуа и мелкіе крестьяне, не стоящіе на этой пролетарской точкѣ зрѣнія? Прежде всего, они стараются превратиться изъ мелкихъ эксплоататоровъ въ крупныхъ капиталистовъ, крупныхъ крестьянъ; а кромѣ того, они стараются безгранично эксплоатировать своихъ рабочихъ. Чѣмъ мельче эксплоататоръ, тѣмъ чувствительнѣе задѣваетъ его всякая реформа. Пролетаріатъ можетъ время отъ времени соединяться съ этими элементами для достиженія опредѣленныхъ политическихъ цѣлей и административныхъ реформъ, но никогда не можетъ въ теченіе продолжительнаго времени работать совмѣстно съ ними, въ одной и той же организаціи.

А интеллигенція? Конечно, въ большинствѣ случаевъ она совершенно не заинтересована въ эксплоатаціи наемнаго труда, а часто она сама принадлежитъ къ эксплоатируемымъ. Но она малочисленна, а ея силы еще менѣе значительны. Она составляетъ общественный слой, всего менѣе склонный къ энергичной классовой борьбѣ, и какъ бы она ни ненавидѣла въ душѣ капиталистическій строй, она все же остается ему покорной. Конечно, нашей партіи нужны интеллигенты, и чѣмъ больше ихъ будетъ, тѣмъ лучше; но она можетъ звать въ свои ряды только тѣхъ, кто рѣшилъ сжечь всѣ свои корабли и безповоротно вступить въ борьбу съ буржуазнымъ обществомъ. Кто не можетъ или не хочетъ этого, тотъ пусть остается въ сторонѣ отъ пролетарскаго движенія, такъ какъ въ концѣ концовъ онъ или разочаруется въ немъ, или измѣнитъ ему.

Однако, именно среди интелигенціи возникаетъ сильнѣйшее стремленіе къ расширенію соціаль-демократіи, къ тому, чтобы она, вмѣсто классовой партіи, сдѣлалась народной партіей. Крестьянство и мелкая буржуазія совсѣмъ не испытываютъ столь настоятельной потребности въ этомъ.

Какова позиція Бернштейна въ этомъ вопросѣ,—это изъ его книги не совсѣмъ ясно. Онъ не высказывается опредѣленно на этомъ счетъ, хотя его аргументы по вопросу о тактикѣ таковы, что они могутъ быть использованы, и дѣйствительно использованы, въ пользу превращенія нашей партіи въ народную партію. Поэтому было необходимо остановиться на нихъ и показать, какъ мало они доказываютъ то, что они будто бы доказываютъ.

Мы должны здѣсь еще разъ возвратится къ вышеупомянутой статьѣ Бернштейна, появившейся въ Vorwärts'ѣ во время печатанія нашей книги и выясняющей его отношеніе къ теоретической части эрфуртской программы.

Между прочимъ, онъ несогласенъ съ тѣмъ мѣстомъ эрфуртской программы, въ которомъ говорится, что преобразованіе общества *можетъ быть* дѣломъ *только* рабочаго класса. Онъ предпочелъ бы сказать: *должно* быть *на первомъ планѣ* дѣломъ рабочаго класса. Но это означаетъ или тоже самое, или выражаетъ въ весьма неопредѣленной формѣ другую мысль. Мы уже указывали на то, что здѣсь дѣло идетъ о борьбѣ *классовъ*, а не *личностей*. Въ борьбѣ за освобожденіе пролетаріата могутъ принимать участіе лица изъ самыхъ разнообразныхъ классовъ. Эрфуртская программа никому не ставитъ въ этомъ отношеніи препятствій. Но вопросъ состоитъ въ томъ, можетъ ли борьба пролетаріата за свое освобожденье стать борьбой за непролетарскіе классовые интересы. На этотъ вопросъ эрфуртская программа даетъ категорически отрицательный отвѣтъ, тогда какъ у Бернштейна онъ остается нерѣшеннымъ. Однако, изъ его словъ мы можемъ заключить, что онъ хочетъ подготовить почву для превращенія соціаль-демократіи въ сборную демократическую партію; наша партія должна имѣть не рѣшимость казаться тѣмъ, что она есть, она должна имѣть мужество превратится въ совсѣмъ иную партію, чѣмъ та, какой она была до сихъ поръ; она должна порвать съ основ-

нымъ принципомъ Интернаціонала: «Освобожденіе рабочаго класса можетъ быть дѣломъ только самого рабочаго класса».

Сообразно съ тѣмъ, будетъ ли наша партія пролетарской или народной партіей, должны также видоизмѣниться и наши конечныя цѣли.

Всякая политическая партія должна ставить себѣ задачей завоевать политическую власть, чтобы соотвѣтственно своими взглядами преобразовать государство и дать то или иное направленіе вліянію государственной власти на общество. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всякая жизнеспособная партія должна быть готова и къ тому, что политическая власть дѣйствительно достанется ей въ руки; слѣдовательно, она должна всегда сознавать, для какихъ цѣлей она воспользуется властью; она должна всегда быть въ состояніи отвѣтить на этотъ вопросъ, если только она хочетъ вести успѣшную пропаганду. Партія, которая напередъ объявила бы, что она можетъ съ пользой работать только въ рядахъ оппозиціи, что она стремиться только пріобрѣсти силу, но не *власть*,—такая партія парализовала бы сама себя и утеряла бы всякое довѣріе народныхъ массъ.

Слѣдовательно, всякая партія должна имѣть, въ этомъ смыслѣ, «конечную цѣль»; послѣдняя, конечно, не можетъ представлять собой завершенія общественнаго развитія, не имѣющаго ни конца, ни конечной цѣли; она должна представлять собою конечную цѣль практической дѣятельности данной партіи.

Ясно, что народная партія, въ которой должны преобладать классовые интересы крестьянства и мелкой буржуазіи, какъ бы она ни была расположена къ рабочимъ, всегда будетъ стоять на почвѣ даннаго общественнаго строя, на почвѣ частной собственности на средства производства, на почвѣ свободы частно-хозяйственнаго производства. Она не можетъ выйти изъ рамокъ конституціи 1793 г., она не можетъ перешагнуть чрезъ принципъ либерализма, она не можетъ быть, какъ бы она ни бѣсновалась, ничѣмъ инымъ, какъ партіей демократическихъ соціалистическихъ реформъ, причемъ въ этомъ названіи терминъ „соціалистическихъ“ остается только звучнымъ, но пустымъ словомъ, воспоминаніемъ о прекрасныхъ дняхъ счастливой, но глупой юности, или же туманной мечтой о раѣ, котораго каждому позволительно ожидать черезъ пятьсотъ

лѣтъ. Но въ данномъ случаѣ это слово уже ни къ чему не обязываетъ практически.

Иной видъ должна имѣть конечная цѣль чисто пролетарской партіи. Пролетаріатъ нимало не заинтересованъ въ сохраненіи частной собственности на средства производства. Даже если онъ будетъ добиваться власти только самыми мирными и законными путями, если онъ будетъ воодушевленъ самыми горячими желаніями ничего не предпринимать слишкомъ поспѣшно и не уклоняться съ пути «органическаго развитія», даже если онъ будетъ смотрѣть крайне скептически на соціалистическія «утопіи», то и тогда въ дѣлѣ защиты своихъ интересовъ онъ не будетъ придавать никакой цѣнности сохраненію частной собственности на средства производства или сохраненію частнохозяйственнаго производства.

Напротивъ, пролетарскій режимъ долженъ повсюду преслѣдовать двоякаго рода цѣль: съ одной стороны, *уничтоженіе частнаго характера крупныхъ капиталистическихъ монополій*, а съ другой — *устраненіе безработицы, уничтоженіе промышленной резервной арміи.*

Но этимъ капиталистическому способу производства наносится ударъ въ самое сердце. Если не будетъ ни монопольныхъ союзовъ предпринимателей, ни безработныхъ, всегда готовыхъ занять мѣста стачечниковъ, то организованный пролетаріатъ станетъ сильнѣе капиталистовъ. Если послѣдніе уже теперь жалуются на терроризмъ пролетаріата, то это просто безмысленныя фразы. Напротивъ, когда въ его рукахъ будетъ государственная власть, тогда и на фабрикѣ ему необходимо будетъ принадлежать диктатура. Положеніе капиталистовъ, которые еще останутся послѣ обобществленія картелей и трестовъ, окажется совершенно невыносимымъ: они уже не будутъ господами своихъ предпріятій, но будутъ нести рискъ по нимъ. Тогда капиталисты еще сильнѣе, чѣмъ нынѣ рабочіе, будутъ стремиться къ выгодному обобществленію своихъ предпріятій; они станутъ затрачивать гораздо больше силъ и умственной энергіи для возможно быстраго и безболѣзненнаго рѣшенія этой проблеммы, чѣмъ затрачиваютъ нынѣ для подавленія пролетарскаго движенія. Побѣдоносный пролетаріатъ неизбѣжно долженъ будетъ перейти къ соціалистическому производ-

ству даже въ томъ случаѣ, если онъ не поставитъ такого перехода заранѣе своею цѣлью, а будетъ просто слѣдовать логикѣ своихъ классовыхъ интересовъ.

Другими словами: капиталистическое производство и политическое господство пролетаріата несовмѣстимы. Больше сказать объ этомъ, разумѣется, невозможно. Мы не знаемъ, ни когда, ни какъ придетъ это господство,—въ результатѣ ли одного рѣшительнаго штурма, или многихъ катастрофъ, или же постепенно, мало по малу; равнымъ образомъ мы не знаемъ, каковы будутъ общество и самъ пролетаріатъ къ тому моменту, когда власть попадетъ въ руки послѣдняго, такъ какъ оба эти фактора непрерывно измѣняются; мы не знаемъ, каковы будутъ тѣ предпосылки соціализма, которыя нынѣ еще отсутствуютъ, но появятся тогда; мы не знаемъ, насколько оттого упростятся или усложнятся задачи пролетарскаго режима. Мы можемъ только признать, что побѣдоносный пролетаріатъ неизбѣжно будетъ вынужденъ замѣнить капиталистическое производство коллективистическимъ.

Если пролетаріатъ организуется въ самостоятельную политическую партію, сознательно ведущую классовую борьбу, то ея цѣлью должно стать уничтоженіе частной собственности на капиталистическія средства производства и уничтоженіе капиталистическаго частно-хозяйственнаго производства, ея знаменемъ долженъ стать соціализмъ—не въ смыслѣ дополненія либерализма, но въ смыслѣ побѣды надъ нимъ; она не можетъ быть партіей, ограничивающейся *демократически-соціалистическими реформами,* она должна стать партіей *коренного преобразованія соціальнаго строя.*

Конечно, этотъ переворотъ надо понимать не въ полицейскомъ смыслѣ, не въ смыслѣ вооруженнаго возстанія. Политическая партія была бы партіей безумцевъ, если бы она принципіально избрала для себя путь возстанія, пока въ ея распоряженіи имѣются иные пути, болѣе надежные и не требующіе такъ много жертвъ. Въ этомъ смыслѣ наша партія никогда не была принципіально революціонной; она была таковой лишь въ томъ смыслѣ, что сознавала, что достигнувъ политической власти, она должна будетъ неизбѣжно воспользоваться ею для устраненія нынѣ существующаго способа производства. Мнѣ стыдно пов-

торять подобные трюизмы, но невозможно иначе бороться съ тою путаницей, которую вызвала полемика Бернштейна противъ нашей тактики, «всецѣло основанной на ожиданіи катастрофъ».

Онъ ясно говоритъ, что употребляетъ слово «революція» исключительно въ политическомъ смыслѣ, какъ синонимъ *возстанія* или внѣзаконнаго примѣненія *насилія* (стр. 68 рус. пер.) Къ этому мѣсту онъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «Какъ извѣстно, Марксъ и Энгельсъ довольно таки долго считали этотъ путь необходимымъ почти повсюду, а нѣкоторымъ послѣдователямъ ученія Маркса онъ кажется неизбѣжнымъ и теперь. Многіе считаютъ его также и болѣе короткимъ путемъ».

Въ доказательство этой несравненной тирады, онъ цитируетъ слова Жюля Геда, относящіяся къ 1877 г., когда послѣдній, насколько мнѣ извѣстно, не былъ еще вполнѣ законченнымъ марксистомъ.

Что же говоритъ Гедъ? Я приведу его слова полностью, а не въ томъ искаженномъ видѣ, въ которомъ ихъ приводитъ Бернштейнъ. Въ его цитатѣ слова, заключенныя въ скобки, отсутствуютъ: «Кому же неясно, что въ большихъ городахъ, гдѣ рабочіе составляютъ подавляющее большинство, разъ они (добившись осуществленія обоихъ вышеупомянутыхъ условій—*республики* и *права общинъ на самоопредѣленіе)* получатъ въ свое неограниченное распоряженіе общественную власть, администрацію и законодательство, *экономическая революція* была бы вопросомъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, быть можетъ, даже недѣль?» (Берлинская «Zukunft», стр. 87).

Кажется, на Бернштейна уже самое слово «революція» оказываетъ столь же сильное вліяніе, какъ на иного саксонскаго жандарма. Иначе одинъ уже выразительный терминъ «*экономическая революція*» убѣдилъ бы его, что здѣсь о возстаніи нѣтъ и рѣчи. На самомъ дѣлѣ здѣсь Гедъ высказываетъ предположеніе, что когда будетъ завоевана республика и самоуправленіе общинъ, то въ большихъ городахъ, гдѣ рабочіе составляютъ большинство, коллективисты легко могутъ получить въ свои руки законодательную и административную власть и ввести съ ея помощью,—быть можетъ, въ теченіе сколькихъ мѣсяцевъ,—коллективистическую организацію въ общи-

ну. Это ожиданіе и мнѣ кажется оптимистическимъ. Но, ужъ несомнѣнно здѣсь говорится о вполнѣ *законномъ* завоеваніи общественной власти—путемъ подачи голосовъ: иначе не было бы надобности предполагать предварительное существованіе республики и права общинъ на самоопредѣленіе. А между тѣмъ, Бернштейнъ,—не знаю ужъ, почему,—опустилъ объ эти существенныя предпосылки и тѣмъ придалъ всей тирадѣ другой смыслъ. Разумѣется, это не очень украшаетъ его аргументацію въ пользу того, что марксисты мечтаютъ о вооруженномъ возстаніи.

Начиная съ Лассаля наша партія стремится ясно установить различіе между революціей съ помощью цѣповъ и вилъ—и соціальной, и доказать, что она принципіально стремится только къ послѣдней. Мы могли уже льстить себя надеждой, что намъ удалось выяснить это различіе даже прокурорамъ, какъ вдругъ выступаетъ одинъ изъ самыхъ старыхъ и выдающихся нашихъ представителей въ печати и, приравнявъ экономическую революцію къ возстанію, считаетъ необходимымъ предостеречь германскую соціальдемократію отъ необдуманныхъ возстаній.

Если книгѣ Бернштейна суждено имѣть какое нибудь дѣйствіе, то оно, прежде всего, будетъ состоять въ томъ, что она снова оживитъ и укрѣпитъ превратныя представленія, которыя распространяются о насъ нашими противниками, и опроверженію которыхъ мы посвятили значительную часть нашей энергіи.

Ясно, что пролетаріатъ, какъ самостоятельная политическая партія, не долженъ быть революціоннымъ въ полицейскомъ смыслѣ, но только въ политико-экономическомъ. Бернштейнъ предлагаетъ обозначать «принципіальное измѣненіе общественнаго строя» терминомъ «соціальное преобразованіе», но никто не будетъ утверждать, что и въ этомъ послѣднемъ терминѣ находитъ себѣ выраженіе принципіальная противоположность новаго общественнаго строя старому,—противоположность, которую мѣстами отрицаетъ самъ Бернштейнъ. Его соціализмъ—завершеніе либерализма.

Я охотно допускаю, что слово „революція“ можетъ вести къ заблужденіямъ. Я считаю также полезнымъ не употреблять его безъ настоятельной нужды; но я не считаю правильнымъ, во избѣжаніе ошибокъ, употреблять это слово въ превратномъ смыслѣ. Или же мы совсѣмъ не должны его употреблять? Но при изу-

ченіи нѣкоторыхъ явленій оно необходимо. Въ тѣхъ случаяхъ, когда оказывается необходимымъ подчеркнуть разницу между двумя направленіями, изъ которыхъ одно ограничивается принципіально реформами въ предѣлахъ существующаго общественнаго строя, а другое стремится къ высшему, покоющемуся на новыхъ основаніяхъ общественному строю,—въ этихъ случаяхъ цѣль послѣдняго направленія можетъ быть ясно опредѣлена не терминомъ „соціальное преобразованіе“, а терминомъ „соціальная революція“, и никто, хотя бы поверхностно знакомый съ нашей партійной литературой, не будетъ сомнѣваться, что *соціальная революція* и *политическое возстаніе*—два совершенно различныя понятія. Соціальная революція есть цѣль, которую принципіально ставятъ передъ собой, а возстаніе можетъ быть только средствомъ къ цѣли, оцѣниваемымъ только съ точки зрѣнія его цѣлесообразности.

Однако, не только *соціальную*, но и *политическую* революцію нельзя приравнивать къ возстанію. На не-полицейскомъ языкѣ политической революціей называется всякое крупное *политическое потрясеніе*, ускоряющее политическую жизнь націи и заставляющее ее пульсировать съ полной силой, въ противоположность контръ-революціи, т. е. такому потрясенію, которое парализуетъ политическую жизнь. Возстаніе, или „внѣзаконное примѣненіе насилія“ можетъ составить отдѣльный эпизодъ, притомъ очень важный эпизодъ такого потрясенія; однако, оно само по себѣ не является никоимъ образомъ революціей. Вполнѣ законное созваніе генеральныхъ штатовъ является такимъ же моментомъ великой французской революціи, какъ и взятіе Бастиліи. И никто не станетъ говорить о великомъ французскомъ возстаніи 1789 г. И ужъ никто не станетъ называть революціями такія возстанія или внѣзаконныя насильственныя дѣйствія, которыя не оказываютъ никакого вліянія на политическую жизнь, напр., возмущенія туземцевъ-индусовъ противъ англійскихъ противочумныхъ коммиссій.

Итакъ, чтобы „избѣжать превратнаго толкованія“, Бернштейнъ употребляетъ слово „революція“ какъ разъ въ томъ смыслѣ, который не соотвѣтствуетъ значенію этого слова въ научномъ и политическомъ языкѣ, а въ которомъ оно обыкновенно употребляется только политическими и иными властями, которыхъ во вся-

кой революціи интересуетъ только то, что подпадаетъ подъ дѣйствіе уголовнаго уложенія.

Соціальная революція, не въ Бернштейнскомъ смыслѣ, есть необходимая конечная цѣль, къ которой стремится всякая самостоятельная организація пролетаріата. Кто организуетъ пролетаріатъ въ самостоятельную политическую партію, тотъ подготовляетъ въ немъ тѣмъ самымъ почву для идеи соціальной революціи, какъ бы онъ ни былъ миролюбивъ и умѣренъ и какъ бы скептически ни смотрѣлъ на будущее. И наоборотъ, каждый, кто отвлекаетъ пролетаріатъ отъ прочихъ политическихъ партій и хочетъ сдѣлать его политически самостоятельнымъ, тѣмъ скорѣе достигнетъ этой цѣли, чѣмъ яснѣе онъ будетъ пробуждать въ рабочихъ сознаніе необходимости соціальной революціи.

Съ другой стороны, мы видѣли, что политика демократической концентраціи, растворенія пролетаріата въ народной партіи означаетъ отказъ отъ революціи и ограниченіе соціальной реформой.

Такимъ образомъ, отношеніе къ къ вопросу о соціальной революціи получаетъ огромное практическое значеніе для настоящаго. Можно было бы думать, что споръ о революціи совершенно безплоденъ, такъ какъ напоминаетъ дѣлежъ шкуры неубитаго медвѣдя; въ настоящій же моментъ оба направленія въ рабочемъ движеніи на практикѣ стремятся къ одному и тому же: къ соціально-политическимъ и экономическимъ реформамъ; слѣдовательно, къ этому и нужно стремиться и не производить раскола спорами о томъ, о чемъ никто не можетъ знать, когда оно придетъ. Но какъ оказывается, вопросъ о *конечной цѣли* нашей политики, т. е. о коренномъ переустройствѣ или объ ограниченіи реформой, тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ вопросомъ *организаціи* и *пропаганды* пролетаріата, какъ *политической партіи настоящаго*.

Если бы это было не такъ, то, конечно, подчеркиваніе революціонной точки зрѣнія однимъ направленіемъ было бы безцѣльнымъ, но не менѣе безцѣльны были бы и горячія нападки реформистовъ на то, что они называютъ «революціонной фразой».

Напротивъ, острота разногласій станетъ понятна, если мы поймемъ, что за видимой борьбой изъ-за словъ скрывается борьба изъ-за вопроса, рѣшеніе котораго столь важно для самаго существованія какъ соціальной, такъ и буржуазной демократіи. Вопросъ этотъ таковъ: долженъ ли пролетаріатъ вести свою классовую борьбу въ качествѣ самостоятельной политической организаціи, или же въ качествѣ составной части народной партіи, обнимающей всѣ демократическіе слои?

---

c) Вправѣ ли мы повѣдить?

Вотъ вопросъ, который серьезно ставитъ Бернштейнъ, и на который онъ даетъ отрицательный отвѣтъ.

Какъ мы видѣли, всякая жизнеспособная политическая партія должна стремиться къ тому, чтобы завоевать политическую власть: она не можетъ удовлетвориться ролью оппозиціонной партіи. По мнѣнію Бернштейна, этотъ принципъ неправиленъ по отношенію къ нашей партіи; послѣдняя въ теченіе неопредѣленно долгаго времени можетъ быть полезна, только какъ оппозиціонная партія. Пролетаріатъ слишкомъ слабъ, полагаетъ онъ, чтобы надѣяться такъ скоро добиться политической власти. Но если бы ему это и удалось, то это было бы только несчастьемъ, такъ какъ онъ слишкомъ еще неразвитъ, да и общія условія еще не созрѣли для осуществленія коллективизма. «Достигли ли мы уже той высоты развитія производительныхъ силъ, которая необходима для уничтоженія классовъ»?—спрашиваетъ онъ. Его отвѣтъ звучитъ очень пессимистично.

А рабочіе? «Несмотря на большіе успѣхи, которые сдѣлалъ рабочій классъ въ интеллектуальномъ, политическомъ и экономическомъ отношеніи съ того момента, когда писали Марксъ и Энгельсъ, я и теперь не считаю его достаточно развитымъ, чтобы взять въ свои руки политическую власть» (стр. 183 русск. пер.).

Уже въ одной изъ предшествовавшихъ главъ своей работы Бернштейнъ обсуждалъ этотъ вопросъ. И мы уже имѣли случай

коснуться высказываемыхъ имъ сомнѣній въ зрѣлости современнаго способа производства; мы показали, что невозможно опредѣлить съ точностью ту степень развитія производительныхъ силъ, при которой можно было бы сказать, что общество созрѣло для соціализма. Сознательное вмѣшательство пролетаріата въ экономическій механизмъ, очевидно, должно имѣть иную форму при менѣе высокой, чѣмъ при болѣе высокой ступени капиталистическаго развитія; политическое господство пролетаріата будетъ имѣть совершенно иные результаты въ странѣ со старымъ капитализмомъ, чѣмъ съ молодымъ. Вотъ и все, что можно сказать. Но было бы совершенно нелѣпо пытаться опредѣлять тотъ пунктъ, начиная съ котораго можно объявить коллективизмъ осуществимымъ.

Въ дальнѣйшихъ главахъ своей книги Бернштейнъ, очевидно, испытываетъ то же самое чувство, которое испытываетъ въ настоящій моментъ и авторъ этихъ строкъ,—потребность скорѣе кончить, ибо конецъ ужъ такъ близокъ. Поэтому въ дальнѣйшемъ онъ уже не входитъ въ подробности, а ограничивается ссылкой на нѣкоторые авторитеты.

Но въ этомъ случаѣ его порядкомъ преслѣдуетъ несчастье. Онъ прибѣгаетъ къ помощи трехъ авторовъ; но воззрѣнія двоихъ изъ нихъ (Энгельса и Атлантикуса) онъ извращаетъ, а у третьяго, Нейпауера, Бернштейнъ находитъ замѣчательнымъ взглядомъ нѣчто, что является лишь ничѣмъ не обоснованнымъ, гипотетическимъ замѣчаніемъ.

На мое возраженіе, что Энгельсъ и Атлантикусъ самымъ рѣшительнымъ образомъ утверждали какъ разъ обратное, онъ не нашелъ лучшаго отвѣта, кромѣ замѣчанія, что въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ они съ нимъ расходятся, онъ считаетъ ихъ не вполнѣ безукоризненными (N. Z. XVII, 2). Во всякомъ случаѣ, это очень странный пріемъ оправданія своей ссылки на упомянутыхъ авторовъ; но я не стану здѣсь входить въ второстепенныя детали и отсылаю интересующихся къ указаннымъ мѣстамъ въ «Neue Zeit».*)

*) Во французскомъ изданіи своей книги Бернштейнъ самъ признаетъ въ примѣчаніи, что—«быть можетъ, слишкомъ увлекся въ пылу полемики.» Тѣмъ не менѣе, онъ дѣлаетъ тѣ же выводы, которые дѣлаетъ и въ нѣмецкомъ изданіи, а также повторяетъ цитаты изъ Энгельса. Полемизируя съ Бельтовымъ, онъ приводитъ слѣдующую цитату:

Здѣсь мы ограничимся констатированіемъ того факта, что, утверждая, что производительныя силы еще недостаточно развиты для уничтоженія классовъ, Бернштейнъ не приводитъ ни малѣйшаго доказательства въ пользу этого утвержденія, а тѣ авторитеты, къ которымъ онъ обращается, говорятъ противъ него.

Но достаточная высота развитія производства, достижимая лишь при капитализмѣ, есть только *одинъ* изъ факторовъ, ведущихъ къ коллективизму. Этотъ факторъ не можетъ привести къ какимъ бы то ни было результатамъ, если въ него не вдохнетъ жизненной силы другой факторъ,—сильный и политически зрѣлый пролетаріатъ. Обладаетъ ли нашъ пролетаріатъ этими качествами въ такой степени, которая позволила бы ему взять въ свои руки управленіе государствомъ? И можемъ ли мы вообще ожидать въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ появленія такого пролетаріата?

«Только тогда, когда общественныя производительныя силы достигнутъ извѣстной степени развитія, очень высокой даже сравнительно съ нынѣшнимъ временемъ, станетъ возможнымъ до такой степени расширить производство, что уничтоженіе классовыхъ различій станетъ дѣйствительнымъ прогрессомъ, и можетъ быть прочнымъ, не приводя къ остановкѣ или даже къ попятному движенію общественнаго производства». «Кто—съ торжествомъ спрашиваетъ Бернштейнъ—тотъ ученый филистеръ, который написалъ это, г. Бельтовъ?—Никто иной, какъ Фридрихъ Энгельсъ»

Конечно, эта цитата весьма досадна для Бельтова. Но только она немного неудобна и для самаго Бернштейна: *она невѣрна*. Бернштейнъ или его французскій переводчикъ заставляютъ Энгельса говорить о будущемъ, тогда какъ тотъ говоритъ о настоящемъ (См. Internationales aus dem Volksstaat, Berlin, 1894).

Быть можетъ, въ этомъ виноватъ только переводчикъ. Но Бернштейнъ не впалъ бы въ эту ошибку, если бы онъ процитировалъ Энгельса дальше. Энгельсъ полемизируетъ въ этой брошюрѣ противъ одного русскаго писателя, утверждавшаго, что коллективизмъ осуществится въ Россіи скорѣе, чѣмъ на Западѣ, такъ какъ въ Россіи нѣтъ буржуазіи.

На это Энгельсъ отвѣчаетъ, что извѣстная степень развитія производительныхъ силъ есть предварительное условіе коллективизма. «Только въ рукахъ буржуазіи производительныя силы *достигли* этой степени развитія. Итакъ, буржуазія, подобно пролетаріату, составляетъ conditio sine qua non соціальнаго преобразованія».

Итакъ, Энгельсъ утверждаетъ здѣсь, что экономическія условія, необходимыя для наступленія будущаго строя, существуютъ только въ капиталистическихъ странахъ. Тоже онъ говоритъ въ своемъ «Анти-Дюрингѣ».

Бернштейнъ до такой степени искажаетъ смыслъ этой тирады, что приписываетъ Энгельсу мысль, будто предварительныя экономическія условія будущаго строя еще не существуютъ.

Хотя я и обращалъ на это его вниманіе, но это не помѣшало ему сохранить во французскомъ изданіи это извращеніе смысла тирады изъ Энгельса.

Вотъ единственный аргументъ, который онъ приводитъ въ пользу своего положенія. Тѣмъ не менѣе онъ продолжаетъ ожесточенно защищать это положеніе, согласно которому побѣда партіи, къ которой онъ принадлежитъ, можетъ имѣть лишь печальныя послѣдствія. Въ самомъ дѣлѣ, своеобразный соціалистъ!

Дополн. по франц. изд.

На этотъ вопросъ Бернштейнъ также даетъ отрицательный отвѣтъ. Подобно вопрссу о матеріальныхъ предпосылкахъ коллективизма, онъ обсуждаетъ и этотъ вопросъ дважды—въ серединѣ и въ концѣ книги.

Что такое современный пролетаріатъ?—спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ:

«Если къ нему причислять всѣхъ неимущихъ, всѣхъ тѣхъ, кто не получаетъ никакого дохода отъ собственности или отъ своего привилегированнаго положенія, то, конечно, онъ составитъ абсолютное большинство населенія въ передовыхъ странахъ. Но въ такомъ случаѣ этотъ «пролетаріатъ» окажется смѣсью необычайно разнородныхъ элементовъ, слоевъ, которые еще сильнѣе отличаются одинъ отъ другого, чѣмъ разные слои «народа» 1789 г.; правда, при существованіи современныхъ имущественныхъ отношеній эти слои имѣютъ больше общихъ или, по крайней мѣрѣ, однородныхъ интересовъ, чѣмъ противоположныхъ; однако, они очень скоро сознаютъ разнородность своихъ потребностей и интересовъ, когда имущіе или властвующіе классы будутъ свергнуты или утеряютъ свое нынѣшнее положеніе». (Стр. 88 русск. пер.).

Въ этихъ положеніяхъ заключается, съ одной стороны, излишнее умаленіе, а съ другой—столь же излишнее преувеличеніе.

Умаленіе — въ томъ, что Бернштейнъ допускаетъ, что пролетаріатъ составляетъ просто «абсолютное большинство» населенія передовыхъ странъ. Конечно, пролетаріатъ не столь многочисленъ, какъ утверждаетъ главный свидѣтель Бернштейна противъ соціализма, знаменитый фельетонистъ «British Review», полагающій, что въ 1851 г. пролетаріатъ составлялъ уже 94% населенія Англіи. Мы видѣли, что Бакстеръ принималъ численность пролетаріата для 1867 г. приблизительно въ 80%. Въ Германской имперіи хозяйственно-самостоятельныя лица составляли въ 1895 г. 26,84% всего участвующаго въ промысловой дѣятельности населенія, тогда какъ еще въ 1882 г. они составляли 29,25. Итакъ, несамостоятельные въ хозяйственномъ отношеніи рабочіе составляютъ значительно болѣе 70%, т. е. *три четверти* участвующаго въ промысловой дѣятельности населенія. Это—уже очень крупное «абсолютное большинство».

При этомъ имперская статистика причисляла къ «хозяйственно-самостоятельнымъ» не только самостоятельныхъ предпринимателей,—капиталистовъ, ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ, крупныхъ землевладѣльцевъ, крестьянъ,—но и рабочихъ домашней промышленности, подчиненныхъ руководителей предпріятій (напр., директоровъ акціонерныхъ обществъ), офицеровъ, высшихъ чиновниковъ, духовенство, административный, учительскій и врачебный персоналъ, актеровъ, музыкантовъ, художниковъ, ученыхъ и частныхъ секретарей.

Само собою разумѣется, очень многіе изъ этихъ хозяйственно-самостоятельныхъ не получаютъ никакого «дохода отъ собственности или отъ своего привилегированнаго положенія».

Во всякомъ случаѣ, этотъ подсчетъ показываетъ, что если мы желаемъ говорить о «смѣси необычайно разнородныхъ элементовъ», то таковую представляютъ хозяйственно-самостоятельныя лица, т. е. *не-пролетаріи*. Но Бернштейнъ замѣчаетъ только различія внутри пролетаріата и не можетъ найти достаточно сильныхъ выраженій для ихъ характеристики; это—«смѣсь слоевъ, которые *еще больше отличаются* одинъ отъ другого, чѣмъ различные слои «народа» 1789 г.».

Поистинѣ смѣлое утвержденіе! Современный пролетаріатъ состоитъ изъ наемныхъ рабочихъ. «Народъ 1789 г.» состоялъ не только изъ наемныхъ рабочихъ, но и изъ ремесленниковъ, мелкой буржуазіи, крестьянъ и люмпенпролетаріевъ (босяковъ), изъ которыхъ послѣдніе играли въ тогдашнемъ народѣ далеко не ничтожную роль, даже въ политическомъ отношеніи. А если мы примемъ «народъ 1789 г.» за синонимъ третьяго сословія, то въ него войдутъ еще капиталисты и интеллигенція. Какую пеструю смѣсь представляли собой люди, которые низвергли феодализмъ! Но Бернштейнъ утверждаетъ, что современные наемные рабочіе состоятъ изъ слоевъ, *еще больше* отличающихся одинъ отъ другого, чѣмъ народъ 1789 г.! И подобное утвержденіе позволяетъ себѣ тотъ самый Бернштейнъ, который такъ подтруниваетъ надъ «истинно азіатскимъ спокойствіемъ», съ которымъ Парвусъ—подумайте!—включаетъ въ армію пролетаріата 5.600.000 сельскихъ рабочихъ. Ужъ не долженъ ли былъ онъ включить

ихъ въ армію тѣхъ, кто получаетъ доходъ отъ собственности или привилегированнаго положенія?

Въ доказательство глубокаго антагонизма внутри рабочаго класса, намъ приводятся крупныя различія, существующія между промышленными, торговыми и сельско-хозяйственными рабочими, а также внутри каждой изъ этихъ категорій. Мы уже видѣли, какъ нужно смотрѣть на столкновенія профессіональныхъ союзовъ. Кто станетъ отрицать существованіе различій въ средѣ наемныхъ рабочихъ? Кто будетъ спорить противъ того, что интересы торговыхъ служащихъ не тождественны съ интересами промышленнаго рабочаго, а эти послѣдніе—съ интересами пастуха. Но порождается ли этими различіями такая противоположность интересовъ, которая дѣлаетъ невозможной продолжительную совмѣстную дѣятельность этихъ различныхъ слоевъ въ одной *политической партіи?* Это—вопросъ, въ разсмотрѣніе котораго Бернштейнъ совершенно не входитъ; всѣ его указанія касаются только трудности *профессіональнаго*, а не *политическаго объединенія.*

Послушать Бернштейна, такъ приходится признать необходимымъ условіемъ всякой сплоченной партійной организаціи полную *тождественность* всѣхъ интересовъ ея членовъ. Но развѣ возможна въ такомъ случаѣ политическая партія вообще?

Если пролетаріатъ не въ состояніи стать господствующимъ классомъ, вслѣдствіе различія интересовъ его отдѣльныхъ слоевъ, то какъ можетъ господствовать буржуазія? Внутри буржуазіи имѣются вѣдь не только различія, но и прямыя противоположности. Въ ея составъ входятъ и капиталисты, и интеллигенція. Каждый изъ этихъ слоевъ распадается въ свою очередь на многочисленныя подраздѣленія, которыя зачастую ожесточенно борятся другъ противъ друга. Сюда входятъ крупные и мелкіе капиталисты; сюда входятъ капиталы: промышленный, торговый, ссудный и банковый,—капиталъ финансистовъ, кладущій всѣ прочіе себѣ въ карманъ. Внутри промышленнаго капитала мы усматриваемъ противоположность производителей и потребителей сырыхъ матеріаловъ и т. п. А интеллигенція? Какая солидарность существуетъ между врачемъ и адвокатомъ, между инженеромъ и филологомъ?

И все же, всѣ эти элементы образуютъ вмѣстѣ большую либеральную партію.

Уже сама буржуазія сильнѣе раздѣлена, чѣмъ пролетаріатъ; что же сказать объ утвержденіи, будто въ составъ этого послѣдняго входятъ болѣе разнородные элементы, чѣмъ входившіе въ 1789 г. въ составъ всего народа, который, кромѣ пролетаріата, включалъ еще множество другихъ классовъ? Когда Бернштейнъ спокойнѣе присмотрится къ вещамъ, онъ самъ не рѣшится защищать это утвержденіе. Даже самъ пролетаріатъ въ 1789 г. былъ менѣе однороденъ, чѣмъ нынѣшній: тогда существовалъ еще антагонизмъ между цеховыми и не-цеховыми рабочими; каждый отдѣльный рабочій былъ въ гораздо болѣе сильной степени привязанъ въ теченіи всей своей жизни къ одному и тому же занятію, чѣмъ теперь, и переходъ отъ одного занятія къ другому былъ далеко не такъ легокъ.

Если мы желаемъ опредѣлить шансы пролетаріата въ политической борьбѣ, то мы не можемъ ограничиться подчеркиваніемъ однихъ лишь тѣхъ условій, которыя уменьшаютъ, на нашъ взглядъ, успѣшность *его* борьбы. Мы должны также имѣть въ виду и другую сторону. Если Бернштейнъ въ «смѣшеніи слоевъ» и въ разнородности интересовъ видитъ факторъ, дѣлающій невозможнымъ политическое господство пролетаріата, то мы должны возразить ему, что у промышленниковъ смѣшеніе слоевъ и разнородность интересовъ гораздо болѣе велики, почему Марксъ и Энгельсъ и протестовали всегда противъ термина «реакціонная масса».

Какъ разъ въ однородности основныхъ интересовъ, защищаемыхъ нашей партіей, заключается наше крупное преимущество сравнительно съ буржуазными партіями. Это—единственная партія, которая можетъ опираться на одинъ только классъ, такъ какъ послѣдній составляетъ значительное большинство народа.

Всякая другая партія должна опираться на разнородные классы, между прочимъ и на часть пролетаріата, если она желаетъ завоевать и удержать за собой большинство. Именно по своей сплоченности и однородности, наша партія имѣетъ преимущество передъ всѣми другими. Именно въ этихъ качествахъ въ немалой степени заключается ея сила.

Но если бы различій, существующихъ внутри пролетаріата, было достаточно, чтобы расколоть нашу партію и сдѣлать ее

неспособной къ политическому господству, то что сталось бы съ ней, если бы эта разнородность еще болѣе усилилась вслѣдствіе превращенія ея изъ пролетарской въ народную партію?

Никто не станетъ утверждать, что рабочіе совершенно однородны. Съ существующими среди нихъ различіями намъ часто приходится сталкиваться въ нашей дѣятельности. При этомъ оказывается, что не всѣ слои пролетаріевъ равно доступны коллективистическимъ идеямъ, а также политической и профессіональной организаціи. Промышленные рабочіе являются піонерами; рабочіе, занятые въ торговлѣ, и особенно въ земледѣліи, являются самыми отсталыми. Безъ сомнѣнія, объ эти послѣдніе слои еще не разъ будутъ разбиваться наши усилія, прежде чѣмъ мы ихъ завоюемъ. Но это доказываетъ только, что наша партія еще не выполнила до конца своей задачи (чего, впрочемъ, никто изъ насъ и не воображаетъ), но совсѣмъ не доказываетъ, что эта задача невыполнима въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

Къ тому же, экономическое развитіе очень помогаетъ работѣ нашей партіи, такъ какъ оно сильнѣе всего увеличиваетъ именно тѣ слои пролетаріата, которые всего больше доступны для коллективистическихъ идей. Въ городахъ преобладаетъ промышленное населеніе, а города все больше и больше получаютъ перевѣсъ надъ деревней. Вотъ таблица, иллюстрирующія эти факты въ Германской имперіи:

Категоріи населенныхъ мѣстъ	Увеличеніе или уменьшеніе населенія въ періодъ отъ 1882 по 1895 г.		Процентное отношеніе данной категоріи ко всему населенію	
	абсолютное	въ процент.	въ 1882 г.	въ 1895 г.
Большіе города . . .	+3.703.095	+111,29	7,36	13,58
Средніе города . . .	+1.228.807	+29,62	9,17	10,39
Мелкіе города . . .	+1.379.148	+24,22	12,59	13,66
Мѣстечки	+582.738	+10,16	12,68	12,20
Городъ	+6.893.788	+36,47	41,80	49,83
Деревня	—345.617	—1,31	58,20	50,17
Все населеніе . . .	+6.548.171	+14,48	100,00	100,00

Итакъ, въ настоящее время по численности населенія городъ не уступаетъ деревнѣ, не говоря уже объ его экономическомъ, интеллектуальномъ и политическомъ превосходствѣ.

Изъ каждыхъ 1000 жителей приходится по категоріямъ на отдѣльныя профессіи:

	Во всей имперіи		Въ городахъ		Въ деревняхъ	
	1882 г.	1895 г.	1882 г.	1895 г.	1882 г.	1885 г.
Сельское хозяйство .	425,1	357,4	119,3	95,0	644,7	618,0
Промышленность .	355,1	391,2	509,3	530,0	244,4	253,4
Торговля	100,2	115,2	171,6	180,0	48,9	50,9
Другія занятія . .	119,6	136,2	199,8	195,0	62,0	77,7

Промышленность повсюду развивается; въ городахъ ею живетъ большинство населенія. Даже въ деревнѣ она развивается насчетъ земледѣлія. Сильнѣе всего она развита въ мелкихъ городахъ. Тамъ ею занимаются на 1000 душъ,—571,9, а въ крупныхъ городахъ—только 508,6. Въ этихъ послѣднихъ торговля развита сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и занимаетъ на 1000 душъ 261,1. Однако, сравнительно съ 1882 г., когда на нее приходилось 266,1%, торговля въ крупныхъ городахъ упала, тогда какъ число лицъ, занятыхъ въ промышленности, возросло въ той же категоріи городовъ съ 473,4 до 508,6.

Мы видимъ, какъ сильно помогаетъ намъ экономическое развитіе преодолѣвать тѣ трудности, которыя стоятъ на пути нашей дѣятельности.

Но если Бернштейнъ непомѣрно преувеличиваетъ эти трудности, зато онъ черезчуръ умаляетъ уже достигнутые результаты нашей работы.

Онъ указываетъ на то, что въ Германіи, при 4,5 милліонахъ взрослыхъ рабочихъ, имѣется только 2,1 милл. избирателей, голосующихъ за нашу партію*).

Здѣсь сравниваются между собой совершенно несоизмѣримыя величины — *взрослые рабочіе и выборщики*. Не каждый

*) Это на выборахъ 1898 г., на выборахъ же 1903 г. за партію подано уже 3 милл. голосовъ *Перев.*

взрослый рабочій—выборщикъ. Изъ 4,5 мил. (точнѣе 4.475.653) взрослыхъ промышленныхъ рабочихъ, не менѣе 624.136 *женщинъ*, которыя, къ сожалѣнію, до сихъ поръ лишены избирательныхъ правъ.

Рабочихъ-мужчинъ старше 20 лѣтъ насчитывается въ промышленности только 3.851.517. Изъ нихъ имѣющихъ отъ 20 до 30 лѣтъ считается 1.603.583. Мы можемъ допустить, что приблизительно половина изъ нихъ моложе 25 лѣтъ. Такимъ образомъ, вмѣсто 4,5 милл. избирателей изъ среды промышленныхъ рабочихъ, у насъ останется только 3 мил. Однако, голоса тѣхъ избирателей, которые не воспользовались правомъ голоса, невозможно попросту причислять къ нашимъ противникамъ. Если мы допустимъ, что въ средѣ рабочаго класса число избирателей, не подавшихъ голоса, такъ же велико, какъ и въ средѣ прочаго населенія, *то мы найдемъ, что число голосовъ, поданныхъ за нашу партію, и число голосовавшихъ промышленныхъ рабочихъ почти совпадаютъ*. Враждебный пріемъ, который встрѣчаетъ еще наша партію въ нѣкоторыхъ слояхъ промышленныхъ рабочихъ (особенно католическаго вѣроисповѣданія), почти сполна уравновѣшивается притокомъ изъ другихъ слоевъ пролетаріата.

Если Бернштейнъ заявляетъ, что „болѣе половины промышленныхъ рабочихъ Германіи относятся въ настоящее время къ нашей партіи частью равнодушно и съ непониманіемъ, частью же прямо враждебно“, то, къ счастью, этотъ пессимизмъ основанъ на ариѳметической ошибкѣ; подобную же ошибку онъ совершилъ нѣсколькими страницами раньше, говоря о *сотнѣ тысячъ* предпріятій, занимающихъ болѣе 20 лицъ, которую соціалистическому режиму пришлось бы обобществить,—задача, совсѣмъ ужъ непосильная. Мы видѣли, что число этихъ предпріятій въ Германской имперіи не достигаетъ и 49.000.

Когда германская соціалдемократія оглядывается на свои избирательные успѣхи, она не имѣетъ ровно никакого повода къ пессимистическимъ заключеніямъ. Партіи, которая въ теченіе 3 десятилѣтій стала изъ совершенно ничтожной величины сильнѣйшей партіей имперіи; партіи, которая вербуетъ рекрутовъ уже изъ трехъ четвертей націи, не переставая расширяться все даль-

ше и дальше; партіи, которая можетъ опираться только на одинъ большой классъ, и которая, благодаря этому, достигла единства, и сплоченности, невѣдомыхъ никакой другой партіи; партіи, пропагандистская и организаторская дѣятельность которой находитъ себѣ сильнѣйшую поддержку въ экономическомъ развитіи,—такой партіи незачѣмъ видѣть моментъ, когда она достигнетъ господства, въ неопредѣленномъ будущемъ, съ которымъ невозможно считаться практически. Партія, ставшая въ теченіе 30 лѣтъ сильнѣйшей партіей, въ теченіе слѣдующихъ 30 лѣтъ, а то и раньше, можетъ стать господствующей.

Да, быть можетъ, и раньше. Не заключается ли именно въ этомъ величайшая опасность для соціальдемократіи? Если бы она въ ближайшемъ будущемъ получила въ свои руки управленіе государственнымъ кораблемъ, то не суждено ли ей потерпѣть самое позорное крушеніе? Бернштейнъ считаетъ рабочій классъ еще недостаточно развитымъ, чтобы взять въ свои руки политическую власть. „*Только литераторы, никогда не стоявшіе въ тѣсной связи съ дѣйствительнымъ рабочимъ движеніемъ, могутъ судить объ этомъ иначе.*“ Мы должны брать дѣйствительныхъ рабочихъ, какъ они есть. Они совсѣмъ не впали въ пауперизмъ, какъ предсказывалось „Манифестомъ“, и не настолько свободны отъ предубѣжденій и слабостей, какъ въ томъ насъ увѣряютъ ихъ *придворные рыцари*“.

По своей рѣшительности эта тирада не оставляетъ желать ничего лучшаго. Къ сожалѣнію, я не могу отвѣтить на нее столь-же аподиктически.

Прежде всего, я со стыдомъ долженъ признаться, что до прочтенія брошюры Бернштейна весьма мало думалъ о томъ несчастьи, которое намъ угрожаетъ, если мы теперь же получимъ въ свои руки власть. Та опасность, что завтра же мы можемъ проснуться диктаторами Германіи, всегда меньше всего останавливала на себѣ мое вниманіе.

Но и теперь, уже послѣ того, какъ Бернштейнъ заставилъ меня задуматься надъ этимъ вопросомъ, я не могу изречь о немъ аподиктическаго сужденія и долженъ ограничиться только гаданіями. Къ сожалѣнію, мы еще не умѣемъ подвергать общественные классы экзамену на политическую зрѣлость и, смотря по ихъ

успѣхамъ, выдавать или аттестатъ политической зрѣлости или отказывать въ немъ. Только тотъ экзаменъ имѣетъ значеніе въ исторіи, которой производитъ практика, опытъ.

Разумѣется, мы не имѣемъ никакой гарантіи того, что наша партія можетъ удержать за собою государственную власть, если внезапный политическій ураганъ взнесетъ ее на самую верхушку. Быть можетъ, кормило государственнаго корабля рано или поздно снова выскользнетъ изъ ея рукъ, какъ это случилось съ демократическими классами во время англійской революціи XVII в. или во время французской революціи. Но какимъ образомъ можно навѣрняка предохранить себя отъ такой преждевременной побѣды? Для этого есть только одно средство: распустить самую партію. Партія, которая хочетъ существовать, должна бороться, а бороться значитъ добиваться побѣды. А кто добивается побѣды, тотъ долженъ всегда считаться съ возможностью остаться побѣдителемъ.

Итакъ, если мы хотимъ обезпечить себя противъ того, чтобы намъ не досталась преждевременно въ руки власть, тогда намъ не остается ничего другого, какъ лечь спать.

Но этого не пожелаетъ и самъ Бернштейнъ, и потому печальная необходимость вынуждаетъ насъ продолжать борьбу съ гнетущимъ сознаніемъ, что мы можемъ еще дожить до побѣды.

Но дѣйствительно ли политическая незрѣлость пролетаріата настолько доказана, что только литераторы, не имѣющіе ничего общаго съ рабочими, могутъ держатся иного мнѣнія? Какія доказательства приводитъ въ пользу этого Бернштейнъ?

Во первыхъ, всѣ рабочіе, съ которыми онъ разговаривалъ, придерживаются того же мнѣнія. Но это доказываетъ только ихъ скромность и переоцѣнку той мудрости, которая правитъ людьми.

Во вторыхъ, рабочіе не настолько свободны отъ предразсудковъ и слабостей, какъ въ этомъ насъ увѣряютъ ихъ придворные рыцари. Чтобы не быть заподозрѣннымъ въ столь дешевомъ рыцарствѣ, спѣшу съ этимъ согласиться. Однако, здѣсь дѣло идетъ не о преміи за добродѣтель, но просто о политической зрѣлости. Станетъ ли Бернштейнъ утверждать, что господствующіе нынѣ классы «столь свободны отъ предразсудковъ и

слабостей»? Мы не должны сравнивать пролетаріевъ съ какимъ то идеаломъ совершенства, мы должны ихъ сравнивать съ другими классами. Дѣйствительно ли такое сравненіе настолько невыгодно для рабочихъ?

Если бы пролетаріатъ былъ дѣйствительно еще незрѣлъ, то это доказывало бы гораздо больше, чѣмъ желаетъ доказать Бернштейнъ. Даже тотъ, кто всего менѣе желаетъ быть придворнымъ рицаремъ рабочихъ, долженъ согласиться, что они уже и теперь по своей политической зрѣлости превосходятъ другіе демократическіе общественные слои—мелкую буржуазію и мелкихъ крестьянъ. Если они, несмотря на это, неспособны держать въ своихъ рукахъ политическую власть, то тѣмъ болѣе неспособны оба эти класса. Но въ такомъ случаѣ, что станется съ демократіей, съ самоуправленіемъ, если огромная масса народа неспособна къ нимъ?

Если правъ Бернштейнъ, то не только господство пролетаріата является безсмыслицей, но и всеобщее избирательное право. Въ такомъ случаѣ – прочь демократію, въ такомъ случаѣ только господство буржуазіи можетъ обезпечить дальнѣйшее существованіе цивилизаціи, въ такомъ случаѣ установимъ поскорѣе цензовое избирательное право, какъ оплотъ противъ современныхъ вандаловъ. Конечно, не навсегда, а только до тѣхъ поръ, пока пролетаріатъ не достигнетъ необходимой степени политической зрѣлости. Въ этомъ насъ всегда увѣряютъ противники всеобщаго избирательнаго права.

Прогрессивная демократія въ современномъ промышленномъ государствѣ возможна, только какъ *пролетарская демократія*. Вотъ чѣмъ объясняется упадокъ буржуазной прогрессивной демократіи. Если у буржуазныхъ демократовъ беретъ перевѣсъ страхъ передъ господствомъ пролетаріата, то они отказываются отъ своихъ демократическихъ идей. Если же они крѣпко держатся за идеи передовой демократіи, то они должны примириться и съ мыслью о господствѣ пролетаріата. Распространять страхъ передъ господствомъ пролетаріата и въ то же время стремиться къ сохраненію и даже расширенію политическихъ правъ низшихъ классовъ народа, это значитъ уничтожать одной рукой то, что

дѣлаетъ другая. Только убѣжденіе въ необходимости господства пролетаріата и въ его политической зрѣлости можетъ въ настоящее время сдѣлать демократическую мысль способной пріобрѣтать прозелитовъ.

Если мы будемъ сопоставлять пролетаріатъ не съ какимъ то идеальнымъ масштабомъ, а съ другими классами, то найдемъ, что по своимъ политическимъ способностямъ онъ съ успѣхомъ выдержитъ сравненіе не только съ мелкой буржуазіей и крестьянами, но и съ самой буржуазіей. Если мы посмотримъ на парламентъ, общинныя самоуправленія или кассы взаимопомощи, въ которыхъ господствуютъ исключительно буржуазія и ея чиновники, мы найдемъ тамъ застой, безсиліе, испорченость. Какъ только сюда проникаетъ наша партія, здѣсь пробуждается новая жизнь; она вноситъ иниціативу, честность, энергію и принципіальность и своею конкурренціей заставляетъ ожить и своихъ враговъ. Во всѣхъ важныхъ позиціяхъ, которыми завладѣла партія въ послѣднее десятилѣтіе, даже вообще въ послѣднія десятилѣтія, она удержалась, вездѣ она превзошла своихъ противниковъ въ дѣлѣ положительнаго творчества. Во всякой организаціи, въ которой она достигала господствующаго положенія, она всегда оказывалась на высотѣ призванія. Я просилъ бы Бернштейна указать мнѣ на одинъ случай, когда бы наша партія показала, что ей не по силамъ политическая задача, выпавшая ей на долю. И все это дѣлала эта партія бѣдныхъ и невѣжественныхъ одна, только своими собственными силами. Какое же основаніе имѣемъ мы предполагать, что она потерпитъ фіаско, если въ ея распоряженіи окажется вся экономическая и интеллектуальная мощь государства?

Правда, Бернштейнъ полагаетъ, что мы можемъ «радоваться замѣчательной интеллигентности, самотверженности и активности, которыя частью обнаружены, частью же порождены современнымъ рабочимъ движеніемъ; но не будемъ слѣпо переносить того, что можно сказать объ избранникахъ, хотя бы о сотняхъ тысячъ,—на массу, на милліоны» (стр. 106). Однако, на это нужно замѣтить, что въ классовой борьбѣ никогда не принимаютъ участія всѣ безъ исключенія члены даннаго класса. Повсюду мы находимъ въ авангардѣ борцовъ лишь избранныхъ, и ихъ политическія способности показываютъ степень зрѣлости всего класса.

Въ каждомъ классѣ масса частью слѣдуетъ за вождями, не проявляя собственной иниціативы, частью она стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ борьбы. Слѣдовательно, политическое господство пролетаріата фактически означаетъ, ближайшимъ образомъ, только господство избранной части его, какъ это мы можемъ сказать и о буржуазіи, и объ юнкерахъ, и о всякомъ господствующемъ классѣ. И нельзя ожидать, что партія получитъ въ свои руки политическую власть раньше, чѣмъ эти избранники» вмѣстѣ съ примыкающей къ нимъ массой станутъ достаточно сильны, чтобы завоевать эту власть.

Нѣтъ, мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ основаній допускать, что наша партія неизбѣжно должна потерпѣть фіаско, даже если какой нибудь совершенно непредвидѣнный и невѣроятный случай завтра же доставитъ ей парламентское большинство въ одной изъ развитыхъ европейскихъ странъ и передастъ въ ея руки правительственную власть.

Да и что значитъ—потерпѣть фіаско? Если судить по внѣшнему виду, то весь прогрессъ буржуазіи происходитъ путемъ потерпѣвшихъ фіаско революцій, начиная съ англійской революціи въ серединѣ XVII в. и кончая европейской—въ серединѣ XIX в. Фактически буржуазія ни въ одной изъ этихъ революцій не могла удержать исключительно въ своихъ рукахъ власть. И однако же, каждая изъ этихъ революцій давала мощный толчекъ впередъ, каждая изъ нихъ уничтожала множество устарѣлыхъ учрежденій, которыя никогда не могли уже возродиться, каждая открывала множество новыхъ дорогъ къ соціальному развитію, такъ что послѣ ея мнимой неудачи общество всякій разъ оказывалось на болѣе высокой ступени развитія, чѣмъ раньше. Неужели можно было бы или желательно было бы вычеркнуть изъ исторіи общественнаго прогресса хоть одну изъ этихъ революцій, „преждевременныхъ“ „неудачныхъ“? И мыслимо ли было отстрочить хоть одну изъ этихъ революцій до того момента, когда политическіе классы стали бы политически болѣе зрѣлыми?

Но если нелѣпо говорить объ отсрочиваніи историческихъ событій, то какой смыслъ имѣютъ эти вопли Кассандры о недостаткѣ политической зрѣлости пролетаріата?

Мы не управляемъ историческимъ развитіемъ. Послѣднее опредѣляется гораздо болѣе могущественными факторами, чѣмъ отдѣльныя партіи и ихъ благочестивыя пожеланія. Достаточно ли развитъ въ настоящее время пролетаріатъ, чтобы взять въ свои руки политическую власть? Будетъ ли онъ въ тотъ моментъ, когда пріобрѣтетъ ее, обладать во всѣхъ отношеніяхъ необходимыми политическими способностями? Будетъ ли онъ въ силахъ справиться безъ всякихъ затрудненій съ огромной исторической задачей, которая выпадетъ на его долю? Не будетъ ли его побѣда прерываться пораженіями? Будетъ ли дальнѣйшее политическое развитіе совершаться медленно, или быстро?—кто можетъ отвѣтить на эти вопросы? Но если отвѣтить на эти вопросы невозможно, то всякое мудрствованіе относительно степени политической зрѣлости пролетаріата въ настоящій моментъ является безцѣльнымъ, и онъ никогда не подымется на высшую ступень оттого, что мы будемъ заподазривать тѣхъ, кто не соглашается съ аподиктическими завѣреніями въ безсиліи пролетаріата.

Наша задача состоитъ не въ томъ, чтобы лишать пролетаріатъ бодрости въ борьбѣ путемъ безпочвеннаго умаленія его политическихъ способностей; она состоитъ въ томъ, чтобы предъявлять самыя высокія требованія къ политическимъ спообностямъ пролетаріата и потому напрягать всѣ силы къ ихъ возможному развитію, такъ чтобы во всякій моментъ его дѣеспособность стояла на самой высокой ступени.

Слѣдовательно, наша задача состоитъ не только въ томъ, чтобы организовать пролетаріатъ и помогать ему добиваться лучшихъ условій жизни и труда. Она состоитъ также и въ томъ, чтобы расширять кругозоръ пролетаріата за предѣлы его временныхъ и профессіональныхъ интересовъ и уяснять ему великую связь всѣхъ пролетарскихъ интересовъ между собою и съ интересами всего общества. Она состоитъ также и въ томъ, чтобы ставить ему великія цѣли и такимъ образомъ возвышать его къ болѣе высокой интеллектуальной жизни; она состоитъ въ томъ, чтобы поднимать его надъ уровнемъ мелкой повседневной работы; послѣдняя, конечно, необходима и настоятельно требуется самою жизнью, но именно поэтому она сама говоритъ о себѣ, и намъ нѣтъ надобности и съ своей стороны неустанно напоминать о ней.

Мы должны слѣдить за тѣмъ, чтобы манія ничтожества не деградировала пролетаріатъ и его цѣли, чтобы прозорливая, принципіально выдержанная политика не уступила мѣста политикѣ случайностей, иными словами,—чтобы сѣрая будничность не вытѣснила идеализма, чтобы не утерялось сознаніе великой исторической задачи, лежащей на пролетаріатѣ.

Если мы направимъ всѣ свои силы въ эту сторону, тогда наша обязанность, какъ марксистовъ, будетъ исполнена: успѣхъ нашей дѣятельности зависитъ отъ факторовъ, надъ которыми мы не властны.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе къ нѣмецкому изданію	3
Предисловіе къ французскому изданію	7
Введеніе	21
I. Методъ.	
a) Матеріалистическое пониманіе исторіи	29
b) Діалектика	49
c) Стоимость	69
II. Программа.	
a) Теорія крушенія (Zusammenbruchstheorie)	80
в) Крупное и мелкое предпріятіе	90
c) Увеличеніе числа собственниковъ	131
d) Акціонерныя общества	156
e) Потребленіе прибавочной стоимости	165
f) Теорія обнищанія (Verelendungstheorie)	179
g) Новый средній классъ	198
h) Теорія кризисовъ	207
i) Формулировка программы	230
III. Тактика.	
a) Политика и экономика	241
b) Самостоятельная или несамостоятельная политика	250
c) Вправѣ ли мы побѣдить?	275

Всеобщая библіотека Г. Ѳ. Львовича.

К. Каутскій

Національность нашего времени.

Переводъ Г. Ѳ. Львовича.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Альтшулера. Эртелевъ пер., 17—9.
1905.

Дозволено цензурою СПБ. 24 апрѣля 1905 г.

Національность нашего времени.

I.

Врядъ-ли какое либо иное слово занимаетъ такое видное мѣсто въ нѣмецкомъ политическомъ словарѣ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, какъ слово «національный», national; врядъ-ли какое-либо иное слово производило и производитъ такое дѣйствіе, какъ оно. Національ-либералы прекрасно понимаютъ, почему они такъ держатся за это названіе, хотя оно въ строгомъ смыслѣ скорѣе приличествуетъ борцамъ за суверенитетъ націи, народа, который имъ кажется самымъ страшнымъ пугаломъ. Но если рабовладѣльцы южныхъ штатовъ Америки называли себя «демократами»,—почему же этимъ опорамъ дворянства не называться «національ-либералами»? Здѣсь первая половина слова—national звучитъ еще болѣе подкупающе, чѣмъ вторая—liberal. И это не въ одной только Германіи. Наши сосѣди дѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, чтобы сравняться съ нами въ національномъ образѣ мыслей, хотя національное помѣшательство величія нигдѣ не могло развиться до такой степени, какъ въ извѣстныхъ нѣмецкихъ кругахъ. И при этомъ—что комичнѣе всего—именно тѣ, которые такъ расписываютъ, будто нѣмецкая нація во всѣхъ отношеніяхъ превосходитъ всѣ остальныя,—именно они кричатъ, что эта нація столь политически безпомощна, столь незрѣла, что равной ей, пожалуй, и не найти, что она неизбѣжно погибнетъ, если ей оставятъ хоть тѣнь парламентскаго режима. Что словами: «національный», «національность» нерѣдко прикрывается, простое мошенничество, что національному духу часто приписываютъ различныя явленія, которыя на самомъ дѣлѣ вызваны совершенно иными факторами,—это несомнѣнно. Но всѣ эти соображенія нисколько

не могутъ ослабить того факта, что національная идея оказываетъ громадное вліяніе на народы современной культуры, вліяніе, котораго невозможно объяснить однѣми искусственными махинаціями. Нельзя отрицать, что нѣкоторыя партіи эксплуатируютъ національную идею въ своихъ партійныхъ интересахъ и поэтому стараются, елико возможно, усилить ея значеніе. Но если бы мы захотѣли искать въ этомъ образѣ дѣйствій корень національной идеи, мы впали бы въ такую же ошибку, какую дѣлаютъ и тѣ, которые думаютъ, будто соціалистическое движеніе есть продуктъ дѣятельности нѣсколькихъ «агитаторовъ», желающихъ попользоваться нищенскими грошами рабочихъ. Сотни тысячъ шли на смерть за національную идею, сотни тысячъ не только боролись за нее, но, что гораздо труднѣе, и страдали, терпѣли преслѣдованія и гоненія. Она возбудила такой живучій духъ самопожертвованія, такое продолжительное воодушевленіе, которые не могутъ быть вызваны рѣчами и журнальными статьями.

Національная идея не есть нѣчто искусственно-вызванное газетчиками и политиками. Но въ такомъ случаѣ, не коренится-ли она въ самой природѣ человѣка? Принадлежность къ той или иной націи не есть-ли нѣчто такъ же строго опредѣленное, какъ и принадлежность къ извѣстной расѣ? Значительное число нашихъ буржуазныхъ идеологовъ отвѣчаютъ на эти вопросы утвердительно. Но на самомъ дѣлѣ,—что можетъ быть смѣшнѣе какого-нибудь берлинскаго профессора, по происхожденію на половину славянина, на половину французскаго гугенота, можетъ быть, съ нѣкоторою примѣсью «семитической» крови—ибо кто теперь можетъ поручиться, что въ его жилахъ не течетъ ни капли этой крови?—что можетъ быть смѣшнѣе этого ублюдка, когда онъ трактуетъ о «нашихъ предкахъ», которые, де, подъ предводительствомъ вождя херусковъ, Арминія, начали борьбу съ «наслѣдственнымъ вельшскимъ врагомъ», борьбу, продолжающуюся и по сей день! Какъ мало національ-

ность основывается на происхожденіи,—это можно видѣть изъ того, что въ составъ ея входятъ люди, принадлежащіе не только къ различнымъ племенамъ, но даже къ различнымъ расамъ. Венгерская нація состоитъ изъ «арійцевъ», «семитовъ» и монголовъ. Еврейская національность, которая кажется такъ рѣзко ограниченной отъ всѣхъ остальныхъ, представляетъ самые разнообразные типы: даже негрская кровь представлена въ ней. Въ самомъ дѣлѣ, кого не поражала чисто негрская шевелюра у многихъ евреевъ? Надо замѣтить, что «семиты»—вовсе не какая-нибудь опредѣленная нація или раса: это изобрѣтеніе филологовъ, родовое имя, прилагаемое ко всѣмъ народамъ, языки которыхъ принадлежатъ къ семейству языковъ, названныхъ Эйхгорномъ семитическими, т. е.—имѣютъ извѣстныя особенности. Но эти языки были усвоены народами самаго различнаго происхожденія, и не найдется ни одного человѣка, который бы могъ съ увѣренностью сказать, какіе изъ этихъ народовъ и насколько принадлежатъ къ тому племени, которое называютъ семитическимъ. Относительно семитической «расы» мы остаемся въ мракѣ полнѣйшей неизвѣстности. Даже происхожденіе евреевъ далеко не вполнѣ разъяснено.

Пока узами, соединявшими человѣческія общества, было кровное родство, — «нація» въ теперешнемъ смыслѣ этого слова была неизвѣстна. Вмѣсто націи мы находимъ племена, которыя въ свою очередь распадаются на роды. Принадлежность человѣка къ племени и роду опредѣлялась его происхожденіемъ, родствомъ, а не мѣстностью, въ которой онъ жилъ. Когда земледѣліе стало преобладающей формой производства у извѣстнаго племени, и данное племя вслѣдствіе этого становилось осѣдлымъ, естественно, что принадлежность къ племени или роду опредѣляла также и принадлежность къ извѣстному мѣсту. Мелкія общины, возникшія такимъ образомъ, марки основывались въ такой же степени на общности происхожденія, какъ и на общности земли, которую они обрабатывали.

Эти общины, также какъ и пастушескіе племена и роды, существовали совершенно самостоятельно, были совершенно независимы отъ внѣшняго міра. Общинная земля, также какъ и перешедшіе съ теченіемъ времени въ частную собственность поля и огороды, доставляла людямъ всѣ необходимыя для нихъ средства къ существованію въ видѣ продуктовъ земледѣлія, скотоводства, охоты, рыболовства, всяческихъ сырыхъ продуктовъ, какъ кожа, шерсть, дерево и т. п., которые обрабатывались отдѣльными семьями и особыми, приспособившимся къ этому, ремесленниками. Извнѣ врядъ-ли получалось что-либо иное, какъ развѣ изрѣдка какіе-нибудь предметы роскоши. Слѣдствіемъ этого была полная обособленность общины. Лишь изрѣдка, лишь въ случаяхъ какихъ-нибудь особенныхъ опасностей различныя мелкія общины соединялись для совмѣстныхъ дѣйствій: этотъ союзъ немедленно распадался, лишь только опасность миновала. О какомъ-либо національномъ единствѣ, о національномъ языкѣ не могло быть и рѣчи. Экономическая замкнутость способствовала сохраненію и образованію нарѣчій, даже особыхъ языковъ въ отдѣльныхъ племенахъ и общинахъ.

Нѣмецкіе политики и ученые очень любятъ жаловаться на «индивидуализмъ» нѣмцевъ, ставящій личные интересы выше національныхъ и вызвавшій то разъединеніе и раздробленіе Германіи, которыя, повидимому, можно прослѣдить отъ временъ Арминія до нашихъ дней. Но это раздробленіе націи вовсе не есть расовая особенность нѣмцевъ: оно существуетъ у всякаго народа, экономическое развитіе котораго не перешло извѣстныхъ границъ. И съ «индивидуализмомъ» это явленіе не имѣетъ рѣшительно ничего общаго, потому что оно повсюду выступаетъ тѣмъ рѣзче и отчетливѣе, чѣмъ сплоченнѣе является родъ, община, чѣмъ сильнѣе первобытный коммунизмъ. Пока мелкія коммунистическія общины довлѣли самимъ себѣ, пока не было никакихъ матеріальныхъ интересовъ, которыя заставили

бы ихъ тѣснѣе сплотиться другъ съ другомъ, до тѣхъ поръ не могло быть и рѣчи о націи. Изъ факторовъ, вызвавшихъ это сплоченіе,—три важнѣйшихъ надо имѣть прежде всего въ виду: они дѣйствовали или въ одиночку, или всѣ вмѣстѣ. Всѣ они являются слѣдствіемъ развитія способа производства; это, съ одной стороны,—преобладающая сила внѣшнихъ враговъ, съ другой,—преобладающая сила природы, съ которыми не могли управиться отдѣльныя, разъединенныя общины,—наконецъ, третьимъ и, по нашему мнѣнію, важнѣйшимъ факторомъ были товарное производство и торговля.

Пока племя вело пастушескую жизнь, занимаясь охотой, рыболовствомъ, скотоводствомъ, необходимость соединяться съ другими племенами для защиты отъ враговъ не могла быть у него особенно значительной. Племя врядъ-ли располагало особыми богатствами, которыя могли бы послужить приманкой для сосѣдей. Причинами которыя могли вызвать у него столкновенія съ сосѣдями, были споры изъ-за раіоновъ охоты, изъ-за пастбищъ, месть;—въ борьбѣ, вызванной этими причинами, лишь рѣдко могли быть заинтересованы и какія-нибудь другія племена, кромѣ непосредственно участвующихъ въ ней. Борющіяся стороны по своему вооруженію, храбрости были приблизительно равны,—даже по своей численности они не могли особенно отличаться другъ отъ друга. Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда племя наталкивалось на дѣйствительно преобладающую силу,—ему обыкновенно оставалась возможность уйти куда-нибудь подальше, такъ какъ оно не было прикрѣплено къ опредѣленной мѣстности. Совсѣмъ иначе стало съ тѣхъ поръ, какъ земледѣліе развилось и стало господствующей формой производства. Земледѣльческія общины переходили изъ горъ и лѣсовъ на берега рѣкъ и селились здѣсь; благосостояніе ихъ возрастало, народонаселеніе умножалось, и число общинъ, жившихъ на извѣстной территоріи, увеличивалось. Но медаль имѣла также и свою обратную сторону. Все увеличивающееся благо

состояніе этихъ общинъ вызывало хищническіе набѣги оставшихся дикими, бродячихъ сосѣдей, отъ которыхъ осѣдлые земледѣльцы не могли уйти. Открытая равнина представляла меньше средствъ для защиты, чѣмъ горныя и лѣсистыя мѣстности. Дикіе номады упражнялись въ военномъ дѣлѣ, имѣли стада лошадей, были опытны въ искусствѣ мореплаванія (гдѣ это было нужно и возможно) и т. п. Все это неизбѣжно вызывалось ихъ формой производства; обработка земли у нихъ была взвалена на женщинъ. У осѣдлыхъ-же земледѣльцевъ военныя упражненія означали прекращеніе производства: земледѣльцы могли посвящать имъ гораздо меньше времени, чѣмъ номады и, понятно, значительно уступали этимъ послѣднимъ въ военномъ дѣлѣ. Поэтому мы видимъ, что молодые земледѣльческіе народы постоянно подвергаются частымъ хищническимъ набѣгамъ номадовъ: все, что было сдѣлано въ этомъ отношеніи германцамъ со стороны гунновъ, аваровъ, венгровъ и норманновъ,—все это при подобныхъ-же условіяхъ постигало китайцевъ, индійцевъ, египтянъ, жителей метсопотамской долины за цѣлыя столѣтія и тысячелѣтія раньше. Такія нападенія побуждали земледѣльческія общины соединяться для борьбы съ общимъ врагомъ и подчинять свою военную силу общему вождю. Если эти нападенія повторялись часто, союзъ становился постояннымъ и власть вождя сохранялась и въ мирное время. Такимъ образомъ, союзъ отдѣльныхъ общинъ становился все болѣе и болѣе постояннымъ, сношенія между ними—оживленнѣе, вслѣдствіе чего нарѣчія отдѣльныхъ мелкихъ общинъ все болѣе и болѣе сближались, возрастало чувство солидарности, вмѣсто говоровъ возникалъ національный языкъ и вмѣсто общиннаго партикуляризма—центральная власть. Здѣсь мы уже видимъ зародышъ того, что мы называемъ національностью.

У нѣкоторыхъ племенъ, можетъ быть, еще сильнѣе дѣйствовалъ второй изъ указанныхъ факторовъ,— совмѣстная борьба съ преобладающей силой природы. Когда земледѣльческія пле-

мена вышли изъ горъ и лѣсовъ и поселились въ рѣчныхъ долинахъ, они стали въ зависимость отъ воды, отъ рѣки. Рѣка стала для нихъ богомъ, который, казалось, по своему произволу могъ посылать имъ и всяческія блага, и конечную погибель. Сегодня наводненіе уничтожило всѣ надежды земледѣльца, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ засуха сжигала его хлѣбъ на поляхъ. Въ своей безпомощности онъ прибѣгалъ къ молитвамъ, но опытъ познакомилъ его, наконецъ, съ болѣе раціональными средствами. Была замѣчена извѣстная правильность въ наступленіи періодовъ засухи и наводненія; было открыто также, что эти періоды находятся въ связи съ извѣстнымъ расположеніемъ звѣздъ. Но мало по малу люди научились также регулировать посредствомъ гидравлическихъ сооруженій уровень воды въ рѣкѣ. Для регулированія воды необходимы были планомѣрныя, совмѣстныя работы прибрежнаго населенія. Такимъ образомъ, борьба съ рѣкой, также какъ и борьба съ внѣшнимъ врагомъ, вызвала союзъ отдѣльныхъ общинъ, вызвала у нихъ необходимость ставить свои рабочія силы подъ общее управленіе, вызвала подчиненіе центральной власти. Этимъ путемъ также воспитывались зародыши національной общности. Въ Европѣ начатки культуры развивались не на берегахъ большихъ рѣкъ, какъ на Востокѣ, засухи и наводненія здѣсь тоже не были такъ страшны, какъ тамъ,—особенно въ ранній періодъ, когда горы были еще покрыты лѣсами, которые и регулировали воду въ рѣкахъ. Поэтому совмѣстная борьба съ рѣкой оказывала свое объединяющее дѣйстгіе преимущественно на Востокѣ: повидимому, она и была одной изъ важнѣйшихъ матеріальныхъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ здѣсь возникли древнія культурныя государства. Воспоминанія о ней сохранились въ преданіяхъ еще до нашихъ дней. Основателемъ египетскаго царства считается Менесъ. Геродотъ сообщаетъ, что ему разсказывали египетскіе жрецы, будто Менесъ устроилъ на Нилѣ, стадій за сто выше

Мемфиса, плотину и этимъ заставилъ рѣку, протекавшую раньше у Ливійской горной цѣпи, оставить старое русло и течь между двумя рядами горъ. Когда же защищенная плотиной земля высохла, онъ построилъ здѣсь городъ, который теперь (т. е. во время Геродота) называется Мемфисомъ. Къ сѣверу и западу отъ этого города Менесъ, разсказывали жрецы, велѣлъ выкопать озеро и наполнить его водой изъ рѣки. Это былъ громадный резервуаръ, который наполнялся водой во время разлива рѣки и позже, во время засухи, снабжалъ ею поля. Такъ называемое, Меридово озеро было такимъ же громаднымъ резервуаромъ. Подобнымъ же образомъ и въ Китаѣ основаніе государства тоже сводится къ урегулированію рѣкъ. Менцій (Menzius), жившій послѣ Конфуція, разсказываетъ: «Во время Іанъ (Yan), когда царство еще не было устроено, воды вышли изъ своихъ береговъ и причинили повсемѣстное наводненіе. Земля покрылась роскошными растеніями и деревьями; всюду кишѣло птицами и дикими звѣрями. Семь плодовъ земли не произрастали болѣе; птицы и дикіе звѣри одолѣвали человѣка. Перекрещивающія другъ друга во всѣхъ направленіяхъ тропинки, протоптанныя дикими звѣрями и птицами, покрыли Срединное Царство... Іу (Yu, основатель царства) раздѣлилъ девять различныхъ рукавовъ Хо (Ho), очистилъ русла Тси и Та и направилъ ихъ въ море. Онъ устроилъ устье для Ю и Хана (Han), урегулировалъ теченіе Гваи и Сци (Sz') и направилъ ихъ въ Кіангъ. Послѣ того, какъ онъ сдѣлалъ все это, для обитателей Срединнаго Царства были обезпечены средства къ существованію». Намъ извѣстно также относительно царствъ, существовавшихъ въ долинахъ Тигра и Ефрата и въ долинѣ Ганга, что ихъ матеріальной основой были гидравлическія сооруженія для регулированія воды, и что содержаніе этихъ сооруженій въ надлежащемъ порядкѣ было первой обязанностью ихъ государей. Англичане совершенно игнорировали эту обязанность до самаго

послѣдняго времени, слѣдствіемъ чего былъ голодъ и эпидеміи [1]). Господство англичанъ основывается не на ихъ экономическомъ преобладаніи, а на военной силѣ.—Совмѣстная борьба съ рѣкой и борьба съ внѣшнимъ врагомъ дѣйствовали часто одновременно, что значительно усиливало ихъ дѣйствіе. Тѣмъ не менѣе оба эти фактора не могли создать національной жизни въ нашемъ смыслѣ слова, такъ какъ они не могли уничтожить экономической самостоятельности сельскихъ общинъ или марокъ и въ значительной степени оставляли мѣсто для ихъ исключительности.

Идеаломъ анархистовъ служитъ федерація автономныхъ общинъ. Каждая община, говорятъ они, должна хозяйничать вполнѣ самостоятельно; для производства же такихъ работъ, которыя не по силамъ одной общинѣ (или группѣ) она должна

---

[1]) Старинные раджи Индіи, также какъ афганскіе и монгольскіе завоеватели, проявлявшіе такую жестокость относительно отдѣльныхъ личностей, отмѣчали, по крайней мѣрѣ, время своихъ царствованій предпріятіями, полезными для массы населенія, воздвигая тѣ чудныя сооруженія, которыя мы еще теперь встрѣчаемъ здѣсь на каждомъ шагу, которыя можно назвать сооруженіями титановъ... Подъ этимъ безжалостно яснымъ небомъ, на которомъ впродолженіе 7—8 мѣсяцевъ не появляется ни одной тучки, въ этомъ климатѣ, при которомъ почва не воздѣлывается въ теченіе шести мѣсяцевъ, за отсутствіемъ періодическихъ наводненій, остается лишь одно средство, при помощи котораго возможно занятіе земледѣліемъ: необходимо отыскивать въ возвышенныхъ раіонахъ или устраивать искусственно, пруды, изъ которыхъ, какъ изъ громадныхъ резервуаровъ, можно было бы получать воду для орошенія. Всѣ памятники и полезныя общественныя сооруженія, какія только существуютъ въ Индіи, обязаны своимъ возникновеніемъ туземнымъ государямъ. Компанія (Остъ-индская) не выкопала ни одного колодца, ни одного пруда, не провела ни одного канала, не устроила ни одного моста для блага своихъ индійскихъ подданныхъ... Не только не предпринимаютъ ничего новаго, но и старое оставляютъ разрушаться, бросаютъ на произволъ судьбы. Съ исчезновеніемъ прудовъ и каналовъ, исчезаетъ культура и населеніе; страна превращается въ пустыню. E. de Warren. L'Inde anglaise en 1843. Paris. 1844.

вступать въ добровольные союзы съ другими общинами. Мы видѣли, что это не идеалъ будущаго, а фактъ, выхваченный изъ сѣдой старины. Результатомъ осуществленія этого «идеала» явилась не неограниченная личная свобода, а восточный *деспотизмъ*. Дѣйствительно, чѣмъ чаще повторялись войны съ внѣшними врагами, чѣмъ тяжелѣе были работы, необходимыя для регулированія воды, тѣмъ больше силы и значенія должна была пріобрѣтать центральная власть [1]) надъ отдѣльными общинами. Количество работъ и поборовъ натурою для содержанія рабочихъ, наконецъ, прочно установилось, такъ что общины должны были нести эти повинности даже тогда, когда соотвѣтствующія сооруженія дѣлали ихъ въ значительной степени излишными. Одновременно съ этимъ возрастало населеніе и число общинъ, такъ какъ гидравлическія сооруженія увеличивали плодородіе земли. Такимъ образомъ, мало-по-малу вышло, что повинности союзныхъ общинъ давали излишекъ рабочей силы и средствъ къ существованію, который центральная власть могла расходовать по своему усмотрѣнію, въ своихъ интересахъ. Сама она вслѣдствіе этого освободилась отъ необходимости труда, образовала аристократію, которая, соотвѣтственно функціямъ ея, состояла изъ воиновъ, архитекторовъ и астрономовъ. Какъ великъ былъ излишекъ труда и средствъ къ существованію, находившійся въ рукахъ центральной власти, это мы можемъ видѣть еще теперь по многимъ ея сооруженіямъ, уцѣлѣвшимъ до нашего времени, какъ, напр., пирамиды. Понятно, это развитіе не могло совершаться мирно. Если центральная власть старалась, возможно болѣе, увеличить повинности отдѣльныхъ общинъ, то эти послѣднія старались, напротивъ, уменьшить ихъ, насколько лишь воз-

1) Власть эта, какъ намъ кажется, попадала въ руки не отдѣльныхъ лицъ, а цѣлыхъ общинъ, которыя жили при особенно благопріятныхъ условіяхъ, какъ, напр., Мемфисъ—у Нильской плотины и резервуара, или имѣли какія нибудь иныя преимущества передъ остальными общинами. Изъ такихъ общинъ возникала впослѣдствіи столица царства.

можно, или, по крайней мѣрѣ, удерживать на прежнемъ уровнѣ. Но объ уничтоженіи центральной власти никто и не думалъ: это могло бы подвергнуть серьезной опасности всю экономическую жизнь того времени. Этотъ основной фактъ объясняетъ собою весь характеръ исторіи культурныхъ народовъ востока. Отдѣльныя коммунистическія земледѣльческія общины жили тамъ самостоятельно, каждая сама по себѣ; ихъ форма производства въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ оставалась неизмѣнной, поэтому неизмѣнной оставалась и ихъ соціальная организація. Земледѣльцы жили въ вѣчномъ однообразіи, отбывая свои повинности, уплачивая десятины, какъ и ихъ отцы, и ни мало не заботясь о томъ, куда идутъ всѣ эти сборы, до тѣхъ поръ, пока ихъ не увеличивали и содержали въ надлежащемъ порядкѣ необходимыя сооруженія. Царь, императоръ или султанъ могъ быть мягкимъ или кровожаднымъ, скупымъ или расточительнымъ, развратникомъ или аскетомъ, онъ могъ обращаться съ окружавшими его, какъ ему было угодно,—для земледѣльцевъ это было совершенно безразлично. Но если онъ запускалъ необходимыя сооруженія или увеличивалъ повинности, они волновались—и тогда, лишь только появлялся какой-нибудъ претендентъ, они устремлялись къ нему и возводили его на престолъ. Таково содержаніе всѣхъ восточныхъ революцій. Въ нихъ дѣло идетъ не о формахъ правленія, не о стремленіи угнетеннаго класса къ власти, а единственно—о личности правителя, о количествѣ повинностей. Сама же необходимость существующаго строя не подвергалась никакому сомнѣнію. Для существованія производства центральная власть была безусловно необходима. Мало того, эта власть неизбѣжно должна была быть деспотической, потому что она стояла во главѣ не какой-нибудь сплоченной націи, а конгломерата отдѣльныхъ общинъ, которыя были «автономны», совершенно самостоятельны—согласно съ идеаломъ анархистовъ,—и каждая изъ этихъ общинъ нисколько не заботилась объ остальныхъ.

Замѣтимъ только мимоходомъ, что древнія аристократіи, въ рукахъ которыхъ была центральная власть,—часто имѣвшія только номинальнаго главу,— касты воиновъ и жрецовъ, какъ ихъ не всегда удачно называютъ,—какъ мы видѣли, были обязаны своимъ происхожденіемъ *экономической необходимости*. Наши плоскіе «историки культуры» обыкновенно разсказываютъ намъ и при этомъ съ большими подробностями, будто первобытное равенство людей было нарушено тѣмъ, что самые сильные члены общества собрались въ одинъ прекрасный день и сказали слабымъ: повинуйтесь намъ,—иначе мы васъ истребимъ! А самые умные вслѣдъ за этимъ сговорились и рѣшили: придумаемъ религію, съ помощью которой намъ можно было бы обманывать и эксплуатировать глупый народъ! Это вздорное «пониманіе исторіи», предполагаетъ различія въ силѣ и умственномъ развитіи между равными, различія которыя явились только, какъ результатъ долгаго неравенства, часто замѣняется теоріей завоеваній. Теорія завоеваній объясняетъ возникновеніе классовыхъ различій тѣмъ, что одно племя завоевываетъ область другого, порабощаетъ себѣ побѣжденныхъ и становится аристократіей. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что аристократіи, господствовавшія въ восточныхъ деспотіяхъ, часто являлись чужимъ племенемъ, завоевателями. Но такое племя могло завоевать только то, что уже существовало въ странѣ; оно могло овладѣть центральной властью лишь въ томъ случаѣ, когда она уже существовала. И если оно захватывало центральную власть въ свои руки, народъ подчинялся его господству, потому что это въ сущности нисколько не измѣняло дѣла. Господствующіе и порабощенные слои населенія вскорѣ сливались въ одну націю, такъ какъ они были лишь частями одного и того же экономическаго организма. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда племя завоевателей не брало на на себя обязанностей центральной власти и хотѣло лишь господствовать и эксплуатировать страну по праву завоевателя,

оно оставалось чужимъ племенемъ, которому побѣжденные оказывали всяческое сопротивленіе, когда и насколько это было возможно, и оно, наконецъ, должно было уступить или приводило народъ къ окончательной гибели. Египтяне много разъ спокойно сносили господство иноплеменныхъ завоевателей. Гиксамъ же они напротивъ оказали самое энергичное сопротивленіе. Гиксы достигли господства въ Египтѣ именно тѣмъ путемъ, какимъ, по мнѣнію нашихъ историковъ, возникали аристократіи. Эти толпы бедуиновъ вторглись въ Египетъ и отнеслись къ нему, какъ къ завоеванной странѣ: они эксплуатировали его, но задача управленія страной была не по нимъ. Этимъ объясняется энергичное сопротивленіе имъ націи, которая, наконецъ, и изгнала ихъ изъ страны. Совершенно подобный, но болѣе близкій къ намъ примѣръ представляютъ норманы. Впродолженіе цѣлыхъ вѣковъ грабили они всѣ доступныя для нихъ страны христіанскаго Запада, не имѣя возможности ни въ одной изъ нихъ достичь прочнаго господства. Норманы должны были достаточно цивилизоваться для того, чтобы они въ состояніи были исполнять функціи феодальныхъ господъ, прежде чѣмъ имъ удалось стать дѣйствительными господами тѣхъ странъ, на которыя они раньше дѣлали только хищническія набѣги (сѣверо-западная Франція и Англія). Но съ этихъ именно поръ они слились съ туземнымъ населеніемъ и перестали быть иноплеменниками. Невозможно, конечно, отрицать, что въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ центральной властью овладѣли иноплеменные завоеватели, независимость и абсолютизмъ ея развились гораздо быстрѣе и сильнѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ она оставалась въ рукахъ союзныхъ общинъ. Но эта власть не создавалась простымъ фактомъ завоеванія. Будучи дальше всего отъ того, чтобы чувствовать себя иностранцами, аристократіи культурныхъ государствъ востока стали единственными носителями національной жизни, настолько вообще она здѣсь существовала. Онѣ были выше ограниченности членовъ мелкихъ общинъ и

нау чились чувствовать себя господами и представителями всей націи. Онѣ выработали національный языкъ, создали національную литературу, національную философію и искусство.

Но эти начатки національной жизни ограничивались всегда лишь незначительной частью народа; они распространялись только на аристократію, на жителей территоріи служившей мѣстопребываніемъ центральной власти, на свободное городское населеніе. Рабы были устранены отъ участія въ этой жизни. Для крестьянина весь міръ по прежнему заключался въ его маркѣ, въ его общинѣ. Чтобы создать національную жизнь въ нашемъ смыслѣ этого слова, необходимо было разрушить общину, ослабить всѣ экономическія организаціи, стоявшія между индивидомъ и націей, такъ чтобы нація стала организмомъ, регулирующимъ экономическую жизнь народа. Это разрушеніе первобытной общины и совершилось, когда товарное производство и обмѣнъ товаровъ достигли извѣстной высоты. Но и въ это время нужны были особенныя условія для того, чтобы могла возникнуть современная національность. Торговля должна была уже развиться до извѣстныхъ размѣровъ, такъ чтобы она давала занятія особому классу, классу купцовъ. На востокѣ это совершилось гораздо раньше, чѣмъ въ Европѣ. Но производство и обмѣнъ товаровъ происходили тогда преимущественно въ пунктахъ, бывшихъ мѣстопребываніями центральной власти, гдѣ скоплялся избытокъ рабочей силы и средствъ къ существованію, который и способствовалъ развитію роскоши. Здѣсь возникалъ рынокъ для продуктовъ туземныхъ ремесленниковъ и для товаровъ, привозимыхъ сюда купцами изъ чужихъ странъ. Увеличивающееся богатство мѣстопребыванія центральной власти служило большимъ соблазномъ для хищныхъ сосѣднихъ племенъ, но архитекторы центральной власти, располагавшіе значительнымъ числомъ подневольныхъ рабочихъ, сумѣли укрѣпить рынокъ стѣнами. Благодаря защитѣ крѣпостныхъ стѣнъ промышленность

и торговля могли въ городѣ свободно развиваться, и, если городъ лежалъ въ мѣстѣ скрещиванія торговыхъ путей, онъ скоро становился большимъ и сильнымъ.

Но все это развитіе распространялось только на города; движущей силой его была эксплуатація города центральной властью. Крестьяне нисколько не заботились о томъ, на что центральная власть употребляетъ излишекъ производства, до тѣхъ поръ, пока она исполняла свои традиціонныя обязанности; съ другой стороны, экономическое развитіе, возникшее изъ этого излишка, нисколько не коснулось крестьянъ. Такимъ образомъ, мы находимъ въ восточныхъ государствахъ, что торговля и промышленность уже за цѣлыя тысячелѣтія достигли здѣсь высокаго развитія, такъ что нѣкоторыя отрасли промышленности врядъ-ли даже въ настоящее время поднялись выше той ступени, на которой онѣ стояли еще въ Египтѣ; въ земледѣльческомъ же хозяйствѣ первобытная коммунистическая община, какое-бы названіе она ни носила, по сей день осталась здѣсь въ полной силѣ, насколько, конечно, она не подпала вліянію *европейскаго капитализма*.

Совершенно иное дѣйствіе произвели товарное производство и торговля въ Европѣ. Здѣсь не было подавляющей человѣка силы природы, которая бы вызывала необходимость сильной центральной власти; природа здѣсь далеко не такъ богата, чтобы у земледѣльца, за удовлетвореніемъ его насущныхъ потребностей, могъ оставаться значительный излишекъ продуктовъ его труда. Бѣдность страны не могла служить особенной приманкой для хищническихъ племенъ, если же эти послѣднія и дѣлали свои вторженія и нашествія, незначительность территоріи и бѣдность населенія—мы имѣемъ въ виду особенно Грецію—скорѣе приводили къ ихъ же гибели, чѣмъ давали имъ какія бы то ни было выгоды отъ ихъ вторженій. Здѣсь не было тѣхъ элементовъ, которые создавали громадныя деспотіи въ долинахъ большихъ рѣкъ Востока и вызывали въ ихъ го-

родахъ торговлю и промышленность. Торговля и промышленность развивались здѣсь лишь чрезвычайно медленно, подъ вліяніемъ сношеній съ Востокомъ. Но за то всюду на западѣ, гдѣ только онѣ пустили корни, онѣ оказывали свое вліяніе на весь народъ, революціонизировали все общество. Было-бы высшей степени интересно прослѣдить дѣйствіе этихъ факторовъ во времена классической древности. Но это выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи: съ одной стороны, развитіе классической древности во многихъ отношеніяхъ идетъ параллельно съ позднѣйшимъ развитіемъ среднихъ вѣковъ, съ другой,—оно здѣсь, также какъ и на Востокѣ, не въ состояніи было создать національную жизнь въ полномъ смыслѣ этого слова. Правда, оно разрушило на западѣ первобытную общину, но вмѣстѣ съ нею разрушило и общество, такъ какъ оно не могло создать для него новыхъ устоевъ. По мѣрѣ того, какъ уничтожалась общинная замкнутость древности, общество переставало быть живымъ организмомъ: оно превратилось въ трупъ, процессъ разложенія котораго и совершался въ періодъ имперіи. Рабство осталось, и этимъ самымъ рабочій былъ исключенъ изъ націи. Нація,—насколько вообще въ тѣ времена можно говорить о ней,—превратилась въ шайку эксплуататоровъ, состоящую изъ высшаго и низшаго сброда: изъ пролетаріата нищихъ и денежныхъ толстосумовъ.

Иные результаты дало это развитіе въ средніе вѣка. Здѣсь изъ него возникла современная національность. Поэтому мы и разсмотримъ ближе развитіе среднихъ вѣковъ. Основаніемъ феодализма была крестьянская и ремесленная форма производства въ маркѣ, которая была такъ же автономна, экономически независима и обособлена, какъ, напр., и сельская община въ Индіи. Средневѣковая городская община также возникла изъ марки. Такъ же, какъ и на востокѣ, совмѣстная борьба съ внѣшнимъ врагомъ и отчасти борьба съ природой соединили эти мелкія общины съ большія государства. Но

между тѣмъ, какъ дѣйствіе этихъ двухъ факторовъ было здѣсь гораздо слабѣе, чѣмъ на востокѣ, оно было осложненно многочисленными посторонними условіями и особенно римской подкладкой новыхъ государствъ. Въ Европѣ не могла возникнуть столь сильная центральная власть, какъ на Востокѣ, и излишекъ производства, которымъ располагали господствующіе классы для исполненія своихъ задачъ (освобожденіе крестьянъ отъ бремени военной службы и отъ заботъ по управленію), не былъ столь значительнымъ. Лишь медленно возникала здѣсь торговля съ Италіей, затѣмъ съ Византіей и Востокомъ; столь же медленно развивалось ремесленное производство товаровъ. При дворахъ свѣтскихъ и духовныхъ особъ, также какъ и въ извѣстныхъ торговыхъ пунктахъ—напримѣръ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дороги изъ альпійскихъ проходовъ достигали Рейна или Дуная, въ защищенныхъ гаваняхъ, расположенныхъ внутри страны и доступныхъ для не особенно глубоко сидящихъ морскихъ судовъ, какъ Парижъ, Лондонъ, образовались складочныя мѣста для товаровъ, которыя, какими-бы ничтожными они намъ ни казались теперь, все-таки возбуждали жадность сосѣдей, собственно феодаловъ, и внѣшнихъ враговъ, какъ венгры, норманы и т. п. Явилась необходимость укрѣпить эти мѣста. Этимъ было положено начало развитію города изъ сельской общины. Но и послѣ укрѣпленія торговаго пункта, земледѣльческое хозяйство и производство для собственнаго потребленія въ предѣлахъ марки все еще оставалось его преобладающимъ занятіемъ. Торговля была слишкомъ незначительна для того, чтобы измѣнить его характеръ. Горожане были такъ же обособлены, какъ и крестьяне, кругозоръ ихъ былъ такъ же ограниченъ. Но рядомъ со старинными, полноправными членами марки возникала новая сила, возникало сословіе *ремесленниковъ*, которые организовывались по образцу марки въ *цехи*. Число ремесленниковъ увеличивалось и соотвѣтственно этому возрастало ихъ вліяніе, но они большею частью были исклю-

чены изъ марки, а вслѣдствіе этого — и изъ участія въ городскомъ управленіи. Городское управленіе оставалось въ рукахъ потомковъ старинныхъ членовъ марки, превратившихся изъ крестьянъ-общинниковъ въ пышныхъ патриціевъ. Возгорѣлась классовая борьба между цехами и старинными родами; борьба эта обыкновенно оканчивалась побѣдой цеховъ. Одновременно съ этимъ велась борьба за независимость города отъ феодальныхъ господъ, которая часто оканчивалась побѣдой города. Города стали достаточно сильными, чтобы не нуждаться въ управленіи и защитѣ феодальнаго господина; они не имѣли ни малѣйшей надобности платить феодалу за исполненіе тѣхъ обязанностей, которыя гораздо лучше могли исполнять сами горожане. Между тѣмъ, какъ германская крестьянская марка въ своихъ отношеніяхъ къ государственной власти была чрезвычайно близка къ восточной сельской общинѣ, въ городахъ, въ которыхъ преобладали ремесленники, мы находимъ совершенно иной духъ; мы находимъ здѣсь ту республиканскую черту, которая съ этихъ поръ никогда не исчезала въ мѣщанствѣ. Появился зародышъ національной жизни, потому что городамъ далеко не было безразличио, какъ власть имущіе ведутъ дѣло управленія страной. Они уже пытались оказывать вліяніе на ходъ управленія — шагъ, до котораго крестьянской общинѣ было, какъ до звѣзды небесной, далеко.

Но прежняя обособленность общины еще не была устранена; она охватывала теперь только болѣе широкій кругъ: все еще не *нація*, а *община* стояла для горожанъ на первомъ планѣ. Во всякомъ случаѣ ремесленное производство товаровъ уничтожило исключительность городской общины. Ремесленники работали не только для города, но и для всей прилегающей къ нему территоріи, которая занимала иногда значительное пространство. Они работали не столько на крестьянъ, продолжавшихъ производить почти все необходимое для нихъ, сколько для ихъ эксплуататоровъ, феодальныхъ господъ,

крѣпостные ремесленники которыхъ большею частью уходили отъ нихъ и спасались въ города. Съ другой стороны, ремесленники получали припасы и сырые продукты изъ деревень. Между городомъ и деревней началось экономическое взаимодѣйствіе и вмѣстѣ съ нимъ противоположность интересовъ. На мѣсто марки все болѣе и болѣе выступалъ въ качествѣ экономической единицы городъ со своей болѣе или менѣе значительной сельской областью. Но обособленность отдѣльныхъ городовъ другъ отъ друга продолжала существовать, хотя нѣкоторые изъ нихъ и соединялись между собой въ болѣе или менѣе прочные или временные союзы для достиженія общихъ цѣлей. Города становились все сильнѣе и сильнѣе; было время, когда, казалось, вся Европа должна была превратиться въ конгломератъ городскихъ республикъ. Однако эта тенденція не могла получить широкаго развитія, такъ какъ въ самихъ городахъ выдвинулась новая сила, которая изъ отдѣльныхъ городовъ и общинъ должна была выработать современныя націи: это была сила *крупной торговли*.

Заморская торговля съ Востокомъ и особенно съ Константинополемъ и Египтомъ развилась въ Европѣ прежде всего въ южной Италіи. Товары, доставляемые купцами европейскимъ варварамъ изъ древнихъ культурныхъ странъ Востока, выработали у нихъ представленіе о громадныхъ, сказочныхъ богатствахъ Востока. Жажда обогащенія скоро овладѣла всѣми господствующими классами Европы. Она много способствовала организаціи тѣхъ хищническихъ и завоевательныхъ нашествій на Востокъ, которые извѣстны подъ именемъ крестовыхъ походовъ, но она также возбудила у городовъ, географическое положеніе которыхъ было особенно благопріятно въ этомъ отношеніи—и прежде всего у городовъ сѣверной Италіи,—желаніе принять участіе въ столь выгодной торговлѣ съ Востокомъ. Чѣмъ болѣе развивалась торговля, тѣмъ большей силой становились *деньги*. Деньги стали товаромъ, который каждый охотно

пріобрѣталъ, въ которомъ каждый нуждался, за который можно было получить все. Люди, добывающіе деньги, производящіе товары или торгующіе ими, пріобрѣтали все большее и большее значеніе. Цеховой мастеръ, который при ограниченномъ числѣ подмастерьевъ едва могъ добиться умѣреннаго благосостоянія, скоро стушевался передъ купцомъ, у котораго погоня за барышомъ не знаетъ никакихъ предѣловъ, капиталъ котораго имѣетъ тенденцію безграничнаго возрастанія, и наконецъ,— что для купца имѣло далеко не послѣднее значеніе — прибыль котораго была громадна. Торговый капиталъ былъ революціонной экономической силой XIV, XV и XVI столѣтій. Вмѣстѣ съ нимъ проникла въ общество новая жизнь, появились новые взгляды: *національность нашего времени родилась*.

Въ средніе вѣка мы находимъ, съ одной стороны, ограниченный партикуляризмъ мелкихъ городовъ и, съ другой,—космополитизмъ, обнимавшій собой весь христіанскій міръ запада. Національное же самосознаніе было чрезвычайно слабо. Крупный торговецъ не могъ ограничиться незначительнымъ раіономъ, какъ крестьянинъ или ремесленникъ. Для него, насколько лишь это возможно, долженъ быть открытымъ весь міръ; онъ старается захватить въ свои руки все новые и новые рынки. Въ противоположность цеховому горожанину, который часто впродолженіе всей своей своей жизни ни разу не выходилъ за черту родного города, купецъ безпрестанно стремится въ неизвѣстныя страны. Онъ переходитъ границы Европы и начинаетъ вѣкъ открытій, который увѣнчивается открытіемъ морского пути въ Индію и Америку; но этотъ вѣкъ, собственно говоря, продолжается еще и въ наше время. Еще и теперь купецъ, а не научный изслѣдователь, является главнымъ двигателемъ экспедицій въ неизвѣстныя страны. Вмѣсто прикрѣпленія къ извѣстной территоріи, торговля ввела тотъ космополитизмъ, который чувствуетъ себя, какъ дома, всюду, гдѣ только можно имѣть какой-нибудь «заработокъ». Одновременно съ

этимъ она противопоставила средневѣковой *универсальности*, выразившейся въ католической церкви, *національность*. Торговля расширила кругозоръ западныхъ народовъ далеко за предѣлы католической церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ она и сузила его въ предѣлахъ собственной націи. Это кажется парадоксальнымъ, тѣмъ не менѣе это фактъ, который легко объяснить. Интересы мелкихъ самостоятельныхъ общинъ среднихъ вѣковъ, если когда и сталкивались, то это бывало чрезвычайно рѣдко. Каждая изъ нихъ довольно безразлично относилась къ внѣшнему міру, пока, конечно, ее оставляли въ покоѣ. Крупный же торговецъ какой бы то ни было общины наталкивается на конкурренцію на всемірномъ рынкѣ, встрѣчаетъ здѣсь противниковъ въ лицѣ купцовъ другихъ общинъ. Далѣе, интересы продавца и покупателя противоположны, на всемірномъ же рынкѣ продавцомъ и покупателемъ являются обыкновенно люди различныхъ странъ. Но торговая прибыль получается именно изъ того, чтобы возможно дешевле купить и продать возможно дороже; при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій прибыль будетъ тѣмъ выше у каждой изъ заинтересованныхъ сторонъ, чѣмъ благопріятнѣе обстоятельства, при которыхъ она выступаетъ. Сила, стоящая за каждой изъ заинтересованныхъ сторонъ, въ этомъ отношеніи вещь далеко не безразличная. Поясникъ примѣромъ. Въ Константинополѣ встрѣчаются венеціанскіе и генуэзскіе купцы съ греческими продавцами. Чѣмъ сильнѣе была Венеція, тѣмъ болѣе значительныхъ торговыхъ привиллегій она могла добиться въ Константинополѣ, тѣмъ выгоднѣе было ея положеніе какъ относительно грековъ, такъ и относительно генуэзцевъ: относительно первыхъ, какъ покупателей, а вторыхъ—какъ конкуррентовъ. Противорѣчія интересовъ на всемірномъ рынкѣ стали національными протирѣчіями, но они вызвали также стремленіе къ національному единству, къ національной силѣ. Чѣмъ сильнѣе было отечество, нація, тѣмъ сильнѣе былъ и купецъ заграницей, тѣмъ значительнѣе были его барыши.

Еще теперь шовинизмъ нигдѣ не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ среди купцовъ, ведущихъ торговлю съ заграницей. И нѣмецкіе купцы, на сколько намъ извѣстно, ушли въ этомъ отношеніи гораздо дальше всѣхъ остальныхъ. Заграничныя корреспонденціи «Kölnische Zeitung» могутъ намъ дать нѣкоторое понятіе о томъ духѣ, который господствуетъ въ нѣмецкихъ «колоніяхъ» Парижа, Лондона и т. д. Да и нѣмецкій купецъ имѣетъ всѣ основанія кричать о «національности». Положеніе его на всемірномъ рынкѣ было раньше въ высшей степени печально: даже южно-американскія республики—и тѣ позволяли себѣ третировать его свысока. Съ возстановленіемъ же германской имперіи, онъ сталъ почтенной особой, которой никто не осмѣлится подставить ножку, особой, которая стоитъ подъ защитой очень выгодныхъ торговыхъ трактатовъ. Едва-ли гдѣнибудь какому-либо классу «національное единство» принесло такую выгоду, какъ нѣмецкому купечеству.

Съ развитіемъ міровой торговли возникли могущественные экономическіе интересы, которые преобразовали государства изъ непрочнаго союза отдѣльныхъ общинъ въ сплоченныя, устойчивыя единицы, но они вмѣстѣ съ тѣмъ обусловили собой распаденіе христіанскаго міра на нѣсколько рѣзко отграниченныхъ націй и обособленіе этихъ послѣднихъ. Послѣ возникновенія міровой торговли, внутренняя торговля тоже не мало способствовала образованію національныхъ государствъ. Торговля естественно стремится сконцентрироваться въ значительныхъ складочныхъ мѣстахъ, въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ сходятся пути сообщенія болѣе или менѣе значительной области. Сюда приходятъ товары изъ-заграницы; изъ этого центральнаго пункта они расходятся по всей странѣ. Здѣсь же собираются и туземные товары для отправки заграницу. Вся область, надъ которой господствуетъ такой складочный пунктъ, становится экономическимъ организмомъ, который является тѣмъ крѣпче и цѣльнѣе, чѣмъ въ большую зависимость онъ становится

отъ центральнаго пункта, чѣмъ сильнѣе развивается въ данной мѣстности товарное производство и чѣмъ болѣе вытѣсняется производство для собственнаго потребленія. Въ этотъ центральный пунктъ направляются люди изъ всѣхъ мѣстностей области, находящейся въ зависимости отъ него: одни,—чтобы остаться здѣсь навсегда, другіе—на время, по своимъ дѣламъ. Этотъ пунктъ возрастаетъ, онъ становится большимъ городомъ, въ которомъ концентрируется не только экономическая, но и умственная жизнь страны. Языкъ этого города становится языкомъ купцовъ и образованныхъ людей; онъ вытѣсняетъ языкъ универсальной церкви, латинскій языкъ; онъ вытѣсняетъ также и народные діалекты: возникаетъ національный языкъ, національная литература и искусство. Государственное управленіе приспособляется къ экономической организаціи. Оно тоже централизируется; въ центральномъ пунктѣ экономической жизни появляется центральная власть; онъ становится главнымъ городомъ, столицей страны и теперь господствуетъ надъ нею не только въ экономическомъ и интеллектуальномъ, но и въ политическомъ отношеніи.

Ходъ этого развитія ускоряется по мѣрѣ того, какъ капиталъ овладѣваетъ не только торговлей, но и производствомъ товаровъ. Только при господствѣ капиталистическаго способа производства—производство для собственнаго потребленія уменьшается до самыхъ незначительныхъ размѣровъ, и товарное производство становится господствующимъ. Вмѣстѣ съ производствомъ для собственнаго потребленія, все болѣе и болѣе исчезаютъ также и тѣ общественныя организаціи, въ которыхъ оно происходило: община, патріархальная семья,—и матеріальное благосостояніе каждаго индивида становится все въ большую и большую зависимость отъ благосостоянія, силы и могущества всей націи. На мѣсто домашняго производства крестьянина для собственнаго потребленія, выступаетъ производство на счетъ капиталиста для внутренняго и внѣшняго рынковъ.

Въ земледѣльческомъ хозяйствѣ тоже получаетъ преобладаніе товарное производство. Чѣмъ выше стоитъ промышленность, чѣмъ меньше стѣснено товарное обращеніе внутри страны, чѣмъ больше вывозъ, чѣмъ благопріятнѣе торговые договоры, чѣмъ значительнѣе барыши капиталистовъ,—тѣмъ выше также и плата, которую получаетъ крестьянинъ за свои продукты, тѣмъ большій спросъ является на хлѣбъ, вино, мясо, кожи, ленъ и т. п. Такимъ образомъ, крестьянинъ тоже становится заинтересованнымъ въ единствѣ и силѣ націи. Вмѣстѣ съ феодализмомъ и марками исчезаетъ также и рыцарское войско. Пѣхота снова становится главной силой арміи. Войско снова становится крестьянскимъ войскомъ. Оно набирается сперва изъ обезземельныхъ крестьянъ, ландскнехтовъ, но вскорѣ вербовщики начинаютъ отрывать крестьянина и отъ плуга. Крестьянинъ вовлекается въ борьбу за единство и силу націи. Борьбой этой руководятъ дворы и города, она часто является династической или торговой войной, и крестьянину приходится расхлебывать кашу, которую они заварили. Въ арміи изглаживаются мѣстныя особенности крестьянина, на полѣ сраженія онъ проникается ненавистью къ враждебнымъ націямъ. Такимъ образомъ, крестьянинъ все болѣе и болѣе втягивается въ національную жизнь, и эта жизнь не ограничивается уже городомъ. Даже низшіе слои рабочаго населенія не остаются въ сторонѣ отъ національной жизни. Эти низшіе слои состоятъ теперь не изъ рабовъ, не изъ живого товара, а изъ свободныхъ пролетаріевъ. Капиталистическая форма производства не могла бы развиться, если бы она не могла располагать людьми, которые могутъ свободно распоряжаться своей рабочей силой, не стѣснясь крѣпостными и цеховыми узами, — свободно, конечно, въ юридическомъ смыслѣ этого слова, на самомъ же дѣлѣ, вынужденные необходимостью продаваться капиталу.

Пока дѣло шло о борьбѣ съ феодальнымъ хозяйствомъ и феодальнымъ государствомъ, интересы пролетаріата совпадали

съ интересами буржуазіи. Узы, стѣснявшія развитіе капиталистической формы производства, стѣсняли также до извѣстной степени и наемнаго рабочаго, мѣшая ему продавать свою рабочую силу возможно выгоднѣе. Чѣмъ быстрѣе развивалась промышленность, чѣмъ больше она овладѣвала рынками какъ внутри страны, такъ и заграницей, тѣмъ болѣе увеличивался спросъ на рабочихъ, тѣмъ значительнѣе были виды рабочихъ на высокую плату. Это особенно имѣло мѣсто при мануфактурной системѣ производства, въ которой машины играли лишь незначительную роль и не сокращали числа необходимыхъ рабочихъ. Всякое стѣсненіе сношеній внутри страны или вывоза заграницу, всякій неблагопріятный торговый договоръ, словомъ, все, что ослабляло единство и силу націи, оказывало крайне неблагопріятное вліяніе и на положеніе рабочаго, и наоборотъ: всякій дальнѣйшій шагъ въ объединеніи и усиленіи націи былъ также шагомъ впередъ и для класса рабочихъ. Еще недавно англійскіе рабочіе вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ чувствовали себя солидарными съ англійскими капиталистами и поэтому были сторонниками исключительной, національной политики. Такъ было повсюду, пока буржуазія оставалась революціонной силой.

Современный пролетаріатъ рекрутируется преимущественно изъ класса крестьянъ и ремесленниковъ. Но съ уничтоженіемъ прикрѣпленія къ землѣ и цеховыхъ узъ, исчезаетъ и вызванный ими мѣстный, ограниченный партикуляризмъ крестьянина и ремесленника. Крестьянинъ и цеховой горожанинъ внѣ своей общины теряютъ всякую почву подъ ногами. Къ нимъ именно относится нѣмецкая пословица: „Bleib'in der Heimath und nähre dich redlich“[1]). Пролетарій же и въ особенности обезземеленный крестьянинъ всего меньше могутъ разсчитывать на

[1]) Соотвѣтствуетъ нашей пословицѣ: «На мѣстѣ камень обростаетъ». Перев.

улучшеніе своего положенія именно въ томъ случаѣ, если они останутся въ своей общинѣ. Для нихъ должна быть открыта вся территорія, принадлежащая націи, для того, чтобы они могли продавать свою рабочую силу возможно дороже. Такимъ образомъ, даже оставляя совершенно въ сторонѣ всѣ остальныя обстоятельства, уже одна потребность пролетаріата въ свободѣ передвиженія сдѣлала его классомъ, интересы котораго, также какъ и интересы буржуазіи, требуютъ національнаго единства. Рабство древнихъ всего менѣе обладало именно этой чертой. Такъ вслѣдствіе экономическаго развитія съ XIV вѣка постепенно возникаетъ современная національность, охватывающая всѣ классы народа. Она есть дѣтище капиталистическаго производства товаровъ и торговли; поэтому условія сношеній являются именно тѣми условіями, которыя существенно опредѣляютъ ея развитіе и образованіе.

Однимъ изъ элементовъ, обусловливающихъ развитіе націи, является географическое положеніе занимаемой ею территоріи; непроходимые горные хребты, громадныя и неудобныя для судоходства рѣки затрудняютъ объединеніе первобытныхъ общинъ въ одну націю; судоходная же рѣка со своими притоками, напротивъ, вызываетъ объединеніе общинъ, расположенныхъ въ ея бассейнѣ. Тамъ, гдѣ нація уже образовалась или, по крайней мѣрѣ, ядро націи, тамъ на ряду съ торгово-географическимъ положеніемъ страны получаетъ громадное значеніе и ея *военное положеніе*. Чрезвычайно важную задачу всѣхъ современныхъ націй составляетъ такое проведеніе границъ, которое бы возможно болѣе облегчало защиту территоріи, принадлежащей націи, и нападеніе на сосѣдей. Одной изъ важнѣйшихъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ французы не могутъ забыть потери Эльзаса, служитъ именно то обстоятельство, что Рейнъ и Вогезы являются единственной естественной защитой Парижа отъ нападеній съ востока. Всякія искусственныя укрѣпленія могутъ лишь въ слабой степени замѣнить этотъ естественный

барьеръ. И если Италія питаетъ гораздо болѣе пламенныя вожделѣнія относительно Трентино, чѣмъ относительно Корсики, Савойи и Тессина, и мечтаетъ не только объ итальянскихъ, но и о нѣмецкихъ частяхъ южнаго Тироля (для нѣкоторыхъ итальянцевъ «неискупленная Италія» простирается до самаго Бреннера),—это происходитъ оттого, что Трентино служитъ удобнѣйшимъ пунктомъ для нападенія на самыя богатыя и промышленныя части Италіи и является дѣйствительно копьемъ, вонзеннымъ въ тѣло Сѣверной Италіи. Вслѣдствіе этихъ причинъ происходитъ то, что націи присоединяютъ къ своимъ территоріямъ области, которыя вовсе не хотятъ присоединенія, экономическіе интересы которыхъ совершенно не совпадаютъ съ интересами завоевателей. Но очень часто изъ политическаго присоединенія возникаетъ экономическое объединеніе:—въ такомъ случаѣ завоеванная область сливается съ завоевавшей ее націей.

Однако важнѣйшимъ факторомъ при образованіи націй служитъ именно тотъ, который является самымъ необходимымъ средствомъ сношеній,—*языкъ*. Безъ взаимнаго пониманія людей, безъ языка общественное производство невозможно. И чѣмъ сложнѣе, чѣмъ развитѣе и непостояннѣе система производства, тѣмъ важнѣе языкъ, тѣмъ обширнѣе должна быть область, которая говоритъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, тѣмъ разнообразнѣе и богаче словарь извѣстныхъ мѣстностей,—конечно, для другихъ мѣстностей онъ въ то же время можетъ потерпѣть значительныя сокращенія. Различіе въ языкѣ представляетъ собой одно изъ важнѣйшихъ препятствій для общественныхъ сношеній, для общественнаго производства. Поэтому товарное производство и торговля заранѣе должны были легче всего объединить въ одну націю, такія общества, члены которыхъ безъ труда понимали другъ друга. Каждый естественно предпочтетъ работать и вообще входить въ экономическія отношенія съ тѣми, съ кѣмъ онъ можетъ объясняться. По мѣрѣ того, какъ шло впередъ современное экономическое развитіе, должна была

поэтому, увеличиться и потребность у всѣхъ, говорящихъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, соединиться въ одно государство,— потребность уничтожить всѣ границы, отдѣляющія людей, а слѣдовательно, и стремленіе отдѣлиться отъ тѣхъ, съ кѣмъ сношенія были невозможны или затруднялись вслѣдствіе различія въ языкахъ.

Современныя націи образовались подъ самыми разнообразными вліяніями,—вліяніями, которыя то перекрещивали, то уничтожали, то усиливали другъ друга. Ни одна изъ современныхъ націй не возникла такимъ же путемъ, какъ другія; но каждая изъ нихъ явилась продуктомъ одинаковаго экономическаго развитія, капиталистическаго производства товаровъ и торговли. Конечно, современная нація, въ противоположность націямъ античнымъ и восточнымъ, обнимаетъ всѣ классы населенія, между тѣмъ какъ на Востокѣ и въ древности рабы, а въ большинствѣ случаевъ и крестьяне были исключены изъ національной жизни, не были заинтересованы въ единствѣ и силѣ націи. Но тѣмъ не менѣе современная національная идея есть въ сущности *буржуазная идея*. Буржуазія и національность нашего времени выросли на одной и той же почвѣ, развитіе одной изъ нихъ способствовало развитію другой, и наоборотъ. И роль, которую играетъ національная идея, соотвѣтствуетъ, такимъ образомъ, роли, выпавшей на долю буржуазіи. Пока буржуазія была революціонной, борьба за національное единство и величіе являлась борьбой высокаго самоотверженія, создавшаго тысячи воодушевленныхъ героевъ, которые страдали и умирали за свою идею, не желая и не ожидая никакой награды. Теперь же національныя идеи стала мантіей, въ которую драпируются всякіе спекулянты и карьеристы. Экономическая подкладка этой идеи стала теперь очевидной.

II.

Классической формой современнаго государства является *національное государство* Но всѣ «классическія формы» существуютъ обыкновенно только *въ тенденціи*, которая рѣдко достигаетъ полнаго осуществленія. Классическая форма, напр., современнаго способа производства—капиталистическая крупная промышленность, но рядомъ съ нею существуетъ еще множество остатковъ прежнихъ формъ производства. Такъ же нѣтъ въ настоящее время и ни одного чисто національнаго государства,—государства, которое бы обнимало всю націю и при этомъ не содержало въ себѣ частей другихъ націй.

Въ Европѣ существуетъ теперь лишь незначительное число государствъ, которыя основаны не на принципѣ національности; эти немногія государства не могутъ считаться современными государствами: такова крестьянская республика Швейцарія, не имѣющая даже главнаго города; таковы Австрія, Россія... Земли австрійской имперіи объединились не вслѣдствіе экономическаго развитія. Эти земли никогда не представляли цѣльной экономической области. Опасность со стороны турокъ, угрожавшая съ XV по XVII ст. южнымъ славянамъ, венграмъ, чехамъ, юго-восточнымъ нѣмцамъ, заставила ихъ тѣсно соединиться другъ съ другомъ. Они бы неизбѣжно погибли, если бы они не поставили всѣхъ своихъ силъ подъ руководство общаго вождя, подъ управленіе Габсбурговъ. Габсбурги стали передовыми борцами Европы съ полумѣсяцемъ. Ихъ паденіе подвергло бы въ большой опасности прежде всего Германію и преимущественно южную Германію. Нѣмецкіе князья никогда такъ не боялись шведовъ и французовъ, какъ турокъ. Держать турокъ подальше—стало послѣдней реальной обязанностью германскаго императора, единственной обязанностью, которую оставили за нимъ нѣмецкіе государи. Такимъ образомъ вышло то, что достоинство германскаго императора стало наслѣдственнымъ въ габсбургскомъ домѣ,

Когда въ прошломъ столѣтіи исчезла опасность со стороны турокъ, изчезло и послѣднее основаніе для существованія римской имперіи нѣмецкой націи. Французская революція уничтожила этотъ призракъ вмѣстѣ со многими другими призраками. Но съ исчезновеніемъ опасности со стороны турокъ уничтожилась также и связь, соединявшая австрійскія земли другъ съ другомъ: въ нихъ начали развиваться центробѣжныя тенденціи.

Государственные люди Австріи пытались и пытаются избѣжать угрожающаго ихъ имперіи разложенія посредствомъ созданія единой обще-австрійской національности. Школа, бюрократія, армія имѣли и теперь имѣютъ своей задачей достиженіе этой цѣли. Но онѣ могутъ достичь лишь самыхъ незначительныхъ результатовъ, если, рядомъ съ нивелировкой во всѣхъ этихъ областяхъ, не происходитъ объединеніе государства въ общій экономическій организмъ съ однимъ центральнымъ пунктомъ, который бы господетвовалъ надъ всей его жизнью. О такомъ объединеніи Австріи не можетъ быть и рѣчи; мало того, повидимому, теперь разрушается въ извѣстномъ отношеніи даже существовавшая до сихъ поръ связь между различными экономическими областями ея. Вѣна, которая должна быть центромъ экономической жизни Австріи, замѣтно теряетъ свое значеніе. Торговля хлѣбомъ, собственно пшеницей, Венгріи и пограничныхъ областей со Швейцаріей, южной Германіей, Франціей и пр. все болѣе концентрируется не въ Вѣнѣ, а въ Буда-Пештѣ. Съ другой стороны, торговля продуктами австрійской промышленности съ востокомъ въ значительной степени идетъ теперь прямо черезъ Тріестъ или Буда-Пештъ, не нуждаясь въ посредствѣ Вѣны. Крупно-промышленная сѣверная Богемія представляетъ совершенно особую область, которая не только по языку, но и географически, а посредствомъ торговаго пути на Эльбѣ и экономически, самымъ тѣснымъ образомъ соединена съ Германіей. Здѣсь «нѣмецкое національное» движеніе прежде всего чувстветъ себя, какъ дома. Такъ же нѣмецкія, но крестьянскія, альпійскія

земли, напротивъ, еще сохранили свой средневѣковый партикуляризмъ; этотъ партикуляризмъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дальше находится данная земля отъ столицы имперіи и чѣмъ менѣе въ ней развитъ національный духъ. Напр., тиролецъ, подобно сосѣднему швейцарцу, находящемуся на такой же ступени экономическаго развитія, какъ и онъ, всецѣло проникнутъ мѣстнымъ партикуляризмомъ, который теперь и въ Баваріи еще очень силенъ. Такимъ образомъ, нѣмцы въ Австріи далеко не представляютъ цѣльной, единой экономической области. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы находимъ въ Австріи совершенно особыя области:—Венгрію, Далмацію, Галицію, изъ которыхъ двѣ послѣднія какъ по языку, такъ и по географическимъ и экономическимъ условіямъ, подобно сѣверной Богеміи, тяготѣютъ къ сосѣднимъ иностраннымъ государствамъ. Наконецъ, между нѣмецкими областями: сѣверной Богеміей и альпійскими землями—и областями Польши, и Венгріи мы находимъ оригинальную экономическую область, не имѣющую прочно установленныхъ границъ и населенную преимущественно чехами. Конечно, интересы чеховъ не могутъ вызвать у нихъ особеннаго тяготѣнія къ заграницѣ; но Россія является общимъ врагомъ ихъ сосѣдей, конкуррентовъ и противниковъ, поэтому они и имѣютъ слабость къ панславизму. Чѣмъ болѣе обостряются въ настоящее время экономическія противоположности, чѣмъ болѣе каждая экономическая область старается развить свою городскую или сельскую промышленность и чѣмъ менѣе она можетъ дѣлать это безъ того, чтобы не вредить экономическому развитію сосѣднихъ странъ,—тѣмъ болѣе должна увеличиваться рознь между различными экономическими областями Австріи, тѣмъ труднѣе должна становиться политика «примиренія» національностей—даже въ томъ случаѣ, если бы Австріи посчастливилось удачно рѣшить «вопросъ о языкѣ».

Ирландія можетъ служить прекраснымъ примѣромъ того, какъ мало рѣшеніемъ «вопроса о языкѣ» устраняются націо-

нальныя противоположности, если при этомъ остаются во всей силѣ противоположности экономическія. Уже болѣе пяти столѣтій Ирландія составляетъ англійское владѣніе [1]); еще со временъ Кромвеля, болѣе двухъ вѣковъ безпрерывно, съ самой жестокой безпощадностью работали надъ истребленіемъ ирландской національности, надъ англизированіемъ Ирландіи. Языкомъ Ирландіи сталъ языкъ англійскій; англійскими стали ея литература, наука, искусство, насколько можно говорить объ ихъ существованіи на этомъ несчастномъ островѣ. И однако національная противоположность между ирландцами и англичанами продолжаетъ существовать и примиреніе между этими народами можетъ быть достигнуто лишь тогда, когда Великобританія возвратитъ Ирландіи ея національную независимость. Экономическія противорѣчія между этими странами вполнѣ сохранились. Ирландія никогда не была составною частью Англіи, она постоянно была только ея завоеванной колоніей, которую всячески эксплуатировали, конкуррентомъ котораго старались сдѣлать безвреднымъ. Экономическому развитію Ирландіи ставили всевозможныя помѣхи: истребляли ея мануфактуры, разстраивали ея сельское хозяйство, держали ея населеніе въ нищенствѣ и невѣжествѣ. Относительно Ирландіи преслѣдовали такую же политику, какъ и относительно американскихъ колоній. Но Ирландія была ближе и слабѣе, чѣмъ эти послѣднія. Ей не удалось завоевать національную независимость и этимъ добиться свободы своего экономическаго развитія; ей не удалось также стать составной частью англійской экономической области и принять участіе въ выгодахъ экономическаго развитія Англіи.

Примѣръ Австріи показываетъ намъ, какъ мало государство можетъ удовлетворять требованіямъ современнаго развитія,

---

[1]) Присоединеніе Ирландіи началось въ царствованіе Генриха II, въ 1169 г.; но прошло почти 400 лѣтъ раньше, чѣмъ она была вполнѣ завоевана.

если оно не національное государство. Изъ примѣра Ирландіи мы видимъ, какъ тѣсно связано экономическое благосостояніе народа — со времени начала его гражданскаго развитія — съ его національной независимостью, съ организаціей націи въ особое, самостоятельное государство. Намъ нечего далеко ходить за другими примѣрами въ подтвержденіе этихъ положеній: краснорѣчивымъ доказательствомъ ихъ истинности можетъ служить сама Германія рядомъ съ Италіей и Польшей. Экономическое развитіе Германіи, также какъ и Италіи, было подорвано въ XVI столѣтіи, такъ какъ со времени открытія морского пути въ Остъ-Индію вокругъ Африки, со времени открытія Америки, торговля съ береговъ Средиземнаго моря перешла на Атлантическій океанъ. Италія, южная Франція, южная Германія еще въ XV в. стояли во главѣ экономическаго развитія Европы; съ этого же времени онѣ были оттиснуты на задній планъ Португаліей, Испаніей, сѣверной Франціей, Нидерландами, Англіей.

Экономическій застой привелъ къ ослабленію національнаго чувства. Это имѣло мѣсто въ Германіи и Италіи въ XV вѣкѣ гораздо въ большей степени, чѣмъ въ XVII: распаденіе на мелкія государства и города, рознь между ними стали типическими особенностями обѣихъ націй. Безсильныя, онѣ были въ полномъ распоряженіи иностранныхъ государствъ, и эти добрые сосѣди, естественно, дѣлали все отъ нихъ зависѣвшее, чтобы сохранить ихъ національную раздробленность и экономическую отсталость, напрягали всѣ усилія, чтобы у нихъ не появился новый противникъ и конкуррентъ. Экономическая отсталость привела къ національной раздробленности, къ потерѣ самостоятельности, что, въ свою очередь, послужило новымъ тормазомъ экономическаго развитія. Дѣло обстояло далеко не такъ, что развитіе Германіи было просто задержано, въ ней удержался патріархальный строй, между тѣмъ какъ во Франціи и Англіи развивался капитализмъ, экспропріировались

Объединеніе и обособленіе современныхъ обществъ въ національныя государства было однимъ изъ могущественнѣйшихъ факторовъ новѣйшаго экономическаго развитія. Но дойдя до изъѣстнаго предѣла, это обособленіе является совершенно излишнимъ, мало того,—оно становится даже тормазомъ дальнѣйшаго развитія.

Чѣмъ дальше развивается современная форма производства, тѣмъ больше должно быть національное государство, если оно хочетъ удовлетворять ея требованіямъ. Отдѣльныя отрасли промышленности для того, чтобы онѣ могли выдержать конкурренцію, должны становиться все сильнѣе и обширнѣе, — все больше и больше должны онѣ доставлять продуктовъ, спеціализація ихъ должна все больше и больше увеличиваться. Производительность и раздѣленіе труда въ обществѣ возрастаютъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ также потребность расширенія внутренняго рынка, необходимость принадлежать къ сильной націи, которая бы могла добиться на всемірномъ рынкѣ возможно болѣе выгодныхъ торговыхъ условій. Одновременно съ этимъ средніе слои общества все болѣе и болѣе пролетаризируются, возрастаетъ «умственный пролетаріатъ», который стремится къ созданію новыхъ «мѣстъ», посредствомъ-ли колоніальной политики, или посредствомъ «освобожденія» какого-нибудь еще не освобожденнаго клочка «національной земли», который какой-либо изъ сосѣдей считаетъ своимъ, и къ исключенію изъ національной службы всѣхъ «ненаціональныхъ» элементовъ. Чѣмъ меньше нація или государство—и въ этомъ отношеніи ему тѣмъ хуже, если оно не національное государство, — тѣмъ меньше возможности имѣютъ они удовлетворять этимъ все возрастающимъ требованіямъ, тѣмъ больше они должны чувствовать потребность или увеличить свою территорію, или войти въ составъ какого-нибудь изъ болѣе значительныхъ сосѣднихъ государствъ. Какъ бы ни расписывали своего патріотизма, напр., бельгійскіе и швейцарскіе фабри-

канты, въ глубинѣ души они питаютъ самыя алчныя вожделѣнія относительно Германіи и Франціи, такъ какъ эти государства достаточно обширны, чтобы оказывать своимъ капиталистамъ «защиту національнаго труда», чтобы добиться выгодныхъ торговыхъ договоровъ, между тѣмъ какъ внутреннія рынки бельгійцевъ и швейцарцевъ слишкомъ незначительны для того, чтобы покровительственныя пошлины могли имѣть для нихъ большое значеніе; мало того, эти пошлины могутъ вызвать лишь невыгодныя послѣдствія для людей, которые должны разсчитывать почти исключительно на вывозъ и вполнѣ предоставлены на произволъ сосѣдей. Если венгры и чехи съ такой лихорадочной торопливостью стараются теперь расширить границы своихъ національныхъ областей,—это въ значительной степени вызывается экономическимъ положеніемъ, которое ставитъ передъ ними альтернативу: или стать большими націями, или совершенно потерять свою экономическую, а вмѣстѣ съ ней и политическую національную жизнь. Чѣмъ больше людей въ Австріи говорятъ по чешски, тѣмъ большее число потребителей могутъ имѣть продукты чешской промышленности; чѣмъ больше чешскихъ школъ, судовъ и должностей съ дѣлопроизводствомъ на чешскомъ языкѣ, тѣмъ больше надеждъ на пріисканіе мѣстъ могутъ имѣть сыновья чешской буржуазіи. Но, вопреки всему этому, германизму не можетъ угрожать опасность со стороны чеховъ даже въ томъ случаѣ, если-бы «нѣмецкимъ національнымъ» капиталистамъ удалось въ конецъ истребить нѣмецкихъ рабочихъ и замѣнить ихъ славянскими, надъ чѣмъ они такъ усердно трудятся. Носить для видимости маску германизма и бросать изрѣдка грошовыя подачки какому-нибудь чахлому нѣмецкому Schulverein'у — конечно, это не такъ убыточно, какъ давать рабочимъ такую плату, при которой бы нѣмецкій рабочій могъ существовать: сверхъ того, первое можетъ служить еще дешевой рекламой, второе же — всего менѣе похоже на нее. Но, несмотря на эту политику, едва-ли можно теперь

серьезно думать о сохраненіи чешской націи. Какъ бы быстро ни усиливалась она, все-таки ей не удастся пріобрѣсти экономическую область такихъ размѣровъ, которая бы при теперешнихъ условіяхъ производства давала ей хоть какую нибудь самостоятельность въ этомъ отношеніи. Капитализмъ развивается быстрѣе, чѣмъ чешская нація, а вслѣдствіе этого она будетъ становиться все въ большую и большую зависимость отъ сосѣдей и прежде всего отъ нѣмецкой націи. Во всякомъ случаѣ, чѣмъ больше людей говорятъ по-чешски, чѣмъ больше чешскихъ школъ, судовъ и т. п., тѣмъ лучшіе виды открываются для чешской промышленности, для чешскаго «умственнаго пролетаріата». Но эти виды становятся еще лучшими по мѣрѣ того, какъ распространяется знаніе нѣмецкаго языка. До сихъ поръ чехи не очень сильно чувствовали потребность въ нѣмецкомъ языкѣ, потому что старшее поколѣніе городского населенія Чехіи еще достаточно владѣетъ имъ. Но старо-чехи, которые не лишены пониманія требованій капитализма, вполнѣ сознаютъ эту необходимость: они стремятся къ расширенію области чешскаго языка, но вовсе не къ вытѣсненію нѣмецкаго изъ чешскихъ округовъ. Фанатическими противниками нѣмцевъ, считающими незнаніе нѣмецкаго языка какой то національной добродѣтелью, являются младо-чехи, представители крестьянства и мелкой буржуазіи. Для этихъ слоевъ умѣнье говорить по-нѣмецки, конечно, не есть экономическая необходимость; но крестьянство и мелкая буржуазія осуждены на гибель, а вмѣстѣ съ ними и языки, на которыхъ они говорятъ. Чѣмъ больше они отступаютъ на задній планъ, чѣмъ больше развивается капитализмъ, тѣмъ больше уменьшается въ Богеміи значеніе чешскаго языка и увеличивается значеніе нѣмецкаго. Всякая попытка воспрепятствовать распространенію въ Богеміи нѣмецкаго языка должна, въ концѣ концовъ, являться тормазомъ экономическаго развитія этой страны. Всякое же содѣйствіе развитію чешской національности врядъ-ли означаетъ

теперь содѣйствіе экономическому развитію [1]). Чехи, впрочемъ, могутъ утѣшиться: такая же судьба грозитъ и болѣе значительнымъ націямъ.

Быстро возрастаетъ производительная сила крупной промышленности; число націй, въ которыхъ она является господствующей формой производства, все увеличивается. Теперь уже не три или четыре націи конкуррируютъ другъ съ другомъ на трехъ или четырехъ рынкахъ, какъ это было въ началѣ развитія національностей нашего времени: всѣ цивилизованныя націи выступили теперь на поле битвы, всѣ онѣ борятся за всѣ рынки всего міра. Для людей, принимающихъ участіе въ этой борьбѣ, уже не достаточно знать какой-нибудь одинъ языкъ. Кто больше знаетъ языковъ, тотъ имѣетъ больше шансовъ одержать верхъ надъ своими конкуррентами, говорящими только на одномъ языкѣ. Если нѣмецкая промышленность сдѣлала въ послѣднее время такіе быстрые успѣхи на всемірномъ рынкѣ, она въ значительной степени обязана этимъ космополитическому духу нѣмцевъ, который такъ часто подвергается нападкамъ съ національной стороны. Между нѣмецкими купцами знаніе иностранныхъ языковъ распространено гораздо больше, чѣмъ между англійскими и французскими, которые все еще находятся подъ вліяніемъ традиціи, будто весь міръ говоритъ ихъ языками. Чѣмъ больше увеличиваются международныя сношенія, тѣмъ больше чувствуется потребность въ международномъ средствѣ этихъ сношеній, въ универсальномъ языкѣ. Языка этого, понятно, нельзя произвольно выдумать,—да и потребность, о которой мы говоримъ, сводится отнюдь не къ *увеличенію* числа существующихъ языковъ какимъ-нибудь новымъ, къ тому же еще сом-

---

[1]) Знаніе нѣмецкаго языка распространялось бы въ Германіи гораздо быстрѣе, чѣмъ это имѣетъ мѣсто теперь, если бы нѣмцы *не навязывали* чехамъ своего языка, что дѣлается не съ той цѣлью чтобы доставить имъ какія либо выгоды, а лишь затѣмъ, чтобы овладѣть ихъ экономической областью.

нительнаго достоинства, а къ *уменьшенію* числа языковъ, необходимыхъ для того, чтобы сноситься съ міромъ. Волапюкъ врядъ-ли выйдетъ изъ положенія условнаго, тайнаго языка немногихъ посвященныхъ. Гораздо вѣроятнѣе, что универсальнымъ языкомъ станетъ какой-нибудь изъ теперь уже существующихъ. Уже и теперь для того, чтобы быть «образованнымъ», чтобы имѣть возможность принимать живое участіе въ современной экономической и духовной жизни, — необходимо, кромѣ родного языка, понимать еще какой-нибудь изъ «міровыхъ» языковъ или даже говорить на немъ. Эта необходимость будетъ все болѣе и болѣе увеличиваться; національные языки займутъ относительно «міровыхъ» такое же положеніе, какое занимаютъ теперь различныя нарѣчія относительно литературнаго языка. Они будутъ все болѣе и болѣе ограничиваться областью «домашняго употребленія» и здѣсь, наконецъ, займутъ такое же положеніе, какъ какая-нибудь старинная фамильная мебель, которую цѣнятъ и тщательно сохраняютъ, но не придаютъ ей никакого практическаго значенія. Все болѣе и болѣе будетъ распространяться знаніе языковъ, на которыхъ говорятъ въ крупныхъ центрахъ международныхъ сношеній: Лондонѣ, Нью-Іоркѣ, Парижѣ, Берлинѣ. Но и эти языки будутъ смѣнять другъ друга въ распространенности и господствѣ,—какъ, въ какомъ порядкѣ?—это, понятно, врядъ-ли можно теперь предвидѣть. Во всякомъ случаѣ, условіями, которыя доставятъ побѣду тому или другому изъ нихъ, будутъ экономическія условія, а не какія-нибудь граматическія или фонетическія преимущества. У мелкихъ націй уже и теперь сильно сказывается настоятельная необходимость выйти изъ предѣловъ національнаго языка къ какому-нибудь общему языку не только въ экономической, но и въ литературной и научной жизни. Въ Венгріи, Богеміи, Скандинавіи, Даніи, Голландіи теперь всякій, кто только хочетъ представить міру какую-нибудь значительную научную работу, пользуется для этого не

отечественнымъ языкомъ, а нѣмецкимъ или французскимъ. Національныя соображенія часто мѣшаютъ этому, но ужъ ни въ коемъ случаѣ не къ выгодѣ развитія.

Но потребность въ универсальномъ языкѣ есть только симптомъ потребности въ объединеніи націй современной цивилизаціи въ одну экономическую область, потребности въ уничтоженіи національныхъ разграниченій. Первобытныя мелкія общины довлѣли самимъ себѣ: онѣ сами производили все, въ чемъ онѣ нуждались. До извѣстной степени это имѣло мѣсто также и у современныхъ націй въ началѣ ихъ существованія. Конечно, внѣшняя торговля была могучимъ двигателемъ ихъ развитія, но объектами ея являлись предметы роскоши: дорогія ткани, мѣха, украшенія, пряности и т. п. Относительно же удовлетворенія насущныхъ потребностей каждая нація являлась самостоятельной, самодовлѣющей экономической областью. Все это теперь совершенно измѣнилось. Предметы роскоши въ международной торговлѣ теперь совершенно ступневались передъ товарами, служащими удовлетворенію потребностей первой необходимости. Еще лѣтъ 50 тому назадъ никто не могъ даже предчувствовать, до какихъ громадныхъ размѣровъ дойдетъ международная торговля хлѣбомъ, скотомъ, деревомъ, каменнымъ углемъ, металлическими издѣліями и т. п. Ни одно изъ государствъ современной цивилизаціи не составляетъ теперь вполнѣ независимой экономической области. Отдѣльныя національности все тѣснѣе и тѣснѣе сближаются другъ съ другомъ; все болѣе и болѣе возрастаетъ число экономическихъ точекъ соприкосновенія между ними,—отношеній, которыя настоятельно требуютъ совмѣстнаго, международнаго регулированія. Когда въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Соединенныхъ Штатахъ вспыхнула война за освобожденіе,—сейчасъ же прекратился подвозъ въ Англію сѣверо-американскаго хлопка. Англійская хлопчатобумажная промышленность почувствовала недостатокъ въ сыромъ матеріалѣ: слѣд-

ствіемъ этого былъ страшный кризисъ. Теперь безчисленныя отрасли промышленности въ каждомъ современномъ государствѣ находятся въ такой же зависимости отъ чужихъ странъ, въ какой находилась тогда англійская хлопчатобумажная промышленность. Къ этому надо еще прибавить, что большая часть промышленныхъ государствъ находятся въ безусловной зависимости отъ «заграницы» въ полученіи предметовъ первой необходимости. При такихъ обстоятельствахъ всякое прекращеніе международныхъ сношеній, напр., вслѣдствіе міровой войны вызвало бы не только кризисъ такихъ размѣровъ, что хлопчатобумажный кризисъ 1862 года показался бы передъ нимъ просто невинной шуткой: оно вызвало бы банкротство цѣлыхъ отраслей промышленности и самый страшный голодъ, какого еще не видало наше поколѣніе. По мѣрѣ того, какъ каждое государство становится все въ большую и большую экономическую зависимость отъ чужихъ странъ, значеніе внутренняго рынка, сравнительно съ внѣшнимъ, уменьшается. Производительность труда въ теперешней крупной промышленности возрастаетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ національное потребленіе; увеличеніе внѣшняго рынка становится важнѣйшей потребностью. Но это увеличеніе совершается не такъ быстро, какъ возрастаетъ производительность труда. Мы стоимъ передъ международнымъ хроническимъ перепроизводствомъ, которое является страшнымъ тормазомъ экономическаго развитія. Національныя стремленія, какъ ни выгодны они были до сихъ поръ, становятся въ этомъ отношеніи все болѣе и болѣе безполезными, а иногда даже прямо вредными. Стремленія къ возможно большему объединенію, самостоятельности и силѣ націи уже не въ состояніи доставить крупной промышленности достаточный сбытъ. Для дальнѣйшаго возрастанія промышленности необходимъ теперь новый двигатель экономическаго развитія: мѣсто конкурренціи на внѣшнемъ и внутреннемъ рынкахъ должно теперь занять международное регулированіе производства. Это регулированіе

должно быть международнымъ, потому что теперь невозможно ни одно значительное измѣненіе способа производства у какой бы то ни было изъ современныхъ націй, которое бы не отозвалось самымъ чувствительнымъ образомъ и на остальныхъ, а также и потому, что крупная промышленность нуждается въ такой экономической области, которая выходитъ далеко за предѣлы современныхъ націй.

Но это международное регулированіе не можетъ совершиться безъ громадныхъ измѣненій въ экономической жизни каждой отдѣльной націи; національныя противоположности не могутъ быть устранены безъ прекращенія конкурренціи, безъ уничтоженія главнаго стимула ея,—барыша. Поэтому-то буржуазія такъ упорно противодѣйствуетъ не только этому регулированію, но и всему, что, хоть сколько-нибудь напоминаетъ его, какъ, напр., международное рабочее законодательство. Да ей и не остается ничего иного, какъ напирать на дѣйствовавшій до сихъ поръ рычагъ экономическаго развитія и напирать тѣмъ сильнѣе, чѣмъ отчаяннѣе становится ея положеніе. Такимъ образомъ, съ нѣкоторыхъ поръ, именно во времена промышленныхъ кризисовъ, снова выступаютъ традиціонныя «національныя» стремленія и притомъ тѣмъ рѣзче, чѣмъ больше крупная промышленность переростаетъ національныя ограниченія, чѣмъ настоятельнѣе она нуждается въ международной экономической области. Перепроизводство теперь такъ велико, что при современныхъ отношеніяхъ нечего даже думать о томъ, чтобы можно было сбыть всѣ продукты крупной промышленности. Отдѣльные капиталисты отдѣльныхъ націй могутъ надѣяться на сбытъ всѣхъ продуктовъ лишь въ томъ случаѣ, если бы они сумѣли впродолженіе долгаго времени предлагать продукты дешевле, чѣмъ ихъ конкурренты. Но это подвергло бы большой опасности ихъ барыши! И вотъ, ради спасенія этихъ барышей капиталисты апеллируютъ къ націи, къ національной солидарности, которая должна состоять въ томъ, чтобы рабочіе, крестьяне и мелкое

мѣщанство въ той или иной формѣ—въ видѣ налоговъ, таможенныхъ сборовъ и т. п.—покрыли изъ своихъ собственныхъ кармановъ всѣ убытки, какіе необходимо понести для «одолѣнія наслѣдственнаго врага» на всемірномъ рынкѣ. Таково существенное содержаніе теперешней «національной» экономической политики почти всѣхъ современныхъ націй. Рядомъ съ этимъ необходимо всѣми мѣрами содѣйствовать развитію національной промышленности и, елико возможно, стараться подорвать промышленность иностранную посредствомъ торговыхъ договоровъ, колоніальной политики и т. п. Снова выдвигаются всѣ старинныя средствица меркантильной политики XVII и XVIII вѣковъ и притомъ, насколько это возможно, въ еще болѣе рѣзкой формѣ. Все громче и громче кричатъ о необходимости національнаго покровительства торговлѣ; все рѣзче и рѣзче выступаетъ раздраженіе противъ иностранныхъ конкуррентовъ. Для иныхъ «патріотовъ» далеко не было бы нежелательнымъ даже новое изданіе торговыхъ войнъ прошлаго столѣтія. Но если тогда торговая война являлась для націи, одержавшей по бѣду, новымъ толчкомъ на пути экономическаго развитія,—теперь это развитіе требуетъ международной солидарности и война теперь означаетъ банкротство экономической системы. Отсталые классовые интересы буржуазіи требуютъ теперь не только сохраненія, но даже усиленія національныхъ ограниченій, усиленія національной вражды къ иноплеменникамъ. Такимъ образомъ, они впадаютъ во все большее и большее противорѣчіе съ условіями и требованіями дальнѣйшаго экономическаго развитія.

Въ противоположномъ этому, условія дальнѣйшаго экономическаго развитія вполнѣ совпадаютъ съ классовыми интересами пролетаріата. Такъ же, какъ за гражданскую свободу, пролетаріямъ приходится стоять за единство и самостоятельность націи противъ реакціонныхъ, партикуляристическихъ элементовъ и противъ всякихъ нападеній извнѣ. Въ этомъ смыслѣ инте-

ресы пролетаріевъ вполнѣ національны. Но они не могутъ стать въ противорѣчіе съ интересами пролетаріевъ другихъ національностей. Капиталисты одной націи сильно и прямо заинтересованы въ томъ, чтобы ихъ иностранные товарищи производили при возможно болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ. Рабочіе же одной націи кровно заинтересованы въ томъ, чтобы ихъ иностранные товарищи находились въ возможно болѣе благопріятномъ положеніи. Чѣмъ высшую плату получаетъ рабочій въ Германіи, чѣмъ надежнѣе и прочнѣе нѣмецкія рабочія организаціи и т. д., тѣмъ лучше не только для нѣмецкихъ рабочихъ, но и для швейцарскихъ, французскихъ, англійскихъ и т. д., и—наоборотъ. Чѣмъ обезпеченнѣе положеніе рабочихъ одной націи, тѣмъ больше у нихъ резоновъ оставаться дома вмѣсто того, чтобы эмигрировать въ сосѣднія страны и дѣлать подрывъ мѣстнымъ рабочимъ, тѣмъ меньше возможности имѣютъ капиталисты этой націи въ пылу отчаянной конкурренціи понижать цѣны на товары и заработную плату за-границей.

Чѣмъ больше развивается современная система производства, тѣмъ прочнѣе становится международная солидарность рабочихъ, но одновременно съ этимъ—тѣмъ больше ослабляется солидарность между рабочими и капиталистами одной и той же націи. То же самое развитіе, которое создало національности нашего времени, создало также и современныя классовыя противорѣчія. Къ нимъ можно примѣнить слова Платона, сказанныя имъ относительно общинъ его времени, что каждая изъ нихъ состоитъ изъ двухъ, враждебныхъ другъ другу общинъ: общины богатыхъ и общины бѣдныхъ. Во всемірной римской имперіи общественныя противорѣчія были такъ велики и процессъ разложенія римской націи, если вообще можно говорить о римской націи, былъ настолько невыносимъ, что многіе смотрѣли на враговъ страны, на германскихъ варваровъ, какъ на спасителей. До этого теперь еще не дошло, по крайней мѣрѣ, въ національныхъ государствахъ, да и со стороны пролетаріата,

какъ мы думаемъ, никогда и не дойдетъ. Правда, противорѣчія между буржуазіей и пролетаріатомъ все болѣе и болѣе увеличиваются, но одновременно съ этимъ пролетаріатъ по своей численности, интеллигентности и энергіи все болѣе и болѣе становится дѣйствительнымъ ядромъ націи, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше его интересы совпадаютъ съ интересами націи. Такимъ образомъ, всякая политика, враждебная націи, была бы просто самоубійствомъ со стороны пролетаріата. Да и ни одному изъ членовъ этого класса и въ голову не придетъ поддерживать такую политику. Скорѣе поклонники Деруледа или «Kölnische Zeitung» и имъ подобные исключительно патріотическіе элементы именно вслѣдствіе своей «національной» политики станутъ въ противорѣчіе съ интересами націи, такъ какъ они тормозятъ экономическое развитіе ея, ставятъ преграды соединенію ея съ другими націями въ общемъ трудѣ. И не знаменательно ли то, что «національная» пресса той или иной страны скорбитъ о повышеніи заработной платы рабочихъ—т. е. громадной части націи,—какъ о «національномъ» бѣдствіи?!

IV

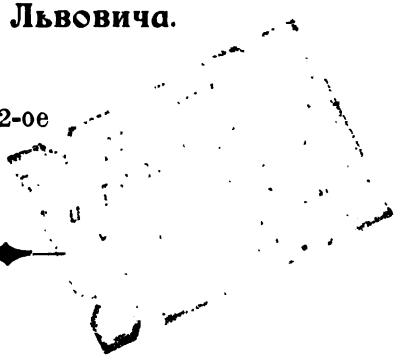
Всеобщая библіотека Г. Ѳ. Львовича.

К. Каутскій.

Развитіе государственнаго строя на Западѣ.

Переводъ Г. Ѳ. Львовича.

Изданіе 2-ое



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Альтшулера Эртелевъ пер. 17—9.
1905.

Дозволено цензурою СПБ. 23 Марта 1905 г.

РАЗВИТІЕ ГОСУДАРСТВЕННАГО СТРОЯ НА ЗАПАДѢ *).

I.

Общественность въ первобытныя времена.

Говорятъ, что въ первобытныя времена обыкновенно существовало такъ называемое «непосредстственное народное законодательство». Сторонники этого взгляда любятъ останавливаться на германцахъ, какъ они описаны Тацитомъ и Цезаремъ, и рисовать картину того вольнаго и счастливаго общественнаго строя, который существовалъ, по ихъ увѣреніямъ, до тѣхъ поръ, пока насиліе и коварство не уничтожили непосредственнаго народнаго законодательства.

Остановимся и мы на тѣхъ временахъ. Если мы разсмотримъ основы народнаго законодательства и причины его паденія, то намъ уяснятся также нѣкоторыя обстоятельства, имѣющія значеніе и для современнаго движенія въ пользу непосредственнаго народнаго законодательства.

О народномъ законодательствѣ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, у германцевъ временъ Цезаря, также какъ и у другихъ народовъ, стоящихъ на той же ступени развитія,— не можетъ быть и рѣчи. Дѣло въ томъ, что на этой ступени

*) Этотъ этюдъ былъ напечатанъ въ журналѣ «Міръ Божій» (1894 г. кн. 5, 6 и 7) подъ заглавіемъ: «Общественно-историческіе очерки»; впослѣдствіи онъ перепечатывался въ первомъ и второмъ изданіяхъ «Очерковъ и этюдовъ» К. Каутскаго подъ заглавіемъ «Развитіе формъ законодательства» Г. Л.

развитія законовъ вовсе не существуетъ. Дѣятельность древнегерманскихъ народныхъ собраній имѣетъ очень мало общаго съ тѣмъ, что теперь называютъ законодательствомъ. Дѣйствительно, собраніе всѣхъ свободныхъ воиновъ племени представляло собой высшую инстанцію для рѣшенія всѣхъ дѣлъ, интересовавшихъ племя. Оно избирало должностныхъ лицъ, судило провинившихся, рѣшало споры, возникавшіе между членами племени, регулировало отношенія къ другимъ племенамъ и т. д. Такъ какъ общественныя отношенія въ тѣ времена почти совершенно не измѣнялись и въ теченіе цѣлыхъ столѣтій оставались одинаковыми, то и дѣла, поступавшія на рѣшеніе племени, были обыкновенно однородныя. Поэтому въ рѣшеніи дѣлъ на собраніи большую роль играли традиціи и старики, охранявшіе эти традиціи въ своей памяти.

Какъ для дѣлъ, охватывавшихъ все племя, высшую инстанцію составляло племенное собраніе, такъ и для какой-нибудь части племени подобной же инстанціей служило собраніе ея воиновъ.

Возьмемъ еще болѣе раннюю ступень развитія, — ту, напримѣръ, на которой находились сѣверо-американскіе индѣйцы во время открытія Америки. Здѣсь мы найдемъ еще болѣе демократическіе порядки: доступъ въ народныя собранія имѣютъ здѣсь и женщины. Такимъ образомъ, у германцевъ временъ Цезаря и даже Тацита, сравнительно съ индѣйцами, понятіе «народа» уже сужено: оно обнимаетъ только мужчинъ, да и то не всѣхъ безъ исключенія,—попадаются уже и несвободные мужчины, лишенные политическихъ правъ.

Какъ же это вышло, что женщины оказались исключенными изъ народа? Традиціонный отвѣтъ на этотъ вопросъ состоитъ въ ссылкѣ на теорію насилія, которой вообще любятъ объяснять всякое подчиненіе одного класса другимъ. Говорятъ, что мужчины, какъ болѣе сильные, поработили женщинъ. Многіе принимаютъ эту теорію, какъ выводъ изъ теоріи Дарвина

Если,—говорятъ они,—неравенство въ силѣ и умственныхъ способностяхъ индивидовъ всегда существовало и всегда будетъ существовать, то, значитъ, общественныя различія имѣютъ основаніе въ самой природѣ и должны остаться на вѣки вѣковъ; измѣненіямъ же можетъ подвергаться развѣ лишь ихъ форма. Но въ виду такихъ выводовъ теоріи насилія, непонятно, отчего ее съ особенной любовью, приняли противники классовыхъ различій. Теорія насилія не только безутѣшна, но и ничего не объясняетъ. Ибо если изъ нея можно сдѣлать выводъ, что классовыя различія имѣютъ основаніе въ самой природѣ, что они вѣчны, то, принимая ее, необходимо также принять, что они существовали испоконъ вѣковъ, съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ люди. Однако мы знаемъ, что это невѣрно. Мы знаемъ, что первоначальное равенство лишь постепенно уступило мѣсто неравенству, и что каждый шагъ въ этомъ отношеніи свойствененъ каждой отдѣльной ступени развитія. Различія между болѣе сильными и менѣе сильными, между болѣе способными и менѣе способными, которыя всегда были и всегда будутъ, нисколько не могутъ намъ разъяснить, отчего у всѣхъ народовъ на той или иной ступени культурнаго развитія тотъ или иной сортъ якобы болѣе сильныхъ и умныхъ людей почувствовалъ потребность поработить слабыхъ и недалекихъ, и отчего это удалось именно на такой-то ступени развитія? Разъясненія тутъ надо искать, конечно, не въ «природѣ человѣка», а въ особенностяхъ соотвѣтствующей ступени культурнаго развитія. Не теорія насилія, а только эти особенности могутъ дать намъ ключъ къ пониманію классовыхъ различій, образовавшихся въ ихъ время.

Основу особенностей каждой ступени культурнаго развитія составляетъ свойственный ей способъ производства. Имъ объясняется особое общественное значеніе различныхъ классовъ, а общественное значеніе каждаго класса опредѣляетъ ту роль которую онъ играетъ въ обществѣ.

Первое раздѣленіе труда, на которое мы наталкиваемся въ исторіи, произошло между мужчиной и женщиной. Когда на высшихъ ступеняхъ дикаго состоянія начинаетъ развиваться домашняя жизнь, завѣдываніе ею становится удѣломъ женщины. Пріобрѣтеніе внѣ дома все болѣе и болѣе переходитъ въ вѣдѣніе мужчины. Какія причины здѣсь дѣйствовали, — объ этомъ мы можемъ дѣлать одни лишь предположенія.

Во время всего длиннаго періода варварства техническій прогрессъ совершался, главнымъ образомъ, въ области домашнихъ работъ, падавшихъ на женщинъ. Поэтому область женскаго труда чрезвычайно расширилась. Къ «женственнымъ» занятіямъ относились тогда скотоводство и земледѣліе; далѣе, сюда относилась обработка большинства сырыхъ матеріаловъ, тканье и плетеніе, приготовленіе глиняной посуды и т. д. У многихъ народовъ даже трудное дѣло постройки хижинъ было возложено исключительно на женщинъ.

Работа же мужчины въ періодъ варварства увеличивалась лишь медленно или даже вовсе не увеличивалась. Онъ остается тѣмъ же, чѣмъ былъ и раньше: воиномъ и охотникомъ. Только тамъ, гдѣ скотоводство развивается до болѣе значительныхъ размѣровъ, занятіе имъ распространяется также и на мужчинъ, но большею частью лишь на молодежь, не достигшую возраста воина. Не удивительно, что женщина, сравнительно съ мужчиной, представляется какимъ-то вьючнымъ животнымъ. Она такъ завалена работой, что у нея совершенно нѣтъ времени для того, чтобы принимать участіе въ общественной жизни. Да ей и невозможно оставлять домъ на болѣе или менѣе продолжительное время, потому что присутствіе ея здѣсь необходимо по цѣлымъ днямъ и часамъ. Отъ этого-то и произошло, что женщина въ періодъ варварства все болѣе и болѣе исчезаетъ съ поля общественной жизни, принимаетъ въ ней участіе лишь чрезъ посредство мужчинъ-представителей и, наконецъ, не принимаетъ уже никакого участія.

Совершенно иное положеніе мужчины. Присутствіе его дома не необходимо; онъ можетъ уходить на цѣлые дни и недѣли: домашнія дѣла отъ этого нисколько не страдаютъ. И на этой ступени развитія онъ можетъ посвящать свое время общественной жизни такъ же, какъ и въ періодъ дикаго состоянія,— насколько вообще можно говорить объ общественной жизни въ дикомъ состояніи. Для этого у него теперь даже больше времени, чѣмъ было прежде, вслѣдствіе того, что увеличился трудъ женщины, при которой, на высшихъ ступеняхъ развитія, уже имѣются рабы-помощники. Такимъ образомъ, мы находимъ здѣсь крайне оживленную, демократическую жизнь мужчинъ, многочисленныя собранія всякаго рода, продолжающіяся часто по нѣсколько дней и сопровождающіяся пиршествами,—собранія, на которыхъ народъ обсуждаетъ и рѣшаетъ всевозможныя дѣла.

Чѣмъ меньше мужчина становился связаннымъ съ домомъ, тѣмъ болѣе широкіе размѣры могла принимать общественная жизнь, нисколько не теряя своей демократической подкладки. Прогрессъ въ способѣ производства доставилъ возможность на одной и той же территоріи кормиться большему количеству людей, чѣмъ прежде, а увеличивающаяся независимость мужчины отъ дома позволяла ему предпринимать все болѣе и болѣе отдаленныя путешествія для посѣщенія народныхъ собраній.

Такимъ образомъ, въ періодъ варварства предѣлы племенъ все болѣе и болѣе расширяются. Это, въ концѣ концовъ, приводитъ къ тому, что нѣсколько племенъ сливаются въ одинъ народъ, у котораго, также какъ у племени и рода, народное собраніе составляетъ высшую инстанцію для всѣхъ общественныхъ дѣлъ.

II.

Общественность въ періодъ цивилизаціи.

Но на этой ступени развитіе не останавливается. Многіе народы прошли ее и достигли цивилизаціи.

Важнѣйшимъ средствомъ къ этому послужило развитіе земледѣлія. Оно все болѣе и болѣе выступало на первый планъ; охота, а въ большинствѣ случаевъ и скотоводство (за исключеніемъ мѣстностей, слишкомъ неудобныхъ для земледѣлія) играютъ все менѣе важную роль; наконецъ, охота изъ средства добыванія пищи превращается въ спортъ, въ простое развлеченіе. Особенно быстро произошелъ этотъ переворотъ, подъ вліяніемъ римской культуры, у германцевъ во время переселенія народовъ. Но мы не будемъ касаться тѣхъ особенностей, которыя были вызваны вліяніемъ римской культуры, а остановимся лишь на типичныхъ сторонахъ развитія германскихъ народовъ.

Чѣмъ больше земледѣліе (а рядомъ съ нимъ и скотоводство) становилось главнымъ источникомъ доходовъ мелкихъ общинъ или патріархальныхъ семействъ, тѣмъ болѣе недостаточными оказывались силы женщины для выполненія хозяйственныхъ работъ. Во времена Тацита ей уже должны были помогать въ занятіяхъ по земледѣлію рабы, а также и свободные, но неспособные къ ношенію оружія, мужскіе члены семьи: дѣти, подростки и старики. Вскорѣ должны были принять участіе въ этихъ работахъ и воины. Охотникъ и воинъ превратились во время переселенія народовъ въ земледѣльцевъ; они, подобно женщинамъ, прикрѣпляются теперь къ дому, а такъ какъ сравнительно высокая ступень развитія, достигнутая теперь земледѣліемъ, не позволяетъ уже переносить жилище съ мѣста на мѣсто, то люди съ этихъ поръ становятся крѣпкими землѣ, осѣдлыми.

Этотъ переворотъ въ способѣ производства приводитъ къ перевороту и во всемъ политическомъ и соціальномъ строѣ.

На болѣе раннихъ ступеняхъ культурнаго развитія война играла выдающуюся роль въ производствѣ; она обыкновенно была борьбой за самое важное средство производства, территорію, необходимую для охоты или скотоводства, которую надо было защищать или завоевать. Гдѣ дикое племя жило по сосѣдству съ цивилизованнымъ, тамъ къ войнѣ за спорную область присоединялся еще хищническій набѣгъ, — предпріятіе, приносившее воинственнымъ варварамъ богатую добычу. Были такія варварскія племена, у которыхъ грабежъ цивилизованныхъ сосѣдей составлялъ главный способъ пріобрѣтенія. Быть воиномъ при подобныхъ обстоятельствахъ было очень выгодно, и это стоило очень мало. Оружіе, необходимое для войны, было большею частью то же самое, какое употреблялось на охотѣ, бывшей самой важной отраслью пріобрѣтенія. А во времени для военныхъ предпріятій, какъ мы видѣли, недостатка не было.

Иной оборотъ принимаютъ дѣла, когда пастушескія или охотничьи племена переходятъ къ земледѣлію. Отъ войны земледѣлецъ не можетъ получить какихъ-либо значительныхъ выгодъ. Сидя на своей землѣ, онъ не нуждается въ чужой территоріи. Чтобы занять новую землю, ему пришлось бы бросить то, что онъ съ большимъ трудомъ пріобрѣлъ. Грабежъ тоже не обѣщаетъ ему особенно привлекательной добычи: сосѣди его стоятъ или на той же ступени культурнаго развитія, что и онъ, или даже на низшей. Но если польза, которую можно извлечь изъ войны, для него уменьшается, то тяготы ея увеличиваются. Новыя орудія производства не годятся для военнаго ремесла. Одновременно съ техникой земледѣлія развивается также и техника войны; война начинаетъ уже требовать дорогого вооруженія, которое для трудовой жизни совершенно непригодно.

Но важнѣйшее обстоятельство здѣсь состоитъ въ слѣдующемъ. Земледѣлецъ прикрѣпленъ къ своему дому и землѣ; бываютъ времена, когда онъ не можетъ оставить земли безъ огромнаго ущерба своему дѣлу. Поэтому продолжительный походъ подвергаетъ опасности все существованіе какъ его, такъ и его семьи.

Воинское право свободнаго человѣка, которымъ онъ такъ гордился, превращается теперь въ воинскую повинность; эта повинность становится все болѣе и болѣе тяжелой, ввергаетъ земледѣльца въ бездну долговъ, въ нищету и разоряетъ его.

Но вести ли войну, или нѣтъ, это вовсе не зависитъ отъ воли земледѣльца. Не говоря уже о причинахъ завоевательныхъ войнъ того времени — останавливаться на которыхъ мы не будемъ, чтобы не осложнять дѣла, — одно благосостояніе, доставляемое земледѣліемъ, постоянно подстрекаетъ варварскія, пастушескія подвижныя племена къ хищническимъ набѣгамъ; земледѣльцу приходится бросать полевыя работы и готовиться къ защитѣ.

Что дѣлать въ такомъ положеніи? Чтобы не потерять всего, земледѣлецъ долженъ пожертвовать частью своего достоянія. Трудъ достигъ на этой ступени развитія уже такой производительности, что онъ даетъ больше, чѣмъ безусловно необходимо для содержанія производителя и его семьи. Этотъ излишекъ позволяетъ земледѣльцу нанять себѣ защитниковъ. Снабжая средствами къ существованію особый классъ людей, земледѣльцы даютъ этому классу возможность предаваться военному ремеслу безъ ущерба хозяйству, какъ въ періодъ варварства трудъ женщины давалъ мужчинѣ возможность совершать отдаленныя и продолжительныя странствованія съ охотничьими или военными цѣлями. Этотъ классъ снимаетъ съ земледѣльцевъ воинскую повинность и защищаетъ страну и ея населеніе.

Такова экономическая основа касты воиновъ. Каста эта,

подъ вліяніемъ разнообразныхъ историческихъ условій, при которыхъ она складывается, принимаетъ самыя разнообразныя формы: то вожди племенъ и родовъ и другія должностныя лица общинъ со своими свитами и слугами превращаются въ военную аристократію, то функціи, а слѣдовательно, и преимущества дворянства принимаетъ на себя какое-нибудь варварское племя, вторгшееся въ страну, то роль эта выполняется ордами наемниковъ, и т. д. Но какъ ни разнообразны формы военныхъ кастъ, появленіе ихъ можно замѣтить всюду, гдѣ земледѣліе становится главной отраслью производства,—разумѣется, кромѣ совершенно недоступныхъ мѣстностей: военная каста на этой ступени развитія является экономической необходимостью. Что при возникновеніи ея чаще всего дѣло не обходится безъ насилія,—это ничего не доказываетъ: сила—не мать, а лишь акушерка новаго общества.

Но то, что случилось съ воинской повинностью, постигло также и общественное управленіе, законодательство и судъ. Общество все болѣе и болѣе осложнялось; развивалось раздѣленіе труда, возникало раздѣленіе населенія по занятіямъ и классамъ; частная собственность увеличивалась по размѣрамъ и значенію; управленіе обществомъ, законодательство и судъ становились все сложнѣе и труднѣе. Народныя собранія, устраивавшіяся время отъ времени для рѣшенія этихъ дѣлъ и руководившіяся традиціями, не могли уже удовлетворять общественнымъ потребностямъ. И когда задачи народныхъ собраній возрастали, у массы населенія исчезала склонность, даже возможность посѣщать ихъ въ надлежащей степени.

Такъ же, какъ воинскую повинность, земледѣлецъ все болѣе и болѣе норовилъ перенести на другихъ и свои политическія и судебныя обязанности,—понятно, не безъ соотвѣтствующаго вознагражденія.

Естественнѣе всего было передать ихъ тѣмъ людямъ, которые взяли на себя и воинскую повинность. Дѣйствительно, мы

видимъ, что вездѣ, гдѣ это развитіе совершалось безъ воздѣйствія болѣе высокой культуры, какъ, напр., въ Египтѣ, первоначально существовалъ только одинъ господствующій классъ или каста. Позже этотъ классъ обыкновенно распадается на два: классъ воиновъ и классъ жрецовъ, которые выполняютъ важнѣйшія задачи управленія, законодательства и суда.

Такимъ образомъ, въ началѣ періода цивилизаціи древненародныя вольности все болѣе и болѣе исчезаютъ. Ихъ устраняло не коварство и властолюбіе сильныхъ міра, а развитіе способа производства.

Такъ, напримѣръ, мы видимъ, что во время паденія народныхъ вольностей у западныхъ германцевъ короли и ихъ чиновники не только не стремятся подавить или ограничить собранія, а напротивъ, стараются усилить участіе въ нихъ народа; лицъ, не являющихся на тинги (народныя собранія), они подвергаютъ штрафамъ.

Дѣйствительно, пока у германцевъ не образовалось организацій, взявшихъ на себя обязанности народныхъ собраній, отсутствіе или недѣятельность ихъ должны были пагубно отзываться на всей общественной жизни. Понятно, когда эти организаціи образовались и стали источникомъ власти и богатства, то картина измѣнилась. Тогда уже каждая попытка возстановить старинныя вольности является посягательствомъ на основы власти и богатства этихъ организацій. Но—все же корень господства духовенства и военной аристократіи лежалъ въ ихъ экономической необходимости.

Тѣмъ не менѣе, народная свобода не вполнѣ уничтожается и въ періодъ господства духовенства и аристократіи; область народной свободы только суживается. Крестьяне уже не имѣютъ ни случая, ни времени принимать участіе въ регулированіи дѣлъ племени и народа. Но управленіе дѣлами общины остается въ ихъ рукахъ. Этого для нихъ достаточно. Каждая крестьянская община становится теперь самодовлѣющей экономической

единицей, которой обыкновенно живется тѣмъ лучше, чѣмъ меньше она соприкасается съ внѣшнимъ міромъ. Интересъ къ государственнымъ дѣламъ, племенное чувство все болѣе и болѣе исчезаютъ; община становится міромъ для крестьянина; политика его становится все болѣе ограниченной, *приходской* политикой.

По мѣрѣ того, какъ совершается это развитіе, новыя общества, государства, возникшія изъ одного или нѣсколькихъ старыхъ племенъ, теряютъ свою органическую цѣльность. Во времена, предшествовавшія цивилизаціи, племя основывалось на неразрывной связи всѣхъ его членовъ; государство же, о которомъ мы теперь говоримъ, какое представляетъ собой, напр., средневѣковое феодальное государство или большинство восточныхъ государствъ, основывается почти исключительно на связи господствующихъ классовъ, аристократіи и духовенства. Отдѣльная община не имѣетъ съ государствомъ никакой органической связи.

Племя можно уничтожить или прогнать, но отъ него невозможно было отрѣзывать части по произволу и включать ихъ въ другія племена. Средневѣковыя же и восточныя государства представляютъ собой лишь простые аггрегаты общинъ, каждую изъ которыхъ можно отдѣлить и включить въ другой аггрегатъ, и это не произведетъ существеннаго измѣненія въ ея жизни. Счастливый завоеватель или ловкій спекулянтъ съ величайшей легкостью можетъ на этой ступени развитія основать или «свѣнчать» *) большое государство. Но такъ же легко оно и распадается подъ натискомъ враговъ.

Члены сельской общины нисколько не интересуются измѣненіями, происходящими среди господствующихъ классовъ.

*) Авторъ имѣетъ въ виду тотъ порядокъ, при которомъ цѣлыя области отдавались въ приданое за дочерями владѣтельныхъ особъ. Изъ большихъ государствъ, существующихъ теперь, такъ образовалась Австрія. *Г. Л.*

Измѣненія эти и не особенно затрагиваютъ ихъ, потому что для нихъ можетъ быть совершенно безразличнымъ, отбывать ли барщину, или платить оброкъ Петру, или Ивану. Но если бы они даже и захотѣли воспротивиться какому-нибудь измѣненію, то пользы бы имъ отъ этого было не много, такъ какъ сельская община въ своей изолированности почти совершенно беззащитна передъ сильной организаціей господствующихъ классовъ всего государства.

III.

Городская демократія въ древности.

При благопріятныхъ обстоятельствахъ общинная жизнь послужила основой для новаго подъема демократіи.

Дальнѣйшее развитіе экономическихъ отношеній привело къ возникновенію и укрѣпленію ремеселъ и торговли въ тѣхъ поселеніяхъ, которыя занимали особенно выгодное географическое положеніе или находились въ благопріятныхъ политическихъ условіяхъ. Населеніе и благосостояніе въ нихъ увеличивались; для большей безопасности и защиты богатствъ, скоплявшихся въ нихъ, они окружили себя стѣнами и стали *городами*. Города эти при особенно благопріятныхъ условіяхъ достигали большой силы и вліянія. Многимъ изъ нихъ удалось сохранить свою независимость или снова пріобрѣсти ее, если она раньше была утрачена. А нѣкоторые достигли того, что даже сами стали властелинами *), подчинили себѣ другія общины, основали государства, которыя по размѣрамъ, иногда не уступали монархіямъ,—таково, напримѣръ, Аѳинское государство. Всѣмъ извѣстно, какое огромное, всемірное государство образовала Римская городская община.

*) Напомнимъ, что на русской землѣ одинъ изъ такихъ городовъ (правда, въ позднѣйшія времена), Новгородъ-Великій, даже носилъ титулъ „государя“. Онъ такъ и писался: «Государь Великій Новгородъ». *Ѳ. Л.*

Рука объ руку съ этимъ увеличеніемъ силы и богатства шла ожесточенная борьба внутри самихъ городовъ.

Крестьянскій поселокъ былъ первоначально тожественъ съ сельской общиной. Земли и угодья, не перешедшія еще въ частную собственность, принадлежали общинѣ. Всѣ жители были общинниками и пользовались общинной землей или сообща, или каждый въ отдѣльности, но согласно съ правилами, устанавливаемыми общиной.

Если въ такую общину являлся чужеземецъ,—что случалось довольно рѣдко, такъ какъ хозяйство привязываетъ земледѣльца къ мѣсту,—и если община принимала его, то онъ становился полноправнымъ общинникомъ. Земли, вѣдь, тогда было больше, чѣмъ нужно.

Порядокъ этотъ измѣнился сперва въ городахъ. Выгоды, предоставляемыя ими, были обыкновенно такъ велики, что они сильно привлекали къ себѣ жителей сосѣднихъ и дальнихъ мѣстностей, а иногда даже и иноземцевъ. Число пришельцевъ возрастало. Въ землѣ начинала чувствоваться тѣснота. Земля получила стоимость. Вслѣдствіе этого старые общинники перестали давать землю новымъ пришельцамъ. Община превратилась въ замкнутую организацію, и полноправными общинниками остались только ея старые члены. Такимъ образомъ, въ самомъ городѣ возникалъ антагонизмъ между общинниками, превратившимися въ землевладѣльческую, а часто и торговую аристократію,—патриціатъ, и остальными обывателями,—плебеями, которые не имѣли права не только на пользованіе общинной землей, но и на участіе въ мірскихъ сходахъ, обладавшихъ законодательной, а отчасти еще и судебной властью и надзиравшихъ за общественнымъ управленіемъ.

Населеніе, такъ сказать, исключенное изъ общины, сперва спокойно мирилось со своимъ безправіемъ, пока оно было только терпимымъ въ городѣ, пока общинники подавляли его, если и не всегда своей численностью, то своимъ экономиче-

скимъ значеніемъ. Но экономическое значеніе патриціевъ постепенно уменьшалось, значеніе же безправныхъ все возрастало вслѣдствіе увеличенія ихъ численности и экономическаго вліянія. Земледѣліе перестало служить основой городской жизни: на первый планъ выступили торговля и промышленность; экономическій центръ тяжести перешелъ отъ землевладѣльцевъ къ купцамъ и ремесленникамъ. Чѣмъ дальше шло это развитіе, тѣмъ сильнѣе чувствовали себя купцы и ремесленники, тѣмъ тягостнѣе было для нихъ ихъ безправіе, и тѣмъ рѣшительнѣе возставали плебеи противъ патриціевъ. Патриціи принуждены были дѣлать уступки. Плебеи получили право участія въ городскомъ управленіи и пользованіи общинными землями. Это участіе плебеевъ въ городскомъ управленіи достигало болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ въ зависимости отъ относительной силы различныхъ классовъ. При благопріятныхъ обстоятельствахъ, дѣло доходило до того, что державное собраніе,—которое не только издавало законы, но также избирало должностныхъ лицъ и чинило судъ, — снова, какъ въ прежнія времена, становилось собраніемъ всего народа.

Самымъ блестящимъ примѣромъ такого возрожденія старинной демократіи на новыхъ основахъ служитъ городъ Аѳины, ставшій центральнымъ пунктомъ большого государства.

Къ чему же привело это непосредственное народное законодательство?

Управленіе большимъ государствомъ—дѣло очень хлопотливое и сложное; аѳинскій народъ показалъ, что онъ вполнѣ способенъ управлять страной. Но онъ долженъ былъ употреблять на дѣла управленія *почти все свое время*.

Естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что политическая власть фактически перешла въ руки тѣхъ слоевъ, которые могли посвящать все свое время дѣламъ управленія. Но къ этимъ слоямъ не принадлежали ни крестьяне сосѣднихъ селъ, насколько они обладали правомъ гражданства въ Аѳинахъ, ни

городскіе ремесленники. Государственное управленіе, законодательство и верховный судъ попали въ руки людей, жившихъ на счетъ другихъ, въ руки паразитствующихъ богачей и паразитствующихъ бѣдняковъ: крупныхъ землевладѣльцевъ, крупныхъ торговцевъ и фабрикантовъ *)—съ одной стороны, и пролетаріевъ—съ другой.

Слой деклассированныхъ **) пролетаріевъ чуждъ всякихъ классовыхъ интересовъ. Политическая власть въ его рукахъ никогда не можетъ стать средствомъ къ тому, чтобы вести государственное управленіе въ интересахъ какого-нибудь опредѣленнаго класса, а служитъ лишь средствомъ къ удовлетворенію личныхъ и временныхъ интересовъ его членовъ. Пролетаріатъ употреблялъ свое политическое вліяніе лишь на то, чтобы продавать его тому, кто больше дастъ, т. е. богачамъ, покупавшимъ расположеніе неимущихъ посредствомъ подачекъ и празднествъ,—«хлѣба и зрѣлищъ», какъ и въ Римѣ, только зрѣлища здѣсь были иныя. Средства для этого давало рабство.

Отчасти вслѣдствіе стремленія среднихъ классовъ ослабить вліяніе богачей на пролетаріевъ, а отчасти вслѣдствіе стремленія послѣднихъ извлекать для себя выгоды непосредственно изъ государства, возникли самые разнообразные виды государственнаго вознагражденія, которые постепенно вводились за участіе въ общественныхъ дѣлахъ: въ судебныхъ собраніяхъ (жалованье геліастовъ), въ народныхъ собраніяхъ (жалованье эклезіастовъ), даже за присутствіе на зрѣлищахъ (theorikon).

---

*) Въ Аѳинахъ было много фабрикъ, ergasteria, на которыхъ работали рабы. Во время пелопоннесской войны однажды бѣжало изъ Аѳинъ въ Декелію, занятую спартанцами, не менѣе 20.000 рабовъ: большинство ихъ было—фабричные рабы. Демократическій политикъ Клеонъ „кожевникъ“ былъ не ремесленникъ, а владѣлецъ кожевенной фабрики. *Авторъ.*

**) Этимъ словомъ обозначаютъ лицъ, выбитыхъ изъ своей колеи, изъ своего класса и не вошедшихъ ни въ какой другой классъ. *Г. Л.*

Откуда же получались средства на эти расходы? Отчасти съ налоговъ на состоятельныхъ,—слѣдовательно, съ труда рабовъ, которые здѣсь снова являются кормильцами державнаго народа аѳинскаго,—а отчасти изъ взносовъ, которые уплачивали подчиненныя общины, «союзники».

Но это еще не все. Со временъ Перикла излюбленнымъ средствомъ аѳинскихъ государственныхъ дѣятелей для пріобрѣтенія популярности стала конфискація земли побѣжденныхъ враговъ и раздача ея аѳинянамъ. Конфискованная земля дѣлилась на участки, клеры (kleroi), и раздавалась частнымъ лицамъ изъ аѳинскихъ гражданъ: получившіе такіе участки назывались вслѣдствіе этого клерухами (владѣльцами участковъ). Если этой мѣрой желали превратить неимущихъ гражданъ въ земледѣльцевъ, то нужно сознаться, что она была совершенно неудачна. Пролетаріямъ было гораздо пріятнѣе безъ всякаго труда веселиться въ Аѳинахъ, чѣмъ въ потѣ лица своего вести однообразную жизнь въ деревнѣ. Они предпочитали оставаться въ городѣ, а землю сдавать въ аренду тѣмъ людямъ, которые раньше владѣли ею. Такимъ образомъ, клерухія была въ сущности только средствомъ надѣлять пролетаріевъ оброчными крестьянами, которые и работали на нихъ. Это установленіе въ значительной степени объясняетъ чрезмѣрное стремленіе Аѳинъ къ захвату земель, но оно также объясняетъ и ту страшную ненависть къ Аѳинамъ, которая накопилась у подвластныхъ имъ общинъ.

Такія мѣры привели не къ ослабленію вліянія богачей на бѣднѣйшіе и экономически праздные слои народа, а лишь къ тому, что и для среднихъ, трудящихся классовъ явился соблазнъ бросить работу и искать поживы въ политической дѣятельности. Такой порядокъ вещей въ буквальномъ смыслѣ воспитывалъ все новыхъ и новыхъ пролетаріевъ.

До возникновенія *наемнаго* пролетаріата демократія имѣла поддержку только въ трудящихся среднихъ классахъ: крестья-

нахъ и ремесленникахъ. Пролетаріатъ лишь продавалъ свои права и вольности и никогда не дерзалъ принимать участіе въ серьезной борьбѣ. Поэтому, лишь только *масса* аѳинскаго населенія превратилась въ пролетаріевъ, гибель народной свободы стала неизбѣжной.

Подобное же развитіе, какъ извѣстно, совершалось и въ Римѣ.

Итакъ, мы видимъ, что «непосредственное народное законодательство» здѣсь, какъ и во времена варварства, основывалось на трудѣ другихъ людей: въ варварствѣ—на трудѣ женщинъ, въ цивилизаціи—на трудѣ рабовъ и данниковъ. И какъ первобытная всеобщая свобода пришла къ деспотизму, такъ деспотизмомъ окончился и новый подъемъ демократіи въ городскихъ общинахъ.

IV.

Представительная система.

Слѣды представительныхъ учрежденій встрѣчаются очень рано, еще въ періодъ варварства. Дѣйствительно, лишь только область нѣкоторыхъ общественныхъ дѣлъ расширилась, лишь только она начала охватывать болѣе значительный кругъ ихъ, такъ что стало невозможнымъ рѣшать эти дѣла въ собраніи, на которомъ бы присутствовали всѣ заинтересованные,—естественнѣе всего было замѣнить собраніе всѣхъ заинтересованныхъ собраніемъ немногихъ лицъ, ихъ представителей.

Такія собранія мы встрѣчаемъ, напр., у ирокезовъ. Однако между этими собраніями представителей и нынѣшними парламентами есть громадная разница не только по внѣшности, но и по существу. Возьмемъ, напр., федерацію ирокезовъ. Изъ временныхъ соглашеній постепенно возникъ прочный союзъ пяти ирокезскихъ племенъ — собственно для военныхъ цѣлей. Этотъ союзъ былъ слишкомъ великъ для того, чтобы дѣла

его могли обсуждаться на общемъ народномъ собраніи. Дѣла его регулировало немногочисленное собраніе представителей родовъ всѣхъ пяти племенъ. Но это собраніе не было державнымъ. Оно не имѣло права навязывать свои постановленія меньшинству. Дѣла рѣшались не по числу голосовъ, а по племенамъ, и обязательнымъ было только *единогласное* рѣшеніе. Каждый членъ собранія былъ представителемъ не интересовъ всего общества, какъ (по крайней мѣрѣ, въ теоріи) членъ современнаго парламента, а только особыхъ интересовъ того племени, которое послало его въ собраніе.

Такого же рода были и представительныя собранія, возникшія въ періодъ цивилизаціи вслѣдствіе соединенія самостоятельныхъ городовъ и общинъ или земель. Напримѣръ, въ швейцарскомъ союзѣ сеймъ *), собраніе представителей отдѣльныхъ кантоновъ, могъ раньше только устраивать соглашенія относительно общихъ дѣлъ, но онъ не имѣлъ права постановлять рѣшенія большинствомъ голосовъ. Ни одинъ кантонъ не былъ обязанъ подчиняться рѣшенію, котораго онъ не принималъ.

Отъ этого сейма мало чѣмъ отличались и собранія земскихъ чиновъ, получившія въ концѣ среднихъ вѣковъ болѣе или менѣе опредѣленную форму въ монархическихъ государствахъ феодальной Европы. Они были дальнѣйшимъ развитіемъ старинныхъ народныхъ собраній, въ которыя проникали федеративные элементы по мѣрѣ того, какъ исчезало племенное единство и племенное самосознаніе, а отдѣльныя поселенія и общины изолировались другъ отъ друга.

Мы видѣли, какъ погибли старинныя народныя вольности. Общегосударственныя, провинціальныя и земскія собранія, занявшія съ наступленіемъ осѣдлости населенія мѣсто всенародныхъ, племенныхъ и родовыхъ собраній, не были уничтожены. Они по прежнему продолжали созываться для выбора должно-

*) Tagsatzung. Въ 1848 г. это учрежденіе замѣнено двухпалатнымъ парламентомъ, который рѣшаетъ дѣла большинствомъ голосовъ. *Г. Л.*

стныхъ лицъ, рѣшенія общественныхъ дѣлъ, споровъ, но число свободныхъ людей, которые одни только имѣли право принимать участіе въ собраніяхъ, быстро уменьшалось. А среди этихъ свободныхъ людей также быстро уменьшалось число лицъ, которыя имѣли возможность являться на собранія.

Во Франціи каждый свободный и совершеннолѣтній обыватель имѣлъ право участвовать въ общегосударственныхъ собраніяхъ.

«Но фактически на собранія являлись, кромѣ приведенныхъ съ собой королемъ или особо приглашенныхъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, лишь знатные люди, а изъ простыхъ обывателей только тѣ, которые жили близъ мѣста собранія или имѣли какое-нибудь особенное дѣло къ нему» *).

Въ концѣ концовъ, простые люди совершенно перестали являться на собранія. Король, вѣдь, нисколько не интересовался ихъ присутствіемъ; для него важны были лишь тѣ, голосъ которыхъ имѣлъ вѣсъ, отъ которыхъ онъ фактически зависѣлъ, — крупные землевладѣльцы, епископы и аббаты, герцоги и графы.

Государственныя и земскія собранія христіанско-германскихъ странъ все болѣе и болѣе превращались въ дворянскіе съѣзды, устраивавшіеся при дворахъ королей или иныхъ государей. Значеніе ихъ быстро падало. Они утратили право избирать должностныхъ лицъ, такъ какъ должности стали наслѣдственными, или же ихъ раздавалъ самъ король. Задачи верховнаго суда стали столь сложными, что дворянскія собранія такъ же мало могли управиться съ ними, какъ раньше народныя собранія. Судебное дѣло все больше и больше переходило въ руки судей по профессіи.

Но вмѣстѣ съ примѣненіемъ законовъ, къ профессіональ-

*) F. Dahn. Urgeschichte der germanischen und romanischen Völker. IV т., стр. 48,

нымъ судьямъ въ значительной степени перешло и изданіе новыхъ законовъ. Рѣзкое раздѣленіе судебной и законодательной власти очень недавняго происхожденія; оно еще и теперь не вполнѣ проведено. Раньше судьи рѣшали дѣла въ большинствѣ случаевъ по старинѣ, по традиціямъ. Если же случалось какое-нибудь необычайное, безпримѣрное дѣло, то рѣшеніе судьи имѣло здѣсь силу закона.

Но рядомъ съ традиціями общественныя отношенія регулировались тогда не общими законами, а особыми договорами, которые заключали отдѣльныя общины или лица съ другими такими же общинами или лицами. Поэтому дворянскимъ собраніямъ не было надобности заниматься законодательствомъ.

Если мы, наконецъ, примемъ во вниманіе, что государство или государь получали въ тѣ времена свои обычные доходы не съ налоговъ на обывателей, а со своихъ земель, то намъ станетъ яснымъ, что правильныя, періодическія собранія дворянства становились все болѣе и болѣе излишними. Король созывалъ дворянство лишь при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, когда ему нужно было предъявить какія-нибудь особенныя требованія къ «своему народу» и обезпечить за собой его помощь и содѣйствіе.

Новый подъемъ земскихъ собраній вызвало развитіе городовъ со временъ крестовыхъ походовъ. Развилась торговля и промышленность; возникло много городовъ, которые быстро достигли большой силы. Нѣкоторымъ изъ этихъ городовъ удалось стать даже самостоятельными республиками, а иные изъ нихъ не только свергли съ себя постороннюю власть, но и сами, подобно городскимъ республикамъ древняго міра, о которыхъ мы говорили раньше, стали властелинами, иногда даже очень сильными властелинами, владыками большихъ государствъ,—укажемъ для примѣра на Венеціанскую республику. Но и тамъ, гдѣ города не достигли такого высокаго положенія,—и тамъ они стали силой, которой нельзя было прене-

брегать. Съ теченіемъ времени государи почувствовали необходимость обращаться рядомъ, съ дворянствомъ, и къ представителямъ городовъ, лишь только случались какія-нибудь особенно важныя дѣла, въ которыхъ король хотѣлъ обезпечить за собой необходимую поддержку.

Теперь въ верховныя собранія вошелъ новый элементъ или, вѣрнѣе, два новыхъ элемента, потому что духовенство не особенно интересовалось дворянскими собраніями, хотя оно и имѣло право участвовать въ нихъ. У него, помимо дворянскихъ собраній, были совершенно иныя средства для того, чтобы отстаивать свои интересы въ государствѣ. Теперь же, когда представительныя собранія,—а ихъ теперь дѣйствительно можно назвать представительными,—получили вслѣдствіе участія городскихъ депутатовъ новую силу и новое значеніе, духовенство, снова обратило на нихъ большое вниманіе.

Такимъ образомъ, эти представительныя собранія стали собраніями земскихъ чиновъ. Они принимали самыя разнообразныя формы. Иногда дворянство и духовенство соединялись въ одну палату, а городскіе депутаты составляли вторую палату. Иногда же дворянство и духовенство раздѣлялись:—тогда было три палаты. Бывало и такъ, что дворянство раздѣлялось на высшее и низшее; иногда случалось, что представители низшаго дворянство засѣдали вмѣстѣ съ представителями мѣщанъ. При благопріятныхъ же обстоятельствахъ и крестьяне успѣли уже стряхнуть съ себя феодальное иго, превратились въ вольныхъ земледѣльцевъ и пріобрѣли такое значеніе, что и ихъ нельзя было игнорировать. Въ такихъ случаяхъ и крестьянскіе уполномоченные принимали участіе въ собраніяхъ земскихъ чиновъ: они или засѣдали вмѣстѣ съ представителями мѣщанъ, или составляли особый чинъ,—четвертое сословіе.

Эти сословныя собранія скоро пріобрѣли силу и вліяніе, потому что, чѣмъ больше развивались ремесла и торговля, тѣмъ больше и больше доходы съ королевскихъ земель оказывались

недостаточными для покрытія государственныхъ расходовъ. Судьи по профессіи, получавшіе жалованье,—преимущественно римскіе юристы—становились все многочисленнѣе; рядомъ съ верховнымъ судомъ въ ихъ руки вскорѣ стали переходить также тѣ или иныя отрасли и низшаго суда. Въ тѣ времена—приблизительно въ XIV вѣкѣ—начало распространяться наемное войско. Судъ и война, бывшіе тогда главными задачами государственной власти, становились все дороже и дороже; возрастали также расходы на роскошь, процвѣтавшую при дворахъ государей. Государи стали нуждаться въ деньгахъ, и эта нужда все увеличивалась. Началось «оскудѣніе» государей Западной Европы.

Они, подобно современнымъ крупнымъ землевладѣльцамъ, употребляли всѣ средства для улучшенія своихъ дѣлъ. Самое простое средство состояло въ томъ, чтобы дѣлать долги; а сверхъ того, они обратились къ мошенническимъ спекуляціямъ, фальсификаціи монеты, обиранію богатыхъ гражданъ,—преимущественно богатыхъ евреевъ, и т. д.

Но всѣ эти средства финансовой политики, какъ ни прибыльны они бывали иногда, оказались недостаточными для покрытія возраставшихъ расходовъ на государство и дворъ.

Все настоятельнѣе и настоятельнѣе сказывалась надобность привлечь подданныхъ къ взносамъ въ государственную казну. Тутъ-то и были изобрѣтены денежные налоги.

Но государи получали эти налоги не всегда безъ уступокъ съ своей стороны! Передъ сильными классами, имѣвшими представительство въ сословныхъ собраніяхъ, они часто должны были смиряться. Иногда дѣло доходило до того, что государственное управленіе фактически всецѣло велось комитетомъ, избираемымъ собраніемъ чиновъ, и государь былъ только пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ этого комитета.

Эти собранія были предшественниками современныхъ парламентовъ. Но они, въ сущности, стояли еще на той же поч-

вѣ, что и вышеупомянутыя собранія представителей державныхъ организацій и племенъ.

Каждый отдѣльный членъ собранія чиновъ являлся не представителемъ всей націи (или какомъ-либо класса данной націи), а представителемъ особой, строго отграниченной корпораціи и особой территоріи, которая послала его, отчасти потому, что онъ именно для этого и избирался (какъ уполномоченный такого-то города или церковной корпораціи), а отчасти въ силу унаслѣдованнаго или пріобрѣтеннаго имъ положенія (какъ свѣтскій или духовной землевладѣлецъ). Обязанности каждой корпораціи или территоріи относительно государства установлялись особыми договорами, и на корпорацію или землю нельзя было возлагать новыхъ повинностей безъ согласія ея членовъ или господина. Подавленія меньшинства большинствомъ первоначально не было въ собраніяхъ чиновъ; но, конечно, случалось и такъ, что меньшинство силой принуждали присоединиться къ большинству.

Если членъ собранія участвовалъ въ немъ не вслѣдствіе своего соціальнаго положенія, а въ качествѣ выборнаго какой-нибудь корпораціи или земли, то его голосъ получалъ иногда силу лишь въ томъ случаѣ, когда его подтверждали лица, пославшія выборнаго. Прелаты должны были имѣть согласіе своего конвента или капитула, депутаты отъ городовъ должны были спрашивать согласія городского совѣта или общиннаго собранія.

Для того, чтобы собраніе земскихъ чиновъ могло превратиться въ современный парламентъ, союзное собраніе—въ національное, для этого прежде всего должно было возникнуть единое государство и занять мѣсто конгломерата общинъ и корпорацій, составлявшаго государство среднихъ вѣковъ; затѣмъ, узкій партикуляризмъ этихъ мелкихъ организацій долженъ былъ уступить мѣсто національности.

Это и было совершено капиталистическимъ способомъ производства.

V.

Монархическій и парламентскій абсолютизмъ.

При капиталистическомъ способѣ производства, который начинаетъ развиваться съ XVI столѣтія, изготовленіе товаровъ, производство для продажи получаетъ всеобщее распространеніе. Производство для собственнаго потребленія самихъ производителей и ихъ господъ, у кого есть господа, все болѣе и болѣе исчезаетъ. Вмѣстѣ съ нимъ исчезаетъ также самостоятельность и исключительность сельскихъ и городскихъ общинъ, составлявшая отличительную черту среднихъ вѣковъ. Различныя отрасли производства становятся въ зависимость отъ внутренняго рынка, а черезъ его посредство или даже непосредственно—и отъ всемірнаго рынка.

Но внутренній рынокъ есть не что иное, какъ вся территорія даннаго государства. Государство въ предѣлахъ своей земли защищаетъ производителей товаровъ и торговцевъ, принадлежащихъ къ нему, отъ конкурренціи иностранныхъ производителей и торговцевъ; но оно также стремится къ тому, чтобы сдѣлать возможно болѣе выгодными условія сбыта и на заграничныхъ рынкахъ. Чѣмъ больше государство, чѣмъ сильнѣе государственная власть, тѣмъ больше шансовъ имѣютъ производители товаровъ и торговцы на охрану своихъ интересовъ.

Съ этихъ поръ государства получаютъ прочную экономическую основу. Въ средніе вѣка мы видимъ безпрестанное измѣненіе предѣловъ владѣній различныхъ царствующихъ домовъ—вслѣдствіе завоеваній, наслѣдованій, браковъ, покупки, обмѣна и даже залоговъ *). Такъ какъ каждая община или, по крайности, каждая мѣстность представляла собой самодовлѣющее

*) Основаніе монархіи Гогенцоллерновъ, какъ извѣстно, положено именно такимъ залогомъ. *Авторъ*.

цѣлое, то не было никакой надобности въ томъ, чтобы владѣнія государя находились рядомъ. Габсбурги, напр., имѣли въ XIV вѣкѣ владѣнія не только въ нѣмецко-австрійскихъ областяхъ, но и въ Швейцаріи, Швабіи и Эльзасѣ.

Современныя же государства представляютъ собою экономически-сплоченныя области, связь между которыми становится тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ дольше существуетъ данное государство, чѣмъ больше экономическая жизнь въ его предѣлахъ проникается капитализмомъ, и чѣмъ больше производство приспособляется къ условіямъ и потребностямъ внутренняго рынка, находящагося въ его распоряженіи.

Вмѣстѣ съ этимъ расширеніе предѣловъ государства перестаетъ быть дѣломъ только царствующаго дома изъ военной касты. Въ такомъ расширеніи становятся заинтересованными и производительные классы. Династическое государство превращается въ государство національное.

Въ концѣ среднихъ вѣковъ для жителей селъ и городовъ могло быть, приблизительно, столь же безразлично, находятся ли подъ властью ихъ государя еще и другія общины, какъ теперь для сельскихъ рабочихъ какого-нибудь помѣщика можетъ быть безразличнымъ, имѣетъ ли онъ еще и другія помѣстья, или нѣтъ. Для населенія же современнаго государства всякое уменьшеніе государственной территоріи означаетъ стѣсненіе экономической жизни, между тѣмъ какъ расширеніе государства представляетъ расширеніе внутренняго рынка и улучшеніе положенія на всемірномъ рынкѣ.

Чѣмъ сплоченнѣе и сильнѣе становится новое государство, тѣмъ больше теряютъ въ немъ силу и значеніе старинныя политическія и соціальныя организаціи. Функціи ихъ одна за другой переходятъ къ государству, а эти организаціи превращаются въ однѣ лишь руины, стоящія на дорогѣ, которыя необходимо устранить. Общество «атомизируется», отношенія

людей другъ къ другу перестаютъ регулироваться взаимными отношеніями корпорацій.

Рука объ руку съ этой «атомизаціей», т. е. разрушеніемъ традиціонныхъ организій въ самомъ государствѣ, идетъ централизація государства и общества.

Торговля издавна имѣетъ стремленіе къ централизаціи. Она вызываетъ стеченіе товаровъ, а также продавцевъ и покупателей въ опредѣленные пункты, отличающіеся особенно выгоднымъ географическимъ положеніемъ или благопріятными политическими условіями. При капиталистическомъ способѣ производства, который все производство превращаетъ въ товарное и ставитъ его въ зависимость отъ торговли, — централизація торговли ведетъ къ централизаціи всей экономической жизни. Вся страна въ большей или меньшй степени, прямо или косвенно, становится въ экономическую зависимость отъ главнаго города, также какъ и отъ класса капиталистовъ. Главный городъ, центръ торговли, является также сборнымъ пунктомъ прибавочныхъ стоимостей, избытковъ страны; въ немъ развивается роскошь; за роскошью слѣдуютъ искусства и науки.

Экономической централизаціи соотвѣтствуетъ централизація политическая, и центральный пунктъ торговли становится центральнымъ пунктомъ управленія.

Мы уже указывали на то, что новые классы, живущіе товарнымъ производствомъ или торговлей, нуждаются въ сильной государственной власти, которая могла бы защищать ихъ интересы какъ въ самой странѣ, такъ и заграницей.

Король, преемникъ стариннаго вождя племени, былъ и въ средніе вѣка только вождемъ: въ качествѣ военачальника— вождемъ военной касты, въ качествѣ верховнаго судьи—вождемъ касты духовной. Даже если должность его становилась наслѣдственной, что было далеко не вездѣ, онъ все-таки оставался въ зависимости отъ доброй воли своихъ упрямыхъ и самостоятельныхъ вассаловъ и столь же самостоятельной и

упрямой іерархіи. Развитіе городовъ, какъ мы видѣли, не улучшило его положенія: оно поставило его въ зависимость, вмѣсто двухъ,—отъ трехъ классовъ.

Развитіе всемірной торговли и капиталистическаго производства измѣнило положеніе дѣлъ—въ пользу короля. Оно создало армію неимущихъ, изъ которыхъ, пока промышленность еще недостаточно развилась,—лишь часть могла стать наемными рабочими. Большинство же превращалось въ пролетаріевъ, которые, какъ и пролетаріи древняго Рима, становились опорой деспотизма. Только теперь они продавали государямъ не политическое право голоса, а—собственные кулаки. Наемныя войска на службѣ государей быстро увеличивались *).

Одновременно съ этимъ исчезали рыцарскія войска, бывшія почти совершенно независимыми отъ государей. Феодальные источники доходовъ исчезали или, вѣрнѣе, теряли свое значеніе. Не на барщинѣ, не на даняхъ, вносимыхъ сельскохозяйственными продуктами, основывалось теперь вліяніе въ обществѣ, а на деньгахъ. Но какъ ни обирай крестьянина, денегъ у него не много найдешь. Поэтому землевладѣльцы, дворянство и духовенство, для полученія денегъ, должны были

*) Наемныя войска въ XIV в. были совершенно не таковы, какъ въ XVII в. Первыя состояли изъ крестьянъ, имѣвшихъ землю, которые занимались военной службой, какъ побочнымъ, отхожимъ промысломъ; улучшеніе земледѣлія и увеличеніе населенія создавали тогда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже избытокъ рабочихъ силъ. Вслѣдствіе этого часть крестьянской молодежи становилась дома ненужной; она уходила на чужбину, но съ намѣреніемъ потомъ снова вернуться домой и сѣсть на отцовскую землю. Военное искусство, пріобрѣтенное этими полчищами крестьянъ на службѣ чужихъ государей, служило имъ средствомъ къ тому, чтобы избавиться отъ своихъ собственныхъ владыкъ. На этой основѣ возникла свобода швейцарцевъ и чешскихъ гуситовъ. Наемникъ же XVII в. былъ нищій, и военное ремесло было единственнымъ источникомъ его дохода, дѣломъ всей его жизни. Ему нечего было защищать свободу,—развѣ лишь свободу грабежа. Все его существованіе зависѣло отъ жалованья.

Авторъ.

свои функціи, въ которыхъ они спеціализировались, превратить въ товары: католическое духовенство продавало исполненіе своихъ пастырскихъ обязанностей, своихъ святыхъ, отпущеніе грѣховъ и реликвіи; дворяне продавали себя на военную службу каждому, кто только давалъ подходящую плату: изъ экономически-самостоятельныхъ вассаловъ они превратились въ наемниковъ, королевскихъ офицеровъ.

Но торговля духовенства священными предметами стала, наконецъ, столь наглой, что противъ ея поднялся народъ. Духовенство, также какъ и дворянство, не могло отстоять своей независимости. Съ этихъ поръ всѣми имуществами и доходами, какія оно еще сохранило или впослѣдствіи получило,—какъ въ католическихъ, такъ и въ протестантскихъ странахъ,—оно было обязано лишь милости государей, за что и должно было служить имъ.

Новый способъ производства, новое государство предъявляли суду и управленію обществомъ такія требованія, что выполненіе ихъ оказалось совершенно не по силамъ старымъ организаціямъ, въ которыхъ дворянство и духовенство играли столь важную роль. Въ судѣ съ этихъ поръ стали господствовать ученые правовѣды (во всей Западной Европѣ, кромѣ Англіи,—римскіе юристы), которые назначались и оплачивались королемъ, слѣдовательно, были въ полной зависимости отъ него. Завѣдываніе финансами тоже перешло теперь къ королевской или концессіонируемой королемъ бюрократіи. Въ средніе вѣка землевладѣльцы и вольные города сами платили королю подати, взятыя ими на себя. *Какъ* землевладѣлецъ собиралъ подати со своихъ крестьянъ, а городъ со своихъ гражданъ и иныхъ обывателей, до этого государственной власти не было рѣшительно никакого дѣла. Теперь же податное обложеніе было отнято отъ землевладѣльцевъ и городскихъ магистратовъ и передано откупщикамъ или особымъ чиновникамъ.

Дворянство и духовенство, какъ таковыя, потеряли всякое

значеніе для государственнаго управленія, суда и военнаго дѣла. Эти сословія получаютъ свои привиллегіи и богатства уже не вслѣдствіе своихъ общественныхъ функцій, а лишь благодаря милостямъ двора. Ихъ задача состоитъ теперь только въ содѣйствіи королевской власти.

Съ паденіемъ самостоятельности дворянства и духовенства, пали двѣ важныя опоры сословныхъ собраній.

Но въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ все болѣе и болѣе падала и третья опора этихъ собраній: города. Правда, капиталистическій способъ производства привелъ къ сильному увеличенію городского населенія—буржуазіи и пролетаріата, но населеніе это концентрировалось въ немногихъ крупныхъ городахъ, которыхъ, въ свою очередь, совершенно затмила своимъ вліяніемъ и богатствомъ столица. Значительное большинство городовъ остановилось въ своемъ развитіи; многіе изъ нихъ опустились до положенія «гнилыхъ мѣстечекъ», какъ ихъ называли въ Англіи.

Эти мѣстечки не могли противодѣйствовать силѣ развивавшагося абсолютизма.

Понятно, тѣмъ больше значенія пріобрѣтала столица въ современныхъ государствахъ съ XVI вѣка. Уже Генрихъ IV зналъ, что Парижъ стоитъ мессы: король подчинился волѣ столицы и перешелъ въ католичество; а какое значеніе въ государственной политикѣ имѣлъ Лондонъ, это Карлъ I испыталъ на самомъ себѣ *).

Но большинство столичныхъ жителей вовсе не было заинтересовано въ сохраненіи вліянія земскихъ чиновъ, потому что это вліяніе означало только господство захолустныхъ дворянъ

*) «Можно безъ преувеличенія сказать, что если бы не враждебное настроеніе Сити, Карлъ I никогда не потерпѣлъ бы пораженія, а безъ помощи Сити Карлъ II никогда не вступилъ бы на престолъ». Гакколей. Исторія Англіи. I, стр. 260 (по нѣм. перев. Лембке).

Авторъ.

и филистеровъ. Чего же могла ждать столица отъ этихъ чиновъ? Прежде всего, отказа во введеніи налоговъ, стремленія къ бережливости. Но это обыкновенно было вовсе не въ интересахъ столичнаго населенія тѣхъ временъ. Значительная часть жителей столицы извлекала средства къ существованію изъ удовлетворенія запросовъ двора. Чѣмъ больше денегъ расходовалъ дворъ, тѣмъ лучше было для столицы. Людей производившихъ предметы роскоши и торговавшихъ ими, мало смущало то обстоятельство, что придворные не создавали богатствъ, расточаемыхъ ими въ столицѣ.

Элементы, пріобрѣтшіе теперь вліяніе на королевскую власть, а чрезъ нее— и на государство, были не тѣ, которые имѣли представительство въ собраніяхъ чиновъ. Это были новые элементы, дѣйствовавшіе на короля непосредственно своимъ личнымъ вліяніемъ: прежде всего, придворное дворянство и духовенство съ арміей чиновниковъ,—ихъ орудіемъ была интрига; затѣмъ, столичное населеніе, иногда добивавшееся своего посредствомъ возмущеній, и, наконецъ, капиталисты, кредитъ которыхъ сталъ главной опорой новаго государства.

Дѣйствительно, безъ помощи капиталистовъ королевская власть никогда бы не могла развиться до абсолютизма. Чтобы выдержать борьбу со своими противниками, чтобы побѣдить или купить ихъ, чтобы платить своимъ сторонникамъ и защитникамъ, чтобы выполнять тѣ функціи, которыя раньше выполнялись общинами и корпораціями или феодальными господами, а теперь перешли къ государству, какъ охрана личной безопасности и путей сообщенія, проведеніе дорогъ и каналовъ, устройство крѣпостей, военныхъ складовъ и т. д.,— для всего этого государямъ нужны были деньги, гораздо больше денегъ, чѣмъ они могли получить отъ своихъ подданныхъ въ видѣ податей, таможенныхъ пошлинъ и т. п. Поэтому они постоянно должны были занимать деньги у богатыхъ купцовъ,— понятно, за соотвѣтствующее вознагражденіе. Съ этихъ поръ

и до нашихъ дней кредитъ остался главной опорой государства. Повышеніе и паденіе биржевыхъ курсовъ рѣшало въ послѣднія два столѣтія судьбу не одного правительства.

Таковы были важнѣйшіе факторы, опредѣлявшіе политику западно-европейскихъ монархій до французской революціи и часто даже послѣ нея, а иногда опредѣляющіе эту политику и по сей день. Ихъ вліяніе было громадно, но неопредѣленно, не урегулировано. Фактически управлялъ не государь, а иныя лица и кружки заинтересованныхъ лицъ, но они могли управлять только посредствомъ государя. Власть монарха была неограничена: разныя лица и клики пользовались ею въ своихъ интересахъ, но никто во всемъ государствѣ не могъ противустоять ей.

Собранія же земскихъ чиновъ становились все ничтожнѣе и ничтожнѣе. Въ нѣкоторыхъ странахъ они совершенно прекратились, въ другихъ же играли такую роль, какую теперь играютъ комитеты рабочихъ на европейскихъ фабрикахъ: они должны были давать свое почтительное согласіе на все, а въ нѣкоторыхъ мелочахъ имъ позволялось оказывать содѣйствіе всемогущей полиціи.

Таковы общія черты политическаго развитія Европы въ XVII и XVIII вѣкахъ.

Но изъ этого правила были и исключенія. Были страны, въ которыхъ королевской власти не удалось управиться съ собраніями земскихъ чиновъ, въ которыхъ, напротивъ, эти послѣднія стали хозяевами въ государствѣ. Самый выдающійся примѣръ такого уклоненія отъ общей тенденціи къ абсолютизму государей представляетъ Англія.

Много было причинъ, вслѣдствіе которыхъ Англія составила исключеніе въ этомъ отношеніи. Важнѣйшими изъ нихъ мы считаемъ слѣдующія. Именно въ концѣ XVII вѣка, когда абсолютизмъ въ Англіи долженъ былъ выдержать послѣднюю, рѣшительную борьбу, англійская королевская власть перешла

къ королямъ Шотландіи, экономически-отсталой страны, въ которой еще удержался даже родовой строй, и государи находились еще въ полной зависимости отъ чиновъ. Въ теченіе XVII вѣка Шотландія была причиной слабости королей изъ дома Стюартовъ, стремившихся въ Англіи къ абсолютизму, подобно тому, какъ Венгрія до самаго послѣдняго времени постоянно служила помѣхой стремленіямъ Габсбурговъ къ самодержавію.

Еще большее значеніе имѣло островное положеніе Англіи. Сила и безопасность ея основывались не на арміи, а на флотѣ. Поэтому буржуазія, производящая товары и торгующая ими, не имѣла никакихъ основаній поддерживать стремленія монарховъ къ созданію сильной постоянной арміи.

Но островное положеніи Англіи имѣло еще чрезвычайно важное значеніе въ томъ отношеніи, что съ XVI вѣка оно особенно благопріятствовало развитію здѣсь современной, капиталистической буржуазіи,—съ тѣхъ поръ, какъ открытіе Америки и морского пути въ Индію перенесло центръ тяжести европейской торговли съ Средиземнаго моря на берега Атлантическаго океана. Вначалѣ Англія принимала участіе въ цвѣтущей міровой торговлѣ Португаліи, Испаніи, Нидерландовъ посредствомъ грабежа торговыхъ судовъ, отъ котораго особенно сильно страдалъ испанскій флотъ. Но скоро она уже настолько усилилась, что могла придать своимъ грабительскимъ предпріятіямъ законный характеръ: она сама стала завоевывать колоніи и развила обширную морскую торговлю,—не только ту, которую теперь называютъ законной торговлей, но, главнымъ образомъ, контрабанду и торговлю рабами. Вскорѣ Лондонъ сталъ центромъ всемірной торговли, затмилъ собою Лиссабонъ, и въ концѣ XVII вѣка у него былъ только одинъ соперникъ коммерческомъ отношеніи,—Амстердамъ. По численности народонаселенія онъ уже тогда сталъ во главѣ всѣхъ европейскихъ большихъ городовъ; въ немъ насчитывалось полмилліона

жителей, и онъ могъ выставить очень солидную городскую милицію. Но при этомъ онъ гораздо меньше былъ городомъ роскоши, чѣмъ Парижъ; богатство его больше зависѣло отъ развитія торговли, чѣмъ отъ расточительности двора и придворныхъ; ему нужно было сильное правительство, но сильное не дома, а заграницей. Стюарты же тратили всѣ свои силы на попытки возстановленія неограниченнаго образа правленія и не могли вести энергичной внѣшней политики для охраны и развитія англійской торговли.

Англійская и прежде всего лондонская крупная буржуазія была такъ сильна, такъ смѣла и самоувѣренна, что еще въ первой половинѣ XVII вѣка, она, подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, рѣшилась вмѣстѣ съ частью дворянства, мелкимъ мѣщанствомъ и остатками крестьянъ объявить войну королевской власти, на сторонѣ которой стояла другая часть дворянства и придворное духовенство. Изъ этой борьбы буржуазія вышла побѣдительницей, но она сейчасъ же подпала диктатурѣ арміи мѣщанъ и крестьянъ. Тутъ вышло то же самое, что впослѣдствіи подобнымъ же образомъ произошло на материкѣ во время французской революціи 1848 г., когда испуганная и подавленная диктатурой трудящихся классовъ, буржуазія снова бросилась въ объятія королевской власти и землевладѣльческой аристократіи, пережившей времена французской революціи.

Что крупная буржуазія и крупные землевладѣльцы такъ долго могли идти рука объ руку, это объясняется тѣмъ своеобразнымъ характеромъ, который приняло въ Англіи крупное землевладѣніе. Тридцатилѣтнія войны Бѣлой и Алой розы совершенно истребили высшую аристократію. На развалинахъ ея возникъ новый слой крупныхъ землевладѣльцевъ: его создалъ Генрихъ VII, положившій конецъ гражданской войнѣ, а Генрихъ VIII и Эдуардъ VI увеличили и обогатили его на счетъ церкви и гильдій, имущества которыхъ были конфискованы.

Второе обновленіе крупнаго землевладѣнія произвела граж-

данская война между Карломъ I и парламентомъ. Многіе изъ дворянъ тогда потеряли свои имѣнія—частью вслѣдствіе конфискаціи, а частью вслѣдствіе разоренія. Имѣнія ихъ достались разбогатѣвшимъ буржуа. Возстановленіе Стюартовъ далеко не всѣмъ дворянамъ возвратило утраченныя имѣнія.

Не удивительно, что аристократія въ Англіи имѣла совершенно не такой характеръ, какъ на материкѣ, напр., во Франціи. Французская аристократія настолько сохранила традиціи феодальнаго времени, что она съ презрѣніемъ смотрѣла на производительные и торгующіе классы. Зарабатывать деньги она считала позоромъ. Но доходы, получаемые ею изъ помѣстій, становились все скромнѣе и скромнѣе; тонкое чувство чести мѣшало ей заниматься раціональнымъ земледѣліемъ, но это чувство не препятствовало аристократамъ сокращать свой дефицитъ при помощи попрошайства (у короля), кражъ (у казны) и займовъ (у капиталистовъ). Въ теченіе XVII вѣка французское дворянство стало полнымъ банкротомъ.

Большинство англійскихъ крупныхъ землевладѣльцевъ состояло изъ выскочекъ, уже проникшихся духомъ капитализма. Они заботились о капиталистической эксплуатаціи своихъ имѣній при посредствѣ богатыхъ арендаторовъ; они не считали ниже своего достоинства принимать участіе въ торговыхъ предпріятіяхъ и умѣли цѣнить богатую буржуазію. Въ томъ самомъ столѣтіи, въ которомъ французская аристократія пришла къ полному банкротству, аристократія англійская стала денежной силой.

Англійское дворянство, энергичное и предпріимчивое, подобно буржуазіи того времени, не только умѣло вести свои частныя дѣла но и принимало самое живое участіе въ государственной дѣятельности. Вездѣ, гдѣ было возможно, оно отстаивало свою роль въ государственномъ управленіи, такъ что бюрократія развилась въ Англіи меньше, чѣмъ въ другихъ современныхъ европейскихъ государствахъ. И при управленіи ари-

стократія принимала въ разсчетъ интересы крупной буржуазіи, къ которой она стояла такъ близко.

Благодаря своему обновленію въ XV и XVII вѣкахъ, англійская аристократія гораздо дольше сохранила энергію молодости, чѣмъ аристократія какой-либо иной страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ капиталистическая буржуазія Англіи развилась особенно рано.

Союзъ этихъ двухъ классовъ, заключенный въ Англіи при столь благопріятныхъ обстоятельствахъ, сталъ непреоборимой силой: королевская власть должна была преклониться передъ этими классами и ихъ представительствомъ,—парламентомъ.

Въ Англіи преобладаніе аристократіи надъ королевской властью основывалось на томъ, что крупное землевладѣніе примѣнилось къ капиталистическому способу производства и соединилось съ классомъ капиталистовъ. Атомизирующія и централизирующія тенденціи современнаго государства дѣйствовали въ Англіи совершенно такъ же, какъ и въ остальныхъ монархіяхъ Западной Европы. Здѣсь, также какъ, напр., и во Франціи, онѣ привели къ безусловному господству центральной власти, которая не терпѣла никакого противодѣйствія, никакой критики. Разница между Англіей и Франціей состояла лишь въ томъ, что этой абсолютной властью во Франціи былъ король, а въ Англіи—парламентъ *).

По мѣрѣ того, какъ парламентъ въ борьбѣ съ короной укрѣплялъ и увеличивалъ свою власть, а отдѣльныя графства и города сливались въ одну націю, характеръ парламента измѣнялся. Каждый членъ его пересталъ чувствовать себя представителемъ отдѣльной территоріи или корпораціи и свое вліяніе производить отъ силы и вліянія пославшей его земли или корпораціи. Парламентъ пересталъ быть собраніемъ мелкихъ державцевъ (или представителей

*) Всемогущество парламента очень удачно характеризуется англійской пословицей: «Парламентъ все можетъ,—онъ не можето только сдѣлать мужчину женщиной». *Авторъ.*

державныхъ организацій) и превратился въ единое цѣлое; онъ былъ державенъ во всей своей совокупности и представлялъ собою первоисточникъ всякой власти въ государствѣ. Но господство парламента есть не что иное, какъ господство большинства въ самомъ парламентѣ. Вмѣстѣ съ экономической и политической независимостью отъ государства отдѣльныхъ общинъ и земель исчезаетъ также и самостоятельность отдѣльныхъ депутатовъ въ парламентѣ. Парламентское меньшинство должно такъ же безусловно подчиняться большинству, какъ вся страна подчиняется парламенту. Воля большинства въ парламентѣ становится верховнымъ закономъ; оно тоже могло бы сказать о себѣ, какъ Людовикъ XIV: государство—это я. Короли и министры становятся его рабами.

Какъ и всякіе иные рабы, они иногда могли оказывать вліяніе на своихъ господъ (въ большинствѣ случаевъ самыми низменными средствами) и пользоваться ими въ своимъ интересахъ. Но если рабу удается помыкать своимъ господиномъ, то сущность ихъ отношеній отъ этого все-таки не измѣняется.

Большинство и меньшинство парламента превращаются въ XVII столѣтіи въ сплоченныя партіи: виговъ и торіевъ.

Прочныя, сплоченныя партіи были невозможны въ старыхъ сословныхъ собраніяхъ. Вслѣдствіе преобладанія мѣстныхъ и корпоративныхъ интересовъ не только государство, но и партіи, возникавшія въ немъ, неизбѣжно были крайне непрочными; партіи безпрестанно измѣнялись. Современный способъ производства и современное государство должны были предварительно одержать верхъ надъ партикуляризмомъ сословій, цеховъ, общинъ и т. д., раньше чѣмъ члены даннаго класса во всей странѣ могли придти къ сознанію своихъ общихъ классовыхъ интересовъ, раньше чѣмъ могли образоваться національные классы, распространенные по всей странѣ, а на почвѣ національныхъ классовъ и классовыхъ интересовъ—сплоченныя партіи.

Но чѣмъ больше силы и вліянія пріобрѣтаетъ парламентъ, чѣмъ больше онъ подчиняетъ себѣ государственную власть, тѣмъ значительнѣе выгоды, ожидающія ту партію, которой удается стать большинствомъ въ парламентѣ. Этимъ вызывается стремленіе политиковъ объединить въ одну партію всѣ тѣ элементы, которые сходятся въ главныхъ цѣляхъ, хотя бы они далеко расходились другъ съ другомъ во второстепенныхъ вопросахъ. Этимъ вызывается стремленіе подавить разногласицу взглядовъ въ побочныхъ вопросахъ. Возникаетъ партійная дисциплина, «партійная тиранія»; рядомъ съ парламентскимъ абсолютизмомъ начинаетъ сказываться и абсолютизмъ партійный.

VI.

Современная демократія.

XVIII вѣкъ представляетъ собою высшій пунктъ развитія абсолютизма. Но этотъ же вѣкъ создалъ также и силы, которыя должны были положить конецъ абсолютизму.

Государство XVIII вѣка какъ въ Англіи, такъ и въ остальной Западной Европѣ, съ одной стороны, было теплицей для воспитанія торговыхъ и промышленныхъ капиталистовъ, а слѣдовательно, также и пролетаріевъ,—съ другой, грандіознымъ аппаратомъ для грабежа народа въ пользу нѣкоторой части дворянства: въ Англіи—той, которая завѣдывала государственнымъ управленіемъ, въ остальной же Европѣ—въ пользу придворнаго дворянства и крупныхъ финансистовъ.

Противъ обѣихъ этихъ сторонъ государства въ теченіе XVIII вѣка все болѣе и болѣе возрастало сильное возмущеніе народа. Торговля и промышленность развились до такихъ размѣровъ и приняли такой характеръ, что заботливая опека бюрократіи являлась уже препятствіемъ дальнѣйшему развитію способовъ производства, и среди ожесточенной конкурренціи

побѣда доставалась тому изъ соперниковъ, кто лучше и скорѣе всѣхъ могъ пустить въ ходъ новое открытіе или изобрѣтеніе и примѣниться къ каждому настроенію рынка.

Теперь уже не государственная охрана, а *свобода* стала лозунгомъ капиталистовъ.

Не одной лишь экономической свободы требовала буржуазія, но также и свободы политической. Какъ по своей численности, такъ и по умственному развитію, а еще болѣе по экономическому значенію, буржуазія чувствовала себя (во Франціи и Англіи) достаточно сильной для сверженія ига аристократіи и соединенной съ нею королевской власти.

Въ XVI, XVII и еще въ первой половинѣ XVIII вѣка крупная торговля и промышленность служили, главнымъ образомъ, роскоши. Вслѣдствіе несовершенства средствъ сообщенія, перевозка товаровъ на дальнія разстоянія вознаграждалась лишь въ томъ случаѣ, если они имѣли сравнительно высокую цѣну. Морская торговля доставляла въ Европу золотыя и серебряныя издѣлія, дорогія пряности, роскошныя ткани и т. п. Капиталистическая промышленность Европы, т. е. промышленность, работающая для всемірнаго рынка, производила шелковыя матеріи, гобелены, фарфоръ и т. п. Капитализмъ въ тѣ времена получалъ свои барыши отъ расточительности аристократіи.

Но мало-по-малу, вслѣдствіе улучшенія путей сообщенія и способовъ производства, рядомъ съ предметами роскоши, выступаетъ на первый планъ и производство предметовъ народнаго потребленія. Если производство предметовъ роскоши нуждалось для своего процвѣтанія въ богатомъ и расточительномъ классѣ, то производство предметовъ народнаго потребленія могло развиваться тѣмъ лучше, чѣмъ выше была покупательная сила массы населенія, т. е. чѣмъ меньше эксплуатировали ее высшіе классы. И по мѣрѣ того, какъ промышленность превращалась въ производство предметовъ народнаго потребленія, все невыносимѣе становилась для бур-

жуазіи система аристократическаго хищенія, а въ то же время возрасталъ спросъ на жизненные припасы (для промышленныхъ рабочихъ) и сырые матеріалы. Туземное производство уже не могло удовлетворять этому спросу. Ввозъ дешевыхъ предметовъ первой необходимости и сырыхъ матеріаловъ пріобрѣталъ, такимъ образомъ, все большее и большее значеніе для промышленныхъ классовъ. Интересы же землевладѣльцевъ были совершенно противоположны.

Эти обстоятельства, сначала въ Англіи и Франціи, а затѣмъ и въ другихъ странахъ Западной Европы явились основной причиной зависти буржуазіи къ аристократическому строю, въ какихъ бы формахъ послѣдній ни проявлялся: въ парламентскомъ ли государствѣ, или въ неограниченной монархіи.

Но рядомъ съ буржуазіей пришли въ движеніе и низшіе классы: крестьяне и мѣщане, къ которымъ присоединился и пролетаріатъ; этотъ послѣдній классъ еще не обнаруживалъ самостоятельности, а шелъ рука объ руку съ самыми революціонными слоями мелкой буржуазіи. На этихъ классахъ лежало государство XVIII вѣка всей своей тяжестью; изъ нихъ извлекало оно средства для покрытія расходовъ на бюрократію, войско, уплату государственныхъ долговъ и содержаніе двора.

Крестьяне, мелкое мѣщанство и пролетаріи — насколько вообще можно говорить о пролетаріяхъ въ прежніе вѣка — были съ самаго начала враждебны возникавшей абсолютной государственной власти и эксплуатаціи народа государствомъ при посредствѣ аристократіи. Но повсюду, гдѣ только они пытались оказывать противодѣйствіе, они обыкновенно терпѣли пораженія вслѣдствіе своей разрозненности, отсутствія связи между отдѣльными общинами и землями.

Съ теченіемъ времени государственное единство и капитализмъ — торговля, налоги, мануфактура и т. д. — оказали и свое дѣйствіе и на эти классы. Ихъ мѣстная, приходская политика

постепенно исчезала,—конечно, въ однихъ мѣстахъ быстрѣе, въ другихъ медленнѣе; начало положили мѣщане и пролетаріи, которые даже въ мелкихъ городахъ вступали въ тѣсную связь со своими товарищами изъ большихъ городовъ. Примѣръ ихъ сталъ образцомъ для трудящагося населенія всей страны. А капиталистическая промышленность собирала теперь въ большіе города массы пролетаріевъ вмѣстѣ съ кормившимися около нихъ торговцами и ремесленниками, которые жили теперь уже не только на счетъ пышности двора. Эта пышность лишь рѣзче оттѣняла въ ихъ сознаніи ихъ собственную нищету, — и ненависть, злоба, накопившіяся въ бѣдствующемъ народѣ, обрушивалась на королевскій дворъ.

Подъ водительствомъ трудящихся классовъ большихъ городовъ мѣщане и пролетаріи всей страны, а мѣстами даже и крестьяне, начали приходить къ сознанію, что, кромѣ мѣстныхъ интересовъ, у нихъ есть и общіе, государственные интересы. По мѣрѣ того, какъ исчезала ихъ мѣстная политика и выступали на первый планъ стремленія, охватывавшія всю территорію націи, сила и вліяніе этихъ низшихъ классовъ быстро возрастали.

Рядомъ съ капиталистами и трудящимися классами, у аристократическаго строя появился еще третій противникъ: буржуазная интеллигенція,—адвокаты, профессора, врачи, писатели, художники и т п .

Въ XVI и XVII столѣтіяхъ эти классы находились еще въ прямой или косвенной зависимости отъ придворной аристократіи. Въ средніе вѣка убѣжищемъ наукъ и искусствъ служила церковь. Съ тѣхъ же поръ, какъ она, со времени реформаціи, оставила эту роль, каждый мыслитель, каждый художникъ, каждый поэтъ, не обладавшій независимыми средствами, могъ заниматься своей наукой или искусствомъ только при помощи какого-нибудь знатнаго покровителя, который имѣлъ благосклонность принять его въ число своихъ лакеевъ.

Но по мѣрѣ усиленія буржуазіи, возрастаетъ и досугъ ея членовъ, развиваются ихъ потребности, и образованные люди становятся необходимыми и для буржуазіи;—создается, такъ сказать, рынокъ для адвокатовъ, врачей, инженеровъ, учителей и т. д.; съ того же момента, когда и низшіе классы большихъ городовъ начали принимать участіе въ политической и умственной жизни націи, читать книги, газеты и т. д.,—интеллигенція становится все болѣе и болѣе независимой отъ двора и аристократіи; въ наукѣ и искусствѣ могутъ уже проявляться и тенденціи, враждебныя этимъ общественнымъ силамъ. Скоро эти тенденціи заняли господствующее мѣсто въ наукѣ и искусствѣ: логика фактовъ говорила противъ аристократическаго строя, да и сама интеллигенція большею частью происходила изъ буржуазіи и по своему соціальному положенію и интересамъ ближе всего стояла къ ней.

Но интеллигенція по широтѣ своего кругозора была выше всѣхъ остальныхъ слоевъ буржуазіи, и ее обыкновенно не особенно затрагивали временные и случайные интересы членовъ этого класса. Такимъ образомъ, буржуазная интеллигенція имѣла возможность стать передовымъ борцомъ буржуазіи, истолковательницей и представительницей ея основныхъ классовыхъ интересовъ. Но требованія классовыхъ интересовъ буржуазіи совпадали тогда съ требованіями всего общественнаго развитія, даже съ интересами низшихъ классовъ, которые вмѣстѣ съ высшими имѣли передъ собой одного общаго врага: аристократическій строй.

Гнетъ этого строя былъ такъ великъ, эксплуатація была такъ чрезмѣрна, что передъ ними отступили на заднія планъ противорѣчія, существовавшія между отдѣльными классами населенія: между городомъ и деревней, наемнымъ рабочимъ и капиталистомъ, ремеслами и крупной промышленностью, промышленностью и торговлей и т. д.

Различные слои буржуазіи, мѣщанства, крестьянъ и про-

летаріата соединились для низверженія абсолютной государственной власти и развѣнчанія дворянства. И тѣмъ классомъ, который болѣе всего содѣйствовалъ образованію этого союза и который оказался самымъ прочнымъ элементомъ единенія, была буржуазная интеллигенція. Она меньше всего подвергалась вліянію тѣхъ моментовъ, которые поселяли рознь между отдѣльными слоями различныхъ классовъ; она лучше всего чувствовала и понимала *объединяющіе* ихъ интересы; поэтому мы видимъ, что и на демократическое движеніе, явившееся плодомъ этого союза въ послѣднія десятилѣтія XVIII столѣтія, наложила свою печать интеллигенція: она дала ему своихъ вождей и передовыхъ борцовъ.

Демократія имѣла предъ собою двѣ задачи. Она должна была, по мѣрѣ возможности, ослабить всемогущество центральной государственной власти надъ народомъ—все равно, была-ли эта власть въ рукахъ монарха, или парламента. Но выполненіе этой задачи возможно было лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ, потому что капиталистическое общество тоже нуждалось для своего развитія въ сильной центральной власти. Поэтому демократія должна была, рядомъ съ первой задачей, поставить и вторую: превратить государственную власть изъ орудія аристократіи въ орудіе народа.

Рѣшеніе первой задачи требовало свободной критики государственной власти и ея органовъ: публичности засѣданій парламента, свободы слова и печати. Оно требовало, далѣе, передачи нѣкоторыхъ функцій и принудительныхъ средствъ государственной власти и ея чиновниковъ—общинамъ и провинціямъ, которымъ нужно было дать самоуправленіе. Но это самоуправленіе не означаетъ возстановленія средневѣковой общины; община не можетъ уже снова стать самодовлѣющимъ цѣлымъ, какимъ она была въ прежнія времена; она остается членомъ всей націи и въ своихъ предѣлахъ дѣйствуетъ въ ея интересахъ. Права и обязанности отдѣльныхъ общинъ относи-

тельно государства не устанавливаются теперь особыми договорами, а являются продуктомъ одинаковаго для всѣхъ законодательства центральной государственной власти: они опредѣляются не интересами отдѣльныхъ общинъ, а интересами всего государства или націи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ демократія должна была требовать уничтоженія самаго важнаго принудительнаго средства государственной власти,—распущенія постоянной арміи и замѣны ея народнымъ ополченіемъ,—милиціей. Наконецъ, она должна была требовать прекращенія принудительнаго раздробленія націи, насколько это раздробленіе было продуктомъ не экономическаго развитія, а произвола полицейскаго государства. Нужно было положить конецъ насильственному изолированію гражданъ другъ отъ друга; граждане должны были получить право соединяться въ общества для защиты своихъ общихъ интересовъ, чтобы имѣть возможность оказывать вліяніе на государство. Отсюда требованіе свободы собраній, союзовъ и коалицій (сообществъ).

Вторая задача демократіи состояла въ томъ, чтобы поставить центральную власть въ зависимость отъ народа. Въ этомъ отношеніи примѣромъ служила Англія. Тамъ королевская власть была совершенно безсильна передъ парламентомъ. Представительное собраніе, снабженное правами англійскаго парламента, оказалось единственно-дѣйствительнымъ и единственно-возможнымъ средствомъ къ тому, чтобы поставить власть, находящуюся въ рукахъ правительства современнаго централизованнаго государства, подъ контроль народа, заставить эту власть служить массѣ населенія.

Поэтому борьба за парламентскія учрежденія неразрывно связана съ пробужденіемъ политической жизни въ европейскихъ государствахъ. Эта борьба, какъ извѣстно, почти повсюду привела къ завоеванію представительныхъ учрежденій, хотя правительства дѣлали все отъ нихъ зависѣвшее, чтобы отнять

одной рукой то, что давалось другой, и обезсилить парламенты. Даже Турція во время послѣдней русско-турецкой войны ввела было нѣкій призракъ парламента. Конституція вообще есть лишь вопросъ времени.

Но если Англія показала, какъ опасенъ для абсолютной королевской власти парламентаризмъ, то она обнаружила также, что парламентъ отнюдь не обязательно является представительствомъ народа.

Столь же важной, какъ борьба за парламентскія учрежденія, стала и борьба за избирательное право. Отъ избирательнаго права зависитъ, будетъ ли парламентъ орудіемъ классового господства аристократіи, или буржуазіи, или онъ станетъ центромъ классовой борьбы между буржуазіей и пролетаріатомъ. Борьба за избирательное право гораздо труднѣе и ожесточеннѣе борьбы за «конституціонный образъ правленія».

Всеобщее, прямое и для всѣхъ одинаковое избирательное право есть важнѣйшее средство къ тому, чтобы заставить парламентъ служить массѣ населенія, сдѣлать его вѣрнымъ отраженіемъ теченій, господствующихъ въ народѣ. Это важнѣйшее средство, но не единственное. Къ этой же цѣли ведетъ еще рядъ другихъ, менѣе существенныхъ, но отнюдь не лишенныхъ большой важности установленій,—напр., сокращеніе періодовъ, на которые избирается парламентъ, назначеніе выборовъ въ праздничные дни и т. п. Изъ-за мѣропріятій этого рода партіи повсюду ведутъ напряженную борьбу.

Къ этимъ установленіямъ относятся также *референдумъ* и *инициатива*, достигшіе извѣстнаго значенія въ демократической Швейцаріи. Референдумомъ называется право народа подвергать, при извѣстныхъ условіяхъ, всеобщему голосованію законопроекты, предлагаемые представительными учрежденіями; инициатива же есть право народа подвергать голосованію законопроекты, исходящіе изъ его среды.

Въ Швейцаріи, по 89 ст. союзной конституціи 1874 г.,

законы по союзнымъ дѣламъ, а также постановленія, обязательныя для всего союза, передаются на утвержденіе народу посредствомъ всеобщаго голосованія, если этого потребуетъ 30,000 швейцарскихъ гражданъ или восемь кантоновъ.

123 ст. союзной конституціи дѣлаетъ народное голосованіе обязательнымъ при пересмотрахъ конституціи. (Постановленіе отъ 8 апрѣля 1891 г. распространяетъ это требованіе и на частные пересмотры).

Права народной иниціативы относительно обыкновенныхъ, частныхъ законовъ нѣтъ въ союзной конституціи *). Но союзное собраніе обязано назначить всеобщее голосованіе, если 50.000 гражданъ потребуютъ общаго или частнаго пересмотра конституціи (ст. 120 121 союзн. констит.).

Еще шире права населенія относительно представительныхъ учрежденій въ нѣкоторыхъ кантональныхъ конституціяхъ Швейцаріи. Во многихъ кантонахъ референдумъ не только возможенъ, какъ въ союзной конституціи, а обязателенъ. Новые законы и постановленія (въ особенности же финансоваго содержанія) *обязательно* должны передаваться на всеобщее голосованіе въ Цюрихѣ, Бернѣ, Швицѣ, Солотурнѣ, Граубюнденѣ, Аарау, Тургау, Валиссѣ и Базельской Землѣ **). Большинство остальныхъ кантоновъ имѣютъ только факультативный (не обязательный) референдумъ и иниціативу. Фрайбургъ—единственный швейцарскій кантонъ, въ которомъ нѣтъ ни референдума, ни иниціативы. Женева, Ваадтъ (Во) и Нейенбургъ (Нейшатель) ввели у себя только факультативный референдумъ.

Нигдѣ, однако, референдумъ и иниціатива не обнаруживаютъ тенденціи упразднить представительныя учрежденія: напротивъ, они вездѣ связаны съ существованіемъ послѣднихъ. Составле-

*) За введеніе этого права уже началась въ Швейцаріи довольно энергичная борьба. Г. Л.

**) Базельскій кантонъ состоитъ изъ двухъ автономныхъ частей: Базель-городъ и Базельская Земля. Г. Л.

ніе законовъ, почти вездѣ возложено на эти учрежденія. Референдумъ даетъ народу лишь право голосовать относительно законовъ, составленныхъ кантональнымъ совѣтомъ или союзнымъ собраніемъ. Инициатива же даетъ народу лишь право—иногда точно формулированное или, по крайней мѣрѣ, фактически установившееся,—требовать изданія закона извѣстнаго содержанія, выработка же самого текста закона возлагается на собраніе представителей *).

Референдумъ и инициатива имѣютъ въ виду не упразднить законодательную центральную власть,—парламентъ, а только усилить вліяніе народа на эту власть, поставить ее въ возможно большую зависимость отъ народа.

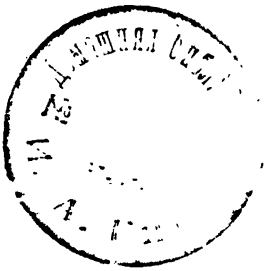
Оба эти установленія представляютъ собою послѣднее слово современной демократіи.

*) Авторъ выражается здѣсь нѣсколько неточно; въ другомъ мѣстѣ онъ исправляетъ эту неточность. Въ дѣйствительности инициатива чаще всего предоставляетъ народу право не только указывать общій смыслъ требуемаго закона, но и вырабатывать точный текстъ этого закона. Если такой текстъ выработанъ инициаторами и снабженъ узаконеннымъ числомъ подписей, то, напр., союзное собраніе обязательно должно передать его на всеобщее голосованіе, хотя бы оно и не одобряло его (*См. Дюнанъ. Народное законодательство въ Швейцаріи*). Г. Л.

Книгоиздательство „ВПЕРЕДЪ“.

№ 2/25

Ж. Гэдъ.



О коллективизмѣ

Переводъ съ французскаго.

1905.

Дозволено цензурою. Одесса, 23 іюля 1905 года.

ОДЕССА.
„Коммерческая“ лито-типографія В. Сапожникова
Ришельевская 27.

О коллективизмѣ.

I.

Коллективизмъ не отличается отъ научнаго коммунизма въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ верховной критики Карла Маркса. Это названіе преобладаетъ во Франціи потому, что въ цѣляхъ нашей пропаганды было важно оттѣнить различіе разнообразныхъ коммунистическихъ системъ. Выкованныя изъ различныхъ кусковъ людьми болѣе или менѣе трудолюбивыми или талантливыми, системы эти окутывали умы утопіей.

Коллективизмъ, господствующій въ рабочей партіи, къ которой я имѣю честь принадлежать, средѣ марксистовъ, не покоится ни на одномъ изъ *апріорныхъ* представленій о справедливости, свободѣ, равенствѣ или братствѣ; эти представленія входятъ, по нашему мнѣнію, въ область той метафизики, о которой Вольтеръ могъ сказать приблизительно слѣдующее: „метафизика—тамъ, гдѣ два человѣка не могутъ понять другъ друга".

Онъ уже не ссылается на „великодушныя чувства" или на „стремленія къ благосостоянію", которыя были во всѣ времена, но никогда не достигали цѣли, потому что не желанія человѣка правятъ міромъ, но міръ своими послѣдовательными, неизбѣжными преобразованіями создаетъ наши чувства, наши желанія, то, что называютъ еще нашимъ идеаломъ.

Коллективизмъ опирается исключительно на экономическую эволюцію обществъ, являясь только ея новой фазой, неизбѣжнымъ и грядущимъ окончаніемъ.

Словомъ, мы утверждаемъ, что условія современнаго производства, какъ земледѣльческія, такъ и промышленныя, все болѣе и болѣе образуютъ и вызываютъ новую, коллективистическую или коммунистическую форму владѣнія землей и ея естественными и общественными богатствами.

Изслѣдуя въ прошедшемъ это соотношеніе между человѣкомъ и вещами, соотвѣтствующими собственности, мы видимъ, что оно находится въ состояніи вѣчнаго измѣненія. Мы далеки отъ того священнаго ковчега, который намъ стремились навязать, какъ начало и конецъ не только всей цивилизаціи, но всего общества. Мы видимъ, съ другой стороны, что эти измѣненія формъ собственности не заключаютъ въ себѣ ничего произвольнаго или случайнаго, что онѣ опредѣляются самыми формами труда или господствующими способами удовлетворенія потребностей человѣческаго рода. Въ эпоху, длившуюся вѣками, когда человѣчество еще не вышло изъ стадіи животности (въ собственномъ смыслѣ) то, что станетъ впослѣдствіи человѣкомъ, было ограничено въ своихъ способахъ существованія сборомъ и потребленіемъ того, что доставляла ему естественная среда; собственность могла быть только на пищевые продукты, плоды, коренья и проч. Земля принадлежала всѣмъ, и не было причинъ для возникновенія той или другой формы владѣнія ею.

Земля, напротивъ, становится коллективной собственностью племени, когда охота, ставшая главнымъ источникомъ существованія, требуетъ участія многихъ, совокупнаго или коллективнаго дѣйствія; въ то же время еще совсѣмъ примитивное оружіе, которымъ каждый пользовался особо, становится предметомъ впервые возникшей частной собственности. Защита этихъ охотничьихъ территорій, принадлежащихъ всему обществу, вызываетъ между племенами тѣ распри или войны, которыя застали у краснокожихъ послѣ Колумба въ XVIII вѣкѣ бѣлые завоеватели Америки и чѣмъ они воспользовались для истребленія этихъ племенъ.

Значительно позднѣе, съ распространеніемъ земельной обработки и промышленности, производящихся при помощи небольшихъ орудій или инструментовъ, простыхъ продолженій руки человѣка, земледѣльческій и промышленный трудъ, являясь индивидуальнымъ дѣломъ, вызываетъ возникновеніе недвижимой (земельной) и движимой (частной) собственности; ея образованію способствовало распредѣленіе между семьями все большаго количества земель и жилищъ: сначала ежегодно, потомъ разъ въ три года или пять лѣтъ, затѣмъ разъ въ двадцать лѣтъ и т. д

Итакъ, частная или индивидуальная собственность на средства производства была не только законна, но и необходима, такъ какъ основанная на личномъ трудѣ владѣльца, она побуждала этого послѣдняго, какъ производящаго для самого себя, производить возможно больше. Такой строй былъ для человѣчества наилучшиъ, т. е. такимъ, который давалъ наибольшее количество продуктовъ или средствъ существованія.

Совсѣмъ не то происходитъ теперь. Благодаря раздѣленію труда, введенному мануфактурнымъ производствомъ, благодаря, особенно, примѣненію машины и пара, трудъ пересталъ быть личнымъ, онъ сталъ общественнымъ.

Обширныя группы рабочихъ (поденщиковъ, химиковъ,. кочегаровъ, механиковъ и пр.) трудятся надъ обработкой земли со времени введенія парового плуга, жатвенныхъ машинъ, молотилокъ и пр., тогда какъ прежде было достаточно единичныхъ усилій владѣльца: онъ самъ долженъ былъ пахать, сѣять, жать, молотить, и проч. и проч.

Обширныя группы рабочихъ (механиковъ, подмастерьевъ, директоровъ, ткачей обоего пола, чернорабочихъ и проч.) производятъ на ткацкихъ фабрикахъ шерстянныя и хлопчатобумажныя ткани, тогда какъ прежде ихъ обрабатывалъ исключительно ткачъ у себя на дому при помощи принадлежащаго ему ручного станка.

Такія же группы, и вызванныя тѣми же требованіями введенія машинъ, мы встрѣчаемъ въ желѣзномъ, деревянномъ (круговая пила), сахарномъ и другихъ производствахъ.

Но въ то время, какъ трудъ неизбѣжно становился общественнымъ, собственность на столь расширенныя орудія труда оставалась частной.

Отсюда, изъ этого противорѣчія, изъ этого антагонизма между формой труда и формой собственности, проистекаетъ все зло, вся нечестность, отъ которой страдаетъ современное

исчезнетъ это только съ наступленіемъ коммунистическаго строя т. е. тогда, когда собственность станетъ общественной, какъ это уже произошло съ производствомъ.

Общественное производство, какъ результатъ введенія раздѣленія труда, примѣненія машины и пара, увеличило производительность труда свыше того, что могло себѣ представить самое смѣлое воображеніе. Мы лишь напомнимъ о жакардовомъ ткацкомъ станкѣ, увеличившемъ производительность ткацкаго труда на 350%, о чугунноплавильныхъ заводахъ, прядильныхъ фабрикахъ (Ричардтъ, Аркрайтъ и Уаттъ), усилившихъ производительную мощь человѣка въ желѣзодѣлательномъ и хлопчатобумажномъ производствахъ отъ 25 до 350 разъ сравнительно съ прошлымъ. Эти „классическія" изобрѣтенія сопровождались еще болѣе чуднымъ усовершенствованіемъ: въ работѣ отдѣленія хлопка отъ сѣмени одинъ человѣкъ при помощи новѣйшихъ машинъ производитъ теперь работу 1000 человѣкъ; мотовило, дѣлавшее въ 1874 г. 4000 оборотовъ, теперь дѣлаетъ 10000, наконецъ, одинъ американскій экономистъ, цитируемый „Французскимъ экономистомъ" (L'Economiste français) вычислилъ, что и при современномъ развитіи машиннаго производства достаточно труда семи человѣкъ, чтобы взростить и смолотить хлѣбъ, смолоть муку, замѣсить тѣсто, испечь хлѣба и такимъ образомъ накормить тысячу человѣкъ.

Но такъ, какъ вмѣсто того, чтобы стать общественной собственностью, эти почти волшебныя средства производства стали личнымъ достояніемъ нѣсколькихъ капиталистовъ, то производители очутились въ положеніи пролетаріевъ: они исключены изъ пользованія этимъ излишкомъ, они могутъ употреблять произведенные ими продукты только въ количествѣ, безусловно необходимомъ для ихъ существованія и воспроизведенія.

Въ концѣ этого необычайнаго роста человѣческихъ благъ ихъ ждало только безпримѣрное усиленіе нищеты и рабства.

Они лишены единственнаго источника существованія—работы, такъ какъ „человѣческая рабочая сила" утилизируется и содержится только въ предѣлахъ спроса на нее въ производствѣ, гдѣ она вытѣсняется нечеловѣческой рабочей силой машины. Только одна часть могла продолжать работать т. е. жить. Другихъ, число которыхъ все увеличивается съ развитіемъ механическаго производства, ждала безработица,—этотъ ужасный бичъ, въ былыя времена неизвѣстный,—это какъ говорятъ, мертвое время года, т. е. время года, когда умираютъ.

Чтобы не умереть съ голоду, они, тѣснясь у дверей мастерской, съ уступкой предлагали свои руки. Эта запасная армія давала возможность предпринимателямъ, стремящимся исключительно къ сокращенію издержекъ производства, понизить заработную плату занятыхъ въ производствѣ рабочихъ.

Но не только въ ожесточенной конкуренціи между безработными и занятыми въ производствѣ рабочими, лежитъ причина пониженія заработной платы съ введеніемъ машинъ; оно обусловливается также лишеніемъ рабочаго его техническаго навыка и

ремесленникъ, знатокъ по своей части, не легко могъ быть замѣненъ другимъ, онъ былъ даже въ извѣстной мѣрѣ заинтересованъ въ выгодахъ хозяина. Эта гарантія исчезла съ введеніемъ машинныхъ орудій, которыя сами производятъ техническую работу и могутъ быть управляемы безразлично X... Y... или Z.

Съ другой стороны, введеніе машинныхъ орудій, выполняющихъ мускульную работу и сводящихъ трудъ къ простому присутствію или наблюденію, вызвало самое ужасное изъ преступленій: вовлеченіе въ промышленность женщины и ребенка. Оторванныя стъ семейнаго очага, подъ гнетомъ самаго ужаснаго изъ насилій—голода, женщина и ребенокъ были вынуждены идти на фабрику, гдѣ, благодаря большой дешевизнѣ ихъ рабочей силы и меньшей способности къ самозащитѣ, они замѣнили мужчину и притомъ въ такихъ размѣрахъ, что даже буржуазный законъ долженъ былъ, наконецъ, вмѣшаться, чтобы ограничить и регламентировать это двойное покушеніе на расу, которой наносятъ вредъ не только въ ея настоящемъ, но и въ ея *будущемъ*.

Наконецъ, порядки, господствующіе въ крупныхъ мастерскихъ, вынуждаютъ рабочихъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ, сотнями и тысячами заключенныхъ въ нихъ, къ безпрекословному повиновенію, къ подчиненію желѣзной дисциплинѣ и цѣлой системѣ *интересовъ*, вычетовъ и лишеній мѣста. Это дѣлаетъ изъ каждаго хозяина, изъ каждаго товарищества на своемъ заводѣ безграничнаго монарха, личный произволъ котораго равносиленъ закону.

Я не буду, впрочемъ, распространяться объ ужасныхъ послѣдствіяхъ частной собственности при системѣ общественнаго производства, во первыхъ, потому, что достаточно не закрывать глазъ, чтобы видѣть все это, а во вторыхъ, и, въ особенности, потому, что я рѣшилъ оставить въ сторонѣ тѣ изъ доводовъ, побуждающихъ къ рѣшенію соціальной проблемы въ коллективистическомъ смыслѣ, которые относятся къ области чувствъ.

Я возвращаюсь къ экономическимъ причинамъ коллективизма, которыя я подраздѣляю на „дѣлающія возможнымъ“ и „неизбѣжно вызывающія“ осуществленіе коллективистическаго строя.

II.

Возможность обобществленія собственности вытекаетъ изъ того факта, что въ противоположность частной собственности прежнихъ временъ, составлявшей одно съ владѣльцемъ, получавшей свою цѣнность, благодаря его личному труду, современная капиталистическая собственность не только не сливается съ собственникомъ, но совершенно отдѣлена отъ него и цѣнность свою получаетъ благодаря несобственникамъ, *трудомъ* которыхъ она исключительно создается.

Не владѣльцы каменоугольныхъ копей, желѣзныхъ дорогъ, чугунно-плавильныхъ заводовъ, обширныхъ магазиновъ, вродѣ Бо-Марше или Лувра, приводятъ въ движеніе и устанавливаютъ

ленія или обращенія, а пролетаріи—начиная съ чернорабочаго, получающаго 2 франка въ день и служащаго за 100 франковъ въ мѣсяцъ и кончая инженеромъ или директоромъ съ 30-ью или 50-ью тысячами франковъ годового оклада.

Этотъ *абсентизмъ**) сталъ или стремится стать правиломъ во всѣхъ производствахъ и во всѣхъ странахъ.

Зажгите всѣ фонари Діогена,—что я говорю?—самыя сильныя лампы Эдиссона и загляните во всѣ углы и закоулки всѣхъ отраслей труда. Нигдѣ вамъ не удастся найти владѣльца.

Гдѣ живетъ онъ, съ тѣхъ поръ, какъ сталъ акціонеромъ: въ данной ли странѣ или сосѣдней, на другомъ ли полушаріи или на лунѣ? Все равно. Производство совершается помимо него; его собственность производятъ безъ его участія.

И когда я говорю „его" собственность, я пользуюсь очень *неточнымъ выраженіемъ*; ибо если подвергнутъ его обыкновенному или чрезвычайному допросу, то онъ самъ не могъ бы указать въ чемъ она заключается. Состоитъ ли онъ акціонеромъ орлеанскихъ или какихъ нибудь другихъ желѣзныхъ дорогъ, есть ли у него акціи на этотъ вокзалъ, на этотъ локомотивъ, на этотъ вагонъ, на эти рельсы. Состоитъ ли онъ акціонеромъ въ Анзенѣ**) или Анишѣ***) этой галлереи, этихъ шахтъ или этого вентилятора? Не только онъ этого не знаетъ, но и не можетъ этого знать —до такой степени собственность въ настоящее время стала общей, нераздѣльной и безличной.

Сенъ-Симонъ, стремясь доказать неважность политическихъ или правительственныхъ функцій по сравненію съ промышленными и торговыми функціями, прибѣгнулъ къ извѣстной „параболѣ" которая, между прочимъ, натолкнула его на вопросъ о справедливости.

Мы можемъ воспользоваться этой параболой и приложить ее къ современнымъ капиталистамъ. Завтра, вслѣдствіе той или другой катастрофы, которую вы по желанію можете считать счастливымъ или несчастнымъ событіемъ, исчезнутъ всѣ до послѣдняго акціонеры желѣзныхъ дорогъ, каменноугольныхъ копей, чугунно-плавильныхъ заводовъ и т. д. Развѣ изъ нѣдръ земли выйдетъ тогда хоть на одну тонну менѣе каменнаго угля, или по рельсамъ будетъ катиться хоть однимъ товарнымъ или пассажирскимъ вагономъ меньше, или хоть на одинъ метръ убавится хлопчатобумажныхъ или шелковыхъ тканей, продажа которыхъ будетъ идти своимъ чередомъ?

Владѣльческій классъ, чуждый производству и обращенію, въ которыхъ онъ участвуетъ только для того, чтобы въ продуктахъ труда другихъ получать львиную долю въ формѣ прибылей, дивидендовъ или барышей, сталъ безполезенъ,—и вслѣдствіе этого, вреденъ. Онъ является только паразитомъ; а исторія уже доказала намъ, что классы, впавшіе въ состояніе паразитизма, пере-

---

*) Абсентизмомъ называется постоянное отсутствіе тамъ, гдѣ данному лицу слѣдовало бы присутствовать по своему положенію, званію и пр. Абсентизмъ - отъ латинскаго слова absens (отсутствующій).

**) Анзени—промышленный городъ въ сѣверномъ департаментѣ Франціи.

ставшіе выполнять ту соціальную функцію, которая ихъ порою неизбѣжно обречены на гибель.

Взгляните лучше на дворянство. Пока въ желѣзномъ облаченіи, съ копьемъ или мечемъ въ рукѣ, оно служило живымъ щитомъ для полевыхъ работъ и промышленности, организованной въ городахъ въ корпораціи искусствъ и ремеслъ; пока оно охраняло человѣческій улей—какъ ни тягостна была это охрана—оно могло противостоять всѣмъ попыткамъ, направленнымъ противъ его преобладанія въ государствѣ, гдѣ единственно оно могло „способствовать этому своей кровью". Но съ того дня, когда внутренняя полицейская охрана и внѣшняя защита были ввѣрены милиціямъ, набраннымъ не изъ его среды, начался его упадокъ. И когда дворянство стало уже только придворной знатью, наполнявшей Версаль своей праздностью и живущей на народномъ тѣлѣ какъ паразитъ, то въ общественномъ отношеніи оно было мертво. Третье сословіе своей революціей 1789 г. только засвидѣтельствовало эту смерть. То же самое будетъ съ буржуазіей, которая воплощала въ себѣ прежде весь трудъ—физическій и умственный,—теперь же только существуетъ, какъ присвоительница чужого труда. Она осуждена или, точнѣе, она сама себя осудила.

Другая возможность, и въ то же время, неизбѣжность коллективистическаго преобразованія общества заключается въ исчезновеніи средняго класса, являвшагося какъ бы, буферомъ: онъ препятствовалъ столкновенію между трудящимся пролетаріатомъ и празднымъ капитализмомъ, такъ какъ можно было стремиться и достигать промежуточныхъ общественныхъ положеній. Но вслѣдъ за мелкими промышленниками, исчезаютъ мелкіе торговцы и мелкіе земельные собственники, а съ ними и самая надежда—сдѣлаться ими. Для тѣхъ, у кого могли сохраниться на этотъ счетъ какія либо иллюзіи, я ограничусь приведеніемъ слѣдующей страницы, вышедшей изъ подъ пера не соціалиста, а экономиста, профессора „College de France"—Поля Леруа-Болье:

Промышленность.—Производство въ крупныхъ размѣрахъ дѣлаетъ все болѣе и болѣе затруднительной, почти невозможной конкурренцію съ нимъ *мелкихъ производителей.*

„Машинное производство требуетъ концентраціи промышленности въ обширныхъ помѣщеніяхъ, значительнаго количества весьма сложныхъ и дорогихъ орудій, которыя часто нуждаются въ обновленіи и усовершенствованіи, и распредѣленіи общихъ огромныхъ издержекъ на огромное же количество продуктовъ.

„Область крупной промышленности все болѣе и болѣе расширяется и трудно опредѣлить ея границы. Она заключается не въ исключительномъ расширеніи производства, напримѣръ, пряжи, приготовленія ея для тканья и тканей; *все* производится во все большихъ и большихъ количествахъ.

„*Изготовленіе готоваго платья*, превращающее куски матерій въ совершенно готовое платье, *упраздняетъ* самостоятельно работающихъ *портныхъ*; или, если они остаются, то на непродолжительное время, и только для наиболѣе богатаго класса населенія.

„*Обширныя сапожныя мастерскія почти окончательно вытѣснили сапожниковъ, работающихъ особняковъ.*

„Усовершенствованные пути сообщенія дѣлаютъ доступнымъ для торговцевъ небольшихъ городовъ привозъ изъ Парижа или изъ другихъ крупныхъ промышленныхъ городовъ большей части предметовъ потребленія, которые въ былое время производились на мѣстахъ мѣстными ремесленниками.

„Производятъ въ большомъ количествѣ и на основѣ значительнаго раздѣленія труда даже *часы (часовое производство).*

„Многія корпораціи почти покинули провинцію.

„Это происходитъ не только съ портными, сапожниками, шапочниками, но *все болѣе и болѣе сокращается наличный составъ даже столяровъ, кузнецовъ* и производителей во многихъ другихъ однородныхъ ремеслахъ въ небольшихъ городахъ; ими пользуются только для починокъ и *нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что современемъ даже починки будутъ производиться вдали.*

„Даже отели для путешественниковъ и рестораны стремятся въ настоящее время къ той же концентраціи, дающей возможность предоставить путешественникамъ или кочующему населенію обширныя, обольстительныя, и шумныя гостиницы и въ то же время ограничить въ столицахъ и на водахъ былой легіонъ мелкихъ содержателей гостиницъ.

„*Торговля.*—Всѣ средства сообщенія, распространенія путемъ афишъ, разсылокъ на домъ объявленій или образчиковъ находится въ распоряженіи крупной торговли; то же самое и съ средствами передвиженія, пользованіе которыми, прежде всего, при крупныхъ посылкахъ стоитъ сравнительно дешевле, чѣмъ при болѣе мелкихъ; и благодаря которымъ, кромѣ того, нѣкоторые обширные магазины, находящіеся въ центрѣ страны, могутъ распространять свои товары по всей территоріи и даже ввозить въ чужія страны.

„Эти обширные торговые дома не нуждаются ни въ оптовыхъ торговцахъ, ни въ маклерахъ, ни даже въ комми-вояжерахъ.

„Они бросаются въ глаза своей великолѣпной выставкой разнообразныхъ товаровъ, своими яркими объявленіями или своими образцами товаровъ.

„Административный прогрессъ, заключающійся въ улучшеніи почтовой и телеграфной службъ, уменьшеніи цѣнъ по перевозкѣ посылокъ, приноситъ выгоду крупнымъ торговымъ домамъ и облегчаетъ имъ поглощеніе менѣе крупныхъ.

„Эта концентрація розничной торговли наноситъ смертельный ударъ оптовымъ и полуоптовымъ торговцамъ, маклерамъ и всѣмъ посредникамъ. И какая въ нихъ нужда при существованіи почты и крупныхъ капиталовъ?

„Все безчисленное множество посредниковъ находится въ опасности и должно исчезнуть....

„Эта концентрація столь же разорительна и для провинціальныхъ торговцевъ: они лишились большей части своихъ покупателей... Кто въ наше время не бываетъ въ Парижѣ? Кто н

обширныхъ учрежденій объявленій или образчиковъ? Кто не предпочтетъ обращаться къ нимъ, чѣмъ къ торговцу главной улицы маленькаго города?

„Остроумный административный пріемъ—отправка наложнымъ платежомъ причинилъ огромные убытки провинціальнымъ торговцамъ".

Утверждая, что „никакія мѣры", идущія въ разрѣзъ съ причинами, вызывающими экспропріацію мелкихъ и среднихъ предпринимателей, „не помогутъ", Леруа-Болье заявляетъ тоже самое и относительно экспропріаціи мелкихъ и среднихъ торговцевъ: „Было бы страшнымъ заблужденіемъ предполагать, что можно остановить это движеніе къ концентраціи. Все содѣйствуетъ его развитію. За торговлей платьемъ и мебелью, тому же преобразованію подвергнется торговля пищевыми продуктами".

И какъ нѣкогда въ войнахъ между варварскими народами, мы видимъ нынѣ увеличивающееся число вытѣсненныхъ лавочниковъ, побѣжденныхъ въ этой борьбѣ, предварительно раззоренныхъ, обращенныхъ побѣдителями въ рабство и принужденныхъ отдавать своихъ сыновей и дочерей въ „услуженіе" въ качествѣ приказчиковъ и продавщицъ въ крупные раззоряющіе ихъ магазины.

Столь же несомнѣнно и съ той же быстротой совершается поглощеніе мелкой земельной собственности крупной. Не входя въ большія подробности, что запрещаютъ мнѣ размѣры моей статьи, и намѣчая только нѣчто въ родѣ „оглавленія" современнаго соціализма, я покажу вамъ, что въ Англіи это сосредоточеніе земель уже окончательно произошло, въ Соединенныхъ Штатахъ находится на пути къ полному завершенію и даже во Франціи гораздо значительнѣе, чѣмъ это заставляетъ предполагать легенда о „землѣ, доставшейся крестьянамъ во время революціи прошлаго столѣтія".

По оффиціальнымъ*) статистическимъ даннымъ выходитъ, дѣйствительно, что земель, не принадлежащихъ тѣмъ, кто ее самъ обрабатываетъ, насчитывается 44 милліона гектаровъ, подраздѣляющихся на:

16 милліоновъ гектаровъ лѣса, пустоши, болотъ, земли подъ паромъ, выгономъ и пастбищъ;

4 милліона гектаровъ обрабатываются арендаторами (métayers);

12 милліоновъ фермерами, съемщиками (fermiers-locatàirs);

12 милліоновъ наемными рабочими (владѣнія свыше 100 гектаровъ каждое, числомъ 49000).

Земли тѣхъ, которые обрабатываютъ ихъ сами, не превышаютъ 4 милліоновъ гектаровъ, т. е. одной двѣнадцатой. И съ каждымъ днемъ это пространство крестьянской собственности все уменьшается, причемъ намъ только остается констатировать этотъ фактъ. Ибо, съ одной стороны, безъ денегъ, безъ кредита, постоянно высасывая изъ земли но ничего ей не возвращая, мелкій собственникъ долженъ былъ въ концѣ концовъ ее *исто-*

*) Земли крестьянъ. Таблица составленная по цифрамъ министерства

щить; съ другой стороны, мелкая собственность оказалась несовмѣстимой съ научной обработкой, съ примѣненіемъ машины, парового плуга, жатвенной машины, молотилки и прочаго. Однако, эта концентрація (которую ничто не можетъ задержать), концентрація промышленности въ собственномъ смыслѣ, торговли и земледѣлія во все менѣе и менѣе многочисленныхъ и все болѣе и болѣе праздныхъ рукахъ, отбрасывая въ пролетаріатъ сотни тысячъ людей, которымъ, если и не былъ знакомъ рай, то по крайней мѣрѣ, независимое существованіе, имѣетъ своимъ необходимымъ слѣдствіемъ внесеніе на фабрику и въ копи силы и новой энергіи. Эти только что лишенные собственности неспособны примириться съ рабствомъ, подобно прежнимъ рабочимъ, у которыхъ привычка къ покорности предъ хозяиномъ и нуждой передавалась отъ отца къ сыну. Они будутъ дрожжами, которыя неизбѣжно подымутъ рабочее тѣсто.

Я перехожу къ другой необходимости, еще сильнѣе побуждающей къ разрѣшенію вопроса въ коллективистическомъ смыслѣ: невозможности для общества, раздѣленнаго на классы—собственниковъ безъ работы и рабочихъ безъ собственности—потреблять всѣ богатства, которыя оно перепроизводитъ и не можетъ не перепроизводить.

Машинное производство, не только вмѣстѣ съ трудомъ беретъ и жизнь у все увеличивающагося числа пролетаріевъ, ибо въ такомъ случаѣ данное положеніе вещей могло бы продолжаться до тѣхъ поръ, пока его жертвы мирились съ своей судьбою, но количественно умножая предметы потребленія, оно въ то же время упраздняетъ потребителей, лишая всякой покупательной силы или всякой потребительной способности все болѣе и болѣе значительную часть рабочаго класса, вслѣдствіе безработицъ, непрерывно наростающихъ по силѣ и продолжительности.

Такъ, въ англійскомъ хлопчатобумажномъ производствѣ, вырабатывавшему до введенія машинъ въ періодъ отъ 1814—22 г. только 106.500 фунтовъ пряжи и 80.620 тканей, пользовались трудомъ 445.000 рабочихъ, составлявшаго одну тридцать седьмую часть населенія (16.500.000 жителей). Въ 1880—82 г. благодаря усовершенствованію механическихъ орудій, когда оно вырабатывало 1.224.900 фунтовъ пряжи и 993.880 тканей, число бывшихъ въ немъ рабочихъ не превышало 686.000, что составляетъ только одну пятидесятую часть населенія (34.000.000 жителей). Производство хлопчатой бумаги повысилось на 1,231%, а число людей, которые жили ея производствомъ и могли ее потреблять, уменьшилось на 25%*).

Въ производствѣ обуви дѣло обстоитъ значительно хуже; шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ сапожникъ—взрослый мужчина—изготовлялъ ежегодно 200 паръ. Вотъ ужъ десять лѣтъ, какъ мужчина, женщина или ребенокъ, безразлично, производятъ 2598 паръ. Въ Соединенныхъ Штатахъ производство отъ 70 милліоновъ паръ въ 1845 году, достигло 445 милліоновъ въ 1875 году, а число сапожниковъ, равнявшееся 45877 при населеніи менѣе 19

милліоновъ, не превысило 48090 обоего пола и всѣхъ возрастовъ при почти утроившемся населеніи.

Результатомъ этого являются кризисы, называемые кризисами отъ полнокровія. Предсказанные геніемъ Фурье еще въ началѣ этого столѣтія, они разражаются надъ нами черезъ каждые десять лѣтъ съ 1825 г. сѣя нищету и смерть. Все останавливается, парализуется. Заводы закрываются, выбрасывая милліоны рабочихъ на улицу, лишая ихъ заработка, т. е. обуви, одежды, пищи потому именно, что магазины переполнены пищей, одеждой, обувью.

Этотъ излишекъ всего порождаетъ для нихъ недостатокъ всего. Этимъ противорѣчіемъ заканчиваются капиталистическая собственность и производство и объ это противорѣчіе онѣ неизбѣжно разобьются.

Въ противоположность неурожаямъ и голоду прежнихъ временъ, которые, какъ, результатъ безсилія человѣческаго рода извлечь изъ нашей планеты необходимое для удовлетворенія потребностей всѣхъ ея членовъ, были явленіями вполнѣ естественными, современные неурожаи и голодъ, опустошающіе ряды рабочихъ массъ, одно изъ наиболѣе искусственныхъ явленій. Они происходятъ отъ излишка продуктовъ, которые, будучи произведеніями пролетаріевъ, обращаются противъ нихъ, морятъ ихъ голодомъ.

Вопросъ „какъ производить достаточно для всѣхъ“ который до сихъ поръ былъ кошмаромъ человѣческихъ обществъ, уступилъ мѣсто вопросу, „какъ сбыть такое множество продуктовъ“ или проблемѣ рынковъ. Отсюда, эта политика, называемая колоніальной, которую мы встрѣчаемъ во всѣхъ государствахъ, независимо отъ ихъ формы правленія, начиная съ самыхъ монархическихъ и кончая самыми республиканскими. Отсюда—эти вооруженные, наполненные солдатами корабли, которые подъ цивилизаторскимъ предлогомъ отправляютъ далеко въ Тонкинъ или на Занзибаръ, въ Индію или на Мадагаскаръ, чтобъ съ помощью ружейныхъ и пушечныхъ выстрѣловъ принудить чернокожихъ африканцевъ и желтолицыхъ азіатовъ къ потребленію имъ совершенно ненужныхъ товаровъ, которые наводняютъ рынки и которыхъ не хватаетъ, которые, по энергическому выраженію итальянцевъ „создаютъ нужду“ у производимыхъ ихъ собственными руками рабочихъ. За недостаткомъ внутренняго рынка все болѣе и болѣе замкнутаго или ограниченнаго, вслѣдствіе нищеты рабочихъ пришлось обратиться къ открытію внѣшнихъ рынковъ, отдаленныхъ, находящихся на всѣхъ концахъ земного шара. Но, если и возможенъ, въ данномъ случаѣ временный палліативъ, то зло, тѣмъ не менѣе, остается нетронутымъ и непоправимымъ, такъ какъ коренится въ самомъ капиталистическомъ строѣ.

1) Разстояніе между рабочимъ производствомъ и пролетарскимъ потребленіемъ по мѣрѣ развитія науки и ея практическихъ примѣненій непрерывно увеличивается, такъ какъ производители получаютъ плату только за часть своего продукта, не превыша-

изведенія (въ Англіи на заработную плату расходуется 7 милліардовъ при годичномъ производствѣ въ 29 милліардовъ).

2) Какъ могло бы быть предотвращено перепроизводство при той анархіи, именуемой свободой производства, когда каждая страна, чтобы не сказать каждый фабрикантъ, производя для всемірнаго рынка и видя только себя, стремиться сама снабдить его всѣми товарами? Не говоря о томъ, что какъ только гдѣ нибудь начинаетъ преуспѣвать отдѣльное производство, напримѣръ, машинное производство тюля въ Ноттингамѣ и Калэ—какъ тотчасъ капиталы, почуявъ прибыль, жадно набрасываются на него, наперерывъ вводятъ его въ Кэдри, Сентъ-Куенталѣ, Плауенѣ и т. д. и путемъ загроможденія неизбѣжно ведутъ его къ паденію.

3) Частное производство не можетъ быть ни задержано, ни отсрочено, даже и тогда, когда рынокъ уже насыщенъ. Все болѣе и болѣе значительные капиталы, требуя непрерывнаго расширенія орудій производства, подобно бичу дѣйствуютъ на современнаго фабриканта, превращая его въ вѣчнаго жида на новый ладъ, для котораго никакая остановка до окончательнаго паденія невозможна.

Крупные производственные кризисы, періодически потрясающіе современный міръ, и являющіеся какъ бы его осужденіемъ, исчезнуть только вмѣстѣ съ капиталистической формой собственности и производства, съ которой они такъ связаны, какъ холера съ дельтой Ганга.

Только общественное владѣніе производственными силами и общественное или унитарное приведеніе ихъ въ дѣйствіе дастъ возможность регламентировать производство и привести его въ равновѣсіе съ потребностями каждаго и всѣхъ. Только это обобществленіе, (составляющее сущность коллективизма), уничтоживъ границы, наложенныя наемничествомъ на потребительную способность народа, рабочаго и крестьянина, доставитъ умноженнымъ и не находящимъ теперь сбыта продуктамъ недостающихъ имъ потребителей; при этомъ, всякій излишекъ производства надъ потребителемъ или предложенія надъ спросомъ превратится не въ смерть отъ нищеты и голода милліоновъ рабочихъ, какъ теперь, но создастъ для человѣчества досугъ, отдыхъ.

Это будетъ конецъ классовъ, т. е. человѣчества, раздѣленнаго противъ самого себя и истощающаго свои силы въ междуусобной борьбѣ за жизнь; эта послѣдняя не имѣетъ болѣе основаній, благодаря накопленію жизненныхъ средствъ, какъ результатъ одной только борьбы между человѣкомъ и не-человѣкомъ, т. е. природой, побѣжденной наукой.

Раздѣленіе человѣчества на классы было неизбѣжностью, даже условіемъ человѣческой эволюціи или прогресса въ прошедшемъ. Чтобы создать для одной части человѣческаго рода досугъ, сдѣлавшій возможнымъ возникновеніе искусства и науки и породившій ихъ, надо было, чтобы другая, болѣе многочисленная часть, была отягчена трудомъ, который вслѣдствіе человѣческаго невѣжества былъ слишкомъ мало производителенъ.

И такимъ образомъ, благодаря рабству однихъ, перешедшему въ крѣпостную зависимость и наемничество, другіе могли

элементъ для всеобщаго благосостоянія, это раздѣленіе на два стало затѣмъ препятствіемъ для вступленія въ пользованіе этимъ благосостояніемъ, какъ для однихъ, такъ и для другихъ. Поддерживаніе его равно самоубійству.

Если бы въ обширной пустынѣ исторіи мы стали искать нѣчто вродѣ оазиса, на которомъ умъ могъ отдохнуть отъ ужасовъ среднихъ вѣковъ и эпохи варварства въ собственномъ смыслѣ, то намъ, конечно, пришлось бы обратиться къ Греціи. Нигдѣ еще цвѣтъ человѣчества такъ не расцвѣталъ, какъ подъ солнцемъ Аттики; но почему и какъ? Потому что за Аристотелями, Фидіями, Эсхилами былъ цѣлый классъ людей, вычеркнутыхъ изъ человѣчества. И благодаря рабамъ, этимъ машинамъ изъ мяса и костей, трудившимся произвольно для маленькаго эллинскаго народа, этотъ послѣдній могъ познать свободу и пользоваться жизнью во всѣхъ ея проявленіяхъ.

И что же! У насъ есть рабы-освободители, они къ нашимъ услугамъ и еще въ большемъ числѣ. Они изъ желѣза и стали.

Это—машины, лошадинныя силы. Во Франціи онѣ соотвѣтствуютъ уже 45 милліонамъ рабовъ, въ Англіи—приблизительно 80 милліонамъ; онѣ могутъ работать днемъ и ночью, не отдыхая, не уставая, и мы въ состояніи увеличить ихъ число до безконечности.

Вотъ онъ, Мессія! Вотъ онъ, Искупитель!

Это работники, созданные человѣкомъ, которые даютъ возможность и повелѣваютъ нашему умиротворенному человѣчеству стать одной большой семьей, покончить съ послѣдней формой рабства—наемничествомъ. Для этого только надо, чтобы, переставъ быть частной собственностью нѣкоторыхъ, они стали общественной собственностью всѣхъ, производя при участіи всѣхъ и для всѣхъ.

III.

Чтобы дополнить сказанное, мнѣ надо вамъ теперь указать на *средства* къ достиженію коллективизма: какъ можетъ этотъ неизбѣжный переворотъ, я не говорю произойти, ибо онъ совершается каждый день, но какъ онъ можетъ закончиться.

Я указалъ вамъ на различныя явленія, которыя даже въ нѣдрахъ стараго общества, вырабатываютъ новый, коллективистическій порядокъ. Остается выяснить, какъ этотъ новый порядокъ, освободившись отъ заключенія въ маткѣ, появится на свѣтъ; при чьемъ человѣческомъ участіи совершится это освобожденіе, словомъ, кто будетъ акушеромъ. Такъ какъ рѣчь идетъ о благополучіи, о счастіи ставшемъ, наконецъ, возможнымъ для всѣхъ, то на первый взглядъ, можно было бы предположить, что въ такомъ дѣлѣ можно разсчитывать на содѣйствіе всѣхъ, безъ различія между наслаждающимися и страдающими въ данное время, которые, хотя и въ разной степени, но всѣ заинтересованы во всеобщемъ спасеніи. Таковы, дѣйствительно, доводы разума, изъ котораго метафизики 1789 г. сдѣлали божество, но разумъ такъ же мало руководитъ людьми, какъ и справедливость. Исторія,

[illegible]ъ, насъ учитъ, что привиллегированные классы не могутъ отказаться отъ своихъ выгодъ, что они всецѣло находятся во власти своихъ временныхъ и кажущихся интересовъ, которымъ они приносятъ въ жертву наиболѣе дѣйствительные и прочные интересы своихъ сочленовъ.

Дворянство, которому принадлежало во Франціи къ концу XVIII столѣтія двѣ трети земель, оказалось въ выигрышѣ (я говорю объ отдѣльныхъ личностяхъ, его составлявшихъ) отъ революціи во время ея совершенія; освободивъ землю отъ всѣхъ повинностей, она этимъ повысила ея цѣнность. „Я благодарю собраніе", сказалъ одинъ изъ крупныхъ владѣльцевъ, Версальскій депутатъ, „что оно однимъ своимъ постановленіемъ 4-го августа дало мнѣ тридцать тысячъ ливровъ*) доходу". Это, однако, не помѣшало дворянамъ, какъ сословію или какъ классу, пойти противъ новаго общества, изъ установленія котораго они же первые извлекли выгоду.

То же самое должно произойти съ теперешнимъ капиталистическимъ классомъ; несмотря на то, что онъ призванъ пользоваться коллективистическимъ или коммунистическимъ будущимъ въ такой же мѣрѣ, какъ и пролетарскій классъ, онъ, однако, съ ожесточеніемъ охраняетъ и будетъ охранять существующій порядокъ, при которомъ никто не можетъ считать себя въ безопасности**), такъ какъ онъ не понимаетъ жизни внѣ той ея формѣ, въ которой онъ привыкъ ею пользоваться. Опытъ намъ запрещаетъ полагаться на него, основываться на немъ, несмотря на то, что въ отдѣльныхъ случаяхъ мы вербовали въ его средѣ рекрутъ и будемъ ихъ вербовать все больше и больше. Опытъ, напротивъ, повелѣваетъ намъ ждать всего отъ пролетаріата, т. е. отъ класса, которому при дѣйствующемъ экономическомъ строѣ живется настолько худо, что онъ не можетъ не стремиться всѣми силами освободится отъ него,—а потому и насъ освободить.

Его особые интересы, какъ класса, стремящагося къ освобожденію труда, сливаются съ общими интересами человѣчества и, безсознательно для него самаго, превращаютъ его въ передового бойца за все человѣчество, такъ какъ перестать быть классомъ, лишеннымъ собственности, онъ можетъ только путемъ превращенія капиталистической собственности нѣсколькихъ въ соціальную собственность всѣхъ.

Такова, впрочемъ, всегда была роль (мы могли бы сказать —провиденціальная) эксплуатируемыхъ классовъ въ извѣстные

*) Ливръ—25 коп.

**) Современные привиллегированные классы считаютъ себя теперь свободными;—но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Они даже не располагаютъ собой, постоянно находясь подъ угрозой заболѣваній и часто заболѣвая при эпидеміяхъ тифа, холеры и проч., которыя порождаетъ, распространяетъ нищета рабочаго класса. Не лучше обезпечена и ихъ политическая свобода; надо содержать и усиливать противъ „вспышекъ" народныхъ массъ слѣпыя, пассивныя силы въ видѣ арміи, суда и полиціи, готовыя на всякое 18 Брюмера и на всякое 2 декабря Что же касается ихъ имуществъ, за которое они цѣпляются, какъ утопающій за обломки корабля, то они все болѣе и болѣе ускользаютъ отъ нихъ, благодаря конверсіямъ (сокращенію процента съ государственныхъ бумагъ)—этимъ частичнымъ банкротствамъ—крахамъ, вродѣ

моменты, когда элементы новаго соціальнаго этапа, или высш цивилизаціи, вполнѣ созрѣвали; они разрушали угнетавшій ихъ порядокъ вещей и, работая для себя, работали вмѣстѣ съ тѣмъ для человѣчества, для котораго, такимъ образомъ, дорога оказывалась расчищенной.

Такъ это было въ прошломъ столѣтіи, когда остатки феодальнаго міра предшествовали рожденію и развитію современнаго индустріализма, находившагося еще въ зародышевомъ состояніи, и когда третье сословіе, борясь за себя и одержавъ побѣду, фактически боролось и побѣдило для человѣчества, нужды котораго оно тогда воплощало.

Теперь дѣло идетъ не о томъ, чтобы снять оковы съ производительныхъ силъ, а о томъ, чтобы ихъ капиталистическую концентрацію закончить общественной концентраціей; теперь четвертое сословіе или пролетаріатъ въ своей борьбѣ съ капитализмомъ и эксплуатаціей, должно бороться, въ свою очередь, за само человѣчество, которое оно предназначено освободить, освобождая самого себя, посредствомъ обобществленія средствъ производства.

Организованный въ классовую партію, пролетаріатъ по преимуществу, и въ противоположность безполезнымъ и вреднымъ получателямъ рентъ, дивидента, барышей, заключаетъ въ себѣ не однихъ только рабочихъ ручного труда, но всѣ активные элементы, отъ наиболѣе мускульныхъ до самыхъ умственныхъ, и охватывая, такимъ образомъ, всю совокупность промышленныхъ, земледѣльческихъ и научныхъ производителей, онъ долженъ для введенія общества во владѣніе, для возстановленія наслѣдія человѣчества въ пользу всѣхъ его членовъ—экспропріировать экспропріаторовъ человѣчества.

Это его историческая миссія; но прежде, чѣмъ совершить экономическую экспропріацію, онъ долженъ въ качествѣ ея предисловія и условія стать факторомъ закона.

Незначительное капиталистическое меньшинство продолжаетъ держать въ порабощеніи значительное трудящееся большинство, благодаря монополизаціи имъ государства, которое становится въ ихъ рукахъ все болѣе и болѣе усовершенствованнымъ орудіемъ угнетенія. Пока не будетъ отнято у современныхъ владѣтелей находящееся въ ихъ рукахъ государство, играющее роль меча. Бренно, постоянно и неизбѣжно наклоняющаго вѣсы въ сторону капитала при всѣхъ столкновеніяхъ между хозяевами и служащими, между наемниками и нанимателями—до тѣхъ поръ ничего не будетъ сдѣлано и невозможно будетъ ничего сдѣлать; у насъ не будетъ орудія переворота.

Коллективизмъ, о происхожденіи и цѣли котораго я такъ пространно говорилъ, рискуя злоупотребить вашимъ вниманіемъ, основывается на политическомъ и правительственномъ господствѣ трудящихся; эти послѣдніе могутъ достигнуть власти мирно или цѣною одной изъ тѣхъ насильственныхъ революцій, которыя во Франціи для всѣхъ партій республиканскихъ или монархическихъ, орлеанистскихъ или бонапартистскихъ были условіемъ ихъ по-

VI

№ 2/247

А. АРНУ.

Мертвецы Коммуны.

Переводъ съ французскаго.

Книгоиздательство „БУРЕВѢСТНИКЪ“.

ОДЕССА. 1905.

Дозволено цензурою. Одесса, 21 іюля 1905 года.

ОДЕССА 1905.
Типо-литографія и нотопечатня И. Копельмана.
Троицкая, 26, уг. Пушкинской.

Обнажайте головы—я буду говорить о мученикахъ Коммуны!
Сколько было ихъ?—Никому не перечесть!

Спросите объ этомъ парижскую мостовую, митральезы казармъ Лабо, Люксембургскій садъ, Шомонскія высоты, Шатле, окровавленныя плиты гробницъ Пэръ-Лашеза, зеленѣющіе скверы, превращенные въ кладбища, гдѣ изъ подъ свѣжей земли только что засыпанныхъ могилъ слышалось по ночамъ предсмертное хрипѣніе.

Кровь текла ручьями. Воды Сены покраснѣли. Трупы перебитыхъ лежали по улицамъ на протяженіи многихъ тысячъ квадратныхъ метровъ слоемъ въ нѣсколько тѣлъ. Колеса версальскихъ пушекъ до самыхъ ступицъ были облѣплены, какъ грязью, запекшеюся кровью и кусками человѣческаго мозга. Въ теченіе пятнадцати дней рѣзали безъ суда. Парижъ превратился въ громадную бойню.

Когда все кончилось, великій городъ не досчитывался *ста тысячъ рабочихъ,*—убитыхъ, взятыхъ въ плѣнъ, бѣжавшихъ. Отъ нѣкоторыхъ цеховъ не осталось ни одного человѣка,—это свидѣтельствуетъ самъ муниципальный совѣтъ въ одномъ оффиціальномъ отчетѣ.

Да, это былъ поистинѣ пиръ для французской буржуазіи. Наши великіе генералы до сихъ поръ облизываются при одномъ воспоминаніи о немъ.

Тьеръ—этотъ отвратительный карла—сталъ словно молодымъ юношей, выкупавшись въ этой ваннѣ изъ народной крови.

Ничего не пожалѣли для этой оргіи капиталистовъ. Пиръ шелъ, поистинѣ, горой. Разстрѣливали женщинъ, и молодыхъ, и старыхъ, матерей съ дѣтьми, дѣтей безъ матери, матерей безъ дѣтей и,—что было еще пріятнѣе,—разстрѣливали безоружныхъ—стариковъ, больныхъ, умирающихъ. Въ госпиталяхъ ампутированныхъ подхватывали на штыки и выбрасывали за окна въ кровавые ручьи, какъ щенятъ, которые пищатъ и воютъ.

Да, это было великолѣпно!

Записные журналисты и пышныя богини наслажденій бѣгали нюхать трупы. Красавицы втыкали, случалось, кончики своихъ зонтиковъ въ зіяющія раны еще живыхъ людей.

Жюль Фавръ, этотъ поддѣлыватель фальшивыхъ бумагъ, весь забрызганный кровью Мильера, изумлялъ міръ зрѣлищемъ своего бѣшеннаго умопомѣшательства. Монархическая Европа, отказавшая ему въ выдачѣ бѣжавшихъ, должна была стыдить его!

Маркизъ Галифэ рѣзалъ, потому что былъ подлъ.—«Насталъ на моей улицѣ праздникъ!» говорилъ онъ. Ему казалось, безъ сомнѣнія, что разбой мужа заставитъ простить проституцію жены, соперницы и наперсницы Евгеніи, эксъ-императрицы.

Винуа, Сизи, Макъ-Магоны и прочіе генералы имперіи возвращали безоружному народу—въ видѣ ружейныхъ залповъ—пинки, полученные отъ побѣдоносной Пруссіи въ задъ, которая, не видя ихъ иначе, какъ съ заду, не могла ударить ихъ въ другое мѣсто.

Александръ Дюма-сынъ, пѣвецъ куртизанокъ, защитникъ религіи, собственности и буржуазной семьи, покоющейся на прелюбодѣяніи и домѣ терпимости, объявлялъ, что «самка коммунара похожа на женщину только, когда зарѣзана».

Вриньо, главный редакторъ «Общественнаго Блага» и любимый другъ Тьера, хвастался, что онъ собственноручно убилъ тридцать федералистовъ—изъ числа плѣнныхъ, закованныхъ въ цѣпи или раненыхъ, само собою разумѣется.

Національное Собраніе, точно горя нетерпѣніемъ вымазать себя всей этой кровью, декретировало благодарственный адресъ версальской арміи и провозглашало *единогласно*, при воздержаніи только *одного* члена, что палачи народа—«спасители отечества».

«Paris-Journal» 5 іюля 1871 г. печаталъ слѣдующій діалогъ:

«— Что вамъ хочется смотрѣть, дѣти,—говоритъ мать своимъ дочерямъ,—развалины или трупы?

— О, и то и другое, маменька, и то и другое!

— Ну, такъ вотъ что мы сдѣлаемъ: мы поѣдемъ сначала смотрѣть на мертвыхъ... только ужъ позавтракать придется, какъ попало.

— Ничего, маменька; мы возьмемъ съ собой по кусочку хлѣба!

— Хорошо. И если я не слишкомъ устану, мы пойдемъ смотрѣть на пожары вмѣсто дессерта.

И дѣвочки захлопали въ ладоши.»

Какой прелестный портретъ буржуазіи, нарисованный ею самою!

О, дѣвочки! Эти трупы, на которые вы идете смотрѣть, хлопая въ ладоши, это—трупы народа, того народа, трудъ котораго создаетъ вашу роскошь и котораго перерѣзали за то, что онъ не

захотѣлъ болѣе терпѣть, чтобъ его собственнымъ дочерямъ приходилось выбирать между голодомъ, самоубійствомъ и проституціей!

* * *

Цѣлый народъ сидѣлъ запертый въ стѣнахъ своего города. Нигдѣ ему не было выхода, потому что арміи союзниковъ—версальцевъ и пруссаковъ—сторожили всѣ ворота.

И вотъ этому народу остервенѣвшая реакція кричитъ:

— Что бы ты ни дѣлалъ, ты погибъ! Если тебя возьмутъ съ оружіемъ въ рукахъ, тебя ждетъ одно—*смерть*! Если ты положишь оружіе—*смерть!* Если ты станешь молить о пощадѣ—*смерть!* Куда бы ты ни повернулся, куда бы ни кинули взглядъ—направо, налѣво, впередъ, назадъ, вверхъ, внизъ—*смерть!* Ты не только внѣ закона, ты—внѣ человѣчества. Ни возрастъ, ни полъ не спасутъ ни тебя, ни твоихъ. Тебя убьютъ. Но прежде ты насладишься зрѣлищемъ предсмертныхъ мукъ твоей жены, сестры, матери, дочерей, сыновей—въ томъ числѣ и грудныхъ.

Смерть! Смерть! Смерть!

Вчера ласкали пруссака: плѣннаго его кормили, оказывая ему всевозможное вниманіе; раненаго его лѣчили съ нѣжной заботливостью. И такъ слѣдовало поступать, это былъ человѣкъ,—хотя въ данную минуту онъ представлялъ собою лишь грубую силу на служеніи династической ненависти и честолюбія. Шапки долой передъ этимъ врагомъ—свирѣпымъ бульдогомъ, науськиваемымъ Бисмаркомъ! Жюль Фавръ пойдетъ плакать у ногъ этого великаго человѣка Трошю и Тьеръ счастливы, если имъ удастся послѣ битвы пожать его руку—руку, раздавившую революцію во Франціи. Но ты, гражданинъ Франціи, поднявшійся для защиты права и справедливости, ты, вчера еще защищавшій Парижъ отъ завоевательной войны, когда Вильгельмъ подбиралъ императорскую корону, уроненную Бонапартомъ въ грязь Седана,—ты, желающій установить братство народовъ и солидарность всего міра, ты, мечтающій о счастіи Франціи и всего рода человѣческаго, ты, думающій основать величіе твоей родины на началахъ, которыя обезпечили бы счастье вселенной, ты—отверженецъ, ты—омерзителенъ!

Для тебя нѣтъ справедливости.

Рука твоя внушаетъ гадливость, и если бы ты протянулъ ее съ мольбой о состраданіи, ее отрубили бы, плюнувъ тебѣ въ лицо.

Смерть тебѣ, бунтовщикъ! Смерть тебѣ, соціалистъ! Смерть тебѣ, коммунаръ! Смерть тебѣ, твоей самкѣ и твоимъ дѣтенышамъ!

Смерть! Смерть! Смерть!

Но что же это были за люди, которыхъ краснокожіе правящихъ классовъ привязывали къ позорному столбу при такихъ неистовыхъ крикахъ радости? Что это были за люди, которыхъ буржуазія, точно въ бѣшенномъ весельи дикарей-людоѣдовъ, избивала съ такимъ остервенѣніемъ, передъ которымъ меркли всѣ, доселѣ извѣстныя, великія рѣзни?

Нѣсколько именъ плывутъ на поверхности этихъ волнъ крови, которыя гонитъ буря реакціонныхъ страстей, эгоистическихъ инстинктовъ и мстительной трусости.

Присмотримся къ этимъ людямъ, потому что по нимъ можно будетъ судить объ остальныхъ, о той великой безымянной массѣ, которая на запросъ исторіи отвѣтитъ:

«Имя мнѣ—народъ!»

Вотъ вамъ прежде всего

Делеклюзъ,

старикъ съ бѣлой головой, худой, съ энергичными чертами лица и гордымъ взглядомъ, образецъ честности и безкорыстія, якобинецъ, точно вылитый по модели бронзовыхъ фигуръ людей Конвента, которыхъ онъ былъ послѣднимъ и не наименѣе прекраснымъ представителемъ въ наши дни.

Вся жизнь его была одной непрерывной борьбой за то, что онъ считалъ правомъ, справедливостью, истиной.

Ни пораженія, ни преслѣдованія—во время имперіи онъ былъ сосланъ въ Кайенну—ни страданія, физическія и нравственныя, ни годы,—ничто не могло ослабить его вѣры и безграничной преданности.

Чтобы лучше служить Революціи, онъ отказался отъ семейной жизни, никогда не женился и жилъ вмѣстѣ со своей матерью и сестрой.

Никогда не зналъ онъ ни сомнѣнія, ни изнеможенія, ни даже усталости. Онъ жилъ и умеръ безъ страха и упрека.

Но особенно прекраснъ былъ его конецъ. Посланный сперва депутатомъ въ Бордо, онъ былъ выбранъ затѣмъ въ Коммуну и явился, не колеблясь, туда, куда призывалъ его народъ.

А между тѣмъ, онъ принадлежалъ къ поколѣнію, проникнутому насквозь идеями единства, правительственной диктатуры, исполненному вѣры въ государство и мало знакомому съ вопросами соціальными. Очень скоро онъ долженъ былъ замѣтить, что дѣло, которому онъ отдавалъ свою жизнь—дѣло Коммуны—шло въ разрѣзъ съ нѣкоторыми изъ наиболѣе дорогихъ его убѣжденій.

Но Делеклюзъ выше своихъ убѣжденій ставилъ Революцію. Въ этомъ желѣзномъ человѣкѣ не было ни малѣйшей черты доктринера. Это былъ фанатикъ, а не догматикъ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые укладываютъ Революцію въ одну формулу и восклицаютъ: «Внѣ моей церкви нѣтъ спасенія»!

Вотъ почему, хотя онъ и не раздѣлялъ въ началѣ всѣхъ стремленій борцовъ Коммуны, хотя нѣкоторые изъ этихъ стремленій или прямо противорѣчили тѣмъ политическимъ вѣрованіямъ, которымъ была посвящена вся его жизнь, или же, обнаруживая новыя стороны вопросовъ, поселяли сомнѣніе и смущеніе въ его головѣ, привыкшей къ совершенно иного рода представленіямъ,— тѣмъ не менѣе, нужно воздать ему справедливость: онъ ясно понялъ программу Коммуны, онъ согласился съ нею и принялъ всѣ ея выводы во всей ихъ силѣ.

Его органическія, такъ сказать, симпатіи не влекли его къ Коммунѣ, но тамъ былъ народъ, тамъ была его воля.

И Делеклюзъ, съ твердостью стоика, преклонился передъ нею.

Рядомъ съ Делеклюзомъ стоитъ столь же великій, хотя совершенно противоположный ему,

Варленъ,

сынъ народа и дитя собственныхъ думъ.

Онъ родился въ 1839 году отъ бѣдныхъ крестьянъ департамента Сены и Марны. На тринадцатомъ или четырнадцатомъ году онъ пришелъ въ Парижъ и поступилъ ученикомъ къ одному переплетчику.

Въ то время онъ не умѣлъ ни читать, ни писать. Но у него хватило энергіи самому образовывать себя, урывая время отъ тѣхъ немногихъ часовъ отдыха, которые оставляла ему работа въ мастерской.

Делеклюзъ, человѣкъ происхожденія буржуазнаго, воспитанія якобинскаго, представлялъ собою типъ революціонера стараго закала, перешедшаго въ соціализмъ, благодаря одной искренней своей преданности дѣлу народа, дѣлу справедливости.

Варленъ, напротивъ того,—воплощеніе Революціи новаго времени. Онъ весь принадлежитъ соціализму воинствующему, и въ ряду его представителей образъ его всегда останется однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ, самыхъ благородныхъ, самыхъ трогательныхъ.

Онъ началъ свою революціонную работу, какъ главный дѣятель общества сопротивленія рабочихъ переплетнаго мастерства. Затѣмъ онъ былъ основателемъ первыхъ соціалистическихъ кух-

мистерскихъ въ Парижѣ. Наконецъ, сдѣлался однимъ изъ первыхъ членовъ и неутомимѣйшихъ агитаторовъ и распространителей Интернаціонала во Франціи.

И теперь помнятъ его гордое и смѣлое поведеніе передъ трибуналомъ имперіи, когда Наполеонъ III, убѣдившись, что ему не удастся ни обольстить, ни положить Интернаціонала, задумалъ бороться съ нимъ, чтобы уничтожить его.

Въ редакціи «Марсельезы» познакомился я въ первый разъ съ Варленомъ.

Никогда не забыть мнѣ этой молодой, прекрасной головы, покрытой уже сѣдыми волосами, этого глубокаго взгляда черныхъ глазъ, этого задушевнаго и ровнаго голоса и исполненнаго достоинства обращенія.

Онъ говорилъ мало, не выходилъ изъ себя никогда. Въ немъ соединялось великодушіе героя и меланхолія мыслителя.

Роль Варлена въ Коммунѣ извѣстна.

Онъ говорилъ въ ней мало, дѣлалъ много. Занимался онъ въ ней, преимущественно, администраціей финансовъ вмѣстѣ съ Журдомъ, но впослѣдствіи перешелъ въ интендантство, гдѣ могъ приложить во всемъ ихъ размѣрѣ свои громадныя организаторскія способности.

Когда въ Парижъ вошли Версальцы, онъ геройски сражался до послѣдней крайности и подъ конецъ былъ взятъ въ плѣнъ побѣдителями Коммуны.

Съ связанными назадъ руками, осыпаемый ударами и бранью толпы подлецовъ, бѣсновавшейся вокругъ него, покрытый плевками, грязью и кровью, онъ былъ водимъ ими по улицамъ Монмартра въ теченіе двухъ съ лишнимъ часовъ, чтобы продолжить съ утонченнымъ звѣрствомъ его предсмертную агонію.

Но и эта долгая пытка не могла поколебать его могучей натуры.

Блѣдный и спокойный, безъ слова, безъ движенія нетерпѣнія, гнѣва или слабости, онъ обводилъ палачей своимъ глубокимъ взглядомъ.

Наконецъ, пули прекратили его мученія.

Онъ былъ такъ великъ въ своемъ безстрашіи, что даже его враги и палачи не могли не отдать ему справедливости.

Вотъ разсказъ объ его смерти, взятый цѣликомъ изъ одного реакціоннаго журнала того времени:

«Варленъ, арестованный въ улицѣ Лафайэтъ, былъ поведенъ къ Монмартру».

«Толпа росла все болѣе и болѣе, такъ что съ большимъ трудомъ удалось достичь подошвы Монмартрскихъ высотъ. Здѣсь

плѣнникъ былъ приведенъ къ какому-то генералу, имя котораго ускользнуло изъ моей памяти. Дежурный офицеръ подошелъ къ нему, что-то шепнулъ ему, и тотъ проговорилъ въ отвѣтъ: «Тамъ, за этой стѣной».

«Кромѣ этихъ четырехъ словъ я ничего не могъ разслышать и, хотя въ смыслѣ ихъ нельзя было сомнѣваться, мнѣ все таки хотѣлось видѣть до конца послѣдній актъ въ жизни одного изъ творцовъ этой ужасной драмы... Но мщеніе общества рѣшило иначе!»

«Когда осужденный былъ приведенъ на указанное мѣсто, чей-то голосъ, тотчасъ же подхваченный другими, сталъ кричать изъ толпы: «Слишкомъ рано! нужно еще поводить его!»

«Печальная процессія двинулась снова. Пришли на улицу Розье, но главный штабъ, помѣщавшійся въ этой улицѣ, воспротивился казни».

«Пришлось снова вернуться къ Монмартру въ сопровожденіи всей этой толпы, увеличивавшейся, притомъ, на каждомъ шагу».

«Картина дѣлалась все болѣе и болѣе зловѣщей. Человѣкъ этотъ, хотя зналъ съ самаго начала объ ожидавшей его участи, шелъ такой смѣлой и твердой поступью, что, несмотря на всѣ преступленія, которыя онъ могъ совершить, зритель невольно начиналъ самъ страдать при видѣ такой долгой агоніи».

«Но вотъ, наконецъ, осужденный прибылъ на мѣсто казни. Его приставляютъ къ стѣнѣ; но пока офицеръ выстраивалъ солдатъ, готовясь скомандовать залпъ, одинъ изъ солдатъ, конечно, вслѣдствіе недостаточнаго искусства въ ружейныхъ пріемахъ, спустилъ курокъ. Но *ружье дало осѣчку*. Въ ту же минуту раздался залпъ, и Варленъ упалъ».

«Тотчасъ же солдаты, опасаясь, конечно, что онъ еще не умеръ, кинулись прикончить его *ударами прикладовъ*. Офицеръ сказалъ имъ: «Видите: онъ умеръ, оставьте!»

Таковъ разсказъ врага, одного изъ тѣхъ дикихъ звѣрей, которые яростно накинулись на побѣжденный народъ и бѣгали на казни, какъ на праздники.

Этотъ разсказъ, хотя и умышленно смягченный, говоритъ о подлой свирѣпости палачей и о героизмѣ жертвы болѣе, чѣмъ могли бы сказать цѣлые томы.

Это картина — живая, забыть которую невозможно.

Таковъ былъ конецъ Варлена, увѣнчавшаго мученичествомъ жизнь, цѣликомъ посвященную на служеніе праву и правдѣ.

Я остановился такъ долго на этихъ двухъ фигурахъ потому, что онѣ вполнѣ олицетворяютъ собой двѣ стороны комму-

налистическаго движенія и могутъ быть названы двумя гранями Парижской Коммуны.

Делеклюзъ, это—буржуазный якобинецъ, который, забывъ свое происхожденіе, свое воспитаніе, свои инстинкты и кастовыя традиціи, становится соціалистомъ, чтобы соединиться съ народомъ, пойти вмѣстѣ съ нимъ на завоеваніе соціальной свободы.

Варленъ, это—самъ юный народъ, поднимающій голову, овладѣвающій наукою, и порывомъ геройства отождествляющійся съ Соціальной Революціей, которой онъ—вѣрный, прирожденный представитель, которой онъ—тѣло и кровь.

Первый говоритъ Коммунѣ: «Ты—справедливость!»

Второй возвѣщаетъ удивленному міру: «Народъ готовъ!»

Но сколько тѣснится въ памяти другихъ именъ, заслуживающихъ такого же апоѳеоза; сколько другихъ фигуръ, олицетворяющихъ тотъ же глубокій и возвышенный дуализмъ, повторяющихъ тѣ же слова, доказывающихъ тѣ же истины!

Кто можетъ забыть

Дюваля и Флуранса.

Одинъ изъ нихъ—простой рабочій, какъ и Варленъ; другой—сынъ одного изъ сановитыхъ ученыхъ своего времени, профессора, академика, члена института—Флурансъ.

Оба они отдали жизнь за то же дѣло; а они дали бы ему и побѣду, если бы героизмъ, посвященный на служеніе справедливости, былъ достаточенъ, чтобы восторжествовать надъ хитрой организаціей буржуазнаго государства, этого сторукаго чудовища, сторожащаго привиллегію и эксплуатацію противъ правды и справедливости.

Оба они были молоды; оба, какъ Делеклюзъ и Варленъ, засѣдали въ Коммунѣ; оба командовали отдѣльными отрядами на вылазкѣ 3 апрѣля, когда Парижъ въ единодушномъ порывѣ поставилъ на ноги свои двѣсти тысячъ человѣкъ, которыхъ Тьеръ выставлялъ передъ Франціей, какъ «горсть разбойниковъ, бѣжавшихъ съ каторги».

Густавъ Флурансъ давно уже сталъ извѣстенъ своей смѣлой борьбой съ Имперіей. Странствующій рыцарь Революціи, онъ ѣздилъ въ Кандію сражаться противъ турецкаго деспотизма за возставшій греческій народъ. По возвращеніи въ Парижъ онъ снова возобновляетъ борьбу въ «Марсельезѣ» и въ публичныхъ собраніяхъ. Во время осады, будучи командиромъ батальона, 31-го октября онъ сдѣлалъ попытку спасти Парижъ и Республику. Правительство «Народной обороны», которое онъ имѣлъ слабость по-

щадить, посадило его въ Мазасъ, откуда онъ былъ освобожденъ народомъ 21-го января.

4-го апрѣля онъ былъ захваченъ врасплохъ въ Рюэйлѣ отрядомъ жандармовъ, окружившихъ домъ, въ которомъ онъ хотѣлъ отдохнуть на нѣсколько минутъ. Онъ пытался защищаться, но одинъ капитанъ, по имени Демарте, разсѣкъ ему черепъ такимъ свирѣпымъ ударомъ сабли, что мозгъ брызнулъ наружу.

Трупъ его былъ брошенъ въ гробъ и отправленъ въ Версаль, гдѣ на него ходили смотрѣть свѣтскія дамы, эти «суки», какъ называетъ ихъ поэтъ въ негодующемъ стихѣ, бѣгавшія лизать кровь раненыхъ и ковырять раны плѣнныхъ

... „Рѣзной ручкой своихъ шелковыхъ зонтиковъ"...

Дюваль—этотъ былъ интернаціоналистъ—простой литейщикъ. Всего нѣсколько дней засѣдалъ онъ въ Коммунѣ, гдѣ тотчасъ же обратилъ на себя вниманіе своей энергіей, дѣятельностью и мужествомъ, исполненнымъ хладнокровія.

Въ собраніи мнѣ приходилось сидѣть съ нимъ рядомъ. Мало видѣлъ я людей болѣе симпатичныхъ, мало встрѣчалъ такихъ, на лицѣ которыхъ такъ ясно отражалось бы великодушіе, благородство и самоотверженность ихъ натуры.

Онъ только прошелъ по сценѣ исторіи, чтобы сражаться и умереть. Но тотъ, кто разъ видѣлъ его, никогда его не забудетъ.

Его взяли въ плѣнъ вмѣстѣ съ его отрядомъ въ Шатильонскомъ плато, послѣ отчаянной обороны.

Онъ и его отрядъ окружены; зарядовъ больше нѣтъ.

— Сдавайтесь, ваша жизнь будетъ пощажена! говорятъ имъ отъ имени генерала Пелле, командовавшаго войсками.

Они сдаются.

Тотчасъ же Версальцы хватаютъ солдатъ регулярной арміи, сражавшихся въ рядахъ федералистовъ, и тутъ же разстрѣливаютъ ихъ.

Впослѣдствіи маршалъ Макъ-Магонъ милуетъ такого же маршала Базена, виновнаго всего лишь въ томъ, что онъ сдалъ непріятелю Мецъ и свою армію!

Прочихъ плѣнныхъ окружаютъ двумя рядами стрѣлковъ и ведутъ въ Версаль.

По дорогѣ встрѣчается имъ Винуа, тотъ самый, который съ удовольствіемъ принялъ на себя грязное дѣло сдачи Парижа.

Онъ спрашиваетъ: «Кто тутъ начальникъ?»

— Я,—отвѣчаетъ Дюваль, выступая впередъ.

Другой выступаетъ вслѣдъ за нимъ.

— Я—начальникъ штаба Дюваля, говоритъ онъ.

Изъ рядовъ выступаетъ третій.

— Я—начальникъ штаба волонтеровъ, говоритъ онъ и становится рядомъ съ двумя первыми.

— Вы всѣ—сволочь паскудная! говоритъ Винуа на своемъ языкѣ кордегардіи,—я васъ сейчасъ разстрѣляю.

Дюваль и оба его товарища, не удостоивъ его даже отвѣтомъ, сами становятся къ стѣнѣ, снимаютъ шинели и съ крикомъ:

— Да здравствуетъ Коммуна!—падаютъ, пораженные пулями.

Это были первые мученики Коммуны. Версальцы только что начинали ту бойню, которая должна была окончиться истребленіемъ цѣлаго населенія.

Они были первыми и самыми счастливыми. Они умерли съ вѣрою въ побѣду: это была, вѣдь, только первая битва. Позади себя они чувствовали Парижъ, грозный, могучій.

Спите же съ миромъ, друзья—ибо вы не ошиблись! Прійдетъ время и другіе возстанутъ, чтобы продолжать то дѣло, которому вы отдали вашу молодость и вашу жизнь! Прійдетъ день, день, когда освобожденный народъ громко назоветъ ваши имена, которыя теперь едва смѣетъ произносить шепотомъ, и тогда своимъ мощнымъ голосомъ онъ воскликнетъ:

— *Честь вамъ и благодареніе, мученики часа перваго!*

Рядомъ съ этими, въ славномъ Пантеонѣ мучениковъ будетъ вырѣзано имя

Верморе́ля.

Этотъ былъ тоже молодъ. Родился онъ въ 1841 году. Имя свое сдѣлалъ извѣстнымъ публицистикой.

Подобно Делеклюзу, подобно Флурансу, онъ покинулъ, отряхнувъ пыль отъ своихъ ногъ, лагерь буржуазіи, чтобы вложить свою руку въ руку народа, жить, сражаться, умереть съ нимъ за него.

Но Верморель воспитывался къ тому же въ іезуитской семинаріи. И онъ все преодолѣлъ, даже клерикальное воспитаніе, даже ядовитое вліяніе іезуита.

Основавъ газету «Французскій Курьеръ», онъ одинъ изъ первыхъ во время Имперіи поднялъ знамя соціализма.

Клевета была ему наградой. Въ теченіе долгаго времени и въ средѣ революціонной партіи онъ считался подозрительнымъ.

Когда его выбрали въ Коммуну, онъ находился въ отсутствіи; но онъ тотчасъ же явился на зовъ. Онъ не вѣрилъ въ побѣду и не обольщался иллюзіями. Но онъ, не задумываясь, пошелъ туда, куда звала его честь и опасность.

Здѣсь онъ не замедлилъ сдѣлаться однимъ изъ главнѣйшихъ ораторовъ собранія и обнаружилъ дѣятельность самую неутоми-

мую и самую разностороннюю. Онъ регулярно присутствовалъ на всѣхъ собраніяхъ въ Городской Ратушѣ, принималъ дѣятельное участіе въ работахъ своей коммиссіи; когда не могъ говорить лично—писалъ; если требовалось, онъ бѣгалъ по аванпостамъ; былъ, однимъ словомъ, вездѣ и повсюду, гдѣ считалъ себя способнымъ оказать какую-нибудь услугу, гдѣ находилъ нужнымъ исполнить какую-нибудь обязанность

Когда Версальцы вошли въ Парижъ, этотъ литераторъ, этотъ журналистъ, въ которомъ не было и тѣни солдата, прошлая жизнь котораго была вся—наука, вся—умственная работа, этотъ человѣкъ вдругъ преобразовывается, принимаетъ участіе въ битвахъ, возитъ фургоны, разноситъ приказы, является повсюду, гдѣ опасность наибольшая, рискуя быть убитымъ двадцать разъ въ часъ.

Наконецъ, онъ падаетъ, пораженный пулею.

Его уносятъ, стараясь укрыть. Но его открываютъ и несутъ плѣнникомъ въ госпиталь, гдѣ онъ медленно умираетъ.

Какъ мучительна должна была быть эта продолжительная агонія подъ карауломъ версальскихъ тюремщиковъ, вдали отъ своихъ, безъ возбужденія боя, въ самый разгаръ этой мрачной и кровавой гибели перваго города въ мірѣ и благороднѣйшаго дѣла въ исторіи.

Нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, какъ быть раненымъ, Верморель, провозившій снаряды въ Монмартръ, встрѣтился съ Ферре.

— Видите, Ферре—сказалъ онъ ему, намекая на нѣкоторыя печальныя разногласія,—члены меньшинства исполняютъ свой долгъ.

— Члены большинства исполняютъ свой! отвѣтилъ Ферре.

И оба эти человѣка, которые должны были напрасно умереть, и тотъ и другой, расходятся съ этими гордыми словами.

Но перо выпадаетъ у меня изъ рукъ, а имена такъ и толпятся въ моей памяти.

Мнѣ хотѣлось бы говорить обо всѣхъ, но я не могъ бы даже перечесть ихъ имена!

Но скажу еще объ одномъ,—о

Ферре.

Въ Пелажи, въ тюрьмѣ, куда насъ обоихъ бросилъ деспотизмъ Имперіи, познакомился я въ первый разъ съ Ферре.

Невозможно забыть эту блѣдную, сухую, энергическую фигуру, и это лицо, пересѣченное длиннымъ, падавшимъ прямо на ротъ, носомъ, и эти черные глаза съ быстрымъ мрачнымъ взглядомъ.

Въ Коммунѣ онъ рѣдко принималъ участіе въ преніяхъ. Онъ занимался полиціей вмѣстѣ съ Раулемъ Риго, котораго подъ конецъ и замѣнилъ въ качествѣ делегата при префектурѣ.

Всегда спокойный, обыкновенно молчаливый, нѣсколько холодный на видъ, этотъ человѣкъ вмѣщалъ желѣзную волю и мужество героя въ слабомъ и хрупкомъ тѣлѣ.

Это была натура экзальтированная, хотя и сосредоточенная, напоминавшая своимъ сдержаннымъ энтузіазмомъ и несокрушимой волей тѣхъ реформаторовъ XVI вѣка, которые повторяли свое исповѣданіе вѣры среди пламени костровъ.

Предъ лицомъ военнаго совѣта, приговорившаго его къ смерти, при самыхъ грубыхъ оскорбленіяхъ, онъ былъ величественъ своимъ холоднымъ спокойствіемъ и презрѣніемъ къ палачамъ, которыхъ побѣда перерядила въ судей.

За часъ до казни онъ написалъ сестрѣ письмо безъ фразъ, въ которомъ объявляетъ себя полнымъ атеистомъ и матеріалистомъ.

Въ теченіе *двѣнадцати недѣль* со дня произнесенія приговора онъ ждалъ смерти!

Версальцы умышленно продолжали предсмертныя муки осужденныхъ, надѣясь такой пыткой сломить эти геройскія души.

Гастонъ Кремье, изъ Марсели, былъ казненъ шесть мѣсяцевъ спустя послѣ своего приговора.

Но палачи ошиблись.

Ни одинъ изъ нихъ не измѣнилъ себѣ! *Всѣ!*—какъ на улицахъ, такъ и у столба Сатори, какъ безвѣстные, такъ и знаменитые, какъ въ темномъ закоулкѣ, такъ и предъ глазами исторіи, *всѣ* умерли безтрепетно, съ высоко поднятой головой.

У Ферре, какъ и у прочихъ, была своя Голгоѳа.

Мать его умерла сумасшедшей съ отчаянія.

Брата его держали, какъ помѣшаннаго, въ одной изъ версальскихъ клѣтокъ.

Отецъ его былъ въ плѣну.

Сестра его, 19 лѣтъ, оставалась одна въ этомъ ужасномъ одиночествѣ, населенномъ призраками убитыхъ или помѣшанныхъ, между только что засыпанной могилой матери и только что вырытой, зіяющей могилой, ожидавшей ея брата.

Безмолвная, гордая, непоколебимая, достойная брата, которому предстояло умереть, она работала день и ночь, чтобы жить самой и приносить каждую недѣлю двадцать франковъ осужденному.

Наконецъ, 25 ноября, въ шесть часовъ утра, Ферре повели на Сатори вмѣстѣ съ Росселемъ и Буржуа,—бѣднымъ солдатомъ, имя котораго тоже слѣдуетъ помнить.

Весь въ черномъ, съ сигарой во рту, съ лицомъ, на которомъ не шевельнулся ни одинъ мускулъ, медленнымъ и твердымъ шагомъ онъ подошелъ къ столбу, который былъ ему назначенъ, всталъ и взглянулъ въ лицо смерти.

Раздался залпъ. Россель и Буржуа упали, Ферре остался на ногахъ.

Раздался второй залпъ.—онъ опустился.

Тогда одинъ изъ солдатъ подходитъ, вкладываетъ ему въ ухо дуло своего шаспо и прострѣливаетъ ему голову.

Его убиваютъ въ три пріема.

Таковы были эти люди! Таковъ былъ народъ Коммуны!

Мы закончимъ грозными словами, сказанными Ферре предъ военнымъ совѣтомъ, которому поручено было зарѣзать его «на законномъ основаніи».

Всякіе комментаріи ослабили бы ихъ.

Это—завѣщаніе героя.

Это, вмѣстѣ съ тѣмъ,—пророчество о грядущемъ воскресеніи безсмертной идеи, которую тщетно старались утопить въ крови ея защитниковъ.

«Какъ членъ Коммуны, я во власти ея побѣдителей. Они хотятъ моей головы—пусть берутъ ее! Никогда я не попытаюсь спасти свою жизнь подлостью. Я жилъ—свободнымъ, такимъ и умру».

«Прибавлю еще одно: счастье измѣнчиво. Будущему поручаю я заботу о моей памяти и мою честь!»

И будущее исполнитъ это завѣщаніе!

VII

№2/246.

В. БРАКЕ.

ДОЛОЙ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТОВЪ!

Переводъ съ нѣмецкаго

д-ра Х. Аксельродъ.

Книгоиздательство

„БУРЕВѢСТНИКЪ“.

ОДЕССА. 1905.

ше въ своемъ количествѣ, а само богатство сосредоточивается въ немногихъ рукахъ. Этотъ процессъ долженъ будетъ достигнуть высшей точки. И *тогда* широкая масса рабочаго народа почувствуетъ существующее въ обществѣ рѣзкое противорѣчіе и положитъ конецъ современному общественному строю. И тогда соціализмъ вступитъ въ свои права. Тогда человѣческій трудъ станетъ всеобщимъ и организованнымъ по извѣстному плану. А такъ какъ для этой цѣли понадобятся существующія богатства,—земли, фабрики, машины и т. д.,—то тѣ немногіе обладатели милліоновъ и милліардовъ будутъ экспропріированы. Быть можетъ, эти капиталисты уступятъ по своей доброй волѣ, тогда ихъ коммунистическія чувства и дѣйствія найдутъ свою награду и свою настоящую оцѣнку. Можетъ быть, наоборотъ, увѣренные въ томъ, что существующее государство всегда готово представить на ихъ защиту всю свою силу, они станутъ сопротивляться, то въ этомъ случаѣ ихъ ждетъ вѣрная гибель въ борьбѣ съ *новообразовавшейся государственной силой. При новомъ общественномъ строѣ* работа будетъ планомѣрно организована, что уже теперь собственно сдѣлано на большихъ фабрикахъ, въ большихъ имѣніяхъ или въ отрасляхъ государственнаго производства. При такомъ способѣ производства ненужный, лишній трудъ будетъ устраненъ, а нужный, въ которомъ всѣ примутъ участіе, принесетъ много прибыли. Каждый членъ общества долженъ будетъ работать, но у каждаго найдется время для отдыха и духовнаго развитія. Не будетъ ни внутренней борьбы классовъ, ни внѣшней войны между чужими народами; какъ вполнѣ подобаетъ коммунистамъ, всѣ будутъ работать съ цѣлью постояннаго улучшенія общаго положенія, потому что всѣ найдутъ въ этомъ свое счастье.

Такова общая *картина будущаго*. Никто, конечно, не въ состояніи предсказать весь ходъ развитія съ полной точностью во всѣхъ подробностяхъ. Но это и не важно, если только *основная мысль* соціаль-демократической теоріи *вѣрна*. Когда англійскій инженеръ Стефенсонъ, приблизительно, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, началъ строить первую желѣзную дорогу онъ, навѣрное, не представлялъ себѣ ни локомотивовъ, ни полотна, ни сигналовъ въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ теперь. Но такъ какъ основная мысль была вѣрна, она завоевала себѣ міръ. Восторжествуетъ также основная идея соціаль-демократіи, потому что эта идея выражаетъ интересы человѣчества. Это несправедливо, что *многіе* работаютъ и въ той или иной степени чахнутъ для того, чтобы доставить праздному меньшинству пріятную, наполненную всѣми удовольствіями жизнь. Никто не можетъ отрицать, что планомѣрная организація труда, чувство обязанности работать и

уничтоженіе производства ненужныхъ вещей (пушекъ, рекламъ, массы лишнихъ частныхъ учрежденій и т. д. и т. д.) поведутъ къ безконечному улучшенію общаго положенія человѣчества и что тогда человѣческій родъ поведетъ дѣйствительно достойную жизнь.

Пусть обратятъ вниманіе на выгоды, какія доставляютъ уже существующія планомѣрно организованныя отрасли труда. Отсылка письма изъ Германіи въ Австрію не стоила бы только 10 пфенниговъ, или въ Америку 20, если бы во всѣхъ мѣстахъ почта принадлежала частнымъ лицамъ (купцамъ, фабрикантамъ и т. д.,) и если бы мы не имѣли общей планомѣрно-организованной и всѣмъ приносящей пользы почты. Конечно, существуютъ еще недостатки въ устройствѣ нашей почты, которые связаны со всѣмъ общественнымъ устройствомъ: низшіе чиновники плохо оплачиваются и часто должны работать черезъ силу и т. д. Но какъ легко было бы все это исправить, если бы только пожелали!

Подобныя же выгоды можно было бы имѣть *во всѣхъ* областяхъ человѣческаго труда. Пусть только каждый постарается подумать объ этомъ! Устройство почты можетъ ему служить самымъ наглядымъ примѣромъ.

Но мнѣніе соціальной демократіи, что такъ какъ почты и желѣзныя дороги уже перешли въ государственную собственность, то черезъ нѣкоторое время и всѣ *орудія производства* и средства для сношенія должны будутъ перейти къ обществу, навлекло на соціальную демократію клевету, будто она враждебно относится къ *собственности* вообще и угрожаетъ *собственности* «маленькаго человѣка». Не соціаль-демократія лишаетъ «маленькаго человѣка» его состоянія; это дѣлаетъ *крупный капиталъ и крупная собственность;* крупная собственность притягиваетъ къ себѣ маленькую съ непобѣдимой силой. Какъ разъ, представители *крупной собственности* постоянно простираютъ свои руки впередъ, чтобы отнять у своихъ ближнихъ ихъ маленькія части. И, какъ разъ, они же безпрестанно твердятъ «маленькому человѣку», что соціальная демократія угрожаетъ его собственности. Какая ложь! Соціальная демократія указываетъ только на средства, которыя,—рано или поздно, послѣ того, какъ мелкіе собственники превратятся въ пролетаріевъ,—будутъ примѣняться большой народной массой для достиженія лучшихъ условій жизни. Средства, на которыя указываетъ соціальная демократія—это планомѣрная организація работы и лишеніе собственности тѣхъ капиталистовъ, которые отнимали ее у народныхъ массъ; другими словами, соціаль-демократія стремится превратить частную собственность въ общую коммунальную. Однако, теперь это невозможно еще осуществить.

Лишить въ настоящее время мелкихъ собственниковъ ихъ имуществъ не имѣетъ ни малѣйшаго смысла съ точки зрѣнія соціальной демократіи; это только чертъ, которымъ наши противники хотятъ запугать непосвященную публику. Соціальная демократія—настоящій другъ «маленькаго человѣка», потому что она партія трудящагося народа. И какъ разъ интересы крупной собственности противоположны интерссамъ мелкой до тѣхъ поръ, пока мелкая собственность не потонула въ раскрытой пасти крупной.

Соціальная демократія вообще далека отъ мысли уничтожить частную собственность сейчасъ. Но она даетъ знать, что не вдругъ, не черезъ ночь, а путемъ постепеннаго развитія наступитъ тотъ моментъ, когда противъ права господствующаго класса на прибыль отъ чужого труда, рабочая масса защититъ свое истинное право на собственность. *Капиталистическое понятіе собственности* перейдетъ въ понятіе собственности трудящагося народа. Никто не думаетъ уничтожить собственность, а то, что съ ней произойдетъ *превращеніе,* никому не помѣшаетъ. *Развитіе человѣчества по направленію къ все большему совершенствованію не допускаетъ, чтобы отношенія собственности, существующія такъ давно, остались неизмѣнными.* И если бы потребовали, чтобы развитіе человѣчества остановилось, это было бы началомъ безумія. Отношенія собственности сами подвергнуты постояннымъ измѣненіямъ и превращеніямъ. Онѣ стремятся впередъ къ все большему и большему совершенствованію. И кто сравнитъ наши современныя общественныя отношенія съ тѣми, которыя существовали въ классической древности или въ среднихъ вѣкахъ (рабство, крѣпостное право, грабительское рыцарство), долженъ будетъ себѣ сказать, что нельзя не признать перемѣны къ лучшему. Но и теперь господствуетъ несправедливость. Ожидаемое новое измѣненіе общественныхъ отношеній уничтожитъ существующую несправедливость, быть можетъ, для того, чтобы человѣчество въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи пришло къ еще болѣе совершеннымъ общественнымъ формамъ. Съ уничтоженіемъ наемнаго труда и господства крупнаго капитала, пропадетъ остатокъ нѣкогда существовавшаго рабства. Свободные и равные люди будутъ другъ въ другѣ уважать личность человѣка и содѣйствовать ея развитію. *Рабочаго народа не лишатъ больше возможности пользоваться его собственностью. Каждый трудящійся* будетъ имѣть достаточное питаніе, достаточно одежды, время для отдыха и всѣ средства къ образованію.

Пусть послѣ этого скажутъ, что соціальная демократія не права! И какъ разъ крестьяне, которыхъ больше всего возбуждали противъ нея, отлично поймутъ, что она права, потому что нѣмецкій крестьянинъ обладаетъ здоровымъ и глубокимъ чувствомъ справедливости. Какъ разъ въ деревнѣ больше всего бросается въ глаза, насколько измѣненіе, связанное съ имущественными отношеніями, приноситъ благо народу. Развѣ нѣмецкіе крестьяне не были бы въ еще худшемъ положеніи, если бы до сихъ поръ существовали права феодаловъ, если бы они не были свободными крестьянами на своей собственной землѣ? Въ это время поднялось государство и *отняло* у старыхъ феодаловъ ихъ старыя права на собственность, обѣщая имъ покрыть ихъ убытки; крестьянъ же, которыхъ государство объявило своими гражданами, надѣлило *ссудой*. Это случилось съ помощью всего государства, что означаетъ съ помощью всѣхъ жителей страны. И *никто,* по крайней мѣрѣ, ни одинъ соціаль-демократъ не скажетъ: «Это *не должно* было случиться». Какъ же возможно, чтобы рожденный при свободѣ крестьянинъ пришелъ и сказалъ: «То, что вы всѣ сдѣлали для меня, очень хорошо, но если вы улучшили общее положеніе народной массы на счетъ интересовъ крупныхъ собственниковъ, вы поступили бы плохо». Такъ не станетъ разсуждать крестьянинъ. Напротивъ того, если нѣмецкій крестьянинъ узнаетъ соціаль-демократію во всей ея сущности, онъ будетъ твердо держаться народнаго знамени. Это знамя провозглашаетъ *право труда,* и такъ какъ крестьянинъ усиленно долженъ трудиться, онъ ничего такъ высоко не цѣнитъ, какъ трудъ! Такое признаніе будетъ также въ его собственную пользу! Я бы желалъ видѣть того крестьянина, который проводитъ свое время въ бездѣльи: ему, навѣрное, плохо приходится. Вести праздный образъ жизни позволительно, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, только крупнымъ собственникамъ.

Но слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ измѣненіи въ отношеніяхъ собственности, происшедшемъ въ деревнѣ. Мы имѣемъ въ виду *раздѣлъ общинныхъ земель на самостоятельные* участки. Эта реформа безспорно была прогрессивнымъ вліяніемъ для всѣхъ мѣстъ, гдѣ она была проведена. Тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ забыть, что неимущій деревенскій классъ понесъ *убытки* отъ этого измѣненія. Этому классу лучше жилось при прежнихъ условіяхъ. Поэтому, пусть тотъ, кому это измѣненіе принесло пользу, будетъ справедливъ къ неимущему деревенскому классу! Положеніе его, вообще, несовсѣмъ завидное, и при общинномъ устройствѣ можно было бы кое-что сдѣлать въ смыслѣ спра-

ведливости. Принадлежащіе къ третьему классу избирателей въ деревнѣ должны не упускать случая для того, чтобы выбирать своихъ представителей въ общинный совѣтъ, которые должны, въ свою очередь, сдѣлать все возможное для улучшенія ихъ положенія. *Скрытое* недовольство никогда не помогаетъ. При открытомъ протестѣ можетъ иногда случиться, что какой нибудь богатый крестьянинъ, не потерявшій еще чувства справедливости, заступится за вполнѣ правильныя требованія мелкихъ крестьянъ.

Отдѣленіе и разграниченіе участковъ земли между собою явилось важнымъ измѣненіемъ въ имущественныхъ отношеніяхъ деревни. Мы уже теперь видимъ, какъ—то тутъ, то тамъ образовываются ассоціаціи. Въ деревнѣ, напримѣръ, соединяются для того, чтобы общими силами пріобрѣсти машину. Это уже есть начало того періода, когда обработка земли станетъ общей. Такъ какъ въ настоящее время о такомъ преобразованіи не можетъ быть и рѣчи, то тотъ, кому такой порядокъ не нравится, можетъ не огорчаться такой перспективой будущаго: въ продолженіе его жизни это не случится. Но будущее поколѣніе можетъ устраиваться согласно своимъ потребностямъ. Соціаль-демократы, конечно, убѣждены въ томъ, что когда условія разовьются въ достаточной мѣрѣ, большая народная масса, какъ городская, такъ и деревенская будетъ стремиться къ тому, чтобы средства производства стали общественными.

«Да, но если бы соціаль-демократы не желали ввести общность женъ? Такое желаніе уже слишкомъ возмутительно!».

Любезный читатель, гдѣ же ты это слышалъ или читалъ? Но, какъ бы тамъ ни было, это возраженіе пришло тебѣ во время въ голову. Ты думаешь, что соціаль-демократы желаютъ общественный строй, въ которомъ всякій мужчина имѣлъ бы право владѣть всякой женщиной. Это было бы поистинѣ ужасно и ужъ очень возмутительно! Но развѣ ты серьезно думаешь, что можетъ существовать политическая партія, которая серьезно стала бы защищать еле представляемое, *позорнѣйшее рабство* и стала бы добиваться его осуществленія. Прежде всего—это невѣроятно. И если ты познакомишься съ этимъ вопросомъ, ты найдешь, что и тутъ, какъ въ сказкѣ о раздѣлѣ имуществъ, играетъ роль клевета.

Соціаль-демократы объ этомъ вопросѣ думаютъ слѣдующее: отношенія между мужчиной и женщиной освѣщаются ихъ взаимной симпатіей и любовью. Часто ли въ наше время ихъ соединяетъ любовь? Не часто ли деньги или другой разсчетъ служатъ причиной брака? Какъ часто по этой причинѣ между супругами

существуютъ холодныя отношенія! Какъ часто случаются разводы, ибо совмѣстная жизнь супруговъ становится невыносимой. Соціаль-демократы думаютъ, что семейная жизнь могла бы быть болѣе нравственной, если бы браки совершались не изъ за денегъ или по другимъ либо разсчетамъ. Если бы несчастнымъ въ семейной жизни законъ и обычай позволили бы расторгнуть ихъ союзъ! Насильственное удерживаніе фактически расторгнувшейся связи не можетъ создать ничего хорошаго. Развѣ же такъ думать—преступленіе? Стараются доказать, что соціаль-демократы *звѣри,* а они на самомъ дѣлѣ на мѣсто мамона или другого разсчета хотятъ поднять на тронъ, что должно быть на тронѣ: *богиню любви.* Гдѣ *она* соединяетъ двухъ людей, тамъ существуетъ святой союзъ, но коль скоро любовь прошла, внѣшняя, принудительная связь можетъ быть безъ всякаго ущерба разорвана. Въ этомъ пунктѣ соціаль-демократы имѣютъ своими союзниками величайшихъ нашихъ мыслителей и поэтовъ. И если взглядъ соціаль-демократовъ преступенъ, пусть сбросятъ статуи Гете, Шиллера и Лессинга съ ихъ пьедестала. Но, до тѣхъ поръ, пока эти статуи сохраняются въ цѣлости, соціаль-демократы могутъ разсчитывать на сочувствіе, если они въ отношеніяхъ мужчины и женщины не признаютъ никакой власти, кромѣ любви.

Поэтому, соціаль-демократы самые сознательные противники *проституціи.* Проституція является позорнѣйшимъ пятномъ для современнаго общества, и придетъ время, когда ничто не уничтожитъ человѣческую красоту, ни бѣдность (или дикость), которая гонитъ дѣвушекъ въ проституцію, ни золото, ни положеніе сильныхъ міра сего. Пусть посмотрятъ вокругъ! Не держится ли какъ разъ рабочая масса за *счастливую семейную* жизнь? И какъ часто бываетъ имъ тяжело. Когда отецъ и мать цѣлый день «на работѣ» и вечеромъ, утомленные, возвращаются домой, то счастье сообщества проявляется не такъ легко. При такой семейной жизни несчастными бываютъ дѣти. Цѣлый день они безъ всякаго надзора на улицѣ, а вечеромъ же ихъ бьютъ угрюмые родители, если узнаютъ, что они въ теченіе дня совершили какую нибудь шалость. Въ данномъ случаѣ *о воспитаніи* не можетъ быть и рѣчи; вмѣсто же любви между родителями и дѣтьми устанавливаются равнодушныя отношенія, а иногда появляется даже ненависть. Откуда берутся, главнымъ образомъ, преступники? Преступниками становятся дѣти рабочихъ, которые могли бы быть самими полезными людьми общества, еслибы имѣли счастье получить хорошее воспитаніе и не были бы въ дѣтствѣ оставлены на произволъ судьбы. И это *чувствуетъ* бѣдный человѣкъ. Право же, уже пора все это измѣнить!

Въ большинствѣ случаевъ, какъ разъ рабочій народъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы держать свою семью въ порядкѣ! А тутъ приходятъ люди и говорятъ имъ, что они хотятъ уничтожить семью. Если же семья бѣдняка при современныхъ условіяхъ и разрушается, кто въ этомъ виноватъ? Ужъ во всякомъ случаѣ не соціаль-демократія.

Когда богачъ держитъ у себя метрессу, когда отъ золота его богатѣютъ содержатели публичныхъ домовъ, когда его семейная жизнь отъ всего этого разрушается, въ этомъ опять таки виновата не соціаль-демократія.

Въ настоящее время безнравственность, холенная похотью богатыхъ бездѣльниковъ, подымаетъ высоко свою голову. Дѣломъ рабочаго народа будетъ—вытащить человѣчество изъ этого болота.

Также и въ этомъ отношеніи соціализмъ придетъ на помощь. Когда будетъ охранена *собственность* рабочаго народа, когда всякій трудящійся не будетъ терпѣть нужды,—тогда только влеченіе сердца соединитъ мужчину и женщину, и когда любовь нельзя будетъ покупать, тогда не станетъ ни любовницъ, ни проститутокъ. Если соціаль-демократія грѣшитъ—она грѣшитъ противъ проституціи и господства метрессъ, она грѣшитъ противъ существующей въ *современномъ* обществѣ коммуны женъ.

Такъ дѣло обстоитъ съ уничтоженіемъ соціаль-демократіей частной собственности, брака и семьи. Таковы взгляды соціаль-демократовъ на всѣ эти важные вопросы. Но пока читатель окончательно рѣшитъ, быть ли ему за или противъ нихъ, мы должны хотя бы вкратцѣ коснуться еще нѣкоторыхъ пунктовъ.

Если бы соціаль-демократы не могли ничего дать страдающимъ, кромѣ (когда уже теперь ужасныя условія жизни становятся все болѣе и болѣе невыносимыми) надежды на то, что соціализмъ избавитъ ихъ отъ всѣхъ бѣдствій, то въ этомъ все-таки было бы мало утѣшенія. Уже достаточно обѣщали народу вознагражденія на «томъ свѣтѣ» за ихъ лишенія, которыя онъ терпитъ на этомъ *). Пришло, наконецъ, то время, когда народъ къ такимъ обѣщаніямъ относится съ недовѣріемъ. Народъ тре-

*) Авторъ смѣшиваетъ здѣсь религіозный идеалъ, который сулилъ народу безмѣрныя блага на томъ свѣтѣ, съ соціалистическимъ идеаломъ будущаго. Соціалистическій идеалъ не плодъ человѣческой фантазіи, не вымыселъ, онъ коренится въ конкретныхъ историческихъ условіяхъ, что авторъ и доказываетъ въ своей брошюрѣ. Осуществимый соціалистическій идеалъ принесетъ людямъ *дѣйствительныя блага, а не призрачныя*, и поэтому онъ съ религіознымъ идеаломъ не имѣетъ *ни малѣйшаго сходства*. *Прим. пер.*

буетъ теперь улучшенія своего положенія на дѣлѣ, а не на словахъ, и это желаніе народа поэтъ Генрихъ Гейне такъ прекрасно выразилъ, когда сказалъ въ своихъ «Зимнихъ сказкахъ», что старой убаюкивающей пѣсенкѣ отказа отъ земныхъ благъ,— этой эпопеѣ о небѣ—долженъ быть противопоставленъ конкретный идеалъ осуществленія счастья здѣсь, *на землѣ.*

Одни только соціаль-демократы защищаютъ интересы народа по всѣмъ пунктамъ. Они дѣлаютъ это всегда и вездѣ, когда только въ состояніи это дѣлать.

Развить соціаль-демократическую программу, которая служитъ основой для всей соціаль-демократической дѣятельности, не входитъ въ рамки этой работы. Но все же должны быть разобраны нѣкоторые *предразсудки,* касающіеся нашей программы.

Когда рабочее движеніе, при благопріятныхъ условіяхъ содѣйствуетъ увеличенію заработной платы, то мелкимъ собственникамъ кажется, что это обстоятельство ухудшаетъ ихъ положеніе. Въ то время, какъ всѣ бѣдствія имъ приноситъ всесильная конкурренція крупнаго капитала съ мелкимъ, они усматриваютъ причину своего тяжелаго положенія въ увеличеніи заработной платы. Если деревенскій или городской мелкій собственникъ спроситъ себя, живетъ ли онъ только на счетъ прибыли, которую ему приносятъ подмастерья, или также отъ своего собственнаго труда, онъ долженъ будетъ себѣ отвѣтить, что, главнымъ образомъ, отъ своего собственнаго труда. А если это такъ, то онъ долженъ сейчасъ понять, что его положеніе улучшается съ повышеніемъ заработной платы. Причина этого явленія заключается въ томъ, что мелкіе предприниматели живутъ не только на счетъ прибыли, которую они получаютъ отъ чужого труда, даже въ томъ случаѣ, когда въ ихъ предпріятіяхъ заняты наемные рабочіе. Дѣло въ томъ, что неблагопріятныя условія, въ которыя поставлены мелкіе предприниматели по отношенію къ крупнымъ, не даютъ имъ возможности существовать на счетъ чистой прибыли. Дальше, по этой же самой причинѣ ухудшеніе положенія общей рабочей массы, ведетъ за собой застой въ дѣлахъ и предпріятіяхъ и отражается прежде всего на дѣлахъ мелкихъ предпринимателей. Поэтому, тотъ, кто работаетъ для поддержанія своего существованія,— интересы того совпадаютъ съ интересами рабочаго класса, который отстаиваетъ интересы труда противъ крупнаго капитала.

Кромѣ того, нельзя, вообще, нападать на рабочихъ за то, что они, подобно всѣмъ на свѣтѣ, стремятся продать свой товаръ (рабочую силу), какъ можно дороже. На короткое время, въ единичныхъ случаяхъ, рабочимъ иногда удается получить *хорошую*

цѣну за свой трудъ. И бываютъ случаи, когда отъ этого терпитъ мелкій собственникъ. Тогда послѣдній замѣчаетъ, что въ сравненіи съ нимъ молодые, неженатые рабочіе живутъ беззаботно, но онъ при этомъ упускаетъ изъ виду условія существованія семейнаго наемнаго рабочаго. Фактически въ безвыходномъ положеніи находится самое большое количество наемныхъ рабочихъ.

Интересы всей трудящейся массы *совпадаютъ*. Это ясно видно изъ того, что при многихъ стачкахъ, какъ разъ, самые мелкіе собственники бываютъ на сторонѣ рабочихъ. Низкая заработная плата одинаково неблагопріятна крестьянину, какъ и ремесленнику. Мелкому собственнику становится гораздо труднѣе удержать свою самостоятельность, когда заработная *плата низка*; въ такихъ моментахъ увеличивается число крупныхъ капиталистовъ, и мелкія предпріятія теряютъ силу *сопротивленія и поглощаются крупными.*

Пусть же весь рабочій народъ пойметъ общность своихъ интересовъ.

То же самое относится къ стремленію сократить рабочее время тамъ, гдѣ оно слишкомъ продолжительно. На восьмичасовый рабочій день враги смотрятъ, какъ на необходимую реформу. Но соціаль-демократы желаютъ пока, въ переходной моментъ, десятичасовый рабочій день. Кто усердно работаетъ десять часовъ,— но этого соціаль-демократы требуютъ отъ каждаго,—тотъ, конечно, исполнилъ свой долгъ и тотъ ужъ, конечно, заслуживаетъ нѣсколько свободныхъ часовъ для отдыха, для чтенія и для общества съ своими близкими. Но, какъ разъ тѣ, которые кричатъ о «лѣни» рабочаго класса, какъ разъ они были бы совсѣмъ недовольны, если бы ихъ поставили работать хоть восемь часовъ въ день. Сокращеніе рабочаго времени приведетъ, безъ всякаго сомнѣнія, къ улучшенію положенія всего *рабочаго народа*. Это можно понять безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Труднѣе рѣшить вопросъ о рабочемъ времени въ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ за скотомъ нужно смотрѣть въ различное время дня и даже ночи и гдѣ жатва требуетъ усерднаго и непрерывнаго труда. Но сокращеніе рабочаго дня въ сельскомъ хозяйствѣ до извѣстнаго минимума, все таки улучшитъ положеніе всего крестьянскаго населенія, которое въ данномъ отношеніи поставлено въ худшихъ условіяхъ городскаго. Чѣмъ больше машинъ будетъ введено въ сельскомъ хозяйствѣ, тѣмъ скорѣе удастся деревенскому народу осуществить эту реформу.

То, что *наемные рабочіе* являются передовымъ отрядомъ въ борьбѣ за интересы труда, еще *не* даетъ права другимъ *трудящимся* хладнокровно, а тѣмъ болѣе враждебно относиться къ

этой борьбѣ. Напротивъ того, весь *рабочій народъ* долженъ принять участіе въ ней, потому что борьба рабочаго класса въ интересахъ всего рабочаго народа, и наемные рабочіе, дѣйствительно, являются *піонерами человѣчества.*

Но для того, чтобы вести эту борьбу съ успѣхомъ, рабочій народъ долженъ прежде всего *организоваться.* Каждый въ отдѣльности—безсиленъ, но если всѣ, связанные общими интересами, сплотятся съ цѣлью отстаивать эти интересы, они станутъ могучей силой. Каждый отдѣльный прутъ легко сломать, но цѣлую связку прутьевъ не сломятъ.

Соціаль-демократы могутъ радоваться,—ихъ трудъ въ этомъ смыслѣ даромъ не прошелъ. Соціаль-демократическая партія представляетъ уже теперь огромную силу. Доказательствомъ этого можетъ служить то, что отъ соціаль-демократической партіи уже есть въ парламентѣ 81 представитель. Работа этихъ представителей содѣйствовала проясненію умовъ многихъ и многихъ германскихъ гражданъ. Кто можетъ сказать про этихъ представителей, что они имѣютъ дурныя намѣренія или что они плохо отстаиваютъ интересы народа? Кто можетъ порицать ихъ дѣятельность? Ихъ рѣчи всегда попадаютъ въ цѣль. Но не только въ парламентѣ находятся представители рабочаго народа, но и въ различныхъ сеймахъ и думахъ.

Эти успѣхи достигнуты въ сравнительно короткое время. Соціаль-демократическое движеніе еще молодо. Въ 1863 году Лассаль поднялъ соціаль-демократическое знамя; съ тѣхъ поръ еле прошло 40 лѣтъ! И какъ преслѣдовали соціаль-демократію въ теченіе этихъ сорока лѣтъ,—какъ клеветали на нее, презирали, поносили ее! Сколько представителей ея были брошены въ тюрьмы! Скольких изъ нихъ старались оставить безъ куска хлѣба, лишали или покупателей, или работы. Соціаль-демократія терпѣла цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ отъ созданнаго для нея исключительнаго закона, основаніемъ котораго были ложныя обвиненія, потому что она была неповинна въ существующихъ аттентатахъ. Гедель былъ даже членомъ партіи Штеккера, отставного придворнаго проповѣдника, и былъ лживымъ человѣкомъ, также Нобилингъ принадлежалъ къ національно-либеральной, а не къ соціаль-демократической партіи. Несмотря на это, соціаль-демократовъ гнали, какъ преступниковъ, сотнями изъ города въ городъ, изъ ихъ родины въ чужія страны. Сотни семействъ и существованій было уничтожено, тысячи брошены въ тюрьмы. Но все могучѣе становилось движеніе,—и исполинскими шагами оно идетъ впередъ! Никакая земная сила не можетъ воспрепятство-

вать этому развитію, потому что это движеніе выражаетъ интересы большинства, съ которыми связаны высочайшіе идеалы человѣчества.

Даже ребенокъ можетъ понять, что движеніе, имѣющее такое важное значеніе и силу (и какъ часто трепещутъ противники передъ нимъ!) не можетъ не имѣть своей причины въ общемъ положеніи народа. Такое серьезное движеніе не создается искусственно единичными агитаторами; оно не можетъ быть продуктомъ отвлеченныхъ бездушныхъ идей и преступныхъ страстей. О немъ можно сказать, что говорили о христіанствѣ: «Если оно не пригодно для жизни, оно погибнетъ въ силу своей непригодности, если же оно плодотворно, оно проложитъ себѣ дорогу, и преслѣдованія окажутся передъ нимъ ничтожными!»

Соціаль-демократовъ считаютъ, конечно, *врагами отечества*. Но это не помѣшаетъ ихъ побѣдоносному движенію. Чьи собственно враги соціаль-демократы? *Они враги тѣхъ отсталыхъ учрежденій, которыя являются могучимъ препятствіемъ къ дальнѣйшему развитію и свободѣ народа.*

Когда соціаль-демократы видятъ, что полученные изъ Франціи пять милліардовъ улетучились въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, что, несмотря на эту сумму, налоговъ не только не уменьшили, а, наоборотъ, постоянно думаютъ о введеніи новыхъ, что пошлина и косвенные налоги на предметы первой необходимости содѣйствуютъ ихъ необыкновенному вздорожанію, то соціаль-демократы находятъ, что государство мало, очень мало заботится о своемъ отечествѣ. Оно также мало думаетъ о томъ, что въ странѣ ходитъ безработная стотысячная армія, или получаютъ самую ничтожную заработную плату, въ то время, какъ, съ другой стороны, прибыль крупныхъ предпринимателей увеличивается посредствомъ сахарныхъ, винныхъ премій и т. п.

И когда мы видимъ, сколько милліоновъ тратится на войско, и какъ незначительна та сумма, которая идетъ на народное образованіе и школы,—мы приходимъ къ заключенію, что государство плохо распредѣляетъ средства. И когда намъ говорятъ, что такъ должно быть для того, чтобы существовалъ миръ въ странѣ, мы отвѣчаемъ, что огромныя постоянныя арміи *угрожаютъ миру*, что народы, навѣрное, жили бы въ мирѣ, если бы сами опредѣляли международныя отношенія, что имъ въ голову не пришло бы убивать другъ друга, уничтожать все то, что создано съ такимъ трудомъ, какъ это никогда не приходитъ въ голову дѣлать жителямъ двухъ сосѣднихъ деревень.

И когда соціаль-демократы видятъ, что сыновья рабочихъ, ремесленниковъ, крестьянъ и низшихъ чиновъ отрываются на *два-три года* отъ занятій, чтобы научиться тому, чему сыновья богатыхъ *научаются скоро* и такъ хорошо, что они дѣлаются большей частью офицерами; когда они видятъ, какъ для солдатъ иначе *приготовляютъ столы* (словно для загнанныхъ) въ то время, какъ тѣ немногіе избранные (срокъ службы которыхъ короче) совершаютъ трапезу за столомъ, уставленнымъ лучшими блюдами,—тогда соціаль-демократы говорятъ, что во всемъ этомъ мало справедливости и мало любви къ народу. Соціаль-демократы думаютъ, что столы должны быть накрыты для всѣхъ одинаковые и увѣрены, что двухъ или трехлѣтній срокъ военной службы былъ бы немедленно уничтоженъ, если бы въ казармахъ должны были жить столько же лѣтъ сыновья министровъ, депутатовъ, банкировъ, фабрикантовъ, дворянъ, крупныхъ землевладѣльцевъ и т. д.

Далѣе, *ограниченіе свободы* печати, союзовъ, собраній, безъ которой народъ совсѣмъ не можетъ существовать, соціаль-демократія не считаетъ такой мѣрой, которая содѣйствовала бы народному благу и соотвѣтствовала бы народному достоинству.

Если же на основаніи всѣхъ указанныхъ причинъ соціаль-демократовъ будутъ называть *врагами человѣчества,* они не станутъ этимъ огорчаться. *Они не враги народа!*

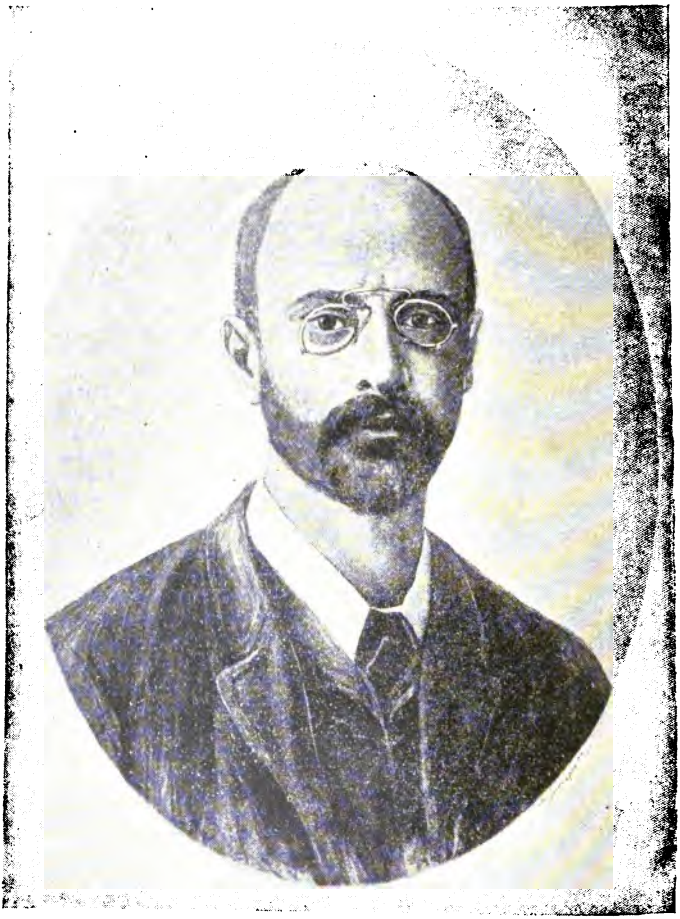
Итакъ, любезный читатель, подумай! Если ты понялъ, что соціаль-демократы желаютъ нѣчто хорошаго, если ты убѣдился, что они стремятся къ чему-то похвальному, къ счастью, благополучію для народа и къ его духовному развитію, то присоединись къ ихъ стремленіямъ! Если ты не можешь выступить публично, дѣйствуй въ интимномъ кругу... Слѣди за тѣмъ, чтобы не происходили незаконные выборы подъ вліяніемъ угрозъ, обѣщаній и незаконной торговли голосами, какъ это уже часто случалось. Если же враги соціаль-демократовъ опять явятся съ ихъ позорными клеветами, ты не вѣрь имъ! Если ты не можешь сказать все это публично,—хотя это самая чистая правда,—скажи интимно, скажи своему сосѣду, своему другу! Скажи имъ, что соціаль-демократія —*партія рабочаго народа,* и что она хотя, быть можетъ, иногда и заблуждается, но искренно и отъ всей души желаетъ счастья *для всѣхъ.*

Ein neues Lied, ein schöneres Lied,
Ihr Freunde, will ich euch dichten!
Wir wollen hier auf Erden schon
Das Himmelreich errichten.

Wir wollen auf Erden glücklich sein
Und wollen nicht mehr darben
Verschlemmen soll nicht der faule Bauch
Was fleissige Hände erwarben!

Генрихъ Гейне.

(Зимнія сказки).



IV 5/228.

VIII

Карлъ Каутскій.

Противорѣчія классовыхъ интересовъ въ 1789 году.

Переводъ Л. С. Быска.

Подъ редакціей В. Водовозова.

2-е изданіе.

Изд. „Донская Рѣчь"
Парамонова
въ Ростовѣ н-Д.

Оглавленіе.

Стр.

I. Введеніе 5
II. Абсолютная монархія 9
III. Дворянство и духовенство 16
IV. Чиновная аристократія 31
V. Возмущеніе привилегированныхъ 36
VI. Буржуазія 41
VII. Интеллигенція 51
VIII. Санкюлоты 60
IX. Крестьяне 70
X. Европа и французская революція 88

Дозволено цензурою 2-го Декабря 1903 г. Ростовъ на Дону.

Типографія Т-ва „Донская Рѣчь".

I.

ВВЕДЕНІЕ.

17 іюня 1889 года исполнилось 100 лѣтъ со дня, когда подъ давленіемъ революціоннаго броженія всей страны депутаты третьяго сословія Генеральныхъ Штатовъ Франціи провозгласили себя Національнымъ Собраніемъ и положили этимъ начало той колоссальной соціальной катастрофѣ, которую мы называемъ Великой революціей par excellence.

Какъ ни огромны были надежды, связывавшіяся съ этимъ шагомъ, но дѣйствительный ходъ событій значительно опередилъ ихъ. Казавшееся еще столь прочнымъ зданіе феодальнаго государства рухнуло точно карточный домикъ подъ натискомъ народныхъ массъ; въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ были разбиты всѣ оковы, опутывавшія Францію, готовую уже задохнуться подъ ихъ гнетомъ; юный колоссъ новаго способа производства выбрался на просторъ и получилъ всѣ средства для своего свободнаго развитія. Передъ энтузіазмомъ освобожденнаго народа рушились всѣ препятствія; Франція, бывшая при старомъ порядкѣ посмѣшищемъ всей Европы, теперь побѣдоносно отразила натискъ соединенныхъ европейскихъ государствъ, вступившихъ въ союзъ съ контръ-революціей въ самой республикѣ. И вскорѣ знамя революціи побѣдоносно пронеслось по всему континенту.

Съ другой стороны однако многія ожиданія дѣятелей революціи оказались пустыми иллюзіями. Несмотря на уничтоженіе сословныхъ привилегій, царство равенства и братства не наступило. Появились новыя классовыя противо-

рѣчія, скрывшія въ своихъ нѣдрахъ новую соціальную борьбу, новые перевороты. Нищета не уменьшилась, выросъ пролетаріатъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ выросла и эксплоатація рабочаго класса. Созданныя революціей государство и общество не соотвѣтствовали ни идеаламъ Монтескье, ни иделамъ Ж. Ж. Руссо. Жизнь оказалась сильнѣе идей.

Само собою разумѣется, что въ такомъ крупномъ историческомъ событіи, какъ революція, для каждой партіи, стремится ли она превознести и возвеличить это событіе, или наоборотъ желаетъ унизить, опорочить и осудить его, всегда найдутся такіе моменты и стороны, выдвиганіе которыхъ на первый планъ соотвѣтствуетъ ея цѣлямъ.

Еще болѣе легкимъ является пользованіе революціей для партійныхъ цѣлей, если смотрѣть на нее съ точки зрѣнія «морали». При такой катастрофѣ, какъ революція, страсти участниковъ ея разгораются до чрезвычайности: въ каждой изъ дѣйствующихъ въ ней партій мы находимъ примѣры самыхъ возвышенныхъ добродѣтелей, несравненнаго героизма и самоотверженія, но находимъ также примѣры низости, крайней жестокости, безхарактерности и своекорыстія. И очень ужъ это дешевое удовольствіе—съ похвалой подчеркивая симпатичныя черты одной партіи, попрекать своихъ противниковъ отталкивающими дѣяніями другой.

Какъ ни странны подобные пріемы исторіографіи, все же лишь немногія изъ изображеній французской революціи свободны отъ нихъ. И это вполнѣ естественно. Противорѣчія интересовъ, вступившихъ въ столкновеніе въ этой революціи, и по сей часъ не вполнѣ исчезли; она сама создала новыя противорѣчія, которыя въ ней впервые только стали замѣтны, но которыя съ тѣхъ поръ сдѣлались гораздо болѣе рѣзкими и опредѣленными. Среди современныхъ партій нѣтъ ни одной, которая въ силу традицій или симпатій, сходства положенія или цѣлей не чувствовала бы своего родства съ какимъ нибудь изъ обществен-

ныхъ теченій французской революціи и не была бы поэтому особенно благосклонна именно къ нему и особенно строга къ его противникамъ.

А между тѣмъ французская революція какъ разъ дала толчокъ такому пониманію исторіи, которое дѣлаетъ возможнымъ объективное изученіе какъ ея самой, такъ и всякаго другаго историческаго явленія; оно ищетъ движущую силу историческаго развитія въ послѣднемъ счетѣ не въ желаніяхъ людей, а въ общественныхъ отношеніяхъ, независимыхъ,—по крайней мѣрѣ при системѣ товарнаго хозяйства,—отъ этихъ людей, стоящихъ выше ихъ, даже господствующихъ надъ ними.

При всемъ желаніи историковъ французской революціи изобразить ее какъ дѣло съ одной стороны философовъ—Вольтеровъ, Руссо и др., съ другой—ораторовъ Національныхъ Собраній—Мирабо и Робеспьеровъ, они не могли обойти молчаніемъ тотъ фактъ, что вызвавшій революцію конфликтъ проистекалъ изъ противорѣчія интересовъ третьяго сословія съ двумя первыми. Они видѣли, что это противорѣчіе не было случайнымъ или скоропреходящимъ; далеко не впервые появилось оно въ 1989 г., но существовало уже въ Генеральныхъ штатахъ 1614 г., даже раньше; оно послужило существеннымъ элементомъ историческаго развитія, такъ какъ благодаря ему произошло укрѣпленіе абсолютной королевской власти. Они должны были наконецъ увидѣть, что этотъ конфликтъ имѣлъ свои корни въ *экономическихъ отношеніяхъ*.

Правда, въ большинствѣ описаній революціонной эпохи классовая борьба изображалась и изображается не какъ движущая сила всего переворота, а лишь какъ отдѣльный эпизодъ въ борьбѣ философовъ, ораторовъ и государственныхъ дѣятелей, какъ будто эта послѣдняя не являлась сама необходимымъ слѣдствіемъ борьбы классовъ. И понадобилась еще колоссальная работа мысли, прежде чѣмъ то, что раньше разсматривалось какъ простой эпизодъ, было признано движущей силой не только всей революціи,

но и всего историческаго развитія, начиная съ момента возникновенія противорѣчія классовыхъ интересовъ.

Возникшее такимъ образомъ матеріалистическое пониманіе исторіи подвергается еще въ настоящее время многимъ нападкамъ. Напротивъ мысль, что французская революція порождена классовой борьбой третьяго сословія противъ первыхъ двухъ, уже давно сдѣлалась почти общепризнанной. Изъ теоріи, принимаемой только спеціалистами учеными, этотъ взглядъ превратился въ популярную истину, широко распространенную въ Германіи преимущественно среди рабочаго класса. Задача приверженцевъ этого взгляда заключается въ настоящее время не столько въ его защитѣ, сколько въ предохраненіи его отъ опошленія.

Сводя историческое развитіе къ борьбѣ классовъ, многіе слишкомъ склонны принимать, что въ обществѣ существуютъ только два лагеря, два борющіеся другъ съ другомъ класса, двѣ сплоченныя, однородныя массы—революціонная и реакціонная, что въ обществѣ имѣются только «верхи» и «низы». Если бы это было справедливо, то писать исторію было бы очень легко. Въ дѣйствительности, однако, общественныя отношенія вовсе не такъ просты. Общество представляетъ чрезвычайно сложный и все болѣе и болѣе усложняющійся организмъ съ самыми разнообразными классами съ разнообразнѣйшими интересами, классами, которые въ зависимости отъ обстоятельствъ могутъ группироваться въ весьма разнообразныя партіи.

Это справедливо для настоящаго времени, и это же справедливо и по отношенію къ эпохѣ французской революціи. Краткій обзоръ общественныхъ отношеній во Франціи сто лѣтъ тому назадъ оправдывается не однимъ только юбилеемъ, вызывающимъ новый интересъ къ великой революціи, *) но можетъ намъ дать кое-что также и для освѣщенія современныхъ партійныхъ отношеній; онъ не лишенъ слѣдовательно также интереса современности.

*) Настоящая книжка появилась въ подлинникѣ въ 1889 г.

II.

Абсолютная монархія.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію противорѣчій классовыхъ интересовъ въ 1789 г., нелишнимъ будетъ бросить взглядъ на тотъ государственный строй, въ предѣлахъ котораго развивались эти противорѣчія, такъ какъ формы государственности опредѣляютъ собою и тѣ способы, которыми отдѣльные классы стремятся осуществлять свои интересы,—опредѣляютъ формы классовой борьбы.

Французское государство съ 1614 по 1789 г. представляло абсолютную монархію, т. е. такую государственную форму, которая, воспрещая «подданнымъ» всякую политическую дѣятельность, исключаетъ при нормальныхъ условіяхъ возможность интенсивной классовой борьбы и является, слѣдовательно, несовмѣстимой на сколько-нибудь продолжительный срокъ съ современнымъ обществомъ. Всякая борьба классовъ должна въ концѣ концовъ превратиться въ политическую борьбу, и всякій возвышающійся классъ, если онъ лишенъ политическихъ правъ, долженъ, слѣдовательно, бороться за ихъ пріобрѣтеніе. Правда, и съ пріобрѣтеніемъ этихъ правъ политическая борьба не прекращается; наоборотъ, именно съ этого момента она становится особенно сильной,—обстоятельство, которое въ 1789 г., какъ и впослѣдствіи въ 1848 г., поражало и пугало многихъ идеологовъ.

Абсолютизмъ, т. е. независимость государственной власти отъ господствующихъ классовъ, другими словами форма государственности, при которой верховная власть не является прямымъ орудіемъ классового господства, а ведетъ, повидимому, самостоятельное существованіе надъ классами и партіями, можетъ возникнуть лишь тамъ, гдѣ отдѣльные классы, принимающіе участіе въ общественной жизни страны, находятся въ состояніи равновѣсія, т. е. гдѣ ни у одного изъ нихъ нѣтъ достаточной силы, чтобы захватить въ свои руки государственную власть. Послѣд-

няя при такихъ условіяхъ имѣетъ возможность держать въ повиновеніи каждый изъ существующихъ классовъ, опираясь на другіе, и, прекращая политическую борьбу, предписывать имъ всѣмъ своего рода миръ, всѣхъ ихъ заставлять служить себѣ.

Подобное состояніе наступило во Франціи въ XVII в. Феодальный способъ производства пришелъ въ упадокъ, и опирающееся на земельную собственность феодальное дворянство, точно такъ же, какъ и духовенство, не было болѣе въ состояніи отстаивать самостоятельное политическое существованіе передъ лицомъ государственной власти, за которою стояла возвышавшаяся плутократія. Все болѣе и болѣе крупная часть феодальнаго дворянства переходила въ ряды придворнаго дворянства, превращалась въ своего рода высшихъ слугъ короля, который зато принималъ на себя обязанность заботиться о ихъ матеріальномъ благополучіи. Изъ силы, ограничивавшей абсолютизмъ, дворянство, а за нимъ и высшее духовенство, все болѣе превращались въ его опору.

Королевская власть становилась тѣмъ неограниченнѣе, чѣмъ болѣе возрастала та сила, которую новый способъ производства давалъ въ ея руки. Въ феодальную эпоху отдѣльныя общины, образовывавшія государство, были совершенно независимы въ экономическомъ отношеніи, такъ какъ онѣ сами производили почти всѣ продукты, необходимые для удовлетворенія ихъ потребностей. Отсюда проистекала и ихъ политическая самостоятельность. Товарное производство и торговля поставили различныя общины страны въ зависимость отъ нѣсколькихъ экономическихъ центровъ, а за экономической централизаціей послѣдовала и централизація политическая.

На мѣсто органовъ провинціальнаго и общиннаго самоуправленія выступили органы централизованнаго государственнаго управленія, появилась бюрократія, постоянно завоевывавшая новыя области, съ каждымъ днемъ становившаяся болѣе дисциплинированной и все болѣе подчиня-

вшаяся центральной власти.

Наряду съ бюрократіей, въ силу цѣлаго ряда причинъ, стоявшихъ также въ связи съ развитіемъ товарнаго хозяйства, но разсмотрѣніе которыхъ завело бы насъ слишкомъ далеко, возникло и *постоянное войско,* находившееся въ полномъ подчиненіи у государственной власти; предназначалось оно прежде всего для защиты государства отъ внѣшней опасности, но было годно также и на то, чтобы силой подавить вооруженное сопротивленіе государственной власти внутри страны.

Конечно, всѣ эти нововведенія требовали денегъ и большихъ денегъ; такимъ образомъ сила государственной власти зависѣла въ окончательномъ итогѣ отъ обложенія лицъ, владѣющихъ деньгами или зарабатывающихъ ихъ. Если бы эти лица отказались вносить подати, или согласились выплачивать ихъ только на извѣстныхъ условіяхъ, и требованія ихъ увѣнчались бы успѣхомъ, то абсолютизмъ рухнулъ бы, исчезла бы полная независимость государственной власти. Но пока податные классы не обладали достаточной силой сопротивленія, или пока ихъ интересы не толкали ихъ съ необходимостью на такое сопротивленіе, до тѣхъ поръ обладатели государственной власти могли дѣйствительно воображать, что государство существуетъ только для нихъ лично.

Государство превратилось въ простой домэнъ государя, интересы монарха слились съ интересами государства. Чѣмъ могущественнѣе, чѣмъ богаче государство, тѣмъ могущественнѣе, тѣмъ богаче и его властелинъ. Его главной задачей стало теперь заботиться о матеріальномъ благосо- стояніи своихъ подданныхъ, подобно тому, какъ овчаръ заботится о благѣ тѣхъ овецъ, которыхъ онъ собирается стричь. Чѣмъ болѣе бюрократія вытѣсняла старыя формы государственнаго управленія, тѣмъ значительнѣе и шире становились ея вторженія въ область чисто матеріальныхъ отношеній, тѣмъ заботливѣе старалась государственная власть поощрять торговлю, индустрію и земледѣліе, устра-

нять административными и иными реформами всѣ встрѣчавшіяся на пути ихъ развитія препятствія и охранять классы, производящіе богатства, отъ чрезмѣрнаго гнета и обезсиливающей эксплоатаціи привилегированныхъ; короче говоря, чѣмъ абсолютнѣе становилась монархія, тѣмъ сильнѣе возрастало ея стремленіе быть «просвѣщенной».

Это именно та сторона монархическаго строя прошлаго вѣка, на которую прежде всего обращаютъ вниманіе всѣ тѣ, кто хочетъ доказать на основаніи исторіи, что защита слабаго отъ сильнаго, забота о матеріальномъ благосостояніи народа, соціальная дѣятельность есть естественное призваніе монархіи, и что это призваніе извращается парламентаризмомъ, который на мѣсто господства стоящаго надъ партіями монарха подставляетъ господство партій или групповыхъ интересовъ.

Тѣ, кто думаетъ такъ, забываютъ о двухъ вещахъ. Прежде всего вмѣшательство абсолютной власти прошлаго вѣка *) въ экономическія отношенія имѣло своей цѣлью не защиту *слабыхъ*, а интересы «національнаго богатства», т. е. товарнаго производства.

По существу это было не что иное, какъ удовлетвореніе желаній *капиталистовъ*, зачастую при томъ въ самой непосредственной формѣ—путемъ покровительственныхъ пошлинъ, монополій, субсидій ихъ предпріятіямъ. Даже тѣ мѣропріятія, которыя не преслѣдовали непосредственно ихъ выгодъ, какъ напр., улучшеніе школъ, уничтоженіе крѣпостнаго права и др. шли въ концѣ концовъ имъ на пользу. Абсолютному королю прошлаго вѣка никогда не пришло бы въ голову заботиться о слабыхъ и охранять ихъ, если бы это не обѣщало увеличенія «національнаго богатства», и слѣдовательно также роста государственныхъ доходовъ. Вся заботливость правителей прошлаго вѣка о пролетаріатѣ, какъ работающемъ, такъ и неработающемъ (Lumpenproletariat) сводилась, вообще говоря, къ ряду полицейскихъ мѣропріятій для его обузданія.

*) Т. е. XVIII в.

Крестьянинъ же и ремесленникъ, если и охранялись, то лишь постольку, поскольку это касалось сохраненія ихъ платежеспособности для взноса податей.

«Защита слабыхъ отъ сильныхъ» въ дѣйствительности имѣла такимъ образомъ цѣлью удовлетвореніе требованій класса, отъ котораго государственная власть зависѣла, если еще не въ политическомъ отношеніи, то въ значительной уже степени въ экономическомъ, къ удовлетворенію требованій буржуазіи.

Далѣе, на ряду съ денежными налогами, другимъ крупнымъ источникомъ доходовъ у монарховъ прошлаго столѣтія являлась ихъ земельная собственность,—обстоятельство, стоящее въ связи съ феодальнымъ происхожденіемъ королевской власти. Повсюду король былъ крупнѣйшимъ (если не считать церкви) землевладѣльцемъ страны, —и во Франціи это явленіе имѣло мѣсто въ полномъ объемѣ.

«Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о томъ, какъ распредѣлялась земельная собственность въ 1789 г.»—говоритъ Леонсъ де-Лаверн, «мы знаемъ только,—что королевскіе домэны *вмѣстѣ съ общинными землями составляли приблизительно пятую часть* всей почвы Франціи *). Какъ колоссальны были ихъ размѣры, можно судить уже потому, что одни только королевскіе лѣса для охоты занимали площадь въ милліонъ морговъ, т. е. почти равнялись площади великаго герцогства Ольденбургскаго.

Сюда слѣдуетъ присовокупить еще и имѣнія принцевъ королевской семьи, которыя по Неккеру составляли одну седьмую всей Франціи.

Но въ качествѣ господина феодальныхъ домэновъ государь имѣлъ интересы, противоположные тѣмъ, которые существовали у него, какъ господина всего обширнаго домэна—государства. Будучи самъ феодальнымъ владыкой, имѣя родственниковъ и «добрыхъ друзей», тоже феодаловъ,

*) L. de-Lavergne. Économie rurale de la France depuis 1789. Paris. 1866, стр. 49.

онъ имѣлъ всѣ основанія самымъ упорнымъ образомъ держаться за свои феодальныя привилегіи и феодальные способы эксплоатаціи и противиться всѣмъ реформамъ, которыя могли бы ограничить ихъ. Въ качествѣ главы феодализма онъ видѣлъ задачу государственнаго управленія не въ томъ, чтобы содѣйствовать матеріальному благосостоянію подданныхъ, а въ томъ, чтобы по возможности болѣе выжать изъ нихъ, съ тѣмъ, чтобы обратить полученныя средства въ свою собственную пользу, въ пользу своего двора и дворянства, превратившагося теперь въ придворныхъ. Какъ глава привилегированныхъ, онъ стремился не къ тому, чтобы обратить государственную власть на защиту «слабыхъ», т. е. непривилегированныхъ отъ сильныхъ т. е. привилегированныхъ, а наоборотъ, чтобы подавить малѣйшія попытки слабыхъ защитить себя отъ заносчивости сильныхъ.

Такъ въ представителяхъ королевской власти XVIII столѣтія жили двѣ души, одна «просвѣщенная», другая, подчинявшаяся власти «темныхъ предразсудковъ средневѣковья». Дворянство, классъ приходящаго въ упадокъ феодальнаго способа производства, и буржуазія, классъ возвышающагося капиталистическаго способа, достигли извѣстнаго равновѣсія, благодаря чему королевская власть XVIII столѣтія формально господствовала надъ обоими, стояла выше ихъ и въ то же время была вынуждена фактически защищать интересы ихъ обоихъ. «Защита слабыхъ отъ сильныхъ» въ дѣйствительности сводилась слѣдовательно къ тому, что абсолютизмъ французскихъ королей, поскольку онъ вообще могъ оказывать вліяніе на экономическую жизнь страны, подвергалъ низшіе классы народа бѣдствіямъ не только феодальной, но и капиталистической эксплоатаціи и наконецъ сталъ представляться этимъ классамъ какъ олицетвореніе всяческой эксплуатаціи вообще.

Но интересы буржуазіи и дворянства были слишкомъ противоположны, чтобы абсолютная монархія была въ со-

стояніи угодить вполнѣ имъ обоимъ. Она не могла удовлетворить дворянству безъ того, чтобы не обидѣть буржуазію, и наоборотъ.

Борьба этихъ двухъ классовъ никогда не прекращалась при абсолютномъ режимѣ; но до тѣхъ поръ, пока длилось состояніе равновѣсія между обоими классами, пока буржуазія не была еще въ силахъ подчинить себѣ государственную власть, классовая борьба между высшими слоями общества принимала преимущественно форму заискиванія передъ королемъ; разумѣется, участіе въ такой борьбѣ могли принимать только общественные верхи: придворное дворянство и высшіе сановники церкви, крупные финансисты, выдающіеся представители бюрократіи и «интеллигенціи» и т. п. Французскій король также мало стоялъ внѣ партій и надъ ними, какъ и любой монархъ въ государствѣ съ конституціоннымъ образомъ правленія. Разница заключалась въ томъ, что интересы, орудіемъ которыхъ являлся король, были несравненно мизернѣе, махинаціи и интриги, которыми вліяли на него, гораздо болѣе низменны.

Въ виду борьбы, которую вели у трона разныя клики, каждая изъ которыхъ стремилась перетянуть короля на свою сторону, въ виду той двойственности, которою отличалась королевская власть послѣдняго столѣтія, двойственности, обусловленной тѣмъ обстоятельствомъ, что король являлся одновременно главой управленія современнаго государства и главой феодальнаго дворянства, въ виду всего этого глава государства долженъ былъ обладать особенной яркостью ума и твердостью характера, чтобы по крайней мѣрѣ хоть кое-какъ поддерживать единство и порядокъ въ управленіи. Но безпорядокъ долженъ былъ сдѣлать совершенно непоправимымъ, какъ только бразды правленія попадали въ руки безхарактернаго человѣка. Такимъ человѣкомъ былъ Людовикъ XVI. Его положеніе не могло улучшиться отъ того, что его супруга Марія-Антуанета обладала какъ разъ противоположнымъ характеромъ,

отличительной чертой котораго было упорство, дѣлавшееся еще болѣе пагубнымъ вслѣдствіе ея высокомѣрія. Она не имѣла ни малѣйшаго представленія о томъ, что существуютъ еще другія потребности, кромѣ потребностей двора. Въ ея глазахъ на государствѣ лежала только *одна* задача: забавлять дворъ и снабжать его деньгами.

Мы увидимъ сейчасъ, что это значило.

III.

Дворянство и духовенство.

Какъ ни незначительна была численность дворянства и духовенства *), только часть ихъ, и отнюдь не большая,—вела въ XVIII вѣкѣ ту широкую, роскошную жизнь, полную блеска и безумной расточительности, которая считается наиболѣе характерной отличительной чертой привилегированнаго общества дореволюціонной эпохи. Только верхи дворянства и духовенства, владѣльцы огромныхъ помѣстій могли позволить себѣ эту роскошь и эту расточительность, могли состязаться другъ съ другомъ въ блескѣ своихъ салоновъ, пышности празднествъ, великолѣпіи построекъ,—на этомъ единственно поприщѣ для соревнованія, оставшемся еще у дворянства. Для соревнованія на другихъ поприщахъ, гдѣ успѣхъ опредѣляется личными достоинствами, аристократія давно уже была слишкомъ лѣнива и безхарактерна. Соревнованіе въ томъ, кто можетъ тратить больше всѣхъ и стало быть, какъ слѣдовало заключать, получаетъ наиболѣе крупные доходы, вполнѣ соотвѣтствовало характеру товарнаго производства, въ сферу котораго дворянство въ значительной степени уже вступило. Но оно далеко еще не такъ хорошо приспособилось къ новому способу производства, какъ напр. совре-

*) По расчетамъ Тэна общее число дворянъ и духовныхъ лицъ доходило до 270,000. Дворянскихъ семей онъ насчитываетъ 25—30000 съ 140,000 членовъ; духовныхъ лицъ 130,000, въ томъ числѣ около 60000 священниковъ и викаріевъ, 23000 монаховъ и 3700 монахинь, (Taine Lis origines de la France contemporaine I. 17, 529).

менное дворянство. Швырять деньгами оно научилось очень быстро, но оно не умѣло еще такъ искусно повышать свои доходы посредствомъ торговли шерстью, хлѣбомъ, водкой и т. под., какъ это дѣлаютъ его современные товарищи по сословію. Принужденное ограничиваться только своими феодальными доходами, дворянство быстро вошло въ долги. Если такова была участь даже высшей аристократіи, то еще хуже было положеніе средняго и низшаго дворянства. Существовало множество дворянскихъ семей, которыя получали со своихъ земель не болѣе 50-ти и даже 25-ти ливровъ годового дохода! И чѣмъ бѣднѣе они были, тѣмъ сильнѣе и безпощаднѣе эксплоатировали они своихъ крестьянъ; однако изъ нихъ трудно было много выжать. Займы давали только временную поддержку, а затѣмъ нужда становилась еще сильнѣе. Единственную продолжительную поддержку въ нуждѣ могло оказать государство; и его разграбленіе все болѣе и болѣе дѣлалось главнымъ занятіемъ дворянства. Всѣ находившіяся въ распоряженіи короля прибыльныя должности стали добычей аристократіи. А такъ какъ число разоренныхъ или близкихъ къ разоренію аристократовъ изъ году въ годъ росло, то должно было также возрастать и чи ло такихъ должностей; изобрѣтались самые нелѣпые предлоги, чтобы предоставить нуждающемуся аристократу право на эксплоатацію государства. Само собою разумѣется, что на ряду съ захудалымъ дворянствомъ не были забыты и высшіе его слои, тоже задолженные и жадные.

Наиболѣе желательными синекурами были придворныя должности. Онѣ лучше всѣхъ оплачивались, меньше всего требовали знаній и труда и прямо вели къ самому источнику всѣхъ милостей и наслажденій. При дворѣ состояло до 15000 человѣкъ, — большая часть съ единственной цѣлью получать подъ извѣстнымъ титуломъ извѣстный доходъ. Одна десятая всѣхъ государственныхъ доходовъ— свыше 40 мил. ливровъ (что на нынѣшнія деньги, принимая во вниманіе измѣненіе ихъ цѣнности, составляетъ

около 100 милліоновъ франковъ) уходило на кормленіе этой массы тунеядцевъ.

Но аристократія не довольствовалась этимъ. Въ сложной системѣ государственнаго управленія имѣлись должности разнаго рода; однѣ требовали извѣстной предварительной подготовки, знаній и большого труда; на нихъ была фактически возложена вся забота управленія государствомъ. Такія должности оплачивались умѣренно и предоставлялись мѣщанству. Но на ряду съ ними имѣлись посты, предназначенные для одного только «представительства»; веселое времяпрепровожденіе было единственной тяжелой обязанностью, возложенной на занимавшихъ ихъ лицъ. Они щедро оплачивались и предоставлялись только дворянству *).

При замѣщеніи офицерскихъ мѣстъ въ арміи въ старину главное вниманіе обращалось на заслуги. При Людовикѣ XIV офицеры изъ мѣщанства встрѣчались въ арміи на ряду съ дворянами; только въ мирное время послѣднимъ отдавалось предпочтеніе. Но чѣмъ болѣе устремлялось дворянство на государственныя должности, тѣмъ зорче слѣдило оно также за тѣмъ, чтобы удержать за собой высшія офицерскія мѣста. Унтеръ-офицеры, на обязанности которыхъ лежала вся тяжелая работа, могли рекрутироваться изъ «черни», хорошо же оплачиваемыя и не требовавшія большаго труда (особенно въ мирное время) и знаній офицерскія мѣста стали привилегіей дворянства. На содержаніе офицеровъ тратилось ежегодно 46 милліоновъ ливровъ,

*) По свидѣтельству одного ордоннанса 1776 года имѣлись слѣдующія должности: 18 провинціальныхъ генералъ - губернаторовъ съ жалованьемъ по 60000 ливровъ и 21 съ жалованіемъ въ 30000 ливровъ; 114 губернаторовъ съ жалованіемъ отъ 8 до 12000 лив.; 176 городскихъ лейтенантовъ съ жалованіемъ отъ 2 до 16000 ливр. Въ 1788 г. къ нимъ были прибавлены еще 17 должностей городскихъ верховныхъ комендантовъ съ жалованіемъ въ 20—30000 ливр. въ годъ и съ ежемѣсячной прибавкой „квартирныхъ“ въ размѣрѣ отъ 4 до 6000 ливровъ. Сверхъ того имѣлись еще должности младшихъ комендантовъ.

вся остальная армія должна была довольствоваться 44 милліонами. По мѣрѣ того какъ возрастала задолженность дворянства, увеличивалось и его стремленіе сохранить за собою исключительное право на офицерскія мѣста.

За нѣсколько лѣтъ до революціи (въ 1781 г.) былъ изданъ королевскій эдиктъ, по которому офицерскія должности предоставлялись одному только *старому* дворянству. Всякій, желавшій занять офицерское мѣсто, долженъ былъ доказать, что въ его родѣ имѣется не менѣе четырехъ поколѣній дворянъ. Такимъ образомъ не только мѣщанство, но и все новоиспеченное въ продолженіе послѣдняго столѣтія дворянство было лишено возможности пріобрѣсти офицерское званіе.

Въ церкви высшія, хорошо оплачиваемыя мѣста частью были издавна закрѣплены за дворянствомъ, частью фактически находились въ его распоряженіи, такъ какъ замѣщеніе ихъ зависѣло отъ короля, который съ теченіемъ времени все чаще и чаще предоставлялъ ихъ исключительно дворянамъ. И въ этой области за дворянствомъ незадолго до революціи было признано, если не оффиціально, то фактически исключительное право на пользованіе всѣми хорошо оплачиваемыми мѣстами. 1500 богатыхъ приходовъ, которыми располагалъ король, наравнѣ съ епископствами и архіепископствами попадали исключительно въ руки дворянъ. А между ними попадались довольно теплыя мѣстечки. 131 епископъ и архіепископъ Франціи вмѣстѣ получали отъ своихъ должностей свыше 14 милліоновъ ливровъ годового дохода, т. е. болѣе 100.000 ливровъ на человѣка. Кардиналъ Роганъ, архіепископъ страсбургскій, в качествѣ князя церкви получалъ свыше милліона ливровъ въ годъ. При такомъ доходѣ этотъ достойный пастырь могъ уже позволить себѣ роскошь—купить за 1 400,000 ливровъ брилліантовое ожерелье въ надеждѣ заслужить благосклонность королевы Маріи-Антуанеты.

Но всѣ эти, такъ щедро оплачиваемыя мѣста въ церкви, арміи, администраціи, при дворѣ, не удовлетворяли

еще задолженнаго и алчнаго дворянства. Король постоянно былъ осаждаемъ просьбами объ экстраординарныхъ подачкахъ дворянству изъ государственной казны; здѣсь—для того, чтобы вывести запутавшагося аристократа изъ его денежныхъ затрудненій, тамъ—чтобы попросту удовлетворить прихоть какого нибудь высокопоставленнаго лица.

За промежутокъ времени съ 1774 по 1789 изъ государственной казны было роздано такимъ образомъ въ формѣ пенсій, подарковъ и т. п. 228 милліоновъ ливровъ, при чемъ 80 милліоновъ изъ нихъ пришлись на одну только королевскую семью. Каждый изъ двухъ братьевъ Людовика XVI получилъ свыше 14 милліоновъ. За нѣсколько лѣтъ до революціи министръ финансовъ Калоннъ, несмотря на страшный дефицитъ въ государственномъ бюджетѣ, истратилъ 15 милл. ливровъ на покупку увеселительнаго замка Сенъ-Клу для королевы и 14 милл. на покупку Рамбулье для короля. Король смотрѣлъ на себя не только какъ на главу государства, но и какъ на «перваго дворянина», и въ качествѣ такового не задумывался обогащаться на государственный счетъ.

Семейство Полиньякъ, пользовавшееся особымъ расположеніемъ Маріи Антуанеты, получило 700.000 ливровъ однихъ только пенсіоновъ. Герцогу Полиньяку сверхъ того была назначена пожизненная рента въ 120:000 ливр. и единовременное пособіе въ 1.200.000 ливр. для покупки имѣнія *).

До сихъ поръ мы говорили о всемъ дворянствѣ, какъ о виновникѣ систематическаго грабежа государства и народа; но это не совсѣмъ точно. Замѣтная часть дворянъ, хотя конечно все же меньшинство ихъ, не только не принимала участія въ хищеніи, но даже была въ высшей степени возмущена имъ. Къ этому меньшинству принадлежало мелкое и среднее дворянство экономически отсталыхъ

*) Подробныя свѣдѣнія объ этихъ пенсіонахъ можно найти между прочимъ у Louis Blanc, Histoire de la révolution française, 3 кн. 5 гл. Le livre rouge.

провинцій, въ которыхъ феодальное хозяйство сохранилось еще въ полной силѣ, каковы Вандея и отчасти Бретань. Тамъ феодалы вмѣсто того, чтобы переселяться въ Парижъ и Версаль, продолжали жить по старинѣ въ своихъ замкахъ, посреди своихъ крестьянъ. Они сами были тѣми же крестьянами, только высшаго разряда—грубые и невѣжественные, но сильные и полные сознанія собственнаго достоинства. Потребности ихъ, ограничивавшіяся главнымъ образомъ стремленіемъ хорошо и вдоволь попить и поѣсть, легко удовлетворялись тѣми натуральными платежами, которые они получали отъ своихъ крестьянъ. Не будучи обременены долгами и не ведя расточительной жизни, они не имѣли никакихъ побужденій къ тому, чтобы увеличивать лежавшія на крестьянахъ повинности или хотя бы безпощадно ихъ вымогать. Они отнюдь не были въ дурныхъ отношеніяхъ со своими крестьянами. Уже совмѣстная жизнь при одинаковыхъ условіяхъ вызываетъ извѣстныя симпатіи. А феодалъ въ отсталыхъ мѣстностяхъ не былъ къ тому же безполезнымъ эксплоататоромъ и паразитомъ, какимъ онъ является въ мѣстностяхъ болѣе прогрессивныхъ. Въ послѣднихъ королевская бюрократія мало по малу захватила въ свои руки всѣ болѣе или менѣе выгодныя административныя, полицейскія и судебныя функціи, которыя исполнялись въ старину феодаломъ. Тѣ функціи, которыя оставались еще въ его рукахъ, были совершенно не нужны для поддержанія порядка и безопасности въ его округѣ: изъ средства способствовать благосостоянію населенія онѣ превратились въ орудіе его эксплоатаціи. Помѣщичьи судебные и полицейскіе чиновники не получали никакого вознагражденія. Наоборотъ, они должны были еще *покупать* свои должности, и понятно, что вмѣстѣ съ ними они пріобрѣтали себѣ разрѣшеніе обирать подданныхъ своего господина.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло въ отсталыхъ феодальныхъ округахъ. Помѣщикъ управлялъ тамъ еще принадлежавшей ему территоріей, заботился о путяхъ сообще-

нія и поддержаніи безопасности на нихъ, разрѣшалъ споры между своими подчиненными, наказывалъ за проступки и преступленія. Онъ исполнялъ иногда даже старую функцію—охраненія своихъ подданныхъ отъ внѣшняго врага. Правда, теперь этимъ внѣшнимъ врагомъ являлась не вражеская армія. Врагомъ, появлявшимся время отъ времени въ его владѣніяхъ и разорявшихъ ихъ—были королевскіе сборщики податей; и до насъ дошли примѣры того, какъ феодалъ прогонялъ ихъ, если ихъ притязанія становились слишкомъ чрезмѣрными.

Это дворянство отнюдь не было склонно безусловно подчиняться королевской власти. Придворное дворянство и люди, цѣплявшіеся за него въ арміи, церкви и высшей бюрократіи, имѣли всѣ основанія стоять за усиленіе абсолютной власти короля. Что феодаламъ не удавалось выжать изъ крестьянина на основаніи своихъ феодальныхъ правъ, то высасывалось изъ него сборщиками податей и королевскими чиновниками, и послѣднее производилось тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ больше была ихъ сила, чѣмъ абсолютнѣе королевская власть. Чѣмъ неограниченнѣе была королевская власть, тѣмъ произвольнѣе и безпощаднѣе могла она увеличивать податное бремя и тѣмъ большую долю государственныхъ доходовъ могла она также отдавать своимъ креатурамъ, вмѣсто того чтобы обращать эти доходы на покрытіе государственныхъ потребностей.

Но все это приходилось совсѣмъ не по душѣ помѣстному дворянству. На его долю вѣдь ничего не перепадало изъ всѣхъ милостей двора, да оно и не нуждалось въ нихъ. Усиленіе-же податнаго бремени влекло за собою обнищаніе его подчиненныхъ; и чѣмъ болѣе переходила къ королевской бюрократіи судебная, административная и полицейская власть, тѣмъ болѣе падали его вліяніе и значеніе въ собственныхъ владѣніяхъ.

Помѣстные дворяне не смотрѣли на себя, какъ на слугъ короля; проникнутые истымъ феодальнымъ духомъ они считали себя равными ему. Для нихъ теперь, какъ и

въ феодальную эпоху, король былъ только крупнѣйшимъ землевладѣльцемъ страны, былъ только «первый между равными», который безъ ихъ согласія не могъ предпринимать никакихъ измѣненій въ государствѣ, которому они настойчиво противоставляли свои исконныя права и вольности, правда, безъ особаго успѣха. И къ такой оппозиціи они имѣли тѣмъ болѣе основаній, чѣмъ болѣе возрастали потребности государственнаго казначейства и вводились новые налоги, которые, вопреки ихъ старой свободѣ отъ всякаго обложенія, ложились также и на дворянъ; такимъ образомъ помѣстное дворянство должно было участвовать въ несеніи тяготъ новаго государства, не пользуясь въ то же время его выгодами. Понятно, они все громче взывали къ бережливости въ расходованіи государственныхъ средствъ, требовали реформы финансовъ и контроля надъ ними со стороны сословныхъ представителей.

Мы видимъ такимъ образомъ, что дворянство распалось на двѣ враждебныя группы: на придворное дворянство и его прихвостней, въ составъ котораго входила вся высшая и большая часть средней и низшей аристократіи, и которое рѣшительно выступало на защиту абсолютной королевской власти, и на сельское (помѣстное) дворянство, состоявшее изъ средняго и низшаго дворянства экономически отсталыхъ округовъ, которое настойчиво и энергично требовало созванія сословныхъ представителей для контроля надъ государственнымъ управленіемъ.

Если мы будемъ судить объ этихъ партіяхъ прошлаго не по тѣмъ классовымъ интересамъ, которые онѣ представляли, а по внѣшнему сходству ихъ тенденцій съ современными партійными лозунгами, то самые отсталые элементы Франціи той эпохи намъ придется признать «прогрессивными» или «либеральными», такъ какъ они, какъ и т етье сословіе, стремились на мѣсто неограниченной монархіи поставить монархію ограниченную.

И однако никто не относился такъ враждебно къ новымъ идеямъ и къ нарождающимся классамъ, какъ именно они.

Захолустный дворянинъ питалъ къ буржуа ненависть крестьянина къ горожанину, представителя натуральнаго хозяйства къ представителю хозяйства денежнаго, человѣка необразованнаго къ образованному, ненависть человѣка, искони живущаго въ данной мѣстности, къ невѣдомо откуда явившимся выскочкамъ. При встрѣчѣ съ нимъ, что случалось правда не часто, онъ относился къ нему съ нескрываемымъ презрѣніемъ.

Городское дворянство, наоборотъ, быстро сблизилось съ частью буржуазіи. Конечно, съ портнымъ или перчаточникомъ придворный аристократъ обращался еще высокомѣрнѣе, чѣмъ его деревенскій собратъ. Ремесленникъ долженъ былъ почитать за честь для себя то, что онъ могъ работать на такую важную персону; желаніе же его получить плату за свою работу казалось уже невѣроятнымъ нахальствомъ. Но совершенно иное отношеніе было къ представителямъ финансовой знати. Вѣдь у нихъ имѣлось въ изобиліи какъ разъ то, въ чемъ аристократія всего болѣе нуждалась—деньги; отъ нихъ вполнѣ зависѣло объявить аристократа банкротомъ или продлить еще его существованіе. За исключеніемъ немногихъ семей, вся придворная аристократія—отъ короля и до послѣдняго пажа—была въ кабалѣ у финансистовъ. Съ такими нужными людьми нельзя было обращаться черезъ чуръ надменно. Самъ Людовикъ XVI—этотъ гордый «король—солнце» оказалъ однажды въ присутствіи всего двора еврею Самуилу Бернару княжескія почести: вѣдь какъ никакъ, а у этого человѣка было шестьдесятъ милліоновъ. Могли-ли слуги короля вести себя болѣе гордо, чѣмъ ихъ господинъ? Высшая денежная аристократія все болѣе уподоблялась аристократіи родовой; они пріобрѣтали дворянскіе титулы и дворянскія помѣстія; и нерѣдко какой нибудь разорившійся аристократъ старался позолотить свой заржавѣвшій гербъ при помощи брака съ богатой представительницей финансоваго міра. Въ утѣшеніе себѣ при этомъ говорилось, что даже лучшее поле нуждается время отъ времени

въ удобреніи. И аристократія все болѣе и болѣе погружалась въ навозъ. Салоны финансовыхъ тузовъ ни въ чемъ не уступали салонамъ родоваго дворянства и,—и это можетъ быть всего болѣе способствовало сближенію этихъ двухъ классовъ,—они оба купались въ одной и той-же грязи. Продажныя женщины были также доступны жуирамъ изъ третьяго сословія, какъ и графамъ, герцогамъ, епископамъ. Въ притонѣ разврата исчезаютъ всѣ сословныя перегородки, а французскій дворъ все болѣе и болѣе приближался къ этому образцу. Мы уже разсказали о попыткѣ одного архіепископа подкупить королеву брилліантами.

Многіе писатели (напр. Бокль) въ растущемъ сближеніи дворянства и финансистовъ въ Парижѣ видѣли результатъ «демократическаго духа», проникшаго якобы передъ революціей во всѣ головы, къ какому-бы классу ни принадлежали ихъ обладатели. Къ сожалѣнію только какъ разъ въ это-же время по настоянію «демократическихъ» дворянъ стало особенно строго требоваться въ арміи аристократическое происхожденіе отъ претендентовъ на офицерскія мѣста; церковныя должности стали тоже исключительнымъ достояніемъ дворянства, и для него были созданы въ бюрократіи новыя синекуры. Не демократическія идеи, а матеріальные интересы замѣтно стирали ту грань, которая отдѣляла старое родовое дворянство отъ денежной знати, въ то самое время какъ возрастали притязанія аристократіи на исключительное пользованіе государственными должностями.

Это «свобода отъ предразсудковъ» парижской аристократіи въ области общественныхъ отношеній въ глазахъ захолустнаго дворянства была чѣмъ-то неслыханнымъ. Еще болѣе его возмущала ея «свобода отъ предразсудковъ» въ области религіи и нравственности. Сельскій дворянинъ, живши еще въ обстановкѣ, созданной старыми феодальными отношеніями, крѣпко держался соотвѣтствующаго имъ міровоззрѣнія, сохранивъ приверженность къ вѣрѣ своихъ отцовъ. Напротивъ для парижскаго дворя-

нина остатки феодализма являлись только средствомъ эксплоатировать массы и держать ихъ въ повиновеніи. Никакого другого значенія не могли уже имѣть для него его функціи, отъ которыхъ ему остался только титулъ и связанные съ нимъ доходы. Съ этой-же точки зрѣнія онъ смотрѣлъ и на религію. Для него самого, живущаго въ городѣ, вдали отъ феодальныхъ реликвій, она потеряла всякое значеніе; она подобно прочимъ пережиткамъ феодальной эпохи, казалась ему годной только на то, чтобы держать въ повиновеніи массы и эксплоатировать ихъ. «Невѣжественному» народу она была, по его мнѣнію, необходима, онъ не могъ обойтись безъ нея, но «просвѣщенное» дворянство могло смѣяться надъ религіей.

Рука объ руку съ развитіемъ свободомыслія въ аристократическихъ салонахъ шелъ упадокъ старыхъ нравовъ, лишившихся своей прежней матеріальной основы. Для феодальнаго господина его домашнее хозяйство и достоинство его жены имѣли огромное значеніе. При неправильно веденомъ безпорядочномъ домашнемъ хозяйствѣ приходилъ въ разстройство и весь производственный механизмъ. Прочный бракъ, строгіе семейные нравы были тогда необходимы. Но для придворнаго, вся жизнь котораго проходила въ развлеченіяхъ и мотовствѣ, бракъ и семья сдѣлались совершенно излишними; они превратились въ ненужную формальность, которую, правда, еще исполняли внѣшнимъ образомъ,—нельзя-же было обойтись безъ законныхъ наслѣдниковъ,—но никто не цѣнилъ ее особенно высоко. Слишкомъ хорошо извѣстно, какой примѣръ подавали короли дворянству въ отношеніи «свободной любви», чтобы стоило на этомъ останавливаться.

Понятно, что сельское дворянство также возмущалось этой «свободой отъ предразсудковъ» городскаго дворянства, какъ и его хищеніями изъ государственной казны. Послѣднее-же въ свою очередь обвиняло «деревенщину» въ грубости, необразованности и косности. Обѣ эти части дворянства относились другъ къ другу въ высшей степени

враждебно.

Но на ряду съ названными двумя дворянскими партіями были еще дворяне, которые совершенно перешли на сторону врага и отрицали феодальную систему въ самыхъ ея основаніяхъ. Въ рядахъ низшаго, разорившагося дворянства находились многіе, которымъ не улыбалась церковная карьера, которые не годились для военной службы, которые не могли выдвинуться при дворѣ, или даже впали тамъ въ немилость; были наконецъ люди, въ которыхъ нравственная испорченность придворной аристократіи возбуждала такое-же отвращеніе, какъ ограниченность и грубость захолустнаго дворянства, люди, которые считали неизбѣжнымъ крушеніе господствующей системы и въ которыхъ тяжелое положеніе народныхъ массъ вызывало чувство глубокаго состраданія. Они стали на сторону третьяго сословія, присоединились къ его интеллигенціи, къ литераторамъ, журналистамъ, памфлетистамъ, сила которыхъ возрастала въ той-же мѣрѣ, въ какой увеличивалось значеніе третьяго сословія. Такимъ образомъ, къ третьему сословію примкнули наиболѣе интеллигентные, энергичные, смѣлые и сильные духомъ элементы аристократіи. Сначала они переходили къ нему по одиночкѣ, но когда побѣда его сдѣлалась очевидной, они устремились къ нему цѣлыми толпами и этимъ значительно ослабили свой классъ какъ разъ въ тотъ рѣшительный моментъ, когда онъ нуждался въ напряженіи всѣхъ своихъ силъ, чтобы по крайней мѣрѣ отсрочить часъ своего паденія.

Въ то же время старому порядку измѣнили и тѣ двѣ опоры, которыя всего сильнѣе его поддерживали—*духовенство и армія*.

Какъ было уже сказано, высшіе посты и въ церкви въ арміи занимались однимъ только дворянствомъ; третье-е сословіе поставляло унтеръ-офицеровъ и священниковъ, оторые должны были преслѣдовать, каждый на своемъ оприщѣ, одну и ту же задачу: превращеніе своихъ подиненныхъ въ бездушныя машины, безпрекословно пови-

нующіяся всякимъ приказамъ свыше. Но эти люди, обязанные такимъ образомъ воспитывать рабовъ для господствующихъ классовъ и руководить ими, сами принадлежали къ эксплоатируемымъ.

Богатства церкви были колоссальны. Ей принадлежала $^1/_5$ часть всѣхъ земель Франціи, и при томъ наиболѣе плодородная, наилучше обработанная часть, которая стоила значительно дороже, чѣмъ другія земли. Церковныя имѣнія оцѣнивались въ 4000 милліоновъ ливровъ *), доходъ съ нихъ доходилъ до ста милліоновъ; кромѣ того церковная десятина приносила духовенству 123 милліона въ годъ. Львиная доля изъ этихъ коллосальныхъ доходовъ, не говоря уже о доходахъ съ движимыхъ имуществъ различныхъ церковныхъ корпорацій, перепадала высшимъ сановникамъ церкви и монастырямъ **); священники-же, наоборотъ, жили въ самой горькой нуждѣ, въ жалкихъ лачугахъ, чуть не пропадая зачастую съ голода. И все-таки на нихъ однихъ были возложены всѣ тѣ функціи, которыя вообще сохранила еще за собой церковь. Приходскіе священники совершенно не замѣчали своей принадлежности къ привилегированному сословію. Соединенные родственными связями съ третьимъ сословіемъ, лишенные всякой надежды получить когда-нибудь повышеніе, бѣдные, обремененные работой, живущіе среди несчастнаго, обездоленнаго населенія, они должны были внушать ему долгъ безпрекословнаго повиновенія тѣмъ празднымъ тунеядцамъ, отъ которыхъ сами они вмѣсто благодарности видѣли одни толь-

---

*) Въ 1791 г. депутатъ Амело (Amelot) опредѣлялъ стоимость проданныхъ и назначенныхъ къ продажѣ церковныхъ имѣній, не считая лѣсовъ, въ 3700 мил.

**) Годовой доходъ 399 членовъ ордена премонстратовъ превышалъ милліонъ; 298 бенедиктинцевъ монастыря Клюни (Cluny) получали ежегодно 1800000 ливр., бенедиктинцы же монастыря Сенъ-Моръ (St. Maur) въ числѣ 1672 человѣкъ имѣли чистаго годоваго дохода 8 милл., не считая доходовъ ихъ аббатовъ и пріоровъ, получавшихъ приблизительно такую же сумму.

ко обиды и униженія; они должны были способствовать эксплоатаціи народа, у котораго уже нечего было больше брать, эксплоатаціи своихъ отцовъ и братьевъ въ пользу гордыхъ бездѣльниковъ, которые вмѣстѣ со своими любовницами, не задумываясь, мотали плоды труда тысячъ людей.

Точно такъ же въ арміи унтеръ офицеры должны были даромъ тянуть свою вѣчную лямку безъ надежды на лучшее будущее, позволяя ѣздить на себѣ разнымъ недорослямъ изъ дворянъ, ничего не смыслящимъ въ службѣ, даже не интересующимся ею, въ то время какъ на нихъ падала все большая часть тяжелой и отвѣтственной работы.

Чѣмъ болѣе возрастали притязанія и алчность дворянъ, тѣмъ ревнивѣе охраняли они свои права на исключительное пользованіе тепленькими мѣстечками въ арміи и церкви, тѣмъ сильнѣе увеличивалось тяготѣніе унтеръ-офицеровъ и приходскихъ священниковъ въ сторону третьяго сословія. Власть имущіе не замѣчали, конечно, этого явленія въ силу той обязанности слѣпого повиновенія, которое предписывалось субалтернамъ арміи и церкви. Тѣмъ сильнѣе оказался ударъ, поразившій ихъ въ рѣшительный моментъ, когда противъ нихъ обратились тѣ силы, на которыя они всего болѣе разсчитывали и въ помощи которыхъ они какъ разъ тогда такъ сильно нуждались.

Въ генеральныхъ штатахъ 1789 года тотчасъ по ихъ созывѣ былъ возбужденъ вопросъ первостепенной важности о порядкѣ голосованія. Третье сословіе требовало голосованія по числу депутатовъ, такъ какъ количество его представителей вдвое превышало число депутатовъ каждаго изъ двухъ другихъ сословій. Дворянство же, наоборотъ, ст яло за голосованіе по сословіямъ, разсчитывая съ по-мо цью духовенства сдѣлать генеральные штаты орудіемъ св ихъ интересовъ. Но духовенство обмануло ожиданія дв рянства. Въ числѣ его представителей было 48 архіепи-ск повъ и епископовъ, 35 аббатовъ и деканов и 208 св ценниковъ. Огромное большинство послѣднихъ примкну-

ло къ третьему сословію и въ значительной степени способствовало этимъ тому, что было принято голосованіе по числу депутатовъ.

Армія должна была поправить дѣла дворянъ. Дворъ предпринималъ въ Версалѣ и Парижѣ обширныя военныя приготовленія, указывавшія на готовящійся государственный переворотъ. При дворѣ разсчитывали, что если Парижъ будетъ раздавленъ, то нетрудно будетъ уже покончить и съ Національнымъ Собраніемъ, въ которое превратились генеральные штаты. Возстаніе легко было вызвано отставкой Неккера (12 іюля), но оно окончилось не къ выгодѣ двора, подавшаго поводъ къ нему. Французская гвардія перешла на сторону народа, другіе полки отказались стрѣлять, и офицеры принуждены были отозвать ихъ, чтобы предотвратить и ихъ отпаденіе. Но народъ не успокоился на этомъ, желая обезопасить себя отъ дальнѣйшихъ насилій; 13 іюля онъ вооружился, а 14 іюля, когда распространилось извѣстіе о томъ, что пушки Бастиліи угрожаютъ предмѣстью Ст. Антуана, а изъ Сенъ-Дени приближаются свѣжія войска, онъ соединился съ французской гвардіей и разрушилъ ненавистный замокъ—тюрьму. «Измѣна» священниковъ и гвардіи—вотъ два рѣшительныхъ момента французской революціи.

Такимъ образомъ мы видѣли, что реакціонная масса —дворянство, духовенство, армія—наканунѣ революціи была глубоко разъединена. На одну ея часть нельзя было разсчитывать, другая открыто перешла на сторону врага; одна—непримиримо реакціонная, но все-таки враждебная абсолютизму, настойчиво требовала реформъ въ финансовой области; другая «просвѣщенная», но зато глубоко погрязшая въ недостаткахъ и злоупотребленіяхъ господствующей системы, ставшихъ необходимыми условіями ея существованія, чувствовала, что всякая реформа финансовъ была бы ея смертнымъ приговоромъ. Одна часть цѣпко держалась за свои привилегіи, была энергична и отважна, но невѣжественна; она загрубѣла и неспособна была къ

управленію государствомъ; другая была образованнѣе, понимала потребности государства, но стала слишкомъ лѣнивой и безхарактерной. Одна была слаба, боязлива и готова на всякія сдѣлки, другая высокомѣрна и склонна къ насиліямъ. Всѣ эти противоположные элементы ожесточенно боролись между собой, обвиняя другъ друга въ томъ, что дѣло уже зашло такъ далеко. А дворъ, потерявъ всякую самостоятельность, подпадалъ вліянію то одной, то другой группы. Сегодня онъ ожесточалъ народъ своей жестокостью и насиліями, на завтра вызывалъ къ себѣ всеобщее презрѣніе своей трусостью. Такова картина состоянія, въ которомъ находились господствующія сословія Франціи къ началу революціи.

IV.

Чиновная аристократія.

Своеобразное положеніе между обоими первыми сословіями съ одной стороны и третьимъ сословіемъ съ другой занимали органы государственнаго управленія.

Въ составъ ихъ входили частью органы стараго феодальнаго управленія, лишившіеся уже своихъ существенныхъ функцій, но сохранившіе еще связанные съ ними доходы. Эти должности являлись однимъ изъ удобнѣйшихъ средствъ для эксплоатаціи государства въ пользу феодальнаго дворянства, и потому онѣ отнюдь не отмѣнялись по мѣрѣ того, какъ становились лишними. Наоборотъ, число какъ разъ наименѣе нужныхъ, но зато наиболѣе прибыльныхъ изъ нихъ, какъ мы уже видѣли выше, было еще увеличено въ теченіе XVIII вѣка.

Но наряду съ этими безполезными органами, необходимо было создать для отправленія судебныхъ и полицейскихъ функцій и для сбора налоговъ новые, болѣе соотвѣтствующіе измѣнившимся потребностямъ времени. Стали возникать все въ большемъ количествѣ должности, назначеніе на которыя зависѣло отъ короля. Первоначально

новыя должностныя лица получали отъ короля только ничтожное вознагражденіе, или должны были обходиться совершенно безъ него, довольствуясь тѣми «доброхотными даяніями», которыми населенію приходилось оплачивать ихъ функціи. По мѣрѣ того, какъ разросталась сфера вліянія чиновничества, росли и его доходы; при такихъ обстоятельствахъ вѣчно нуждавшимся въ деньгахъ королямъ нетрудно было притти къ мысли не попросту раздавать, а *продавать* приносящія такой крупный доходъ должности. Обычай этотъ возникъ во Франціи уже въ XV вѣкѣ и быстро пріобрѣлъ право гражданства въ качествѣ одного изъ главныхъ средствъ въ рукахъ королей пріобрѣтать деньги. Въ силу этого число государственныхъ должностей стало быстро выростать. Не только старшины цеховъ и другихъ корпорацій, но даже ремесленные мастера были превращены въ государственныхъ чиновниковъ, которые должны были оплачивать свои мѣста, если цехъ, къ которому они принадлежали, не былъ достаточно богатъ, чтобы купить себѣ самостоятельность. Города также лишились своей автономіи и, если они не пріобрѣтали ее снова за крупную сумму денегъ, то городскія должности обращались въ государственныя, что, конечно, ложилось на плечи городскаго населенія, съ котораго новые чиновники собирали обильную жатву. Но и этого было мало; чтобы утолить вѣчную жажду золота у французскихъ королей, стали, наконецъ, изобрѣтаться самыя нелѣпыя должности и, покупая ихъ, новые чиновники пріобрѣтали себѣ, понятно, право кормиться на счетъ населенія. Такъ, напр., въ послѣдніе годы царствованія Людовика XVI были созданы слѣдующія новыя должности: надсмотрщики надъ париками, смотрители надъ свиньями и поросятами, счетчики сѣна, контролеры складыванія дровъ (Conseillers du roi controleurs aux empilements des bois), осмотрщики свѣжаго масла, осмотрщики соленаго и т. д. За періодъ съ 1701 по 1715 г. король получилъ за продажу новыхъ должностей 542 милліона ливровъ. На личность покупщика не обра-

щалось при этомъ ни малѣйшаго вниманія. Казначеи въ арміи покупали мѣста тѣхъ, кто долженъ былъ ихъ контролировать, и избавлялись такимъ образомъ отъ всякаго контроля.

Понятно, что большое современное государство не можетъ долгое время управляться такимъ чиновничествомъ. Рядомъ съ ними возникъ новый чиновничій слой, появилась строго централизованная, вполнѣ зависимая отъ короля бюрократія, дѣлавшая все менѣе нужными не только функціи старыхъ феодальныхъ органовъ, но и вновь выросшія продажныя должности, хотя число послѣднихъ и связанная съ ними эксплоатація населенія отнюдь не уменьшалась.

Наоборотъ, изъ продажныхъ должностей возникла новая аристократія. Важнѣйшія изъ этихъ должностей сопровождались свободой отъ податей и другими привилегіями, могли быть превращены за извѣстную плату въ наслѣдственныя и были связаны съ дворянскимъ званіемъ. Представители ихъ образовали новое «дворянство мантіи» (noblesse de robe) на ряду со старымъ феодальнымъ дворянствомъ—«дворянствомъ шпаги» (noblesse de l'épée). Будучи экономически независимымъ отъ короля, новое дворянство выказывало иногда большую непокорность, зачастую даже большую, чѣмъ старое дворянство.

Во главѣ этой чиновничьей аристократіи стояли высшія судебныя учрежденія—парламенты.

Новый капиталистическій способъ производства придалъ особенную важность и необходимость классу юристовъ. По мѣрѣ того, какъ товарное производство станови ось господствующей формой производства, по мѣрѣ то договоры между отдѣльными товаровладѣльцами станов лись все многочисленнѣе и запутаннѣе, и отношенія, во никавшія на почвѣ этихъ договоровъ, дѣлались все болѣ и болѣе спорными. Феодальное право и феодальные су чувствовали себя совершенно безпомощными предъ ли мъ новыхъ отношеній. Послѣднія требовали и новаго

права, которое первоначально пытались развить изъ каноническаго; но вскорѣ наиболѣе подходящая основа для него была найдена въ римскомъ правѣ. Новыя отношенія, однако, требовали также и людей, которые посвятили бы всю свою жизнь задачѣ—разобраться въ запутанныхъ хитросплетеніяхъ новаго права. Быстро выросъ классъ юристовъ—судей и адвокатовъ, столь необходимыхъ въ новомъ обществѣ и въ силу этого пользовавшихся всеобщимъ уваженіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, стоило бы имъ пріостановить свою дѣятельность,—и вся торговля страны была бы приведена въ замѣшательство.

Понятно, что высшія судебныя установленія пользовались особымъ значеніемъ. Значеніе это еще болѣе увеличивалось, благодаря ихъ своеобразному политическому положенію. Французскіе короли видѣли въ парламентахъ, рекрутировавшихся изъ рядовъ третьяго сословія и дѣйствовавшихъ на почвѣ благопріятнаго абсолютизму римскаго права, превосходное средство сломить сопротивленіе феодальнаго дворянства; съ этою цѣлью въ продолженіи XIV и XV ст. они все болѣе расширяли сферу ихъ компетенціи и увеличивали ихъ власть. Но продажность парламентскихъ мѣстъ, введенная въ XVI вѣкѣ, и экономическая независимость парламентовъ, значеніе которыхъ въ соціальной и политической жизни страны все возрастало, и члены которыхъ все богатѣли, благодаря замѣтно растущимъ безгрѣшнымъ доходамъ—все это привело къ тому, что парламенты, пріобрѣвшіе свою власть и силу именно на службѣ абсолютизму, отважились, наконецъ, употребить ее на защиту своей самостоятельности и своихъ привилегій отъ той же власти, и сдѣлали они это какъ разъ въ то время, когда исчезли всѣ другія силы, ограничивавшія прежде абсолютизмъ, и когда онъ былъ, казалось, всемогущимъ.

Всѣ эти обстоятельства однако не объясняютъ еще вполнѣ ту огромную роль, которую игралъ высшій и самый старый изъ парламентовъ—Парижскій на протяженіи отъ

XVI до XVII вѣка. Она объясняется также не его рангомъ или древностью, а тѣмъ обстоятельствомъ, что этотъ парламентъ былъ парламентомъ именно *Парижа*, того самого Парижа, который уже въ эпоху гугенотскихъ войнъ показалъ, что ни одинъ король не смѣетъ безнаказанно игнорировать его. Могущество тамошняго парламента обусловливалось въ значительной степени силой общественнаго мнѣнія Парижа. Но именно потому онъ долженъ былъ дѣлать уступки этому общественному мнѣнію, долженъ былъ приноравливать свое поведеніе такимъ образомъ, чтобы не потерять расположенія парижанъ. Это повело къ чрезвычайно своеобразнымъ результатамъ.

Вполнѣ понятно, что экономически независимые отъ короля чиновники не только проявляли большую самостоятельность, но и вообще при отправленіи своихъ служебныхъ обязанностей руководились только своими личными интересами. На нихъ не дѣйствовала ни боязнь отставки, ни надежда на повышеніе, ни мысль о потребностяхъ и нуждахъ того дѣла, которому они призваны были служить. Не довольствуясь своими регулярными законными доходами, они стремились, злоупотребляя своимъ служебнымъ положеніемъ и властью, увеличить ихъ гдѣ это было только возможно. Сборщики податей обманывали фискъ, получая съ богатыхъ взятки и не взыскивая съ нихъ зато податей, а образовавшуюся такимъ образомъ недостачу тѣмъ безжалостнѣе выжимали изъ кармановъ бѣдняковъ. Продаженъ былъ судъ, продажна полиція; безпорядокъ, путаницы, взяточничество господствовали во всѣхъ областяхъ государственнаго управленія.

Парламенты стояли во главѣ чиновничьей аристократіи, и всюду царившая испорченность въѣлась въ нихъ особенно глубоко. Низость, взяточничество, алчность расцвѣли въ нихъ такимъ-же пышнымъ цвѣтомъ, какъ и аристократическая надменность и фанатическая ненависть ко всякой новизнѣ, угрожающей ихъ привилегіямъ. Всѣ эти свойства вызвали въ продолженіе XVIII вѣка вражду къ

нимъ у всѣхъ честныхъ, прогрессивныхъ элементовъ общества и навлекли на нихъ цѣлый рядъ тяжелыхъ моральныхъ ударовъ. Вольтеръ энергично нападалъ на «убійцъ Каласа, Лаборра и Лалли», а опубликованные въ 1774 г. «мемуары» Бомарше безпощаднѣйшимъ образомъ раскрывали картину глубокой испорченности, проникавшей все тогдашнее судебное вѣдомство.

Но для того, чтобы имѣть возможность сохранять эту испорченность и свои привилегіи, руководившій всѣми другими парижскій парламентъ долженъ былъ не терять расположенія парижанъ, долженъ былъ выступать за все то, что волновало въ настоящей моментъ умы парижскаго населенія и возбуждало его симпатіи. Вмѣстѣ съ парижанами и возставшей частью аристократіи на баррикады бросились члены парламента въ эпоху фронды 1648 г., за одно съ парижанами-же возставалъ Парижскій парламентъ противъ «деспотизма» министровъ Людовика XVI и требовалъ «права на самоопредѣленіе» и «свободы націи», при чемъ себя самого онъ считалъ, конечно, единственнымъ призваннымъ народнымъ представителемъ.

Въ ряду многочисленныхъ своеобразныхъ явленій дореволюціонной Франціи не послѣднее мѣсто занимали и эти парламенты, выступавшіе на защиту народныхъ правъ для того, чтобы сохранить свои привилегіи, дававшія имъ возможность эксплоатировать тотъ-же народъ.

V.

Возмущеніе привилегированныхъ.

Борьба между парламентами, какъ представителями чиновной аристократіи съ одной стороны, и сильно централизованной деспотической государственной властью съ другой, постепенно разрастаясь, превратилась наконецъ въ борьбу всѣхъ привилегированныхъ сословій съ абсолютной королевской властью. Борьба эта велась не въ формѣ однѣхъ только придворныхъ интригъ, о которыхъ народъ никогда ничего не подозрѣваетъ, какъ бы ни были глубо-

ки вызываемые ими конфликты,—въ нее были вовлечены и широкіе слои населенія, такъ какъ участники этой борьбы аппеллировали къ своимъ собратьямъ по сословію.

Крупнѣйшимъ изъ такихъ движеній была уже упомянутая въ предыдущей главѣ Фронда. Она имѣла мѣсто еще въ первой половинѣ XVII ст., когда дворянство обладало еще силой и самосознаніемъ. Подобное же движеніе возникло и въ послѣдней четверти XVIII ст. Движеніе 1648 г. привело къ дальнѣйшему усиленію абсолютизма. Движеніе же, начавшееся въ 1787 г., закончилось побѣдой третьяго сословія; оно послужило толчкомъ къ великой революціи.

Мы указали уже во II-й главѣ на невыдержанность поведенія Людовика XVI.

Но если Людовикъ XVI является классическимъ представителемъ «раздвоенія души» абсолютной монархіи прошлаго столѣтія, то обѣ стороны этой монархіи во время его правленія нашли каждая порознь своихъ классическихъ представителей въ лицѣ Тюрго и Калонна. Первый, настолько же глубокій мыслитель, насколько и человѣкъ дѣла, стремился, будучи министромъ, заставить государственную власть дѣйствительно служить требованіямъ экономическаго развитія, устранять препятствія на пути послѣдняго и приводить въ исполненіе все то, что теоретики объявляли необходимымъ для поддержанія государства и общества. Онъ отказывался изъ органовъ государственнаго управленія дѣлать орудіе эксплоатаціи государства въ интересахъ придворной аристократіи. Онъ уничтожилъ барщину; внутреннія пошлины, цехи и освободилъ промышленность отъ гнета регламентаціи. Онъ хотѣлъ подвергнуть дворянство и духовенство податному обложенію наравнѣ съ третьимъ сословіемъ и подчинить расходованіе государственныхъ средствъ контролю сословныхъ представителей. Это являлось уже нестерпимымъ нарушеніемъ «священныхъ правъ». Предводительствуемая Маріей Антуанеттой шайка привилегированныхъ эксплоататоровъ возстала

противъ министра реформатора, и Тюрго палъ въ 1776 г.

Послѣ цѣлаго ряда экспериментовъ и попытокъ устроить такъ, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы, король призвалъ наконецъ къ управленію страной Калонна (1783 г.). Это былъ человѣкъ вполнѣ во вкусѣ королевы; поверхностный, но пронырливый и беззастѣнчивый аферистъ, онъ руководился однимъ только правиломъ—всѣми правдами и неправдами удовлетворять постоянно растущія требованія ненасытной придворной аристократіи, и съ этой цѣлью жертвовалъ не только текущими, но и ожидаемыми государственными доходами, стремился не только использовать наличные финансы, но и исчерпать кредитъ государства. Заемъ слѣдовалъ за займомъ; за три года своего управленія онъ добылъ для государственнаго казначейства 650 милл. ливровъ (подробности см. у Луи Блана, 1,233), что по тогдашнимъ условіямъ составляло колоссальную сумму; и почти всѣ эти деньги достались двору—королю, королевѣ и ихъ любимцамъ. «Когда я увидѣлъ, что всѣ протягиваютъ руки, я также подставилъ свою шляпу», говоритъ одинъ принцъ, разсказывая о веселыхъ дняхъ дореволюціонной эпохи. И дѣйствительно, дворъ утопалъ въ роскоши; ни одинъ голосъ не возвысился, чтобы предостеречь отъ этой безумной расточительности и указать, куда она можетъ завести. Самъ Людовикъ XVI былъ чрезвычайно доволенъ своимъ министромъ финансовъ, который смѣло началъ свою дѣятельность, заставивъ короля уплатить свои долги въ размѣрѣ 230.000 ливровъ. При дворѣ всѣ удивлялись тому, съ какой быстротой и легкостью удалось «великому человѣку» разрѣшить соціальный вопросъ *).

Расточительность и безпечность двора приближала,

*) Когда первый заемъ, устроенный Калонномъ, былъ покрытъ благодаря его преувеличеннымъ обѣщаніямъ, одно высокопоставленное лицо выразилось слѣдующимъ образомъ: „Я, конечно, зналъ, что Калоннъ спасетъ государство, но мнѣ никогда не приходило въ голову, что ему удастся сдѣлать это такъ быстро".

конечно, только моментъ окончательнаго крушенія всей системы. Послѣ трехъ лѣтъ безумнаго хозяйничанья пѣсенка Калонна была спѣта; ежегодный дефицитъ возросъ до 140 милл. ливровъ, и даже Калоннъ принужденъ былъ признать, что угрожающее странѣ немедленное банкротство можетъ быть отсрочено не займами, а только повышеніемъ доходовъ государства и сокращеніемъ его расходовъ, что однако возможно было только на счетъ привилегированныхъ сословій. Изъ народа нельзя уже было ничего болѣе выжать.

Когда Калоннъ высказалъ это нотаблямъ, созваннымъ имъ въ февралѣ 1787 г.,—въ отвѣтъ на его слова изъ рядовъ «привилегированныхъ» раздался вопль негодованія, вызваннаго не той беззастѣнчивостью, съ какой Калоннъ до тѣхъ поръ велъ государственное хозяйство, а тѣмъ обстоятельствомъ, что это беззастѣнчивое хозяйничанье должно было наконецъ прекратиться, такъ какъ дальнѣйшее его продолженіе стало немыслимымъ.

Калоннъ палъ, но такъ какъ его преемники принуждены были вести политику обложенія привилегированныхъ сословій, то послѣднія пришли къ убѣжденію, что королевская власть не въ состояніи уже гарантировать имъ эксплоатацію Франціи въ прежней мѣрѣ, и возстали противъ этой самой королевской власти. Какъ ни невѣроятно подобное поведеніе, но дѣйствительно дворянство, духовенство, парламентъ,—вообще всѣ привилегированные, положеніе которыхъ было уже совершенно поколебленно, и которые находили еще единственную поддержку въ королевской власти, соединились теперь для того, чтобы уничтожить эту свою поддержку. До такого ослѣпленія можетъ довести отживающій классъ его алчность, что онъ передъ самымъ своимъ паденіемъ дѣлаетъ всѣ усилія, чтобы ускорить его!

Привилегированыя сословія не имѣли ни малѣйшаго представленія о томъ, въ какой степени измѣнилось взаимное отношеніе общественныхъ силъ, имъ казалось, что

отношенія все еще таковы же, какъ и въ ту пору, когда они съ успѣхомъ сопротивлялись королю и третьему сословію, и потому бурно требовали созыва генеральныхъ штатовъ по образцу 1614 г. Забывая, что единственной опорой ихъ является королевская власть, они вдругъ захотѣли собственными силами защитить свои привилегіи. Какъ разъ въ тотъ моментъ,. когда общественные верхи должны были бы наиболѣе тѣсно сплотиться въ виду угрожавшей имъ серьезной опасности, въ ихъ средѣ возникли раздоры изъ-за дѣлежа добычи!

Ослѣпленные яростью, они фактически стали на революціонную почву. Въ маѣ 1788 г. всѣ парламенты пріостановили свою дѣятельность; духовенство отказывалось вносить что бы то ни было въ государственную казну до тѣхъ поръ, пока не будутъ созваны генеральные штаты, дворянство въ провинціяхъ вооружалось, и въ Дофинэ, Бретани, Провансѣ, Фландріи и Ландегокѣ дошло до серьезныхъ безпорядковъ.

Даже то обстоятельство, что третье сословіе все болѣе примыкало къ этому движенію и присоединяло свой голосъ къ требованіямъ созыва генеральныхъ штатовъ, не наводило привилегированныя сословія на соотвѣтствующія размышленія; королевская власть показала, что она не можетъ болѣе оставаться исключительно орудіемъ эксплоатаціи, королевская власть превращалась, стало быть, во врага, и сломить силу абсолютной монархіи становилось задачей привилегированныхъ сословій. Третье сословіе они слишкомъ презирали, чтобы бояться его. Да и кому могло притти въ голову опасаться глупой деревенщины, сапожниковъ, портныхъ, да кучки адвокатовъ?

Для сопротивленія соединенному натиску всѣхъ сословій, монархическая власть не была достаточно сильна. Она была принуждена дать свое согласіе на созывъ генеральныхъ штатовъ, которые были открыты 5-го мая 1789 г. Этотъ моментъ принято считать началомъ революціи. Но замѣчательно то, что возстаніе противъ абсолютной коро-

левской власти началось еще ранѣе, и что именно привилегированныя сословія дали первый толчокъ ему и вызвали то движеніе, которое закончилось ихъ собственной гибелью; что именно они вынуждали созывъ того собранія, которому суждено было ускорить ихъ паденіе.

Правда, враждующіе братья, аристократія и королевская власть соединились снова, привилегированныя сословія снова сплотились вокругъ монарха, когда они замѣтили враждебное настроеніе противъ нихъ народа и депутатовъ третьяго сословія. Но было уже поздно.

VI.

Буржуазія.

Третье сословіе было не менѣе разъединено, чѣмъ и два первыхъ. Въ послѣднее время вошло въ обыкновеніе отождествлять съ третьимъ сословіемъ классъ капиталистовъ и противопоставлять ему пролетаріатъ въ качествѣ четвертаго сословія *). Не говоря уже о томъ, что современный пролетаріатъ представляетъ вовсе не сословіе, а классъ, т. е. такой общественный слой, который отличается отъ прочихъ слоевъ общества своимъ экономическимъ положеніемъ, а не положеніемъ юридическимъ, о пролетаріатѣ, какъ *сословіи* четвертомъ не можетъ быть рѣчи

*) Представленіе о четвертомъ сословіи появляется уже въ революціонную эпоху, но только очень рѣдко подъ этимъ терминомъ подразумѣвается рабочій классъ. Одинъ изъ моихъ друзей сообщилъ мнѣ слѣдующія интересныя данныя изъ недоступной мнѣ русской книги Карѣева: „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII столѣтія". Москва, 1879, стр. 327. Уже 25 апрѣля 1789 г. появилась составленная Duforuny de Villiers брошюра „Cahier du quartième ordre, celui des pauvres journaliers, des infirmes, des indigents etc., l'ordre des infortunés". (Требованія и жалобы четвертаго сословія, сословія бѣдныхъ поденщиковъ, калѣкъ, нищихъ и т. п., сословія обездоленныхъ). Какъ общее правило подъ четвертымъ сословіемъ понимаются обыкновенно крестьяне. Въ памфлетѣ Noilliac „Le plu fort des pamphlets. L'ordre des paysans aux Etats généraux". (Самый сильный памфлетъ. Крестьянское сословіе въ генеральныхъ штатахъ), вышедшемъ 26 февраля 1789 г., на стр. 9 говорится: „заимству-

уже потому, что пролетаріатъ существовалъ въ нѣдрахъ самого третьяго сословія. Послѣднее охватывало все населеніе, не входившее въ составъ двухъ первыхъ сословій; къ нему принадлежали не только капиталисты, но и ремесленники, крестьяне и пролетаріи. Нетрудно представить себѣ, какую пеструю массу составляло это третье сословіе. Мы находимъ внутри него самыя рѣзкія противорѣчія, самыя различныя цѣли, самыя разнообразныя средства борьбы. О какой бы то ни было единодушной классовой борьбѣ съ его стороны не можетъ быть и рѣчи.

Даже тотъ классъ, который преимущественно называется въ наше время третьимъ сословіемъ,—классъ капиталистовъ, отнюдь не представлялъ сплоченной однородной массы.

Во главѣ класса капиталистовъ стояли крупные финансисты. Въ качествѣ главнѣйшихъ кредиторовъ государства они имѣли всѣ основанія требовать реформъ, которыя предотвратили бы его банкротство, увеличивъ его доходы и понизивъ его расходы. Но эти реформы должны были быть произведены по извѣстному принципу: чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы. Вѣдь господа финансисты имѣли съ другой стороны всѣ основанія противиться всякой коренной финансовой или соціальной реформѣ.

емъ у шведовъ систему четырехъ сословій. У Vartout „Lettre d'un paysan à son curé sur une nouvelle manière de tenir les États généraux“ („Письмо крестьянина къ своему священнику о новомъ способѣ устройства генеральныхъ штатовъ“), Cartrouville, 1789, мы находимъ на стр. 7 слѣд. строки: „я слыхалъ, что въ одной сѣверной странѣ... крестьянское сословіе допускается къ участію въ собраніи сословій страны“. Нѣкоторыя брошюры, говоря о „четвертомъ сословіи“, разумѣютъ нѣчто иное. Одна брошюра подразумѣваетъ подъ четвертымъ сословіемъ купцовъ, другая чиновниковъ и т. д.

Каутскій передаетъ содержаніе примѣч. 29—31 на стр. 327 сочиненія Н. И. Карѣева; въ текстѣ же на стр. 327, у г. Карѣева сказано: „мысль объ особомъ четвертомъ сословіи очень часто встрѣчается въ брошюрахъ 1789 года, то въ смыслѣ сословія крестьянъ въ противоположность горожанъ, то въ смыслѣ сословія неимущихъ въ противоположность къ собственникамъ“. *(Прим. перев.).*

Большинство ихъ владѣло самыми крупными феодальными имѣніями и дворянскими титулами и вовсе не желало отказываться отъ связанныхъ съ ними привилегій и доходовъ. Кромѣ того, финансисты были заинтересованы въ сохраненіи дворянскихъ привилегій, какъ и всякій кредиторъ заинтересованъ въ томъ, чтобы не разорился его должникъ. Они вѣдь кредитовали не одного только короля, а и всю задолженную аристократію. Какъ бы ни были убѣдительны доводы экономистовъ, доказывавшихъ, что доходы съ имѣній повысятся при переходѣ отъ полуфеодальныхъ способовъ хозяйства къ системѣ чисто капиталистической, но осуществленіе такого перехода требовало извѣстнаго капитала для устройства соотвѣтственныхъ приспособленій, для обзаведенія скотомъ, орудіями и т. д. Этимъ капиталомъ обладали лишь весьма немногіе изъ дворянъ. Отмѣна феодальныхъ повинностей угрожала большинству полнымъ банкротствомъ, и ихъ кредиторы не имѣли никакихъ основаній содѣйствовать этому. Въ общественномъ отношеніи дворянство и финансисты, какъ мы уже выше видѣли, такъ же все тѣснѣе сближались между собою. Сверхъ того, всякая финансовая реформа должна была повести къ замѣнѣ откуповъ системой государственнаго сбора податей. Цѣлый рядъ важнѣйшихъ источниковъ государственныхъ доходовъ, какъ-то: налогъ на соль (gabelle), налогъ на напитки (aides), таможенная пошлина, табачная монополія сдавались на откупъ. Въ послѣдніе годы передъ революціей откупщики выплачивали ежегодно государству 166 милліоновъ ливровъ, а сами выжимали изъ народа двойную сумму. Откупа являлись удобнѣйшимъ средствомъ народной эксплоатаціи; могли-ли господа крупные капиталисты добровольно отказаться отъ нихъ! Всего менѣе можно было ожидать, что они станутъ ратовать за ихъ отмѣну.

Не въ ихъ интересахъ такъ же было и то, чтобы изъ государственнаго бюджета исчезъ, наконецъ, хроническій дефицитъ, а съ нимъ и вѣчная нужда государства въ деньгахъ. При реализаціи государственныхъ займовъ они удер-

живали за собою только часть долговыхъ обязательствъ, большую же часть ихъ они умѣли навязывать по дорогой цѣнѣ «публикѣ», т. е. мелкимъ и среднимъ капиталистамъ-рантье. Такимъ образомъ, при заключеніи всякаго новаго займа высшіе финансисты очень ловко перекладывали *рискъ* этого предпріятія на чужія плечи; *прибыль же*, получаемая ими при этомъ частью непосредственно, частью косвенно, была колоссальна, такъ какъ они одновременно эксплоатировали и государство, и общество. Всякій новый заемъ означалъ для крупныхъ капиталистовъ обильную жатву. И появленіе бездефицитныхъ бюджетовъ, дѣлающихъ ненужными заключеніе новыхъ займовъ, было бы имъ очень и очень непріятно.

Неудивительно, что при такихъ обстоятельствахъ симпатіи высшихъ сферъ буржуазіи, какъ класса, были на сторонѣ стараго порядка, на сторонѣ государства, основаннаго на привилегіяхъ. Правда, они требовали реформъ, но кто же не требовалъ ихъ передъ революціей! Самый ограниченный аристократъ былъ убѣжденъ, что существующій порядокъ вещей не можетъ держаться долѣе, и что реформы неизбѣжны; недовольство настоящимъ было всеобщее. Но каждый классъ желалъ «реформъ», которыя именно ему были бы выгодны и не требовали бы вмѣстѣ съ тѣмъ отъ него никакихъ жертвъ.

И въ то же время крупные финансисты, совершенно помимо своей воли, выступали въ роли политическихъ агитаторовъ, сильно содѣйствуя превращенію самыхъ мирныхъ и спокойныхъ обывателей въ политиковъ и мечтателей о свободѣ. Черезъ ихъ посредство государственныя долговыя обязательства все въ большемъ количествѣ притекали къ народу и все шире распространялись въ немъ, и они же были тѣмъ каналомъ, по которому, благодаря все чаще слѣдовавшимъ другъ за другомъ займамъ, мелкіе и средніе капиталы стекались ко двору, чтобы исчезнуть тамъ въ широкихъ карманахъ придворныхъ, никогда не наполняя ихъ, такъ какъ они были дырявы. Такимъ образомъ мел-

кіе и средніе капиталисты все болѣе превращались въ государственныхъ кредиторовъ. Этотъ сортъ буржуазіи вообще совершенно не интересуется формой правленія. Филистеръ смотритъ на политику, какъ на безполезное занятіе, которое ему ничего не можетъ дать, а въ худшемъ случаѣ можетъ даже стоить времени и денегъ. Онъ руководится правиломъ, что каждый долженъ заниматься своимъ дѣломъ, а управленіе страной должно предоставить королю. Въ абсолютномъ-же государствѣ съ развитой системой полицейскаго шпіонства, какъ это было въ дореволюціонной Франціи, гдѣ занятіе гражданъ политикой считалось сверхъ того преступленіемъ, нежеланіе филистера вмѣшиваться въ то, что происходитъ за его порогомъ, было еще сильнѣе.

Но все это измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ онъ превратился въ кредитора государства и какъ стали ходить толки о возможности государственнаго банкротства. Теперь политика перестала быть пустымъ занятіемъ, она стала очень важнымъ дѣломъ. Мелкій и средній буржуа внезапно заинтересовался всѣми вопросами государственнаго управленія; не стоило большаго усилія ума понять, что привилегіи первыхъ двухъ сословій являются главной причиной затруднительнаго положенія государственныхъ финансовъ, потому что представители этихъ сословій получаютъ львиную долю государственныхъ доходовъ, почти не участвуя въ несеніи государственныхъ тяготъ,—и потому то буржуа превратился теперь въ энергичнаго протестанта, который нападалъ на привилегіи и требовалъ свободы и равенства.

Но онъ напалъ на государство, основанное на привилегіяхъ не только какъ государственный кредиторъ, но и какъ торговецъ и промышленникъ.

Благодаря тому, что высшія должности въ арміи и флотѣ предоставлялись исключительно дворянству, вырождавшемуся и физически и нравственно, благодаря этому военное могущество Франціи постепенно падало. На протяженіи всего XVIII вѣка Франція не вела почти ни одной войны, которая не окончилась-бы для нея неблагопріятнымъ

торговымъ договоромъ и потерей цѣнныхъ колоній; достаточно указать на утрехтскій (1718 г.), аахенскій (1748 г.), парижскій (1763 г.), версальскій (1783 г.) мирные договоры. Счастливая-же внѣшняя политика являлась важнѣйшимъ условіемъ для процвѣтанія внѣшней торговли. Внутри страны торговля также была стѣснена старыми феодальными ограниченіями. Нѣкоторыя провинціи представляли какъ бы самостоятельныя государства въ государствѣ, отдѣленныя отъ другихъ частей страны таможенной линіей, онѣ отличались отъ нихъ своимъ особымъ правомъ, особымъ управленіемъ. Право торговли и прочія привилегіи феодаловъ, мостовая и дорожная пошлины и т. п. ложились страшно тяжелымъ гнетомъ на внутреннюю торговлю. Товары, которые прибывали во Францію изъ Японіи или Китая, несмотря на то, что провозились по далекимъ бурнымъ морямъ, кишѣвшимъ пиратами, повышались при этомъ въ цѣнѣ не болѣе какъ въ три, четыре раза, тогда какъ вино, провозившееся изъ Орлеана въ Нормандію, становилось дороже по крайней мѣрѣ въ *двадцать разъ*, вслѣдствіе различныхъ пошлинъ, взимавшихся съ него по дорогѣ *). Какъ разъ торговля виномъ, одна изъ важнѣйшихъ отраслей французской торговли, была особенно сильно стѣснена и обложена разными поборами. Такъ напр. владѣльцы виноградниковъ Бордосскаго округа имѣли право не допускать въ этомъ городѣ продажи какого бы то ни было вина, кромѣ собраннаго съ ихъ виноградниковъ. Такимъ образомъ изобилующія виномъ мѣстности Лангедокъ, Перигоръ, Аженуа и Керси, рѣки которыхъ протекали подъ самыми стѣнами Бордо, лишены были въ пользу владѣльцевъ бордосскихъ виноградниковъ возможности сбывать тамъ свои продукты.

Къ тому же пути сообщенія внутри страны были въ самомъ жалкомъ состояніи. Негдѣ было взять денегъ для ихъ проведенія, и тѣ работы, которыя не могли быть осу-

*) Луи Бланъ Histoire de la Rèvolution, III т. 3 гл. (стр. 156 брюссельскаго изданія 1847).

ществлены одной только натуральной дорожной повинностью крестьянъ, такъ и оставались невыполненными.

Для того, чтобы торговля могла процвѣтать, должны были пасть привилегіи дворянства, необходимо было реформировать армію и флотъ, сломить партикуляризмъ отдѣльныхъ провинцій, отмѣнить разнаго сорта пошлины, установленныя короной и феодалами внутри страны. Однимъ словомъ интересы торговли требовали «свободы и равенства».

Не всѣ купцы однако придерживались этого девиза.

Въ дореволюціонную эпоху излюбленный способъ королей разживаться деньгами состоялъ въ томъ, что они монополизировали какую нибудь отрасль промышленности или торговли и продавали затѣмъ эту монополію немногимъ счастливцамъ, или же дѣлились съ ними выручкой отъ эксплоатаціи публики, происходившей на почвѣ этой монополіи. Наиболѣе прибыльными являлись монополіи крупныхъ торговыхъ компаній въ заокеанскихъ странахъ. Но на ряду съ ними въ отдѣльныхъ городахъ существовали и другія торговыя монополіи извѣстныхъ корпорацій, организованныхъ на манеръ цеховъ. Къ числу такихъ замкнутыхъ корпорацій, пережившихъ даже реформы Тюрго, принадлежалъ напр. цехъ виноторговцевъ въ Парижѣ.

Конечно, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что эти привилегированные, несмотря на свою принадлежность къ третьему сословію, являлись ревностными приверженцами стараго порядка, основаннаго на привилегіяхъ.

Изолированность отдѣльныхъ провинцій была также на руку нѣкоторымъ капиталистамъ. Стѣсненіе хлѣбной торговли между различными провинціями, именно воспрещеніе вывоза зерна изъ одной провинціи въ другую безъ особаго на то разрѣшенія, получить которое было не легко, затрудняло подвозъ хлѣба изъ урожайныхъ мѣстностей въ неурожайныя и было могущественнымъ орудіемъ хлѣбной спекуляціи принимавшей зачастую невѣроятные размѣры, и являлось однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ

эксплоатировать народныя массы. Какъ въ настоящее время покровительственныя пошлины способствуютъ возникновенію синдикатовъ и картелей, такъ въ то время ограниченіе хлѣбной торговли внутри страны способствовало возникновенію обществъ для закупки хлѣба, спекулировавшихъ на голодныя цѣны (pacte de famine). Во главѣ спекуляторовъ стоялъ самъ король *), и эти ростовщическія операціи съ хлѣбомъ являлись однимъ изъ крупныхъ источниковъ его доходовъ. Само собою разумѣется, что христіаннѣйшій король такъ же мало, какъ и его компаньоны, былъ согласенъ на отмѣну ограниченій хлѣбной торговли.

На ряду съ торговлей и промышленность претерпѣвала при старомъ порядкѣ сильныя стѣсненія. И это вовсе не потому, чтобы правительство стремилось воспрепятствовать ея развитію; наоборотъ, оно относилось къ ней съ большой благосклонностью. Цвѣтущая капиталистическая промышленность считалась однимъ изъ главныхъ источниковъ національнаго богатства, который заслуживаетъ всяческаго поощренія. Такъ какъ цеховое ремесло изо всѣхъ силъ стремилось стѣснить и ограничить своего неудобнаго конкуррента — капиталистическую индустрію, то короли взяли эту послѣднюю подъ свое особое покровительство. Правда, имъ никогда не приходило въ голову совершенно уничтожить цехи и такой радикальной мѣрой окончательно устранить препятствіе, стоявшее на пути развитія капиталистической промышленности; вѣдь при этомъ изъ ихъ рукъ ускользнулъ бы, какъ мы еще увидимъ ниже, значительный источникъ доходовъ. Но они раздавали мануфактурамъ патенты, которыми послѣднія освобождались отъ всѣхъ феодальныхъ и цеховыхъ сборовъ и ограниченій. Мануфактура, получившая подобную привилегію, носила титулъ «королевской». Заботы правительства о процвѣ-

*) Людовикъ XV былъ главнымъ акціонеромъ общества для закупки хлѣба Malisset. Въ реестрѣ должностей при его дворѣ числился особый казначей для «хлѣбныхъ спекуляцій Его Величества».

таніи промышленности заходили даже еще дальше. Чтобы добиться возможно большаго совершенства продуктовъ, оно знакомило предпринимателей съ улучшенными способами производства и предписывало имъ введеніе этихъ способовъ особыми регламентами.

На первыхъ стадіяхъ развитія мануфактуры подобныя мѣропріятія могли еще ей быть полезны; но дѣло приняло другой оборотъ, когда во второй половинѣ XVIII ст. капиталистическая промышленность стала быстро развиваться и достигла уже высокой степени. То обстоятельство, что только королевская привилегія предохраняла ее отъ придирокъ и процессовъ цеховыхъ ремесленниковъ, становилось чрезвычайно тяжелымъ препятствіемъ, затруднявшимъ иногда возникновеніе новыхъ предпріятій. Но еще болѣе вредными были регламенты. Изъ средства распространенія усовершенствованныхъ способовъ производства, они превратились въ средство сохраненія самыхъ устарѣлыхъ и негодныхъ. Въ шестидесятыхъ годахъ XVIII ст. началась та техническая революція, которая замѣнила мануфактуру фабрикой и создала современую крупную индустрію. До того отдѣльные способы производства и орудія подвергались въ мануфактурѣ только очень медленнымъ измѣненіямъ. Теперь изобрѣтенія быстро слѣдовали одно за другимъ и тотчасъ же пріобрѣтали себѣ въ Англіи права гражданства. Если французы хотѣли успѣшно конкуррировать съ англичанами, они должны были съ тою же быстротою перенимать ихъ нововведенія. Устраненіе цеховыхъ ограниченій и бюрократической регламентаціи все болѣе превращалось теперь для капиталистической индустріи изъ простого вопроса барыша въ вопросъ жизни и смерти. Но напрасно стремился Тюрго въ 1776 г. пойти на встрѣчу этимъ требованіямъ времени. Привилегированные отлично сознавали, что реформы не остановятся на этомъ. Они свергли его и не допустили осуществленія его плановъ. И понадобилась революція, чтобы уничтожить путы, связывавшія крупную индустрію и не дававшія ей развиваться.

При всемъ томъ значительная доля капиталистовъ-промышленниковъ была заинтересована въ сохраненіи стараго порядка съ его привилегіями. Капиталистическая промышленность, какъ и торговля, служила первое время преимущественно для удовлетворенія роскоши, отчасти потому, что отсутствовалъ еще внутренній рынокъ, и крестьянинъ самъ производилъ всѣ нужные ему продукты, отчасти потому, что она была покровительствуемой королемъ, придворной промышленностью. Крупнѣйшія мануфактуры Франціи производили шелковыя ткани, бархатъ, кружева, ковры, фарфоръ, пудру, бумагу (сто лѣтъ тому назадъ бумага была еще предметомъ роскоши) и т. п. Предпріятія эти находили своихъ лучшихъ потребителей въ рядахъ придворной аристократіи, въ рядахъ привилегированныхъ. Ограниченіе доходовъ этихъ послѣднихъ должно было бы сильно отразиться на дѣлахъ многихъ капиталистовъ-промышленниковъ. Понятно, что революція была встрѣчена ими совсѣмъ недружелюбно.

Характеренъ тотъ фактъ, что когда въ 1793 году контръ-революція взялась за оружіе, во главѣ ея рядомъ съ Вандеей—самымъ отсталымъ округомъ Франціи, въ которомъ феодальное хозяйство сохранилося еще въ полной силѣ, стоялъ и наиболѣе промышленный городъ государства—Ліонъ, такъ прославившійся своей шелковой индустріей и золотымъ шитьемъ. Уже въ 1790 г. тамъ была сдѣлана попытка возстанія подъ предводительствомъ духовенства и дворянъ, и долго еще Ліонъ оставался твердыней легитимизма и католицизма. И когда 1795 г. было сломлено господство якобинцевъ, парижская буржуазія не скрывала вовсе своихъ роялистическихъ, антиреспубликанскихъ симпатій. Если бы это отъ нея зависѣло, она бы уже тогда возстановила легитимную монархію и допустила возвращеніе аристократическихъ эмигрантовъ.

VII.

Интеллигенція.

Намъ остается сказать еще объ одной важной категоріи буржуазіи—о бужуазной интеллигенціи. Капиталистическій способъ производства разъединилъ соединенныя прежде въ ремеслѣ функціи и создалъ двѣ различныя категоріи работниковъ—работниковъ физическихъ и работниковъ умственныхъ; онъ расширилъ далѣе до неслыханныхъ размѣровъ общественное раздѣленіе труда и создалъ цѣлый рядъ занятій, соединенныхъ съ односторонней умственной работой.

Правда, научно образованному *технику* почти что нечего было дѣлать въ промышленности прошлаго вѣка. Примѣненіе къ индустріи научной механики и химіи только еще начиналось въ концѣ XVIII вѣка. Но необходимость усовершенствованія путей сообщенія, вызываемая потребностями новаго способа производства, ставила уже технику серьезныя задачи; онъ долженъ былъ строить корабли; военное дѣло также требовало его искусства.

Ростущее скопленіе населенія въ городахъ въ связи съ усиливающейся пролетаризаціей широкихъ народныхъ массъ влекло за собою опустошительныя эпидеміи и вообще болѣзни и увеличивало потребность во *врачахъ*. Ростъ же буржуазіи и приливъ дворянъ изъ деревень въ столицу увеличивалъ количество тѣхъ, которые были въ состояніи оплачивать услуги врача.

Выше въ главѣ IV, мы уже видѣли, какъ возникла и развилась потребность въ юристахъ.

Новое централизованное государство, смѣнившее прежній непрочный союзъ феодальнаго общественнаго строя, не могло уже довольствоваться старой системой управленія посредствомъ дворянства и духовенства. Они только мѣшали ему, и на ихъ мѣстѣ оно поставило централизованную *бюрократію*—категорію людей, для которыхъ дѣла управленія являлись не побочнымъ, а исключительнымъ профессіональнымъ занятіемъ.

Для подготовки всѣхъ перечисленныхъ элементовъ необходимы были школы и многочисленный штатъ *учителей*.

Такимъ образомъ возникъ обширный классъ людей, рекрутировавшихся главнымъ образомъ изъ буржазуіи, въ ней имѣвшихъ свои корни и добывавшихъ себѣ средства къ жизни посредствомъ примѣненія своихъ интеллектуальныхъ способностей, классъ, который можно назвать поэтому «интеллигенціей», изъ чего, конечно, еще не слѣдуетъ, что всѣ члены ея интеллигенты, какъ не слѣдуетъ и того, что интеллигентность можетъ быть встрѣчена только въ ея рядахъ. Изъ среды этой интеллигенціи выдвинулись мыслители, которые не задавались цѣлью служить своими знаніями непосредственно практическимъ интересамъ; они изучали явленія природы и общественной жизни и стремились установить законы ихъ, не заботясь о томъ, можно ли будетъ извлечь какую нибудь практическую пользу изъ ихъ изслѣдованій, такъ какъ наука сама по себѣ являлась для нихъ цѣлью, а не средствомъ. Но какъ ни абстрактны были теоріи этихъ философовъ, ихъ собственныя потребности были вполнѣ конкретны. Они хотѣли жить, нерѣдко даже хорошо жить.

У древнихъ грековъ, собственно у аѳинянъ, занятіе философіей, изслѣдованіе истины было самымъ почетнымъ занятіемъ, привилегіей свободныхъ, имущихъ гражданъ. Досугъ, обязанный своимъ существованіемъ труду рабовъ и другимъ способамъ эксплоатаціи, служилъ наукамъ и искусству.

Подобное же явленіе мы находимъ и у древнихъ римлянъ, только послѣдніе были созданы изъ болѣе грубаго матеріала. Слишкомъ быстро превратились они изъ грубыхъ крестьянъ во владыкъ міра, чтобы жажда наживы и эксплоатаціи, стремленіе къ безумной роскоши и нелѣпому чванству не оказались у большей части свободнаго и имущаго класса болѣе сильнымъ, чѣмъ жажда знанія, стремленіе къ наслажденію чистой красотой.

Но что сталось съ наукой и искусствомъ, когда они снова возродились въ концѣ среднихъ вѣковъ! Съ одной стороны кромѣ придворной аристократіи, о которой мы будемъ говорить нѣсколько ниже, мы находимъ деревенское огрубѣлое феодальное дворянство и духовенство, искавшія удовольствія только въ самыхъ грубыхъ и низменныхъ наслажденіяхъ, съ другой стороны сословіе торгашей, за немногими исключеніями все болѣе терявшее въ своихъ корыстныхъ спекуляціяхъ всякую способность къ абстрактному мышленію по мѣрѣ того, какъ ожесточалась борьба за существованіе. Отъ низшихъ же классовъ, придавленныхъ тяжелымъ трудомъ, можно было, конечно, менѣе всего ожидать стремленія къ научному мышленію; имъ не доставало для этого ни знанія, ни поводовъ, ни времени.

Ни одинъ изъ господствующихъ, имущихъ, наслаждающихся жизнью классовъ не былъ способенъ къ научной и художественной дѣятельности; мышленіе и творчество были предоставлены «интеллигенціи», людямъ вынужденнымъ выносить на рынокъ свои духовныя силы, точно такъ-же какъ наемный рабочій выноситъ туда силу своихъ мускуловъ. Но покупателей, способныхъ оплатить ихъ услуги, философы и художники находили почти исключительно въ рядахъ придворной аристократіи. Послѣдняя вышла уже изъ того состоянія грубости, въ которомъ коснѣло еще сельское дворянство, и научилась уже понимать и цѣнить болѣе тонкія наслажденія. Она имѣла также болѣе досуга и вела болѣе беззаботную жизнь, чѣмъ торговое сословіе. Тѣмъ не менѣе ни одинъ дворъ не превратился въ академію, въ философскую школу; придворные превратились не въ мыслителей или ученыхъ, а только въ покровителей и защитниковъ художниковъ и философовъ; это было гораздо удобнѣе. Вмѣстѣ съ грубостью захолустнаго дворянства, придворные утратили и его энергію. Ихъ пугала всякая усидчивая систематическая работа, они стремились къ однимъ только наслажденіямъ; науки и искусство должны были служить имъ для этой цѣли. Наряду съ шу-

тами и карликами при дворахъ держали также философовъ и художниковъ. Понятно, что занятія философіей не должны были требовать чрезмѣрнаго умственнаго напряженія; она должна была подноситься въ легкой, пріятной, остроумной и занимательной формѣ.

Еще въ первыя десятилѣтія XVIII вѣка ни одна общественная теорія, не удовлетворяющая этимъ условіямъ или враждебная двору, не могла разсчитывать во Франціи на чье-бы то ни было вниманіе. Какъ-бы ни были возвышены ея идеи, но до тѣхъ поръ, пока условія общественнаго развитія не создали благопріятной почвы для ихъ воспріятія, онѣ такъ же мало могли разсчитывать на успѣхъ, какъ мало шансовъ имѣетъ взойти даже лучшее сѣмя, упавшее на каменистую почву.

При такихъ условіяхъ оппозиціонное настроеніе третьяго сословія имѣло очень мало случаевъ найти себѣ соотвѣтствующее теоретическое выраженіе. Ранѣе всего это оказалось возможнымъ по отношенію къ религіи. Придворная аристократія относилась къ зависимой отъ Рима церкви не менѣе враждебно, чѣмъ буржуазія. Чрезвычайно характеренъ при этомъ тотъ фактъ, что самыя ожесточенныя нападки философовъ въ первую половину XVIII вѣка направлялись не на наиболѣе устарѣлыя, насквозь проникнутыя порчей феодальныя формы церкви, а на тѣ ея формы, которыя были наиболѣе приспособлены къ современнымъ условіямъ и отношеніямъ. Властью абстрактныхъ идей никакъ нельзя объяснить этого явленія, но оно вполнѣ объясняется опредѣленными классовыми интересами. Старая феодальная, покоющаяся на владѣніи землей организація церкви давно уже стала во Франціи «національной». Не папа, а король назначалъ ея сановниковъ, раздавалъ приходы и при томъ, какъ мы уже видѣли выше, почти исключительно однимъ только членамъ дворянскаго сословія. Какъ ни глумилось послѣднее надъ религіей, но такими порядками оно было вполнѣ довольно; нападокъ, которыя были бы непріятны церкви, оно не терпѣло.

Но существовала одна церковная организація, находившаяся въ рукахъ не короля, а папы. Папа, иностранецъ, распоряжался ея огромными доходами, которыми пользовались не только французы, но и итальянцы, испанцы, нѣмцы и др., такъ какъ организація была интернаціональной. И эти доходы попадали не въ руки привилегированныхъ, такъ какъ организація не признавала различія между своими членами по ихъ происхожденію, но возвышала ихъ по іерархической лѣстницѣ въ зависимости отъ способностей и заслугъ. Не менѣе дворянъ ненавидѣла эту организацію и буржуазія, видѣвшая въ ней могущественнаго конкуррента. Она сумѣла воспользоваться всѣми современными способами наживы для обогащенія церкви, и тѣмъ легче было ей бороться со всякой конкурренціей и накоплять колоссальныя богатства, что по всему свѣту до Китая и Японіи, до Мексики и Перу были разсѣяны ея миссіонеры, агенты и шпіоны, непрерывно расширявшіе сферу ея дѣятельности, гдѣ только ихъ не останавливала протестантская конкурренція. Не довольствуясь одной Европой, они сумѣли возвести въ систему эксплоатацію колоній, и это были первые европейцы, которые стали извлекать барыши изъ колоній не путемъ грабежа только, торговли или хозяйства въ плантаціяхъ, но также посредствомъ примѣненія туземцевъ для работы въ *промышленныхъ* предпріятіяхъ, на сахарныхъ заводахъ и т. д. И эти ловкіе и пронырливые люди, такъ хорошо умѣвшіе обдѣлывать свои дѣла, и такъ цѣпко державшіеся другъ за друга, эти дѣльцы, неимѣющіе отечества, на конкурренцію которыхъ католическій буржуа наталкивался или боялся натолкнуться повсюду, гдѣ только представлялась возможность зашибить деньгу, и которыхъ онъ тѣмъ сильнѣе ненавидѣлъ, что питалъ къ нимъ особый суевѣрный страхъ, эти люди были не евреями, какъ можъ бы предположить на основаніи приведеннаго описанія какой нибудь современный «аріецъ» или «христіанинъ», о нѣтъ, это были іезуиты. На нихъ, на этихъ общихъ врагов буржуазіи и придворныхъ аристократовъ, направля-

лись самыя рѣзкія нападки философіи просвѣщенія и даже самыя сильныя преслѣдованія дворовъ, дѣйствовавшихъ противъ нихъ полицейскими мѣрами.

Но преслѣдованіе іезуитовъ такъ же мало устраняло экономическія неурядицы прошлаго вѣка, какъ теперь травля евреевъ. Экономическое положеніе націи, какъ мы уже видѣли, становилось все болѣе и болѣе тяжелымъ, и все яснѣе выступала на свѣтъ та истина, что дворъ является главной опорой всѣхъ злоупотребленій, что онъ представляетъ главное препятствіе на пути правильнаго экономическаго развитія, что онъ самъ—первый и крупнѣйшій эксплоататоръ страны.

Въ то же время большинство мыслителей и ученыхъ сдѣлались независимыми отъ двора. Интеллигенція возрасла численно, въ средѣ буржуазіи пробудился интересъ къ государственнымъ дѣламъ. Книги по политическимъ и экомическимъ вопросамъ стали ходкимъ товаромъ, а на ряду съ книжнымъ рынкомъ возникла и журналистика. Буржуазный философъ и литераторъ не долженъ былъ уже снискивать себѣ расположеніе двора для того, чтобы получать отъ него пенсіоны и подарки; онъ добывалъ себѣ теперь средства къ жизни, порой правда скудныя, выступая въ качествѣ представителя интересовъ буржуазіи. Съ этихъ поръ, т. е. со второй половины XVIII вѣка, стало возможнымъ появленіе и распространеніе такихъ теорій и ученій, которыя не только не считались со вкусами и желаніями двора, но были прямо враждебны ему.

Даже теоріи, враждебные капиталистамъ, стали встрѣчать сочувствіе. Слишкомъ уже многочисленны были категоріи капиталистовъ, которые явно наживались на придворномъ мотовствѣ и роскоши, принимали дѣятельное участіе въ эксплоатаціи государства, и которые поэтому крайне отрицательно относились ко всѣмъ стремленіямъ и попыткамъ устранить существующія злоупотребленія. Съ каждымъ днемъ становилось все яснѣе, что только крестьяне и городская «мелкота»,—«народъ», какъ тогда выражались,

можетъ быть той силой, которая устранитъ господство двора и положитъ конецъ привилегіямъ, отъ которыхъ этотъ народъ вѣдь больше всѣхъ страдалъ.

Все народолюбивѣе становились буржуазные мыслители, превратившіеся теперь изъ «философовъ» въ экономистовъ и политиковъ, все враждебнѣе начинали они выражаться не только о духовенствѣ и дворянствѣ, но и о «богатыхъ» вообще.

Однако начатки соціалистической критики, появившіеся во второй половинѣ XVIII вѣка, встрѣчали очень мало пониманія и сочувствія въ обществѣ. Теоріи, получавшія распространеніе, въ особенности теорія Ж. Ж. Руссо, вовсе не были коммунистичны, хотя онѣ и могутъ таковыми на поверхностный взглядъ. Интересы времени требовали устраненія феодальныхъ ограниченій, стоявшихъ на пути развитія товарнаго производства, а буржуазная интеллигенція слишкомъ хорошо разбиралась въ фактическихъ отношеніяхъ, чтобы не понять этого и предаваться соціализму, тогда еще совершенно безпочвенному. Къ тому же при всей своей симпатіи къ эксплоатируемымъ и страждущимъ классамъ, буржуазная интеллигенція не могла возвыситься надъ своей классовой точкой зрѣнія, надъ точкой зрѣнія буржуазіи, къ которой она сама принадлежала по своимъ семейнымъ отношеніямъ и связямъ, по своему общественному положенію, по условіямъ своего существованія. Но въ то же время ея умственный кругозоръ не стѣсняли временныя и узкія выгоды какой либо отдѣльной клики капиталистовъ, мѣшавшія этимъ послѣднимъ понимать существенныя интересы цѣлаго класса и дружно работать на его пользу, тѣ выгоды, которыя дѣлали многихъ изъ капиталистовъ приверженцами феодальнаго порядка и заставляли чуть что не всѣхъ ихъ относиться враждебно ко всякимъ новшествамъ.

Интеллигенція стала выше ограниченной, погруженной въ свои гешефты буржуазіи; ея занятія развили въ ней способность къ обобщеніямъ и логическому мышленію, они

дали ей знаніе общественныхъ и политическихъ отношеній прошлаго и настоящаго, и именно интеллигенція явилась выразительницей существенныхъ и главныхъ классовъ интересовъ буржуазіи, совпадавшихъ тогда съ потребностями экономическаго развитія; именно интеллигенція выступила на ихъ защиту не только противъ двора, аристократіи и духовенства, подчасъ также противъ крестьянъ, мелкой буржуазіи и пролетаріевъ, но даже противъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ группъ капиталистовъ, когда случайные, преходящіе интересы этихъ послѣднихъ оказывались въ противорѣчіи съ коренными интересами всего класса. Руководясь не своими личными, временными интересами, дѣйствуя на основаніи глубокаго пониманія общественыхъ отношеній, добытаго путемъ многолѣтней работы мысли, представители буржуазной интеллигенціи выступали въ качествѣ защитниковъ не матеріальныхъ интересовъ, а отвлеченныхъ принциповъ, чистыхъ идей; они являлись «доктринерами» передъ лицомъ капиталистическихъ «практиковъ», которые гордясь своимъ невѣжествомъ, стремились заставить государство служить своимъ временнымъ практическимъ, корыстнымъ цѣлямъ.

Буржуазная интеллигенція еще не дошла тогда до того, чтобы приспособлять, какъ она стала это дѣлать впослѣдствіи, свои теоріи къ желаніямъ и вкусамъ разныхъ «практическихъ государственныхъ дѣятелей» вмѣсто того, чтобы требовать отъ нихъ подчиненія этимъ теоріямъ.

И во Франціи революція дала ей въ руки власть и возможность проводить свои теоріи въ жизнь. Послѣ паденія придворной аристократіи и связанной съ нею финансовой знати во Франціи остался только одинъ классъ, который былъ способенъ управлять государственными дѣлами—этимъ классомъ была буржуазная интеллигенція.

Даже въ настоящее время, когда въ большинствѣ конституціонныхъ государствъ широкія народныя массы и въ особенности городскіе рабочіе, благодаря своему участію въ политической жизни страны, познакомились съ потребно-

стями и задачами законодательства и управленія современнаго крупнаго государства и съ парламентарнымъ обсужденіемъ общественныхъ дѣлъ, все еще въ парламентахъ преобладаетъ буржуазная интеллигенція. Насколько же сильнѣе должно было быть это преобладаніе сто лѣтъ тому назадъ во Франціи, гдѣ въ теченіе вѣковъ систематически подавлялась всякая политическая дѣятельность населенія.

Даже мелкая буржуазія Парижа выбирала представителей не изъ своей среды, а изъ среды юристовъ, журналистовъ и т. под.

Такимъ образомъ буржуазная интеллигенція завладѣла государственной властью и воспользовалась послѣдней для проведенія въ жизнь своихъ теорій, т. е. для осуществленія классовыхъ интересовъ буржуазіи. А такъ какъ тенденціи этихъ теорій чрезвычайно близко совпадали съ потребностями историческаго развитія, то онѣ вполнѣ совпали и съ дѣйствительными тенденціями революціи. Къ тому же во время революціи голосъ интеллигенціи раздавался особенно часто и громко, и въ дошедшихъ до насъ рѣчахъ, книгахъ и газетахъ той эпохи наиболѣе полно отразились именно ея мнѣнія. Неудивительно, что идеологи, строющіе свои выводы на основаніи поверхностныхъ наблюденій, пришли къ заключенію, что мыслители и ихъ идеи вызвали революцію и руководили ея теченіемъ.

Несомнѣнно, что буржуазная интеллигенція принадлежитъ къ числу классовъ, которые наложили на французскую революцію наиболѣе сильный отпечатокъ. Поскольку послѣдняя направлялась органами государственнаго управленія и законодательствомъ, она является дѣломъ интеллигенціи. Не слѣдуетъ только думать, что революція произведена исключительно министерскими декретами и парламентскими постановленіями. Какъ разъ въ важнѣйшіе моменты инціатива исходила отъ народныхъ возстаній, отъ возстанія крестьянъ и населенія парижскихъ предмѣстій, и имъ же принадлежало рѣшающее значеніе; самыя важныя рѣшенія различныхъ національныхъ собраній—учредитель-

наго, законодательнаго, конвента узаконяли только то, что было уже сдѣлано народомъ. Въ революціонной борьбѣ всѣ собранія выказали свое полное безсиліе; вмѣсто того, чтобы руководить народомъ, они сами подчинялись его вліянію.

Значеніе и вліяніе интеллигенціи сказалось не въ событіяхъ самой революціи, а въ тѣхъ трудахъ ея, которые пережили революцію. Не она разрушила Бастилію, не она уничтожила бремя феодализма, не она очистила новую Францію отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Но она дала Франціи тѣ основы, на которыхъ и по сю пору покоится ея общественная и государственная организація, она создала гражданское право, которое и сейчасъ еще является наиболѣе соотвѣтствующимъ современнымъ отношеніямъ. Правда, одинъ счастливый генералъ аннектировалъ это право наравнѣ со многими другими вещами и воспользовался имъ въ своихъ цѣляхъ; «Гражданскій кодексъ» превратился въ «кодексъ Наполеона». Тѣмъ не менѣе этотъ кодексъ созданъ революціонной интеллигенціей конвента.

VIII.

Санкюлоты.

Въ составъ третьяго сословія входили также и ремесленники. Цеховая организація давно уже закостенѣла въ своихъ старыхъ формахъ и превратилась въ средство монополизированія ремесленнаго производства въ рукахъ немногихъ; званіе мастера сдѣлалось привилегіей, и по мѣрѣ сужденія круга лицъ, имѣвшихъ на него право, возрастала эксплоатація подмастерьевъ и потребителей. Для подмастерья было почти невозможно возвыситься до званія мастера, если онъ только не былъ сыномъ или зятемъ мастера, или не женился на вдовѣ мастера; для всѣхъ прочихъ принятіе ихъ въ сословіе мастеровъ было, благодаря цѣлому ряду ограничительныхъ условій, не только сильно затруднено, но по общему правилу совершенно невозможно. Зачастую цехъ объявлялся замкнутымъ, и число мастеров,

изъ которыхъ онъ состоялъ, было разъ навсегда твердо установлено.

Но цеховые мастера сильно заблуждались, когда они думали, что въ абсолютномъ полицейскомъ государствѣ имъ удастся собственными силами установить и поддерживать свою монополію. Старое королевство не допускало и мысли, чтобы кучка людей эксплоатировала народъ благодаря какой нибудь привилегіи, не дѣлясь при этомъ со своимъ властелиномъ. Поэтому право раздавать патенты на званіе мастера, разумѣется,—и это было особенно важно,—за хорошую плату, было объявлено прерогативой короны. Послѣдняя присвоила себѣ также право назначать цеховыхъ старшинъ и другихъ должностныхъ лицъ цехового управленія. Если цехи хотѣли сохранить за собой свои привилегіи, они должны были пріобрѣтать ихъ у короны за крупныя денежныя суммы; при томъ пріобрѣтеніе это не являлось вѣчнымъ. Корона охотно вспоминала о своихъ суверенныхъ правахъ по отношенію къ цехамъ и грозила воспользоваться ими всякій разъ, какъ она нуждалась въ деньгахъ.

Цеховые мастера были, понятно, очень заинтересованы въ сохраненіи стараго порядка, покоющагося на привилегіяхъ; вѣдь они, какъ наиболѣе слабые изъ привилегированныхъ, должны были сдѣлаться первыми жертвами всякой реформаторской политики. И дѣйствительно, первый ударъ реформаторской дѣятельности Тюрго палъ на нихъ.

Въ полномъ и рѣзкомъ противорѣчіи съ интересами мастеровъ стояли интересы ихъ подмастерій. Званіе подмастерья уже болѣе не представляло простой переходной ступени къ званію мастера; подмастерья превратились въ отдѣльный классъ со своими особыми интересами. Но ихъ стремленія и чувства не соотвѣтствовали стремленіямъ современнаго наемнаго пролетаріата. Находясь въ самой ожесточенной враждѣ съ *цеховыми* мастерами, они не добивались ничего иного, какъ возможности самимъ стать такими же мастерами, и чувствовали себя вполнѣ солидар-

ными съ *цеховыми мастерами*, многочисленнымъ и быстро возраставшимъ классомъ.

Въ дореволюціонной Франціи, этомъ государствѣ привилегій, нѣкоторыя мѣстности пользовались особой привилегіей — свободы отъ всякихъ цеховыхъ ограниченій. Послѣднія существовали вообще для однихъ только городовъ, на деревни же дѣйствіе ихъ не распространялось. Нѣкоторыя деревни, расположенныя по сосѣдству съ большими, быстро ростущими городами, слились съ теченіемъ времени съ ними и превратились въ ихъ предмѣстья; сумѣвъ однако и въ послѣдующее время сохранить свою свободу отъ цеховыхъ ограниченій. Когда при Людовикѣ XVI бѣдствія и страданія ремесленниковъ, не принадлежащихъ къ цехамъ, и ихъ озлобленіе противъ цеховъ сильно возрасли, правительство пыталось прекратить волненія и успокоить умы тѣмъ, что оно расширило упомянутыя привилегіи предмѣстій и распространило ихъ на нѣкоторыя новыя мѣстности. Въ Парижѣ особенно посчастливилось въ этомъ отношеніи предмѣстьямъ Сентъ-Антуанскому и Тамплъскому *). Всѣ подмастерья, желавшіе пріобрѣсти себѣ самостоятельное положеніе и не имѣвшіе въ то же время никакой надежды попасть когда нибудь въ цеховые мастера, стекались въ эти предмѣстья. На ихъ небольшомъ сравнительно пространствѣ ютилось невѣроятное количество мелкихъ мастеровъ, влачившихъ крайне жалкое существованіе, такъ какъ въ городахъ внѣ предмѣстій они не имѣли права продавать свои издѣлія. Чѣмъ значительнѣе становилось число этихъ ремесленниковъ и чѣмъ сильнѣе дѣлалась ихъ взаимная конкуренція, тѣмъ сильнѣе возрастало ихъ негодованіе противъ тѣхъ ограниченій, которыя налагалъ на нихъ старый порядокъ, тѣмъ большее озлобленіе вызывало въ нихъ сравненіе своего нищенскаго положенія съ самодовольнымъ достаткомъ цеховыхъ мастеровъ сосѣднихъ кварталовъ.

*) См. между прочимъ у Tocqueville: „L'ancien regime et la evolution“ Парижъ 1859, стр. 139.

Въ этихъ же свободныхъ отъ цеховыхъ ограниченій мѣстностяхъ, капиталисты особенно охотно устраивали свои мануфактуры, такъ какъ они здѣсь легче, чѣмъ гдѣ бы то ни было, могли найти необходимыя имъ умѣлыя рабочія руки и полную возможность безпрепятственной ихъ эксплоатаціи. На ряду съ массой мелкихъ мастеровъ и подмастерьевъ мы находимъ, поэтому, въ разсматриваемыхъ предмѣстьяхъ такъ же множество наемныхъ рабочихъ капиталистической индустріи, рекрутировавшихся частью изъ числа ремесленниковъ, частью изъ рядовъ сельскаго населенія. На ряду съ обученными рабочими капиталистическая индустрія начинала примѣнять все въ большемъ количествѣ и необученныхъ рабочихъ, поденщиковъ и т. п.

Рука объ руку съ этими элементами шли другіе, частью рекрутировавшіеся изъ ихъ среды, частью только ими и державшіеся и раздѣлявшіе, поэтому, ихъ интересы; таковы мелкіе лавочники, кабатчики и т. п.

Ниже этого слоя рабочихъ и мелкой буржуазіи, находился другой многочисленный слой голытьбы (Lumpenproletariat), которая, постоянно возрастая въ числѣ, непрерывно устремлялась въ города, въ особенности въ Парижъ, гдѣ скорѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было могла представиться возможность всѣми правдами, а при случаѣ и неправдами, раздобыть себѣ средства къ жизни. Нищіе составляли одну двадцатую всей націи. Въ 1777 г. число ихъ доходило до 1.200.000. Въ Парижѣ ихъ было 120.000, т. е. болѣе одной шестой населенія всего города.

Большая часть этой голытьбы не опустилась еще окончательно и достаточно было блеснуть слабому лучу надежды, чтобы она обнаружила свою способность къ нравственному возрожденію. Полные горячаго воодушевленія р нулись эти слои народа въ революціонную борьбу, обѣ- ш вшую имъ прекращеніе ихъ страданій. Не подлежитъ, к чечно, никакому сомнѣнію, что многія гнусныя и низкія л ности примкнули къ революціи съ единственной цѣлью п овить рыбу въ мутной водѣ, и понятно что, эти люди

готовы были при всякомъ удобномъ случаѣ продать и предать то дѣло, которому они служили исключительно ради своекорыстныхъ цѣлей. Но смѣшно и нелѣпо пытаться выставлять эти жалкія личности, какъ типичныхъ представителей всей мелкобуржуазной и пролетарской массы.

Какъ ни разнообразны были входившіе въ ея составъ элементы, она все же до извѣстной степени представляла изъ себя однородную, истинно революціонную массу. Всѣ представители ея были одинаково проникнуты жгучей ненавистью не только къ привилегированнымъ сословіямъ, цеховымъ мастерамъ, духовенству, аристократіи, но и къ буржуазіи, которая отчасти непосредственно эксплоатировала ихъ въ лицѣ откупщиковъ податей, хлѣбныхъ спекулянтовъ, ростовщиковъ, предпринимателей и т. п., отчасти въ той или иной формѣ вредила имъ своей конкуренціей. Но несмотря на эту ненависть, несмотря на тѣ рѣзкія формы, въ которыхъ она порой проявлялась, описанные революціонные элементы вовсе не были соціалистическими. Пролетаріата, какъ самостоятельнаго сознательнаго класса, передъ революціей еще не существовало. Онъ продолжалъ еще вращаться въ кругу идей мелкой буржуазіи, ея же стремленія и идеалы всегда оставались на почвѣ товарнаго производства.

Попытки отождествить эти элементы дореволюціонной Франціи съ современнымъ наемнымъ пролетаріатомъ крупной индустріи и приписать имъ его тенденціи, приводятъ къ совершенно ложному представленію не только объ этихъ самыхъ элементахъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ «санкюлотовъ» *), но и о всей революціи, на общій ходъ которой они оказали такое огромное вліяніе.

---

*) Совершенно неправильно переводить „санкюлоты“ словомъ „голоштанники“. „Culottes“—это короткія, доходящія только до колѣнъ, панталоны, составлявшія одежду высшихъ сословій; тѣ же слои населенія, изъ которыхъ рекрутировались „санкюлоты“, носили длинныя брюки (pantalons) на современный образецъ и заслужили себѣ потомъ отъ аристократовъ презрительную кличку санкюлотовъ.

Буржуазія, какъ мы уже выше видѣли, отнюдь не представляла изъ себя однородной революціонной массы. Различные слои ея, въ силу своихъ случайныхъ временныхъ интересовъ, были прямо заинтересованы въ сохраненіи старыхъ привилегій; другіе относились къ революціи холодно и недовѣрчиво, третьи, наконецъ, хотя и симпатизировали ей, но не обладали достаточной силой и мужествомъ для активнаго проявленія своихъ симпатій. Революціонная часть буржуазіи была совершенно не въ состояніи одна безъ союзниковъ справиться со своими врагами и прежде всего со дворомъ; вѣдь послѣдній во всякомъ случаѣ могъ смѣло разсчитывать на одну часть арміи, именно на ту, которая состояла изъ французскихъ полковъ, рекрутировавшихся въ реакціонныхъ провинціяхъ, а также на ту, которая состояла изъ швейцарскихъ и нѣмецкихъ наемниковъ; кромѣ того, дворъ находилъ себѣ опору и поддержку за границей, а внутри страны раздувалъ пламя междоусобной борьбы. Для того, чтобы справиться съ этими элементами контръ-революціи, нужны были люди иного склада, чѣмъ представители буржуазіи, люди, которые ничѣмъ не рисковали при общественномъ переворотѣ, которые, не имѣя дѣла съ высокопоставленными заказчиками, могли не считаться съ ихъ интересами и вкусами, люди, которые обладали достаточно мощной рукой, чтобы нанести рѣшительный ударъ; для послѣдней же цѣли необходимы были большія массы. Въ крестьянствѣ, мелкой буржуазіи и пролетаріатѣ революціонная часть буржуазіи нашла ту поддержку, безъ которой дѣло ея было бы, конечно, проиграно. Но крестьянство съ одной стороны, мелкая буржуазія и пролетаріатъ провинціальныхъ городовъ съ другой, были слишкомъ разъединены, слишкомъ мало организованы, слишкомъ удалены отъ Парижа, гдѣ концентрировалась политическая жизнь Франціи, чтобы быть въ состояніи нанести въ критическій моментъ рѣшительный ударъ.

Центрами революціи сдѣлались предмѣстья столицы,

гдѣ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ мѣстомъ пребыванія центральнаго правительства, политика стараго государства сконцентрировала самые сильные и отчаянные элементы всей страны; были люди, которымъ нечего было терять, но которымъ надо было пріобрѣсти все.

Это они защитили Національное Собраніе отъ нападеній двора; они, взявъ штурмомъ Бастилію 14 іюля 1789 г., не только разрушили эту крѣпость, угрожавшую пушками революціонному предмѣстью С.-Антуанъ, но и въ зародышѣ задушили попытку двора устроить контръ-революцію и подали сигналъ къ возстанію крестьянъ по всей странѣ. И они же предупредили вторую попытку двора побѣдить революцію при помощи оставшихся вѣрными ему войскъ тѣмъ, что фактически захватили въ плѣнъ короля и привели его въ Парижъ подъ свой надзоръ (5—6 октября 1789 г.).

Но вскорѣ изъ союзниковъ буржуазіи санкюлоты превратились въ ея повелителей. Ихъ значеніе, сила, зрѣлость, самосознаніе возростали съ каждымъ новымъ ударомъ, направленнымъ противъ революціи и отсрочивавшимъ только ея своевременное наступленіе и окончательное торжество. Чѣмъ большая опасность грозила дѣлу революціи, тѣмъ сильнѣе нуждалась послѣдняя въ поддержкѣ революціонныхъ предмѣстій, тѣмъ исключительнѣе становилось ихъ господство. Своего кульминаціоннаго пункта достигло оно въ тотъ моментъ, когда соединенныя силы европейскихъ властителей проникли во Францію, а въ то же время внутри страны въ различныхъ провинціяхъ подымала свою голову контръ-революція, и даже правительство и военноначальники вступали временами въ преступныя сношенія съ врагомъ. Не законодательное собраніе, не конвентъ спасли тогда революцію,—это сдѣлали санкюлоты. Они захватили въ свои руки клубъ якобинцевъ и овладѣли такимъ образомъ организаціей, которая, управляя изъ Парижа, имѣла по всей странѣ свои развѣтвленія. Они завладѣли общиннымъ самоуправленіемъ Парижа и получили такимъ обра-

зомъ возможность неограниченнаго распоряженія всѣми колоссальными средствами этого города. Дѣйствуя черезъ клубъ якобинцевъ, черезъ парижскую коммуну, а гдѣ эти средства оказывались недостаточными, прибѣгая къ возстаніямъ, санкюлоты подчинили себѣ конвентъ, подчинили правительство, подчинили, наконецъ, всю Францію: въ самый разгаръ войны, находясь въ отчаяннѣйшемъ положеніи, окруженные со всѣхъ сторонъ опасностями, угрожавшими имъ полнымъ уничтоженіемъ, они самымъ безпощаднымъ образомъ пользовались своимъ правомъ сильнаго, и, отвѣчая на излишества—излишествами же, не только задушили всякое сопротивленіе и всякую измѣну, но и утопили въ крови «подозрительныхъ» самую возможность сопротивленія и измѣны.

Но терроризмъ былъ не только военнымъ оружіемъ, имѣвшимъ цѣлью обезсилить и напугать внутренняго врага-предателя, и придать новую силу и увѣренность защитникамъ дѣла революціи въ ихъ борьбѣ съ врагомъ внѣшнимъ.

Война отдала власть въ руки санкюлотовъ. Но послѣдніе хотѣли сражаться за такое государство, за такой общественный строй, который соотвѣтствовалъ бы ихъ стремленіямъ. Феодальная эксплоатація была, правда, устранена, но капиталистическая, возникшая еще при старомъ порядкѣ, продолжала существовать. Даже болѣе того, именно вслѣдствіе уничтоженія феодальныхъ ограниченій капиталистическій способъ производства, и капиталистическая эксплоатація получили полную возможность свободно и быстро развиваться. Устраненіе, или по крайней мѣрѣ, стѣсненіе и ограниченіе различныхъ видовъ этой эксплоатаціи, и въ особенности тѣхъ, которые основывались на торговлѣ, спекуляціяхъ, ростовщичествѣ, казалось санколютамъ столь же важнымъ и необходимымъ, какъ и борьба съ попытками возстановить уничтоженныя уже формы феодальной эксплоатаціи. Но уничтоженіе основъ капиталистической эксплоатаціи было тогда невозможно, такъ какъ не было

еще на лицо необходимыхъ условій для высшей организаціи производства.

Такимъ образомъ положеніе санкюлотовъ было совершенно безнадежное. Обстоятельства дали имъ въ руки власть, но лишили ихъ всякой возможности создать прочныя, выгодныя для нихъ учрежденія. Распоряжаясь всей Франціей, являясь въ ней полными господами положенія, они не могли и не хотѣли покорно и безропотно сносить ту нищету, въ которую повергъ ихъ быстро развивающійся капиталистическій способъ производства, и которая усиливалась еще продолжительной войной; они старались бороться со своимъ безвыходнымъ положеніемъ путемъ насильственнаго вмѣшательства въ общественно-экономическую жизнь страны, путемъ реквизицій, установленія максимальныхъ цѣнъ на предметы первой необходимости, путемъ казней эксплоататоровъ, спекулянтовъ, биржевыхъ дѣльцовъ, ростовщиковъ, вороватыхъ поставщиковъ,—и все это ни на шагъ не подвигало ихъ къ желанной цѣли. Капиталистическій способъ производства уподоблялся гидрѣ, чѣмъ больше головъ отрубали у него, тѣмъ болѣе наростало новыхъ. Въ своихъ усиліяхъ остановить ходъ его развитія санкюлоты заходили все дальше и дальше; они должны были наконецъ объявить непрерывную, постоянную революцію и чѣмъ въ болѣе рѣзкое противорѣчіе съ потребностями данной организаціи производства, съ интересами всѣхъ другихъ классовъ ставила ихъ эта борьба съ капиталистической эксплоатаціей, тѣмъ болѣе приходилось имъ усиливать терроризмъ,—это единственное оставшееся въ ихъ рукахъ оружіе, необходимость примѣненія котораго еще увеличивалась вслѣдствіе господствовавшаго въ странѣ военнаго положенія.

Но когда побѣды французской арміи надъ врагами укрѣпили положеніе республики изнутри и извнѣ, терроръ пересталъ быть необходимымъ для спасенія дѣла революціи. Служа тормазомъ для экономическаго расцвѣта Франціи, онъ становился все болѣе и болѣе ненавистнымъ. Его

ги санкюлотовъ быстро усиливались, тогда какъ ихъ собственные ряды и безъ того уже сильно разрѣженные непрерывной борьбой, продолжали таять вслѣдствіе утомленія и дезертирства отдѣльныхъ борцовъ. И по мѣрѣ того, какъ оружіе Франціи вѣнчалось побѣдными лаврами, значеніе санкюлотовъ все болѣе падало, и на ихъ мѣсто выдвигались арміи и буржуазія съ примкнувшей къ ней голытьбой (Lumpenproletariat). Санкюлоты же непрерывно теряли одну позицію за другой и наконецъ совершенно стушевались и сошли съ исторической сцены.

Пораженіе ихъ, начавшееся паденіемъ Роберспьера 9 термидора (27 іюля 1794 г.), которому предшествовалъ еще инцидентъ съ Геберомъ, и окончательно завершившееся 4 преріаля (24 мая 1795), называютъ часто крушеніемъ революціи. Точно историческое событіе, представляющее фактъ, вызванный опредѣленными общественными отношеніями, можетъ потерпѣть крушеніе. Какое нибудь задуманное отдѣльными личностями предпріятіе, заговоръ, бунтъ могутъ конечно кончиться крушеніемъ, но этого не можетъ случиться съ цѣлымъ историческимъ развитіемъ, которое только тогда превращается въ революцію, когда оно закончено; потерпѣвшая крушеніе революція—не есть революція. Крушеніе революціи такая же безсмыслица, какъ и крушеніе бури. Въ бурю можетъ конечно потерпѣть крушеніе и погибнуть отдѣльное судно, какъ и во время революціи такая же судьба можетъ постигнуть отдѣльную партію; но нельзя же отождествлять послѣднюю со всей революціей и приписывать революціи тѣ цѣли, которыя ставила себѣ эта партія.

Якобинцы и жители парижскихъ предмѣстій потерпѣли крушеніе потому, что ходъ историческаго развитія не создалъ условій, благопріятныхъ для революціи въ интересахъ мелкой буржуазіи и пролетаріата, потому что онъ заранѣе осудилъ на погибель все то, что стояло на пути капиталистической революціи. Но усилія ихъ не были напрасны. Они были той силой, которая спасла буржуазную

революцію и смела прочь во Франціи остатки стараго феодальнаго государства такъ основательно, какъ это не было сдѣлано ни въ какой другой странѣ; они расчистили и подготовили почву, на которой въ эпоху правленія директоріи и Наполеона должны были въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ со сказочной быстротой вырасти новый способъ производства и новое общество. По колоссальной ироніи исторіи, то, чего капиталисты не въ состояніи были сдѣлать сами, противъ собственной воли сдѣлали для нихъ ихъ злѣйшіе враги.

Но хотя революціонная борьба мелкой буржуазіи и пролетаріата Франціи, въ особенности Парижа, окончилась ихъ пораженіемъ, она не прошла для нихъ безслѣдно. Та колоссальная энергія, которую они проявили въ этой борьбѣ, та величественная историческая роль, которую они при этомъ сыграли, развили ихъ самосознаніе, дали имъ ту политическую зрѣлость, которыя не могли исчезнуть безслѣдно, которыя и теперь еще продолжаютъ оказывать свое вліяніе. Якобинскія традиціи окружаютъ и въ настоящее время буржуазный радикализмъ Франціи такимъ свѣтлымъ ореоломъ, что несмотря на свой довольно таки почтенный возрастъ, онъ оказывается гораздо мужественнѣе всѣхъ своихъ континентальныхъ собратій; благодаря этимъ традиціямъ и теперь еще часть пролетаріата, правда все уменьшающаяся, продолжаетъ итти на буксирѣ у буржуазіи. Только напуганное воображеніе нашихъ историковъ заставляетъ ихъ видѣть соціалиста въ каждомъ якобинцѣ. Въ дѣйствительности именно якобинскія традиціи являются во Франціи однимъ изъ сильнѣйшихъ препятствій, мѣшающихъ возникновенію единой сплоченной и сильной соціалъ-демократической партіи.

IX.

Крестьяне.

Еще ступенью ниже, чѣмъ внѣцеховые ремесленники, пролетаріи и прочіе связанные съ ними люди, стояла крестьянская масса. Первые не могли не подвергнуться вліянію

того умственнаго движенія, которое шло въ городахъ, гдѣ они жили сконцентрированными въ большія массы на небольшомъ пространствѣ, вблизи отъ мѣстопребыванія правительства; ихъ сплоченность и интелигентность все-таки придавала имъ нѣкоторую силу сопротивленія, а близость правительства давала возможность непосредственно воздѣйствовать на него. Понятно, что какъ ни силенъ былъ гнетъ, тяготѣвшій надъ этими городскими элементами, положеніе крестьянъ было еще ужаснѣе; по отношенію къ нимъ можно было безнаказанно допускать еще гораздо худшія притѣсненія. Живя въ полной изолированности и разобщенности, лишенные всякаго духовнаго воздѣйствія со стороны умственныхъ центровъ страны, они не имѣли никакой возможности оказать сколько нибудь серьезное сопротивленіе своимъ притѣснителямъ, или заставить кого нибудь выслушать ихъ жалобы.

Тогда какъ дворянство и духовенство, государственная и городская бюрократія, однимъ словомъ, почти всѣ имущіе слои населенія были вполнѣ или въ значительной степени освобождены отъ прямыхъ налоговъ, послѣдніе всей своей тяжестью тѣмъ сильнѣе ложились на крестьянъ. Зачастую эти налоги доходили до 70% чистаго дохода крестьянина, въ среднемъ же они поглощали 50% этого дохода.

Военную службу должны были нести преимущественно крестьяне, изъ которыхъ ежегодно набиралось въ ополченіе 60.000 человѣкъ. Дворянство, напротивъ, было свободно отъ воинской повинности. И несмотря на это, оно имѣло безстыдство оправдывать свою свободу отъ податнаго обложенія «налогомъ крови», который оно одно будто бы платило отечеству. Въ дѣйствительности же этотъ налогъ крови, поскольку оно вообще еще платило его давно уже обратился изъ полной опасности и дорогостоящей обязанности, въ чрезвычайно прибыльную привилегію, дававшую возможность эксплоатировать отечество. На указаніе несправедливости такого порядка, при кото-

ромъ рекруты набираются только изъ крестьянъ, одинъ защитникъ этого порядка возражалъ, что вѣдь никто кромѣ крестьянина не въ состояніи жить въ такихъ ужасныхъ условіяхъ, въ какихъ находятся солдаты, и терпѣть то грубое обращеніе, которому они подвергаются.

Натуральную дорожную повинность (corvèe) по проведенію и поддержанію въ порядкѣ военныхъ дорогъ несли одни только крестьяне, и на нихъ же лежала квартирная и подводная повинность при передвиженіи и размѣщеніи войскъ.

Бремя содержанія современнаго государства все сильнѣе давило крестьянина; въ то же время не уменьшались и тяготы феодализма, тяготы, ставшія уже кандалами, мѣшавшими всякому улучшенію производства, и даже прямо ведшими къ его совершенному упадку.

Крестьянинъ не смѣлъ культивировать того, что онъ считалъ нужнымъ; десятина взималась только съ растеній, издавна воздѣлывавшихся, а не съ такихъ, какъ картофель или люцерна, которыя только что вошли въ употребленіе. Поэтому культура ихъ подвергалась неоднократнымъ запрещеніямъ. Этимъ было значительно затруднено введеніе улучшенныхъ способовъ земледѣлія, въ родѣ перехода отъ трехпольной системы хозяйства къ хозяйству плодоперемѣнному. Правда, еще сильнѣе мѣшали агрономическому прогрессу остатки стараго общиннаго строя, вызывавшаго необходимость сохранять старинное распредѣленіе полей.

Каждую минуту, въ самый разгаръ полевыхъ работъ, крестьянинъ могъ быть оторванъ отъ нихъ и потребованъ на барщину. И если съ теченіемъ времени большинство помѣщичьихъ барщинъ было замѣнено денежнымъ оброкомъ, то дорожная и подводная повинности при перевозкѣ войскъ становились все болѣе тяжелыми.

Когда на поляхъ появлялись всходы, крестьянинъ не имѣлъ никакихъ средствъ охранить ихъ отъ дичи, кроликовъ и голубей своихъ «милостивыхъ» господъ. Охота составляла привилегію дворянства, ему же принадле-жало

исключительное право разводить кроликовъ и содежать голубятни, и оно самымъ широкимъ образомъ пользовалось своимъ правомъ: вѣдь кормить этихъ животныхъ приходилось не ему, а крестьянамъ, предоставлявшимъ свои поля на съѣденіе господской дичи, правда совсѣмъ не по своей волѣ. Мѣстами крестьяне обязаны были даже разводить только такіе хлѣба и овощи, которые охотно ѣстъ дичь. Сторожа этой дичи имѣли право стрѣлять во всякаго, кто только позволитъ себѣ убить хотя бы одного только кролика или зайца. Тэнъ находитъ страннымъ, что по мѣрѣ того какъ «смягчались нравы» и «распространялось просвѣщеніе», возрастало варварство охоты. Но охота была для дворянства настолько же забавой, насколько и средствомъ эксплоатировать крестьянъ; по мѣрѣ того, какъ дворянство становилось все болѣе излишимъ въ государствѣ, возрастала его жажда наслажденій и наживы. «Смягченіе нравовъ» проявлялось только въ отношеніяхъ господъ другъ къ другу и къ богатой буржуазіи. Дичь разводилась все въ большемъ количествѣ, въ томъ числѣ даже и самая вредная: въ Клермонтуа въ имѣніяхъ принца Конде съ величайшею заботливостью разводились и выкармливались молодые волки, а затѣмъ зимой выпускались на волю, чтобы служить предметомъ охоты. То, что они пожирали при этомъ крестьянскихъ овецъ, а зачастую и дѣтей, мало заботило благородныхъ господъ, такъ краснорѣчиво и увлекательно трактовавшихъ о гуманности въ своихъ пышныхъ салонахъ.

Король, бывшій крупнѣйшимъ землевладѣльцемъ Франціи, былъ также и первымъ охотникомъ *) ея, а слѣдовательно и самымъ безпощаднымъ опустошителемъ страны. Въ окрестностяхъ Парижа были расположены районы его охоты, и они дѣлали тамъ почти невозможной никакую культуру земли. Въ одиннадцати охотничьихъ округахъ

*) Въ его домэнахъ заключался милліонъ моргеновъ (arpents) лѣсовъ, предназначенныхъ спеціально для охоты, не считая лѣсовъ, эксплоатировавшихся для солеваренъ и другихъ промышленныхъ цѣлей.

(capitaineries), находившихся по сосѣдству со столицей, дичь производила такія опустошенія, какихъ не могли бы сдѣлать «одиннадцать полковъ непріятельской кавалеріи» *).

Кромѣ слесарнаго искусства, у Людовика XVI была, какъ извѣстно, только одна страсть—охота. 14 іюля, день взятія Бастиліи, онъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ печальнымъ возгласомъ: «не было охоты!»

Особымъ регламентомъ 1762 года крестьянамъ въ предѣлахъ королевскихъ охотничьихъ округовъ воспрещалось огораживать свои земли, чтобы не помѣшать дичи пастись на ихъ поляхъ и садахъ, и этимъ же регламентомъ воспрещалось въ промежутокъ времени отъ 1 мая по 24 іюня ходить по полямъ всѣмъ, не исключая и ихъ владѣльцевъ, чтобы не потревожить куропатокъ во время высиживанія яицъ. Пусть уже лучше сорныя травы заглушатъ посѣвы!

Еще въ 1789 г., когда уже началось возстаніе противъ феодальной системы, въ одномъ только кантонѣ королевскаго округа Фонтенебло были вновь насажены 108 рощъ для зайцевъ и куропатокъ, несмотря на всѣ протесты заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ крестьянъ.

А Людовикъ XVI былъ еще, какъ утверждаютъ, кроткій и добрый государь. Какъ же должны были хозяйничать дѣйствительно безсердечные господа—охотники!

Если, несмотря на всѣ описанныя препятствія, крестьянину, наконецъ, удавалось дождаться жатвы, онъ все-таки не могъ еще свезти ее домой. Срѣзанный хлѣбъ долженъ былъ лежать на полѣ до тѣхъ поръ, пока не являлся сборщикъ податей и не подсчитывалъ снопы, чтобы опредѣлить размѣръ натуральной подати. Если же до окончанія этой операціи наступала дурная погода, то сжатый хлѣбъ гнилъ на поляхъ.

Но и свезенной, наконецъ, домой долей своего урожая крестьянинъ не могъ распорядиться по своему желанію.

*) Taine. Les origines de la France contemporaine; l'ancien regime, стр. 74.

Онъ обязанъ былъ выжимать свой виноградъ на помѣщичьемъ давилѣ, молоть свое зерно на помѣщичьей мельницѣ, печь свой хлѣбъ въ помѣщичьей печи. Нарушеніе этихъ правилъ строго преслѣдовалось. Какой-нибудь ручной мельницей крестьянинъ могъ владѣть, только дорого заплативши своему господину за это право. Виноградное давило, мельница и хлѣбная печь феодальнаго господина находились обыкновенно въ рукахъ арендатора и, какъ ни трудно себѣ это представить, были въ самомъ жалкомъ состояніи; они работали медленно и скверно. Заказчики вѣдь были обезпечены закономъ.

Если же послѣ всѣхъ этихъ мытарствъ и злоключеній, при которыхъ крестьянинъ не только подвергался сильнѣйшей эксплоатаціи, но и самая производительность его труда сводилась до минимума, у него все-таки оставался нѣкоторый излишекъ, который онъ могъ везти на рынокъ, то и тутъ онъ наталкивался на цѣлый рядъ препятствій и ограниченій. Вино свое онъ могъ продавать только по прошествіи 4—6 недѣль послѣ сбора винограда, до истеченія которыхъ право продажи вина принадлежало исключительно помѣщику. Сельскія дороги были отвратительны, дорожныя и рыночныя пошлины чрезвычайно высоки. И крестьянинъ долженъ былъ быть еще доволенъ, если сумма, вырученная за проданные продукты, была достаточно высока, чтобы покрыть расходы по перевозкѣ ихъ.

Но какъ рѣдко случалось ему имѣть эти излишки! Мы только слегка указали на всевозможные «законные способы» эксплоатаціи и угнетенія, а подробное перечисленіе ихъ составило бы безконечно длинный списокъ (Wachsmuth въ своей «Geschichte Frankreichs im Revolutionszeitalter) перечисляетъ не менѣе 150 названій различныхъ феодальныхъ правъ, которыя были отмѣнены безъ вознагражденія ихъ обладателей въ ночь 4 августа 1789 г.); но этого мало; помимо всего крестьянинъ былъ вполнѣ безправенъ по отношенію къ правительственнымъ чиновникамъ и помѣщикамъ, выжимавшимъ изъ него не столько, сколько онъ

долженъ былъ имъ дать, а столько, сколько они *могли* у него взять. Только видъ самой ужасной нищеты спасалъ крестьянина отъ окончательнаго разграбленія. Въ жалкомъ и совершенно безнадежномъ состояніи находилось его жилище, также жалокъ былъ его скотъ, его орудія и поля. Если же ему удавалось сэкономить какіе-нибудь излишки, то сбереженія обращались въ наличныя деньги, который легче чѣмъ что бы то ни было иное скрыть отъ алчныхъ и всевидящихъ взоровъ «слугъ закона». Иногда еще деньги употреблялись на покупку клочка земли, но крестьянинъ никогда не затрачивалъ ихъ на улучшеніе самого хозяйства. Всякое повышеніе доходности земли тотчасъ же повлекло бы за собою и повышеніе ея обложенія, которое все равно поглотило бы весь излишекъ.

Но у большинства крестьянъ жалкое состояніе ихъ хозяйства, которое велось самымъ примитивнымъ способомъ, являлось неизбѣжнымъ результатомъ необходимости; только очень немногимъ удавалось сколотить и припрятать небольшую сумму денегъ. Почва, не получая удобренія, замѣтно теряла свое плодородіе, и неурожаи становились все болѣе частыми. Запасовъ, конечно, не было и слѣда, и когда наступалъ неурожай, то его неизбѣжнымъ спутникомъ являлся страшный голодъ. Многіе крестьяне при этомъ окончательно выбивались изъ колеи и теряли послѣднюю возможность самостоятельно вести свое хозяйство. Они покидали свои родныя поля, и деревни замѣтно пустѣли. Уже въ 1750 г., по разсчетамъ Кенэ, четверть всей пахатной земли Франціи оставалась необработанной; непосредственно передъ революціей, по словамъ Артура Юнга, *треть* всей годной къ обработкѣ земли (свыше 9 милл. гектаровъ) была заброшена. По сообщенію Реннскаго сельскохозяйственнаго общества *двѣ трети* Бретани оставались невспаханными.

По мѣрѣ того, какъ таяло число крестьянъ, общая сумма взимаемыхъ съ нихъ податей и повинностей возрастала, падая къ тому же на все меньшее и меньшее число

людей. Не удивительно, что, наконецъ, въ нѣкоторыхъ сельскихъ округахъ все населеніе грозило разбѣжаться. Но куда? Эмиграція за границу была тогда для крестьянъ почти невозможной; они устремлялись въ города въ качествѣ поденщиковъ, но и тамъ наталкивались на феодальныя ограниченія въ видѣ цеховой монополіи, ограниченія, которыя становились тѣмъ болѣе тягостными, чѣмъ сильнѣе росла пролетаризація сельскаго населенія; они стали переполнять свободныя отъ цеховыхъ ограниченій предмѣстія Парижа и болѣе всего способствовали тамъ образованію той толпы, которая быстро зрѣла для санкюлотства.

Другіе поступали въ армію, но, конечно, не изъ преданности къ привилегированнымъ сословіямъ, интересы которыхъ армія должна была защищать, тѣмъ сословіямъ, которыя довели ихъ до настоящей нужды и лишили даже всякой надежды выйти когда-нибудь изъ этого положенія. И понадобился самый ничтожный толчокъ, чтобы заставить ихъ подняться противъ своихъ притѣснителей.

Но большинство «освободившихся» крестьянъ спускалось до положенія голытьбы (Lumpenproletariat), ряды которой быстро росли, несмотря на суровыя наказанія, которыми преслѣдовалось нищенство и бродяжничество. Власть имущіе воображали, что неимѣніе постояннаго мѣстожительства и опредѣленныхъ занятій можетъ быть излѣчено преслѣдованіемъ тѣхъ, кто страдаетъ отъ этихъ соціальныхъ бѣдствій. Насколько дѣйствительны были подобныя мѣропріятія, можно судить по тому, что хотя ордоннансъ 1764 года опредѣлялъ за нищенство и даже за простое неимѣніе опредѣленныхъ занятій трехлѣтнія работы на галерахъ, но въ 1777 году насчитывалось уже во Франціи 1.200.000 нищихъ *). Мы не знаемъ, какимъ путемъ получена эта цифра, но если даже она опредѣлена просто на

*) L. Blanc. l. c. I, стр. 149.

глазъ, то все же она говоритъ о страшныхъ размѣрахъ нищенства въ то время *).

*) Ср. выше гл. VIII стр. 60—70. О голытьбѣ (Lumpenproletariat) во Франціи передъ революціей мы находимъ въ цитированномъ уже трудѣ Карѣева «Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи»... на стр. 211—214 слѣдующіе факты, которые я заимствую изъ любезно представленныхъ мнѣ однимъ моимъ другомъ отрывковъ въ нѣмецкомъ переводѣ: „Замѣчательно, что число нищихъ было самое большое въ тѣхъ провинціяхъ, которыя считались наиболѣе плодородными: происходило это по той причинѣ, что въ такихъ странахъ было очень мало пахарей-собственниковъ.

„Но пусть говорятъ цифры. Въ Аржантрэ, въ Бретани, изъ 2300 жителей безъ промышленности и торговли болѣе половины только кое-какъ перебиваются и болѣе 500 человѣкъ доведены до нищенства. Въ Денвилѣ, въ Артуа, на 130 домовъ—бѣдныхъ 60. Въ Нормандіи изъ 1500 жителей С. Патриса 400 на милостынѣ, изъ 500 жителей С. Лорана на милостынѣ три четверти (Taine I. 506—507). Изъ cahiers бальяжа Дуэ мы узнаемъ, что въ одной, напр., деревнѣ изъ 332 дворовъ половина живетъ милостыней (приходъ Bouvignies); въ другой на 143 двора приходится бѣдныхъ 65 (приходъ Aix), въ третьей на 413 очень бѣдныхъ около 100 (прих. Landas) и т. д Въ сенешальствѣ Puy en Velay по словамъ cahier мѣстнаго духовенства, изъ 120000 жителей около половины (58897) не въ состояніи платить какіе бы то ни было налоги (Archives parlementaires de 1787 à 1860, т. V, стр. 467). Въ деревняхъ округа Carhaix такія отношенія: Frerogan: 10 достаточныхъ семей, 10 бѣдныхъ, 10 нищенствующихъ. Motref: 47 зажиточныхъ семей, 74 менѣе достаточныхъ, 64 нищихъ и поденщиковъ. Paule: 200 хозяйствъ, изъ коихъ большая часть заслуживаетъ самымъ справедливымъ образомъ имя притоновъ нищенства. (Archives Nationales, IV, 17). Cahier прихода Marboeuf жалуется, что въ этомъ приходѣ изъ 500 жителей около ста нищенствующихъ (Boisvin-Champeau. Notice historique sur la Révolution dans le departement de l'Eure, 1872, стр. 83). Крестьяне деревни Harville говорятъ, что отъ недостатка работы цѣлая треть ихъ въ нищенской бѣдности (Requête des habitants de la Commune de Harville, Archives Nationales).

„Въ городахъ не лучше. Въ Ліонѣ въ 1787 г. нищенствуетъ 30 тыс. рабочихъ. Въ Парижѣ на 650 тыс. жителей приходится 118784 бѣдняковъ (Taine, I, 507). Въ Реннѣ треть жителей жила милостыне , и другая треть постоянно была въ опасности дойти до нищенскаго состоянія (Du Chatellier. L'agriculture en Bretagne, Парижъ, 1863, стр. 178). Жители юрскаго городка Lons-le-Saunier были такъ бѣдны, что когда институанта установила избирательный цензъ, то изъ 6518 жителей то-

Но люди со здоровыми кулаками и смѣлымъ характеромъ презирали смиренную долю нищаго, которымъ всѣ помыкали. Они соединялись въ вооруженныя шайки и силой брали себѣ то, въ чемъ чувствовали нужду. Разбои стали страшной и неизлѣчимой язвой страны.

Даже среди крестьянъ, которыхъ собственность или феодальныя цѣпи привязывали еще къ землѣ, все болѣе начиналъ пробуждаться духъ возмущенія и отчаянія. Правительственные чиновники и представители феодальныхъ господъ наталкивались на каждомъ шагу на сопротивленія и возстанія. Возникая спорадически безъ взаимной другъ съ другомъ связи, эти крестьянскіе волненія и бунты подавлялись обыкновенно безъ всякаго труда. Но достаточно было въ столицѣ, на которую привыкла обращать свои взоры вся страна, произойти событію, показавшему, что наступилъ моментъ рѣшительной борьбы, какъ вся долго сдерживаемая злоба и ярость прорвались наружу, и скрытая гражданская война перешла въ открытую революцію. Этимъ событіемъ было взятіе Бастиліи, наступившее послѣ того, какъ неурожай, невѣроятно суровая зима и наконецъ выборы депутатовъ въ генеральные штаты довели волненіе умовъ въ странѣ до высшей степени напряженія *). Все старое зданіе феодальнаго государства разомъ рухнуло отъ перваго натиска крестьянскихъ массъ; вмѣстѣ съ дво-

---

го городка только 728 попали въ число активныхъ гражданъ (Sommier, Histoire de la Révolution dans le Jura, P. 1846, стр. 33). Немудрено, что во время революціи людей, живущихъ милостыней, считали цѣлыми милліонами. Такъ одна клерикальная брошюра 1791 г. говоритъ, что во Франціи 6 милліоновъ нищихъ (Avis aux pauvres sur la révolution présente et sur les biens du clergé, стр. 15), что, конечно, нѣсколько преувеличено, но цифра, даваемая для 1774 года (1200000 нищихъ) быть можетъ не ниже дѣйствительной (Duval, Cahiers de la Marche, P. 1873, стр. 116)".

*) Градъ и засуха сильно повредили сельскому хозяйству страны въ 1788 г.; въ концѣ декабря 1788 года термометръ въ Парижѣ упалъ до $18^3/_4{}^0$. Въ одномъ только С. Антуанскомъ предмѣстьѣ насчитывали тогда 30000 человѣкъ, нуждавшихся въ помощи.

рянскими замками пала и система феодальной эксплоатаціи. Когда въ знаменитую августовскую ночь въ Національномъ Собраніи привелигированные, охваченные волной всеобщаго одушевленія, отказались отъ своихъ привилегій, они отдавали на самомъ дѣлѣ только то, чего у нихъ уже не было, чтобы этимъ спасти по крайней мѣрѣ то, на спасеніе чего оставалась еще нѣкоторая надежда.

Конечно, это возстаніе крестьянъ не охватило всей страны безъ исключенія.

Говоря выше о положеніи дворянства, мы уже видѣли, что въ дореволюціонной Франціи въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ округахъ феодальныя отношенія и соотвѣтствующее имъ католическое міровоззрѣніе, въ другихъ мѣстахъ ставшія уже тягостными и даже невыносимыми цѣпями для развитія, находили еще себѣ опору въ господствующей организаціи производства и потому оказывались еще спасительными. Въ этихъ мѣстностяхъ каждая община жила еще по старому, сама производя для себя все необходимое. Отечество для крестьянина ограничивалось тѣмъ небольшимъ пространствомъ, которое онъ могъ окинуть взоромъ съ вершины своей сельской колокольни; все, что лежало по ту сторону этого узкаго горизонта, было для него чужбиной, которой онъ не зналъ, въ которой онъ не нуждался, съ которой онъ не хотѣлъ имѣть никакого дѣла, и которая давала ему чувствовать себя только тогда, когда мѣшала его работѣ или грабила его. Поддерживать сношенія съ этой чужбиной, охранять его отъ нападеній съ ея стороны, составляло обязанность его приходскаго священника и его феодальнаго господина. И вдругъ эта враждебная ему чужбина подъ предводительствомъ столь ненавистнаго Парижа вздумала предписывать ему законы и приводить ихъ въ исполненіе несравненно настойчивѣе и энергичнѣе, чѣмъ это дѣлала старая монархія въ такихъ захолустныхъ углахъ. Законы эти гораздо сильнѣе противорѣчили его обычаямъ и его способу производства, чѣмъ законы и распоряженія старой монархіи; они подвергали опалѣ все

то, что онъ привыкъ уважать и цѣнить, они совершенно не считались съ общиннымъ владѣніемъ, съ семейнымъ хозяйствомъ и собственностью, на которыхъ покоилась вся его система производства. Наконецъ эта ненавистная чужбина дошла до того, что она стала отнимать у семей для военной службы ихъ сыновей въ неслыханныхъ дотолѣ размѣрахъ *).

Не требовалось особенно крупныхъ усилій со стороны дворянства и духовенства, чтобы этихъ крестьянъ—собственно въ Вандеѣ и Кальвадосѣ (въ Нормандіи),—которые такъ привыкли повиноваться имъ во всемъ, что касалось сношеній съ внѣшнимъ міромъ, подвинуть на открытое возстаніе противъ парижскаго конвента.

Но главная масса крестьянъ конечно не поддержала возстанія; ихъ интересы были слишкомъ тѣсно связаны съ дѣломъ революціи. Востановленіе старой монархіи означало для нихъ возстановленіе стараго феодальнаго гнета, старой феодальной нужды. Оно угрожало имъ даже отчасти непосредственной потерей ихъ имущества. Національное Собраніе объявило церковныя имѣнія—національной собственностью и конфисковало имѣнія эмигрантовъ. Всѣ эти земли были распроданы, и хотя эта мѣра въ значительной степени послужила къ обогащенію разныхъ спекулянтовъ, она все-таки дала крестьянамъ возможность присоединить къ своимъ мелкимъ полосамъ новые клочки земли, пріобрѣтеніе которыхъ имъ было по возможности облегчено. Церковныя имѣнія, а впослѣдствіи и имѣнія эмигрантовъ были раздѣлены на небольшіе участки; при ихъ продажѣ требовалась немедленная уплата только незначительной части всей суммы, остальные же взносы разсрочивались на продолжительный срокъ. Многіе пользовавшіеся до революціи землею на правахъ наслѣдственныхъ арендаторовъ, переставали теперь платить арен-

*) Въ февралѣ 1793 г. конвентъ издалъ военный законъ, по которому службѣ въ арміи подлежали всѣ неженатые французы въ возрастѣ отъ 18 до 40 лѣтъ; замѣстительство впрочемъ допускалось.

ду и начинали въ большинствѣ случаевъ смотрѣть на эту землю, какъ на свою собственность.

Господа придворные дворянчики доказали свою рыцарскую отвагу и вѣрноподданическія чувства, покинувъ своего короля на произволъ судьбы и пустившись на утекъ, какъ только почувствовали, что почва заколебалась у нихъ подъ ногами. Нѣкоторые, и въ томъ числѣ самъ братъ короля—графъ Артуа, обратились въ бѣгство сейчасъ послѣ взятія Бастиліи. Въ качествѣ бездомныхъ бродягъ они вели интриги, чтобы подъ защитой австрійской и прусской армій вторгнуться во Францію и вновь прибрать ее къ рукамъ. Побѣда ихъ означала возстановленіе феодальной эксплоатаціи, возвращеніе церковныхъ и эмигрантскихъ имѣній въ руки ихъ старыхъ владѣльцевъ. Кто знаетъ, подъ какимъ гнетомъ стоналъ крестьянинъ передъ революціей, кто знаетъ, съ какимъ фанатизмомъ держится онъ за свою землю, тотъ легко пойметъ, что при такихъ обстоятельствахъ на ряду съ городскими революціонными элементами поднимались также цѣлыми массами и крестьяне и устремлялись въ пограничныя арміи, чтобы отразить вторгшагося въ страну общаго врага.

Но ихъ поднимало вовсе не воодушевленіе за дѣло Законодательнаго Собранія, а затѣмъ конвента и парижскихъ якобинцевъ, господствовавшихъ во Франціи въ первые годы войны, начиная съ 1792 г., и управлявшихъ ея арміей. Крестьянинъ никогда не былъ поклонникомъ представительнаго образа правленія, при которомъ онъ, благодаря своей изолированности и своему духовному убожеству, всегда имѣлъ мало вліянія. А наиболѣе ничтожнымъ было это вліяніе во Франціи въ эпоху революціи, когда страна только что просыпалась еще къ политической жизни, и политическое воспитаніе населенія было равно ещ нулю. Крестьяне не могли выбирать депутатовъ изъ свое среды, они посылали въ національное собраніе адвокатов врачей, чиновниковъ, т. е. почти исключительно городскі элементы, которые засѣдали въ Парижѣ, находясь там

подъ вліяніемъ «революціонныхъ массъ» этого города. Какъ только интересы этихъ элементовъ вступали въ конфликтъ съ интересами крестьянъ, послѣдніе приносились, понятно, въ жертву, и это отражалось на законодательствѣ и управленіи. А такіе конфликты были не рѣдки. Чтобы удовлетворить нуждающуюся массу парижской мелкой буржуазіи и пролетаріата, различныя законодательныя собранія должны были взвалить тяжесть ихъ содержанія на плечи буржуазіи или же крестьянства. Понятно, что, гдѣ это было только возможно, они выбирали послѣднее. Но кромѣ того между мелкой буржуазіей и крестьянствомъ возникали и непосредственные конфликты: первые, конечно, требовали дешеваго хлѣба, послѣдніе хотѣли получить возможно больше за свои продукты. Противорѣчіе ихъ интересовъ стало особенно рѣзкимъ съ тѣхъ поръ, какъ якобинцы, превратившись послѣ паденія жирондистовъ въ полновластныхъ властителей страны, чтобы положить конецъ ужасной нищетѣ, декретировали максимальныя цѣны на предметы первой необходимости и ввели сверхъ того реквизиціи жизненныхъ припасовъ не только для арміи, но и для Парижа. Хотя эти мѣры были направлены главнымъ образомъ противъ торговцевъ и спекулянтовъ предметами первой необходимости, но онѣ сильно задѣли также интересы крестьянъ *).

*) Одной изъ главныхъ причинъ высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ и сильной нужды были непрерывныя внѣшнія войны, которыя не только требовали большаго количества припасовъ для содержанія арміи, но и затрудняли ввозъ ихъ изъ-за границы. Быть можетъ, еще болѣе опустошительное дѣйствіе оказывали одновременныя междоусобныя войны внутри самой Франціи. А кромѣ того и сами крестьяне, которыхъ личные сборщики податей и прочіе чиновники не заставляли уже болѣе продавать во что бы то ни стало значительную часть урожая, выказали склонность придерживать свои хлѣбные запасы: мелкіе крестьяне задерживались теперь отъ продажъ, такъ какъ произведеннаго ими хлѣба едва хватало для собственнаго потребленія, крупные крестьяне и спекуляторы дѣлали это для того, чтобы выждать повышенія цѣнъ, которыя дѣйствительно быстро росли вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ.

Изъ всѣхъ революціонныхъ учрежденій наибольшей любовью крестьянъ пользовалась новая, освобожденная отъ всѣхъ сословныхъ ограниченій армія, въ которой каждый солдатъ носилъ маршальскій жезлъ въ своемъ ранцѣ. Армія эта, преимущественно рекрутировавшаяся изъ крестьянскихъ сыновей, открывала послѣднимъ возможность блестящей карьеры. Но и для того, кто оставался простымъ солдатомъ, она кромѣ своей главной цѣли—служитъ могущественнымъ оружіемъ для защиты недавно завоеванной свободы и вновь пріобрѣтенной земли отъ грозившаго вернуться съ помощью Европы феодализма—являлась еще средствомъ обогатиться военной добычей.

Обстоятельство это заслуживаетъ особеннаго вниманія. Революціонныя войны оказали огромное вліяніе на экономическое положеніе Англіи и Франціи. Онѣ доставили Англіи частью временное, частью постоянное обладаніе колоніями не только Франціи, но и Голландіи, которая въ 1795 г. перешла въ руки французовъ, и Испаніи, которая въ 1796 г. принуждена была заключить съ ними союзъ. Онѣ же дали возможность безпощадно грабить флоты и берега этихъ странъ.

Но Франція съ избыткомъ вознаградила себя въ Бельгіи, Голландіи, Италіи, Египтѣ, Швейцаріи, Германіи и др. Не только солдаты грабили сколько было душѣ угодно; то, что они брали, было сущей бездѣлицей въ сравненіи съ тѣми колоссальными суммами, которыя выжимали изъ побѣжденныхъ генералы и комиссары республики, частью въ свою собственную пользу, частью въ пользу государственной казны, которую въ свою очередь грабили алчные поставщики и различные «государственные дѣятели». Послѣ паденія якобинцевъ война сдѣлалась для Франціи «выгоднымъ предпріятіемъ»,—даже наиболѣе выгоднымъ въ ту эпоху. Она была могущественнымъ средствомъ для того, чтобы привлечь во Францію сокровища, скопленныя феодализмомъ въ вышепоименованныхъ странахъ, и лежавшія тамъ въ видѣ мертваго капитала въ церквахъ, монас-

ряхъ, казначействахъ монарховъ, а также и богатства старыхъ купеческихъ республикъ Голландіи, Венеціи, Генуи, и заставить ихъ служить интересамъ капиталистическаго способа производства. Франція, незадолго до того близкая къ банкротству, сразу разбогатѣла, а вмѣстѣ съ нею разбогатѣли и тѣ люди, чье положеніе давало имъ возможность грабить государство. Какъ грибы выростали крупныя состоянія и искали себѣ выгоднаго помѣщенія. Въ то же время побѣдоносныя войны расширяли рынокъ для французской индустріи, а новый способъ веденія войны также сильно способствовалъ ея развитію. Сравнительно небольшія наемныя арміи старой монархіи революціонная Франція замѣнила огромными войсками, пополняемыми массовыми наборами, и такимъ образомъ поставила индустріи новую задачу быстро одѣвать и вооружать большія количества людей. Это послужило могущественнымъ рычагомъ для превращенія капиталистической индустріи, до того занятой преимущественно приготовленіемъ предметовъ роскоши, въ современную индустрію, производящую предметы потребленія массъ.

И факторомъ, который произвелъ всѣ эти преобразованія, который устранилъ дефицитъ въ государственномъ бюджетѣ, обезпечилъ крестьянамъ безпрепятственное пользованіе ихъ землей, обогатилъ и возвысилъ ихъ сыновей, доставилъ финансистамъ, купцамъ и промышленнымъ предпринимателямъ крупные барыши, уничтожилъ безработицу,— этимъ факторомъ была армія. Необходимо имѣть въ виду это значеніе ея для экономическаго развитія Франціи, чтобы понять причины того выдающагося политическаго положенія, которое ей удалось занять.

Предположеніе, что военная слава внезапно вскружила французамъ голову, что маленькое словечко «слава» сразу всѣхъ ихъ свело съ ума, и что на этомъ опьяненіи покоится вся ихъ завоевательная политика и культъ Наполеона, такое предположеніе является черезчуръ ужъ «идеалистичнымъ».

Понятно, что при такомъ положеніи арміи побѣдоносный полководецъ долженъ былъ пріобрѣсти значеніе выдающагося политическаго фактора въ государственной жизни Франціи. Но власть его сдѣлалась колоссальной, когда ему удалось захватить въ свои руки государственное управленіе. Уже революція, завладѣвъ могущественнымъ механизмомъ бюрократіи, унаслѣдованнымъ ею отъ старой абсолютной монархіи, главной опорой которой онъ являлся, расширяла и усиливала его во всѣхъ направленіяхъ, увеличивая его функціи и находящіяся въ его распоряженіи средства и устраняя послѣдніе остатки провинціальныхъ и сословныхъ привилегій, которыя ограничивали еще его всемогущество. Революція же, доведя органы государственнаго управленія до высшей степени централизаціи и дисциплины, и уничтоживъ продажныя и основанныя на привилегіяхъ должности, носители которыхъ при старомъ порядкѣ выказывали временами такую непокорность, создала полное и безусловное подчиненіе этихъ органовъ управленія центральной государственной власти.

Такимъ образомъ средства, которыми располагала государственная власть, возрасли невѣроятно, но не возросло умѣніе буржуазіи подчинить себѣ эту власть посредствомъ парламентаризма.

Большая часть буржуазіи успѣла за время революціи утомиться парламентской борьбой и мечтала о покоѣ, томъ покоѣ, котораго ищетъ хищная птица, чтобы безпрепятственно пожрать свою добычу. Нѣкоторые круги буржуазіи уже съ самаго начала относились къ революціи холодно и недовѣрчиво, иногда даже прямо отрицательно; эпоха же террора еще сильнѣе охладила въ ихъ рядахъ воодушевленіе и стремленіе къ свободѣ. Изъ идеологовъ также многіе утратили свои прежнія иллюзіи; они «поумнѣли», увидѣвъ, что революція принесла съ собою не освобожденіе человѣка, а освобожденіе капитала, и покорно подчинились тому, что парламентскій режимъ, а вмѣстѣ съ нимъ и свобода, за которую они прежде сражались, были узурпиро-

ваны военнымъ генераломъ, обѣщавшимъ зато покорить и узурпировать всю Европу въ пользу французскихъ капиталистовъ, сдѣлать ее ихъ данникомъ.

Къ тому же, когда началось побѣдоносное шествіе французской арміи по Европѣ, не было на лицо уже ни одного класса, на который буржуазія могла бы опереться. Одна же безъ союзниковъ она никогда, даже въ моментъ самого сильнаго революціоннаго подъема, не въ силахъ была установить своего политическаго господства.

Парламентскій режимъ достался ей во Франціи благодаря возмущенію привилегированныхъ противъ монархіи. Она никогда не была бы въ состояніи удержать и сохранить его передъ натискомъ двора и его союзниковъ внутри и внѣ Франціи, безъ явившейся ей на помощь сильной поддержки со стороны крестьянства, мелкой буржуазіи и пролетаріата. Но крестьяне, какъ мы уже видѣли, боролись исключительно противъ *феодальнаго* абсолютизма, а не противъ абсолютизма вообще; представительный образъ правленія мало привлекалъ ихъ. Новая, освобожденная отъ всѣхъ сословныхъ перегородокъ и привилегій, составленная главнымъ образомъ изъ крестьянъ же, армія представляла институтъ, вызывавшій особенное ихъ воодушевленіе, и когда побѣдоносный, возвысившійся изъ ничтожества полководецъ сталъ во главѣ этой арміи и безцеремонно расправился съ парламентомъ, чтобы на мѣстѣ его поставить свое неограниченное господство, они не только не возстали противъ него, но напротивъ встрѣтили ликованіемъ этотъ переворотъ, замѣнившій крестьянской имперіей прежнее правленіе адвокатовъ. Тѣ же люди, которые основали республику и спасли ее отъ натиска феодальныхъ силъ,— санкюлоты, были уже окончательно разбиты и повержены. Побѣды французской арміи лишили ихъ силы, и буржуазія выбросила ихъ за бортъ; она не могла не сдѣлать этого, оставаясь на точкѣ зрѣнія интересовъ своего класса, и въ то же время она сломала и уничтожила то единственное оружіе, которое можно было еще противопоставить новому

режиму шпаги.

Но старая монархія была во всякомъ случаѣ безвозвратно уничтожена; имперія не означала еще возвращенія феодальной эксплоатаціи, напротивъ, она, подобно террору якобинцевъ, была порожденіемъ и орудіемъ революціи. Якобинцы спасли дѣло революціи во Франціи; Наполеонъ революціонизировалъ Европу.

X.

Европа и французская революція.

Прежде, чѣмъ закончить наше изложеніе, бросимъ бѣглый взглядъ на взаимное отношеніе феодальныхъ элементовъ,—дворянства и государей, за границами Франціи, отношеніе, оказавшее извѣстное вліяніе на ходъ революціи въ самой Франціи.

Какъ ни удивительны раздоры между королевской властью и дворянствомъ во Франціи передъ революціей, но еще удивительнѣе, что такіе же раздоры могли имѣть мѣсто въ какой нибудь изъ европейскихъ монархій даже послѣ революціоннаго взрыва, и что ничтожнѣйшіе и временные интересы вызывали борьбу между такими элементами, существенные и общіе интересы которыхъ самымъ настоятельнымъ образомъ требовали какъ можно болѣе тѣснаго союза. Важнѣйшіе факты такой борьбы мы и укажемъ здѣсь.

Іосифъ II Габсбургскій съ большей энергіей и непреклонностью провелъ въ подвластныхъ ему земляхъ цѣлый рядъ коренныхъ реформъ въ духѣ «просвѣщеннаго деспотизма». Онъ уничтожилъ сословныя представительныя учрежденія и подчинилъ своей бюрократіи привилегированныхъ наравнѣ съ «простымъ людомъ»; по терминологіи того времени это называлось возстановленіемъ «равенства всѣхъ передъ закономъ», хотя на самомъ дѣлѣ законъ замѣнялся здѣсь простой волей государя. Дворянство лишалось своей свободы отъ податного обложенія и права неограниченнаго распоряженія своими крестьянами, духовенство потеряло мно-е-

ство монастырей, чиновная аристократія, возникшая на почвѣ продажи должностей и особенно сильная въ Бельгіи (тогда еще владѣніи Габсбурговъ), свои взятки и поборы. Въ результатѣ—сильное возмущеніе среди привилегированныхъ, ропотъ и сопротивленіе, перешедшіе наконецъ въ Венгріи и въ Бельгіи въ теченіе 1789 г. въ вооруженное возстаніе, которое прусское правительство въ видахъ ослабленія Австріи старалось раздуть всѣми силами *). «Прусскій посланникъ въ Вѣнѣ, Якоби, стоялъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ вожакамъ оппозиціи и подстрекалъ ихъ ко всякому шагу, который могъ бы повести къ открытому возстанію противъ императора». Такъ пишетъ господинъ Ф. Зибель (Geschichte der Revolutionszeit, I, 103), конечно, уже не изъ враждебности къ прусскому правительству.

Непокорность венгерскаго дворянства вполнѣ понятна; оно было еще достаточно сильно, чтобы самому отстаивать свои интересы, и не нуждалось въ поддержкѣ монархіи. Не правительство, а само дворянство подавило крестьянское возстаніе 1784 и 1785 гг. Но иначе обстояло дѣло въ Бельгіи. Тамъ феодальное дворянство было такъ же безсильно, положеніе его такъ же поколеблено, какъ и въ сосѣдней Франціи и все-таки примѣръ послѣдней не послужилъ ему урокомъ. Непосредственно вслѣдъ за взятіемъ Бастиліи и событіями 4 августа оно безъ раздумья въ союзѣ съ демократическими элементами подняло знамя возстанія и объявило Бельгію независимой республикой; 7 января 1790 г. сословные представители различныхъ бельгійскихъ провинцій провозгласили основаніе «Соединенныхъ Штатовъ Бельгіи», которые сложились, правда, не по американскому, а по старо-феодальному образцу.

Но только что была завоевана «свобода», какъ воз-

*) И это ужъ былъ не первый случай, что прусское правительство пользовалось въ своихъ интересахъ волненіями въ Венгріи. Еще Фридрихъ II желалъ пріобрѣсти „довѣріе“ и „привязанность“ этихъ „добрыхъ людей“. (Adam Wolf, Oesterreich unter Maria Theresia, Joseph II. und Leopold II. Berlin 1883, стр. 299).

никли раздоры между привилегированными и представителями правъ и интересовъ народа, желавшими подражать примѣру Франціи. Пруссія тоже обманула своихъ союзниковъ. Вмѣсто того, чтобы объявить войну Австріи, какъ это казалось одно время возможнымъ, она сблизилась съ Габсбургской монархіей и подготовляла союзъ съ ней на почвѣ рейхенбахскаго договора (27 іюля 1790).

Такъ какъ Іосифъ II въ это время умеръ, а его преемникъ Леопольдъ II выказалъ склонность продолжать начатыя уже Іосифомъ уступки, то Венгрія скоро успокоилась и изолированное, не находившее себѣ нигдѣ поддержки, возстаніе бельгійцевъ было легко подавлено (зимою 1791—92 г.).

Но этотъ революціонный эпизодъ пробудилъ англійскій народъ. Вернуть его снова къ прежней спячкѣ было уже невозможно, въ его нѣдрахъ подготовлялось новое, истинно революціонное движеніе, и когда въ 1792 г. французы вторглись въ Бельгію, то она безъ сопротивленія отдалась имъ. Спокойная Бельгія могла бы послужить прочной точкой опоры для операцій контръ-революціи противъ Франціи и такимъ образомъ могла бы сильно повредить дѣлу революціи. Близорукая же жадность дворянства, духовенства и чиновной аристократіи превратили ее вмѣсто этого въ аванпость революціонной Франціи.

Но еще строптивѣе, чѣмъ въ Венгріи и Бельгіи, было дворянство въ Швеціи, Густавъ III цѣлымъ рядомъ государственныхъ реформъ лишилъ его почти всѣхъ его привилегій, пока наконецъ въ 1789 г. не достигъ фактически неограниченной власти. Эту власть и всѣ тѣ доходы, которые достались ему послѣ обузданія дворянства, онъ употреблялъ однако не на улучшеніе положенія страны, а на свои ребяческія похожденія, обходившіяся ему очень дорого. Театральный герой, бьющій на драматическіе эффекты, страдающій смѣшной маніей величія, онъ хотѣлъ разыграть роль главнаго защитника монархическихъ интересовъ въ Европѣ, показать себя Геркулесомъ, убивающимъ гидру

революціи. Онъ проповѣдовалъ крестовый походъ противъ Франціи, собирался проникнуть со своимъ флотомъ вверхъ по Сенѣ до Парижа и уничтожить этотъ очагъ революціи. Въ 1891 г. онъ ѣздилъ въ Аахенъ, чтобы здѣсь вступить въ заговоръ съ эмигрировавшими французскими аристократами для возстановленія монархіи во Франціи. Между тѣмъ противъ него самого зрѣлъ заговоръ въ средѣ шведскаго дворянства, пришедшаго къ убѣжденію, что только устранивъ короля, оно сможетъ возстановить свои старыя привилегіи; 17 марта 1792 г. пуля заговорщика Анкарстрёма сразила этого передового борца контръ-революціи, почти годомъ раньше, чѣмъ республиканцы Франціи осудили по законамъ военнаго времени Людовика XVI (21 января 1793) за тайныя сношенія во время войны съ врагами отечества. Такимъ образомъ въ эпоху революціи примѣръ цареубійства показало санклюлотамъ дворянство. Но люди ставшіе тогда въ главѣ управленія въ разныхъ государствахъ оказались еще болѣе близорукими, еще болѣе ослѣпленными самой безграничной алчностью, чѣмъ само дворянство. Ихъ совмѣстныя дѣйствія противъ революціи составляютъ очень яркую иллюстрацію къ избитой фразѣ о реакціонныхъ массахъ. При внимательномъ разсмотрѣніи въ этихъ самыхъ массахъ обнаруживаются самыя глубокія противорѣчія, самые сильные раздоры и разъединеніе. Намъ кажется не безынтереснымъ освѣтить нѣсколько эту сторону дѣла.

Начало французской революціи застало Европу наканунѣ всеобщей войны. Русской императрицѣ Екатеринѣ II удалось склонить императора Іосифа II къ совмѣстной войнѣ противъ Турціи съ цѣлью произвести раздѣлъ этого государства. Русскіе начали войну въ 1787 г., австрійцы въ 1788, Пруссія не могла оставаться безучастной зрительницей подобныхъ событій. Еще со временъ Фридриха II ея политика клонилась къ тому, чтобы не допускать односторонняго увеличенія Австріи безъ соотвѣствующаго расширенія собственныхъ предѣловъ. Если Австрія хотѣла завладѣть

турецкими провинціями, она должна была вознаградить за это Пруссію; для этого она должна была возвратить Галицію Польшѣ, послѣдняя же уступила бы Пруссіи нѣкоторыя изъ своихъ областей съ городами Торномъ и Данцигомъ. Само собою разумѣется, что Австрія никогда добровольно не согласилась бы на такую комбинацію; Пруссія готовилась поэтому къ войнѣ и искала себѣ союзниковъ; проще всего было обратиться къ государству, у котораго собирались отнять еще кусокъ его территоріи, т. е. къ Польшѣ.

Господинъ фонъ Зибель, въ сочиненіи котораго о революціонной эпохѣ *) наиболѣе полно, насколько намъ извѣстно, разсмотрѣно вліяніе второго и третьяго раздѣловъ Польши на французскую революцію, (при чемъ это, правда, очень тенденціозное разсмотрѣніе опирается отчасти на малодоступные архивные матеріалы), видитъ въ катастрофѣ, постигшей Польшу, результатъ «глубокаго упадка нравовъ» (т. II, стр. 167) и рисуетъ потрясающую картину испорченности польской аристократіи, безпощадно угнетавшей и эксплоатировавшей народныя массы. Насъ ничуть не удивляетъ, что господинъ фонъ Зибель беретъ на себя роль верховнаго судьи, выносящаго различнымъ историческимъ событіямъ обвинительные или оправдательные приговоры съ точки зрѣнія «вѣчной», годной для всѣхъ временъ и народовъ, морали прусскаго профессора; таковъ ужъ обычай историковъ; но только на «вѣчную справедливость» ихъ верховнаго суда очень неприглядную тѣнь, по нашему мнѣнію, бросаетъ то обстоятельство, что г. Зибель даетъ почувствовать «результаты глубокаго нравственнаго упадка» одной лишь польской аристократіи, не декретируя за одно раздѣла Пруссіи, Австріи и прочихъ государствъ континента; это было бы совершенно «справедливо», ибо дворянство повсюду обнаруживало почти одинаковыя нравственныя качества; исключеніе можетъ быть составляетъ

*) Geschichte der Revolutionszeit. Düsseldorf 1877.

только привычка пользоваться носовыми платками, отсутствіе каковой, по мнѣнію господина фонъ Зибеля, также является однимъ изъ признаковъ «упадка» (т. II, стр. 173). Единственная разница между Польшей и сосѣдними государствами заключалась въ томъ, что въ ней не развились тѣ факторы, которые въ другихъ мѣстахъ составили противовѣсъ дворянству, а именно прочная, централизованная государственная власть и мощная буржуазія; такимъ образомъ, экономическое и политическое развитіе, коснувшееся, конечно, также и Польши, выразилось тамъ только въ разрушеніи и упадкѣ феодализма, на мѣстѣ котораго не выросли органы новаго способа производства и соотвѣтствующія ему государственныя формы. Такимъ положеніемъ вещей Польша обязана была своимъ могущественнымъ сосѣдямъ, всего больше Россіи, которые систематически словомъ и дѣломъ поддерживали въ ней элементы броженія и силой оружія, когда это было имъ нужно, подавляли въ самомъ зародышѣ всякую попытку экономическихъ и политическихъ реформъ. Раньше еще, чѣмъ исчезнуть съ политической карты Европы, Польша уже перестала существовать, какъ самостоятельное государство. Только соперничество и раздоры европейскихъ великихъ державъ отсрочивали часъ ея окончательнаго паденія.

Уже въ 1772 г. Пруссія, Россія и Австрія по взаимному соглашенію раздѣлили между собою крупную часть Польши. Остальной ея части, сохранившей еще пока свою «самостоятельность», тѣ самыя державы, которыя образовали впослѣдствіи Священный Союзъ, навязали въ 1775 г. «республиканскую» форму правленія, исключавшую возможность сколько-нибудь нормальной государственной жизни и возводившую анархію въ принципъ. Съ этихъ поръ фактически Россія неограниченно распоряжалась всѣми внутренними дѣлами Польши. Но когда войска императрицы Екатерины II были заняты военными операціями въ Турціи, польскіе патріоты рѣшили, что наступилъ удобный моментъ свергнуть съ себя владычество Россіи, и начали

реформировать свою конституцію, чтобы хоть отчасти устранить феодальную анархію. Пруссія, имѣя въ виду повредить своей соперницѣ Австріи, подстрекала ихъ къ энергичнымъ дѣйствіямъ, поддерживала ихъ виды на Галицію, ничего не говоря однако о своихъ собственныхъ намѣреніяхъ относительно Торна и Данцига, и наконецъ даже заключила 29 марта 1790 г. формальный договоръ съ Польшей, по которому обѣ стороны обязались оказывать другъ другу помощь въ случаѣ нападенія со стороны внѣшнихъ враговъ.

Въ то же время Пруссія, какъ мы видѣли уже выше, вступила въ сношенія съ мятежниками въ Венгріи и Бельгіи.

Англія была въ союзѣ съ Пруссіей, такъ какъ тогда уже она видѣла въ Россіи державу, увеличеніе которой должно было нанести вредъ ея торговлѣ на побережьѣ Балтійскаго моря и на востокѣ. Единственной силой, которая могла бы еще выступить противъ Пруссіи, была французская монархія, связанная съ австрійскимъ дворомъ родственными узами. Какъ же велика была радость прусскаго двора, когда революція какъ разъ въ этотъ моментъ лишила эту силу способности къ борьбѣ! Онъ такъ мало понималъ смыслъ и значеніе совершающихся событій, такъ былъ ослѣпленъ стремленіемъ къ расширенію своихъ владѣній, что ослабленіе королевской власти во Франціи привѣтствовалось имъ какъ желанное явленіе такъ какъ вмѣстѣ съ нимъ падало и послѣднее препятствіе для осуществленія его завоевательныхъ плановъ *). Прусское правитель-

*) „Нетрудно представить себѣ, съ какой сердечной радостью встрѣтилъ онъ (прусскій министръ Герцбергъ) извѣстія о начинающейся революціонной анархіи въ Франціи. Съ радостнымъ сердцемъ онъ доложилъ королю 5-го іюля: во Франціи королевская власть поколеблена, войска отказались повиноваться. Людовикъ объявилъ народу, что онъ считаетъ королевское засѣданіе несуществовавшимъ; это напоминаетъ почти случай съ Карломъ I. *Вотъ обстоятельства, которыми хорошія правительства должны воспользоваться*“ (Sybel I, стр. 161).

ство не только обрадовалось революціи, оно вступило даже въ союзъ съ нею. Прусскій посланникъ въ Парижѣ, графъ Гольцъ поддерживалъ самыя тѣсныя отношенія съ демократической партіей Національнаго Собранія. Депутатъ крайней лѣвой, Петіонъ, за одну свою демократическую рѣчь получилъ даже поздравленіе отъ прусскаго короля, который отъ души желалъ, чтобы право объявленія войны и заключенія мира было отнято у короля, конечно, только во Франціи, такъ какъ въ такомъ случаѣ онъ могъ быть гарантированъ на будущее время отъ нападенія со стороны Франціи. Чтобы не слишкомъ компрометтировать Гольца, къ нему, для исполненія деликатныхъ порученій, прикомандировали еврея Эфраима (въ сентябрѣ 1790 г.), того самого, который дѣйствовалъ уже въ интересахъ Пруссіи въ Бельгіи во время тамошняго возстанія.

Положеніе дѣлъ въ 1790 г. было чрезвычайно благопріятно для Пруссіи: во Франціи королевская власть была не въ состояніи вести войну изъ-за дипломатическихъ соображеній, въ Бельгіи возстаніе сопровождалось полнымъ успѣхомъ, въ Венгріи броженіе такъ же принимало форму возстанія, Польша и Швеція прикрывали тылъ Пруссіи отъ Россіи, которая вмѣстѣ съ Австріей была цѣликомъ поглощена борьбой съ Турціей, оказавшей совсѣмъ неожиданное сопротивленіе. При такомъ положеніи дѣлъ Австрія повидимому не въ силахъ была бы сопротивляться Пруссіи, вступившей къ тому же въ союзъ съ богатой Англіей, и Фридрихъ Вильгельмъ II употреблялъ всѣ усилія, чтобы вызвать ее на войну.

Но какъ разъ въ это время умеръ въ Австріи энергичный и властный Іосифъ и на престолъ вступилъ (20 февр ія 1790) осторожный Леопольдъ, любившій дѣйствовать о ютрительно и разсчетливо. Своею уступчивостью онъ о зоружилъ всѣхъ своихъ враговъ; успокоилъ венгерцевъ, п елилъ раздоръ среди возставшихъ въ Бельгіи, прекрат ъ войну съ Турціей и заключилъ съ Пруссіей рейхенб ское соглашеніе (27 іюля 1790), которымъ онъ уничто-

жилъ всякій поводъ къ войнѣ, согласившись на всѣ требованія Пруссіи.

Между тѣмъ революція во Франціи приняла такіе обширные размѣры и такъ ясно высказала уже свои враждебныя абсолютной монархіи тенденціи, что она должна была навести на размышленія даже самыхъ ограниченныхъ государственныхъ дѣятелей европейскихъ монархій. Въ самомъ дѣлѣ, опасность, что революціонныя тенденціи, если только онѣ возьмутъ верхъ во Франціи, распространятся также и на сосѣднія страны,—Германію, Бельгію, Пьемонтъ, была слишкомъ очевидна; все яснѣе и яснѣе становилось, что задачей всѣхъ европейскихъ монархій должно быть уничтоженіе этихъ революціонныхъ тенденцій или по крайней мѣрѣ ограниченіе ихъ дальнѣйшаго распространенія. И различныя монархіи открыто стали выражать это свое убѣжденіе. Оно нашло свое выраженіе въ мантуанской прокламаціи Леопольда, въ его изданной въ Падуѣ циркулярной нотѣ и наконецъ въ чрезвычайно грозномъ манифестѣ противъ Франціи, который выпустили Австрія и Пруссія, заключивъ формальный договоръ въ Пильницѣ (27 августа 1791 г.). Императоръ спокойно терпѣлъ военныя приготовленія эмигрантовъ, которые у самой французской границы собрали настоящую армію для вторженія во Францію. Во Франціи никто уже не сомнѣвался въ томъ, что Пруссія и Австрія затѣваютъ войну противъ революціи, но въ дѣйствительности союзники не предпринимали ни одного шага, который подтвердилъ бы эти подозрѣнія. Господинъ фонъ Зибель, подробно разобравъ тогдашнія отношенія между европейскими державами, пришелъ къ выводу, что всѣ монархическія правительства были проникнуты самымъ полнымъ миролюбіемъ, и что война была вызвана Франціей; по нашему мнѣнію это совершенно не вѣрно. Правда, во Франціи, какъ жирондисты, так и дворъ съ его приверженцами настаивали на войнѣ, послѣдніе потому, что они надѣялись, что Пруссія и Австрія вторгнутся во Францію и возстановятъ старую монархію;

жирондисты же потому, что они понимали неизбѣжность войны и предполагали ударить на врага прежде, чѣмъ онъ успѣетъ окончательно приготовиться къ ней. Противная же сторона все откладывала объявленіе войны, но отнюдь не изъ миролюбія, а попросту потому, что ни одна изъ заинтересованныхъ державъ не довѣряла другой. Россія стремилась поскорѣе окончить турецкую войну, которую теперь, послѣ примиренія австрійцевъ съ турками, она вела одна, чтобы развязать себѣ руки и получить возможность обратить свою армію противъ Польши, осмѣлившейся сдѣлать попытку стать на собственныя ноги. Пруссія понимала, что предстоитъ скорое разрѣшеніе польскаго вопроса; она не оставила своихъ намѣреній расширить собственныя владѣнія и надѣялась теперь въ союзѣ съ Россіей противъ Польши добиться того, чего она прежде думала достичь, вступивъ въ союзъ съ Польшей противъ Россіи. Для нихъ обѣихъ Австрія являлась при этихъ обстоятельствахъ очень неудобной сосѣдкой, и онѣ пытались впутать Леопольда въ борьбу съ Франціей, чтобы получить возможность безъ помѣхи распоряжаться въ Польшѣ. Но Леопольдъ понималъ, чѣмъ пахнетъ дѣло, и, предвидя наживу откладывалъ войну съ Франціей впредь до рѣшенія польскаго вопроса.

Податливѣе Леопольда оказался императоръ Францъ II, наслѣдовавшій ему 1-го марта 1792 г.; это былъ еще молодой, совершенно ничтожный человѣкъ, правительство котораго своими смѣшными требованіями возстановленія стараго порядка во Франціи и дерзкими угрозами принудило Францію объявить войну (20 апрѣля 1792 г.). Приходилось вести войну, не дожидаясь уже раздѣла польской добычи. Пруссія также не могла болѣе уклоняться отъ войны, которую предстояло вести германской имперіи и пильницкимъ союзникамъ. Но первые шаги этихъ союзниковъ не говорятъ о рѣшительности; они не оцѣнили достаточно силъ врага и, основываясь на разсказахъ эмигрантовъ и часахъ полицейскихъ шпіоновъ, полагали, что вся Фран-

ція вѣрна и предана королю и только и ждетъ со всею страстью, какъ бы низвергнуть «иго» террористовъ; въ полной неосновательности этого мнѣнія прусская армія скоро убѣдилась на горькомъ опытѣ, а между тѣмъ оно еще и понынѣ находитъ себѣ пріютъ въ головахъ и писаніяхъ разныхъ разсудительныхъ историковъ. Союзники разсчитывали также на тайную помощь Людовика XVI, который, какъ они надѣялись, затормазитъ военныя операціи французской арміи; но эти разсчеты были уничтожены взятіемъ народомъ Тюльери 10 августа. Одной же изъ важнѣйшихъ причинъ, задерживавшихъ военныя приготовленія Австріи и Пруссіи, было то, что «союзники» все еще не могли согласиться въ вопросѣ о дѣлежѣ Польши, пока войска Екатерины II не вступили въ Польшу и пока Пруссія, вплоть до мая 1792 г. разыгрывавшая роль союзницы Польши, не сбросила, наконецъ, съ себя маску и не потребовала во имя «возстановленія порядка и спокойствія» новаго раздѣла Польши. Въ то время, какъ русскія войска били поляковъ, обманутыхъ своимъ союзникомъ, въ то время Пруссія съ Австріей, спустя рукава, вели свои военныя операціи противъ Франціи, такъ какъ главное ихъ вниманіе было сосредоточено все-таки на ожидаемой въ Польшѣ добычѣ. Не удивительно, что этотъ походъ закончился самымъ плачевнымъ образомъ для союзниковъ.

Въ слѣдующемъ году положеніе Франціи стало болѣе опаснымъ. Австрія энергично вооружалась, чтобы отплатить за свои неудачи. Цѣлый рядъ государствъ примкнулъ къ коалиціи противъ революціи: Англія и Голландія, которыхъ встревожило занятіе Франціей Бельгіи, затѣмъ подъ вліяніемъ Англіи Сардинія, Португалія, Испанія и Неаполь. Въ самой Франціи цѣлый рядъ мѣстностей и крупныхъ городовъ примкнулъ къ контръ-революціи. Старая армія фактически не существовала, новая, революціонная, еще не была сорганизована. Старые, принадлежавшіе къ аристократіи офицеры были устранены или сами бѣжали, новыхъ же не было еще въ достаточномъ количествѣ. Часть ст-

рыхъ линейныхъ войскъ погибла въ прошлогоднемъ походѣ и большинство арміи состояло изъ рекрутъ. На придачу генералы нерѣдко измѣняли или вообще оказывались ненадежными. Если бы терроръ не напрягъ своей желѣзной рукой всѣхъ силъ Франціи и не выставилъ повсюду противъ врага массы солдатъ, энтузіазмъ которыхъ восполнялъ отсутствіе дисциплины и военной выучки, юная республика, можетъ быть, и не выдержала бы этого натиска всей Европы. И несмотря на всѣ ея усилія, на все напряженіе силъ, положеніе ея было отчаянное.

Но къ счастію для Франціи алчность ея противниковъ была не менѣе велика, чѣмъ ихъ ненависть къ революціи. Каждый изъ союзниковъ хотѣлъ извлечь для себя выгоду изъ подавленія революціи; ни одинъ не довѣрялъ другимъ, каждый старался дѣйствовать самостоятельно и вмѣсто того, чтобы наносить врагу рѣшительный ударъ, каждый спѣшилъ завладѣть той частью добычи, которую онъ себѣ намѣтилъ.

Сардинія требовала подкрѣпленій отъ Австріи; послѣдняя соглашалась прислать ихъ только на условіи, чтобы Сардинія обязалась уступить ей Новару въ случаѣ расширенія своихъ предѣловъ на счетъ Франціи. Требованіе это вызвало въ Сардиніи сильное негодованіе, драгоцѣнное время уходило, возставшій Ліонъ не былъ своевременно освобожденъ отъ осады, и нападеніе на Францію со стороны Италіи не удалось.

Англійскія войска въ Бельгіи не нашли другого болѣе спѣшнаго дѣла, какъ заняться исключительно осадой Дюнкирхена — важной гавани, завладѣть которою Англіи очень хотѣлось; голландцамъ война скоро надоѣла, такъ какъ они не находили случая поживиться. Но роковою для всего дѣла союзниковъ оказалась растущая вражда между Австріей и Пруссіей.

Зимой 1792—93 года Россія и Пруссія вступили въ соглашеніе и произвели второй раздѣлъ Польши. Австрія въ видѣ вознагражденія получила *надежду* на присоедине-

ніе части французской территоріи. Пруссія угрожала немедленно же прекратить военныя дѣйствія противъ Франціи и выйти изъ коалиціи, если Англія и Австрія не признаютъ совершившагося раздѣла Польши. Понятно, что такой образъ дѣйствія не могъ способствовать укрѣпленію дружескаго расположенія къ Пруссіи этихъ двухъ государствъ, въ особенности послѣдняго. Теперь всѣ военныя операціи австрійской арміи противъ французовъ преслѣдовали только одну цѣль—занятіе той части французской территоріи, на присоединеніе которыхъ Австрія имѣла виды, именно Эльзаса и части сѣверной Франціи. Пруссія же въ свою очередь, занятая въ настоящій моментъ въ Польшѣ, не выказывала ни малѣйшей охоты принимать дѣятельное участіе въ предпріятіи, которое изъ войны противъ революціи превратилось въ завоевательную войну, преслѣдовавшую интересы Австріи. Прусское войско убило массу времени на осаду Майнца, а затѣмъ почти совершенно безучастно слѣдило за борьбой французовъ и австрійцевъ въ Эльзасѣ *). Когда же Австрія стала сближаться съ Россіей, такъ что у Пруссіи появилось опасеніе быть обманутой обоими своими «союзниками», то она въ сентябрѣ 1793 г. почти совершенно прекратила военныя дѣйствія противъ Франціи и перевела большую часть своихъ войскъ съ Рейна къ польской границѣ, чтобы обезпечить тамъ за собой свою часть добычи.

Еще хуже пошли дѣла коалиціи 1794 года. Между Англіей и Испаніей возникъ конфликтъ, а въ Польшѣ весною вспыхнуло возстаніе, принявшее такіе огромные размѣры, что Россія не въ состояніи была справиться съ ними, и Пруссія должна была поспѣшить ей на помощь. Теперь послѣдней и думать было нечего о томъ, чтобы принимать участіе во французской войнѣ, Австрія также не могла

*) „Они (пруссаки) не хотѣли вовсе полной побѣды, они преслѣдовали теперь только одну цѣль: поддержать *равновѣсіе* между враждебнымъ союзникомъ (Австріей) и благопріятнымъ врагомъ (Франціей) (Sybel. II, стр. 258).

посвящать этой войнѣ всѣхъ своихъ силъ. Приближался послѣдній часъ Польши, и Австрія должна была выставить на польской границѣ значительную армію, чтобы и при третьемъ раздѣлѣ Польши не быть обойденной, какъ при второмъ. Если бы Англія не напрягла всѣхъ усилій для сохраненія коалиціи, послѣдняя распалась бы уже тогда.

Между тѣмъ окрѣпла новая революціонная армія Франціи; она создала новую оригинальную тактику, дававшую ей огромное преимущество передъ старыми арміями, а изъ новаго корпуса офицеровъ выдвинулись уже тѣ генералы, которые впослѣдствіи сдѣлали эту новую армію страшилищемъ всей феодальной Европы, какъ Гошъ, Клеберъ, Моро, Бонапартъ и др. Пока феодальныя монархіи ссорились изъ-за дѣлежа не завоеванной еще добычи, онѣ дали время революціонной арміи достигнуть громадной силы. Даже при колоссальнѣйшемъ военномъ счастіи для союзныхъ монархій было бы теперь уже совершенно невозможно подавить революцію и хотя бы даже на время возстановить старый порядокъ, господствовавшій до 1789 г. Въ дѣйствительности же французская республика, начиная съ 1794 г. оказалась въ состояніи перейти отъ обороны къ нападенію,—и это событіе потрясло феодальныя отношенія всей Европы въ самыхъ ихъ основаніяхъ, даже совершенно устранило ихъ въ пограничныхъ съ Франціей странахъ; все это въ значительной степени было результатомъ той мелочной ограниченной жадности ея противниковъ, которую мы постарались охарактеризовать.

Враги революціи любятъ въ настоящее время указывать на это обстоятельство, чтобы унизить ея «славу». Не своей собственной силой побѣдила она, съ торжествомъ восклицаютъ они, она лишь воспользовалась дипломатическими ошибками своихъ противниковъ.

Конечно, это не увеличиваетъ славы революціи, но, какъ намъ кажется, еще меньше можетъ способствовать увеличенію славы ея враговъ.

Во всякомъ случаѣ, оставляя вопросъ о «славѣ», мы

должны признать, что не одна только сила революціонныхъ элементовъ привела ихъ къ побѣдѣ, но ей способствовали также ошибки ихъ враговъ. Мы возстаемъ только противъ утвержденія, что эти ошибки были случайны, что революція обязана своей побѣдой—случаю.

Раздоръ между дворами различныхъ государствъ, какъ и раздоры между дворянствомъ и опирающеюся на бюрократію королевскою властью, которые такъ много помогли дѣлу революціи, коренились глубоко въ общественныхъ отношеніяхъ этой эпохи. Эти раздоры представляютъ не отдѣльныя, случайныя событія, а типичныя явленія, которыя постоянно повторяются въ исторіи народовъ, измѣняя только свою внѣшнюю форму, съ тѣхъ поръ какъ существуютъ вообще классовыя противорѣчія.

Можно подумать, что серьезная опасность должна была бы заставить феодальныя силы забыть свои раздоры и привести къ сознанію общности своихъ интересовъ, что она должна была бы побудить ихъ къ принесенію временныхъ жертвъ ради пріобрѣтенія существенныхъ и продолжительныхъ выгодъ. Но какъ ни естественно подобное предположеніе, однако для его осуществленія у привилегированныхъ сословій отсутствовали необходимыя историческія предпосылки. Тотъ самый ходъ историческаго процесса, который привелъ къ революціи, лишилъ также привилегированныхъ тѣхъ моральныхъ и интеллектуальныхъ свойствъ, которыя одни могли бы дать имъ возможность энергично и дружно выступить противъ революціи. Потерявъ свои былыя общественныя функціи, феодальные элементы не только стали теперь ненужными и вредными, они утратили также и тѣ моральныя качества, которыя воспитываются въ человѣкѣ упорнымъ трудомъ. Мечтающіе объ однихъ только наслажденіяхъ, лѣнивые и изнѣженные, они разучились бороться и приносить жертвы для достиженія своихъ цѣлей. И этотъ нравственный упадокъ сопровождался также упадкомъ интеллектуальнымъ. Изчезновеніе общественныхъ отношеній все яснѣе и яснѣе обна-

руживало полную ненужность и даже вредъ феодальныхъ элементовъ. Интересы этихъ послѣднихъ все сильнѣе заставляли ихъ не только всѣми силами препятствовать распространенію въ народѣ правильныхъ представленій на ихъ счетъ, они заставляли ихъ также закрывать свои собственные глаза на дѣйствительность, все болѣе и болѣе обманывать самихъ себя и питаться иллюзіями. Именно приближеніе революціи побудило ихъ возвратиться къ идеямъ и представленіямъ той эпохи, когда они сами были еще необходимыми и полезными членами общества, къ представленіямъ, которыя теперь имъ самимъ были уже непонятны и потому передавались ими въ «идеальной» формѣ. Они обратились къ мистицизму, къ духовидѣнію, къ «романтикѣ», пытались оживить старыя формы мышленія, которыя въ свое время могли имѣть извѣстный смыслъ, но которыя теперь стояли въ полномъ противорѣчіи съ духомъ эпохи и требованіемъ времени и, утративъ всякое разумное содержаніе, могли вести только къ отупѣнію людей.

Еще раньше, чѣмъ господствующіе классы феодальнаго общества потерпѣли политическое и экономическое банкротство, они уже были банкротами въ моральномъ и интеллектуальномъ отношеніяхъ. Неспособные ни къ малѣйшей, хотя бы и временной жертвѣ, неспособные ни къ какому твердому рѣшенію, неспособные даже понять свое собственное положеніе, они не обладали ни однимъ изъ тѣхъ свойствъ, которыя были необходимы, чтобы сплотить ихъ въ одну истинно «реакціонную массу».

Разрозненность и тупая ограниченность феодальныхъ элементовъ отнюдь не были простой случайностью, онѣ были такъ же неизбѣжны, какъ и борьба классовъ въ нѣдрахъ третьяго сословія. Оба эти обстоятельства явились ф кторами, оказавшими сильное вліяніе на дѣло революціи.

Мы видимъ такимъ образомъ, что общественное разв ie является результатомъ не одной только борьбы между м одыми, вновь возникающими классами и старыми от-

живающими; между тѣми, кто заинтересованъ въ сохраненіи существующаго порядка вещей и тѣми, для кого этотъ существующій порядокъ становится все болѣе нестерпимымъ,—но и борьбы внутри каждой изъ этихъ группъ. Всѣ указанные здѣсь виды борьбы, каковы бы ни были въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ намѣренія борющихся, оказывались, въ концѣ-концовъ, благопріятными для дѣла революціи; какъ это ни кажется страннымъ, но безспоренъ тотъ фактъ, что не только раздоры въ средѣ господствующаго слоя, но и раздоры среди слоя подчиненнаго служили рычагомъ революціи. Противорѣчія классовыхъ интересовъ капиталистовъ и мелкой буржуазіи, города и деревни едва-ли оказали хоть разъ задерживающее вліяніе на дѣло революціи, наоборотъ, они дѣйствовали на нее возбуждающимъ образомъ; они увеличивали энергію, которая проявлялась въ революціи, они ставили массамъ революціонно настроеннаго населенія все болѣе и болѣе широкія задачи и настойчиво гнали ихъ все впередъ и впередъ.

Противорѣчія же классовыхъ интересовъ среди господствующихъ классовъ вели, напротивъ, только къ ослабленію ихъ энергіи, къ тому, что они все болѣе суживали свои задачи и вмѣсто того, чтобы сомкнутыми рядами рѣшительно и смѣло выступить на борьбу съ революціей, все болѣе ограничивались тѣмъ, что изъ потрясеній существующаго порядка вещей стремились извлечь временныя выгоды. Вмѣсто того, чтобы заняться тушеніемъ пожара въ своемъ собственномъ домѣ, они, пользуясь всеобщей суматохой, грабили своихъ сосѣдей, пока рухнувшее съ трескомъ зданіе не погребло ихъ вмѣстѣ съ добычей подъ своими обломками.

IX

Карлъ Каутскій.

№ Д 220

Ирландія.

Культурно-историческій очеркъ.

(Переводъ съ нѣмецкаго И. Б.).

Изд. „Донская Рѣчь"
Парамонова
въ Ростовѣ н-Д.

Дозволено цензурою 20 ноября 1903 г. Ростовъ на Дону.

Ирландія.

Трудно себѣ представить какимъ могучимъ агитаторомъ является голодъ, какъ глупо изголодавшемуся проповѣдывать терпѣніе, какъ неразумны всѣ попытки наполнить пустой желудокъ человѣка прекрасными рѣчами!.. Господа, сидящіе въ Лондонѣ у кормила правленія, вмѣсто придумыванія спеціальныхъ законовъ для подавленія возстаній въ Ирландіи, лучше-бы сдѣлали, ознакомившись съ отчетами очевидцевъ ирландской нищеты. А изъ отчетовъ этихъ не только видно, что аграрное движеніе въ Ирландіи неизбѣжно должно было начаться, но приводимые въ нихъ факты заставляютъ удивляться тому, что оно не началось гораздо раньше. Едва ли существовала въ Европѣ какая-либо другая страна, въ которой-бы господствовала нищета сколько нибудь похожая на Ирландскую, страна въ которой-бы нищета такъ глубоко и безпрерывно истощала жизнь народа въ теченіе болѣе тысячелѣтія. Еще и донынѣ не устарѣло описаніе этой жалкой страны, оставленное намъ Теккереемъ: «На западѣ и на югѣ Ирландіи всюду передъ путешественникомъ встаетъ призракъ

Предлагаемая читателю статья извѣстнаго нѣмецкаго экономиста написана четверть вѣка назадъ. Несмотря на то что за это время въ жизни Ирландіи многое измѣнилось, очеркъ Каутскаго не утратилъ еще интереса, такъ какъ въ немъ авторъ даетъ не только яркую картину бѣдствій Ирландіи, но и ключъ къ пониманію причинъ этихъ бѣдствій и условій ихъ устраненія.

Примѣчаніе издателя.

голода. У этого народа это не исключеніе, а *правило*. Въ этой прекраснѣйшей и богатѣйшей странѣ люди милліонами страдаютъ и умираютъ отъ голода; и въ эту минуту тысячи изъ нихъ лежатъ, вытянувшись у пороговъ своихъ хижинъ, безъ работы, почти безъ пищи и повидимому безъ надежды. Здоровые батраки лежатъ въ постели «изъ за голода», потому-что у лежащаго человѣка нѣтъ такой потребности въ пищѣ, какъ у находящагося на ногахъ. Многіе изъ нихъ вырыли въ своемъ маленькомъ огородѣ еще недозрѣвшій картофель и живутъ теперь въ ожиданіи зимы, когда имъ помимо голода придется переносить, еще и холодъ».

Это, достойное состраданія, положеніе большой страны, должно обратить на нее взгляды всѣхъ друзей человѣчества, и поэтому появленіе въ свѣтъ этой брошюры, цѣлью которой является ознакомленіе широкихъ слоевъ общества съ современнымъ положеніемъ и исторіей Ирландіи, было-бы своевременно, даже и въ томъ случаѣ, если-бы ирландское аграрное движеніе и не было жгучимъ вопросомъ дня, дѣлающимъ это знакомство необходимымъ для каждаго соціолога и политика.

Ирландскія общественныя отношенія такъ своеобразны, такъ отличаются отъ германскихъ, что правильное сужденіе объ ирландскомъ движеніи можетъ сказать только тотъ, кто изучилъ эти отношенія. Было-бы крайне ошибочно, если-бы онъ сталъ судить о нихъ по аналогіи съ политическими и соціальными отношеніями, господствующими въ центральной Европѣ. Уже одинъ внѣшній обликъ Ирландіи, покрытый руинами покинутыхъ домовъ, совершенно чуждъ цивилизованной Европѣ. Число этихъ заброшенныхъ домовъ составляло въ 1841 году 52,208, въ 1851 г, 65,519. Несчастныхъ обитателей ихъ лендлордъ прогналъ на чужбину, потому что они не могли выработать арендной платы. Еще въ 1850 году число выселенныхъ арендаторовъ достигало 74,171-го. Гладстоновскій

билль о лендлордахъ и арендаторахъ 1870-го года пытался покончить съ этимъ порядкомъ вещей, но, какъ это теперь ясно, не достигъ цѣли. Но и жилые дома имѣютъ видъ нисколько не привлекательнѣе заброшенныхъ. Четыре стѣны изъ сухой глины, соломенная крыша, въ крышѣ дыра вмѣсто дымовой трубы, если для этой цѣли не служитъ дверь; таковъ домъ, въ единственной комнатѣ котораго живетъ вся семья. У скуднаго огня сидятъ пять—шесть полуголыхъ дѣтей и пекутъ въ золѣ нѣсколько картофелинъ, подлѣ валяется, хрюкая, свинья—(признакъ большого достатка)—единственное существо, чувствующее себя хорошо въ этой грязи. Прибавимъ къ этому небольшое засѣянное картофелемъ поле, и вотъ все достояніе ирландскаго фермера. Рѣдко у него бываетъ хорошій сюртукъ, обыкновенно, что для двухъ человѣкъ служитъ одинъ и тотъ-же полный костюмъ, поэтому, что-бы дать возможность религіозному ирландцу явиться въ церковь прилично одѣтымъ, священникъ по воскресеньямъ служитъ мессу нѣсколько разъ. Все рабочее населеніе Ирландіи питается картофелемъ, и только на Рождество ирландецъ позволяетъ себѣ употребленіе мяса. Одни ѣдятъ картофель три раза въ день—это избранники; другіе—два раза; и только тѣ, которые въ теченіе цѣлаго дня одинъ разъ ѣдятъ картофель, считаются бѣдными, хотя все еще не самыми бѣдными, такъ какъ есть и такіе, которые въ теченіе одного-двухъ дней почти ничего не ѣдятъ. И это въ «хорошія» времена.

Почти каждый годъ въ Ирландіи бываетъ голодъ, начинающійся обыкновенно въ срединѣ апрѣля, когда кончается запасъ картофеля, и продолжающійся до августа, когда созрѣваетъ новый. Въ одномъ 1817 г. умерло отъ нищеты и голода 65,000 человѣкъ, заболѣло лихорадкой, по той-же причинѣ—полтора милліона! Комиссары большой переписи 1835 года насчитываютъ приблизительно 3 милліона человѣкъ, живущихъ въ самой крайней нищетѣ, четвертый-же милліонъ не былъ присчитанъ къ этимъ тремъ

только потому, что они не умирали съ голоду въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Въ 1832 году епископъ Дойль, будучи спрошенъ, каково теперь положеніе народа, отвѣчалъ: «онъ умираетъ съ голоду, какъ обыкновенно»...

Густавъ де-Бомонъ, изъ прекраснаго труда котораго объ Ирландіи (L'Irlande sociale, politique, réligieuse. Paris 1840) взяты многіе изъ приведенныхъ фактовъ,—во время пребыванія своего въ этой несчастной странѣ — (съ 1835 по 1837 г.)— констатировалъ между прочимъ, что изъ 11.761 жит. церковнаго прихода Ньюпортъ Прата—9838 не имѣли другой постели, кромѣ соломы, изъ нихъ 7531 чел., не имѣя кроватей, спали на землѣ. Изъ 206 жителей Дэрри Лакенъ только 39 имѣли теплую одежду, остальнымъ предстоялъ выборъ между смертью отъ голода или отъ холода.

Съ наступленіемъ голода въ Ирландіи повышается цѣна исключительно на картофель; спросъ на пшеницу не возростаетъ, потому что и при обыкновенной цѣнѣ она недоступна для ирландскаго пролетарія. Ирландская пшеница поэтому въ голодные годы не дороже чѣмъ въ урожайные; ее вывозятъ въ большомъ количествѣ въ то время, когда ирландцы мрутъ отъ голода.

Съ особенной очевидностью, обнаружилось это въ 1821 году; но и въ неурожайные 1846—48 годы, въ то время какъ ирландцы сотнями умирали отъ голода, было вывезено изъ Ирландіи:

Пшеницы:	Пшеничной муки:
1846 г. 1.625,000 квартеровъ*)	— 1.278,000 центнеровъ**)
1848 г. 1.325,919 „	— 1.497,000 „

Кромѣ хлѣба было вывезено значительное количество убойнаго скота, и опять-таки въ голодные годы

*) Квартеръ равняется 31 русскому фунту.

**) Центнеръ равняется 3 пудамъ 4 фунтамъ (124 фунта).

больше обыкновеннаго. Вывозъ Шотландіи и Ирландіи составлялъ:

Въ 1846 г.

рогатаго скота . . .	186.486	головъ
телятъ	6.363	»
овецъ	259.257	»
свиней	480.827	»

а съ 5 іюля 1847 г. по 5 апрѣля 1849 г.

рогатаго скота . . .	419.987	головъ
телятъ	17.957	»
овецъ	615.050	»
свиней	244.187	»

Взамѣнъ этаго умирающіе отъ голода ирландцы получали мануфактурные товары, желѣзо и каменный уголь.

Впрочемъ, не ирландцы получали все это, а владѣльцы земель, которые забирали себѣ пшеницу и скотъ, чтобы продать ихъ за предѣлами Ирландіи и этимъ покрыть всѣ свои издержки. Какое впечатлѣніе на ряду со всеобщими жалобами производитъ это на безпристрастнаго человѣка, показываетъ изслѣдованіе де-Бомона, совершенно чуждаго какой-либо партійности. «Существуетъ нищета», говоритъ онъ, потрясенный зрѣлищемъ ирландской жизни, «которая настолько ниже человѣческаго достоинства, что человѣческій языкъ не обладаетъ словами для изображенія ея».

Писатель этотъ передаетъ видѣнные имъ сцены скорби и безутѣшнаго горя; онъ слышалъ рыданія, крики отчаянія, онъ чувствовалъ боль въ голосѣ несчастной матери, которая должна была отказать въ кускѣ хлѣба умирающему отъ голода ребенку.

И, если все это потрясло человѣка, объѣзжавшаго страну просто, какъ состоятельный-путешественникъ, человѣка бывшаго простымъ зрителемъ—какъ долженъ былъ смотрѣть на голоданіе своихъ братьевъ отчаявшійся ирландецъ, на голоданіе, происходящее по волѣ лендлорда, который выгналъ ихъ изъ дому, со двора за неплатежъ аренды.

Предоставимъ англійскимъ министрамъ призывать ирландцевъ къ спокойствію и благоразумію; тѣ же, кто печалуется о судьбѣ Ирландіи, зададутся вопросомъ: отчего происходитъ эта безграничная нищета и какъ бороться съ нею?

Мы, конечно, не предложимъ этого вопроса англійскому политику, который просто-на-просто отвѣтитъ намъ, что «безпримѣрная нищета ирландцевъ находится въ прямой зависимости отъ чрезмѣрнаго роста народонаселенія, и ничего не можетъ быть наивнѣе ожиданія дѣйствительно прочнаго улучшенія ихъ положенія, пока не будетъ значительно задержанъ приростъ населенія». (Макъ-Кулохъ).

Этимъ отвѣтомъ мы не можемъ удовлетвориться въ виду того факта, что, въ то время какъ населеніе «благоразумной» Англіи съ 1841 года до настоящаго времени (1880 г.) съ 16 милліоновъ возросло до 25 мил., населеніе «легкомысленной» Ирландіи въ тотъ же періодъ времени *уменьшилось* съ восьми милліоновъ до двухъ. Въ 1880 г. въ Ирландіи было столько же жителей, сколько въ 1801 г., когда въ Англіи было немного больше трети ея теперешняго населенія, а именно 8.900.000 человѣкъ.

Стало быть ростъ населенія въ Англіи значительно быстрѣе, чѣмъ въ Ирландіи, гдѣ голодные годы и сильная эмиграція въ теченіе 30 лѣтъ уменьшили населеніе страны на 3 мил. человѣкъ. Можно предположить, что рождаемость въ Ирландіи очень велика и уравновѣшивается соотвѣтственно большею смертностью; но и этого нѣтъ въ дѣйствительности. Одно рожденіе приходилось.

Въ Ирландіи въ 1850 г. на 31,0 д.; — въ Англіи на 28,6 д.
» » » 1864 » » 41,6 » » » » 28,1 »
» » » 1871 » » 35,6 » » » » 28,4 »

Слѣдовательно въ Ирландіи одно рожденіе приходится на большее число душъ, чѣмъ въ Англіи.

И такъ мы видимъ къ чему сводится это слишкомъ быстрое увеличеніе населенія Ирландіи. Далѣе, мы выше упомянули, что Ирландія вывозитъ жизненные продукты;

значитъ ежегодное производство ихъ достаточно, чтобы удовлетворить потребностямъ жителей этой страны. Слишкомъ ничтожна лишь сила народа для того, чтобы удержать въ странѣ произведенія его собственнаго труда. Недостаточны для пропитанія ирландскаго рабочаго не результаты его труда, а степень его участія въ пользованіи этими результатами.

Изслѣдованіе причины этого явленія, требуетъ во всякомъ случаѣ болѣе серьезнаго отношенія, чѣмъ это мы видимъ у упомянутыхъ выше англійскихъ политиковъ и экономистовъ. Они просто лишь констатируютъ, что Ирландія слишкомъ густо населена, точнѣе *была* густо населена; далѣе они констатируютъ, что тамъ свирѣпствуетъ нужда, и съ легкимъ сердцемъ заключаютъ изъ этихъ двухъ фактовъ: перенаселенность является причиной ирландской бѣдности.

Кратчайшій путь однако не всегда наилучшій. Мы скорѣе достигнемъ намѣченной нами цѣли—выяснить причины ирландскихъ бѣдствій — избравъ болѣе длинный и болѣе трудный, но зато и болѣе благодарный путь: путь изслѣдованія историческаго развитія Ирландіи. Такова наша ближайшая задача.

Основаніе теперешнему положенію Ирландіи было положено буллою папы Адріана IV, объявившаго въ 1156 году, что онъ «даритъ» Ирландію англійскому королю Генриху II; этотъ послѣдній въ свою очередь, воспользовался внутренними смутами въ «подаренной» ему странѣ, для того, чтобы «присоединить» ее (въ 1169 г.).

Легко было нашествіе, но трудно завоеваніе. Дѣленіе страны на множество мелкихъ королевствъ, правда, лишало ее возможности соединенными силами прогнать врага—но эта же раздробленность не давала возможности и нападающему однимъ ударомъ покорить всю страну. Каждый округъ приходилось отдѣльно завоевывать, центральнаго же пункта, со взятіемъ котораго было бы закончено за-

воеваніе — не существовало. Четыре столѣтія продолжалась ожесточенная борьба, и только лишь Яковъ I, (король Англіи), могъ провозгласить себя и королемъ всей Ирландіи.

Если всякое пораженіе само по себѣ вселяетъ побѣжденному чувство ненависти къ побѣдителю—то чувство это должно было быть особенно сильно послѣ четырехсотлѣтней почти непрерывной и безпощадной завоевательной войны. Короли умышленно подстрекали англо нормановъ противъ ирландцевъ, чтобы не создать себѣ опаснаго соперника въ лицѣ новой «окраины», какъ называли Ирландію. Ирландія была слишкомъ далеко, чтобы король могъ имѣть сколько-нибудь значительное вліяніе на ея судьбы, но достаточно близко, чтобы являться постоянной угрозой Англіи. Поэтому преднамѣренно разжигалась ненависть между побѣдителями и побѣжденными, чтобы изъ Ирландіи не выросло бы крѣпкое сплоченное государство (Gemeinwesen). Особенно ясно стремленіе поселить разладъ между англичанами и ирландцами выразилось въ пользующемся дурною славою статутѣ Кильценни, изданномъ парламентомъ, состоявшимъ изъ ставленниковъ Эдуарда III. Этимъ актомъ подъ угрозой смертной казни воспрещалось англичанамъ вступать въ бракъ съ ирландцами, составлять съ ними общества, жить согласно ихъ обычаямъ. Каждаго англичанина, который носилъ ирландское платье, отпускалъ усы, подобно ирландцамъ, носилъ цвѣтной кафтанъ, принималъ туземное имя и говорилъ на ирландскомъ языкѣ—ожидала конфискація имущества и тюрьма. Англичанинъ, разрѣшившій своему сосѣду ирландцу пасти на своей землѣ скотъ, преслѣдовался закономъ за это «преступленіе». Ирландцы не могли занимать никакой государственной должности. Еще Эдуардъ IV велѣлъ казнить графа Десмонда, воспользовавшись легальнымъ предлогомъ — женитьбой графа на ирландкѣ, — тогда какъ истинной причиной было то, что графъ былъ на сторонѣ Ланкастеровъ.

Если мы присоединимъ ко всему этому то, что англо-норманы перенесли сюда изъ Англіи феодальное хозяйство, свободному развитію котораго здѣсь не препятствовала сильная королевская власть, — что на ряду съ расовой борьбой здѣсь должны были безмятежно распространяться всѣ ужасы феодальнаго самоуправства—тогда передъ нами со всею ясностью встанетъ картина того плачевнаго положенія Ирландіи, которое явилось первопричиной современной нищеты. — Но то-ли еще было въ послѣдствіи! Еще не закрылись раны, угрожавшія несчастной странѣ истеченіемъ кровью, какъ ей были нанесены новыя, еще болѣе глубокія, болѣе мучительные. За четырехсотлѣтними ужасами завоевательной войны и феодализмомъ слѣдовали жестокости религіознаго фанатизма, въ теченіе полутора столѣтія—отъ 1535—1680 г.—принесшаго Ирландіи больше несчастій и нищеты, чѣмъ тридцатилѣтняя война—принесла Германіи, гугенотскія войны—Франціи, инквизиція—Испаніи.

У либеральничающихъ историковъ нашихъ дней вошло въ моду, всѣ совершенныя въ тѣ времена злодѣянія сваливать на римскую церковь. Но безпристрастный наблюдатель долженъ придти къ тому заключенію, что фанатизмъ протестантовъ свободно могъ бы сравниться съ фанатизмомъ католиковъ; многое объ этомъ можетъ разсказать Ирландія. Кто принадлежалъ къ одной церкви, для того задачею жизни было работать надъ уничтоженіемъ другихъ церквей. Такъ совѣсть протестантовъ-англичанъ заповѣдала имъ искоренить въ Ирландіи «папское идолопоклонство» и вмѣсто него зажечь «чистый свѣточъ» реформаціи. Ирландцы должны были съ негодованіемъ относиться къ этимъ попыткамъ: у нихъ хотѣли отнять ихъ родную религію тѣ же самые господа, которые казнили своихъ гражданъ за общеніе съ ними, которые насмѣшками, надругательствами оскорбляли самыя святыя ихъ чувства, въ теченіе столѣтій, обращались съ ними какъ съ собаками, топтали ихъ ногами въ грязь... Англійскій

король былъ ихъ смертельнымъ врагомъ, а новая религія провозглашала первымъ символомъ вѣры главенство этого короля надъ церковью. И если бы еще были сдѣланы попытки *привлечь* ирландцевъ къ протестантству! Вмѣсто того, чтобы дать народу учителей—удовольствовались установленіемъ обширной іерархіи протестантскихъ архіепископовъ, епископовъ и ректоровъ, которые ничего не дѣлали и за это бездѣльничанье получали добро, награбленное у любимой и чтимой ирландцами католической церкви.

Ирландцы не отрекались добровольно отъ «антихриста», и поэтому, согласно тогдашнему обычаю, необходимо было силой отнять у дьявола души этихъ закоснѣлыхъ людей. У Генриха VIII и Елисаветы не было недостатка энергіи для этого святого дѣла; и результатомъ всего этого явилось не обращеніе Ирландіи въ протестантство, а разореніе ея, такъ какъ борьба велась съ невѣроятнымъ упорствомъ, до полнаго истощенія силъ обѣими сторонами.

Ирландія была превращена въ пустыню, въ которой царили голодъ и смерть. «Страна»,—разсказываетъ Голингшедъ, прежде плодородная, богатая, густо населенная, благословенная богатыми пастбищами, хлѣбами и скотомъ—покинута, опустошена; нѣтъ плодовъ, нѣтъ хлѣба на поляхъ, скота на пастбищахъ, птицъ въ выси, нѣтъ рыбъ въ ручьяхъ: однимъ словомъ, проклятіе неба тяготѣетъ надъ этой страной и можно пройти ее изъ конца въ конецъ, не встрѣтивъ ни одного мужчины, ни женщины, ни ребенка.

Гоненія и война были плохою пропагандою «новаго свѣточа», и пришлось поэтому прибѣгнуть къ инымъ средствамъ. Кто не былъ обращенъ въ протестанство, вынужденъ былъ умереть отъ голода. Елисавета впервые стала примѣнять ту достойную проклятія систему, которая съ особою любовью примѣнялась ея пріемниками, гдѣ возможно, въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ, систему являющуюся, конечно, главною виновницею бѣдъ современной Ирландіи: это была система массовыхъ конфискацій. Ирланд-

цевъ просто-на-просто выгоняли изъ ихъ владѣній, которыя передавали протестантамъ... Это былъ наглый грабежъ. Англія сорвала послѣднюю рубашку со своего сосѣда; а когда сосѣдъ этотъ жалуется на нищету, она отвѣчаетъ ему, что онъ самъ виноватъ въ этомъ, ибо нищета его явилась слѣдствіемъ его «легкомыслія», въ производствѣ на свѣтъ слишкомъ обильнаго потомства.

Возстаніе лорда Десмонда, подало Елисаветѣ желанный поводъ въ одной лишь провинціи Мюнстеръ конфисковать «только» 600.000 акровъ*). Въ Англіи была обнародована прокламація, которою земля предлагалась всѣмъ желающимъ на опредѣленныхъ условіяхъ, первымъ изъ которыхъ было: не имѣть ни одного работника, ни одного арендатора ирландскаго происхожденія. Такимъ образомъ 200.000 акровъ были распредѣлены между англичанами, а коренные владѣльцы должны были влачить свое жалкое существованіе въ непроходимыхъ лѣсахъ или на горныхъ высотахъ. Съ этого же времени и начинается «перенаселеніе» Ирландіи, которое существуетъ и понынѣ, несмотря на всѣ эмиграціи и будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока народу не возвратятъ его владѣній**).

Пріемникъ Елисаветы — Яковъ I — былъ не менѣе ея склоненъ къ грабежу; онъ воспользовался мнимымъ заговоромъ трехъ ирландскихъ князей Тиронскаго, Тирконнеля и Догертси, чтобы конфисковать принадлежащія имъ шесть сѣверныхъ графствъ съ 500.000 акровъ земли. Помѣстья эти получили англичане и шотландцы. Когда же ирландцы не такъ скоро подали поводъ къ новымъ конфискаціямъ, сребролюбивый Стюартъ придумалъ другой способъ: онъ велѣлъ конфисковать всѣ земли, права владѣнія на которыя были не въ порядкѣ. Такимъ образомъ ему были предоставлены почти всѣ ирландскія владѣнія, благодаря сильному разстройству и необезпеченности, порожденной го-

*) Акръ равенъ 900 кв. саж.

**) Это признаетъ и Д. С. Милль (Политическая экономія т. I).

сподствовавшей, въ Ирландіи анархіей.

Цѣлая свора «мужей закона» бросилась на добычу и перерыла всѣ древніе пергаменты. Все, что хотѣлъ король— бралъ у католиковъ и отдавалъ протестантамъ.

Карлъ I поступалъ ничуть не лучше своего вѣнценоснаго отца. Жертвой своей онъ выбралъ пощаженную до тѣхъ поръ провинцію Коннаутъ. Солдаты и юристы были собраны, чтобы превратить беззаконіе въ законъ. Но, такъ какъ положеніе Карла въ Англіи становилось шаткимъ, и онъ долженъ былъ обезпечить за собой вѣрность своихъ ирландскихъ подданныхъ, то онъ отложилъ конфискацію до болѣе удобнаго случая. Однако эта сдержанность мало помогла бѣднымъ ирландцамъ, такъ какъ вскорѣ не Карлъ, а парламентъ былъ королемъ Англіи. Фанатическіе пуритане, имѣвшіе въ парламентѣ большинство, правда, были хорошими республиканцами, но еще лучшими протестантами, и поэтому съ легкимъ сердцемъ постановили уничтожить народъ за его вѣроисповѣданіе.

Но ирландцы предупредили нападеніе; они не были достаточно благоразумны, чтобы, подобно овцамъ, покорно итти на закланіе, и въ октябрѣ 1846 г. возстали подъ предводительствомъ О'Нелля. Точно опредѣлить поводъ къ этому возстанію—трудно. Были ли ирландцы нападающей стороной или на нихъ напали, но они съ яростью отчаянія бросились на своего врага. Сначала ихъ образъ дѣйствій былъ умѣренный, они безъ излишняго насилія возвращали себѣ обратно отнятыя у нихъ владѣнія; но успѣхъ и сопротивленіе возбуждали долго затаенныя страсти, и инсургенты поклялись не оставить живымъ въ странѣ ни одного англичанина. Цыфра изрубленныхъ тогда протестантовъ колеблется—въ зависимости отъ принадлежности историка къ той или другой партіи — между 12.000 и 100.000. Можно было-бы подавить возстаніе въ зародышѣ, но серъ Вилліямъ Пэрсонъ и его товарищи старались, наоборотъ, раздуть его и увеличить число виновныхъ, чтобы пожать болѣе обильную жатву отъ конфискацій.

Англія, конечно, была возмущена. Она предпочла бы уничтожить всѣхъ до единаго ирландцевъ, чѣмъ терпѣть долѣе католицизмъ. Огромная сумма денегъ была взята взаймы парламентомъ, и для этой цѣли заранѣе были заложены всѣ владѣнія католиковъ въ Ирландіи. Два съ половиною милліона акровъ послужили залогомъ. Правительство запретило щадить ирландцевъ. Комиссары парламента давали арміи слѣдующія инструкціи: «Повелѣвается всѣхъ бунтовщиковъ ловить, казнить, убивать, уничтожать; такъ же поступать и съ ихъ родственниками и соучастниками; всѣ укрѣпленныя мѣста, города, дома, гдѣ бунтовщики находятъ себѣ убѣжище или гдѣ ихъ укрываютъ—сносить до основанія, сжигать, разрушать, опустошать; грабить и уничтожать всякимъ другимъ способомъ, такъ же какъ и всякіе запасы хлѣба или сѣна, гдѣ бы они ни находились; убивать и уничтожать всѣхъ способныхъ носить оружіе мужчинъ».

Карлъ I былъ казненъ своимъ народомъ, и республика пуританъ открыто заявила, что она хочетъ не покорить Ирландію, она хочетъ ее уничтожить. Кромвель назначается въ 1649 году начальникомъ англійской арміи въ Ирландіи и приказываетъ уничтожить мечомъ «злодѣевъ и идолопоклонниковъ».

Еще и по сей день ирландцы разсказываютъ легенды о томъ, какъ онъ убивалъ всѣхъ мужчинъ въ возрастѣ отъ 16 до 60 лѣтъ, отсѣкалъ руки всѣмъ дѣтямъ отъ 6 до 16-ти-лѣтняго возраста, *клеймилъ груди женщинъ*.

Дѣйствительность ушла не далеко отъ этой легенды. Плѣнныхъ Кромвель безъ милосердія приказывалъ закалывать. Въ Дрогедѣ и въ Эксфордѣ было изрублено все населеніе, хотя передъ сдачей онъ обѣщалъ даровать осажденнымъ жизнь. Фанатизмъ столкнулся съ фанатизмомъ: съ обѣихъ сторонъ самый слѣпой, самый дикій, самый безумный фанатизмъ—религіозный, національный. Жестокости Кромвеля въ его борьбѣ съ ирландскими католиками достойны стоять рядомъ съ парижскою кровавою свадьбою

(Варфоломеевскою ночью). На эти жестокости нужно указать тѣмъ лицемѣрнымъ протестантскимъ піэтистамъ, которые, желая выставить свою вѣру въ лучшемъ свѣтѣ, указываютъ на злодѣянія римско-католической церкви.

Ирландія снова побѣждена. За убійствами мечомъ слѣдовали убійства «правосудіемъ». Правда, мало осталось людей, которыхъ можно было бы судить,—большинство погибло отъ меча, чумы, голода, или спаслось бѣгствомъ,—но и тѣ немногіе, что остались—должны были исчезнуть съ лица земли Ирландіи, такъ какъ Кромвель поставилъ себѣ великую, вполнѣ опредѣленную цѣль: сдѣлать Ирландію всецѣло англійской, вторымъ Норфолькомъ или Іоркширомъ *). Такая «великая» цѣль требовала, конечно, примѣненія чрезвычайныхъ средствъ. Характерно для суда, осудившаго оставшихся «бунтовщиковъ», его названіе «бойней Кромвеля», которымъ окрестилъ его народъ.

Но что же было дѣлать съ *невиновными?* И вотъ былъ придуманъ чудовищный планъ:—сослать все католическое населеніе Ирландіи въ Вестъ-Индію! Маколей полагаетъ, что «при рѣдкомъ населеніи Ирландіи—этотъ планъ былъ осуществимъ, и по всему очевидно, что эта политика была бы увѣнчана успѣхомъ, если бы продолжали придерживаться ея въ теченіе только (!) пятидесяти лѣтъ» **). На дѣлѣ же оказалось, что не такъ легко разогнать и уничтожить даже и «рѣдкое» населеніе, чтобы покончить съ этимъ дѣломъ «только» въ 50 лѣтъ. Въ добромъ желаніи осуществить Кромвелевскій планъ—ужъ воистину недостатка не было; его осуществляли съ крайнею жестокостью и безпощадностью. Однажды даже отняли у родителей 1.000 молодыхъ ирландокъ и отправили ихъ въ Ямайку, гдѣ они были проданы, какъ невольницы. Когда же, наконецъ, осуществленіе плана было оставлено —по самымъ *высокимъ* цифрамъ—было сослано «только»

---

*) Маколей—Сэръ Вильямъ Темпль.

**) Маколей—Сэръ Вильямъ Темпль.

100.000 ирландцевъ; «только» 500.000 человѣкъ съ 1641 по 52 гг. въ Ирландіи стали жертвою гражданской войны, если вѣрить исчисленіямъ сэра Вильяма Петти, и все-таки, несмотря на всѣ старанія Кромвеля, несмотря на массовое истребленіе католиковъ и такое же массовое переселеніе протестантовъ изъ Англіи въ Ирландію—восемь ирландцевъ приходились на одного протестанта. Поэтому есть полное основаніе сомнѣваться, въ томъ, что даже и пятьдесятъ лѣтъ убійствъ и ссылки — могли бы привести къ полному изсчезновенію кельтовъ изъ Ирландіи.

Въ невозможности этого убѣдились англичане временъ Кромвеля очень скоро, и послѣ того какъ ссылка была отмѣнена, они рѣшили всему кельтскому населенію предоставить одну провинцію. Рѣшеніе это не осталось только на бумагѣ: подъ страхомъ смертной казни ни одинъ ирландецъ-католикъ не смѣлъ показываться за предѣлами провинціи Коннаутъ; правый берегъ Шанона былъ границей на югѣ провинціи, переходъ черезъ которую наказывался смертью. Чтобы держать въ ежовыхъ рукавицахъ это скученное на небольшомъ пространствѣ неселеніе — центры городовъ были заселены протестантами, при чемъ прежніе обитатели ихъ—католики—были изгнаны. Отсюда «техническое выраженіе» — очистка города — (claering the town). Три другія провинціи—Лейнстеръ, Мюнстеръ и Ульстеръ—съ общею площадью въ 15.800,000 акровъ — были предоставлены протестантамъ. Спекулянты, ссужавшіе парламентъ деньгами, и солдаты Кромвеля — получили львиную долю въ этомъ грабежѣ.

«Туземное племя вынуждено было отступать передъ форпостами англо-саксонскаго племени, подобно тому, какъ американскіе индѣйцы или южно-африканскія племена должны были очищать мѣста бѣлымъ колонистамъ. Тѣ ужасныя явленія, которыя почти неизмѣнно наблюдаются во всѣхъ колоніяхъ, основанныхъ въ варварскихъ странахъ цивилизованными народами, но которыя извѣстны европейскимъ народамъ по даннымъ, идущихъ издале-

ка ненадежныхъ источниковъ, — эти явленія обнаружились теперь на глазахъ у всѣхъ. Часто изъ устъ англійскихъ колонистовъ Лейнстена и Мюнстера приходилось слышать слова «истребленіе», «уничтоженіе до основанія»;— слова ужасныя, но, при всемъ своемъ ужасѣ, заключающія въ себѣ больше мягкости, чѣмъ иныя изъ тѣхъ кроткихъ выраженій, которыя съ того времени получили крещеніе въ университетахъ и санкцію—въ парламентѣ. Вѣдь, дѣйствительно, гораздо человѣчнѣе однимъ ударомъ уничтожить сто тысячъ человѣческихъ существъ, и образовавшуюся пустошь заселить справедливо управляемымъ населеніемъ, чѣмъ въ теченіе многихъ поколѣній подчинять милліоны — ужасному управленію. Мы скорѣе прощаемъ самыя ужасныя свирѣпости, употребленныя для достиженія великой цѣли, чѣмъ безконечный рядъ гнусныхъ издѣвательствъ и преслѣдованій, не имѣющихъ никакой цѣли»*).

Ирландія претерпѣла ужасныя звѣрства, но ей суждено было перенести еще и безконечный рядъ гнусныхъ и безцѣльныхъ преслѣдованій.

Республика была низвергнута, и Карлъ II вступилъ на тронъ, который стоилъ головы его отцу. Карлъ былъ другомъ католиковъ, но... онъ былъ англичаниномъ. Поэтому, хотя онъ и прекратилъ преслѣдованія католиковъ, онъ все же не рѣшался возвратить ирландцамъ ихъ достоянія. Мало того, онъ самъ принялъ участіе въ конфискаціяхъ и одарилъ своихъ фаворитовъ тѣмъ добромъ, которое было отнято его врагами у его друзей. Ормондъ получилъ конфискованныя имущества, приносившія 70 тысячъ фунтовъ стерлинговъ дохода;—и «подарокъ» герцогу Іоркскому былъ не меньше этого. Каждый до послѣдняго придворнаго получилъ кусокъ земли.

«Каждый король Англіи въ XVII столѣтіи», говоритъ Бомонъ, «долженъ былъ отказаться отъ справедливости и

*) Маколей—Сэръ Вильямъ Темпль.

человѣчности въ отношеніи къ одной части своихъ подданныхъ, чтобы имѣть возможность управлять другою частью».

Это подтвердилось тотчасъ при пріемникѣ Карла II, его братѣ Яковѣ II. Покровительствуя «папизму», онъ вооружилъ противъ себя англичанъ и пріобрѣлъ симпатіи ирландцевъ; и, когда англичане возстали противъ него и посадили на тронъ его зятя Вильгельма Оранскаго, вокругъ изгнаннаго Якова собрались ирландскіе католики. Еще разъ разгорѣлась отчаянная борьба между кельтами и германцами, между католиками и протестантами, и еще разъ первые были побѣждены. Годовщина битвы при рѣкѣ Бойнѣ (1 іюля 1690 г.) до сихъ поръ пробуждаетъ скорбныя чувства Ирландіи.

Возобновленіе конфискацій было естественнымъ слѣдствіемъ пораженія. Вильгельмъ Оранскій былъ не въ силахъ обуздать ярость побѣдителей: для ихъ укрощенія понадобилось 1.700.000 акровъ земли. Способъ распредѣленія Оранскимъ конфискованныхъ имуществъ показываетъ однако, что онъ не особенно сопротивлялся требованіямъ побѣдителей. Самъ Маколей, который вообще не стѣснялся искажать историческіе факты сообразно своимъ цѣлямъ, (гдѣ это можно было сдѣлать безъ особенно явной фальсификаціи), даже этотъ почитатель Вильгельма III, «гражданскаго короля» Англіи, долженъ былъ признать, что «честные» благоразумные люди, какъ-бы они ни чтили память Вильгельма, не могутъ отрицать того, что въ своемъ стремленіи обогатить и возвеличить своихъ личныхъ друзей, онъ слишкомъ часто забывалъ къ чему обязываетъ его его собственная репутація и благосостояніе государства»*).

«Изъ 1.700,000 акровъ конфискованной, въ силу гражданскихъ статей Лимерикскаго договора, земли прежніе собственники получили около четвертой части; около

*) Маколей.—Исторія Англіи, т. VIII.

седьмой части остальной земли было роздано несчастнымъ семьямъ, которыя, правда, не могли требовать земли, согласно буквѣ договора, но которыхъ считали заслуживающими этой милости. Остальныя земли стали достояніемъ лицъ, заслуги которыхъ значительно превышали все, что они получили, но главнымъ образомъ — достояніемъ личныхъ друзей короля. Ромней особенно много получилъ отъ щедротъ короля, но наиболѣе щедро были одарены Вудстокъ, старшій сынъ Портланда, и Альбемарль. Почитатель Вильгельма съ болью въ сердцѣ долженъ признать, что онъ раздѣлилъ между этими двумя чужестранцами участокъ земли большій, чѣмъ весь Гердфортшеръ»*).

Послѣ возстановленія королевской власти въ Англіи при Карлѣ II изъ 11.000,000 акровъ, которые составляли площадь Ирландіи, по тогдашнему вычисленію, только 2.000,000 остались собственность католиковъ**). Послѣ революціи 1688 г. и свержения Якова II въ ихъ владѣніи было уже только милліонъ съ лишнимъ акровъ, или немного болѣе одинадцатой части всей площади земли. Но и этотъ незначительный участокъ земли не былъ распредѣленъ равномѣрно между населеніемъ; онъ принадлежалъ всего 5—6 католическимъ семьямъ англійскаго происхожденія. Католическое населеніе уменьшилось настолько, что на одного протестанта приходилось теперь уже приблизительно только четыре католика.

Гражданская война была окончена. Англо-саксонскіе колонисты господствовали неограниченно, туземное населеніе успокоилось, какъ и сама Ирландія, спокойная, какъ могила. «Это было ужасное спокойствіе обезсиленнаго, спокойствіе отчаянія. Совершались, правда, всякія престу-

---

*) Маколей.—Исторія Англіи, т. VIII.

**) Въ дѣйствительности Ирландія занимаетъ площадь въ 20.000,000 акровъ, но такъ какъ старое исчисленіе служило основою всѣхъ вычисленій при установленіи отношеній католическихъ и протестантскихъ земельныхъ владѣній,—то мы вынуждены здѣсь его придерживаться.

пленія, грабежи, поджеги, убійства, но цѣлое столѣтіе прошло безъ всеобщаго возстанія. Въ теченіе этого столѣтія приверженцы дома Стюартовъ дважды поднимали возстаніе въ Великобританіи, но ни въ то время, когда старшій претендентъ короновался въ Стунѣ, ни тогда, когда дворъ юнаго претендента находился въ Голирудѣ—знамя Стюартовъ не было водружено ни въ Коннаутѣ, ни въ Мюнстерѣ. Когда въ 1745 году горцы шли на Лондонъ, католики въ Ирландіи были такъ спокойны, что лордъ-лейтенантъ могъ, безъ малѣйшаго опасенія, послать черезъ каналъ св. Георгія,—отдѣляющій Ирландію отъ Англіи,—нѣсколько полковъ для подкрѣпленія арміи герцога Кумберлендскаго. Но и эта подчиненность была не слѣдствіемъ довольства, а слѣдствіемъ полной апатіи, полнаго отсутствія бодрости. Мечъ пронзилъ сердце. Воспоминаніе прошлыхъ пораженій, привычка ежедневно переносить оскорбленія и притѣсненія подорвали бодрость и мужество несчастной націи. Правда, были ирландскіе католики съ большими способностями, большой энергіей и честолюбіемъ, но ихъ можно было встрѣтить въ Версали, въ Сан-Ильдефонзо, въ арміяхъ Фридриха и Маріи-Терезіи, короче, вездѣ, но только не въ Ирландіи. Одинъ ссыльный былъ маршаломъ Франціи, другой испанскимъ министромъ-президентомъ. Останься онъ на своей родинѣ—всѣ невѣжественные бездѣльники-дворяне, которые пили за славныя, безсмертныя воспоминанія, смотрѣли-бы на него сверху внизъ. Въ своемъ дворцѣ въ Мадридѣ онъ находилъ удовольствіе въ томъ, что посланникъ Георга II неотступно увивался вокругъ него, что онъ надменно третировалъ посланника Георга III. Повсюду въ Европѣ можно было встрѣтить храбрыхъ ирландскихъ генераловъ, способныхъ ирландскихъ дипломатовъ, ирландскихъ графовъ, бароновъ, ирландскихъ рыцарей ордена свв. Людвига и Леопольда, Бѣлаго Орла и Золотого Руна, которые, останься они дома, не могли-бы быть ни прапорщиками пѣхотнаго полка, ни свободными членами небольшихъ общинъ. Такъ какъ эти люди—естественные вожди своего народа—бы-

ли удалены, всѣ оставшіеся были совершенно безпомощны, пассивны. Возстанія Ирландіи противъ англичанъ можно было-бы опасаться съ такимъ-же основаніемъ, какъ возстанія женщинъ и дѣтей противъ мущинъ.

«Правда, въ то время не прекращались рѣзкіе разногласія между метрополіей и колоніей, но туземное населеніе во всѣхъ этихъ разногласіяхъ было такъ же мало заинтересовано, какъ краснокожіе—въ спорѣ изъ-за штемпельнаго акта, возникшаго между старой и новой Англіей. Господствующее меньшинство, хотя и возставало противъ правительства, относилось враждебно ко всему, въ чемъ видѣло возстаніе подчиненнаго большинства. Ни у одного изъ тѣхъ римскихъ патріотовъ, которые поразили мечемъ Юлія Цезаря, за его стремленіе къ императорской коронѣ, не было-бы угрызеній совѣсти, если-бъ онъ участвовалъ въ избіеніи цѣлой школы гладіаторовъ за ея попытку освободиться отъ самаго ненавистнаго и самаго унизительнаго изъ всѣхъ видовъ рабства. Каждаго Виргинскаго патріота, объяснявшаго разрывъ съ Британской имперіей само-собой понятной справедливостью, тѣмъ, что Творецъ далъ всѣмъ людямъ неотчуждаемое право на свободу,— каждаго совѣсть допустила-бы разстрѣлять перваго же негра-раба, заявившаго свое требованіе на это неотчуждаемое право. Точно такъ же протестантскіе владѣтели Ирландіи, съ гордостью причислявшіе себя къ сторонникамъ политическихъ ученій Локка и Сиднея, были того мнѣнія, что народъ, говорящій на кельтскомъ языкѣ и слушающій мессу, не можетъ имѣть никакого отношенія къ этому ученію. Молинэ сомнѣвался въ верховной власти англійскаго законодательства, Свифтъ нападалъ на каждую область правительственной системы острымъ орудіемъ насмѣшки и язвительности, Лукасъ безпокоилъ правленіе лорда Гарринггона, Бойль ниспровергъ правленіе герцога Дорсетскаго; но ни Молинэ, ни Свифту, ни Лукасу, ни Бойлю никогда не приходило въ голову обратиться съ воззваніемъ къ туземному населенію; для нихъ это обраще-

ніе было-бы равносильно обращенію къ свиньямъ. Позже Генри Флудъ подстрекалъ господствующіе классы требовать парламентской реформы и для достиженія ея обратиться даже къ революціоннымъ средствамъ. Но ни онъ, ни тѣ, которые смотрѣли на него, какъ на своего вождя, и шли за нимъ вплоть до государственной измѣны, не хотѣли признать за покореннымъ племенемъ права даже на ничтожнѣйшую долю участія въ политической жизни страны. Добродѣтельный, высоко-образованный Шарлемонъ, вигъ изъ виговъ, всю свою долгую жизнь посвятившій борьбѣ за то, что онъ считалъ свободой своей родины, голосовалъ противъ закона, предоставлявшаго избирательное право католикамъ, владѣльцамъ свободныхъ помѣстій, и умеръ съ непоколебимымъ убѣжденіемъ, что парламентъ долженъ навсегда остаться закрытымъ для католическихъ депутатовъ. Впродолженіи всего столѣтія, слѣдовавшаго за революціей, среди англійскихъ протестантовъ, на ряду съ стремленіемъ попирать ногами ирландцевъ, господствовало стремленіе къ политической свободѣ въ теоріи. Если-бы кто-нибудь изъ нихъ высказалъ какое нибудь состраданіе къ большинству, подавленному меньшинствомъ, то его навѣрное сочли-бы за фанатичнаго тори или за англиканскаго священника»*).

Печальна эта картина—положенія Ирландіи послѣ войны, набросанная Маколеемъ, но все же она была свѣтлѣе дѣйствительности. Ирландцы не только были унижены, не только политически безправны, но ко всему этому еще и экономически угнетены. Все, что осталось отъ англо-нормандскихъ завоевателей, пуританскихъ и англиканскихъ поповъ, все шло законнымъ путемъ въ широкіе карманы лендлорда, теперь единственнаго землевладѣльца. Если до сихъ поръ антагонизмъ между побѣдителями и побѣжденными, кельтами и германцами, католиками и протестантами, отдѣлялъ туземцевъ отъ англичанъ, то теперь къ

*) Маколей.—Исторія Англіи т. V.

этому прибавился великій антагонизмъ между землевладѣльцами, арендаторами и рабочими. Съ одной стороны—кельты, католики, пролетаріи, съ другой германцы, протестанты, землевладѣльцы: къ противоположности религіозныхъ и національныхъ интересовъ прибавилась противоположность интересовъ матеріальныхъ, и пропасть между обоими народами вмѣсто того, чтобы уменьшаться безконечно росла. Возникъ новый поводъ ко взаимной ненависти, новый поводъ для мученія Ирландіи, истекающей кровью отъ тысячъ ранъ, мученію уже не грубыми ударами кулака, а тысячами мелкихъ уколовъ закона. *Началось законное преслѣдованіе.* Законъ свирѣпствовалъ ужасный, неумолимый, болѣе разрушительный, чѣмъ раньше мечъ; но онъ дѣйствовалъ съ меньшимъ шумомъ, менѣе замѣтно; онъ не возбуждалъ умовъ, но увеличивалъ тупоумное смиреніе.

Своеобразно было тогда отношеніе къ Англіи ирландскихъ протестантовъ. Въ феодальное время въ метрополіи не интересовались колонистами: завоеваніе приносило пользу только королю, поэтому оно и было его дѣломъ. Но во время реформаціи эти колонисты стали піонерами новаго ученія, направленнаго противъ «папистскаго идолопоклонства»: и вся Англія теперь была занята ихъ судьбой, работала для ихъ «благоденствія».

Въ XVIII столѣтіи въ Англіи прошло уже время религіозныхъ и національныхъ идеаловъ; теперь господствовалъ капиталъ. Правда, англичане все еще гордились славой Англіи, такъ же строго, какъ и раньше праздновали воскресный день, но уже не были болѣе расположены приносить жертвы на алтарь религіи и національности. На колонистовъ въ Ирландіи они не смотрѣли болѣе какъ на передовыхъ борцовъ, за англійскую культуру и англиканскую церковь, а какъ на непріятныхъ конкурентовъ англійскихъ крупныхъ купцовъ и фабрикантовъ, и эти послѣдніе дѣлали все возможное, чтобы препятствовать развитію благосостоянія Ирландіи.

Въ XVII вѣкѣ въ южныхъ провинціяхъ Ирландіи развилась богатая, цвѣтущая промышленность—шерстяная мануфактура. Тогда лондонскіе купцы обратились къ правительству съ петиціей, въ которой они просили его употребить всѣ мѣры для уничтоженія шерстяной промышленности въ Ирландіи; и петиція эта не осталась неуслышанной. «Я—сказалъ король Вильгельмъ III—сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы уничтожить шерстяную мануфактуру Ирландіи». 25-го марта 1699 г. ирландскимъ парламентомъ былъ изданъ законъ, налагавшій на ирландскія сукна такую высокую вывозную пошлину, которая была равносильна абсолютному запрещенію вывоза, и мануфактура была разорена. Изъ опасенія, что ирландскія власти не будутъ такими же послушными рабами, какъ ирландскій парламентъ, было постановлено, чтобы нарушитель этого закона о пошлинахъ одинаково могъ быть судимъ, какъ англійскимъ, такъ и ирландскимъ судами; мало того, лица оправданныя въ Ирландіи могли быть снова привлечены къ суду и судимы въ Англіи.

Возникаетъ невольно вопросъ, какимъ образомъ ирландскій парламентъ, (хотя изъ него были исключены католики) могъ постановить что-либо подобное. Но удивленіе наше изсчезнетъ, когда мы узнаемъ, какъ безсовѣстно процвѣталъ здѣсь подкупъ. Легко было пріобрѣсти голоса лордовъ, искавшихъ милостей при дворѣ и почти никогда не жившихъ въ Ирландіи, сессія парламента ограничивалась обмѣномъ нѣсколькими актами вѣжливости съ вице-королемъ. Въ нижней палатѣ католиковъ засѣдало такъ-же мало, какъ и въ верхней, они не только были лишены пассивнаго избирательнаго права, такъ какъ въ парламентъ не могъ быть выбранъ никто не причащенный по англиканскому обряду—но съ 1727 г. они были лишены также и активнаго избирательнаго права. Но промышленность въ Ирландіи все-же находилась исключительно въ рукахъ протестантовъ, и голоса депутатовъ нижней палаты, какъ представителей индустріи, пріобрѣсти было труд-

нѣе, поэтому нижняя палата была куплена: членовъ, народнаго представительства подкупили должностями и пенсіями. Если не было достаточно вакантныхъ должностей, создавали новыя мѣста, увеличивали число старыхъ. Низшія мѣста, которыми не удовлетворялись депутаты, продавались за наличныя деньги, чтобы за вырученную сумму снова покупать голоса. Подкупъ совершался такъ открыто, что Гратанъ могъ воскликнуть въ самомъ парламентѣ: «осмѣлится-ли кто-нибудь отрицать подкупъ?» и не услышалъ ни отъ кого отвѣта. Въ другой разъ онъ же, говоря объ обычаѣ продавать мѣста пэровъ, чтобы употребить вырученныя деньги на покупку голосовъ, сказалъ «министры продаютъ прерогативы короны, чтобы купить права народа».

Но слишкомъ частая покупка голосовъ обходилась слишкомъ дорого, и парламентъ, возобновлявшійся первоначально ежегодно, рѣшено было избирать на всю жизнь короля. Однажды было даже предложено установить налоги сразу на 25 лѣтъ; но это было уже слишкомъ, и предложеніе провалилось. При Георгѣ III парламентъ былъ избранъ на 8 лѣтъ, благодаря чему снова повысились расходы на покупку голосовъ.

Исполнительная власть была достойна законодательной. Вице-короли Ирландіи являлись обыкновенно только разъ въ два года, чтобы открыть парламентъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. лордъ-Веймаутсъ, совсѣмъ не появлялись въ Ирландіи. Ихъ постъ былъ только синекурой, представляемой неспособнымъ или разорившимся членамъ высшаго дворянства, нуждавшимся въ службѣ, чтобы «отдохнуть». Лордъ Гуартонъ (Whorton) являетъ собою примѣръ того, какъ пользовались подобными синекурами. Онъ «сберегъ» себѣ на своей должности кругленькую сумму въ 45.000 фунтовъ стерлинговъ (въ 1700 г.).

Если при этихъ условіяхъ преуспѣяніе Ирландіи, какъ страны, было почти невозможно—то еще менѣе возможнымъ оно было для кельтовъ, живущихъ въ Ирландіи. Если

ирландскіе и англійскіе капиталисты смотрѣли другъ на друга какъ конкуренты,—то протестанты Ирландіи смотрѣли на католиковъ, какъ на своихъ рабовъ, которыхъ, надо держать въ возможно большей подчиненности въ интересахъ «національнаго благосостоянія».

Въ то время, какъ Англія старалась уничтожить всякій спросъ на рабочіе руки Ирландіи — владѣльцы въ Ирландіи столь же ревностно стремились урвать себѣ львиную долю того, что давала незначительная работа, которую еще могъ найти себѣ ирландскій работникъ. Продуктивность ирландскаго труда была очень низка, и изъ ничтожнаго продукта своего труда—рабочій получалъ жалкую долю. Удивительно ли, что бѣдный, невѣжественный народъ, съ которымъ послѣ столькихъ бѣдствій—вели истребительную войну при помощи законовъ, удивительно ли, что онъ голодалъ? И неужели, послѣ всего этого, одна перенаселенность Ирландіи повинна во всѣхъ ея бѣдствіяхъ?

Чтобы продолжать планомѣрное угнетеніе бѣднѣйшаго ирландскаго населенія, прежде всего рьяно заботились о возможно большемъ отупѣніи его. Всѣ католическія школы были закрыты, при чемъ, конечно, прекрасно понималось, что истый ирландецъ никогда не пошлетъ своихъ дѣтей въ протестантскую школу. Всѣ ирландскіе учителя были сосланы и возвращеніе имъ было воспрещено подъ угрозой смертной казни. Законъ установилъ даже плату 5 фунтовъ стерлинговъ на покрытіе расходовъ по отсылкѣ каждаго католическаго учителя въ Вестъ-Индію. Было запрещено безъ особаго разрѣшенія отправлять своихъ дѣтей заграницу, изъ опасенія, что они тамъ будутъ посѣщать католическую школу. Уже въ 1833 году въ Ирландіи было всего 789 національныхъ школъ съ 107.042 учениками! Въ 1861 году изъ 803.364 дѣтей школьнаго возраста только 262.823 или 33% регулярно посѣщали школу, въ 1871 г. изъ 1.021.700—только 363.850 т. е. 36%.

Но, если даже ирландецъ получалъ какое-либо образованіе—что было для него почти невозможно—оно было ему безполезно: высшая карьера—военная, политическая, гражданская—была для него закрыта закономъ. Законъ 1703 года запретилъ католикамъ-ирландцамъ даже пріобрѣтать недвижимую собственность. Мануфактуры были разорены, владѣніе землею ирландцу запрещено,—что же оставалось ему помимо аренды земли? Но и здѣсь позаботились о томъ, чтобы ирландское дерево не выросло до небесъ. Вышеупомянутый законъ 1703 года установилъ, что арендный договоръ съ ирландцами не можетъ быть заключенъ больше, чѣмъ на 31 годъ. *Арендная плата должна быть равна по крайней мѣрѣ двумъ трѣтямъ доходности земли;* если доходность растетъ, должна рости и арендная плата, такъ что арендатору ни въ коемъ случаѣ не должно оставаться болѣе трети доходовъ отъ его труда. Кто доносилъ о заключеніи болѣе выгоднаго для арендатора контракта,—тотъ получалъ вознагражденіе и весь доходъ арендатора, полученный имъ сверхъ установленной закономъ нормы.

Промышленность являлась мало выгодной, и, если ирландецъ, отторгнутый драконовскими законами отъ земледѣлія, переходилъ къ промышленности—то онъ попадалъ изъ огня въ полымя. Торговля и промышленность зависѣли отъ муниципальныхъ корпорацій, привиллегіями которыхъ было и управленіе, и регулированіе промышленности. Корпораціи эти состояли изъ англійскихъ купцовъ и промышленниковъ, вѣроисповѣданіе которыхъ, равно какъ и ихъ интересы—что было, вѣроятно, болѣе вѣскимъ мотивомъ—побуждали ихъ устранять конкуррентовъ папистовъ. Если не прямо запрещалось ирландцу занятіе ремесломъ—то разрѣшеніе обставлялось наиболѣе неблагопріятными условіями. Членомъ цеха могъ быть только протестантъ, кто же не принадлежалъ къ цеху,—долженъ былъ платить высокія подати, не имѣлъ права держать болѣе двухъ учениковъ и т. д.

Только одна дорога безусловно была открыта ирландцу: Англія полагала, что не можетъ лучше выразить свою смертельную ненависть къ сосѣднему острову, какъ заставивъ сыновей его стать наемными работниками. Обратить всѣхъ ирландцевъ безъ исключенія въ наемныхъ работниковъ—было завѣтной мечтой англичанъ, а это, конечно, наиболѣе соотвѣтствовало и національнымъ, и религіознымъ, и матеріальнымъ интересамъ Англіи: народъ враждебной расы и враждебной религіи этимъ путемъ былъ бы деморализованъ и сталъ бы наиболѣе удобенъ для эксплуатаціи. Дошло до того, что законъ не только желалъ, чтобы ирландецъ сталъ наемнымъ рабочимъ, но до извѣстной степени принуждалъ его къ работѣ по найму. Законъ этотъ наказывалъ наемнаго рабочаго, отказывавшагося работать въ дни, не празднуемыя протестантами.

И при всемъ этомъ всѣ государственныя тягости были взвалены на ирландцевъ, которые были обложены самыми произвольными и тяжелыми налогами. Да оно и понятно! Вѣдь они не имѣли представителей ни въ одной изъ вліятельныхъ корпорацій; не было никого, кто защищалъ бы интересы презираемыхъ ирландцевъ. И на католическаго рабочаго кельтскаго происхожденія взваливаются государственные тяготы протестантскою корпораціей владѣтельныхъ англосаксовъ—парламентомъ.

Налоги графства распредѣляются протестантскою корпораціей владѣтельныхъ англосаксовъ—«Великимъ судомъ присяжныхъ». Въ церковномъ приходѣ существовала протестантская корпорація владѣтельныхъ англосаксовъ—vestry; въ городѣ была протестантская корпорація имущихъ англосаксовъ—цехъ.

Такъ тѣснили во всѣхъ отношеніяхъ кельтскій народъ, такъ тѣснили ирландскаго рабочаго.

Дороги проводились по желанію лордовъ не для того, чтобы установить сношенія между населенными мѣстностями, но для того, чтобы сдѣлать болѣе удобнымъ подъѣздъ къ замкамъ помѣщиковъ. Школъ не строили,

чтобы можно было на эти деньги построить больше тюремъ и казармъ. При этомъ всюду были такіе подлоги, что продажность суда въ Англіи вошла въ поговорку.

Съ правосудіемъ было не лучше. Низшіе судебныя и полицейскія должности исполнялись мировыми судьями. Только состоятельный человѣкъ могъ быть мировымъ судьею; состоятельность и, конечно, протестантское исповѣданіе были единственными условіями для занятія этой должности. Способности къ отправленію ея не требовалось—были бы деньги и «истинная» вѣра. Эти ирландскіе мировые судьи жили большею частью въ Лондонѣ и пріѣзжали на время въ свой округъ чинить судъ. Ихъ постановленія возбуждали въ народѣ только ненависть. Имъ подчинялись такъ же, какъ и законамъ только потому, что за ихъ спиною стояла англійская артиллерія.

Не лучше обстояло дѣло и въ высшихъ судебныхъ палатахъ. Если католикъ былъ обиженъ протестантомъ—онъ никогда не могъ разсчитывать на справедливость въ судѣ, гдѣ и адвокатами, и судьями и присяжными были протестанты.

Ко всему этому присоединялся еще англиканскій пасторъ, явившійся въ Ирландію въ качествѣ миссіонера и жившій тамъ, какъ рантье, если онъ не предпочиталъ проживать ежегодно свои 500 ф. стерлинговъ въ Лондонѣ или въ Чельтэнгамѣ, такъ какъ въ Ирландіи кромѣ полученія доходовъ ему нечего было дѣлать. По вычисленію Гладстона, еще въ 1870 г., въ преимущественно католической Ирландіи, капиталъ англиканской церкви, состоявшій главнымъ образомъ изъ церковныхъ десятинъ и поземельной ренты, достигалъ 16.000.000 ф. стерлинговъ (около 150 милл. р.).

Что католики были стѣснены и во многихъ другихъ отношеніяхъ—вполнѣ понятно; ни одинъ католикъ-ирландецъ не имѣлъ права носить оружіе, ни одинъ не могъ быть опекуномъ дѣтей, хотя бы и католиковъ, не имѣлъ права ни наслѣдовать протестанту, ни получать отъ него подарки. Въ 1698 г. было запрещено ирландцамъ вступать

въ бракъ съ протестантками; и священника, который благословилъ такой бракъ, ожидала смертная казнь, хотя бы онъ и доказалъ, что онъ не зналъ о вѣроисповѣданіи обоихъ.

Въ общемъ эти законы, какъ замѣтилъ Артуръ Юнгъ, меньше были направлены противъ вѣроисповѣданія, чѣмъ противъ имущества католиковъ.

Всю ирландскую систему мѣтко характеризовалъ Боркъ: «Это—говоритъ онъ—самое удобное и могучее орудіе угнетенія, которое когда-либо было открыто развращеннымъ человѣческимъ умомъ съ цѣлью уничтожить народъ, повергнуть его въ нужду и нищету, деморализовать его и исказить въ немъ человѣческую природу со свойственными ей инстинктами».

Но какъ ни низко палъ ирландскій народъ, такой гнетъ не могъ продолжаться долго, не вызывая отпора. Правда, для всеобщаго возстанія ирландцы слишкомъ пали духомъ, были слишкомъ обезсилены, неразвиты; постоянныя ужасныя пораженія, начиная со вторженія Генриха II въ 1169 г. вплоть до битвы при рѣкѣ Бойнѣ въ 1690 г., окончательно подорвали ихъ силы; но, когда настаетъ особенно жестокая нужда, когда увеличивается голодъ, падаетъ заработная плата, увеличивается число изгнаній несостоятельныхъ арендаторовъ,—тогда въ ирландцѣ пробуждается духъ сопротивленія, и въ одинъ прекрасный день появляются воззванія: «Одна земля даетъ намъ жизнь; обнимемъ же ее крѣпко и не разстанемся съ ней! Землевладѣлецъ или его замѣститель приказываетъ намъ покинуть ее, но мы останемся! Судъ намъ приказываетъ, но мы все-таки останемся! Явится вооруженная сила, что-бъ насъ заставить, мы изо всѣхъ силъ будемъ сопротивляться несправедливому врагу, и чтобы несправедливость не причинила намъ никакого вреда, мы жестоко накажемъ тѣхъ, которые ее совершаютъ.

«Кто самъ или черезъ посредство другого будетъ отнимать у насъ нашу заарендованную землю, тотъ поплатит-

ся жизнью! Владѣлецъ или мидельмэнъ (посредникъ), его агентъ, который прогонитъ арендаторовъ — поплатится жизнью! Помѣщикъ, который потребуетъ за акръ земли высшую аренду, чѣмъ та, которую мы назначили—заплатитъ жизнью!

«Жизнью заплатитъ и тотъ, кто предложитъ арендную плату выше установленной, кто займетъ мѣсто изгнаннаго арендатора, кто на аукціонѣ или гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ купитъ конфискованное имущество арендатора!

«Мы не только будемъ наказывать виновныхъ, но будемъ вредить ихъ интересамъ, будемъ оскорблять ихъ чувства; мы не только будемъ калѣчить ихъ скотъ, поджигать ихъ дома, разорять ихъ луга, пашни, но мы будемъ убивать также ихъ друзей, ихъ родныхъ, безчестить ихъ женъ и дочерей. Но чтобы быть сильными, намъ нужно оружіе, поспѣшимъ же захватить то, которое у насъ отняли! Разобщенность была до сихъ поръ причиной нашей слабости, соединимся и торжественно обяжемся исполнять всѣ постановленія, которыя мы сдѣлаемъ, и чтобы наше обязательство было ненарушимо—освятимъ его клятвой и окружимъ непроницаемой тайной! Распространимъ сѣть нашего союза на всю страну, и кто откажется дать клятву присоединиться къ намъ, тотъ будетъ считаться нашимъ врагомъ, и какъ съ таковымъ съ нимъ и поступятъ. Чтобы слова эти не были пустой угрозой, поклянемся торжественно, чтобы всегда каждый изъ насъ, кому было поручено совершить наказаніе, тотчасъ же исполнялъ данное ему порученіе со всею строгостью».

Такъ гласили воззванія Гуайтбойевъ («Бѣлыхъ Парней»), тайнаго союза, получившаго свое имя отъ бѣлыхъ рубахъ своихъ членовъ, носившихъ ихъ, какъ примѣту. Ихъ первое возстаніе было въ 1760 г. Что посѣешь, то и пожнешь! И, когда съ народомъ обращаются какъ съ животнымъ, то нечего жаловаться, если и онъ поступаетъ по-звѣрски. Гуайтбои были, однако, лучше, чѣмъ ихъ сла-

ва, оскорбленные, попранные ногами, одичавшіе, отупѣвшіе съ ненавистью и отчаяніемъ въ сердцѣ—они мстили такъ же по звѣрски, какъ ихъ господа обращались съ ними, но они были честны, они не грабили денегъ и имущества, а только оружіе и средства обороны. Это уже не была больше война кельтовъ противъ германцевъ, католиковъ противъ протестантовъ, это была война неимущихъ противъ своихъ господъ.

Для эксплуататоровъ труда въ городѣ и деревнѣ наступило невеселое время.

Если землевладѣлецъ требовалъ отъ арендатора слишкомъ высокую аренду, онъ находилъ на дверяхъ слѣдующее объявленіе: «Симъ увѣдомляю васъ, что мы больше не терпимъ несправедливости требованія двойной арендной платы противъ ея дѣйствительной стоимости. Кто не обратитъ вниманія на это заявленіе, будетъ наказанъ съ величайшей строгостью!» (Терри Альтъ).

Если рабочіе получали слишкомъ низкую плату—появлялся слѣдующій декретъ: «Съ настоящаго дня ни одинъ рабочій не долженъ работать въ такомъ-то заведеніи за плату ниже десяти шиллинговъ *) въ недѣлю. Горе тому, кто будетъ работать за низшую плату».

Если кто-нибудь выплачивалъ десятинный сборъ, ему угрожали смертью; если землевладѣлецъ хотѣлъ прогнать арендатора, поднять арендную плату, пригласить въ страну иноземныхъ рабочихъ, его наказывали по кодексу «Бѣлыхъ Парней». Тщетно старались власти уничтожить этотъ ужасный союзъ; высокія награды доносчикамъ не приносили пользы потому, что каждаго, кто являлся свидѣтелемъ противъ Гуайтбоевъ, убивали часто прежде, чѣмъ онъ успѣвалъ дать свое показаніе.

Когда отношенія временно улучшались, народъ пере-

*) 10 шил.—около 5 рублей—очень высокая плата для Ирландіи, гдѣ поденная плата падала иногда до 2 пенсовъ—(около 8 коп.), при чемъ каке, населеніе, напримѣръ, въ Коннаутѣ, въ теченіе шести мѣсяцевъ оставалось безъ работы и должно было голодать.

ставалъ принимать участіе въ тайномъ союзѣ, и союзъ умиралъ самъ собою съ тѣмъ, чтобы при ближайшемъ удобномъ случаѣ снова возродиться часто подъ другимъ именемъ, но съ тѣми же задачами. Въ 1763 году появились «Дубовыя Сердца», въ 1772 г. они назвались «Стальными Парнями». Они возстали потому, что маркизъ Донэгаль въ одинъ прекрасный день прогналъ всѣхъ своихъ арендаторовъ; въ 1785 г. они называли себя «Парнями Права», затѣмъ «Рокистами» (Солдатами капитана Рока, одного изъ вымышленныхъ предводителей), «Кларистами», (подданные леди Клары, также вымышленной королевы), въ 1805 г. «Молотильщиками»; въ 1811, 1815, 1820, 1821, 1823, 1829 они снова приняли имя «Бѣлыхъ Парней», въ 1831 «Терри-Альтъ» въ 1832-33-37 «Бѣлоногихъ», «Черноногихъ».

Лордъ Чарлемонъ указалъ причину этихъ періодическихъ возстаній:—это нищета, гнетъ, голодъ—Misery, Oppression, Famine!

Какъ ни часто повторялись возстанія—они не имѣли никакого успѣха. Разсчитанныя на борьбу противъ временныхъ бѣдствій,—они неизбѣжно должны были утрачивать всякій интересъ въ глазахъ народа, какъ только общее положеніе хотя бы незначительно улучшалось. Ирландія была способна къ мелкимъ возстаніямъ, но ее сдѣлали неспособной къ революціи. У нея не хватало энергіи, поставивъ себѣ великую цѣль, преслѣдовать ее съ желѣзною настойчивостью, несмотря ни на какія препятствія.

Новое, правда кратковременное, воодушевленіе охватило Ирландію, когда пришла вѣсть объ освободительной сѣверо-американской войнѣ; но воодушевленіе это было только въ средѣ болѣе обезпеченныхъ ирландцевъ, народная же масса въ Ирландіи, какъ и въ Америкѣ, смотрѣла безразлично на раздоръ между метрополіей и колоніей. Обезпеченные классы хотѣли избавиться отъ тяжелой конкурренціи Англіи и только поэтому, а не по какимъ-либо другимъ причинамъ основывали общества съ цѣлью требо-

вать независимости Ирландіи. Первымъ дѣломъ ихъ—было бойкотированіе всѣхъ англійскихъ товаровъ!

Съ теченіемъ времени общества эти превратились въ добровольную милицію, которая выросла вскорѣ до 40.000 человѣкъ и организовалась совершенно самостоятельно. Англія, занятая американскою войною, вынуждена была оставить въ покоѣ ирландцевъ. Если вѣрить сладкимъ рѣчамъ, благодѣтели, стоявшіе тогда во главѣ управленія, были друзьями католиковъ; по крайней мѣрѣ въ одной резолюціи они заявляли: «Какъ мужчины, христіане и протестанты мы рады, что уголовные законы, направленные противъ нашихъ ирландскихъ гражданъ, смягчаются, и мы ожидаемъ отъ предложенныхъ парламенту мѣропріятій самыхъ благопріятныхъ послѣдствій для объединенія и процвѣтанія Ирландіи». Этими сладкими рѣчами хотѣли лишь заманить простаковъ на удочку. Какъ были настроены эти доброхоты въ дѣйствительности, можно заключить уже изъ того, что въ то же время они заявляли: «Реформа парламента должна осуществиться, но католикамъ избирательное право не должно быть дано».

Въ Ирландіи, какъ и въ Сѣверной Америкѣ, какъ и во Франціи, существовало также движеніе такъ называемаго третьяго сословія для пріобрѣтенія политической власти; но изъ-за боязни передъ религіозною католическою народною массой—движеніе это было менѣе радикально, чѣмъ въ обоихъ названныхъ странахъ. Тѣмъ не менѣе, въ 1782 году добились объявленія независимости ирландскаго парламента.

Черезъ семь лѣтъ во Франціи вспыхнула революція: съ ликованіемъ привѣтствовали въ Ирландіи свѣтъ свободы. Громадное воодушевленіе охватило всѣхъ: католики и протестанты, богатые и бѣдные—всѣ братски простирали другъ другу руки, требовали религіозныхъ, политическихъ, соціальныхъ реформъ. Годовщина взятія Бастиліи была торжественно отпразднована, на ирландскомъ гербѣ арфа—была амѣнена фригійской шапкой, побѣда французской рейн-

ской арміи была отпразднована въ Дублинѣ иллюминаціей.

«Союзъ «Объединенныхъ ирландцевъ» образовался изъ католиковъ и протестантовъ; всѣ говорили, что съ французскимъ нашествіемъ Ирландія должна быть освобождена; Вольфъ Тунъ поспѣшилъ во Францію, чтобы ускорить дѣло. Англія же дѣлаетъ рядъ уступокъ для предотвращенія грозы; католикамъ открывается доступъ къ адвокатурѣ, разрѣшаются браки между католиками и протестантами. Это великодушіе должно было успокоить Ирландію! Но когда въ 1783 г. Франція объявила войну, Англія увидѣла себя вынужденной къ дальнѣйшимъ уступкамъ: католиковъ не обязываютъ больше соблюдать обряды англиканской церкви, имъ разрѣшаютъ обучать своихъ дѣтей, какъ они хотятъ, имъ открываютъ доступъ къ большинству гражданскихъ и военныхъ должностей, и наконецъ даютъ имъ *активное* избирательное право, *пассивное* же остается для нихъ недоступнымъ.

Между тѣмъ обликъ Франціи совершенно преобразуется; объявляются всеобщія права человѣка и гражданина, и Великобританію охватываетъ ужасъ передъ колоссальнымъ переворотомъ на континентѣ; знать Ирландіи уже не проявляетъ больше склонности соединиться съ революціонными элементами Франціи и покидаетъ свои мечты о свободѣ. Боркъ всегда стоявшій на сторонѣ новой Англіи и Ирландіи, бывшій заклятымъ врагомъ аристократіи, мечетъ теперь громъ и молнію противъ всякаго революціоннаго движенія, равно какъ и противъ всякихъ ирландскихъ реформъ. Въ ирландскихъ городахъ расквартировываются гарнизоны солдатъ, въ клубахъ запрещается веденіе политическихъ дебатовъ, добровольная милиція распускается. Но общество «Объединенныхъ Ирландцевъ» не даетъ себя сбить съ толку и тайно продолжаетъ подготовлять вторженіе французовъ. Народу, однако, казались слишкомъ продолжительными эти приготовленія; съ нетерпѣніемъ сноситъ онъ свой гнетъ, но наконецъ не выдерживаетъ и возстаетъ раньше, чѣмъ подоспѣла по-

мощь французовъ. Эта послѣдняя попытка возстанія Ирландіи, возстанія, въ которомъ не приняли участія обезпеченные классы населенія, въ которомъ не было идейнаго единенія—(одни боролись за свободу, другіе—за католическую церковь,—попытка возстанія, плохо руководимаго, была задавлена раньше, чѣмъ высадилась французская экспедиція (въ 1798 г.).

Возстаніе было очень на руку Англіи: оно дало ей поводъ снова подавить страну, которая обнаружила признаки пробуждающейся жизни, обезсилить ее раньше, чѣмъ она окрѣпнетъ. Ужасною, кровавою местью мстили помѣщики послѣ побѣды; еще болѣе ужасною, болѣе кровавою, чѣмъ во Франціи во время террора, хотя здѣсь передъ англичанами не было вопроса о собственной жизни или смерти, какъ это было во Франціи Робеспьера и Марата.

Послѣ подавленія возстанія, которое едва-ли было опасно, въ Ирландіи начали свою дѣятельность военные суды.

Лордъ Чарлемонъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что для вынужденія сознанія у обвиняемаго, его *до постановленія приговора били плетью, пытали, до полусмерти держали въ петлѣ!* Если являлись свидѣтели, показывавшіе въ пользу обвиняемаго—ихъ устраняли, хотя бы это были протестанты и сторонники правительства если же они настаивали въ своемъ желаніи дать показанія —ихъ прогоняли штыками. Поводомъ къ тяжкому обвиненію было спасеніе протестантовъ отъ ярости инсургентовъ, такъ какъ это свидѣтельствовало о симпатіяхъ между католиками и протестантами! Въ страхѣ обвиняемый кричалъ: «Можетъ-ли кто-нибудь доказать, что я спасъ кому-либо жизнь!» *).

Если не удавалось найти ни одного свидѣтеля, который бы показалъ противъ обвиняемаго—искали такового

*) Гордонъ, сообщающій большинство приводимыхъ здѣсь фактовъ—англійскій протестантъ, всѣ симпатіи котораго на сторонѣ военныхъ судовъ.

въ тюрьмахъ, обѣщая даровать жизнь за дачу показаній противъ обвиняемаго, а, если и эти обѣщанія не приводили къ желанной цѣли—не стѣснялись прибѣгать къ угрозамъ или даже пыткамъ. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда не могли привести никакого доказательства совершенія преступленія—судьба обвиняемаго была уже заранѣе рѣшена: самое обвиненіе было уже осужденіемъ. Предсѣдатель военнаго суда, большею частью жестокій и невѣжественный человѣкъ, объявлялъ обвиняемому смертный приговоръ, который тотчасъ же и приводился въ исполненіе. Приговоренныхъ къ смертной казни—вѣшали. Если приговоры суда исполнялись въ Вексфордѣ—то трупы къ тому же еще и уродовались, надъ ними издѣвались и, отрубивъ имъ головы—бросали ихъ въ рѣку, *головы же прибивали гвоздями къ наружной стѣнѣ трибунала. Подчасъ надъ повѣшенными позволяли себѣ продѣлывать „шутку": раньше, чѣмъ они умирали—ихъ ставили на ноги, ждали пока къ нимъ возвратится сознаніе, и тогда снова вѣшали.*

И тѣ самые господа, по приказу которыхъ совершались всѣ эти ужасы, осмѣливались кричать «караулъ» по поводу гильотированія во Франціи!..

Ирландскій парламентъ былъ распущенъ и въ 1800 году Ирландія была соединена съ Англіей. Ирландскій парламентъ, сперва возставшій противъ этой реформы—согласился на нее послѣ того, какъ англійскій парламентъ вотировалъ 1.600.000 фунтовъ стерлинговъ для подкупа ирландскихъ депутатовъ. Таково было это «народное представительство»!.....

Вотъ исторія Ирландіи,—море крови и слезъ, въ которомъ погибалъ благородный народъ.

Въ послѣднее время пытались сдѣлать кое-какія (немногія) улучшенія, но много-ли поможетъ Ирландіи эта заплата? Когда человѣку скуютъ сперва ноги и руки, жестоко искалѣчатъ его члены, развѣ не будетъ простымъ издѣвательствомъ надъ нимъ, когда, расковавъ его, ему

скажутъ: ты свободенъ и можешь распоряжаться своими членами какъ твоей душѣ угодно!? А развѣ не звучитъ насмѣшкой, когда обнищаніе народа, до послѣдняго времени переносящаго еще всякія истязанія,—объясняютъ перенаселеніемъ? Конфискаціи, преслѣдованія, законно-организованный грабежъ не оставили никакихъ послѣдствій, а разведеніе картофеля—обусловило бѣдность Ирландіи?!

Всю землю Ирландіи отняли у народа и распредѣлили между нѣсколькими англійскими семьями. Несмотря на то, что въ Ирландіи давно уничтожена неотчуждаемость земли, вся Ирландія, за исключеніемъ городовъ, принадлежала въ 1780 г. только 19.547 землевладѣльцамъ, которые получали 10.000.000 ф. стерлинговъ ренты; изъ числа этихъ землевладѣльцевъ—5946, владѣвшіе больше, чѣмъ половиною всей земли, свои доходы, можно сказать, проѣдали за предѣлами Ирландіи. Такой ирландскій лордъ не велъ, конечно, самъ въ своихъ помѣстьяхъ хозяйства, даже не жилъ въ скучной странѣ, гдѣ находились его владѣнія, въ которыхъ онъ не имѣлъ возможности предаваться дорогимъ удовольствіямъ. Поэтому лордъ за извѣстную сумму передавалъ доходъ отъ своихъ владѣній какому-нибудь банкиру или адвокату въ Лондонѣ или Дублинѣ и не безпокоился больше о своемъ помѣстьи. Но и этотъ управляющій не желалъ обрабатывать земли, предпочитая спекулировать ею. Онъ раздѣляетъ помѣстья на участки по 100—500—1000 акровъ и раздаетъ ее арендаторамъ второго порядка, мидельменамъ, эти послѣдніе дѣлятъ участки на парцеллы по 5, 10, 20 акровъ и стараются по возможно болѣе высокой цѣнѣ раздать ее въ аренду бѣднымъ земледѣльцамъ. Достаточно характернымъ для невѣроятныхъ условій этой аренды служитъ данное ей названіе «аренда-пытка».

Незначительная величина парцеллъ, конечно, является причиной того, что земледѣлецъ, на получаемый имъ отъ обработки доходъ, можетъ прожить лишь очень скудно. «Въ Ирландіи считаютъ, что на *хорошей* землѣ семья арен-

датора при десяти акрахъ можетъ хорошо (?) жить; нѣкоторые свѣдущіе люди полагаютъ, что достаточно 6 акровъ, тогда какъ въ другихъ мѣстностяхъ никакое хозяйство меньше, чѣмъ въ 20 акровъ не можетъ оплачивать аренды (Evidence on the occupation of land in Irland, passime). По вычисленію Мангвайрскаго комитета въ 1865 г. минимальная площадь земли, на которой могъ прокормиться арендаторъ со своей семьей, равнялась 15—20 акрамъ, исключая земли особенно плодородныя или расположенныя вблизи большихъ городовъ *). Каково это «преуспѣяніе» показываетъ намъ тотъ фактъ, что «даже арендаторы 40 акровъ иногда въ теченіе 3-хъ лѣтъ не убивали для себя ни одной свиньи **).

О нищетѣ, господствующей на «Зеленомъ Иринѣ»***), можно получить представленіе потому, что въ 1845 г.

135.314	арендатор.	имѣли	менѣе	одного	ирландск.	акра		
181.950	»	»	отъ	1	до	5	»	»
187.909	»	»	»	5	»	10	»	»
187.582	»	»	»	10	»	20	»	»
187.213	»	»	»	20	»	100	»	»
25.047	»	»	»	болѣе ста			»	»

Сюда надо еще прибавить 25.789 арендаторовъ артельщиковъ и 4.431 арендат., о которыхъ не было собрано свѣдѣній ****). Болѣе двухъ третей арендаторовъ—692.755—стало быть были не въ состояніи «преуспѣвать» даже при самомъ напряженномъ трудѣ...

Незначительная величина арендуемыхъ участковъ отнюдь не обусловливается недостаткомъ удобныхъ земель, такъ какъ изъ 20 милліоновъ акровъ, занимаемыхъ Ирландіей, 5 милліоновъ акровъ удобной земли (изъ которыхъ 1 милліонъ акровъ годенъ для разведенія злаковъ)

---

*) Roscher, Nationalökonomie des Ackerbaues 172.

**) Тамъ-же 216.

***) Иринъ—кельтское названіе Ирландіи. *Прим. переводчика.*

****) Roscher—l. c. 174.

не было вовсе воздѣлано. Но, съ увеличеніемъ площади обрабатываемой земли уменьшалась бы конкурренція арендаторовъ, повысился бы поземельный доходъ страны, но не доходы лордовъ; поэтому эти послѣдніе не видятъ никакой выгоды для себя въ превращеніи пустошей и топей въ плодородныя поля. Совершенно иная судьба выпала бы на долю Ирландіи, если бы вся земля не принадлежала немногимъ и если бы конкурренція не заставляла, ирландцевъ отдавать этимъ немногимъ владѣльцамъ все вырабатываемое ими, за исключеніемъ развѣ запаса картофеля, необходимаго для поддержанія своего существованія. Это-то обстоятельство, а не перенаселенность, является причиной ирландской нищеты! О томъ, какъ деморализующе дѣйствовала въ Ирландіи свободная конкурренція, свидѣтельствуетъ отчетъ Реванса, секретаря комиссіи, подготовлявшей ирландскій законъ о бѣдныхъ. «Объ ирландскихъ крестьянахъ—гласитъ отчетъ—можно съ увѣренностью сказать, что каждая семья, не обладающая достаточнымъ для своего пропитанія количествомъ земли, должна одного или нѣсколькихъ своихъ членовъ содержать нищенствомъ. Легко понять, поэтому, что сельское населеніе прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы арендовать маленькіе участки земли, и при предложеніи арендной цѣны руководится не плодородностью земли или возможностью уплатить ренту, но предлагаетъ столько, сколько надѣется получить отъ земли, лишь бы только имѣть аренду. Почти всѣ они безъ исключенія не въ состояніи заплатить арендной платы и поэтому почти тотчасъ же по заключеніи арендnаго договора должаютъ своимъ помѣщикамъ. *Подъ именемъ аренды они платятъ весь доходъ отъ земли за исключеніемъ достаточнаго для ихъ существованія запаса картофеля*, но, такъ какъ доходъ этотъ рѣдко покрываетъ аренду, задолженность арендатора постоянно растетъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ наибольшій доходъ земли, который когда-либо давалъ земельный участокъ, наибольшій доходъ, который могъ бы быть полученъ при ихъ системѣ обработки

земли въ самомъ урожайномъ году, все же не покрылъ бы аренды. Поэтому, если бы крестьянинъ исполнялъ свои обязательства передъ землевладѣльцемъ, что онъ рѣдко въ состояніи сдѣлать, то это значило бы совершенно даромъ обрабатывать землю и при этомъ еще платить помѣщику премію за одно разрѣшеніе обрабатывать. Рыбаки и работающіе въ сѣверныхъ графствахъ ткачи платятъ дѣйствительно часто аренду, превышающую всю доходность арендуемой ими земли. Можно подумать, что для нихъ было бы лучше при такихъ условіяхъ совсѣмъ не арендовать земли, но рыболовство въ теченіе одной—двухъ недѣль можетъ быть безуспѣшнымъ, можетъ также отсутствовать спросъ на произведенія ткацкаго станка, и тогда, если бы у нихъ не было земли, на которой растетъ ихъ пища, они должны были бы умереть съ голода. Крестьянинъ постоянно остается въ долгу у землевладѣльца. Его ничтожное имущество —жалкая одежда его самого и его семьи, два—три стула, немного кухонной утвари—это все, что есть въ его убогой хижинѣ, и при продажѣ это не покрыло бы наличный и непрерывно растущій его долгъ. Задолженность крестьянъ обыкновенно равна годичной арендной платѣ, и оправданіемъ того, что онъ не платитъ долга—служитъ его крайняя бѣдность. Если въ иной годъ арендованный участокъ земли принесетъ большій доходъ, чѣмъ обыкновенно или, если крестьянинъ, благодаря какому-нибудь случаю, пріобрѣтетъ какое-либо имущество—онъ не можетъ улучшить условій своей жизни: онъ не можетъ улучшить или увеличить свое питаніе, увеличить свою домашнюю утварь, сдѣлать лучшее платье своей женѣ и дѣтямъ. Все пріобрѣтенное имъ—онъ долженъ предоставить тому, у кого онъ арендовалъ землю. Случайный большій доходъ даетъ ему лишь возможность уменьшить свой арендный долгъ, и, такимъ образомъ, отсрочить свое вѣроятное изгнаніе. Большаго онъ не можетъ ожидать».

Какъ примѣръ того, до какой невѣроятной высоты поднимаетъ иногда «бѣшеная» конкурренція нормальную

арендную плату, Милль приводитъ фактъ, взятый имъ изъ свидѣтельскихъ показаній, данныхъ передъ коммиссіей лорда Девонса. Бэрли, правительственный чиновникъ въ Керри, показалъ: «Я зналъ человѣка, рѣшившаго предложить за хорошо мнѣ извѣстный участокъ земли—50 ф. стерл. годовой аренды; и я видѣлъ самъ, что конкурренція настолько подняла аренду, что тотъ же самый человѣкъ взялъ землю за 450 (!) фунт. стерл. аренды въ годъ».

Весьма остроуменъ способъ, при помощи котораго у рабочаго ухитряются оттянуть частицу его ничтожной заработной платы. Система Конакра, подобная Truck-system*), но болѣе эксплуатирующая рабочихъ, очень распространена въ Ирландіи. Рабочаго надѣляютъ парцеллой земли только для одной жатвы, при чемъ аренду онъ платитъ отработкой, «Выплачиваемая такимъ образомъ аренда иногда въ 4—8 разъ превышаетъ обыкновенную (отъ 7 до 15 фунт. стерлинговъ за акр.)» Большинство свѣдущихъ людей согласны въ томъ, что одно введеніе денежнаго разсчета, вмѣсто этой системы заработной платы—въ этой странѣ картофеля было бы большимъ прогресссмъ.

Улучшеніе земли и веденіе болѣе раціональнаго хозяйства при такихъ условіяхъ, конечно, невозможны. Ни помѣщикъ, ни миддльменъ не затратятъ капитала на меліораціи, доходъ отъ которыхъ не достался бы ни тому ни другому. Помѣщикъ вообще мало заботится о своемъ имѣніи, котораго онъ годами не видитъ; онъ доволенъ, что миддльменъ снимаетъ съ него эту заботу; у этого же послѣдняго только одна цѣль: елико возможно эксплуатировать и обманывать лорда и арендатора. Въ своей «Національной Экономіи Сельскаго хозяйства» Рошеръ, касается сельского хозяйства Ирландіи и приводитъ примѣры дѣяній этихъ господъ. Уэкфильдъ разсказываетъ объ одномъ

---

*) Truck-system—система оплаты труда натурой, предметами непосредственнаго потребленія, иногда продуктами—выработанными самими рабочими. *Прим. переводчика.*

землевладѣльцѣ, который взялъ взаймы у своего миддльмена 20.000 фунт. стерл. и на вопросъ послѣдняго, какъ онъ долженъ вести хозяйство, получилъ отвѣтъ: «поступайте какъ знаете». Какую пользу можетъ принести при такихъ условіяхъ даже пожизненная или 31-лѣтняя аренда, часто заключаемая теперь? Часто большая часть аренды выплачивалась въ видѣ подарковъ женѣ, дѣтямъ, любовницамъ помѣщика.

Бывали случаи, когда миддльменъ участокъ земли въ 400 акровъ отдавалъ въ аренду 600 самостоятельнымъ арендаторамъ. Если миддльменъ обанкротится — землевладѣлецъ (до 1826 г.) имѣлъ право удержать за собою всю жатву пересъемщиковъ, *хотя бы они и заплатили миддльмену всю арендную плату*. Эта шаткость положенія, конечно, возрастала вмѣстѣ съ числомъ лицъ, стоявшихъ между собственниками и земледѣльцами, поэтому А. Юнгъ называетъ миддльменовъ самымъ ужаснымъ типомъ тирановъ, которые когда-либо разоряли страну. «Освободитель» О'Коннелль, какъ миддльменъ (посредникъ) получалъ отъ своихъ крестьянъ въ три раза больше, чѣмъ платилъ помѣщику.

Арендатору, конечно, меньше всего было резона производить улучшенія: всякое увеличеніе дохода приносило пользу не ему, а миддльмену и помѣщику. Къ мелліораціямъ онъ былъ менѣе всего склоненъ, такъ какъ землевладѣлецъ могъ прогнать его въ каждый данный моментъ по своему произволу, не возвративъ стоимости улучшеній. Такъ было до 1870 г., когда былъ изданъ Landlord and Tenent Act, ограничившій эту «свободу». Послѣ 1870 г. изъ 682.237 арендаторовъ 526.539 по прежнему были предоставлены этому произволу. Если къ этому прибавить еще бѣдность арендаторовъ, благодаря которой они вынуждены работать безъ оборотнаго капитала, ихъ невѣжество и тупоуміе, какъ результатъ такъ долго тяготѣвшаго надъ ними гнета,—то не слѣдуетъ удивляться тому, что обработка земли въ Ирландіи нахо-

дится въ примитивномъ состояніи. «О плодоперемѣнной системѣ, разведеніи корнеплодовъ, клевера и т. д.—говоритъ Roscher въ 1845 г.—могла быть рѣчь только у крупныхъ хозяевъ, хозяйства которыхъ находились противъ англійскаго берега; въ другихъ же мѣстахъ нѣсколько лѣтъ подрядъ разводили картофель, потомъ нѣсколько лѣтъ подрядъ овесъ, пока почва не истощалась совершенно; затѣмъ нѣкоторое время она отдыхала, покрывалась сперва бурьяномъ, затѣмъ травою, приготовляясь такимъ образомъ къ повторенію той-же «пытки». Инвентарь находился въ самомъ плачевномъ состояніи; еще недавно плохіе плуги требовали 4-хъ и болѣе лошадей и 3—4-хъ человѣкъ, телѣги вмѣсто колесъ двигались на полозьяхъ, сбруя была изъ соломы, и еще въ 1810 г. животныхъ иногда запрягали въ плугъ, привязывая за хвостъ*). Во многихъ мѣстахъ ригъ совсѣмъ не существовало, и хлѣбъ молотили на улицѣ».

Такимъ образомъ аренда, дающая возможность въ Англіи стать земледѣльцу состоятельнымъ человѣкомъ, въ Ирландіи едва обезпечивала его отъ самойкрайней нужды. Причина того, почему трудъ въ Ирландіи такъ не продуктивенъ, почему такъ незначительны его результаты, главнымъ образомъ должна быть приписана тому обстоятельству, что, благодаря постояннымъ конфискаціямъ, земля перешла въ руки немногихъ лицъ. Непроизводительность ирландскаго труда обусловливается также невѣжествомъ, индифферентностью ирландцевъ, естественнымъ послѣдствіемъ бѣдности и долго продожавшагося тяжелаго гнета. Изъ того немногаго, что даетъ арендатору его трудъ, лишь меньшая часть остается въ его рукахъ, большую-же—онъ долженъ отдать землевладѣльцу. Раньше его заставляли это дѣлать, теперь-же не приходится при-

*) Хотя еще въ 1834 году, когда, очевидно, эта „запряжка“ была очень распространена—она была запрещена парламентскимъ актомъ. См. E. Perels „Ueber die Bedeutung des Maschinenvesen für die Landwirthschaft“. 1867. 9.

бѣгать къ насилію, все совершается съ помощью конкуренціи. Слишкомъ много появилось желающихъ снять землю въ аренду! Однако очень ошибся бы тотъ, кто заключилъ бы отсюда, что это вызвано чрезмѣрно увеличившимся спросомъ на землю, перенаселеніемъ страны. Земли достаточно, чтобы удовлетворить спросъ, но искусственно уменьшеное предложеніе земли, потому что вся Ирландія принадлежитъ нѣсколькимъ лицамъ...

Бѣдность Ирландіи не является слѣдствіемъ избытка потребителей, потому что такого избытка въ Ирландіи не существуетъ. Она явилась слѣдствіемъ порядка вещей, искусственно созданнаго завоеваніемъ. Соціальныя отношенія Ирландіи, созданныя ея историческимъ развитіемъ, въ особенности неограниченная частная собственность немногихъ лицъ на землю—вотъ истинныя причины ирландской нищеты. Поэтому ирландцу нечего пѣсть, поэтому онъ голодаетъ, въ то время какъ Ирландія вывозитъ жизненные припасы.

Ясно, что прославленное англійскими политиками и экономистами средство—выселеніе ирландцевъ изъ Ирландіи—не поможетъ, да и не можетъ помочь противъ этихъ золъ, хотя за 30 лѣтъ населеніе Ирландіи уменьшилось на 3 милліона, тѣмъ не менѣе положеніе народа не улучшилось, какъ полагаютъ, а ухудшилось. Площадь картофельныхъ полей въ 1858 г. занимала еще 1.159.707 акровъ, а въ 1873 г. она уменьшилась до 903.282 акровъ, въ тотъ же промежутокъ времени площадь, засѣянная зерновыми хлѣбами, сократилась съ 2.786,828 акровъ до 1.936.824. Годовая стоимость продуктовъ земледѣлія въ 1856—59 гг. въ среднемъ равнялась 39.437.000 ф. стерлинговъ, въ 1861 г. она упала до 34.896,000, въ 1861—62 до 20.770.000, въ 1862—63 гг. до 27.327.000 ф. стерлинговъ.

Эмиграція стало быть оказалась негоднымъ средствомъ для борьбы съ ирландской нуждой. То, что англійскіе государственные мужи рекомендуютъ ее прежде всего, —понятно потому, что она не требуетъ никакихъ жертвъ

ни отъ государства, ни отъ господствующихъ классовъ.

Но съ другой стороны можно-ли ожидать успѣха отъ средствъ предложенныхъ и испытанныхъ самими ирландцами. Мы выше видѣли, какъ ирландскій народъ отъ времени до времени, соединившись въ тайные союзы въ родѣ Гуайтбоевъ и другихъ, возставалъ противъ своихъ угнетателей; но такъ какъ эти союзы не имѣли никакой политической или соціальной программы, такъ какъ они возникали для борьбы съ временной нуждой и вмѣстѣ съ ней исчезали, они не могли привести ни къ какимъ серьезнымъ послѣдствіямъ.

Но на ряду съ этими возстаніями, съ начала прошлаго вѣка возникаетъ политическое движеніе, опиравшееся на арендаторовъ и рабочихъ, и руководимое собственниками, какъ это бывало и въ другихъ странахъ. Понятно, это законное парламентское движеніе не ставило себѣ другихъ цѣлей помимо предоставленія владѣтельнымъ католикамъ тѣхъ же правъ, которыми обладали владѣтельные протестанты. Насколько при этомъ принимались во вниманіе интересы народа, можно судить по личности главы этого движенія, О'Коннеля, адвоката, о дѣятельности котораго какъ миддльмена мы уже упоминали и который за свою дѣятельность въ качествѣ борца за свободу получалъ довольно приличное вознагражденіе, собранное отъ бѣдствующаго народа путемъ національной подписки. Ежегодно этотъ господинъ получалъ кругленькую сумму, такъ напр. въ 1831 г. онъ получилъ 26.000 фунт. стерл., въ 1832 г. «только» 12.533 фунта стерлинг. (поразительно мало), въ 1833—13.908 фун. стерл. въ 1835 г.—20.189 и т. д.

Самою важною уступкой, къ которой онъ принудилъ англійское правительство своею агитаціей — была законодательная эмансипація католиковъ, даровавшая имъ право засѣдать въ парламентахъ и занимать всѣ должности и въ общественныхъ учрежденіяхъ за исключеніемъ должности лорда-канцлера. Какъ тѣмъ такъ и другимъ пра-

вомъ могли воспользоваться только владѣтельные ирландцы: первымъ—благодаря высокому избирательному цензу,— вторымъ—потому что, при жалкомъ положеніи ирландскихъ школъ, только дѣти состоятельныхъ ирландцевъ могли пріобрѣтать знанія, необходимыя для отправленія должностей.

Столь же мало, какъ и эта побѣда, облегчило бы положеніе ирландскихъ фермеровъ и уничтоженіе уніи соединявшей Англію съ Ирландіей, котораго добивалась основанная О'Конеллемъ Repeal Association. Но давно извѣстно, что народъ въ достиженіи національной независимости видитъ такой вѣрный выходъ изъ своего тяжелаго экономическаго положенія, что у него и не зарождаются сомнѣнія относительно своихъ «избавителей». Поэтому не цѣли О'Конелля, создали ему среди его соотечественниковъ оппозицію, а его тактика, то, что онъ всегда оставался на почвѣ закона. «Молодая Ирландія» возникшая послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1847 г., получила перевѣсъ надъ сторонникамм умѣреннаго направленія. Благодаря возбужденію, вызванному ужаснымъ голодомъ и событіями 1848 года, это радикальное направленіе, агитировавшее за насильственный разрывъ уніи съ Англіей, распространялось все болѣе и болѣе, народныя массы вооружались и обучались владѣть оружіемъ. Но кончилось все это тѣмъ же, чѣмъ всегда кончалось въ Ирландіи: правительство употребило силу раньше, чѣмъ созрѣло возстаніе, и достаточно было первого пораженія, чтобы задушить все движеніе.

Часть ирландцевъ отчаялась въ возможности когда-либо добиться сноснаго существованія въ Ирландіи, и началось массовое выселеніе въ Америку. Но многіе переселялись съ мечтою возвратиться въ подходящій моментъ, извнѣ подготовивъ революцію въ своей родинѣ. Это стремленіе породило возникновеніе въ 1861 г. въ Соединенныхъ Штатахъ Союза Феніевъ. Этой тайный союзъ быстро окрѣпъ, вскорѣ создалъ свои развѣтвленія въ Ирлан-

діи и даже въ Англіи и вербовалъ своихъ членовъ даже въ средѣ чиновниковъ и въ арміи. Союзъ могъ бы стать опаснымъ, если бы англійское правительство и на этотъ разъ не было освѣдомлено шпіонами и не приняло бы самыхъ энергичныхъ мѣръ, бывшихъ въ его власти, раньше, чѣмъ приготовленія заговорщиковъ были закончены. Тѣмъ не менѣе феніанское движеніе не осталось безрезультатнымъ. Вслѣдствіе арестовъ и осужденій феніевъ по обѣ стороны канала Св. Георгія всѣ ирландцы были крайне раздражены. Къ этому присоединилось еще то, что руководители союза находились не въ Ирландіи, а въ Америкѣ и были поэтому внѣ власти англійскаго правительства. Если они не могли создать всеобщаго движенія, то своими смѣлыми ударами сумѣли привести въ ужасъ англійскую публику и довести возбужденіе ирландцевъ до угрожающаго состоянія. Тогдашнее министерство Дизраэли не знало никакихъ другихъ средствъ для подавленія народнаго возмущенія, кромѣ полиціи. Но такъ какъ дѣятельность полиціи оказалась безуспѣшной, и въ то же время опасались симпатіи ирландцамъ со стороны англійскихъ рабочихъ союзовъ, то всеобщій страхъ овладѣлъ всѣми власть имущими и раздался всеобщій крикъ, въ пользу ирландскихъ реформъ, которымъ Гладстонъ умѣло воспользовался, какъ лозунгомъ. Нежеланіе провести эти реформы послужило тогда причиной паденія министерства Дизраэли, мѣсто котораго заняло министерство Гладстона (2 декабря 1868 г.). Это министерство провело ирландскія реформы и парализовало этимъ жизненный нервъ феніанизма, который съ этого времени зачахъ и уступилъ мѣсто новой легальной партіи—Гомрулеровъ. Но какъ ничтожны были уступки, сдѣланныя Ирландіи. Въ 1869 г. былъ принятъ ирландскій церковный билль, согласно которому имущество англиканской церкви, награбленное у ирландскаго народа, должно было быть секуляризовано при чемъ епископальному духовенству «въ вознагражденіе» была обезпечена рента соотвѣтствовавшая капиталу почти въ 5.000.000 ф.

стерл. Если прибавить сюда еще и другіе доходы, то изъ 16 милліоновъ—девять было оставлено на долю англиканскаго духовенства, хотя въ католической Ирландіи у него было слишкомъ мало дѣла. Остатокъ въ 7 милліоновъ ф. стерл. долженъ былъ быть употребленъ на постройку больницъ, исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ преступниковъ и т. д. Ясно, что все это ничуть не помогло ирландскому народу. Но мѣра эта очень хитро была придумана: тѣмъ, что англиканская церковь перестала быть государственной, было удовлетворено католическое духовенство и изъ противо-правительственнаго агитатора оно стало сторонникомъ порядка, каковымъ и засвидѣтельствовало себя въ критическое время.

Сперва состоятельные классы добились удовлетворенія своихъ требованій, теперь было удовлетворено католическое духовенство; и неужели ирландскій арендаторъ, рабочій, исключительно благодаря помощи котораго, все это было достигнуто, могъ остаться неудовлетвореннымъ? Нѣтъ, и ему либеральное министерство подало милостыню въ видѣ ирландскаго земельнаго билля, который долженствовалъ возвратить Ирландіи миръ и спокойствіе и начать новую эру; такъ говорилъ по крайней мѣрѣ Гладстонъ. Въ чемъ же заключалась эта «радикальная» реформа? Она прочно устанавливала, что землевладѣлецъ не имѣетъ права эксплуатировать арендатора по своему произволу, какъ это было прежде, но онъ долженъ имѣть для этого законное основаніе. Итакъ теперь арендаторъ могъ быть выгнанъ только на основаніи закона. Причины выселенія не были устранены, но только подведены подъ параграфъ; арендные договоры были дѣйствительны только до тѣхъ поръ, пока арендаторъ платилъ ренту, а такъ какъ конкуренція арендаторовъ, которая, конечно, должна была остаться неприкосновенной, всегда настолько повышала аренду, что арендаторъ дѣлался должникомъ собственника тотчасъ по заключеніи договора—то по прежнему почти каждый арендаторъ могъ быть изгнанъ. Но *законъ* для защиты арен-

датора все-же былъ изданъ!

Къ сожалѣнію арендаторъ такъ упрямъ, что не хочетъ видѣть пользы подобнаго «закона» и требуетъ дѣйствительной реформы имущественныхъ отношеній Ирландіи. Эту цѣль и ставитъ себѣ современное аграрное движеніе въ Ирландіи. Если ему суждено быть [illegible] болѣе продолжительнымъ, чѣмъ бывшіе до сихъ поръ голодные бунты, исчезавшіе вмѣстѣ съ самою крайнею нуждой, если оно будетъ достаточно сильно, чтобы перерасти партію гомрулеровъ, которые не ставятъ себѣ другой цѣли, кромѣ самостоятельнаго парламентскаго управленія Ирландіи, то нужно ожидать, что Ирландія и даже Великобританія будутъ охвачены грандіознымъ движеніемъ. Какой характеръ будетъ имѣть это движеніе, будетъ-ли ирландскій вопросъ снова камнемъ преткновенія для министерства Дизраэли, возникнетъ-ли снова, благодаря требованію ирландскихъ реформъ, министерство Гладстона, будетъ-ли ирландское движеніе играть роль при разрѣшеніи восточнаго вопроса, разрѣшить теперь всѣ эти вопросы могъ бы [illegible] развѣ лишь очень смѣлый политикъ.

Съ полнымъ основаніемъ можно сомнѣваться [illegible] въ томъ, что ирландскій народъ дошелъ до конца своихъ страданій; вѣрно лишь то, что теперь требуя реформъ имущественныхъ отношеній, онъ стоитъ на единственно правильномъ пути, который выведетъ его изъ трясины нищеты. Изъ всего предыдущаго ясно, почему ирландскій народъ бѣдствуетъ: у него отняли его землю, и онъ не можетъ выйти изъ нищеты, пока ему не возвратятъ ее. Могутъ быть разныя мнѣнія относительно того, какимъ образомъ должно быть совершено это возвращеніе земли. Путемъ-ли экспропріаціи или выкупа? Можно быть также различнаго мнѣнія относительно того, должна-ли быть земля возвращена народу, какъ цѣлому, которому она прежде принадлежала или она должна быть распредѣлена между отдѣльными арендаторами, которымъ она никогда не принадлежала, или, наконецъ, можетъ быть для арендаторовъ

было бы выгоднѣй изъ арендаторовъ частныхъ земель стать арендаторами земель государственныхъ, либо превратиться въ собственниковъ земли, воспользовавшись всѣми выгодами частнаго владѣнія, но также и испытавъ на себѣ всѣ невыгоды его для людей безъ средствъ, каковыми являются почти всѣ ирландскіе арендаторы. Обо всемъ этомъ можно спорить, но для безпристрастнаго наблюдателя является неоспоримымъ то, что только путемъ радикальной реформы поземельныхъ имущественныхъ отношеній можно разрѣшить или, по крайней мѣрѣ сдѣлать возможнымъ разрѣшеніе ирландскаго вопроса, даже больше—только эта реформа и разрѣшитъ его.

Опечатка: на страницѣ 14 строка 21 напечатано—...въ октябрѣ 1846 г.
„ „ „ „ слѣдуетъ читать „ „ 1646 г.

RETURN TO ~~CIRCULATION DEPARTMENT~~ 202 Main Library NRLF

LOAN PERIOD 1 HOME USE	2	3
4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS

Renewals and Recharges may be made 4 days prior to the due date.

Books may be Renewed by calling 642-3405

DUE AS STAMPED BELOW

SENT ON ILL

SEP 2 1 1993

U. C. BERKELEY

MAY ?

MAY ?

FORM NO. DD6

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
BERKELEY, CA 94720

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C042466710